

Абдуллаев Камолудин Нажмудинович

ОТ СИНЬЦЗЯНЯ ДО ХОРАСАНА

**Из истории среднеазиатской эмиграции
XX века**

Душанбе «ИРФОН» 2009

ББК63.3(2 Тадж)+66.4

А - 50

А-50 Абдуллаев К. Н.

От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. - Душанбе: "Ирфон", 2009.

Книга представляет собой первую в постсоветской историографии попытку изучения истории среднеазиатской эмиграции советского периода. Основное внимание уделено почти миллионной массе таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов, а также русских, вытесненных революцией за рубежи своей родины - в Афганистан, Западный Китай, Иран, Британскую Индию и Турцию в 1917-1934 гг. Заключительная глава затрагивает также основные моменты военной эмиграции 1941-1945 гг., период "холодной войны", войны в Афганистане 1980-х гг., и доводит исследование до начала 2000-х гг. В исследовании делается попытка вскрыть причины, вызвавшие исход; даны основные этапы эмиграции; показано расселение эмигрантов за рубежом; представлен их количественный и национальный состав; изучена история эмиграции в стране пребывания; политические течения, а также; попытки возвращения на родину. Книга предназначена для всех, интересующихся историей Центральной Азии.

А 0503000000 - 128 2007

М 501 (12) - 2007

ISBN 978-99947-55-55-4

ББК63.3(2 Тадж)+66.4

© Абдуллаев К. Н., 2009

От автора

Предлагаемое вашему вниманию исследование посвящено тысячам моих земляков, погибшим от голода и холода на горных перевалах Памира, Алая, Тянь-Шаня и Гиндукуша, утонувших в холодных водах Амударьи при переходах советских границ. Она посвящена тем, кого вытеснила революция и последовавшие за ней события недалекой советской истории. Ее можно было озаглавить: «Чья это история?» Забытые на родине, они сполна вкусили горький хлеб чужбины. Среднеазиатские эмигранты, разбросанные сегодня по всему миру, все еще чувствуют себя нашими соотечественниками. Многими из них движет не просто сочувствие к своим землякам, но и горячее желание более активно включиться в экономическую и культурную жизнь той страны, которую они считают своей Родиной. Хотелось бы, чтобы эта книга способствовала развитию этого процесса взаимного сближения, культурный аспект которого представляется мне наиболее важным. Автор надеется, что исследование этой “позабытой истории” только начинается.

Основное внимание в книге уделяется 1920-м и 1930-м гг. В этой связи необходимо сказать несколько слов научно-этического плана. В советские годы тема “Установление Советской власти и гражданская война” была не столько научной, сколько политической. Все это время считалось, что почва, питающая антисоветские настроения в Средней Азии не исчезла, а эмигранты считались бывшими, действующими или потенциальными противниками Советской власти. Поэтому, идеологические структуры, в том числе и историческая наука, были призваны, соответствующим образом интерпретировать события прошлого. Советским историкам, в том числе и автору этих строк, приходилось “разоблачать”, “бороться”, “воспитывать в духе” и т. п. Причем делалось это совершенно искренне. Так же искренне многие историки советского периода искали новые подходы, не заходя, впрочем, слишком далеко за рамки консервативно-охранительного направления историографии. Что заставило автора пересмотреть свои взгляды? Если сказать кратко, то изменение политического климата в мире и доступ к новым, доселе неизвестным источникам и литературе. Надеюсь, непредвзятый читатель поймет, что речь идет не об очередном простом “перекрашивании истории” (на протяжении своей недолгой истории среднеазиатская историография подвергалась не одному такому “перекрашиванию”!). В настоящем исследовании речь пойдет о естественном и необходимом для цивилизованных народов уважении к самому себе, своему прошлому, в котором каждый человек имеет непреходящую ценность и заслуживает от потомков элементарного внимания. Автор постарается дать максимально объективную картину некоторых событий истории Средней Азии XX века, оставляя читателю право сформировать собственное отношение к прочитанному.

Подготовка книги началась 20 лет назад, во время перестройки. Это было время, когда снимались все запреты и открывались спецхраны с новыми источниками. Очень скоро автор пришел к выводу, что тема “среднеазиаты за пределами советской Средней Азии” интересует не столько советских, сколь-

ко западных авторов. По этой причине, ему пришлось заниматься западной литературой и источниками. Автору повезло в том, что он был дважды удостоен почетной стипендии Информационного Агентства США по программе В. Фулбрайта и провел первую половину 1994 г. в Университете Джорджа Вашингтона (George Washington University, Washington D.C.) где он получил помощь и поддержку профессора Мюриель Эткин. Тогда же, редактор журнала "Central Asian Monitor" Дэвид Нолл, проявив живую заинтересованность к моей работе, опубликовал в своем журнале мою статью под названием "Среднеазиатская эмиграция в Афганистане: первая волна, 1920-1931 гг.". Эта статья вошла в настоящую книгу. Весной следующего, 1995 года, автор получил стипендию Института передовых русских исследований имени Кеннана при Центре имени Вудро Вильсона, (Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Washington D.C.). Автор приносит большую благодарность сотрудникам Института Кеннана и Библиотеки Конгресса США за их неоценимую помощь в подготовке монографии. В октябре 1996 г. по приглашению Британской Академии автор находился в Лондоне. При содействии Школы востоковедения и африканистики (SOAS) Лондонского университета и при личном участии профессора Ширин Акинер, автору посчастливилось работать в Британской Библиотеке и, что самое главное, собрать ценнейшие материалы Архива Индийского Офиса (India Office Library) - правительственного органа, курировавшего колонии Великобритании, а также из Публичного архивного хранилища (Public Record Office). Во время встреч в Таджикистане и США автор получал дружескую поддержку и помощь американских коллег: профессоров Иден Наби и Ричарда Фрая из Гарварда, Томаса Барфилда из Бостонского университета, Назифа Шахрани из Университета Индианы (Блумингтон), своего немецкого друга и коллеги Райнхарда Айзенера (Берлин) и многих других. Выбору темы автор во многом обязан публикациям американского этнографа Одри Шалински. Ее статьи и, особенно, подаренная ею книга "Долгие годы изгнания. Среднеазиатские беженцы в Афганистане и Пакистане", явились неоценимым подспорьем в написании настоящей работы. Особую благодарность хотелось бы выразить узбекскому журналисту Набиджону Бокиеву, щедро поделившемуся в 1989 г. копией материалов из архива КГБ Узбекистана по уголовному делу Ибрагимбека (лидера басмачей Восточной Бухары). Автор имел возможность общаться с профессором университета Коч (Турция) Тимуром Ходжаоглу - сыном бывшего председателя Бух ЦИК Усмана (Османа) Ходжаева, и получать от него ценные материалы о деятельности туркестанской эмиграции. Летом 2008 г. в Стамбуле лидер узбеков Турции Ахат Андижан подарил мне свою книгу «Туркестан сражается за границей. От джадидизма до независимости», которая послужила ценным пособием для написания данной монографии. Автор неоднократно встречался со среднеазиатскими эмигрантами – Рузи Назаром (в США) и Баширом Баглани (в Таджикистане), которые поделились своими воспоминаниями. Незабываемой была встреча с талантливой журналисткой Шукрией Олими Раад – дочерью последнего эмира Бухары, проживающей ныне в США.

Значительная организационная и информационная поддержка была получена от американских коллег из Йельского Университета (Yale University, New Haven, Connecticut), Государственного Университета Огайо (Ohio State

University, Columbus, Ohio), колледжа Аллегейни (Allegheny College, Meadville, Pennsylvania) и Университета Торонто (University of Toronto, Canada) во время преподавательской и научной работы автора в указанных учебных заведениях в 2001-2009 гг.

Неоценимая помощь была получена и от таджикских ученых. В первую очередь необходимо отметить поддержку ныне покойных академиков Мухамада Асими и Ахрора Мухторова. Автор также признателен таджикскому востоковеду Саиданвару Шохуморову, предоставившему материалы Национального архива Афганистана, а также ученому, журналисту и дипломату Сайфулло Саидову, который во время своих командировок в Афганистан в 1960-1980 гг. собрал немало материалов о таджиках и узбеках Афганистана. Мой близкий друг и коллега Бахадур Буриханов также собирал ценные источники и наблюдения во время работы в Афганистане в 1980-1990-х гг. и щедро делился ими со мной. Центр изучения таджиков мира при Таджикском национальном университете, руководимый профессором Мансуром Бабахановым, внештатным научным сотрудником которого является автор, также оказывал помощь в подготовке настоящего исследования. Информационная поддержка была также оказана агенством ferghana.ru во главе с Даниилом Кисловым, которое опубликовало на своем сайте несколько разделов настоящей книги. Талантливый таджикский литературовед и переводчик Азим Аминов прекрасно перевел некоторые стихи, включенные в книгу. Техническую помощь в настоящей публикации оказали Далер Маннонов и Юнусхон Бузургхонов.

Публикация книги была осуществлена за счет гранта, предоставленного Фондом Среднеазиатских Исследований при Ассоциации Персоязычных Обществ (США). Всем тем, что может показаться ценным в этой книге, автор обязан перечисленным персонам и организациям. Все недостатки книги автор просит отнести на свой счет.

This study was supported through various grants awarded by the U. S. Department of State, including Fulbright (in 1994 and 2005), Kennan Institute for Advanced Russian Studies (1995), and Sumitomo Bank (2001-2002). Publication of this book was funded by the Association for the Study of Persianate Societies, Central Asian Research Fund (CERF). The opinions expressed herein are of the author and do not necessarily reflect those of U. S. Government.

Условные сокращения

БКП	Бухарская коммунистическая партия
БНСР	Бухарская народная советская республика
КГБ	Комитет государственной безопасности
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
НКОТ	Национальный комитет объединения Туркестана
РКП (б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Федеративная Советская Социалистическая республика
САВО	Среднеазиатский Военный Округ
СНК	Совет народных комиссаров
ТАССР	Таджикская Автономная Советская Социалистическая республика
ТНО	Туркестанское национальное объединение (Туркистон милли бирлиги)
ЦК	Центральный комитет

Архивы

РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
РГВА	Российский Государственный военный архив
ГАРТ	Государственный архив Таджикистана
АКПП	Архив Коммунистической партии Таджикистана
IOL	Архив Индийского Офиса (India Office Library)
PRO	Публичное Архивное хранилище (Public Record Office)

Карты подготовлены автором, а фото взяты из его личного архива, а также из коллекции С. М. Прокудина-Горского <http://prokudin-gorsky.ru/> В качестве иллюстраций использованы также фотографии Вильгельма Рика (Wilhelm Rieck) побывавшего в Афганистане в 1929 г. Фото выложены на сайте <http://ww.darulaman.de/> Автор выражает свою благодарность авторам указанных сайтов за прекрасно подготовленные фотографии. Три фотографии взяты из книги Andican, Ahat. *Turkestan Struggle Abroad: From Jadidism to Independence*. SOTA Publications, 2007.

Моим родителям -
Наджимиддину Ходже и Фотимахон
посвящается

Оглавление

ОТ СИНЬЦЗЯНЯ ДО ХОРАСАНА. ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА	10
ВВЕДЕНИЕ	10
Цель и задачи исследования	10
Литература	19
Основные источники	50
Глава I: "Большая игра": истоки будущей трагедии	57
Туркестан и Бухара в расчетах игроков	57
Этнический состав Туркестана и Бухары	67
"Игры" в Синьцзяне и Семиречье	81
Средняя Азия и новый мировой порядок	90
Глава II: ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ	102
Брожение в Туркестане, Закаспии и Семиречье	102
Первые политические организации	105
"Кокандская автономия": надежды и разочарования	107
Бухара накануне падения	117
Снова "Большая игра"?	128
Афганистан и революционная Средняя Азия	137
Глава III: ВОЙНА	149
"Форпост восстаний и революционных войн Востока"	149
Революция в песках	152
Бухарская "революция" и бегство эмира	160
Восточная Бухара: очаг сопротивления	179
"Летучий голландец Востока"	198
Энвер Паша в Восточной Бухаре или крах "Исламинтерна"	211
Конец бухарского басмачества	233
Басмачи Хорезма	251
Изменения на родине: размежевание и "культурная революция"	252
Реэмиграция	259
Неудача организации общенационального движения и эмиграция	260

ГЛАВА IV: БЕЛЫЕ АРМИИ В ВОССТАВШЕМ СИНЬЦЗЯНЕ	267
"Vae Victus!"	267
Российская эмиграция в Западном Китае	277
"Красный Синьцзянь": за и против	285
Смерть атамана	291
Белоказаки на "Шелковом пути", или последняя кампания Семиреченской армии	294
Конец Южной и Оренбургской армий	301
Русские в чужой войне	309
Тюркско-Исламская Республика Восточный Туркестан	328
Вмешательство СССР и конец Ма Джунина	334
Глава V: ЖИЗНЬ И БОРЬБА МУДЖАХИДОВ И МУХАДЖИРОВ В АФГАНИСТАНЕ	339
Приграничные проблемы	339
Расселение и состав	343
Политические течения	366
Бачаи Сако и эмигранты	386
Антисоветские действия эмигрантов во время правления "сына водоноса"	410
Конец правления Бачаи Сако и восшествие Надир Шаха	417
Мечь Надира, или "джанги лакай"	420
Возвращение	442
Глава VI: ДОЛГИЕ ГОДЫ ИЗГНАНИЯ	451
Пори дарье (за рекой)	451
Снова беженцы?	470
Одиссея киргизов Малого Памира	476
Туркестанцы в Европе	483
Русские в Синьцзяне: эпилог	510
От Восточно-Туркестанской Республики к Синьцзянь-Уйгурскому Автономному району	512
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	521
Приложения	530
Хронология	535
Использованная литература	544

ОТ СИНЬЦЗЯНЯ ДО ХОРАСАНА ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА

Введение

Цель и задачи исследования

Миграция, вызванная различными причинами, предпринятая на различные расстояния, в различные периоды истории, сама по себе представляет собой универсальный феномен мировой истории. В среднеазиатском, да и в мировом аспекте вопросы миграции (переселения) народов являются, пожалуй, ключевыми и наименее исследованными. Достаточно упомянуть арийские, тюркские, гуннские и другие великие миграции. Они имели последствия поистине планетарного масштаба, изменив кардинально общество и окружающую среду. В этом плане, предмет настоящего исследования - а именно среднеазиатская эмиграция XX века остается слабо известным феноменом мировой истории.

Историческая судьба народов Средней Азии сложилась так, что территории, на которых они проживают, оказались в государствах с различной, порой противоположной политической ориентацией - республиках бывшего СССР, Афганистане, Иране, Китае, Пакистане. Для многих наших соотечественников - Афганистан, Западный Китай, северо-восточный Иран - места их традиционного проживания, их родина. При этом, только в пяти независимых государствах Средней (или как ее стали называть – Центральной) Азии – Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и Киргизстане в ранний период Советской власти народы региона стали государствообразующими (титულными). Если считать Таджикистан родиной всех таджиков, Узбекистан - родиной узбеков, Киргизстан – киргизов и так далее, то среднеазиатов, проживающих за пределами соответствующих им титульных стран, можно назвать ирредентой (невоссоединенной нацией)¹. К ирреденте могут быть отнесены таджики, проживающие вне Таджикистана – в Узбекистане, Афганистане,

Китае, а также узбеки Афганистана и Таджикистана, киргизы, казахи

¹ См: Мендикулова Г. М. *Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие*. Алматы: Гылым, 1997.С.24.

и таджики Китая, туркмены Ирана и Афганистана и т. д. Ирредента всегда жила там, где она живет и может проживать и далее, если не почувствует национального притеснения, которое может вызвать у нее желание идентифицироваться с соответствующим ей национально-государственным образованием. Ирредента живет в основном на территориях, смежных с государством, где проживают ее соотечественники.

Ирредентизм – это идеологическое и организационное выражение сочувственного интереса какой-либо государствообразующей этнической группы к представителям той же группы, проживающей за пределами государства, в котором представители данной этнической группы являются титульными. Умеренный ирредентизм зачастую выражается в желании защитить и поддержать соотечественников, проживающих за рубежом.² Экстремальный же ирредентизм нацелен на аннексию территорий проживания ирреденты.³ В Средней Азии принципиальным источником ирредентизма является этнический национализм, а также пан-движения - пан-туркизм и, в меньшей мере, паниранизм. Эти идеологии выступают за некое объединение (культурное, политическое) этнических групп, имеющих единые (реальные или вымышленные) корни.⁴

Наряду с ирредентой существуют и те, кто не по своей воле оказался оторванным от привычной среды обитания. Они помнят, что их настоящая родина там, “за рекой”. Река в данном случае означает разъединительную линию в виде государственной границы. Таких людей, по разным причинам оторванных от исторической родины и живущих за ее пределами на положении национальных меньшинств, принято называть диаспорой, а социально-политический феномен, вызвавший исход этих людей и переселение в другие страны - эмиграцией.

Эмиграция - это трагедия вынужденного расставания с родиной, в которой произошли изменения, сделавшие невыносимыми дальнейшее проживание в ней. Чаще всего это насильственная смена политического строя. Изгнанные революцией 1917-го, и последовавшей войной 1920-х гг., мусульмане Средней Азии не приняли новую власть, но они не думали отказываться от родины. Где бы они ни оказались, они помнили, что их родина там, «пори дарье» (на персидском: «за рекой», «заречье»), то есть утерянная, или

² Поддержкой соотечественников, проживающих за рубежом занимаются специальные общества, открывшиеся повсеместно в регионе после обретения независимости. Председателями этих обществ, как правило, стали сами президенты стран Центральной Азии.

³ К умеренному ирредентизму можно отнести таджикско-узбекский диспут о Самарканде и Бухаре, а к экстремальному – конфликт из-за Нагорного Карабаха, приведший к войне между Азербайджаном и Арменией. Об ирреденте см.: Jacob M. Landau. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press: 1995.

⁴ Если представить, что международные отношения это скоординированная на договорной основе система самосохранения государств, то ирредентизм чаще сдерживается как нежелательный и чреватый конфликтами феномен. И, наоборот, в международном порядке, где «каждый за себя», проявление ирредентизма более вероятно. Ирредентизм также может проявляться в контексте права наций на самоопределение.

так и не обретенная родина. Чего скрывать, есть и такие, кто считает «пори дарье» похищенной, обесчещенной и завоеванной родиной.

Любое обращение к эмиграции вызывает одни и те же вопросы: кто эмигрировал, откуда, куда, как и почему? Какие последствия вызвал исход народа из родной земли и приход в чужую страну?

В случае со среднеазиатской эмиграцией уместно рассматривать ее как социально-политическое, и в то же время, религиозно мотивированное действие. Мусульманские передвижения, такие как «хадж» (паломничество), «хиджра» (эмиграция), «рихла» (путешествия за знаниями и по другим целям) и «зияра» (поклонения гробницам и усыпальницам) имеют глубокий духовный смысл. Хиджра с арабского переводится как “покидать”, “рвать связи с кем-либо” или “эмигрировать”. Хиджра - то есть эмиграция Пророка Мухаммада и его последователей в 622 г. - превратилась в одну из основополагающих мусульманских традиций. Причиной хиджры были преследования мусульман в Мекке и заговор против самого Пророка, сделавшие жизнь мусульман в Мекке невыносимой. Спасение было найдено в соседнем Ятрибе. Вместе с Пророком эмигрировало около 70 мекканцев. В следующие годы еще большее количество мусульман покинуло Мекку и присоединилось к Мухаммаду. Эти люди и стали называться «мухаджирами», то есть теми, кто совершил хиджру. В Ятрибе, который стал отныне Мединой, Мухаммаду удается сделать то, что не удавалось другим арабам - объединить людей не по кровнородственному признаку, а по идейным, религиозным принципам. Его поддержали не только мусульмане, но и христиане, иудеи. Вместе они составили невиданную для кочевых арабов экстра-племенную общность – умму. Когда к мухаджирам присоединился дядя Пророка ал-Аббас, то Мухаммад, назвав его «последним мухаджиром», двинул мусульманское войско в поход на Мекку.⁵ Именно с тех пор началась традиция хиджры - мусульманского летоисчисления, имея в виду то, что именно в 622 г. было впервые сформировано исламское общество и соответствующее ему государство.

Эта история привела к появлению следующей трактовки Корана, что если политическая обстановка не позволяет практиковать и пропагандировать ислам, то следует объявить страну «дар ул-харб» (то есть полем боя, вражеской территорией) и всему мужскому населению начать «джихад» (здесь: священную войну) против насильников⁶ и/или совершить хиджру, то есть всем покинуть родину.⁷ Исключение делалось для «заиф»

⁵ Glasse Cyril. *The Concise Encyclopedia of Islam*. Harper San-Francisco, 1999. 156-157.

⁶ При этом джихад должен был предпринят только при наличии шансов на успех. Другое важное условие: джихад должен прекратиться, после того как восстановлен порядок, неверные обращены в истинную веру или защищены от имени ислама. Джихад должен быть прекращен, если исламу ничего не угрожает.

⁷ Muhammad Khalid Masud, “The Obligation to Migrate: the Doctrine of *hijra* in Islamic Law,” *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*, ed. Dale F. Eickelman and James Piscatori Berkley - Los-Angeles: University of California Press, 1990, p 29.

(слабых) - женщин, детей и больных. Эмигрировав, предписывалось рвать все связи, включая кровнородственные с теми, кто отказался от хиджры. Вместо них, устанавливались новые братские связи, или «муа'хат» между «мухаджирами» (мигрантами) и «ансарами» (жителями Медины, то есть теми, кто оказал гостеприимство).⁸ Хиджра, таким образом, имеет принципиальное значение, а именно: 1) она означает обязательство не просто совершить перемещение с целью физического спасения, а для того, чтобы самоутвердиться в мусульманском обществе и способствовать его развитию; 2) хиджра тесно связана с джихадом. Очень часто хиджра сопровождается джихадом и наоборот; 3) хиджра укрепляет взаимоотношения между мусульманами, особенно между мухаджирами и ансарами. В этом плане хиджра представляет собой одну из основополагающих доктрин, призванных укреплять, защищать и развивать ислам.

Нетрудно заметить, что доктринально, хиджра противоречит светскому пониманию эмиграции и диаспоры. Хиджра, по сути, отрицает понятие национализма определенной этнической группы и родины как территории ее проживания. Хиджра поощряет разрыв отношений с теми соотечественниками, которые отказались поддержать ее. Взамен, религиозная доктрина предлагает мухаджирам слиться со страной изгнания на супранациональной – религиозной основе. В то время как (светская) диаспора отличается тем, что хранит и лелеет память о стране происхождения, испытывает в эмиграции чувство отчужденности и мечтает о возвращении на свою историческую родину. В отличие от мухаджирских групп, диаспоры склонны отождествлять себя скорее с покинутой родиной, чем со страной вынужденного пребывания. Типичная диаспора такого рода – еврейская и армянская.

Однако эту разницу между светской эмиграцией и хиджрой не следует абсолютизировать. Как правило, доктринальный ислам редко совпадает с историческим. Мусульмане, как и люди других религий, жили и живут в этнических группах, собранных в национальные государства. Будучи вынужденными покинуть родину как территорию проживания родственной этнической группы, они не прекращали любить ее, вспоминать о ней и мечтать о возвращении. В сознании мусульман религиозное никогда не подавляло национальное. Напротив, вера помогала им находить в себе силы чтобы выжить, укрепить свои позиции в новой обстановке и с оптимизмом смотреть в будущее.

Невозможно объяснять перипетии социально-политического развития мусульманского общества исходя исключительно из религиозных догм. Совершенно прав Дэйл Эйкельман говоря о “гибком исламе” и утверждая, что “мотивы действий вообще и в (мусульманских) передвижениях в частности, являются неизбежно смешением, представляя собой комби-

⁸ Ibid., 31.

нацию религиозных рассуждений с социальными и политическими факторами”.⁹ Так называемые «исламские» или «мусульманские» движения на самом деле являются социальными движениями, развивающимся в религиозном (исламском) культурном контексте и представляющими групповые интересы, к религии отношения не имеющие. Равным образом, политическое поведение, эмоциональные переживания и агрессивные императивы исходили (и исходят) не столько из религиозных догматов, сколько из культуры народа и прецедентов его истории.

“Хиджрат фарзу вочиб аст” (“эмиграция - святая обязанность”), говорили проповедники в мечетях в 1920-х гг., когда Среднюю Азию захватили большевики. Кстати, это была не первая хиджра, вызванная российской колониальной политикой. Первая была вызвана захватом Крыма в 1783 г. Следующая большая волна мусульманской эмиграции была вызвана Кавказской войной в середине XIX века. Большое количество мусульман различных национальностей бежали тогда из России в Оттоманскую империю. В конце 1880-х гг. турецкий султан был вынужден объявить империю открытой для всех мусульман, желающих туда переселиться. Общее количество мусульман, бежавших из России и Балкан в Оттоманскую империю между 1860 и 1914 гг. составило 5-7 миллионов человек.¹⁰

В идеале, хиджра, это “передвижение души из испорченной страны в чистую”¹¹. “Земная” мотивация (личные, общинные, экономические интересы, политические пристрастия, этнические и региональные факторы и т. д.) могут присутствовать в хиджре лишь в комбинации с главным императивом - стремлением к сохранению религиозной идентичности, укреплению и развитию ислама. Основная масса мусульман Средней Азии, как и преследуемые мусульмане Британской Индии, в 1920-х гг. устремились именно в Афганистан, и это также не случайно. После падения Оттоманской империи в результате Первой мировой войны, независимый Афганистан представлялся индийским и китайским мусульманам, бухарцам и туркестанцам единственной “чистой” мусульманской страной, живущей по законам шариата. Эта бедная страна не сулила никаких экономических благ, но могла дать больше - обеспечить восстановление духовного равновесия (или дать иллюзию такого равновесия), нарушенного вторжением «неверных». Соответственно, халиф Оттоманской Турции, а затем эмир Афганистана рассматривались как правители «дар ул-ислама» - общего дома для всех мусульман. Наилучшим же убежищем мухаджиры считали (и считают) святые города - Мекку и Медину. На протяжении всего

⁹ Karpat, Kemal H. “The *hijra* from Russia and the Balkans: the Process of Self-definition in the Late Ottoman State,” *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*, 5.

¹⁰ *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*, 131-133.

¹¹ *Ibid.*, xiv

ХІХ и ХХ веков сюда переселялась религиозная элита Средней и Южной Азии, Балкан, Кавказа и других регионов.

Естественно, идеальные представления эмигрантов об убежище очень скоро сталкивались с реальной жизнью, порождая новые переживания. Имеются в виду трудности, связанные с разницей в культуре, языке, расах, обычаях, сектах, с которыми неизбежно сталкиваешься внутри самого мусульманского сообщества. Кроме того, никакое «исламское» государство не застраховано от войн, революций и жестоких социальных потрясений. Варварство или «джахилия» - также не редкий феномен, встречающийся во всяком обществе, включая мусульманское.¹² Поэтому, для наиболее полного понимания феномена эмиграции, в том числе мусульманской, не следует упускать из вида влияние таких факторов как политика, язык, религия, этничность, расы и география Средней Азии.

Пользуясь современной терминологией, персонажей нашего исследования можно считать беженцами (refugees). Это слово начало употребляться во Франции в XVI веке в контексте предоставления убежища или помощи иностранцам, спасающимся от преследования. Позже, с 1950-х гг. годов термин «беженец» прочно вошел в словарь международных организаций. Согласно протоколу, утвержденному ООН в 1967 г., беженцем считается

«то (и только то) лицо, которое находится за пределами страны своей национальности... по причине того, что оно имело, или имеет все основания опасаться преследования из-за своей расы, религии, национальности, принадлежности к какой-либо социальной группе, а также вследствие выражения политического мнения или невозможности или опасности (выражения политического мнения)».¹³

В Европе ХХ века статус беженца предоставлял его обладателю известные права и надежду получить международную гуманитарную помощь. Попутно заметим, что массовый исход жителей российской части Средней Азии, вызванный революцией 1917 г., остался вне внимания международного сообщества, несмотря на неоднократные попытки их лидеров обратиться в Лигу Наций. Беженец обычно находился в более тяжелом положении, чем эмигрант. В отличие от беженцев, у эмигрантов, в известной мере, был шанс остаться на родине. Эмигранты покидали родину по политическим, идейным, экономическим и другим причинам, не в спешке. В отличие от беженцев, их жизни не угрожала непосредственная опасность.

¹² Джахилия или варварство означает предпочтение верховенства (*хакимия*) человека над человеком или служение человека другому человеку в большей степени, чем Аллаху - См: Sivan Emmanuel, *Radical Islam. Medieval Theology and Modern Politics*, New Haven and London: Yale University Press, 1990, 23-24.

¹³ Zolberg, Aristide R., Suhrke, Astri Sergio Aguayo, *Escape From Violence. Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World*. New York - Oxford: Oxford University Press, 4.

Очень непросто выяснить, к какой из вышеперечисленных категорий следует причислять персонажей настоящего исследования: кораническим мухаджирам, легально признанным эмигрантам или беженцам? Разумеется, все зависит от конкретного случая. Забегая вперед, укажем что определение «беженец» более уместно в отношении тех, кто бежал сразу после революции и во время гражданской войны. В то время как «эмигрантами» и «мухаджирами» следует считать покинувших СССР по политическим и иным причинам в период со второй половины 1920-х до начала 1930-х гг. Если первые бежали в спешке, спасаясь от угрозы конфискации имущества, а также физического уничтожения Красной Армией и новой властью, о которой они имели весьма смутное представление, то вторые ко времени своей эмиграции уже имели опыт проживания в СССР. Будучи не согласны с политикой Советской власти они, скорее осознанно, чем инстинктивно, покинули места своего традиционного проживания.

В целом, все указанные категории: беженец, эмигрант и мухаджир применимы к среднеазиатам, проживающим за пределами своих “титульных” стран. Так или иначе, все персонажи настоящего исследования идентифицировали себя или могут быть идентифицированы с современными государствами Средней Азии. Если не юридически, то эмоционально они были связаны с Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Казахстаном и Киргизстаном. Автор убежден: чтобы выполнить свое предназначение, национальные историографии независимых государств Средней (или Центральной) Азии должны максимально точно выяснить истинную картину того, что же произошло в их регионе в первой трети XX века. На этот период приходится наибольшие человеческие потери в истории народов региона. Необходимо выяснить причины исхода, статистику погибших, бросивших свои дома, перебравшихся в другие страны, вынужденно покинувших родину, порвавших святыне для каждого таджика, узбека, киргиза, казаха, туркмена семейные узы.

Предмет исследования эмиграции уникален, так как он связывает воедино историю «страны-поставщика» со «страной-получателем» эмигрантов. С этой точки зрения, история эмиграции – это неотъемлемая часть совокупной истории народов Средней Азии. Она связана со всеми ее веками - колонизацией, русскими революциями, установлением советского строя, образованием колхозов, раскулачиванием, борьбой с религией, репрессиями, войнами и т. д.

Кроме того, история эмиграции тесно связана со страной пребывания, а именно Афганистаном, Китаем, Ираном, Индией. Немало наших соотечественников оказалось также в Турции, Саудовской Аравии и других странах. Появление почти миллионной массы среднеазиатских эмигрантов в этих государствах не могло не оставить своего следа

в истории этих стран.¹⁴ Многие из них перебрались позже в Европу и Америку.

Под “среднеазиатской” эмиграцией в настоящем исследовании подразумеваются не только мусульмане, но и те российские граждане-немусульмане, которые бежали из региона Средней Азии в сопредельные страны. Это, главным образом, русские белогвардейцы и члены их семей, бежавшие из южной Сибири и Семиречья в Западный Китай (большая часть в Илийский край). Многие из них, будучи этническими русскими, украинцами и пр. были связаны своим происхождением со Средней Азией. К ним относятся семиреченские и оренбургские казаки. Другие, как побежденные белогвардейские генералы, стремились именно в этом регионе найти союзников, чтобы возобновить усилия по освобождению своей родины – России. Эмиграция не знала национального различия; она охватила все без исключения народы и этнические группы региона. Ее невозможно изучать с сугубо национальной – узбекской, русской, туркменской, казахской, таджикской или какой-либо другой – перспективы. К сожалению, историки региона не выработали единого подхода к своей общей истории. Сформировавшиеся еще в советское время “национальные историографии” базируются сегодня на действующем в государственных рамках эксклзивном этническом (негражданском) национализме настроенным скорее негативно, чем позитивно к соседним –нетитульным – народам. В результате, к началу XXI века историки Центральной Азии совершенно утратили способность слушать друг друга.

Актуальность темы настоящего исследования обуславливается не только сугубо пассионарным, познавательным и эмоциональным интересом к соотечественникам, проживающим за рубежом, но и соображениями более высокого – международного порядка, вызванными усилением процессов взаимодействия и взаимопроникновения различных культур, прежде всего стран Ближнего Востока, Центральной Азии, России и Китая. Страны и народы Центральной Азии, в том числе их диаспоры, могут и должны стать активными участниками диалога культур и гарантом стабильности и мира. Кроме того, объективное изучение истории эмиграции способно упрочить сотрудничество стран центральноазиатского региона с КНР, Афганистаном, Россией, Индией, Пакистаном, Ираном, США, Турцией, и другими странами проживания эмигрантов – выходцев нашего региона. И наконец, изучение истории Центральной Азии не с сугубо национальных, а с региональных позиций, предпринятое в настоящей книге, может бывшим братским советским республикам Средней Азии и Ка-

¹⁴ Среднеазиатские мухаджеры, проживавшие в странах Персидского залива были первыми, кто начал прибывать в Пакистан, чтобы помочь беженцам-жертвам советско-афганской войны 1979-1989 гг. По сей день «бухарцы» (то есть выходцы из Средней Азии) представляют значительную силу в кругах Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, поддерживающих религиозное возрождение в странах Центральной Азии.

захстана выработать чувство принадлежности к одному региону, связанному общим прошлым и неизбежно общим будущим.

Актуальность настоящей темы лежит не только в сфере международных отношений, но и затрагивает область сугубо национальных интересов стран Центральной Азии. Народам региона, строящим свою государственность, как никогда прежде необходимо укреплять свое внутреннее единство, осознавать себя народом, способным и достойным иметь собственную государственность. Только в сплочении, в вере в национальную уникальность и своеобразие в единстве с другими народами, среднеазиаты могут крепить свои идентичности, преодолевать эксклюзивный национализм, трайбализм и местничество.

Как уже указывалось, автор не ставил перед собой цели досконально исследовать историю среднеазиатской эмиграции 1918-1934 гг. Цель настоящего исследования: проследить историю и представить основные социально-политические характеристики этого феномена. Для этого в исследовании делается попытка вскрыть причины вызвавшие исход; дать основные этапы эмиграции; показать расселение эмигрантов за рубежом; представить их количественный и национальный состав; проследить историю эмиграции в стране пребывания, а также попытки возвращения на родину.

Еще несколько слов о терминологии. Исторические феномены очень часто обозначаются терминами, возникшими случайно. В дальнейшем они продолжают свою собственную жизнь, отрываясь от своего первоначального смысла. Таковую метаморфозу пережил и термин “басмач”. По-тюркски “босмак” означает «грабить», «притеснять». Сто лет назад «басмач» применялся в негативном тоне для обозначения уголовников и бандитов Средней Азии. Позже, в 1919 г. Советы ввели этот термин в русский язык для обозначения тех, кто с оружием в руках восстал против большевиков в Фергане. Интересно, что бухарские отряды появившиеся позже, в 1920-1921 гг. упоминались в советских источниках как “повстанцы”, и только после того как в Бухаре в 1922 г. появился турецкий авантюрист Энвер Паша, бросивший открытый вызов Советской власти, было объявлено, что антисоветское движение в Средней Азии (имелись ввиду Фергана и Бухара) имеет общие корни и является ни чем иным как “басмачеством”. Сегодня термин “басмач” вызывает противоречивые эмоции в России и Центральной Азии. Для многих, особенно тех, кто воспитан на советских традициях это все еще ругательный термин. В то время как другие избегают употреблять это слово, отдавая предпочтение более привлекательному: “повстанец”, “борец за свободу”, “муджахид” и т. п. Как бы то ни было, вооруженное сопротивление Советской власти в Средней Азии - это уникальный феномен, известный больше как “басмачество”. Было бы нелепо ради политической конъюнктуры отказываться от его употребления. Так же бессмысленно искать смысл явления исключительно в его лексическом выражении.

Теперь о выражении «Центральная Азия» и «Средняя Азия». Они идентичны, если относить их к Казахстану, Киргизстану, Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, а также к прилегающим областям северо-западного Китая (Синьцзяня), северного Афганистана и северо-восточного Ирана. В интересах исторического исследования, однако, более уместно называть этот регион так, как он назывался именно в изучаемый период – Средняя Азия (Central Asia). Термин «Центральная Азия» был введен в широкий обиход только в новейший период, начавшийся с достижения независимости в конце 1991 г.

Литература

Развал СССР и обретение независимости бывшими советскими республиками вызвал небывалый интерес к судьбам соотечественников, проживающих за рубежом – ирреденте и эмигрантам (чаще их называют объединительным термином – «диаспора»). Однако если история русской эмиграции достаточно изучена и продолжает изучаться, то среднеазиатская эмиграция послереволюционного периода как политическое, социальное и культурное явление почти неизвестна не только широкому читателю, но и специалистам-историкам. Распространенный в СССР излишне политизированный, враждебный взгляд на эмиграцию исключал саму постановку вопроса о причинах, вызвавших это явление, расселении, численности и национальном составе эмигрантов.

Тем не менее, к настоящему времени сложился достаточно обширный массив публикаций по заявленной теме. Имеющуюся научную литературу, посвященную истории выходцев из Средней Азии, бежавших в первые годы Советской власти в сопредельные страны - Западный Китай, Афганистан, Турцию и северо-восточный Иран можно разделить на следующие группы:

1. Западная литература
2. Советская литература
3. Мусульманская литература
4. Эмигрантская литература
5. Литература постсоветской Средней Азии и России.

Разумеется, предложенная, как и всякая другая, классификация, условна. Работы бывших джадидов, перешедших на сторону Советской власти, таких как С. Айни, А. Фитрат, например, находятся на грани между 2-й и 3-й группой, а книга современного пакистанского автора Фазл ал Рахим хан Морвата о басмачестве имеет много общего с западной литературой, хотя это, безусловно, мусульманский автор. Тем не менее, наша классификация поможет ориентироваться в большом массиве литературы по заявленной теме.

Западная литература. К ней относятся работы, вышедшие главным образом в Западной Европе и США на английском языке. История, этнография, социология народов, живущих в приграничной зоне юга Российской империи начали интенсивно разрабатываться европейцами с момента политического размежевания и раздела Внутренней Азии¹⁵, а именно в конце XIX—начале XX вв. В 1920-х гг. Оуэн Лэттимор, легендарный исследователь Синьцзяня, пожалуй первым назвал отличительную особенность Внутренней Азии, заключающуюся в необычайной пестроте региона. Здесь, писал Лэттимор в 1940-х гг., пролегают множество видимых и невидимых границ, определивших сложное политическое развитие этого региона, а именно:

1. культурные и языковые границы (здесь проживают тюрки, китайцы, монголы, иранцы, афганцы, тибетцы),
2. религиозные (ислам, буддизм, шаманизм, конфуцианство),
3. политические (независимые, полунезависимые страны, колонии, монархии),
4. цивилизационные (индустриализирующийся СССР, стремительно меняющаяся кочевая и животноводческая Монголия, древнее земледелие Китая и т. д.).

Все это дало Лэттимору основание назвать этот регион “стержнем Азии”, новым мировым центром притяжения - “водоворотом, в котором встречаются политические течения из Китая, России, Индии и мусульманского Среднего Востока”.¹⁶ Хотя с тех пор прошло много лет, и нет больше СССР, нет оснований сомневаться в справедливости утверждения Лэттмора о Средней Азии как “стержне Азии”.

Интерес Запада к Средней Азии периода революции и гражданской войны поддерживали и продолжают поддерживать работы бывших английских военных, дипломатов, разведчиков, служивших в конце XIX-середине XX веков на Среднем Востоке и Южной Азии. Это работы Эссертона, Бэйли, Малессона, Скрайна и других.¹⁷ Уйдя в отставку после распада Британской империи, эти господа занялись написанием воспоминаний, выступали на собраниях различных “центров изучения Средней Азии”.

¹⁵ Территорию, расположенную между Китаем и Россией - Манчжурию, Монголию, Тибет, Центральную Азию (включая Синьцзянь и Афганистан) зачастую в западной (преимущественно американской) литературе объединяют под названием “Внутренняя Азия” (Inner Asia). Иногда туда включают и Иран, на том основании, что исторически, географически и культурно Иран ближе к Средней Азии, нежели к Ближнему Востоку. См.: Black, Cyril E., Dupree Louis, Elizabeth Endicott-West, Matuszewski Daniel C., Naby Eden, Waldron Arthur N. *The Modernization of Inner Asia*. New-York - London: An East Gate Book M. E. Sharpe, Inc., 1991, 3.

¹⁶ Owen Lattimore, op.cit., 3.

¹⁷ Etherton P.F. *In the Heart of Asia*. London, 1925; Bailey, Lt.-Frederic M, *Mission to Tashkent*. London, 1946; Idem, “In Russian Turkestan Under the Bolsheviks”, *Journal of the Royal Central Asian Society* 8, pt.1(1921); Malleson, Sir Wilfred, “The British Military Mission to Turkestan, 1918-1920,” *Journal of the Royal Central Asian Society*. Vol. 9, pt.2 (1922):96-110. Skrine C. P. *Chinese Central Asia*. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 1926.

Они оставили немало откровенных признаний о политике английского правительства в Средней Азии. Их работы политически заостренны, написаны с позиций радикального антибольшевизма и сугубо субъективны.

По окончании гражданской войны и после поражения белого движения в России, в сопредельные районы Западного Китая и Афганистана стали проникать шведские, германские и даже японские путешественники и исследователи, оставившие после себя немало научной литературы. Особенно ценны труды западных антропологов и этнографов. В 1930-х гг. вышел ряд статей шведского дипломата и ученого Гунара Ярринга об узбеках Афганистана (ирреденте и эмигрантах). Его работы чисто этнографического плана, легли в основу последующих исследований западных исследователей.¹⁸

В целом, политическая история края вызвала больше внимания западных исследователей, чем социально-культурная. В этой связи следует упомянуть книги под названием «Записки чекиста», и «ЧК за работой», написанные участником событий 1920-х гг. в Средней Азии Георгием Агабековым. Она явилась ценнейшим источником для нескольких поколений так называемых «советологов» периода «холодной войны». Агабеков работал оперативным сотрудником ЧК Туркфронта (1922-1924 гг.). В качестве сотрудника иностранного (разведывательного) отдела ОГПУ (1924-1929 гг.) Агабеков был резидентом ОГПУ в Афганистане и Иране. В 1930 г. бежал на Запад.¹⁹

Во время заключительного этапа “холодной войны” один из виднейших советологов, специализирующихся по истории ислама в СССР, Александр Беннингсен (по происхождению эмигрант из России) подошел к проблеме приграничных территорий Средней Азии с другой стороны. Он обратил внимание на то, что значительная часть народов юга СССР проживает также за его рубежами - в странах Ближнего и Среднего Востока. Народы Советского Востока, утверждал он, обладают лишь формальным административным статусом, а их политическая и культурная жизнь находится под контролем русских. Исходя из этого, а также из того, что советское правительство не имело позитивной государственной политики в отношении соотечественников за рубежом, Беннингсен указал на относительность того, что мы привыкли считать “нацией”, “народностью” и поставил под сомнение существование национального центра таджиков, а также других среднеазиатов, в пределах советской части Средней Азии.²⁰ Рассуждения об искусственном характере южных границ СССР и о нали-

¹⁸ См. например: Jarring Gunnar. "The New Afghanistan" in *Svenska Orientsallskapets Arsbok*. Stockholm: Borkforlags Aktieboleget Thule, 1937:131-145.

¹⁹ Агабеков Г. *ГПУ. Записки чекиста*. Берлин, 1930. Агабеков Г. *ЧК за работой*. Москва: Книга, милосердие, просвещение, 1992. Агабеков был убит агентами НКВД в 1937 г. во Франции.

²⁰ Benningsten Alexandre and Broxup Mary. *The Islamic Threat to the Soviet State*. London and Canberra: Croom Helm Ltd.111.

чий родственных этнических общин по обе стороны советских границ, Александр Беннингсен подтверждал приведенной ниже таблицей:

Таблица 1

ПРИГРАНИЧНЫЕ НАРОДЫ ЮГА СССР²¹

В СССР		ЗА ГРАНИЦЕЙ	
Народы	Количество	Страны	Количество
Азербайджанцы	5,5 млн.	Иран	4,5 до 6 млн.
Туркмены	2,03 млн.	Иран, Турция, Афганистан	1 млн.
Таджики	2,9 млн.	Афганистан	4-5 млн.
Узбеки	12,5 млн.	Афганистан	1,5 млн.
Казахи	6,5 млн.	Китай	0,5 млн.
Киргизы	1,9 млн.	Китай, Афганистан	0,1 млн.
Уйгуры	210 тыс.	Китай	5 млн.
Дунгане	52 тыс.	Китай	4-5 млн.
Курды	116 тыс.	Иран, Ирак, Турция	6-8 млн.
Белуджи	13 тыс.	Пакистан, Афганистан, Иран	Несколько миллионов

С подачи Беннингсена в научных и политических кругах Запада начала циркулировать мысль о том, что мусульмане Средней Азии являются “ахиллесовой пятой” советского режима и что именно они инициируют распад советской империи и образование единого, тюркско-исламского государства. Однако, Беннингсен был прав не во всем.²² Тем не менее, его работы дали начало целому ряду историографических, этно-

²¹ Беннингсен, А. *Мусульмане в СССР*. Париж: УМКА-PRESS, 1983. С. 12.

²² “Теперь мы знаем точно, что мусульмане бывшей Советской Средней Азии не играли более или менее значительной роли в кончине коммунистического московского режима ... повидимому они поддерживают продолжение коммунистического правления в своих родных республиках”, признавал просчет советологов американский антрополог (узбек афганского происхождения) профессор Мухаммад Назиф Шахрани.- Shahrani M. N., “Central Asia and the Challenge of the Soviet Legacy”, *Central Asia Survey*. Vol. 12, no.2 (1993), 123.

рафических и антропологических исследований о приграничных народах южных окраин бывшего СССР. Именно по инициативе Беннингсена в середине 1970-х, в разгар “холодной войны” была начата интенсивная разработка темы “народы Средней Азии по обе стороны южных границ СССР”. Ее исследователи задались целью сравнить таджиков, узбеков, киргизов, туркменов и другие народы региона, проживающих в различных странах. В этот ряд можно включить работы Н. Шахрани и И. Наби о киргизах и узбеках Афганистана, Г. Лайаса о казахах²³ и некоторые другие. В 1976 г. американский этнограф Одри Шалински предприняла изучение этнографии узбеков Афганистана с тем, чтобы, по ее собственному признанию, понять лучше их “советизированных” собратьев. Она продолжила свое исследование во время, и после советско-афганской войны 1980-х гг., исследуя мухаджиров среднеазиатского происхождения бежавших из Афганистана в Пакистан. Ее исследование завершилось выходом книги “Долгие годы изгнания. Среднеазиатские беженцы в Афганистане и Пакистане”.²⁴ Автор анализирует материалы собственных полевых исследований, проведенных во второй половине 1970-х и в 1990 гг. в Северном Афганистане и Пакистане среди эмигрантов - выходцев Ферганской долины. Основываясь на социально - исторических факторах, Шалински выделяет две волны беженцев из Средней Азии, а именно:

1. 1917-1928 гг.
2. 1928-1939 гг.,

и дает краткие характеристики каждой из них. Первая волна принесла в Афганистан и Китайский Туркестан сторонников басмачества, бедных крестьян и жертв голода, считает О. Шалински. Вторая волна состояла из более урбанизированных жителей, бежавших, по их собственным словам, от религиозных притеснений во время коллективизации. Именно их, называвших себя мухаджирами, изучала американский этнограф. От себя добавим, что первая волна состояла из, главным образом, беженцев революции и гражданской войны, в то время как вторая волна принесла эмигрантов, несогласных с политикой Советской власти.

Особенный размах указанная проблематика приняла в годы советского вторжения в Афганистан (1979-1989 гг.). Уже упоминавшийся американский антрополог доктор Назиф Шахрани исследовал киргизов и таджиков-ваханцев родного ему афганского Бадахшана.²⁵ Свое внимание он сосредоточил на изучении механизма адаптации указанных этнических групп к границам, закрывающим контакты с их совет-

²³ Lias, Godfrey. *Kazak Exodus*, London: Evans Brothers Ltd.

²⁴ Shalinsky A. *Long Years of Exile: Central Asian Refugees in Afghanistan and Pakistan*, Lanham: University Press of America, 1994.

²⁵ Shahrani M. N., *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan*, Seattle: University of Washington Press, 1979.

скими собратьями. Помимо указанных авторов, заявленной проблеме посвятила ряд публикаций профессор Иден Наби (Гарвардский Университет, США).²⁶

Из числа западных историков большую ценность представляют работы английской исследовательницы Гленды Фрезер. Ее книга “Басмачи” и статья “Алим Хан и падение Бухарского эмира в 1920”, были опубликованы в английском журнале *Central Asian Survey* (Среднеазиатское обозрение).²⁷ Заслуга Гленды Фрезер заключается в том, что она привлекла доселе неизвестные материалы лондонского архива Индия Офис и Публичного Архивного хранилища о деятельности английской колониальной администрации в Средней Азии, Индии и Афганистане в 20-х и 30-х гг. Фрезер, хотя и не ставила задачу изучить историю эмиграции, дала очень много материала о бухарской эмиграции во главе с эмиром Алим Ханом, о масштабах и характере вмешательства Великобритании в движение сопротивления Советской власти в Средней Азии.²⁸

Из современных западных исследователей интересующихся среднеазиатской эмиграцией в Афганистане, необходимо вновь отметить Назифа Шахрани – одного из ведущих американских экспертов по истории и этнографии Афганистана.²⁹ Его отличает тенденция подвергать острой критике «столетнюю персонифицированную политику внутреннего империализма, проводившуюся пуштунским правительством» и приведшую афганцев к катастрофическому положению.

Из работ историко-публицистического плана известный интерес представляют книги блестящего английского журналиста и писателя Питера Хопкирка, в частности “Поджигая Восток”, посвященная борьбе английских спецслужб против Коминтерна в Средней Азии и Китае в годы революции и гражданской войны.³⁰ Автор привлек значительный исторический материал - фотографии, архивные материалы, в том числе из Индия Офис.

К настоящему исследованию привлечен также ряд работ западных авторов об истории Синьцзяня и роли русских эмигрантов в событиях 20-

²⁶ См. например: Naby Eden, “The Uzbeks in Afghanistan”, *Central Asia Survey* 3, no.1 (1984): 1-23, и т. д. Иден Наби является супругой старейшины американской иранистики Ричарда Фрая.

²⁷ Fraser, Glenda, “Basmachi-I”, *Central Asian Survey*, Vol.6, no.1, 1987; Idem, “Basmachi-II”, *Central Asian Survey*, Vol 6, no.2, 1987; Idem, “Alim Khan and the Fall of the Bokharan Emirate in 1920”, *Central Asian Survey*, Vol7, no.4, 1988.

²⁸ См. также: Fraser, Glenda, “Haji Sami and the Turkestan Federation, 192-1923,” *Asia Affairs* 18, no.1 (Feb.1987): 11-21; Idem, “Enver Pasha’s Bid for Turkestan, 1920-1922” *Canadian Journal of History/Annales Canadiennes d’Histoire*, XXII (Aug.1988): 197-211.

²⁹ Shahrani, M. N. “Resisting the Taliban and Talibanism in Afghanistan: Legacies of f Century of Internal Colonialism and Cold War Politics in a Buffer State”, *Perceptions. Journal Of International Affairs* December 2000-February 2001 Volume V - Number 4 Available at: <http://www.mfa.gov.tr/grupa/percept/V-4/shahrani.10.htm>

³⁰ Hopkirk P., *Setting the East Ablaze*, Oxford, 1986.

х—30-х гг. XX века в Западном Китае.³¹ Наиболее полным исследованием Западного Китая республиканского периода считается книга Эндрю Форбса.³²

Таков далеко не полный перечень изученной нами западной исторической, этнографической, мемуарной, антропологической, и советологической литературы. Следует отметить, что научная ценность перечисленных и неупомянутых работ неодинакова. Особую досаду вызывают работы, пропитанные духом идеологического противостояния, окрашенные неприязненным отношением к тем или иным народам, политическим силам. Однако мы убеждены, что без взаимного непредвзятого сотрудничества между среднеазиатской и западной историографиями нам не обойтись как при изучении истории эмиграции, так и других проблем истории Средней Азии.

Мусульманская литература представляет собой пестрый и чрезвычайно интересный набор исторических памятников. В работе привлечены, в основном книги на персидском (дари, таджикском), английском и турецком языках.

Афганский писатель, ученый и общественный деятель Халилулло Халили написал на языке дари (афганский вариант персидского) исторический роман «Айер-е аз Хуросон. Амир Хабибулло ходими дин-и Расул улло» («Удалец из Хорасана: Эмир Хабибулла - служитель правоверной религии»), посвященный мятежнику Бачаи Сако (Бача-и Саккао), провозглашенному эмиром в 1929 г. и событиям гражданской войны 1928-1929 гг. в Афганистане. Его произведение основано на личных наблюдениях и потому представляет особую ценность как литературная традиция. В отличие от подавляющего большинства афганских авторов, Халили симпатизирует Бачаи Сако и представляет его как героя мусульманского движения.³³

Другой современник тех событий, но уже с правого берега Амударьи – Мухаммадали ибн Мухаммадсаид Балджувони написал на таджикском

³¹ Henze P.B. "Great Game in Kashgaria. British and Russian missions to Yakub Beg". *Central Asian Survey* VII, no.2 (1989); Richard Yang "Sinkiang Under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin", *Central Asiatic Journal* 6, no .4 (December 1961); Linda Benson and Ingvar Svanberg. "The Russians in Xinjiang: From Immigrant to National Minority" *Central Asian Survey* 8, no.2 (1989): 97-129. Hedin, Sven. *The Flight of "Big House" The Trail of War in Central Asia*. New York" E. P. Dutton and Co., Inc, 1936.

³² Forbes, Andrew D.W. *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political history of Republican Sinkiang 1911-1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

³³ Халилулло Халили (1907-1987) поэт, историк, государственный деятель. Устод (мастер) Халили признан классиком персоязычной поэзии в Иране, Афганистане и Таджикистане. Он происходил из пуштунского дариязычного клана Сафи, что в Нуристане. По другим сведениям – таджик. Его отец – Мирза Мухаммад Хусайн Хан, крупный финансовый чиновник, был казнен эмиром Аманулла Ханом в 1919 г. После восшествия на престол Хабибуллы-Бачаи Сако в 1929 г. Халили занимал крупные государственные посты вплоть до самого коммунистического переворота 1978 г. Халили был большим другом таджиков. Он неоднократно посещал СССР и Таджикистан. Умер в пакистанском изгнании в 1987 г. О нем написан ряд статей таджикским журналистом С. Саидовым, лично встречавшимся с Халили.

(с использованием арабской графики) книгу воспоминаний “Таърихи но-фъ-и” (“Поучительная история” предисловие и комментарии Ахрора Мухторова, Душанбе, 1994). История этого произведения не менее поучительна, чем ее содержание. Балджувони (т.е. родом из Балджувона, что к северу от г. Куляба, Таджикистан) родился, как предполагает А. Мухторов, в 1860 г. В конце XIX века он учился в Ховалинге, Гиссаре, затем отправился для продолжения образования в Бухару и Самарканд. По его собственным словам, Балджувони «освоил науку шариата, а также немало из науки управления государством». Мухторов считает, что Балджувони был близок бухарскому казикалону (верховному судье), а может и самому эмиру. После завоевания большевиками Бухары, Балджувони не бежал в Афганистан как эмир Саид Алим Хан и тысячи бухарцев, а направился в самаркандскую медресе «Тиллокори», в которой в 1923 г. начал писать свои воспоминания. В том же году Мухаммадали возвратился в родной Балджувон и стал учителем в сельской школе. Закончил свою книгу Балджувони в 1927 г. Естественно, ни в конце 20-х гг., когда началась отчаянная борьба с религией, ни позже, Балджувони, а после его смерти в 1930 г. его вдова Биби Зайнура, не думали о том, чтобы представить книгу на суд читателей. Только в 1970 г. народный поэт Хол Ислон решился передать рукопись “Поучительной истории” незабвенному Мухаммаду Осими, бывшему в то время президентом АН Таджикистана.³⁴ Последний передал манускрипт академику Ахрору Мухторову³⁵. В конце - концов, только после распада СССР, в 1994 г., книга вышла в свет.

Книга Балджувони - ценный источник для изучения политической истории Бухарского эмирата, его военно-административного управления. Она – редчайшее дошедшее до нас свидетельство отношения простых таджиков 1920-х гг. к своей собственной истории. Сочинение имеет большое сходство со средневековыми историческими трудами. В нем смешались легенды, историография, историческая генеалогия, география, воспоминания, анекдоты и т. д. Не все части книги равноценны как исторический источник. Наиболее интересны личные наблюдения автора. В книге содержится немало сведений об остановке в Бухаре первой четверти XX века, борьбе с басмачеством. Автор находился в Бухаре во время событий 1920 г. и его заметки о «бухарской революции» весьма информативны. Он, в частности, был свидетелем бегства эмира Саид Алим Хана из Бухары в сентябре 1920 г. Многие мысли, выраженные муллой Мухаммадали 80 лет назад созвучны тому, что сейчас переживают таджики. Например:

«Жизнь страны в (науке) политики, так же как жизнь религии в науке религии. Государю надобно быть сведущим в политике и с помощью

³⁴ Академик Мухаммад Осими (Асимов) был убит в ходе (второй) гражданской войны в Таджикистане в июле 1996 г.

³⁵ Академик Мухторов, который оказывал поддержку автору в написании этой работы, скончался в октябре 2007 г.

политической науки наносить поражения, самому при этом оставаясь невредимым».

Остро переживал автор утрату Бухарой независимости:

«Бухара обладает несметными богатствами, многие страны и не мечтают о том, чтобы сравниться с ней по богатству... со времен Тимура известна эта страна, но никогда она не была в руках чужестранцев».³⁶

Автор смиренно принимает свою судьбу и судьбу Бухары как должное. Никого напрямую не обвиняя, Балджувони подходит вплотную к выводу об обреченности эмирского строя, его безнадежной отсталости. Знаменательно, что Балджувони относился к эмиру, его чиновникам, басмачам крайне неоднозначно. Остро критикует он произвол неграмотных и продажных эмирских чиновников и духовенства, приведший к падению Бухары. Как очевидец установления Советской власти в Средней Азии, он называет басмачей то «смелыми и отважными» то «бесчеловечными». На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Очевидно, что идея защиты ислама и сопротивления Советской власти не была чужда автору, но он не мог однозначно одобрить разрозненные, не связанные между собой, принимавшие зачастую форму разбоя, басмаческие выступления. Переживания Балджувони особенно понятны его потомкам, пережившим вторую гражданскую войну в 1990-х гг.

Балджувони можно отнести к выразителям интересов и политических взглядов образованного класса Бухары. Он не «высоколобый» джадид-интеллектуал (по мнению Мухторова, текст изобилует грамматическими ошибками), а скорее представитель бухарского ортодоксального духовенства, не принявшего новую власть. Вернее, он не нашел себе места в ней. Балджувони, однако, не стал сопротивляться Советам, а предпочел найти спасение в «уходе в народ», для того чтобы, отвернувшись от вызовов современности, сохранить и развивать религию на общинном уровне. Не зря первое, что сделал наш мулла по возвращении на родину – открыл сельскую школу. Подвижники типа Балджувони дали начало так называемому «народному» («параллельному», «неофициальному») исламу. В его сочинении проглядывается придворная, тюркско-монгольская (тимуридская, а затем мангытская) историографическая традиция. Бухару, например, он считает «частью Турана, или Туркестана, или Азии». (Кстати, именно эта традиция находит сегодня свое продолжение в трудах многих узбекских историков).

Иначе написана вышедшая в 1985 г. книжка нашего современника, пакистанца Фазл ал Рахим хан Морвата «Басмаческое движение в Средней Азии».³⁷ Автор использовал в основном опубликованные западные

³⁶ Балджувони Мухаммад али ибн Мухаммад Саид. *Таърих-и нофеъ-и*. Душанбе: Ирфон, 1994. С.30. (На таджикском языке арабской графикой)

³⁷ Marwat Fasal-ur-Rahim Khan. *The Basmachi Movement in Central Asia A Study in Political Development*. Peshawar: Emjay Books International, 1985.

работы и преподавал их под собственным углом зрения. Морват не скрывает своей симпатии мусульманскому движению и считает движение муджахидов Афганистана 1970-х и 1980-х гг. продолжением борьбы против русского коммунизма, начатой в Средней Азии в 1920-х годах. Позже, в Пешаварском университете эта книга была переведена на дари, и вышла в свет под названием “Дар мукобили коммунизми рус” (“Против русского коммунизма”) в некоем “Комитете по культуре исламского союза муджахидов Афганистана” в 1983 г.³⁸ Переводчик (с английского на дари), Абдулджабар Собит снабдил текст собственным введением и обширными, весьма характерными замечаниями. Он, в частности, писал: “Я представляю эту книгу своим соотечественникам, чтобы они изучили причины поражения мусульман Средней Азии и чтобы их, не дай Бог, не постигла подобная участь”.³⁹

Совершенно в другом ключе написана книга афганского государственного чиновника Бурхануддина Кушкеки “Каттаган и Бадахшан”, посвященная административному устройству северных провинций Афганистана начала 1920-х.⁴⁰

В распоряжении исследователей Афганистана, в частности периода гражданской войны 1928-1929 гг., чрезвычайно мало первоисточников. Тем более ценна работа придворного историка времен Хабибулла хана (1901-1919 гг.) и Амануиллы хана (1919-1929 гг.) Файз Мухаммада под названием “Книга упоминаний о мятеже”, изданная в русском переводе в 1988 г.⁴¹ Файз Мухаммад (хазарец, пострадавший от режима эмира Хабибуллы-Бачаи Сако) приводит ценные, хотя и отрывочные свидетельства о характере правления Бачаи Сако и об участии бухарских эмигрантов под руководством бывшего эмира Бухары Саида Алим Хана в гражданской войне 1928-1929 гг. Определенный интерес для исследования истории эмиграции в Афганистане представляет также фундаментальный труд афганского историка Губара “Афганистан на пути истории” (на дари).⁴²

Выше упоминалось об интересе к ранней истории Советской Средней Азии среди афганских муджахидов 1980-х, считавших себя продолжателями джихада против Советской Армии, начатого басмачами в 1920-х гг. Одна из крупнейших и влиятельных партий афганского джихада против советских войск - «Джамияти Исломи» (Бурхануддина Раббани), на

³⁸ Один из экземпляров этой книги оказался в числе трофеев, добытых советским военным подразделением N во время одного из боев в Афганистане. В дальнейшем, эта книга досталась ныне покойному таджикскому историку Бахадуру Буриханову, работавшему в то время переводчиком в Афганистане. Бахадур (пусть земля ему будет пухом) передал эту достаточно потрепанную и зачитанную книгу автору настоящего исследования в конце 1980-х гг.

³⁹ Морват Фазл ал Рахим хан, мутарджим Абдулджабар Собит. *Дар мукобили коммунизми рус*. Пешовар, 1983.

⁴⁰ Кушкеки Б. *Каттаган и Бадахшан*. Ташкент, 1926

⁴¹ Файз Мухаммад. *Книга упоминаний о мятеже*. М.: Наука, 1988.

⁴² Губор Мир Гулом Мухаммад. *Афгонистон дар масир-и таърих*. Кобул, 1967.

страницах своего ежемесячника «Мисхаки хун» (Пешавар, Пакистан) печатала воспоминания эмира Бухары, опубликованные впервые в 1929 г. в Париже (подробней об этой книге речь пойдет ниже). Полный текст «Мемуаров» был выпущен также отдельной книжкой различными организациями и пользовался большим успехом среди сторонников «исламского интернационала». Именно во время советской оккупации 1980-х гг. в Афганистане стала формироваться международная сеть джихадистов, известная сегодня как аль-Каеда.

Таким образом, мусульманская историография представляет собой неоднородный, но весьма ценный и незаменимый массив литературы. Уникальность мусульманской литературы в том, что она выражает отношение самих мусульман к собственной истории.

Советская литература. Немецкий методолог истории Р. Козеллек как-то заметил, что история, написанная по следам события (*kurzfristig*) создается победителями, а историческое знание, добываемое в течение более длительного периода (*langfristig*) принадлежит побежденным.⁴³ Причем, если историк-победитель пытается узаконить свою победу и пишет главным образом о последствиях своих деяний, принесших ему триумф, то, по мнению побежденных, все шло не так, как планировалось и ожидалось. Нечто подобное наблюдается в исторической литературе, посвященной Советской власти в Средней Азии. За более чем 70 советских лет у нас сформировалась «историография победителей». В это время миллионными тиражами выходили книги, выпускались сотни фильмов, внедрявшие в сознание людей образ врага в виде иррационального, фанатичного мусульманина – басмача, одетого в пестрый халат, носящего чалму, посещающего мечеть и не говорящего по-русски. Он представлялся воплощением абсолютного зла, заслуживающим одного – быть захваченным или убитым человеком, одетым в красноармейскую форму. В многочисленных диссертациях, книгах, статьях посредством тенденциозного отбора фактов и соответствующего анализа доказывалась закономерность победы революции и положительные последствия установления Советской власти в Средней Азии. При этом судьба и деяния побежденных замалчивались, или подвергались значительному искажению.

Если история русской эмиграции изучена достаточно полно,⁴⁴ то среднеазиатская эмиграция, как политическое, социальное и культурное явление, советской исторической наукой всерьез не затрагивалась. Опреде-

⁴³ См.: Eisener, Reinhard. "Bemerkungen zum Exildasein des letzten Emirs von Buchara in Afghanistan," *Forschungsforum Berichte aus der Otto-Friedrich-Universität Bamberg*, 2 (1990), 128.

⁴⁴ См. например: Шкаренков Л.К. *Агония белой эмиграции*. М.: Мысль, 1986; Костиков В.В. *Не будем проклинать изгнание...* (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990 и др.

ленный интерес для исследователя среднеазиатской эмиграции представляет литература о народах Средней Азии, живущих по обе стороны новых советских границ. Начиная с 1920-х гг., эта тема разрабатывалась в исследованиях дипломатов,⁴⁵ этнографов,⁴⁶ историков.⁴⁷ Бухарской революции посвящена работа классика таджикской и узбекской литератур Садриддина Айни “История Бухарской революции”⁴⁸ и председателя правительства БНСР Файзуллы Ходжаева.⁴⁹ Определенный интерес представляют труды одного из видных бухарских джадидов перешедших на службу к большевикам и павшего жертвой сталинского террора Абдурауфа Фитрата. Его книжка, впервые изданная в Сталинабаде (ныне: Душанбе) в 1931 г. и переизданная в 1991 г., называется “Давраи хукмронии амир Олимхон” (“Период правления эмира Алим Хана”).⁵⁰ Она показывает всю глубину пропасти и непримиримости пролегшей между джадидами и сторонниками эмира.

Начиная с 1940-х гг., тема народов Средней Азии, живущих за пределами СССР, была фактически закрыта. В многочисленных коллективных многотомных трудах по истории среднеазиатских республик эмиграция или не указывается вообще, или упоминается как зарубежный отряд контрреволюции, связанный с мировым империализмом и действующий по его указке. В начале 1980-х гг., в связи с афганской войной, в советской и зарубежной историографии вновь возрос затихший было интерес к событиям 1920-х гг. в Средней Азии. И у нас, и за рубежом проводились “параллели” между басмачеством и афганским сопротивлением. В трудах советских историков всячески насаждались представления о всемогущем империализме как главном и зачастую единственном зачинщике гражданской войны. В них излагались “уроки истории” об обреченности мусульманского сопротивления, непобедимости Красной Армии и неизбежной победе коммунизма⁵¹. В таком духе написана книга воспоминаний чекиста Абдуллы Валишева.⁵² В то же время, в советской Средней Азии делались попытки критического осмысления совокупной национальной истории, и проявлялся интерес к соплеменни-

⁴⁵ Рейснер Л. *Афганистан*. М-Л: Госиздат, 1925

⁴⁶ Севастьянов И.А. *Керкинский округ. ч.1 Политико-экономический обзор, январь 1925.* - Полторацк: Изд.ревкома Туркменской ССР, 1925; Туманович О. *Туркменистан и туркмены (Материалы к изучению истории и этнографии)*. Асхабад-Полторацк: Туркменгосиздат. 1926.

⁴⁷ Соколов-Страхов К.И. *Гражданская война в Афганистане 1928-1929 г.* М.: Госиздат, 1931.

⁴⁸ Айни Садриддин. *Таърихи инкилоби Бухоро*. Душанбе: Адиб, 1987.

⁴⁹ Ходжаев Файзулла. «К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии» *Избранные труды в трех томах*. (Ред.колл. А. А. Агзамходжаев и др.). Т.1. Ташкент: ФАН, 1970

⁵⁰ Фитрат. *Давраи хукмронии амир Олимхон*. Душанбе: Палатаи давлатии китобхо, 1991.

⁵¹ См. например: *Басмачество: Социально-политическая сущность*. Ташкент: Фан, 1984.

⁵² Валишев А.Н. *Чекистские были*. Душанбе: Ирфон, 1988.

кам, проживающим «за рекой». Апрельская, 1978 г. революция в Афганистане вызвала к жизни попытку пересмотра традиционной, «пуштуноцентристской» историографии Афганистана. Таджикский афганист Х. Назаров, например, писал, что в «в афганском феодально-помещичьем государстве в особо угнетенном и бесправном положении находились неафганские народности, составлявшие вместе с тем большинство населения страны (3,5 млн. пуштунов против неафганского большинства в 4,5 млн.)... Поэтому, таджики и другие угнетенные народы и племена, принимавшие самое активное участие в массовых движениях 1928-1929 годов, стремились облегчить свое положение». Назаров считал, что правительство Бачаи Сако «страдало многими социальными пороками, тем не менее, оно в целом было связано с народными массами и, чтобы не лишиться их поддержки, так или иначе, защищало их интересы. В этом плане оно выгодно отличалось как от предыдущего, так и от последующего правительства в Афганистане».⁵³ В своей аргументации Назаров приводит факты участия эмигрантов из Средней Азии, и в том числе бывших басмачей, в борьбе против сторонников свергнутого афганского эмира Амануллы хана.⁵⁴

Назаров совершенно справедливо подчеркивает деспотический характер центральной власти Афганистана. Действительно, на протяжении всей истории этой страны, неафганские народности испытывали национальное неравенство. Прав он и в том, что Бачаи Сако являлся ярким популистским лидером, пользовавшимся поддержкой коренных народов севера Афганистана. Однако, на наш взгляд, борьбу за лидерство между различными племенными, этно-конфессиональными и лингвистическими союзами, вызванную ослаблением центральной власти Афганистана, было бы неправильно объяснять с точки зрения марксизма как исключительно «антифеодальную», «национально-освободительную» борьбу против афганской (пуштунской) тирании. Хотя, несомненно, национально-освободительные мотивы в идеологии сакоистов (сторонников правительства Бачаи Сако), присутствовали.

Эпизод с историей таджиков Афганистана, равно как и многие другие аспекты отношений СССР с Афганистаном, Китаем, Ираном и Англией ждуют своего исследователя. Ведь среднеазиаты, в силу существовавшей в годы Советской власти монополии Москвы на внешнюю политику, не имели возможности не то что влиять на события, но и знать, что именно происходит «за рекой». Запрещались всяческие связи, в том числе переписка с родственниками за пределами СССР.

⁵³ Назаров Х. *Социальные движения 20-х годов XX в. в Афганистане*. Душанбе: Дониш, 1989. С.С. 242, 245.

⁵⁴ Назаров Х. Указ. соч. С. 187.

Эмигрантская литература. Эмигрантская литература – это главным образом история побежденных (*langfristig*), пытающихся доказать, что все шло не так как должно было идти, и что произошло насилие над привычным ходом истории. Ее уникальность в том, что она сохранила остатки исторической памяти самих эмигрантов. К сожалению, нельзя говорить о наличии обобщающей литературы по истории эмиграции, написанной самой среднеазиатской эмиграцией. Тем не менее, значительную литературную активность в 20-х-40-х гг. прошлого века развили туркестанские эмигранты - националисты, в первую очередь бывший глава “Кокандской автономии” казах Мустафа Чокаев⁵⁵ и глава башкирского национального движения Ахмед Заки Валидов.⁵⁶

Политическим центром туркестанских националистов было «Туркистон Милли Бирлиги», или Туркестанское национальное общество (ТНО), основанное на т. н. «Первом съезде Федерации национально-демократических объединений мусульман Средней Азии» в августе 1921 г.⁵⁷ Хотя Чокаев утверждал, что костяк организации, под названием «Туркестанский комитет» был образован ранее, еще в начале 1919 г. Цель ТНО – национальная независимость Туркестана и населяющих его народов. Не автономия или федеративная единица в составе России, а именно полная независимость «Туркестана», под которым понималась Волго-Уральский регион России и Средняя Азия, была главной стратегической целью туркестанцев. В разные годы председателями ТНО были Тоган, Чокаев, Осман Ходжаев.⁵⁸

Среди «туркестанских вождей» наиболее заметным был Мустафа Чокаев (в эмиграции: Чокай оглы). Это была, пожалуй, наиболее яркая фигура национального движения народов Средней Азии и среднеазиатской эмиграции первой половины XX века. Родился Чокаев в 1890 г. в Сырдарьинском районе Кызылординской области. Родом из кипчаков. До

⁵⁵ Мустафа Чокаев (1890-1942) после падения “Кокандской автономии” бежал в Париж, а затем в Берлин. В 1929-1939 гг. редактировал антисоветский тюркоязычный журнал “Яш Туркестан.” Вот неполный перечень его опубликованных работ: Чакай-оглы М. *Туркестан под властью Советов*. Париж: Яш Туркестан, 1935; Mustafa Chokaev, “The Basmachi Movement in Turkestan”, *Asiatic Review*. Vol. 24, 1928; Idem. “Fifteen years of Bolshevik Rule in Turkestan” *Journal of Royal Central Asia Society*. Vol. 20, 1933, etc.

⁵⁶ А.З. Валидов (1890-1970). В 1918 г.-президент башкирского правительства. В начале гражданской войны был на стороне белогвардейцев, но затем, разочаровавшись в политике Колчака, присоединился к большевикам. В 1919-1920 гг., председатель Башкирского ревкома. Но вскоре он понял, что ему не пути и с большевиками и в 1920 г. бежал в Туркестан, а затем в Турцию, где занимался историческими исследованиями в Стамбульском университете. О Чокаеве и Тогане см.: *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.)*. Москва: АН.1999.

⁵⁷ *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.)*. С.17.

⁵⁸ Kocaoglu, Timur. “Turkistan Abroad: The Political Migration. From Soviet & Chinese Central Asia (1918-1997)”. Hisao Komatsu, Obiya Chika, John Schoeberlein, eds. *Migration in Central Asia: Its History and Current Problems*. JSAS Symposium Series: 9. Osaka: The Japan Center for Area Studies, 2000, 113.

1917 г. он успел закончить юрфак Петербургского университета. С Заки Валидовым он впервые встретился в 1913 г. в Ташкенте. Вскоре после Февральской революции, Чокаев, вместе с Александром Керенским (будущим главой Временного правительства), вступает в партию социал-революционеров, а затем становится членом Всероссийского Учредительного собрания. После октября 1917 г. по словам самого Чокаева, большевики предлагали ему самые высокие посты в Туркестанской республике. Однако Чокаев (в отличие от Валидова) отказался сотрудничать с большевиками. В начале 1918 г. после падения Кокандского правительства Чокаев навсегда покидает Среднюю Азию, отправившись сначала в Башкирию, затем на Кавказ. В 1920 г., после разгрома Грузинской республики большевиками, он бежит в эмиграцию – в Турцию, Германию и Францию. Мустафа Чокай находился в составе редколлегии антисоветского журнала «Прометей», органа «национальной защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана». Заразившись тифом во время вербовки советских военнопленных в «Туркестанский легион», Чокаев скончался 27 декабря 1941 г.⁵⁹

Ахмад-Заки Валидов (в эмиграции Заки Валиди Тоган) родился в Уфимской губернии в один год с Чокаевым. Сын сельского муллы, он приобщился к ценностям исламской, русской и западной культур. После Февральской революции Валидов стал одним из активных деятелей мусульманской России. В его идеологии сочетался социализм с пантюркизмом, джадидизмом, панисламизмом и башкирским (антитатарским) национализмом. Как и Чокаев, он тяготел к эсерам и был выбран во Всероссийское Учредительное собрание. После Октябрьской революции, в конце 1917 г. он становится главой самопровозглашенного правительства автономного Башкортстана. Однако его попытки добиться у большевиков признания независимости Башкортстана, не увенчались успехом. В феврале 1918 г. Валидов был арестован большевиками. На свободу он вышел только после того как войска атамана Дутова разбили красные войска в Оренбурге. Вскоре, Валидов во главе башкирских отрядов поддержал антибольшевистский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Комуч, представлявший интересы «демократической контрреволюции» вскоре был разбит колчаковцами. Башкирская автономия была распущена, и в феврале 1919 г. Валидов, окончательно порвав с русскими генералами, перешел на сторону большевиков, а годом позже вступил в РКП (б). Хотя отряды Валидова (общей численностью до 10 тысяч бойцов) сражались против Колчака до лета 1920 г., это не спасло их от расформирования. Несмотря на первоначальные намерения Троцкого и Сталина сохранить Башкирскую республику, в конце-концов «башкирский воп-

⁵⁹ Существует мнение, что Чокаев был отравлен кем-то из близких к нему людей, в частности Вали Каюмханом.

рос» был решен не в пользу автономии. Это окончательно убедило Валидова в бессмысленности дальнейшего сотрудничества с большевиками. В июне 1920 г., не дожидаясь ареста, Валидов поездом выезжает в Саратов и далее в Туркестан - «возглавлять басмаческое движение» (об этом в четвертой главе настоящего исследования). В Средней Азии Валидов из социалиста и башкирского националиста превращается в сторонника «тюркского движения за независимость». Тюркское единство представлялось ему в виде союза Башкортостана, Казахстана, Туркестана и Бухары. Именно Валидову принадлежит идея объединить разрозненные отряды басмачей с джадидами под знаменем пантюркизма. Это обстоятельство насторожило, если не напугало большевиков. Им стало казаться, что пантюркизм обрел не только вооруженную силу в лице басмачества и сторонников за рубежом, но и пробрался в ряды самой РКП (б). В целом же, несмотря на громкие заявления, Валидову в Средней Азии так и не удается добиться успеха. В апреле 1923 г., после безуспешных попыток добиться международного признания руководимого им ТНО (Туркестанского национального объединения), Валидов отправляется в эмиграцию.

В эмиграции научная деятельность лидеров среднеазиатской эмиграции была куда успешней политической работы. Работы Чокаева и других лидеров туркестанской эмиграции послужили основой того направления, которое стало называться в годы «холодной войны» советологией. Их статьи и книги стали классическим образцом разоблачения большевистской политики в Средней Азии⁶⁰. Неудивительно, что советская пропаганда заклеила Чокаева, а вместе с ним всю среднеазиатскую эмиграцию, как орудие западного империализма. Надо признать, что сами туркестанцы (то есть эмигранты – сторонники «Свободного Туркестана») дали немало поводов для подобных обвинений. Необходимо критически относиться, частности, к заверениям Тогана о том, что он фактически руководил басмаческим движением Бухары, Хивы и Туркестана в 1921-1922 гг. В январе 1929 г. в письме своему польскому покровителю, представителю МИД этой страны Тадеушу Голувко, Тоган хвастливо утверждал, что эмигрантские отряды членов ТНО - басмачей Куршермата, Хамракула, Фузайл Максума защитили афганскую столицу от «разбойничьих отрядов атамана Хабибуллы».⁶¹ Сам Куршермат во время «холодной войны» опубликовал свои мемуары в журнале «Голос Туркестана» (*The Voice of Turkestan*).⁶² Это, пожалуй, единственный дошедший до нас литературный памятник, написанный самими басмачами.

⁶⁰ См.: Мустафа Чокаев *Туркестан под властью Советов*. Париж. 1935.

⁶¹ Речь идет о борьбе за афганский престол между эмиром Амануллоем и повстанцами во главе с Хабибуллоем-Бачаи Сако. *Из истории Российской эмиграции*. С. 45

⁶² См.: Shir Mohammad, "An example of Turkestan National Movement," *The Voice of Turkestan*, no.3 (winter 1957). К сожалению, удалось обнаружить только первую часть этой публикации.

Белоэмигрантская (русская или, вернее сказать, великорусская) эмиграция относилась к «туркестанцам», мягко говоря, настороженно. В силу своей идейной разобщенности, организационной и материальной слабости, «туркестанская» эмиграция в Европе фактически примкнула к сепаратистским, антирусским кругам кавказской и украинской эмиграции, пользовавшихся поддержкой правительств Польши и Германии. Надо сказать, что в Турции «туркестанцы» чувствовали себя более стесненно, чем в Европе, из-за того, что правительство этой страны не желало портить отношений с СССР. Турков также раздражали попытки некоторых туркестанцев вмешиваться в политику Турции и давать свои оценки исторического прошлого тюркских народов. В частности, туркам не нравились попытки Валиди интерпретировать турецкую историю как среднеазиатскую, что шло в разрез с официальной точкой зрения, подчеркивающей приоритет анатолийских корней турков, якобы давно и навсегда покинувших Среднюю Азию, чтобы обосноваться в Малой Азии.

И наоборот, бухарская эмиграция во главе с Алим Ханом, которая базировалась в Афганистане и Индии тяготела к русским монархистам. Последние платили сторонникам бывшего эмира Бухары той же монетой. С большим сочувствием к басмачеству и беглому бухарскому эмиру относились издания, ратовавшие “за единую и неделимую Россию”. Один из авторов парижской газеты “Возрождение” (ред. Ю.Ф. Семенов), подписывавшийся псевдонимом “Туркестанец» писал:

«В некоторых печатных органах русского зарубежья было высказано опасение, что движение туркестанских басмачей носит антирусский характер. Наше прошлое участие в басмаческом движении . . . память о тех русских воинах, которые сложили головы, сражаясь в рядах басмачей, и воинская солидарность с русскими воинами, которые сражаются в данную минуту, не дают нам права оставить нападки на русских басмачей без ответа».

Кстати, сам автор относил себя к “русским басмачам”, так как он, якобы, в одно время, служил инструктором у вождя хивинцев Джунайда Хана.⁶³

С большим воодушевлением встретила парижская “Возрождение” и выходившая в Берлине “демократическая” газета “Руль” (ред. И.В. Гессен, А.И. Каминка) выход книжки воспоминаний бывшего бухарского эмира, поместив восторженные рецензии (13 июля и 21 августа 1929 г.). Кстати, “Руль” также считала басмачество “движением, соответствующим русскому белому движению”.⁶⁴ “Возрождение” противилось планам расчленения России, исходившим от националистических эмигрантских организаций Украины и Кавказа, (к которым присоединились «туркес-

⁶³ Туркестанец. Басмачи и Россия//Возрождение.1929, 17 июня.

⁶⁴ Смерть Энвера Паши// Руль. 1929, 21 августа.

танцы» - Чокаев и др.). Аналогичной позиции придерживалась «Дни» - газета, выходившая в Париже под редакцией А. Ф. Керенского⁶⁵. Она резко критиковала деятельность польского правительства Пилсудского за его поддержку нерусских эмигрантских организаций сепаратистской направленности. Несмотря на призывы к единению и тюркской солидарности, в Туркестанском Национальном обществе (ТНО) не затихали распри между татарами, узбеками, казахами и башкирами. От «тюрков» вскоре отделилась группа бухарцев. Последние, во главе с Осман Ходжой, были преимущественно двуязычными (турку-точик) и, по сравнению с казахами и татаро-башкирами, были более традиционными и недостаточно хорошо владели русским и европейскими языками. Тем не менее, бухарцы настаивали на лидерстве в ЦК ТНО. В свою очередь, башкиры, во главе с Тоганом, противились более русифицированным татарам и настояли на образовании особой, башкирской организации. В конце-концов, «русские эмигрантские дрязги» (выражение самого Тогана) привели к расколу в рядах пантюркистов, и скатыванию части из них к национал-фашизму, направленному против единства народов Средней Азии с другими народами СССР во время Великой Отечественной войны.⁶⁶

Из публикаций, имеющих прямое отношение к среднеазиатской эмиграции, и игнорировавшихся советской историографией, следует упомянуть воспоминания главной фигуры бухарской эмиграции - бывшего эмира Бухары Саид Алим Хана, названные «Таърихи хузн-ал миллали Бухоро» («Голос угнетенной Бухары»), изданные впервые в 1929 г. в Париже. Первоначально книга была написана на фарси-таджикском, а затем переведена на французский. Вполне вероятно, что Алим Хан, не в пример многим нынешним главам государств Средней Азии, сам написал свою книгу. Алим Хан, как многие представители бухарского двора, был знатоком классической таджикской литературы и сам пробовал писать стихи. Известно, что помощь в ее публикации была оказана богатым бухарским эмигрантом, проживавшим в Париже, Хаджи Юсуфбаем Мукумбаем (Мукимбаевым). Почти 60 лет спустя, эта книга была переиздана и снабжена комментариями таджикского академика Ахрора Мухторова. Работа эта ценна как памятник - документ, выражающий позиции его автора, нежели как информативный источник, так как автор мало чего добавляет к известным источникам. Книгу Алим Хана можно рассматривать как попытку добиться международного признания на фоне гражданской войны в Афга-

⁶⁵ Орган белоэмигрантов - эсеров газета «Дни» выходила с 1921 по 1924 гг. в Берлине, а с 1924 по 1928 гг. - в Париже. В 1928 г. она была преобразована в еженедельник.

⁶⁶ О Мустафе Чокаеве и Туркестанском легионе см. работы Бахыт Садыковой: «История Туркестанского легиона в документах» http://www.continent.kz/library/turkestan_legions/Content.htm

Она же: «Мустафа Чокай. Биографическое исследование», «Мустафа Чокай в эмиграции», «Последние записи Мустафы Чокая» www.dn.kz

нистане – стране пребывания эмира-изгнанника и активизации среднеазиатской эмиграции в этой стране. Характерно, что Саид Алим Хан в своих документах периода эмиграции называл себя «настоящим сувереном Бухары и командующим муджахидов».

О русских в Западном Китае (Илийском крае и Кашгаре) также опубликовано немало эмигрантской литературы, в том числе мемуарной, вышедшей как в Китае, так и СССР.⁶⁷

В последние годы (то есть после развала СССР), небольшая, но активная среднеазиатская диаспора в Турции внесла свой вклад в изучение указанной проблемы. В 2001 г. в Голландии, под редакцией профессора Кочского университета (Турция) Тимура Ходжаоглу вышел ценный сборник, посвященный памяти его отца Усмана Ходжаева (1878- 1968) – первого президента Советской Бухары. Усман Ходжаев (в Турции: Осман Ходжаоглу) представитель влиятельной бухарской семьи Ходжаевых, двоюродный брат первого премьера БНСР Файзулла Ходжаева.⁶⁸ Будучи первым председателем ЦИК Бухарской республики (фактически – президентом), в конце 1921 г. он перешел на сторону контрреволюции. После неудачной попытки мятежа против красноармейского гарнизона в Душанбе в январе 1922 г., Усман Ходжаев бежал в Кабул, а затем в Турцию. Наряду с Тоганом и Чокаевым, Осман Ходжа был одним из руководителей туркестанской эмиграции в Турции и Европе.

Указанный сборник содержит статьи 20 ученых из США, Франции, Германии, Голландии, Японии, Турции, Узбекистана и Казахстана. Особо интересно заслуживает статья самого Тимура Ходжаоглу о жизни и деятельности своего отца. По признанию автора большинство материалов, относящихся к политической деятельности У. Ходжи в Бухаре и Кабуле в 1920-1922 гг., утеряны безвозвратно.⁶⁹

Непосредственно после развала СССР на Западе активизировались неправительственные научные центры пантюркистской направленности, типа SOTA (Научный центр изучения Туркестана и Азербайджана, Крыма, Кавказа и Сибири).⁷⁰ Один из активных членов SOTA, потомок вы-

⁶⁷ См. например: Камский. *Русские белогвардейцы в Китае*. М.: Красная новь, 1923; Гуль Р. Б. *Ледяной поход*. М.: Молодая гвардия, 1990; Дутов А.И. *Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография. Выборки из печати, статьи и проч., относящиеся к деятельности Войскового атамана*. Б/д, б/м.; Серебренников И.И. *Великий отход. Разсечение по Азии белых армий 1919-19237*. Харбин: Издательство М.В. Зайцева и др.

⁶⁸ По свидетельству Тимура Ходжаоглу, отец Файзуллы – Убайдулла Ходжа и отец Усмана-Пулат Ходжа были сыновьями Кароматуллы Ходжи (из личной переписки автора с Т. Ходжаоглу).

⁶⁹ Timur Kocaogly (ed.) *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. Haarlem: SOTA, 2001. См. также: Timur Kocaogly, "Turkistan Abroad: The Political Migration From the Soviet & Chinese Central Asia (1918-1997)", Hisao Komatsu, Obiya Chika, John Schoeberlein eds. *Migration in Central Asia: Its History and Current Problems (JSAS Symposium Series: 9*. Osaka: Japan Center for Area Studies, 2000. 113-126.

⁷⁰ See: <http://www.turkiye.net/sota/sota.html>

ходцев из Узбекистана Ахат Андижан в 2007 г. выпустил книгу «Борьба за Туркестан за границей. От джадидизма к независимости».⁷¹ В ней рассматривается история националистической эмиграции Туркестана и Бухары с начала XX века до 2002 г., включая басмачество, действия туркестанцев в Турции и Европе в предвоенные годы, события связанные со Второй мировой войной, «холодной войной», развалом СССР и независимостью. Работа привлекает внимание обилием источников турецкого происхождения, отражающих деятельность Туркестанского Национального Общества (ТНО), которым руководили Мустафа Чокайоглы, Осман Ходжаоглы и Зеки Велиди Тоган. Автор книги Ахат Андижан⁷² считает что джадиды явились наиболее выдающимися представителями эмиграции, которые вели борьбу «согласно демократическим нормам, через развитие прессы и публикаций».⁷³ В заключение книги автор не скрывает надежды, что идея возрождения Туркестана, ради которого сражались три поколения туркестанцев за границей не изжила себя и что у стран региона есть шанс спасти себя от поглощения Россией или Китаем только пойдя на создание «Содружества республик Туркестана». Остается сожалеть, что автор плохо знаком с реалиями современной Средней Азии. Идея включения региона пост-советской Средней Азии, «афганского Туркестана» и «восточного Туркестана» в единый «Туркестан», которую отстаивает Андижан и его сторонники, мягко говоря необоснована и нереальна, прежде всего потому что она направлена против более чем 10-миллионного не-тюркского (таджикского) населения. Таджики за годы Советской власти приобрели свою государственность, развили уникальную культуру, язык, литературу, науку. Они ни за что не откажутся от своей национальной идентичности. Таджики и другие этносы населяющие регион Центральной Азии видят в «туркестанском проекте» угрозу ассимиляции, потери суверенитета и навязывания внешнего политического доминирования.

Есть и второй довод против «Туркестана». Этому явлению, возникшему под влиянием европейских пан-движений, так и не удалось преодолеть зарождающийся этнический национализм мусульман бывшей Российской империи. Как явствует из содержания книги Ахата Андижана, с самого начала эмиграции, «туркестанцы» были представлены в большинстве своем городскими узбеками. Европейски образованный казах Чокаев, будучи самой авторитетной фигурой эмиграции, держался в стороне от ее основной массы - в Германии и Франции. Башкир Зеки Велиди Тоган постоянно вступал в конфликт с бухарцем Османом Ходжаоглы, а накануне

⁷¹ Andican, Ahat. *Turkestan Struggle Abroad: From Jadidism to Independence*. SOTA Publications, 2007.

⁷² Ахат Андижан (род. 1950), врач по образованию, является видным политиком Турции и одним из руководителей туркестанской эмиграции в Турции, президентом «Ассоциации социальной и культурной помощи туркестанцам».

⁷³ Andican, Ahat, *Op.cit.*, 663.

не войны вообще покинул ТНО. Тоган на протяжении всей своей жизни оставался башкирским националистом-социалистом. После загадочной смерти Чокаева в декабре 1941 г., первое поколение «идейных» туркестанцев уходит в тень, и на смену ему приходят коллаборационисты-легионеры из числа бывших военнопленных. Их лидер, Вели Каюмхан, был больше национал-социалистом, чем пантюркистом, также как и его заместитель Баймирза Хаит. Они же (Каюмхан и Хаит) были главными фигурами эмиграции в годы «холодной войны».

Нет никакого сомнения в том, что стремление возродить сегодня «туркестанскую» идентичность взамен узбекской, туркменской, казахской, киргизской и таджикской, обречено на провал. Вместе с тем, джадидская эмиграция вобрала в себя значительные культурные и интеллектуальные силы региона и оставила немало письменных памятников, составляющих часть культурного наследия народов региона. И наконец, джадидская эмиграция явилась частью среднеазиатского общества и потому заслуживает пристального внимания и беспристрастного изучения. В этом смысле, книга Ахата Андижана представляет несомненный культурный и познавательный интерес.⁷⁴

Вместе с тем в книге Андижанастораживает отсутствие внятно выраженного неприятия и принципиальной критики фашизма. В ней нет переживаний автора, (который является лидером современной туркестанской эмиграции) по поводу сотрудничества (вынужденного и сознательно) части «туркестанцев» с гитлеровцами. Без покаяния (пусть и запоздалого) за тех, кто оказался в рядах фашистов, без осуждения этого отвратительного явления, у читателя может возникнуть впечатление, что автор считает, что участие выходцев Средней Азии в фашистском геноциде было частью борьбы за «свободу Туркестана». Добавим также, что Рузи Назар, один из главарей «Туркестанского легиона», с которым автору пришлось беседовать два раза в ходе написания книги, также ушел от темы осуждения фашизма.

Литература постсоветской Средней Азии и России. Распад СССР вызвал интерес узбеков, таджиков, казахов, туркмен и киргизов к соотечественникам, проживающим за рубежом.⁷⁵ В многочисленных книгах и статьях воссоздаются забытые ранее имена, исторические события. По

⁷⁴ В упрек автору можно поставить то, что он иногда нарушает принятые правила цитирования использованной литературы, забывая ссылаться на использованные источники. См. например страницы 185-188 указанного сочинения Ахата Андижана.

⁷⁵ См. например: Мендикулова Г. М. *Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие.* -Алматы: Гылым, 1997. Бахыт Садыкова *Мустафа Чокай* http://www.continent.kz/library/mustafa_chokay/soderjanie.html

Турдиев Шерали. *Улар Германияда укиган эдилар...* (Они учились в Германии).-Тошкент: Фан, 1991; Саидов Сайфулло. “Хошим Шоик аз Бухоро рафта буд” (Хошим Шоик был из Бухары)//Овози точик, 1992.-16 января и др.

мнению одного из пионеров этого направления – казахской исследовательницы Гульнары Мендикуловой, «пришло время создать отдельную отрасль общественных наук Казахстана – диаспорологию».⁷⁶ К этому предложению можно присоединиться с единственным замечанием, что это надо делать на более широком фоне совокупной истории народов Центральной Азии и России, а не замыкаться в рамках сугубо национальной истории. Важно узнавать, как тот или иной народ региона взаимодействовал с соседями, искал и находил общие интересы, добивался согласия и мира.

Интересной попыткой дать портрет Ибрагимбека – лидера восточнобухарских⁷⁷ басмачей, является работа его земляка и нашего современника доктора исторических наук Насреддина Назарова. Автор использовал большое количество источников, в том числе «мусульманского» происхождения, а также материалы, собранные во время полевых исследований на родине Ибрагимбека в начале 2000-х гг.⁷⁸ Главный персонаж исследования Н. Назарова обозначен не как главарь басмачей Ибрагимбек, а как «Мухаммад Иброхимбек Лакай» – борец за свободу, религиозный лидер и лакайский национальный герой. Работу Назарова следует рассматривать и как научное исследование, и как факт возрождающейся национальной узбекской (даже более локальной – лакайской) историографической традиции. Его работу также отличает сфокусированность на национальном моменте, который мешает автору посмотреть на своего героя со стороны, с научно-объективных позиций.

Более широкий – среднеазиатский – подход к изучению басмачества продемонстрировал молодой российский востоковед А. И. Пылев.⁷⁹ В его работе привлечены новые источники, в том числе литература на тюркских языках, в частности, на турецком. Однако, в стремлении представить басмачество явлением «среднеазиатской цивилизации»,⁸⁰ Пылев на наш взгляд, затушевывает ведущую роль внешнего фактора, а именно наступательную политику РКП (б) и Коминтерна на Востоке. Если на вопрос: кто виноват в появлении басмачества, узбекские ученые указывают на большевиков и РСФСР, то для Пылева действия России в Средней Азии того периода – это вынужденная реакция на неумение местных сил справиться с обстановкой своими силами.⁸¹ Так, «революции» 1920 г. в Бухаре и Хиве для Пылева – «военные перевороты, совершенные внутренней оп-

⁷⁶ Мендикулова Г. *Казахская диаспора: история и современность*. Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006. С. 9.

⁷⁷ Восточная Бухара – восточная часть Бухарского эмирата, включающая часть южного Узбекистана и весь центральный и юго-восточный Таджикистан.

⁷⁸ Насриддин Назаров. *Мухаммад Иброхимбек Лакай*. Document de travail de l'IFEAC. Серия «Рабочие документы ИФЕАК» Выпуск 20 (июнь 2006). Ташкент, 2006.

⁷⁹ Пылев А. И. *Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века)*. Бишкек, 2006.

⁸⁰ Пылев А. И. Указ. соч. С. 7

⁸¹ Пылев А. И. Указ. соч. СС. 81-82.

позицией власти хана (эмира) при помощи и поддержке большевиков Туркестана».⁸² То есть, Советской России отводится второстепенная, вспомогательная роль в этих важнейших событиях. И наоборот, местные революционеры представляются влиятельной и политической силой, способной ввести в заблуждение большевиков и склонить РСФСР к вооруженной интервенции в независимую Хиву и Бухару.⁸³ Между тем, и об этом пойдет речь в настоящей публикации, советизация Хивы и Бухары была частью широкого стратегического плана по продвижению мировой революции «в Лондон и Париж через Пенджаб и Бенгалию» (выражение Л. Д. Троцкого). События Средней Азии того периода – лишь фрагмент великой русской революции и гражданской войны, изменившей весь мир, а не локальное столкновение между старомодными восточными деспотами и их противниками из числа традиционной аристократии, в которое Советская Россия была вынуждена вмешаться из исключительно гуманитарных соображений. Тем не менее, книга Пылева – новое слово в изучении басмачества, а высказанная им точка зрения на басмачество как «борьбу традиционной элиты среднеазиатского общества с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции»,⁸⁴ заслуживает самого пристального внимания.

Процесс переосмысления истории Средней Азии раннего советского периода заслуживает всяческого одобрения. Это вполне понятно, что одни и те же события и явления получают различную трактовку в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Бишкеке или Душанбе. Вместе с тем, желательно, чтобы переосмысление проходило в рамках строгой научности, без ажиотажа и политических спекуляций. В 2000 г. коллектив авторов Института истории АН Узбекистана выпустил монографию «Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости».⁸⁵ Это первая серьезная попытка пересмотра истории установления Советской власти в регионе. Впечатление от книги портит то, что по многим позициям, в частности, по басмачеству, авторы перешли на позиции самого радикального антисоветизма и русофобии в духе Баймирзы Хаита⁸⁶. Смысл взглядов Хаита заключается в том, что народ «Туркестана» (для него: всего региона Средней

⁸² Пылев А. И. Указ. соч. С. 75.

⁸³ Невольно напрашивается аналогия со свержением главы Афганистана Амина и вторжением Советской армии в 1979 г. «по просьбе народа Афганистана».

⁸⁴ Пылев А. И. Указ. соч. С. 179.

⁸⁵ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. Ташкент: Шарк, 2000.

⁸⁶ О «героизации» басмачества см. также: Хидояттов Г. А. «Сто лет борьбы народов Центральной Азии за свободу и независимость». *Независимость и история: новые подходы к изучению истории Узбекистана*. Ташкентский университет, 1997. И это при том, что автор, Гога Хидояттов в годы Советской власти не просто занимал противоположные политические позиции, но был, пожалуй, главным разоблачителем «буржуазной историографии» Средней Азии. См.: Хидояттов Г. А. *Правда против лжи*. Ташкент, 1964; его же. *Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм*. Ташкент, 1978.

Азии) все годы Советской власти подвергался угнетению и потому не прекращал сопротивления русским. Еще можно было рассматривать подобную точку зрения, если бы она высказывалась наряду с противоположными взглядами и трактовками. Не секрет, что на указанную монографию не мог не оказать влияние антироссийский курс тогдашнего Ташкента.

С диаметрально противоположных, «державных», имперских позиций рассматривает проблемы Средней Азии 1920-х гг. афганист Владимир Бойко из Барнаула. Его работы написаны в блестящем литературном стиле, с использованием новых источников, в том числе из Архива Внешней политики Российской Федерации и лондонских архивов.⁸⁷ Тем не менее, автору можно пожелать расширить источниковую базу за счет оригинальных документов мусульманского, в частности афганского происхождения, на местных языках. Недооценка источников, повествующих об отношении самих среднеазиатов к своей истории, привела его к однобокому освещению событий афганской истории. Его публикации о среднеазиатской политике афганского правительства пестрят разоблачениями «аннексионистской», «антисоветской», «панисламистской», «авантюристской» политики эмира Амануллы, его «домашнего империализма». Бойко ставит Аманулле в вину исламскую солидарность и «готовность принимать беженцев из советизируемых областей Средней Азии», ни на минуту не допуская мысли, что жители Афганистана и Средней Азии могли иметь свои собственные интересы, идеалы и видение происходящего, не совпадающие с российскими. Сознательно или по невниманию он упускает из виду тот факт, что БНСР никак не могла считаться российской территорией и согласно статье 8 советско-афганского договора августа 1921 г., стороны договорились, что они «соглашаются на независимость и свободу Бухары и Хивы, какая бы форма там не существовала, согласно желания их народов». Описывая – совершенно справедливо – «блудливые похождения афганцев в Бухаре», имея ввиду участие афганских добровольцев в военных действиях в 1922 г., он перестает называть вещи своими именами, когда переходит к рассказу о советских вторжениях в Афганистан в 1925, 1929 и 1931 гг. К ним можно добавить т. н. «Колесовский поход» туркестанских большевиков в независимую Бухару в марте 1918 г. гилянское вторжение в 1920 г. в Персию, а также советское военное вмешательство в китайскую Среднюю Азию в 1921, 1934, 1937 гг. Более того, схожие агрессивные акты имели место в Восточной Европе (против Эстонии, Латвии, Польши) и на Дальнем Востоке, то есть практически по всему периметру Советской России. Эти военные вторжения, с советской точки зрения были ни-

⁸⁷ См.: Бойко В. С. «Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е гг.): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики». *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 1, Бишкек, 2004, сс. 57-88; Бойко В.С. «Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности» *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 2, Бишкек, 2006, сс. 52-58 и др.

чем иным как «защитой своих границ путем проникновения и оккупации приграничных зон». Они явили собой проявление отнюдь не «домашнего» империализма и способствовали росту того самого «панисламизма» и антисоветских (а порой и антирусских) настроений во всем мире.

Для изучения среднеазиатского отряда русской эмиграции определенное значение имеет книга В. И. Петрова «Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания».⁸⁸ Она написана сыном одного из казаков атамана Дутова, бежавшего в Китай в 1920 г. В. Петров родился в 1925 г. в Синьцзяне и вернулся в СССР после прихода к власти коммунистов в 1949 г. Его книга основана на изучении советской литературы, а также на личных воспоминаниях и наблюдениях. Автор претендует на то, чтобы его книга рассматривалась как научная. В таком случае ему стоит указать на то, что он не использовал архивные источники, в частности Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) и оставил без внимания работы русских эмигрантов, такие как упомянутые выше книги Носкова К., Серебренникова И. И., а также работы зарубежных авторов, в том числе Форбса, Ай Чен-Ву, Шен Шикая и многие другие. Синьцзянского губернатора Шен Шикая (правил с 1933 по 1944 гг.), Петров вообще объявил «канувшим в воду» в 1944 г.⁸⁹ Между тем, Шен Шикай никуда не скрывался, а после прихода к власти коммунистов отправился на Тайвань, где написал свои мемуары, которые известны всем, кто интересуется историей Синьцзяня XX века.⁹⁰ Слабая источниковая база книги Петрова В. И. стала причиной того, что важные эпизоды об Анненкове, Бакиче, Дутове, Ма Джунине, Шен Шикае, Тюркско-Исламской республике Восточный Туркестан (ТИВТР), «Апрельской революции» 1933 г., Восточно-Туркестанской республике (1944-1949 гг.) и многие другие страдают неточностью и неполнотой. Непонятно, что кроется за необъективностью повествования – позиция автора или его недостаточная осведомленность? Петрову свойственно умалчивание фактов вмешательства Советского государства в дела Синьцзяня. Между тем эти факты широко известны и скрывать их, как это было принято в советские времена, не имеет смысла. Петрова можно отнести ко второму поколению русских эмигрантов, которые почувствовав, что события в провинции развиваются под диктовку Советского Союза и его союзников, присоединились к сильной стороне, а именно к коммунистам. И это понятно, так как русские эмигранты хотели выжить в Китае, вернуться затем в СССР и выжить еще раз, то есть избежать лагерей. Сам Петров не скрывает, что главной его целью было возвратиться на Родину и при этом не превра-

⁸⁸ Петров В. И. *Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания*. М: Крафт+, 2003.

⁸⁹ Петров В. И. Указ. соч. С. 445.

⁹⁰ Whiting Allen S. and General Sheng Shih-ts' ai. *Sinkiang: pawn or pivot?* Michigan State University Press, 1958.

титься в «лагерную пыль».⁹¹ Именно с целью заслужить прощение и получить признание на родине, он и его товарищи примкнули к освободительной войне за «Восточный Туркестан» в 1944 г. Петров не скрывает своей неприязни к тем из казахов (в частности Оспану), которые сотрудничали с Гоминьданом, отказывались мириться с СССР и китайскими коммунистами. Он называет их «куюрчуками» (охвостьем), панисламистами и пантюркистами. В то время как исследование Гульнары Мендикуловой посвящено, главным образом, именно этой группе антисоветски настроенных казахов, бежавших из Китая в 1949 г. и нашедших приют в Турции и на Тайване. Неудивительно, что книга Петрова вызвала крайне негативную реакцию Мендикуловой, совершенно справедливо обвинившей автора в незнании документов и неуважительном отношении к народам Синьцзяня, в том числе казахам.

Несмотря на имеющиеся недостатки, книга «Мятежное «сердце» Азии» читается с интересом. Как многие необъективные книги она интересна тем, о чем умалчивает. Особенно удалось автору описание русского Синьцзяня середины XX века, особенностей быта, живописных и трагических деталей русской эмигрантской жизни, основанные на личных воспоминаниях.

Стремление фиксировать исключительно позитивные последствия советской (у Пылева, Бойко и Петрова она выступает синонимом русской) политики, и соответственно, негативное отношение к «панисламистам» и «куюрчукам», выступающим в этом контексте некими супостатами, отражает общую для постсоветской историографии тенденцию отступления от квази-универсалистских, классовых позиций марксизма и дрейфа в сторону эксклюзивного этноцентризма.

Распад СССР и обретение независимости, дали мощный толчок к росту национальных историографий, не сдерживаемых более идеологическими рамками. Привело ли это к качественному росту национальных историографий Средней (или как ее стали называть, Центральной) Азии? Невозможно однозначно ответить на этот вопрос. Главным результатом кончины советской историографии явилась замена марксистско-ленинской методологии этническим детерминизмом. Он явился принципиальным могильщиком коммунизма. Именно по этой причине он культивировался местными элитами и поощрялся Западом. Если первые пытались с его помощью удержаться у власти и заручиться массовой поддержкой, то вторые надеялись, что национализм не позволит региону скатиться назад к коммунизму или к «исламскому фундаментализму». Дошло до того, что этнонациональный фактор стал выделяться в качестве основного критерия исторического познания.⁹² Гипертрофированное увлечение этнической историей подвергнуто

⁹¹ Петров В. И. Указ. соч. С. 463.

⁹² Бордогов Г., Бухараев В. *Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи*. Москва: АИРО-XX, 1999. С.4

острой критике Сергеем Абашиным.⁹³ При этом, постсоветский этнонационализм обнаруживает много общего с, вроде бы канувшим в лету, коммунизмом. Сложная история выпрямляется до состояния, когда остается знакомая формула: «мы» и «они». В Узбекистане, например, с подачи Хаита, национальную историю представляют в виде нескончаемой борьбы за независимость, главным образом от имперской России.⁹⁴ В то время как у Масова (Таджикистан), вся сложная история региона предстает в виде «постоянной борьбы между индоевропейскими и индоиранскими, арийскими племенами с одной стороны, и тюрко-монгольскими кочевыми народами с другой».⁹⁵ И в том и другом случае налицо типичный конфронтационный марксистско-ленинский подход, при котором «борьба классов» заменена борьбой против «русского колониализма» (в случае с Узбекистаном) или «тюрко-монгольского засилья» (у Масова). От марксизма же идет и непримиримость к инакомыслию, ксенофобия и склонность к установлению «единственно правильных и всеобъемлющих» трактовок, неминуемо приводящих к тоталитарному мышлению.

От советского прошлого происходит и стремление подчинить историографию политике, а именно политическим проектам узко-националистической направленности. Появилось даже выражение: «суверенитетное историографическое мышление».⁹⁶ Оно подразумевает, что историческое прошлое суверенных народов является ни чем иным, как национальным достоянием (только) данного народа. И потому, данный народ волен интерпретировать его исходя из собственных интересов. Историческое прошлое стало сродни физической территории, за право обладания которой ведутся жаркие схватки. Историки чувствуют себя призванными бдитель-

⁹³ См. Абашин. Сергей. *Национализмы в Средней Азии. В поисках идентичности*. Санкт-Петербург: Алетей, 2007.

⁹⁴ «Борьба за свободу Родины и национальную независимость в Узбекистане длилась 126 лет», пишут авторы сборника *Репрессия. 1937-1938 годы. Документы и материалы*. Выпуск 1. Ташкент: Шарк, 2005. С. 4.

⁹⁵ Масов Р. *Таджики: вытеснение и ассимиляция*, Душанбе, 2003, С. 15. Автору этой книжки - академику и директору института истории - невдомек, что «арийские и индоевропейские племена» и «тюркские народы» никогда не встречались друг с другом. К тому времени когда арийцы (понимаемые как древнейшие представители индоевропейской культурной общности) составляли племена (во II тыс. до н. э.), тюркских народов, во всяком случае между Аму Дарьей и Сыр Дарьей, не было в помине. Гуннские и прочие кочевые племена появились в Среднеазиатском междуречье лишь на рубеже новой эры, когда индоевропейцы этого региона уже стали оседлым народом (точнее: народами). Собственно тюркские племена появились в регионе примерно в VI веке нашей эры и завершили свое формирование как столь нелюбимые Масовым тюркские народы (узбеки, казахи, киргизы) в XVI-XVIII вв. Весь период с XI (когда тюрки завладели Бухарой) до середины XIX в. был действительно отмечен нескончаемыми войнами, но не между арийцами и тюрками, а между различными тюркскими и монгольскими ордами и династиями. Монголы же, появившиеся в регионе в начале XIII в., при всем своем желании не могли сразиться с «арийскими племенами», поскольку таковых к тому времени не было не только в Средней Азии, но и нигде на земле.

⁹⁶ Германов В. «Файзулла Ходжаев: силуэт историка» *Центральная Азия и Кавказ*, № 10, 1997, http://www.ca-c.org/journal/10-1997/st_04_germanov.shtml (2005).

но охранять свою «территорию» от нападков извне, а также выявлять и карать отступников и предателей в своих собственных рядах. Их основные усилия тратятся именно на противостояние и борьбу, а не на поиски новых источников и координированное изучение совокупного исторического опыта. Другими словами, «суверенитет» ставится выше исторической правды. Как некогда коммунизм, он становится наивысшей ценностью и целью, оправдывающей любые средства.

Сегодня официальные историографии стран региона заняты написанием «национальных историй», главным объектом которых являются национальности, щедро наделенные исключительными качествами – уникальным этногенезисом, насчитывающим, по меньшей мере три тысячелетия, культурой, намного превосходящей культуру соседей и прочими замечательными атрибутами. На смену кропотливому исследованию и вдумчивому анализу источников зачастую приходит некомпетентное, рассчитанное на сиюминутный и скандальный успех, историописание. Наряду с работами, рассчитанными на нездоровый интерес и извлечение прибыли, создаются псевдонаучные мифы, предназначенные для легитимизации правящих авторитарных и тоталитарных политических режимов узко-националистической ориентации. Их содержание не соответствует историческим фактам и противоречит базовым ценностям гражданского общества. В такой ситуации не может быть и речи не только о сотрудничестве, но и о нормальном научном диалоге, который в советское время худо-бедно развивался. Независимость вызвала к жизни кичливую претензию на национальную исключительность, граничащую с расизмом; национальное высокомерие заменило национальную гордость, а жажда доминирования не оставила шанса для сотрудничества. Большинство исторических сочинений созданных в последние годы в бывших советских республиках, пригодны лишь для ограниченного «местного употребления». Для «нетитульной» аудитории они не представляют никакого интереса. У тех, кто все же рискнет и прочитает работы, написанные некоторыми историками соседнего государства, может наступить разочарование, раздражение и стресс. Впрочем, в большинстве случаев, работы некогда сотрудничавших между собой специалистов-историков просто недоступны коллегам из соседних стран, вследствие отсутствия нормального общения и книгообмена. Последним шагом к окончательному разводу может послужить повсеместный переход на национальные языки, путаница с алфавитами (в регионе используются одновременно модифицированная кириллица и латиница, а также начинает вводиться арабский алфавит) и отказ от русского языка как принципиального научного языка региона. Может так случиться, что среднеазиаты, которые издавна владели несколькими языками и прекрасно понимали друг друга, так и не смогут договориться: на каком языке общаться?

Зачастую, историками региона игнорируется тот факт, что культура Средней Азии – продукт многих цивилизаций: древнеиранской, греческой,

буддистской, зороастрийской, исламской, тюркской и русско-советской. Причем каждая из перечисленных культур, при более внимательном рассмотрении, обнаружит не менее сложное многообразие, которое просто невозможно этнизировать – то есть отнести к одной, отдельно взятой национальности. В таких условиях современная таджикская историография, замыкаясь на Саманидском периоде (IX-X вв.) бессильна объяснить, чем занимались таджики, к примеру, в период тимуридов, Шейбанидов (XIV-XVII вв.)? Пребывали в спячке, прятались в горных пещерах, терпеливо дожидаясь, когда придет «старший брат-освободитель» со схожими антропологическими чертами, и спасет избранный народ от ассимиляции и тюрко-монгольской кабалы?⁹⁷ Или, невзирая ни на что, предки таджиков, вместе с другими народами региона строили города, развивали науку, искусство, архитектуру, литературу, образование, распространяли и укрепляли ислам среди кочевников, добивались успехов в администрации?

Переживания, связанные с местом проживания и привычной культурной средой присутствовали с давних пор как у таджиков, так и всех других народов региона в форме иррационального «органического» национализма отдельных «малых родин» - городов, селений, но не этнических и тем более не расовых групп. Современный же таджикский объединительный национализм как рациональное, «западное», гражданское движение зародился в середине 1920-х гг., с признания персоязычной поэзии достоянием таджикской культуры и призывов к возврату городов и территорий, «утраченных» во время национального размежевания 1924 г. В последние годы он был дополнен романтическим расистическим поиском частью интеллигентов и молодежи при лидирующей роли государства особого таджикского «арийства». Главным содержанием таджикского национализма служили навеянные российской востоковедческой традицией мечтания об идеализированном этническом прошлом, искаженном поздними «тюрко-монгольскими» вторжениями, насильственной узбекизацией и пр.

С другой стороны, узбекский национализм во многом строится на отрицании таджиков. Из узбекской истории, с энергией, достойной лучшего применения, вымарываются «таджикские следы». Этот тяжкий и неблагодарный труд взвалили на себя несколько поколений пантюркистов и великоузбекских шовинистов. Первыми были руководители Бухар-

⁹⁷ Имеется в виду указанная работа Масова. В ней автор отлучает всех «тюрко-монголов» от Средней Азии как исторической родины. По мнению Масова, вне Таджикистана (в Узбекистане, Афганистане, Китае) «как продолжался так и продолжается геноцид таджиков» (с. 14). Бедным и невезучим, но обладающим богатой историей и наделенным уникальными расовыми признаками таджикам, окруженным враждебными и чуждыми им монголоидными народами, грозит полное исчезновение – таков главный пафос книги. Масов надеется, что Россия и Запад в конце-концов поймут, что таджиков надо спасать от вытеснения и ассимиляции. Другими словами, таджики выставляются вроде редкого и исчезающего вида животных из «Красной книги». В целом, книга Масова, также как и многие другие его работы, представляет собой скорее курьезный политический памфлет, нежели серьезное научное исследование.

ской Народной Советской республики (БНСР). Так, в 1922-1923 гг., при подготовке первой публикации бухарского Шашмакома,⁹⁸ тогдашний назир (министр) просвещения БНСР Абдурауф Фитрат распорядился не включать в книгу тексты, ограничиваясь только нотами. Дело в том что, к глубокой досаде Фитрата, большинство собранных текстов оказались на... персидско-таджикском языке. Это противоречило идее тюркизации культурного, в том числе музыкального наследия «бухарского народа».⁹⁹ Под де-таджикизацию пантюркистами была подведена «идейная основа». Узбекский язык был провозглашен языком народа, а таджикский – привнесенным извне языком религии и эмиров. В дальнейшем, эту политику де-таджикизации узбекской культуры и истории неустанно проводили сторонники идеи «Великого Узбекистана». Стоит ли после этого удивляться реакции таджикских историков, обвиняющих своих узбекских коллег в «краже» таджикской истории и культуры? Разумеется, это никоим образом не оправдывает антиузбекские выпады радикальных таджикских националистов. Не следует забывать, что от разговоров о расовых различиях до этнического шовинизма, расизма и фашизма – промежуток небольшой.

Рассмотрение истории региона конца XIX - начала XX вв. с сугубо национальных позиций – в том виде как это принято на сегодняшний день - абсурдно. «Национальное», в этом случае, становится синонимом официоза, замкнутости, исключительности, отказа от диалога. Автору могут возразить, что мифологизированное историописание необходимо, и даже полезно для духовного обустройства и обеспечения политической консолидации молодых и слабых государственных формирований. Но можно ли оправдать фальсификацию истории благими намерениями укрепления независимости?

Все официальные историографии сходятся в том, что регион был перекрестком цивилизаций. Однако, каждая из них претендует на исключительное доминирование «своего» народа. Поколения, которым втолковывали, что они являются «супернацией» и которые становятся, таким образом, запрограммированными на конфликт с соседями, вряд ли смогут обеспечить мир и развитие своих стран и региона в целом. Следуя реальному или вымышленному примеру своих «суперпредков», они окажутся менее восприимчивыми к диалогу, а порой будут склоняться к агрессии, насильственной экспансии, направленной против соседей. И это при том, что во всех без исключения странах региона, «титовые» проживают плечом к

⁹⁸ Шестиступенчатый цикл классических песен и мелодий (макомов). Распространен среди урбанизированных таджиков и узбеков.

⁹⁹ Джумаев А. Абдурауф Фитрат и его современники на музыкальном «фронте» Узбекистана (20-30-е годы) // Центральная Азия и Кавказ, № 7, 1997, http://www.ca-c.org/journal/07-1997/st_21_gumaev.shtml (2005)

плечу с «нетитульными», но коренными народами Средней Азии – узбеками, таджиками, киргизами, казахами, каракалпаками. А также русскими, татарами, арабами, армянами, корейцами, евреями, цыганами, немцами и десятками других национальностей. Сплотить такое разнообразие, исходя из принципа этнического национализма, то есть доминирования «титульных» этнических групп, невозможно. Только общегражданские ценности, которые никогда не были чужды среднеазиатам, смогут обеспечить единство и процветание региона в целом и, каждого отдельного государства Средней Азии, в частности.

Манипулирование историей зачастую инициируется самими историками, стремящимися сохранить или повысить свой статус в условиях развала прежней системы тотального огосударствления. Они ведут между собой непримиримую борьбу за престиж и близость к официальной власти. Создавая причудливые исторические мифы и хвастливые, а то и жалостливые теории они культивируют местничество, трайбализм, ксенофобию и национально-расовую исключительность, углубляя раскол общества и уводя его в сторону от реальных общественно-политических проблем. Подобные историки вносят свой вклад в культурный раскол региона и создают препятствия для взаимовыгодного сотрудничества государств и народов Средней (Центральной) Азии.

Перечисленные проблемы, однако, следует адресовать обществу в целом, а не только историкам. В завершение раздела, хотелось бы обратить внимание на то, что в условиях массового, доступного образования, растущей информационной открытости и постепенного движения к либеральным ценностям, век идеологизированных, эксклюзивных этноцентристских толкований исторического опыта представляется недолгим, и это внушает оптимизм.

* * *

Таков далеко не полный перечень изданий по заявленной теме. Его анализ позволяет сделать вывод, что история среднеазиатской эмиграции является составной и неразрывной частью совокупной истории Средней Азии - как советской, так и несветской (имеется в виду сопредельные части Китая, Афганистана и Ирана). Причиной же ее недостаточной изученности является идеологическая непримиримость, в которой пребывала долгие годы историография Запада и Востока. Вследствие этого, изучение истории Средней Азии долгие годы велось изолированно. В новейшее время (после 1991 г.) ее позитивному развитию препятствует национальная изолированность и склонность к дезинтеграционному этническому национализму.

Основные источники

Основной корпус источников по истории среднеазиатской эмиграции формировался как на территории Средней Азии, так и далеко за ее пределами. Исходя из этого, его можно классифицировать следующим образом:

1. Документы советского происхождения.
2. Документы эмиграции.
3. Колониальные документы.

Документы советского происхождения. Это в первую очередь архивные документы советских, партийных, военных и специальных хранилищ бывшего СССР. Начиная с 1975 г. автор собрал немало материалов бывшего Центрального Государственного архива Советской Армии, известного нынче как Российский Государственный военный архив (РГВА). Они сосредоточены, главным образом, в фонде 110 (управление армиями Туркестанского фронта). В 1918-1926 гг. политические и разведывательные органы Туркфронта собирали оперативную информацию об обстановке в приграничном Афганистане, Китае, о военных и политических акциях мусульманской и белой эмиграции. Схожие материалы были обнаружены в Государственном архиве Таджикистана (ГАРТ), бывшем Партийном архиве Таджикского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ныне известном как Архив Коммунистической партии Таджикистана (АКПТ). Автор также изучал материалы бывшего Центрального партийного архива ЦК КПСС, который ныне называется Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, известного сегодня как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Многое еще не введено в научный оборот и ждет своего исследователя. Например, архивы бывшего Комитета государственной безопасности (КГБ) о деятельности контрреволюционных организаций и формирований в 1920-х и 1930-х гг. Благодаря помощи узбекского журналиста Набиджона Бокиева, автору удалось привлечь следственные материалы по делу Ибрагимбека из фондов архива КГБ Узбекистана. Они содержат ценнейшие признания этого лидера басмачей Восточной Бухары о деятельности среднеазиатской эмиграции в Афганистане во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг.¹⁰⁰ О степени достоверности этого источника речь пойдет в самом конце настоящего исследования.

Периодическую печать СССР следует рассматривать, прежде всего, как агитационно-пропагандистское орудие, предназначенное для идеологического обеспечения политических решений советского руководства,

¹⁰⁰ Архив комитета государственной безопасности Узбекистана. Уголовное дело No. 123469 по обвинению Ибрагимбека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР).

нежели как сборник достоверной информации. «Известия», «Правда» и другие советские издания регулярно помещали материалы об антинародном характере басмачества, его связях с эмиром, английским империализмом. Такие публикации помещались для создания атмосферы напряженности, подозрительности, подтверждения сталинского тезиса о «нарастании классовой борьбы по мере строительства социализма». Они были предназначены для оправдания репрессий внутри страны, включая саму партию коммунистов. Кроме того, по мере необходимости, советская печать осуществляла идеологическое прикрытие конкретных внешнеполитических акций в отношении соседних государств. Например, весной-летом 1929 г., советская пресса осуществляла идеологическое обеспечение вторжения в Афганистан путем публикации «разоблачительных» материалов, включая письмо-отречение Шахмурада, сына свергнутого бухарского эмира Алим Хана, содержащее проклятие в адрес отца. Обвинения в пособничестве эмиру, националистам, эмигрантам и басмачам были взяты на вооружение теми, кто в самом конце 1920-х гг. развязал политический террор против собственного народа.¹⁰¹

Документы эмиграции. Ценным источником для написания настоящего исследования послужила белоэмигрантская и националистическая (пантюркистская) периодическая печать. С 1927 по 1931 гг. в Стамбуле выходил ежемесячный журнал “Yeni Turkestan” (“Новый Туркестан”) на турецком языке, сначала на арабской, затем, с 1929 г., на латинской графике. Этот политико-художественный журнал реагировал на события в СССР, спорил с публикациями, помещенными в советской прессе. Кроме того, время от времени он полемизировал с белоэмигрантскими изданиями по вопросу будущего устройства Российской империи. Отдельные публикации, включая воспоминания эмигрантских лидеров, встречаются на страницах других эмигрантских изданий - “Milli Turkestan” (“Национальный Туркестан”)¹⁰², “The Voice of Turkestan” (“Голос Туркестана”)¹⁰³ и некоторых других. Перечисленные журналы пантюркистского характера выходили нерегулярно, незначительными тиражами и плохо сохранились. Они издавались группой туркестанских интеллигентов - эмигрантов на деньги антироссийски и антисоветски настроенных правительственных кругов Турции, Германии и Польши. Значение туркестанской эмигрантской печати состоит не столько в ее важности как источника информации, сколько как памятника истории самой эмиграции.

¹⁰¹ См.: *Репрессия. 1937-1938 годы. Документы и материалы.* Выпуск 1. Ташкент: Шарк, 2005.

¹⁰² Журнал выходил с 1942 года в Германии как орган Туркестанского национального комитета под редакцией Вели Каюмхана. В «Milli Turkestan» сотрудничали Баймирза Хаит, А. Завки и другие эмигранты.

¹⁰³ Выходил в конце 1950-х гг. в Анкаре на английском.

Известную ценность представляет периодика русской эмиграции. В 1920-х и 1930-х гг. в Париже выходил один из самых значительных белоэмигрантских общественно-политических журналов - "Современные записки", основанный эсерами (Н. Д. Авксентьевским и др.). Там же издавалась серьезная эсеровская газета "Последние новости" (ред. П. Н. Милоков). В этой наиболее читаемой газете русской эмиграции время от времени помещались материалы о «туркестанской» эмиграции в Европе и о положении в Советской Средней Азии.

Наибольший интерес для раздела книги о белой эмиграции в Синьцзяне представляют материалы русской эмиграции, собранные в Русском зарубежном историческом архиве (РЗИА) в Праге. Этот архив начал формироваться белоэмигрантами в самом начале 1920-х. После второй мировой войны коммунистическое правительство Чехословакии передало архив Сталину. Почти 50 лет РЗИА пылился на архивных полках. В 1989 г. он, наконец, был открыт для широкого читателя. В нем, в частности, содержится красочная подборка документов о пребывании в Западном Китае русских армий под командованием Дутова, Бакича и Анненкова. В нее входит переписка указанных генералов с адмиралом Колчаком, между собой, российским, французским, английским консулами в Пекине, китайской и монгольской администрацией и многие другие материалы.

Различные по объему документы и литература русской эмиграции хранятся библиотеке Гуверовского института войны, революции и мира и других университетах США и стран Европы. Говорить о какой-либо прямой связи среднеазиатской массовой, и русской белоэмиграции не приходится, и поэтому архивы русской эмиграции в целом, имеют косвенное отношение к предмету нашего исследования, кроме сюжета о русских в Синьцзяне и связи русских монархистов с Алим Ханом - эмиром Бухары.

Колониальные документы представлены, прежде всего, материалами лондонских хранилищ, а именно архива Индийского Офиса (India Office Library), Британской библиотеки и Публичного архивного хранилища (Public Record Office).

Индийский Офис - совет короля Великобритании по делам колоний. Он начинался в XVII веке как бюрократический отдел Восточно-Индийской компании, а затем, в середине XIX века перешел под опеку правительства. Офис полностью отвечал за руководство правительством Индии с 1858 по 1947 гг. Возглавлял его Государственный секретарь (советник короля по делам колоний), в то время как подотчетное ему правительство Индии во главе с Вице-королем находилось в Дели и Симле. Лорд Джордж Керзон был Госсекретарем по делам Индии в 1891-1892 гг., и Вице-королем Индии в 1899-1905 гг. В этом качестве лорд Керзон путешествовал по Средней Азии, Афганистану. В частности, в 1895 г. он был удостоен золотой медали Королевского географического общества за открытие высо-

чайших ледников на границе Китая, России и Афганистана (на т. н. Малом Памире). Керзон, известный своими антиафганскими и антисоветскими взглядами, был Государственным секретарем (министром иностранных дел) Англии с 1919 по 1924 гг.

Хранилища офиса содержат прекрасно сохранившиеся и систематизированные материалы о политической, административной и коммерческой деятельности Англии в Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке в течение периода с начала XVII до середины XX века. Большинство материалов, имеющих отношение к Средней Азии и русской Сибири, сосредоточено в политическом и секретном департаменте (Political and Secret Department) Индийского Офиса. Задача этого департамента заключалась в надзоре над взаимоотношениями правительства Дели с местными индийскими правителями и соседними странами. Документы Британского посольства в Кабуле, английских миссий в Пешаваре, Мешхеде, Кашгаре, Политического и секретного департамента и правительства Британской Индии в Симле и Дели являются богатейшими на Западе хранилищами английской колониальной администрации, свидетельствующими о ее деятельности в Средней Азии, Афганистане, Западном Китае и прилегающей части азиатской России конца XIX - начала XX веков. Указанные колониально-административные, военно-дипломатические и разведывательные центры тщательно собирали и обрабатывали информацию о сопредельных Британской империи территориях, включая Афганистан, Туркестан, Бухару. Публичное архивное хранилище (Public Record Office) расположенное также в Лондоне содержит материалы, во многом схожие с документами Индийского Офиса.

Чтобы точнее представить значение документов иностранного происхождения надо иметь в виду, что путь наиболее состоятельных и политически активных бухарских и туркестанских эмигрантов пролегал по нескольким маршрутам. Главным из них был афганский. Из советской Средней Азии беглецы следовали через Восточную Бухару (современный южный Таджикистан) в северный Афганистан и, далее, в Кабул. Балансировавшая между Москвой и Лондоном афганская столица не была для них надежным и привлекательным прибежищем для антисоветской эмиграции. В Афганистане их юридический статус был неопределенным. Им выдавались временные документы (справки) и лишь самым титулованным назначалась пенсия от имени афганского правительства. Для того чтобы двигаться далее - в Европу, Турцию или на Ближний Восток, бухарцы и туркестанцы были вынуждены обращаться в англо-индийский Пешавар.

Другой путь бегства из «русской» Средней Азии пролегал через Туркмению в контролируемый англичанами персидский Мешхед, где наряду с английским, функционировали турецкое и российское консульства.

После соответствующей «фильтрации» (допросов, а может и вербовки?), англичане в Пешаваре и Мешхеде признавали бухарцев легальными

беженцами и снабжали их паспортами и визами для дальнейшей отправки в другие страны, в первую очередь в Старый Свет и святые места Аравии. Разрешение давалось, однако, не всем. Известно, например, что сам Алим Хан в 1921-1944 гг. неоднократно и безуспешно обращался к англичанам в Пешавар и Мешхед за разрешением выехать в Мекку. По достигнутой между собой договоренности, английские, афганские, бухарские и советские власти оказались глухи к мольбам Алим Хана. Они отвели беглому эмиру статус домашнего арестанта при афганском дворе.

Политически активные туркестанские и бухарские эмигранты пытались заручиться поддержкой зарубежных стран, в первую очередь Великобритании, а также Франции, Турции, Германии и Японии. Естественно, английская колониальная администрация, охранявшая интересы империи от происков Советской России, Турции и Германии, с большим подозрением относилась к деятельности бежавших из России агентов протурецких националистических организаций, таких, например, как «Туркестанское национальное объединение» (ТНО). Его руководитель, Зеки Валиди, наивно предлагал Англии, Турции и Германии заключить антисоветский договор и оказать помощь его ТНО в борьбе против большевиков в Средней Азии. После неоднократных встреч с туркестанскими и бухарскими националистами, в 1923 г. британцы пришли к следующему выводу:

“Можно считать доказанным, что Заки (Валиди-К.А.) работает искренне, но это не доказывает того, что он не является жертвой обмана”.

Англичане подозревали, что ТНО используется большевиками через посредство турецких националистов, с целью дальнейшей реализации их (турков) панисламистской программы.¹⁰⁴ Британия отказала в безусловной поддержке всей массы туркестанцев и бухарцев. Но это не означало, что она оставалась безучастной к тому, что происходило в регионе. Хоть и истощенная Первой мировой войной, Великобритания продолжала обладать самой изощренной дипломатической, и самой грозной секретной службами в мире. То, что делали, к примеру, сэр Френсис Хэмфрис на посту английского посланника в Кабуле (1922-1929 гг.), или полковник Перси Эссертон, служивший консулом в Кашгаре (1918-1922 гг.), заслуживает если не восхищения, то самого пристального внимания и тщательного и непредвзятого изучения. Англичане содержали разветвленную агентуру на всем Среднем Востоке для слежки и воздействия на политическую ситуацию в регионе. Их служба снабжала регулярной информацией власти в Лондоне и Дели. Большинство ее сохранилось в лондонском архиве Индия Офис.¹⁰⁵

¹⁰⁴ India Office Library (IOR): L/P&S/10/950: p 2126.

¹⁰⁵ Daniel C. Waugh. *Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game” Bactrian Press Seattle 2007* <http://faculty.washington.edu/dwaugh/ethertonatkashgar2007.pdf>

В настоящей работе привлечен еще один редкий документальный материал. Он подготовлен японским тюркологом Масаюки Ямауши. В 1984-1985 гг. ему удалось получить доступ к материалам бывшего военного министра Турции, закончившего свой путь в Восточной Бухаре в 1922 г., известного авантюриста, мечтавшего о создании федерации тюркских государств в Средней Азии - генерала Энвера Паши. По материалам своих исследований в 1991 г. Ямауши опубликовал уникальный сборник документов, куда вошла личная переписка, которую вел Энвер вплоть до самого своего последнего дня. По-видимому, личный архив Энвера был вывезен его сподвижниками из Восточной Бухары в Афганистан и далее в Турцию. Книга "Зеленый полумесяц под красным флагом: Энвер Паша в Советской России, 1919-1922" состоит из 60-ти страничной статьи, написанной Ямауши по-английски; 191 документа на турецком языке с использованием латинского алфавита; 25-ти страничной библиографии материалов об Энвер Паше, изданных на различных языках.¹⁰⁶ Большой интерес представляют письма, направленные Энвером своим соратникам из Восточной Бухары весной и летом 1922 г., непосредственно перед собственной гибелью, последовавшей 4 августа в Балджувоне.

Таков далеко не полный перечень материалов по проблеме, имеющей большое политическое и познавательное значение. Отобранные и изученные в ходе написания данной работы литература и источники, представляют собой бессистемный и пестрый набор памятников. В них отсутствует какой-либо обобщающий текст, позволяющий дать хоть немного связную картину многолетней истории среднеазиатской эмиграции в Афганистане, Китае и других сопредельных странах.

Большой изъян имеющейся на сегодня литературы заключается в том, что она посвящена больше политическому, нежели социальному и культурному аспектам проблемы. Мало кого из авторов интересовало: сколько бежало, кто бежал, почему именно, куда, и что дальше происходило с выходцами из Средней Азии? Во время "холодной войны" советская и несоветская историографии подходили к изучению истории Средней Азии послереволюционного периода с точки зрения противостояния двух политических систем. В результате, за долгие годы конфронтации между Востоком и Западом, в историографии сложилась чрезвычайно плотная атмосфера в таких "горячих точках" как басмачество (которое отождествлялось со всей эмиграцией). Усилиями всех сторон тема "установление Советской власти" в годы «холодной войны» превратилась в арену ожесточенной идеологической борьбы. Главными противостоящими сторонами выступали советская, западная и «мусульманская» стороны. Пос-

¹⁰⁶ Masayuki Yamauchi. *The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasha in Soviet Russia 1919-1922*. Tokyo: University of Foreign Studies, 1991.

ле окончания «холодной войны» на смену идеологическому противостоянию пришло равнодушие западных и российских историков к среднеазиатской истории¹⁰⁷ и ожесточенное соревнование конфликтующих этнонационалистических, негражданских историографий стран региона. По мнению автора, необходимо изменить ситуацию. Первым шагом для этого должно стать нарушение интеллектуальной изолированности, в которой продолжают пребывать национальные постсоветские, российская, западная и мусульманская историографии. Во-вторых, их развитие сдерживается узостью источниковой базы. Необходимо расширить ее за счет документов и литературы, ранее рассматривавшихся исключительно как объект контрпропагандистской критики или недостаточной идейной «чистоты» их авторов.

Разумеется, непременным условием плодотворного сотрудничества является снятие идеологических и политических разногласий, объединение научных усилий. В современных условиях среднеазиатские ученые, равно как их коллеги из России, Запада, сопредельных стран мусульманского Востока не должны упустить уникальной возможности налаживания равноправного научного диалога во имя общей цели - приращения объективного знания о прошлом Средней Азии.

¹⁰⁷ Счастливым исключением явилась упомянутая выше книга Пылева А. И., вышедшая на завершающей стадии написания настоящей работы – в конце 2006 г.

Глава I: «БОЛЬШАЯ ИГРА»: ИСТОКИ БУДУЩЕЙ ТРАГЕДИИ

Туркестан и Бухара в расчетах игроков

Исторические места проживания узбеков, казахов, таджиков, киргизов и каракалпаков расположены, главным образом, в зоне среднеазиатского междуречья. Этот обширный регион, заключенный между двумя великими реками – Амударьей и Сырдарьей, арабы называли Мовароуннахр (Мавераннахр). Еще ранее, греки называли этот регион Трансоксанией, то есть «За Оксом» (Амударьей). Сегодня там расположены Таджикистан, Узбекистан, значительная часть Киргизстана, часть Казахстана и Туркмении. Расположенная на левом берегу Амударьи и примыкающая к Мовароуннахру территория была названа арабами Хуросоном (Хорасаном). К Хорасану относятся левобережная Туркмения, северо-восточный Иран и северо-западные провинции Афганистана. Вместе, Хуросон и Мовароуннахр составляют Среднюю Азию. Этот термин – Средняя Азия (Central Asia) был введен европейцами в XIX веке. Географически этот регион простирается от Каспийского моря на западе до Турфанского оазиса (Китай) на востоке, и степей Дашти Кипчака (северный Казахстан) на севере до гор Гиндукуша на юге. Мовароуннахр, составляющий сердцевину Средней Азии часто обозначают термином «Туркестан», т. е. «Страной тюрок». Этот термин был введен средневековыми персами для обозначения территорий Средней Азии с преимущественным тюркским населением. По аналогии, территории, населенные арабами назывались «Арабистаном», индусами- «Хиндустаном». В более поздних источниках упоминаются «Западный», или «Русский» Туркестан (бывшая советская Средняя Азия); «Восточный», или «Китайский» Туркестан (сегодня - Синьцзянь-Уйгурский Автономный район КНР); «Южный», или «Афганский» Туркестан (северный Афганистан).

Хоть тюрки и покорили тысячу лет назад большую часть Мовароуннахра, Хорасана и Индии, они не предпринимали попыток создать «Туркестан», со своей государственной системой, в которой не-тюркским народам отводилось какое-то особое положение. Они выбрали не национальную, а теократическую систему государства. Для того, чтобы узаконить свою власть, тюркские правители присваивали себе громкие титулы, связывая свое происхождение с правителями прошлого и мусульманскими халифами. С начала XV века в Средней Азии халифом считали Тимура (1336-1405), исламизированного и тюркизированного монгола племени барлас. Например, Могольские правители (в Индии) – начиная от Джохангира (1605-

1627) вплоть до самого последнего из них – Бахадур Шах Музафара (1775 - 1862) будучи по крови индусами, считали себя потомками Тимура. Последний правитель Бухары – мангыт Алим Хан считал себя потомком Тимура и халифов одновременно. Ссылка на халифов служила сакральной легитимизации власти. При этом, государственное устройство, дворцовый этикет, организация армии, административная система, почта и многие другие культурные элементы были взяты арабами (особенно Аббасидами) и тюрками от персов - Ахеменидов, Сасанидов и Саманидов. Более того, для делийских султанов, для мангытов, для пуштунской правящей династии в Кабуле, а также для оттоманских султанов родным языком был персидский. Все они были поклонниками персидской культуры. Ее центр, в зависимости от политической обстановки и наличия ресурсов, в средние века перемещался по всему региону – от Исфагана к Герату, от Хорезма к Самарканду, от Бухары к Дели. Вклад персов в развитие мусульманского мира был огромен. Из основателей четырех мазхабов (школ) ислама только Малик и Ханбал были арабами, остальные принадлежали Аджаму (персидскому миру). Абу Ханифа известный как Имоми Аъзам (699-767), основатель самого популярного и либерального мазхаба, а также его ученики и последователи из Багдада, Самарканда и Бухары отстаивали идею равенства мусульман независимо от их происхождения. Они выступали за предоставление больших прав местным, не-арабским династиям. Тем самым, интеллектуалы Хорасана и Моваруннахра обеспечили жизнеспособность и легитимность правления мусульманских правителей Малой Азии, Сирии, Ирака, Индии, Золотой Орды, Средней Азии и других частей мусульманского мира. Однако, без участия мобильных и активных тюрков, культура Аджамы не получила бы широкого распространения. В XV-XVI веках богатое персидско-мусульманское наследие Саманидов вместе с языком фарси в Индию принесли именно тюрки.

Тюрки были прекрасными воинами, но они служили не отдельному народу и тем более не «Туркестану», а исламу. Походы Тимура в Индию позиционировались им как борьба с многобожием. По мусульманским законам государство должно служить интересам религии. Правителем здесь был не царь или король, а амир ал-муслимин - властелин мусульман, «победитель неверных и защитник правоверной религии». Суверенитет в исламских государствах принадлежал Всевышнему, а не какой-либо одной этнической группе или даже народу в целом.

Национализм, этот идол XX века, никак себя не проявлял до самого прихода русских в Центральную Азию и англичан в Индию и Афганистан. Идея «Туркестана», то есть объединения всех тюрков в единое государство, появилась как интеллектуальный проект в среде образованной интеллигенции мусульман Российской империи в начале XX века. В советский период она рассматривалась большевиками как альтернатива советскому устройству Средней Азии и потому жестоко преследовалась. В по-

стсоветской Средней Азии, в связи с возрождением национализма и регионализма, термин “Туркестан” обрел новую жизнь. Причем, если в тюркоязычных республиках он находит своих многочисленных сторонников, то в Таджикистане его употребление вызывает негативную реакцию. Таджикские ученые склонны видеть в нем вызов и угрозу ассимиляции таджиков. Автор также считает употребление термина “Туркестан” неподходящим для научного, а тем более политического, обихода. Однако, поскольку он в обилии встречается в источниках и литературе, то полностью отказаться от его использования невозможно.

Хорасан и Мовароуннахр в древности являлись одним из центров мировой цивилизации, соединяющих Запад и Восток. Примерно с XVI века Средняя Азия теряет свое значение крупного центра мировой политики, торговли, культуры. Это совпало с последней и самой массовой тюркской миграцией в Хорасан и Мовароуннахр. Именно тогда пришедшие из Дашти Кипчака узбеки-шейбаниды разгромили государство Тимуридов. Тогда же Сафавиды объявили шиитский ислам государственной религией Ирана, чтобы противостоять суннитским Оттоманской Турции и среднеазиатским ханствам. Это еще больше ослабило регион, погрязший в кровавых междоусобицах. Другой причиной упадка региона принято считать появление морских торговых путей, соединивших холодные и теплые моря. Постепенно тропы “Шелкового пути” заросли травой и покрылись песком. Некогда могущественные империи среднеазиатского междуречья стали дробиться на небольшие ханства. Наступили новые времена. Мировой порядок стал определять рационализм, создавший более совершенные технологии, передовые виды оружия. Молодые и более энергичные европейские цивилизации начали свое наступление на Восток. В их авангарде находились торговцы, основавшие свои кампании на Русском Севере, Сибири и в Индии.

Так было положено начало борьбе за влияние на обширный регион, простирающийся от Каспийского моря на западе, до Турфана и Алтая на востоке и от русской южной Сибири на севере до предгорий Гиндукуша на юге. Хотя Средняя Азия была обессилена и мусульмане уже теряли контроль над своими территориями, Хорасан и Мовароуннахр все еще обладали огромными человеческими и природными ресурсами. Этот регион занял важное геополитическое положение между русской Сибирью и Южной Азией, Европой и Китаем. Политическое соревнование известное в литературе как “Большая игра” (“The Great Game”) велось между тремя империями, столь непохожими на первый взгляд - Россией, Великобританией и, в меньшей степени, Китаем. Роднило их, пожалуй, только то, что все они на своих рубежах соприкасались с постепенно приходящими в упадок цивилизациями оазисов, пустынь и степей Средней Азии. Появлению европейцев в регионе способствовало ослабление некогда могучих Могольской империи в Индии и государства Сафавидов в Иране. Их упадок сделал Среднюю Азию еще более уязвимой для внешней агрессии. Ос-

лабляли регион и постоянные внутренние конфликты между кокандцами, хивинцами, афганцами и бухарцами.

В борьбе за мировой рынок и колонии, Великобритания, преуспев на Индийском субконтиненте, остановилась у самого подножья Гиндукуша, всего в нескольких десятках километрах от Амударьи. Заслуга в этом принадлежит афганцам, которые в трех кровопролитных войнах умерили завоевательский пыл англичан. Это обстоятельство имело решающее значение для народов Мовароуннахра – в первую очередь таджиков и узбеков, помимо своей воли связавших отныне свою судьбу с Россией. В отличие от англичан, которыми двигали интересы защиты индийской колонии преимущественно невоенным путем, русские появились в Средней Азии (так же как и на Кавказе) в результате прямого военного вторжения. В 1860-х-1970-х гг., после непродолжительного и слабого сопротивления Средняя Азия пала. В 1869 г. бухарский эмир стал вассалом российского императора, и Российская империя закрепила на правом берегу Джайхуна (Аму Дарьи). Вслед за Бухарой пала Хива, а в 1876 г. Кокандское ханство было присоединено к России в качестве Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства.

Новый мировой порядок внес изменения и в древний Хорасан. В самом начале XVIII века на стыке трех дряхлеющих среднеазиатских царств – Аштарханидского (узбекского), Сафевидского (персидского) и Могольского (индийского), образовалось Афганское государство. В поисках новых территорий афганские феодалы обращали свои взоры на северных соседей – ханства т. н. Южного Туркестана, часть которых находилась под номинальной властью Бухарского эмира. В 50-х и 60-х гг. XIX века при активном содействии англичан афганцы покорили пограничные ханства Балх, Шибеган, Герат.

С самого начала Афганистан развивался на пуштунской этнокультурной и политической основе. Персоязычные и тюркоязычные группы рассматривались как меньшинства. Вплоть до 1919 г. англичане пользовались исключительным влиянием в Афганистане. Особенное значение приобрела Средняя Азия для Англии после того, как последняя разделила пуштунские территории линией Дюранда в конце XIX века. В результате, более половины всех пуштунов остались в Британской Индии (нынешний Пакистан), тогда как остальные – в Афганистане. В случае ущемления афганских пуштунов, последние могли бы пойти на объединение со своими собратьями по другую сторону линии Дюранда, перечеркнув англо-русский «афганский проект» в пользу независимого «Пуштунистана». В случае трансформации Афганистана в Пуштунистан, судьба таджикско-узбекско-туркменского северного Афганистана была бы неясной. Остаться в составе Пуштунистана и подвергаться еще большей дискриминации, образовать собственное исламское государство, или пойти на сближение с собратьями за рекой – только три возможных вариантов разви-

тия. Поэтому, сохранение дружественного Англии пуштунского правительства в Афганистане, при одновременном недопущении объединительного пуштунского национализма стало главной заботой англичан, а затем (с 1947 г.) - пакистанцев. Таким образом, англичане появились в Средней Азии, так сказать, косвенно, через контроль над Афганистаном. Как таковая, Средняя Азия, с ее природными и человеческими ресурсами, для Британии не представляла большого интереса.

Тем временем, русские в начале 1880-х гг. военной силой захватили Ахалтекинский оазис и образовали Закаспийскую область с центром в Ашхабаде, причем туркмены Мерва, Теджена, Пандждеха (или Пенде, Восточная Туркмения) остались самостоятельными. Затем последовали переговоры с англичанами о разделе сфер влияния. В результате, в 1872 г. было подписано англо-русское соглашение, предусматривающее, что сфера влияния России не будет распространяться на территории, расположенные южнее Амударьи.

Особое место в англо-русском соперничестве занимал Памир. Геополитическое положение Памира уникально. Он представляет собой горную страну, глубоко вклинившуюся к великим хребтам Каракорум и Гиндукуш, отделяя Синьцзянь от Афганистана и «русскую» Среднюю Азию от Британской Индии. Прекрасно понимая это, англичане всячески пытались усилить свое влияние в соседней к Памиру Кашгарии (южный Синьцзянь). Стратегическая задача англичан заключалась в блокировании русского наступления к индийским владениям. Вице-королю Индии лорду Мэйу (Мауо) удалось отправить в Кашгарию, к тамошнему правителю Якуббеку миссию во главе с Д. Форсайтом. Вторая миссия, во главе с тем же Дугласом Форсайтом, состоявшая из 350 человек и 550 животных торжественно вошла в Кашгар в декабре 1873 г.¹ Это была разведка с целью выяснить надежность памирских перевалов, способных защитить Индию от русских. Разведывательский корпус этой миссии, во главе с Томасом Гордоном путешествовал по «крыше мира», подходя вплотную к русским постам - Памирскому, Кызыл-Рабатскому, Рангульскому (Восточный Памир). Англичане с тревогой отметили, что при желании русские могут организовать индийский поход через Читрал и Гильгит. В дальнейшие годы были эпизодические встречи английских и русских разведчиков, были и споры, но до крупных англо-русских конфликтов из-за Памира дело не доходило.

В 1883 г. самостоятельные памирские бекства Рушан, Шугнан, Вахан при поддержке англичан перешли к Афганистану. Русское правительство выразило энергичный протест, так как это противоречило англо-русскому соглашению 1872 г. После долгих дипломатических переговоров, военных экспедиций и стычек, правобережный Памир в 1895 г. окончательно перешел к России, а от нее к Бухаре. Присоединенная к Афганис-

¹ Henze P.B. "Great Game in Kashgaria. British and Russian missions to Yakub Beg", *Central Asian Survey*, Vol. 7, no. 2, 1989, 70.

тану часть Вахана образовала узкий клин (местами 15-20 км.), отделявший русские владения на Памире от северо-западной границы Индии.

В 1878-1880 гг. англичане, обеспокоенные усиливающимся русским влиянием, вторглись в Афганистан и развязали II англо-афганскую войну. Из этой войны афганцы вышли победителями, и новый эмир Абдурахман начал новую, современную эпоху своей страны. Вся новая история Афганистана - история страны, созданной на границе русской и британской империй, Южной и Средней Азии и вот уже более одного века пытающейся стать независимым, единым государством. Стремясь сохранить свою “жемчужину” - Индию, Лондон пытался удержать Россию на известном расстоянии от индийских границ. Для этого как нельзя лучше подходил “афганский буфер” (то есть Афганистан) и его северный рубеж в виде природной оборонительной линии - реки Амударьи от озера Виктория и малого Памира на востоке, до Керки на западе (более 2 тыс. км.). Первоначально были предложения провести англо-русское разграничение по Гиндукушу, но британцы сочли это дело слишком хлопотным. Пойди они на гиндукушское разграничение, наверняка регион сегодня выглядел бы совершенно иначе.

Тщательно демаркированная граница - безусловная линия, разделяющая два государства - изобретение европейское, импортированное в регион в конце XIX века. Именно тогда Средняя Азия была поделена между Британской и Российской империями. Границы имели искусственный, случайный характер и не были обоснованы этнографически, культурно и экономически. Некогда самодовлеющее культурное, историческое и хозяйственно-географическое пространство было хладнокровно поделено между империями. Печальная участь разделения постигла Вахан, Шугнан, Рушан, Дарваз², Балх, Кундуз, Ахчу, Шибеган и другие приграничные местности. Территории левого берега Амударьи, тяготевшие к Бухаре и Туркестану, стали частью афганских (то есть пуштунских) владений.

Аму Дарья превратилась в разделительную линию между российскими владениями и Афганистаном. Мостов на реке не было. До самого начала XX века эта Аму служила главной водной артерией региона. Она начинала быть судоходной от кишлака Сарай, близ острова Урта Тугай (современный Хамадонийский район Таджикистана). 600 каюков (небольших судов) грузоподъемностью в несколько тонн каждый, сносили по реке, перевозя грузы, животных и людей и связывая таджикские Сараи Камар, Куляб, Балджувон, Курган-Тюбе, Кобадан, Гиссар в Восточной Бухаре с туркменс-

² Дарваз расположен по обоим берегам р. Пяндж, ниже Ванча. Правобережная часть Дарваза вошла в состав Бухары (затем Таджикистана). По русско-английскому соглашению 1895 г. левобережный Дарваз отошел к Афганистану в обмен на Шугнан, Рушан и правобережный Вахан, вошедшие в состав Бухарского эмирата. Центром исторической области Дарваз является г. Калаи-Хумб (на правом берегу). Большая часть жителей Дарваза исповедует суннизм.

ким Керки, Чарджуем и другими городами Западной Бухары. Пароходство было развито только на участке между Чарджуем и Термезом.³

До революции 1917 г. Восточная Бухара снабжала всю Бухару хлебом. Обмен товарами между Бухарой и Афганистаном также осуществлялся по реке.⁴

Основным местом, где происходили контакты между афганцами и жителями Восточной Бухары были пять переправ между бухарским кишлаком Богорак и юго-западной оконечностью острова Урта Тугай. Остров Урта Тугай был уникальным природным заповедником. Вплоть до середины 1920-х гг. там обитали бухарские олени и даже тигры (т. н. туранские тигры). Эти переправы называли чубекскими, по имени кишлака Чубек на бухарской территории. С чубекскими переправами были знакомы афганский эмир Абдурахман и правитель Могольской Индии тимурид Бабур. По сравнению с другими переправами (в Термезе, Келифе), чубекские имели славу переправ для контрабандистов, воров и беглецов.⁵ В начале XX века русские построили здесь свой таможенный пост. Его постройки включали казарму, офицерский флигель и здание самой таможни.⁶ Для перехода через реку использовались т. н. «гупсары», состоящие из «турсуков» – надутых пузырями из кож домашних животных, скрепленных жердями и веревками. Местные жители переправлялись держась руками за гупсар, состоявший из нескольких турсуков и управляли этим примитивным плавучим средством, работая ногами. Всадники привязывали гупсары к гривам или хвостам своих лошадей.⁷ В Афганистане чубекские переправы выходили к узлу дорог на Чаяб, Рустак, Янги Кала. Большинство переходов через границу в 1920-х гг. осуществлялись именно через чубекские переправы. Гупсары и турсуки применялись большей частью с мая до августа, в период половодья. В местах, где течение не очень сильное, переправиться можно было и без этих нехитрых плавательных средств. В зимнюю пору Пяндж можно перейти почти в любом месте.⁸ Всего, от впадения в Аму Дарью реки Вахш до Босаги, где река, покидая Афганистан резко поворачивает на север, было двенадцать определенных переправ.⁹

Англо-русское разграничение конца XIX века разъединило народы региона. Особенно сильно оно уязвило таджиков. Другие народы Средней Азии

³ Снесарев А.Е. *Афганистан*. – М.: «Русская панорама», 2002. (Возвращенное наследие: памятники военной мысли). Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>

⁴ ГАРТ, ф. 9, оп. 1, д. 224, л.2.

⁵ С 2001-2002 гг. это направление стало оживленным местом незаконного наркотрафика.

⁶ Логофет Д. Н. *На границах Средней Азии. Путевые заметки. В 3-х книгах. Книга III. Бухарско-афганская граница*. Санкт-Петербург, 1909. С. 137.

⁷ Снесарев А. Е. *Восточная Бухара. Военно-географический очерк*. С-Петербург: Военная типография, 1906. СС. 20-21.

⁸ Снесарев А.Е. *Афганистан*. – М.: «Русская панорама», 2002. (Возвращенное наследие: памятники военной мысли). Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>

⁹ Там же

- узбеки, туркмены, киргизы и казахи оказались, в целом, под властью одной метрополии - России. Разграничение прошло прямо по живому телу этого народа, разводя его по разные стороны новых границ. Взять, к примеру, таджиков-исмаилитов. Эта небольшая этно-религиозная группа последователей шиитского имама Исмаила (сына Джафар ал-Садика, умер в 765 г.) численностью несколько десятков тысяч человек оказалась разделенной между британско-индийским Гилгитом, китайским Сарыколом, русским Бадахшаном и афганским Бадахшаном. Таджики Китая и Афганистана, не покидая своих привычных мест проживания, превратились в меньшинства (ирреденту). Таджикский Дарваз в 1895 г. был разделен на левобережный (афганский) и правобережный (бухарский). Отрезанные от соплеменников, лишённые поддержки соплеменников родственной Бухары, прижатые к Аму Дарье таджики и узбеки левого берега стали легкой добычей афганских сардаров.¹⁰ Так, в конце XIX века афганцы подвергли массовому истреблению узбеков-катаганов левого берега Аму Дарьи.¹¹ По этой же причине этнической разобщенности, таджики русского берега Аму Дарьи не могли эффективно противостоять экспансии враждебных им узбеков-мангытов и царского правительства. Больше всего пострадало население современного северного Афганистана. Завоевание афганцами этого региона вызвало экономический кризис. Города левого берега Аму Дарьи постепенно опустели. В Ташкургане, в котором когда-то проживало 12 тысяч жителей, с водворением туда афганцев осталось едва 7 тысяч. Остальные ушли за реку, в Бухару.¹² Афганские поданные – торговцы, сезонные рабочие и прочие - проживали в Бухаре и Туркестане вплоть до Бухарской революции 1920 г. Начавшаяся в 1921 г. война заставила их вернуться в Афганистан.

Положение в западной части Средней Азии (в Закаспийской области Туркестана и Хивинском ханстве) определялось проведенной в 1881 г. пограничной линией от каспийского залива Гасан Кули и далее на восток, по реке Атрек, разделившей туркменские племена иомуд и геоклен между Персией и Россией. Несмотря на это, туркмены, проживавшие на границе, долгое время оставались гражданами двух государств, или не являлись вовсе гражданами какого-либо государства. Размежевание нарушило традиционный хозяйственный цикл туркменов. Подавляющее большинство скотоводческого населения составляли кочевники. Традиционно иомуды, а также текинцы, салоры, сарыки и другие туркмены со своими стадами переходили к подножиям Балханских гор на летние пастбища (яйлаги), а

¹⁰ ГАРТ, ф. 1434, оп. 9, д. 9, л.9. Тезисы доклада И. Рейснера «Национальный вопрос, классы, режим Афганистана»

¹¹ Катаган (кагтаган) крупное узбекское племя, которое дало название исторической области на севере Афганистана. В настоящее время в нее входят провинции Кундуз, Тохар, Баглан, Саманган. Традиционно, эта область была заселена таджиками, но с конца XVII в. там стала увеличиваться численность тюркоязычного населения. Центр исторической области Катаган — город Кундуз. Кроме Катагана, убеки катаган проживали в Восточной Бухаре (современные районы Южного Таджикистана и Узбекистана).

¹² ГАРТ, ф. 1434, оп. 9, д. 9, л.9.

зимой возвращались на зимние стоянки (кышлаги) в долины Горгана, Атрека, Карасу, что в северо-восточной Персии. Для регулирования передвижения кочевников были установлены переходные пункты, которые взимали пошлины на ввозимые товары. По данным российской администрации и иранских авторов, в конце XIX- начале XX века в Астрабадской провинции Персии проживало 200-245 тысяч иомудов и геоклен, 20 тысяч туркмен теке, нохурли и 10 тысяч салоров.¹³ Для сравнения скажем, что на территории сопредельного советского Туркменистана в 1926 г. проживало в общей сложности 933,770 человек, в том числе 176 тысяч иомудов.¹⁴ Аналогичная картина национального разобщения туркмен наблюдается среди чоудар (джаудар), геоклен, эрсари и других, оказавшихся в трех государствах - России, Персии и Афганистане.

Формально, Персия оставалась независимым государством, более свободным чем Средняя Азия и Афганистан. В начале XX века в результате ослабления шахской власти, Великобритания и Россия укрепили свои позиции в Персии. Согласно англо-русскому соглашению 1907 г. северная - наиболее населенная часть Персии, на стыке иранской, афганской и русской границы была объявлена русской сферой влияния. Юго-восточная часть этой страны, примыкающая к Афганистану, вошла в английскую зону влияния. Расположенная между ними часть объявлялась нейтральной зоной. Правительства Англии и России разместили свои войска в указанных районах Персии. В 1912 г. плодородные земли между реками Горган и Карасу были заселены русскими колонизаторами. К 1915 г. их было 2 529 человек. Против них, а также расположений русских войск в Астрабаде выступали некоторые туркменские вожди.¹⁵ Российская зона влияния, в которую входил столичный город Тегеран, намного превосходила английскую. В нее входили также богатейшие нефтяные залежи Каспия. Несмотря на это, Британия, в целом, оставалась довольной разделом Персии. Она была озабочена, в первую очередь, обеспечением военной безопасности своих индийских рубежей от русского продвижения и своей цели добилась. Таким образом, в отличие от Афганистана, где преобладало английское влияние, в Иране преобладало российское.¹⁶ Это обстоятельство уравнивало амбиции империй и способствовало стабилизации региона в целом.

В результате колониального раздела, большая часть Средней Азии, под названием Туркестанский край, вошла в состав Российской империи. Государственную власть здесь осуществлял генерал-губернатор, распо-

¹³ Логашова Б-Р. *Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование)* М.: Наука, 1976. С.11-16.

¹⁴ Туманович О. *Туркменистан и туркмены (материалы к изучению истории и этнографии)*. Асхабад-Полторацк: Туркменгосиздат, 1926. С.69.

¹⁵ Сахаров А. *Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии*. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Петроград, 1915. С.11.

¹⁶ Churchill, Rogers Platt. *The Anglo-Russian convention of 1907*. Cedar Rapids, Iowa: The Torch Press, 1939, 336-337

лагавшийся в Ташкенте. В конце XIX века Туркестан населяли примерно 5 250 000 человек. По своим размерам территория региона превосходила Германию, Австро-Венгрию, Италию и Францию, вместе взятые. Это был многонациональный край. Здесь проживали узбеки, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки, но ни одна из национальностей не имела подавляющего большинства. Со второй половины XIX века в Туркестане стали селиться русские, украинцы и другие народы Сибири и европейской России. К 1917 г. они составляли около 4% всего населения края. Немногочисленные промышленные центры Средней Азии - Ташкент, Ходжент, города Ферганской долины соседствовали с районами, где господствовал родоплеменной строй; древние города - с только что построенными железнодорожными станциями. Несмотря на начавшееся капиталистическое проникновение, Средняя Азия оставалась отсталым аграрным краем. Подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством. Зарождающаяся промышленность носила колониальный характер. Она была представлена небольшими предприятиями по первичной обработке сельскохозяйственного сырья. В связи с развитием железных дорог начали создаваться железнодорожные мастерские и депо, ставшие к 1917 г. опорой большевистского влияния.

В бассейне Амударьи - от Аральского моря до афганской границы простирались Бухарский эмират и Хивинское ханство. Под властью эмира Бухары проживало примерно 3 млн. человек, а хивинскому хану подчинялось 600-900 тысяч человек.¹⁷ Бухара и Хива были вассальными государствами, сохранявшими во внутренних делах относительную самостоятельность. В начале сношения между Бухарой и русской администрацией производились при посредстве Туркестанского генерал-губернатора, имевшего в своем распоряжении чиновника МИД, но затем к Бухарскому двору был назначен императорский политический агент и все дела перешли к нему. В Бухаре и Хиве господствовали отсталые отношения. Люди жили в общинах и имели смутное представление о частной собственности. Большинство земли (85%) принадлежало светским и духовным феодалам. В Бухаре с крестьян взysкивалось свыше 50 видов налогов. Бюрократический аппарат не получал регулярного жалованья. Все чиновники жили за счет поборов с населения. Русский автор начала XX века Д.И. Логофет, в своей книге "Страна бесправия" писал:

"Этот уголок обширного азиатского материка в настоящее время является едва ли не самым бесправным на всем земном шаре, где именем России и под ее покровительством производятся возмутительные дела и чудовищное обирание населения, которое довело 3-х миллионный народ, недавно еще зажиточный, до полного обнищания и постепенного вымирания".¹⁸

¹⁷ История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971. С. 13-14.

¹⁸ Логофет Д.И. Страна бесправия. Санкт-Петербург, 1908. С.150.

Этнический состав Туркестана и Бухары

Переходя к рассмотрению этнического состава края, следует начать с того, что Средняя Азия населена, главным образом, иранцами и тюрками. Иранцы появились здесь примерно во второй половине 2 тысячелетия до нашей эры. Временем выхода на историческую арену региона тюркоязычных кочевых племен принято считать VI век нашей эры.¹⁹ Половину тысячелетия спустя, тюрки добились численного превосходства и установили свой политический и военный контроль над всей Средней Азией. С тех пор, термин «турку тоджик» («тюрк и таджик») стал употреблялся для обозначения расовой и национальной структуры Мовароуннахра.

Говорить об этнических группах в регионе можно только с учетом того, что их переход в более устойчивые сообщества это долгий процесс, в котором были какие то важные вехи, вызывавшие трансформацию тяготеющих к автономии локальных сообществ. Войны, политические движения, появление литературных шедевров и харизматических личностей, языковые реформы и прочие значимые события обеспечивали преодоление этнической фрагментации и способствовали консолидации на национальной основе. Автор не относит себя к примордиалистам, которые считают что таджики, узбеки, казахи и киргизы сформировавшись тысячу и более лет тому назад, были носителями устойчивого национального самосознания которое они донесли до 1991 г. Исторические источники, имеющиеся в распоряжении автора не позволяют поддержать «теорию этноса». Никто из главных персонажей этой книги включая джадидов, басмачей, эмиров не называл себя представителем таджикской, узбекской или какой-либо другой национальности. Их стали обозначать таковыми более поздние интерпретаторы. Часть из них могла относить себя к киргизам и казахам, но при этом вкладывала в эти термины свое понимание.

В то же время, автор далек от мысли о том, что этническое сознание это чуждая субстанция, навязанная в 1920-х гг. ничего не подозревающим мусульманам Средней Азии, и что «большевикам удалось изменить ментальную карту такого огромного пространства и такого огромного количества людей, принадлежащих к разным культурам и традициям...».²⁰ На самом деле, усилия большевиков пропали бы зря, если бы жителям региона были бы чужды национальные переживания.

¹⁹ Некоторые исследователи пытаются идентифицировать более ранние племена сюнну и усуней как тюркские, но без особого успеха. См.: Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. *История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк пресс, 2001. С.34*

²⁰ См.: Абашин С. *Национализмы в Средней Азии. В поисках идентичности.* Санкт-Петербург: Алетей, 2007. С. 301. Автор этой, вне сомнения, чрезвычайно интересной книги подвергает мощной атаке «теорию этноса». При этом его излюбленный прием – искать противоречия в отдельных высказываниях оппонентов. Между тем, зачастую, эти «несстыковки» как раз и указывают на то, что большинство оппонентов Абашина не ограничивались примордиальным подходом и «дружили» с конструктивизмом. В то же время, я согласен с Абашиним, в том, что сугубо этнический подход к изучению истории региона абсолютно неприемлем.

Говоря о конкретных этнических группах, исходя из задач настоящего исследования, необходимо остановиться в первую очередь на таджиках, узбеках и туркменах. Эти группы составили основное ядро эмиграции. Справедливо, следуя хронологическому порядку, начать с **таджиков**.

Центральная часть региона среднеазиатского междуречья представляла собой обширную область, простирающуюся от оазисов Бухары и Ферганы на севере до Кандагара на юге, и от восточного Ирана на западе, до южного Синьцзяня на востоке. В конце XIX - начале XX веков, наряду с тюрками, пуштунами и более мелкими группами, здесь проживали аборигены, говорившие на фарси (или персидском),²¹ главным образом таджики, исповедующие ислам суннитского толка. Впрочем, религия (суннизм ханафитского толка) и язык (фарси) не были отличительной особенностью этого народа. Язык фарси на протяжении тысячи лет был *lingva franca* всего региона Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Это был язык знати, торговцев, дипломатов, священников. Кроме таджиков на нем говорили представители нетаджикских групп – ирони (шииты, потомки выходцев из Ирана), хазарейцы, арабы, цыгане, некоторые группы пуштунов и узбеков, а также бухарские евреи. Этот язык преподавался в медресе и все образованные среднеазиаты владели им. Фарси был первый, после арабского, язык в исламе. Персидский перевод Корана сделал ислам близким и понятным миллионам мусульман от Сирии и Анатолии до Индии. Суфийская мистика также базировалась на этом языке. Многие поколения тюрков, индусов и других народов сумели творчески синтезировать персидское наследие со своим собственным и добиться высочайших достижений в науке, литературе, живописи, архитектуре, управлении государством, торговле, ремеслах. Именно потому, что фарси мог остаться объединяющей основой, культурным стержнем всего региона, этот язык был выбран в качестве главной мишени русскими и английскими империалистами. Царская администрация продвигала тюркские языки, несмотря на то, что для многих тюрков персидский оставался языком высокой культуры и поэзии. Англичане, в свою очередь, разрушали уникальный исламо-персо-индийский синтез, у истоков которого стояли моголы и начали поддерживать хинди, который был всего лишь одним из десятков языков имевших хождение в Индии. В 1900 г. в самом большом штате Индии - Уттар Прадеш был введен язык хинди как официальный язык, взамен персидского. Целью этого шага была поддержка индийского национализма и использование его как орудие против мусульманской культуры и религии.²² В свою очередь, в 1920-х гг. Сталин, лишив среднеазиатские языки их традиционного (арабского) алфавита, разбил единый литературный тюркский на национальные (туркменский, узбекский, казах-

²¹ В настоящем исследовании дари, фарси (персидский) и таджикский языки выступают синонимами.

²² Тарик Али. «Горький холод зимы в Кашмире» http://if.russ.ru/issue/11/20021224_ali.html#1b

кий и пр.) языки. Одновременно Советская власть постепенно вводила русский, а Англия – английский языки, которые стали вытеснять местные наречия. В Средней Азии, от такой политики выиграла лишь незначительная прослойка пророссийской элиты. В целом же, среди мусульманского населения всего региона индийского субконтинента и Средней Азии стал резко понижаться уровень образования, культуры и интеллектуальной жизни. В их среде стали одерживать верх консервативные, реакционные и фундаменталистские тенденции.

К началу XX века таджики остались единственными носителями и хранителями персидского языка и связанной с ним культурной традиции в Средней Азии. Как было указано, в конце 1920-х гг. этот язык был оторван от арабицы и пустился в собственное плавание под названием «забони точики», без связи с собственно персидским языком. Язык был важной, но не единственной чертой таджикской идентичности. К таджикам относят и тех, для кого фарси не был первым языком. Несколько десятков тысяч «памирцев», то есть таджиков-шиитов, последователей исмаилизма Ага Хана проживало в Бадахшане. Они говорили на отличных от фарси-таджикского восточно-иранских языках, таких как шугни, рушони, язгуломи, вахони, зебаки, бартанги, рини и др. При этом все они пользовались фарси для письма и общения с соседями. К тому же, как сами таджики-сунниты, так и их соседи (уйгуры, узбеки, киргизы, китайцы) относили памирцев к таджикам. Таким образом, этнологически, таджикская идентичность вобрала в себя так называемых горных таджиков таджикского и афганского Кухистана и Припамирья, персоязычных жителей оазисов и городов Афганистана, Бухары и Туркестана, а также бадахшанских исмаилитов-горцев. Эти субнациональные таджикские группы сохранили свои отличительные свойства по сей день.

В период с XI по XVI вв., тюркские, монгольские, и узбекские завоевания заставили часть таджиков отступить в предгорья и горы Бадахшана и Гиндукуша. С конца XVIII века им приходилось выдерживать натиск не только тюрко-монголов, но и афганских (пуштунских) племен. Только к концу XIX века афганским феодалам удалось сломить сопротивление персоязычных крестьян и горожан Кабула, Кандагара и Газни. Установление не-таджикского владычества сопровождалось конфискацией земель старой таджикской феодальной аристократии, захватом крестьянских хозяйств. Все это затем передавалось тюрко-монгольским и пуштунским переселенцам, образовывавшим колонии на завоеванных территориях. Особенно сильным был национальный гнет в Афганистане. Он заставил многих таджиков искать спасения на правобережных, «русских» территориях.

Подчинение таджиков тюрко-монголами и пуштунами нельзя считать проявлениями этнических, и уж тем более расовых, противоречий (хотя бы потому, что пуштуны, как и таджики принадлежат к одной расе). Это было, главным образом, отражением культурно-экономического, социаль-

ного и политического конфликта между кочевыми племенами и оседлым, преимущественно городским населением. Так получилось, что первые оказались тюрками и пуштунами, а вторые стали отождествляться с таджиками. Конфликт был бы также неизбежен, окажись на месте таджиков индусы, а на месте пуштунов и тюрков - арабы. Номады, главным образом пришельцы из глубинных районов Центральной Азии, захватывали города, которые традиционно управлялись местными купцами и ремесленниками. Эти захваты имели своим следствием упадок городской культуры и развитие этно-географических, конфессиональных и племенных лояльностей в ущерб гражданским. Установление аграрного доминирования в период позднего средневековья и ослабление городского влияния совпавшего с установлением узбекских династий в Коканде, Бухаре и Хиве в XVIII веке, привело к деградации региона. Полуграмотная родовая аристократия кочевников-скотоводов в душе презирала культуру и считала людей гражданских профессий недостойными уважения. Она вводила тяжелые налоги, подвергала угнетению некогда свободный торговый и ремесленный люд городов и оазисов региона. Все это привело к тому, что к XIX веку городские общины как цивилизационные центры Средней Азии находились на грани вымирания.

“Худжры²³ медресе стали стойлами осла водоноса и вместилищем для зерна бакалейщика. Причиной такого порядка и бессистемности правления было вмешательство узбеков в дела государства”, писал таджикский просветитель XIX века Ахмад Дониш о произволе эмиров мангытской (узбекской) династии Бухары.²⁴

Ощущали ли таджики (равно как и другие этнические группы региона) себя единым народом? Как было указано выше, таджики, как и узбеки, киргизы, туркмены, казахи и уйгуры никогда не представляли собой стабильные этно-культурные группы, которые столетиями сообща сохраняли и обречали свою идентичность. Их состав и масштаб постоянно менялись, пополняясь или наоборот уменьшаясь в размерах. Равным образом по ходу истории, менялось само значение терминов «таджик», «узбек» и т. д. В VIII веке китайцы и армяне таджиками называли всех мусульман не-арабского происхождения. В XIII веке таджикско-персидские поэты Шайх Саади, а веком позже Абдурахман Джамии, отмечали разницу между тюрками и таджиками. Себя они причисляли к таджикам, и считали слова «иранец», «перс» и «таджик» синонимами²⁵. В XVI веке соб-

²³ Худжра - келья, небольшая комната в общежитии при медресе, где жили студенты.

²⁴ Ахмад Дониш, *История Мангытской Династии. Трактат*. Душанбе: Дониш, 1967. С. 27.

²⁵ Абдурахмон Джамии, в XV веке писал о себе и об Алишере Навои: «У, ки як турк буду ман тоҷик, харду доштем хешии наздик». Перевод: «Хоть он был тюрком, а я – таджиком, оба мы были близки друг к другу». Шайх Саади, живший в Ширазе в XII-XIII веках, по завершению своего путешествия по Средней Азии сразу после холокоста, устроенного монголами, писал: «Шояд ки ба подшах бигуянд, турки ту бирехт хуни тоҷик». Перевод: «Сказать следует падишаху: «Тюрки твои пролили кровь таджикскую».

ственно персы, которые раньше были частично суннитами, становятся поголовно шиитами, и это наносит сильнейший удар по иранскому миру. Иран стал восприниматься суннитскими Средней Азией, Афганистаном и Османской Турцией как антипод и оппонент, и потому никаких культурных связей с ним не поддерживалось. Если и было какое-то влияние Ирана в Бухаре, то оно исходило исключительно от шиитов-ирони, противопоставлявших себя суннитам (таджикам и узбекам). Другими словами, иранофобия и тюркизм в Бухаре подпитывался традиционной неприязнью бухарцев к шиитам.²⁶ Именно сместив в январе 1910 г. с поста кушбеги Остонакула (шиита) за разрешение праздновать шиитский праздник «ашура», и дав команду на резню и разграбление шиитов, Саид Алим Хан был удостоен клерикалами титула «падари миллат» («отец нации»)²⁷. С начала XX века среднеазиатские элиты стали охотно посещать Турцию. Стамбул, а не Тегеран стал для них «окном в мир».

Этноним «узбек» появился только в XVI веке и его использовали исключительно для обозначения кочевых узбеков, оставляя «за бортом» тюрков-чагатаев которые пришли в регион с VI по XV века и стали именоваться узбеками лишь недавно - в третьей декаде XX века. Зачастую узбеками назывались все подданные узбекских правителей, независимо от их этнической принадлежности.

На протяжении долгой среднеазиатской истории многочисленные территориальные, этнолингвистические и религиозные союзы и общины соперничали, договаривались, воевали друг с другом, не помышляя о создании более широкой – национальной - идентичности. Любая подобная попытка рассматривалась ими как потеря своего «я» и навязывание чужого доминирования. Общины стремились строить мосты между собой, чтобы избегать крупных конфликтов, и в то же время культивировали фрагментированность общества в целом, поскольку именно она обеспечивала их автономию и выживание. Необходимо также иметь ввиду и то, что среднеазиаты жили на огромной территории, разделенные непроходимыми горами, безводными пустынями и бурными реками. Это объективно сдерживало объединительные национальные тенденции. Помимо племенных и этно-региональных групп с ярко-выраженными культурными, языковыми и социально-экономическими признаками, такими как кочевые киргизы, казахи, локайцы, карлюки, катаганы, памирские таджики и пр., в городах и оазисах региона было немало групп с гражданским самосознанием - земледельцев, ремесленников, купцов, ученых, преподавателей, священников, художников – этническую принадлежность которых определить было трудно.

²⁶ Достаточно упомянуть резню 10 января 1910 г. в Старой Бухаре между суннитами (узбеками и таджиками) и персами-шиитами, ставшую результатом борьбы за место кушбеги (премьер-министра).

²⁷ Балджувони. Указ. соч. С.40.

Таджики были расселены среди тюрков и пуштунов компактными, но разъединенными группами от Чимкента до Кандагара и Систана (юго-западный Афганистан и прилегающий ему Иран) и от Бухары до Ташкуртана (Восточный Памир). Регион этот находился в центре мусульманского мира и чувство принадлежности к общей – универсальной и бескрайней (как им тогда казалось) – религиозной общине или «дар ул-исламу», заменяло им собственно «национальное» самоощущение. У таджиков, также как у их ближайших соседей было более развито чувство исламского национализма, не имеющего ничего общего с языком, расой и территорией. Тем не менее, таджики были выделяемы как отдельная группа окружающими их тюрками и пуштунами. На местном уровне доминантой общественного сознания таджиков было (и остается) местничество (махалгарои). Местничество - это реликт аполитичной, группоцентристской и догосударственной культуры таджиков. Его идеал архаичен и прост: обеспечить жизнеспособность, покой и устойчивость общины, в которой все знакомы друг с другом и сообща создают и оберегают историю. Главная причина живучести общинных привязанностей – историческая, а именно несытое, преимущественно аграрное прошлое, отсутствие достаточного опыта проживания в едином государстве и стойкое недоверие к (деспотической) центральной власти. Следуя традициям вне-государственного выживания, пастушеские сообщества всегда надеялись только на себя, особенно в том, что касалось защиты от соседей, интервентов и от государства. Если учесть, что Таджикская республика созданная в 1924 г. вобрала в себя преимущественно периферийные территории, никогда не знавшие прямого государственного контроля, то можно понять причину живучести традиционалистского сознания в среде таджиков. Крупные города – Самарканд и Бухара - периферией которых были таджикские территории, и которые могли стать центром притяжения аграрной таджикской массы, в 1924 г. стали частью Узбекистана.

Качествами, объединявшими таджиков и отличавшими их от соседей, были не кровнородственные (как у кочевников), а важные культурные и социально-экономические характеристики, а именно иранизм и оседлость. Иранизм состоял в принадлежности к древнейшей расе и культуре региона, использовании иранских (восточных или западных) говоров и признание фарси (названного в 1920-х гг. таджикским и переведенного на кириллицу в конце 1930-х гг.) в качестве письменного языка. Оседлость подразумевала урбанизм, отсутствие племенных (в том числе вооруженных) структур и эгалитарных политических институтов (генеш, маслахат, джирга и пр.). Иранизм связывал таджиков с великой письменной традицией персидской литературы, в то время как оседлость – с экономикой городов и земледельческих оазисов Средней Азии. Религия не играла объединяющей роли, так как таджикская идентичность вобрала в себя два несовместимых мазхаба - ортодоксию и ересь - ханафитский суннизм и исмаи-

литский шиизм.²⁸ Иранизм и оседлость явились стержневыми характеристиками таджиков, указывающими на их общее происхождение от древнейших засельников региона. Это то, что объединяет земледельца-исмаилита из Бадахшана с лавочником из Ферганской долины. Однако, эти качества, при всей своей важности, по своей объединяющей силе уступают приятельским, кровнородственным и этно-культурным привязанностям локального масштаба, присущим субнациональным региональным сообществам. По этой причине, локализм (махалгарои) таджиков остается сильнее объединительного таджикского национализма.²⁹

В целом, таджики были на положении меньшинства в Мовароуннахре и были не в состоянии противостоять доминирующим тенденциям тюркизма, набравшим свою силу с начала XX века. Только с образованием Таджикской республики в 1924 г. началось формирование таджикского объединяющего национализма. Именно тогда, руководство Таджикистана, в котором было немало бывших джадидов-пантюркистов, предъявит территориальные претензии к Узбекской ССР, претендуя на Ходжентский округ, Бухару, Самарканд и некоторые другие территории с преимущественно таджикским населением.

Узбеки представляют другую динамическую конфедерацию, сформировавшуюся в XIV-XVI вв. Узбеки составляли династии последних ханств Мовароуннахра – Хивинского, Бухарского и Кокандского. В XX веке узбеки явили собой самую многочисленную этническую группу региона. Ее характерными особенностями явились тюркизм (использование тюрко-чагатайских языков и чувство принадлежности к сильнейшей и самой многочисленной этнической группе региона) и суннизм. Все узбеки говорили на одном, присущем только им языке и исповедовали одну религию. Причем, на близких узбекскому языках говорили их ближайшие соседи – каракалпаки, уйгуры, киргизы и казахи, а суннизм ханафитского толка исповедовался подавляющим большинством населения края, включая таджиков. Тюркизм и суннизм связывали различные племена и этнические группы в единую узбекскую идентичность. В отличие от таджиков, узбеки не жили в горах и не составляли большинства населения в крупнейших городах региона. Хотя почти все они к XX веку завершили переход к оседлости, трайбализм не был чужд узбекам. Многие из них сохранили полукочевой образ жизни, а уникальная история, восходящая к Чингиз Хану и его потомкам являлась важнейшей частью национальной гордости узбеков. Кроме того, узбеков объединяла литература средневековья на языке

²⁸ Некоторое количество шиитов “двенадцати имамов”, главным образом хазарейцев, проживало в начале XX века в пограничном районе Куляба. Последователи иранского шиизма проживали также в Бухаре и ее окрестностях. Это были потомки иранцев добровольно и насильственно переселенных в Бухару в XVII - XX веках, известных как «ирони».

²⁹ Именно слабость таджикского объединительного национализма вызвала межтаджикский конфликт, унесший почти 50 тысяч жизней в 1992-2000 гг.

чагатаи,³⁰ которая была бы немыслима без влияния таджикско-персидской письменной литературы. Иранизм, основным агентом которого являлись таджики, также не был чужд узбекам. Городские узбеки впитали в себя иранское наследие, обогатив тем самым собственную культуру. Узбекско-таджикское и таджикско-узбекское двуязычие было привычным явлением в городах и оазисах Средней Азии начала XX века. Таджикские и узбекские поэты и музыканты творили в популярном стиле «ширу шакар» («молоко и сахар»), синтезировавшем достижения двух близких культур.

В долинах и предгорьях Восточной Бухары и в других областях Средней Азии проживали узбеки, представленные тремя группами:

1. Оседлое население, не имевшее родоплеменного деления (главным образом чагатаи);
2. Потомки ранних тюркских племен (тюрки, карлуки, халачи, моголы и др.), появившихся в регионе главным образом с VI века и потомки тюрко-монголов периода завоевания и владычества монголов;
3. Поздние племена - потомки узбеков, пришедших из казахского Дашти Кипчака в Мовароуннахр в XVI в. вместе с Шейбани Ханом (конграты, лакайцы, юзы, семизы, катаганы, дурмены и др.)³¹

На всей территории своего проживания кочевые узбеки стойко сохраняли свое племенное самоназвание и самосознание (турк, карлук, лакай, катаган, марка, симиз, могол и т. п.). Окружающие (и таджики и узбекские группы) рассматривали их как самостоятельные этнические единицы. Среди коренного населения конца XIX - начала XX века, термин «узбек» употреблялся для обозначения лишь поздних племен Шейбани Хана; ранние племена называли себя «тюрк», «карлук» и пр.

Помимо указанных выше трех групп, в ранее советское время в состав узбеков вошла и тюркоязычная часть оседлого населения Средней Азии – «сартов», не имевших родоплеменного деления и являвших собой перешедших с таджикского на узбекский язык жителей городов и оазисов. Сарты жили главным образом в городах и оазисах Ферганы и не были представлены в Восточной Бухаре.

Национальная чересполосица и этническая мозаика региона отразилась в характере и составе басмачества 1920-х гг. Например, Ибрагимбека, о котором речь пойдет ниже, можно считать узбеком, хотя в источниках он обозначается как лакаец (представитель «поздних», даштикипчакских племен). Другой восточнобухарский курбаши, Давлатмандбий

³⁰ Чагатай, чагатаи – производное от монгольского собственного имени, связанного с сыном Чингиз Хана – Чагатаем, в состав владений которого входила большая часть Хорасана и Мовароуннахра в XV в. «Чагатайским» назывался тюркский язык времен Тимуридов. Наиболее известный поэт, писавший на чагатаи – Алишер Навои (1441-1501). Зачастую, чагатаев выделяют в особую этно-культурную группу, отличающуюся от других тюрко-монголов их особенной близостью к оседлому (таджикскому) населению.

³¹ Кармышева Б.Х. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)*. М.: Наука, 1976. С.66.

считается тюрком, выходцем «ранних» племен. Первый (Ибрагимбек), охранял свои племена, кочевавшие между Гиссаром и Кулябом. Это был типичный племенной лидер. В то время как второй, почти отаджиченный и забывший о племенном делении, защищал территорию (Куляб) со смешанным населением, включая таджиков. Конечно, и Ибрагимбек, и Давлатманд не относили себя к какой-либо национальности. Узбекоязычными сартами были ферганские курбаши, в том числе Шермухаммад (Куршермат), Мадаминбек, Иргаш и др., защищавшие не племена и не территории, а интересы зажиточного земледельческого и торгового люда городов и оазисов Ферганской долины. В отличие от их южных соседей – узбеков и тюрков Восточной Бухары – сартам не были чужды национализм и модернизм. Примено таким же, склонным к национализму, был каратегинский таджик Фузайл Максум, о котором речь пойдет ниже.

Как этнокультурная группа, сарты исчезли в середине 1920-х гг., когда они были поделены между вновь созданными нациями таджиков и узбеков. Несмотря на это, удивительная близость урбанизированных узбеков и таджиков сохранилась по настоящее время. Позже, в советское время, этнокультурная близость на фоне политического разъединения стали причиной бескомпромиссной полемики об этнической принадлежности богатого культурного наследия региона.

В предгорьях Восточной Бухары проживало в основном смешанное население: горцы-таджики и поздние узбеки. В начале XX века рядом с ними проживали небольшие группы узбеков-чагатаев, долинных таджиков, кочевых туркмен и киргизов, по различными причинам переселившиеся в эти места (вплоть до северного Афганистана) из Ферганы, Самарканда, Туркмении и Алая. Таджики и узбеки, составляя большинство Восточной Бухары, проживали в перемежку с арабами, цыганами, бухарскими евреями, афганцами (пуштунами, хазарейцами) и др. группами. Примерно такая же картина стыка больших массивов таджикского и узбекского народов, стыка двух культур: оседлого земледелия и кочевого скотоводства, наблюдалась и в других исторических областях Туркестана и Бухары.³²

Отношения между таджиками и узбеками развивались неодинаково. Оно было относительно мирным на более урбанизированном севере (в оазисах Ферганской и Зерафшанской долин) и напряженным на аграрном юге (в Восточной Бухаре). Причины тому следует искать не в этничности и, тем более, не в расовой, а в социально-экономической, плоскости. Таджикское и тюрко-узбекское население городов и земледельческих оазисов Ферганы и Зерафшана придерживалось более сложной, но обеспечивающей стабильность иерархической культуры. В ней доминировали над-

³² Кармышева Б.Х. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)*. С.С.3, 162, 209.

национальные привилегированные группы «ходжа», «тура» и пр. Оно жило в тесном контакте и его объединяла приверженность к единым культурным традициям в музыке, архитектуре, этикете и питании, а также общая забота о развитии городов, образования, торговли, ремесел, сложной ирригационной системы, подразумевающая большую толерантность, готовность идти на компромиссы, умение договариваться и сотрудничать. В аграрной, отсталой и окраинной Восточной Бухаре ситуация складывалась по-другому. Здесь господствовала эгалитарная культура. Люди привыкли жить небогато, но автономно, оберегая свои традиции и привычки и избегая платить налоги. Полукочевые узбекские племена даштикипчакского (позднего) происхождения, составлявшие треть населения этого региона и занимавшиеся преимущественно экстенсивным скотоводством, пересекались с оседлым населением лишь эпизодически, по мере необходимости. Зачастую, они расширяли свои пастбища и угодья за счет мирных таджикских земледельцев. К XX веку практически весь Гиссар и Куляб был усеян стоянками скотоводов-узбеков, постепенно переходивших на оседлый образ жизни. В этой отсталой части эмирата кочевые узбекские меньшинства пользовались особым расположением мангытского двора и доминировали над таджиками. Это причиняло немало страданий таджикам Восточной Бухары. Спасаясь от гнета пришельцев, многие из них вынуждены были искать убежище в горах.

В целом, таджики и узбеки Восточной Бухары отличались от своих северных соплеменников из Самарканда, Бухары, Ферганы и Зерафшана. Влияние городской культуры на юге было незначительно. Аграрные сообщества всегда надеялись только на себя, особенно в том, что касалось защиты от соседей и государства. Чем дальше от оживленных городских центров и благодатных плодородных оазисов, чем грубее и суровее окружающий ландшафт, тем крепче был общинный дух, суше порох и выше готовность бороться за выживание всеми доступными средствами не исключая насилие. Не случайно, когда в 1920-1923 гг. большевики осуществили вторжение и свержение эмирата, то отпор им оказали неграмотные, традиционные, сельские, самоуправляемые общины среднеазиатской периферии – кочевые узбеки и, в меньшей мере, таджики горной Матчи и Гарма. Горожане, в своей массе, были склонны принять любую власть, способную обеспечить порядок и стабильность.

После таджиков и узбеков, для настоящего исследования большое значение имеют **туркмены**. Эта группа мусульман-суннитов говорила на языке огузской подгруппы тюркских языков, которая отличается от карлукских и кипчакских языков узбеков и казахов. В число эмигрантов вошли, подавляющим образом, кочевники-скотоводы, которые обычно жили небольшими группами в пустыне Каракум, а также были рассеяны по предгорьям Кугитанга, Копетдага и Балханских гор. Туркмены левого берега Амударьи были формальными вассала-

ми бухарского эмира, пока во второй половине XIX века Маймана, Шибеган и Ахча не были захвачены афганским эмиром Абдурахманом. Как национальное меньшинство, угнетаемое пуштунами, они разделили участь таджиков и узбеков Хорасана. Основная масса кочевников из туркменского населения происходила из племен иомуд (атабайцы и джафарбайцы), геоклен, теке, ата и др. Помимо собственно туркмен, по территории Туркменистана кочевали казахи, белуджи, джемшиды, хазарейцы и узбеки.

Туркмены разводили в основном овец, коз и верблюдов. Скот был основным их богатством. В начале 1920-х гг. на одного человека в скотоводческих туркменских хозяйствах приходилось почти 18 голов скота.³³ Кроме того туркмены, как и близкие к ним даштикипчакские узбеки, занимались различного рода подсобными промыслами – сеяли бахчевые, охотились, заготавливали на продажу дрова и древесный уголь, ткали ковры и т. д.

Основным социальным и хозяйственным институтом кочевников-туркмен был аул («оба»), состоявший из большой патриархальной семьи («бир ата»), или из группы родственных семей («гуда гарындаш»). Во главе «оба» стоял старейшина («яшулы», «аксакал», «кетхуда»). Нередко «оба» объединялись в более крупные и сложные по своему составу стоянки, или большие «оба». В этом случае, вождем становился «ахун» - духовное лицо.³⁴ Все вопросы решались племенными авторитетами на основе традиционного права. Установление русской колониальной власти внесло не так уж много изменений в жизнь туркменской общины. Они продолжали оставаться под властью родовых авторитетов. Правда, с проникновением товарно-денежных отношений усиливалось имущественное неравенство и выделение из общинной среды баев (богачей), что, впрочем, не приводило к серьезным конфликтам. Кочевой образ жизни вынуждал туркмен чтить традиции строгого подчинения родовому вождю, сохранять круговую поруку и сообща противостоять чужакам.

Туркмены жили и на территории Бухары. Примерно в XVII-XVIII веках из туркменских степей на земли Бухарского эмирата переселилась значительная группа туркмен и поселилась в Лебапе, или Лабиобе (“на берегу” - с таджикского-фарси) - по верхнему и среднему течению Амударьи. Бухарские туркмены испытали определенное влияние Бухары в различных сферах жизни и быта. Тем не менее, они сохраняли ту же социально-культурную основу, что и основные массы туркмен, с которыми они имели тесные связи. Разделенные де-юре между различными государствами туркмены, де-факто оставались вне политико-госу-

³³ Гадельшин Г. В. *Путь туркменских кочевников к социализму*. Ашхабад: Туркменистан, 1987. С. 12.

³⁴ Гадельшин Г. В. Указ. соч. С.17.

дарственных образований. К началу XX века туркмены Средней Азии оказались в четырех различных государствах - Хивинском ханстве (в Ташаузском районе), Бухарском эмирате (Керки, Чарджуй, Джиликкуль), Туркестанском крае (Закаспийская область) и Персии (Горган и Даште Горган). Для туркмен было характерно компактное расселение родов на определенной территории отдельными селениями (аулами). В одном ауле обычно проживало несколько родов одного племени. Веками туркмены не имели своего государства. В этих условиях его функции брала на себя традиционная родоплеменная структура. Племя, род выступали защитниками собственности общины на скот, пастбища, воду. Вопросы использования пастбищ и уголовно-правовые вопросы решались на советах (маслахат, генеш) родовых вождей на основе обычного права (адат). В случае непосредственной военной угрозы род организовывал отпор врагу. Туркмены выживали благодаря хорошо налаженной военной организации, для которой племенная структура явилась наиболее приспособленной формой. Такая же военная структура сохранялась и у их ближайших соседей – узбекских и казахских племен. С другой стороны, подобные родоплеменные структуры препятствовали национальной консолидации. Племена могли враждовать между собой и грабить друг друга. Родовое деление не придавало крепости и самому племени. Известна, например непримиримая вражда иомудов джафарбаев и иомудов атабаев, начавшаяся в конце XIX века. Дошло до того, что роды объявили друг другу священную войну - джихад и поклялись на Коране уничтожить своих противников.³⁵

Ортодоксальный, нормативный ислам не пользовался популярностью в туркменской среде. Туркмены, также как кочевые узбеки отдавали предпочтение ишанизму, который представлял собой пережиток суфизма - мистического течения в исламе, вобравшего в себя немало элементов многовековых народных верований и представлений. Неформальные мистические религиозные лидеры – ишаны обладали высоким авторитетом среди кочевников - туркмен и узбеков. Они выступали в качестве представителей общин в диалоге с царскими, бухарскими, афганскими и персидскими властями. В случае войн они становились идейными вдохновителями, а иногда и руководителями вооруженных племенных формирований. О роли ишанов в басмачестве и эмиграции речь пойдет в последующих главах.

Туркмены, будучи обществом со сложной и устойчивой структурой, мигрировали, почти не нарушая этнической целостности. Решение об откочевке принималось советом, и оно не подлежало нарушению. Зачастую кочевники мигрировали в места, где уже проживали родственные им туркменские племена Ирана и Афганистана. Это, кстати, было ха-

³⁵ Логашова Б.Р. *Туркмены Ирана*. С.114.

рактерно и для кочевых и полукочевых узбеков, казахов и киргизов. Для кочевников родина там, где есть привычная среда обитания, в первую очередь пастбища. В отличие от оседлых таджиков, они привыкли покрывать значительные расстояния, не нанося урона своей идентичности. Именно по этой причине доля кочевников (туркмен и узбеков) в общем числе эмигрантов преобладала над числом оседлых таджиков и узбеков-чагатаев, не имевших родоплеменного деления. Решение об оставлении привычной среды обитания давалось таджикам и оседлым узбекам труднее чем их соседям-номадам. Им приходилось не откочевывать, а бежать, причем в одиночку или небольшими группами в компании случайных попутчиков.

Как указывалось выше, в колониальный период многочисленные племенные, региональные и этнолингвистические группы были заняты прежде всего местными проблемами и испытывали недостаток того, что позже стало называться “национальностью”. Люди жили в селениях и стоянках, а также в редких городах, без особой связи друг с другом, по большей частью изолированно. Традиционно, в Средней Азии отсутствовала национальная самоидентификация, точно так же языковая принадлежность не являлась принципиальным национальным признаком.

Каким же образом люди идентифицировали себя в прошлом? Конечно, доминирующим признаком Средней Азии являлась принадлежность к исламу. До прихода русских в 60-х гг. XIX века, большинство обитателей региона попросту не задумывались о том, что существуют другие верования, кроме ислама. Первыми иноверцами, появившимися в массовом порядке оказались решительно настроенные русские вооруженные смертоносным стрелковым оружием. Вплоть до появления России и Великобритании, Средняя Азия не «проигрывала» свою религию. Именно поэтому она служила убежищем для обиженных мусульман из соседних территорий. Например, дунгане, будучи китайцами по языку совершали хиджру, то есть бежали во имя спасения и развития ислама, из Китая в Среднюю Азию в XIX веке.³⁶

Внутри общего дома - святой религии, жители Средней Азии идентифицировали себя по социальному и – чаще - региональному принципу (например: “Худжанди”, “Кашгари”, “Баглани”, “Фаргони” или “Бадахши”), но никогда по языковому, и тем более национальному. Зачастую людей узнавали по прозвищам, титулам. Например: Али Мошина (Али Машинист), Кичик Иргаш (Малый Иргаш), Ишан Султан. При всей своей значимости, клановые и региональные союзы редко доходили до уровня значительных политико-государственных объединений. Равно как и религия была не в состоянии объединить эти вечно конкурирующие между собой группы в единое «исламское государство».

³⁶ Eden Naby, “Ethnicity and Islam in Central Asia,” *Central Asia Survey*. Vol. 12, no.2, 1993, 157.

Какие именно конфликты имели место, и как далеко заходили противоречия между различными этническими группами и/или элитами в Средней Азии? Разумеется, центральным был конфликт между древними оседлыми засельниками и поздними кочевыми пришельцами. В то же время, указанный конфликт вызвал поиски обществом и отдельными его группами социальных и политических компромиссов.

Кроме этнических и социокультурных противоречий, были и разногласия иного характера, не имевшие ничего общего с собственно этничностью. До русского нашествия, Бухарское и Кокандское ханства периодически вели между собой войны, которые принято считать феодальными. Были трения между туркменскими племенами и правящей ханской (узбекской) знатью в Хорезме. Они были аналогичны описанным выше таджикско-узбекским противоречиям в Восточной Бухаре. Наконец, в бухарской элите космополитичная таджикоязычная аристократия, религиозная и чиновничья знать находилась в оппозиции к “узбекам”, то есть полуграмотной родовой аристократии мангытских племен, кочевавших в окрестностях Бухары и Карши. (В середине XVIII века мангыты стали основателями новой и последней династии в Бухарском ханстве).

Однако, все эти противоречия никогда не приводили к войнам на национальной основе, не говоря уже о расовых столкновениях. Простой народ жил в общинах, предпочитая договариваться, а не воевать соседями. Это смягчало конфликтность во взаимоотношениях, побуждало к сотрудничеству и терпимости. Были периоды вражды, но не они определяли характер взаимоотношений между народами. На протяжении своей долгой истории, регион Средней Азии не знал этнических войн.

Главным интегрирующим фактором выступал ислам. Многочисленные вне-этнические религиозные авторитеты – «сайиды», «туры», «ходжи», «ишаны», «ата» и прочие традиционные иерархи скрепляли племена и народы общей верой, сглаживали конфликты и возводили мосты между общинами. В сознании населения, собственно этнонациональное переплеталось с религиозным и государственным. С этой точки зрения, имело место извечное противоречие между реальным и идеальным, а именно между аграрным государством, в основе которого был набор племен и народов, борющихся между собой за лидерство и обладание скудными ресурсами, и идеальным исламским обществом, в котором все мусульмане – братья, живущие в мире и согласии.

Естественно, метрополии, разделившие Среднюю Азию в конце XIX века, не могли, и были не в состоянии стать абсолютными хозяевами в своих среднеазиатских владениях, отличавшихся столь сложной структурой. Наиболее излюбленный способ социально-политической трансформации Российской Британской и Китайской империй заключался в правиле: “разделяй и властвуй”.

«Игры» в Синьцзяне и Семиречье

К исторической родине среднеазиатов, несомненно, необходимо отнести уйгурско-казахско-киргизское Семиречье (Джетысу) и сопредельные территории китайского Синьцзяня. Основным этническим компонентом Семиречья были казахи. Сложная иерархия казахских племен делилась на три части – жуза: Большой, Средний и Малый. Семиречье было населено казахами Старшего жуза (джалаиры, дулаты и пр.). На юге Семиречья жили киргизы, занимавшие предгорья Тянь-Шаня. Основную массу уйгуров и дунган Семиречья составляли и составляют поныне переселенцы из соседних китайских территорий.

Соседний Семиречью Синьцзянь занимает важное геополитическое пространство. На севере он граничит с русским и монгольским Алтаем, Сибирью; на северо-западе - с «русским» Туркестаном. На юго-западе Синьцзянь примыкает к Памиру, афганскому Вахану, северо-западной Индии. Хребтом Тянь-Шань Синьцзянь делится на северную часть (Джунгария, Илийский край и Чугучак) и южную (Кашгария). География распорядилась таким образом, что эта провинция была закрыта высокими хребтами от Индии и центральной части Китая, но зато оказалась открытой для «русской» Средней Азии. По этой причине, Синьцзянь остается наименее интегрированным китайским районом, тяготеющим к мусульманской Средней Азии.

Значение Синьцзяня - этой крупнейшей по территории китайской провинции определялась тем, что она отдалена от центра империи и населена, главным образом, неханьским, мусульманским населением. В начале XX века население Илийского края, восточного Синьцзяня и таримского бассейна (Кашгария) состояло, главным образом, из уйгуров. Термин «уйгур» начал употребляться в отношении оседло-земледельческого тюркомусульманского (или, как их тогда называли - сартского) населения лишь в середине XX века. Именно в честь уйгуров в 1955 г. эта провинция была названа Синьцзянь-Уйгурским автономным районом КНР. Однако, народ под названием «уйгур» известен с VIII века н. э., когда он основал тюркское государство в Монголии. После упадка Уйгурской империи, остатки уйгуров в X веке отступили на юг. Покончив с кочевым образом жизни, они осели в таримском оазисе и смешались с местным, индоевропейским народом, который к тому времени проживал в этих местах. Уйгуры основали города, составившие часть знаменитого «Шелкового пути», развивали искусство и науку, изобрели свой алфавит, который был принят Чингиз Ханом и составляет основу современного монгольского алфавита. Сами уйгуры, однако, приняли арабский шрифт в XI веке, когда в этом регионе распространялся ислам. Эта религия пришла из Средней Азии и дошла вглубь Китая до провинции Ганьсу, граничащей с Синьцзянем с востока. С тех пор китайцы стали называть всех жителей региона «мухаммадийцами». Вплоть до начала 1930-х гг. китайцы особо не вмешивались во

внутреннюю жизнь мухаммадийцев. Их авторитеты – ходжи - правили небольшими городами- оазисами, сохраняя известную независимость от китайских властей. Как и их «русские» собратья, оседлое тюркское население Синьцзяня обозначалось по месту своего проживания. В Средней Азии уйгуров чаще всего называли кашгарцами -«кашгарлык» на тюркском, и «кашкари» на таджикском. Начиная с конца XIX века вплоть до второй половины XX века, уйгуры Илийского края не раз переходили из российской части в Китай и обратно. Главной причиной их передвижения были боязнь преследования и голод.³⁷

Помимо уйгуров в Синьцзяне проживали казахи – кочевники, говорившие на казахском (тюркском) языке, ранние письменные формы которого появились в VIII веке н. э. История казахов связана с великими тюрко-монгольскими конфедерациями степняков Центральной Азии. Этногенез тюрков Монголии, Джунгарии и Дашти Кипчака начался в VI веке и длился почти 1000 лет, завершившись формированием казахского народа.³⁸ Как и другие кочевники Средней Азии, казахи жили кланами (родами), которые составляли племена и которые в свою очередь, объединялись в конфедерации. Ислам переплетался у казахов с древними, шаманскими верованиями.

С древних времен китайцы считали территорию, известную сегодня как Синьцзянь, своей. В 1759 г. китайский император Чжен Лунг разгромил Джунгарское (монгольское) ханство и подчинил себе территории Джунгарии и Восточного Туркестана. Именно тогда образовалась китайская провинция Синьцзянь (что означает «новоприбавленная», «завоеванная»). В то время, доля тюркоязычных народов (главным образом казахов и уйгуров) составляла более 90 процентов населения края. Остальные были монголами, дунганями и китайцами-хань.

Почти одновременно с Чжен Лунгом, в XVIII веке Россия устремилась в соседний с китайскими владениями регион, известный как Семиречье. Этому процессу предшествовало включение казахских земель в состав Российской империи. В 1731 г. был подписан акт о присоединении казахов Младшего жуза к России, а в 1735 г. - казахов Среднего жуза. Однако окончательное подчинение казахов России заняло еще почти сто лет, когда в начале 1860-х гг. Россия покорила наиболее значительное независимое образование казахов - Старший жуз, в состав которого входило Джетысу. После вхождения Семиречья в состав России, началась русская колонизация казахской степи. В 1854 г. сибирские казаки и русские

³⁷ Clark William and Kamalov Ablet, "Uighur Migration Across Central Asian Frontiers", *Central Asian Survey* (June, 2004) 23(2), 168

³⁸ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. *История Казахстана и Центральной Азии*. Алматы: Дайк пресс, 2001. С.55

крестьяне построили укрепление Верный (современный Алматы). Через несколько лет, в 1862 г. была взята и разрушена кокандская крепость Пишпек (Бишкек) расположенная в южном Семиречье, заселенном киргизами.³⁹ В 1867 г. царская администрация образовала Семиреченскую область с центром в г. Верный, вошедшую в Туркестанское генерал-губернаторство. В 1860-х гг. XIX века большая часть территории Киргизии вошла в состав России. Восточная часть Семиречья осталась в китайских пределах.

С целью обрести опору своей власти, царизм проводил военно-казачью колонизацию Семиречья. В 1867 г. из части Сибирского казачества было образовано самостоятельное Семиреченское казачье войско с центром в Верном (ныне Алмата). Большинство семиречков составляли русские, но были и калмыки, татары, казахи и киргизы. Пользуясь правами и привилегиями особого военного сословия, семиреченские казаки имели военное самоуправление станичных атаманов - Войсковой круг и Войсковое правление во главе с назначаемым императором наказным атаманом (что соответствовало чину генерал-майора сухопутных войск России). Со второй половины XIX века казаки интенсивно заселяли край. В 1910 г. в 18 станицах и 16 выселках Семиреченской области проживало почти 40 тысяч человек.⁴⁰ Земли, отведенные казакам составляли огромные площади. Семиреченские, а также оренбургские и уральские казаки надежно охраняли юго-восточные рубежи империи, как от внутренних волнений, так и от внешней экспансии. В 1900-1901 гг. когда в соседнем Китае вспыхнуло так называемое “боксерское восстание”, настроение колониальных властей в русском Туркестане было тревожным. Семиреченское казачество летом 1900 г. было мобилизовано и стояло под ружьем до лета 1901 г.⁴¹ Три года спустя, в связи с русско-японской войной и ухудшением отношений с Англией, угроза русским владениям возникла уже с юга, со стороны Афганистана. Тогда правительство, с целью отражения возможной экспансии перебросило Семиреченский казачий полк в Фергану.⁴²

Вместе с появлением казаков, в XIX веке началась крестьянская колонизация северной части Средней Азии. Она была связана с отменой в 1861 г. крепостного права в России. Стремясь преодолеть аграрный кризис, царская администрация всячески поддерживала переселение. Особый размах переселение приняло в 1910-1914 гг., во время т. н. «столыпин-

³⁹ Джамгерчинов Б. Д. *Присоединение Киргизии к России*. М., 1959. С.С.203, 205.

⁴⁰ Покровский С.Н. *Победа Советской власти в Семиречье*. Алма-Ата: Издание АН Каз. ССР, 1961. С.17.

⁴¹ Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии //Коммунистическая мысль. Записки САКУ, Ташкент, 1926, кн.1. С.51.

⁴² Там же. С.54.

ских реформ», означавших массовый выход русских крестьян из общин на хутора. Тогда, в поисках лучшей доли, огромные массы крестьянского люда устремились на юго-восток. С конца XIX века до 1916 г. в четыре области степного Казахстана (Акмола, Семипалатинск, Тургай и Урал) переселилось 1,14 миллиона человек.⁴³ В Семиречье, которое входило в Туркестанский край, переселялось меньше народу. В 1914 г. в Семиречье было 100 тысяч крестьян-переселенцев, главным образом выходцев из центральной России и Украины.⁴⁴ Было создано Переселенческое управление, которое занималось изъятием наиболее плодородной земли у местного населения и передачи ее переселенцам. До 1914 г. у кочевников-казахов в пользу русских переселенцев было изъято более 40 миллиона десятин, что составило почти 20% общей земель региона.⁴⁵

Колониальный характер русского присутствия поддерживался оружием. Царское правительство заботилось о вооружении крестьян-переселенцев. В 1880-х гг. XX века среди чиновников русской администрации было популярно выражение Сырдарьинского военного губернатора Гродекова (будущего генерал-губернатора Туркестана), что “каждый новый русский поселок равносителен баталиону русских войск”.⁴⁶ В случае восстания местного населения, для его подавления царское правительство имело возможность поставить под ружье 32 тысячи русских крестьян-переселенцев.⁴⁷

Переходя к китайскому продвижению в Среднюю Азию, следует напомнить, что в XVIII веке китайцы заняли Или, подойдя к самым рубежам Российской империи. Тогда же, в Илийский край китайцами были переселены уйгуры Кашгара. Их стали называть «таранчи». С тех пор таранчи и дунгане периодически поднимались против китайцев. Ослаблением китайского владычества воспользовались русские, которые в 1871 г. оккупировали Или, переведя этот край в подчинение семиреченского генерал-губернатора.⁴⁸

В южной части Синьцзяня – Кашгаре китайская власть подвергалась угрозе, исходившей от местных суфийских и феодальных авторитетов— «ходжа», многие из которых были родом из западного Туркестана, в частности из Ферганы и Самарканда. В начале 1860-х годов там вспыхнуло восстание мусульман против китайцев. Именно тогда на сцену вы-

⁴³ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. Указ. соч. С. 246.

⁴⁴ Покровский С.Н. Указ. соч. С.21.

⁴⁵ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. Указ. соч. С. 245.

⁴⁶ Галузо П.Г. Указ. соч. С.23

⁴⁷ Там же. С.54.

⁴⁸ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. Указ. соч. С. 219.

шел знаменитый мусульманский лидер по имени Якуббек. Якуббек Бадавлет (1820-1877) был энергичным и честолюбивым сартом (по другим сведениям таджиком из Ходжента. Во всяком случае Якуббек весной 1869 г. говорил с английским путешественником Робертом Шоу на фарси⁴⁹). Изгнав китайцев и подчинив Кашгарию, ему удается создать сильное (по сравнению с Кокандом), независимое государство Йеттышахр (Семь городов). Для России и Англии, старавшихся укрепить свое положение во Внутренней Азии, Якуббек представлял опасность. Равно как и китайская империя, опасавшаяся усиления беспокойных степняков в своих дальних западных землях, также не могла примириться с существованием в Кашгарии независимого мусульманского государства. Реально оценивая свои возможности, Якуббек использовал противоречия соперничающих держав. Он искал поддержку одновременно у Англии, России и Турции. Его правление продолжалось 12 лет. В конце-концов, помощь, предложенная Якуббеку англичанами, оказалась недостаточной, тогда как Россия позволила Цзо-Цзунтану - губернатору соседних Синьцзяню провинций Шэнси и Ганьсу разрушить Йеттышахр в 1876-1878 гг.⁵⁰ Около 12 000 ближайших сторонников Якуббека были подвергнуты затем массовой казни в Кашгаре. Сам предводитель покончил жизнь самоубийством накануне поражения.⁵¹ Якуббек Бадавлет, разумеется, был жестоким правителем. Однако не следует забывать, что важной опорой Якуббека был призыв к религиозной и этнической солидарности во имя достижения независимости Кашгарии, а может и всей Средней Азии.

Синьцзянь постоянно сотрясали восстания против китайцев, но все они заканчивались неудачей. Причиной тому служили противоречия внутри самого региона, населенного столь непохожими друг на друга оседлыми земледельцами - уйгурами, кочевыми казахами и киргизами, буддистами-монголами и пришлыми китайцами-ханьцами и манчжурами, а также дунганцами⁵² и другими, более мелкими народами. Почти одновременно с правлением Якуббека, в Джунгарии вспыхнуло дунганское восстание под предводительством Бай-янь-ху (Мухаммеда Аньюба), которое также было подавлено Цзо.⁵³ Успеху китайцев в подавлении дунганского восстания, равно как и Якуббека, во многом способствовали поставки сибирского зерна в армию Цзо.⁵⁴ Подавление восстания мусульман Синьцзяня

⁴⁹ Хопкирк П. *Большая Игра против России: Азиатский синдром: Рипол Классик; М.; 2004.* С. 164. Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>

⁵⁰ Галузо П.Г. Указ. соч. С.62.

⁵¹ Hedin, Sven. *The Flight of "Big Hourse" The Trail of War in Central Asia.* 2

⁵² Дунгане – китайцы (по языку и расовому признаку), принявшие ислам. Проживали главным образом в Ганьсу - соседней Синьцзяню провинции, но также и в Синьцзяне и Семиречье.

⁵³ Сушанло М. *Дунгане (историко-этнографический очерк)* Фрунзе: Илим, 1971. С.79

⁵⁴ Poul Henze, "The Great Game in Kashgaria", 86-87.

в 1870-х гг. означало, по сути, повторное (после 1759 г.) завоевание края китайцами.⁵⁵ Цинская династия нуждалась в этом регионе для защиты своих северо-западных границ и использовала Синьцзянь как буфер против иностранного наступления.⁵⁶ По мнению Цзо,

“Синьцзянь является передовым оборонительным рубежом на северо-западе. Он прикрывает Монголию, которая в свою очередь, своим тылом прикрывает Пекин. Если Синьцзянь будет потерян, Монголия станет беззащитной и Пекин окажется под угрозой”.⁵⁷

Решающую роль в определении судьбы Восточного Туркестана сыграла именно Россия. Как и Китай, она не была расположена передавать контроль над этой территорией в руки населявших ее народов. Создание в восточной части Средней Азии независимых государств могло бы стимулировать освободительное движение против русского владычества в Западном Туркестане. В то же время, как уже отмечалось выше, Россия, истощив свои силы в Крымской войне 1853-1856 гг., в войне с Турцией 1876-1878 гг. и в вооруженной борьбе против восставших горцев Кавказа во главе с Шамилем в 1860-х гг., не обладала необходимыми ресурсами для установления своего контроля во всей Средней Азии. Россия также подвергалась критике за оккупацию Илийского края. Учитывая все эти обстоятельства, Россия пришла к выводу, что лучше видеть на своих юго-восточных границах сильный Китай, чем поддерживаемое Турцией или Британией мусульманское государство. Поэтому она предпочла оставить регион за Китаем. В начале 1878 г., через полгода после смерти Якуббека, китайский контроль над Илийским краем и Кашгарией был восстановлен.⁵⁸ Русские отказались от своих территориальных претензий в Синьцзяне. В 1879 г. согласно Ливадийскому договору Илийский край был возвращен Китаю. Россия отказалась от своих притязаний на Кульджу и Кашгар, взамен различных торговых привилегий. В феврале 1881 г. в Санкт-Петербурге был подписан русско-китайский договор, который закрепил статус-кво и установил границы, сохранившиеся по настоящее время почти без изменения. С возвращением Китаю восточной части Илийского края, от исторического Казахстана были отторгнуты значительные земли, населенные казахами. Все это дало начало казахской ирреденте, оказавшейся меньшинством на территории Китая. Илийским дунганам и таранчи было дано право оставаться в китайском подданстве или пересе-

⁵⁵ Всего же, как писал английский дипломат А. Скрин, «в течении двух тысячелетий китайцы пять раз овладевали Кашгарией и четыре раза оставляли ее. Весь период китайской оккупации длился 425 лет. Остальное время Кашгария была добычей разных народов: гуннов, юэджи, или индо-скифов, арабов, тибетцев, уйгуров, кара-китайцев, монголов Чингиз Хана, джунгарских калмыков и кокандцев». Скрин, А. *Китайский Туркестан*, Москва-Ленинград: Молодая гвардия, 1930, С.46.

⁵⁶ Rossabi M., Op. cit., 167.

⁵⁷ Hedin, Sven. *The Flight of “Big Hourse” The Trail of War in Central Asia*. 2

⁵⁸ Hedin, Sven. Op. cit. 86-87.

литься в Россию. Почти все таранчи и дунгане – общим числом до 100 000 переселились в 1881-1884 гг., главным образом, в Семиреченскую область Российской империи. Они дали начало первым уйгурским и дунганским поселениям в «русской» Средней Азии. Царское правительство стремилось использовать таранчи и дунган в случае осложнений на границе и в качестве военной силы, способной выступить против китайцев.⁵⁹

Так, длившийся четыре с половиной столетия спор за влияние в этом районе Внутренней Азии, закончился. Восточная часть Средней Азии превратилась в китайскую провинцию под названием Синьцзянь. Разумеется, русские не отказывались от своих интересов в Синьцзяне. Пользуясь отдаленностью Кашгарии и Джунгарии от центральных провинций Китая, Россия преуспевала в укреплении своего экономического и политического влияния в Западном Китае. Вплоть до самой революции 1917 г. русское влияние в Синьцзяне было подавляющим и намного превосходило английское. Русского консула с его многочисленным штатом в г. Кашгаре обычно сопровождала сотня казаков.⁶⁰ Большой вес российскому влиянию придавало наличие железной дороги в Фергане (Андижане), расположенной в непосредственной близости от Кашгара.

Китайская администрация поощряла китайскую колонизацию в новую провинцию. С целью укрепления обороны и улучшения управления Синьцзянем, Цинская династия построила 25 отдельных фортов вокруг городов Урумчи (административный центр провинции) и Или, и еще 18 - к югу от Тянь-Шаня. Почти все чиновники были из манчжуров (представителей правящей династии Цинь). Они управляли провинцией через местных авторитетов-беков.⁶¹

В 1911 г. в результате Китайской революции пала Цинская династия и была провозглашена Китайская республика. Провинция оказалась в изоляции от центра и, казалось, китайскому владычеству опять приходит конец. Но, в 1912 г. гражданским и военным губернатором Синьцзяня становится Ян Цзен-синь (Yang Tsen-hsin), родом из провинции Юнань. На протяжении своего правления, длившегося до 1928 г., этот умелый деятель, обладавший в пределах провинции абсолютной властью, сумел не только удержать Синьцзянь в пределах Китая, но и уберечь его от разрушения, постигшего соседние территории, охваченные войнами и революциями.⁶² Ему также удалось предотвратить возможный захват провинции 30-40 тысячным отрядом белоказаков, бежавших от поражения из Советской России в Синьцзянь (о которых пойдет речь в дальнейших главах).

⁵⁹ Абусеитова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. Указ. соч. С. 220.

⁶⁰ Skrine C. P. *Chinese Central Asia*. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 1926. С. 66.

⁶¹ Rossabi M., *Op. cit.* 169-170.

⁶² См.: Richard Yang "Sinkiang Under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin", *Central Asiatic Journal* Vol. 6, no.4, December 1961, 270-316.

Линия, разделяющая русское Семиречье от китайской Джунгарии пролегла по линии Тянь-Шань - Алтай. По обе стороны этой границы свободно передвигались казахи, выпасая свои стада. Приграничные проблемы требовали от Яна большого внимания и такта. В одной из своих телеграмм он сообщал:

“Казахи расселены вдоль русско-Синьцзянской границы. Беспокойство, причиняемое этим народом вызвано тем, что они обычно игнорируют пограничную линию и местную администрацию. Хотя граница нашего государства с Россией ясно определена, мы часто обнаруживаем, что какая-то казахская семья расселена по обе стороны границы”.⁶³

Китайская администрация снимала, как могла остроту противоречий. Она позаботилась об образовании специальных районов, где пограничные гарнизоны и специальные чиновники, пользовавшиеся доверием казахов, регулировали приграничные гражданские вопросы.

Таким образом, Семиречье и Синьцзянь, представлявшие некогда единое культурно-экономическое пространство, во второй половине XIX века были разделены между Китаем и Россией. Обе империи роднило то, что на своих среднеазиатских рубежах они взаимодействовали с цивилизациями оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников, исповедующих, главным образом, ислам. Правящие режимы стремились не допустить объединения и усиления различных племен и народностей Внутренней Азии. Сближало их и то, что для укрепления своих позиций, Россия и Китай поддерживали русскую и китайскую (ханьскую) колонизацию своих доминионов. Общая задача борьбы против религиозно-националистических, сепаратистских движений сближала Российскую и Цинскую империи, накладывала свой отпечаток на характер их взаимоотношений.

Повстанческие выступления коренных мусульманских народов Семиречья и Синьцзяня сопровождались довольно энергичными миграционными потоками населения как в ту, так в другую сторону русско-китайской границы. Уже во время завоевания Джунгарии и Кашгарии Цзо-Цзутаном, уйгуры и дунгане, бросив свое имущество, бежали в Русский Туркестан.⁶⁴

В свою очередь, мусульмане-подданные России, страдая от гнета и эксплуатации царизма, искали убежища на китайской территории. Накануне Октябрьской революции Ян Цзен-синь столкнулся с серьезнейшим миграционным кризисом, вызванным беспорядками на соседней российской территории. В 1916 г. в русской части Средней Азии и Степном крае (восточная, северная и западные части современного Казахстана) началось народ-

⁶³ Richard Yang. Op. cit. 278.

⁶⁴ *Отчет Императорского российского консульства в Кашгарии. На правах рукописи.* С.47.

ное восстание. Непосредственным поводом для него явился указ царского правительства № 1526 от 25 июня 1916 г. “О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений”, означавший фактический призыв коренных народов Средней Азии в воюющую армию. Во время подавления восстания царскими войсками, более 300 тысяч казахов, киргизов Пишпекского, Пржевальского, Алмаатинского уездов Семиреченской области ушли в Китай — в районы Кульджи, Аксу, Кашгара, Уч-Турфана и другие местности.⁶⁵

Этническое, религиозное, культурное единство Семиречья, Ферганы и Синьцзяня поддерживалось воздействием хозяйственного фактора. Экономика Синьцзяня была ориентирована на Россию в большей степени, чем на отдаленные центральные провинции Китая. Большинство товаров Западного Китая, а это, главным образом продукты животноводства, экспортировалось в Россию. На местных рынках преобладали русские товары. С Россией эта китайская провинция была связана целым рядом дорог, но официальных торговых путей было четыре: Кашгар – Иркештам - Андижан; Кульджа (Инин) – Хоргос - Верный; Чугучак (Гачен) – Семипалатинск; и Шарасуме (Сарысумбе) - Зайсан. Менее развитыми были коммуникации, связывавшие Синьцзянь с центральным Китаем и северной Индией. В этом направлении имелось только два пути: колесный путь через пустыню Гоби до Калгана и выючный через хребет Каракорум в Индию. До первого китайского железнодорожного пункта Калган (Внутренняя Монголия) необходимо было преодолеть расстояние 2,5 тысяч км. Для сравнения скажем, что от Кашгара до ближайшей российской железнодорожной станции (Андижан), расстояние было в пять раз короче. Не удивительно, что Синьцзянь стал одним из главных партнеров России на Востоке. Например, в 1908 г. общий экспорт России в Китай, Монголию и Манчжурию составил 23 млн. рублей. Из них 8 млн. приходилось на Синьцзянь.⁶⁶ К концу 1916 г. общий оборот торговли России с Синьцзянем по приблизительным расчетам китайской таможи достиг 17 млн. рублей серебром, в то время как торговый оборот Англии составлял одну треть от русского.⁶⁷ После 1910 г. в Кашгаре были открыты отделения русских торговых фирм (Э. Циндель и др.), и Русско-

⁶⁵ Ричард Янг в своей статье (С. 308) пишет, что благодаря стараниям губернатора Ян Цзен-синя к сентябрю 1917 г., “все казахи за исключением небольших групп вернулись в Россию. Однако, как явствует из материалов российских архивов, значительная часть беженцев, не имевшая средств для возвращения, осталась в Китае. В первые годы Советской власти они делали попытки возвращения на родину. В посланиях большевистскому руководству в Ташкенте они писали, что беженцы превратились в рабов и были даже вынуждены продавать своих жен и детей китайцам. Всего, по их словам, было продано китайцам 30 тысяч киргизов и казахов Семиреченской области. Советской власти в 1920-1922 гг. удалось найти валютные средства, для того, чтобы выкупить у китайцев и возвратить на родину часть беженцев-рабов.- РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.348, л.1; там же, ф.62, оп.1, д.98, л.17.

⁶⁶ Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение Западного Китая//Новый Восток. 1922-№.3. С.115.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 122, оп. 1, д.192, л.22.

Азиатского банка. Вплоть до 1914 г. русские купцы господствовали в Синьцзяне (как впрочем и в Туркестане и Бухаре). Англичане не могли всерьез конкурировать с русским влиянием.

Первая мировая война, русская революция 1917 г. и последовавшая разруха привели к резкому сокращению внешнеторговых операций между Россией и Китаем. Более того, революция поставила население Синьцзяна на край экономической катастрофы. К концу 1917 г. цены на сырье в процентном отношении по сравнению с 1916 г. понизились: на мелкий и крупный рогатый скот - на 10%, кожи - 30%, хлопок - 40%, шерсть - 50%. И, наоборот, товары потребления подорожали до небывалых размеров: чай на 100%, спички на 100%, мануфактура в среднем на 200%, железо и железные изделия на 300%.⁶⁸ Кроме того, совершенно закрылся доступ в Семиречье и Фергану многим тысячам рабочим Синьцзяна. В 1918 и 1919 гг., когда еще полностью не была установлена Советская власть в Средней Азии, китайским купцам удавалось просачиваться в приграничные части Туркестана и Сибири. Но в конце 1919 - начале 1920 гг., когда глава Сибирского правительства адмирал Колчак был разбит и Туркестан стал советским, мелкой приграничной торговле пришел конец.

Вплоть до прихода к власти коммунистов и провозглашения КНР в 1949 г. русские военные могли войти в Синьцзянь быстрее и с большей легкостью, чем войска центрального правительства Китая. Это обстоятельство ставило местные власти в зависимость от Советского правительства. Зачастую, чтобы усилить или, наоборот, ослабить центральную китайскую власть, правительство этой провинции обращалось за помощью к могущественному северному соседу. Об этих эпизодах пойдет речь в заключительных главах настоящей монографии.

Средняя Азия и новый мировой порядок

Итак, в XIX веке после долгого застоя и изоляции, регион Средней Азии вновь стал предметом мировой политики. Были определены основные геополитические очертания региона, получившего название Средняя Азия. Ее южным рубежом явилась граница, сохранившаяся по настоящее время. Российско-английское 1872-1873 гг., афганское 1885-1887 гг. и памирское 1895 г. разграничения завершились образованием российско-афганской границы общей протяженностью 2330 км., которая в 1924-1929 гг. трансформировалась в афгано-туркменскую (802 км.), афгано-узбекскую (140 км.) и афгано-таджикскую (1331 км.).⁶⁹ Пекинский 1860 г., Петербургский 1981 г. и последующие русско-китайские договоры закрепили размежевание между русским Семиречьем, Памиром и китайским Синь-

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Арунова М.Р., Шумилова О.М. *Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном.* М., 1994. С.54.

цзянем. В начале XX века завершилось формирование этих границ, сохранившихся (с небольшими изменениями) по сей день как казахско-китайская (1710 км), киргизско-китайская (1000 км) и таджикско-китайская (502 км) границы. Российско-персидское 1881 г. разграничение по реке Атрек привело к образованию современной туркмено-иранской границы (992 км.). Для того, чтобы избежать возможных инцидентов, было сделано так, чтобы британские и российские владения в регионе Средней Азии не соприкасались. Максимальное приближение наблюдалось лишь в так называемом “Ваханском коридоре”, расположенном на большой высоте (3000 метров и более) в труднодоступной и малонаселенной части Восточного Памира. Граница между Афганистаном и Китаем проходящая по ледникам памирского хребта Таг Думбаш имеет протяженность в 70 км. Хотя китайская сторона не участвовала в англо-русском разграничении Памира и сохранила за собой право предъявлять в дальнейшем территориальные претензии странам Центральной Азии, в целом, проведение границ на Памире стабилизировало ситуацию. “Супердержавы” находились в непосредственной близости от друга, избегая непосредственных контактов и серьезных разногласий.

Основным фактором формирования геополитического пространства Средней Азии явилось, таким образом, англо-русское соперничество. Принципиальным мотивом Англии было предупреждение возможного покушения на свои колониальные владения в Индии. Во внешнеполитических кругах Дели и Лондона в то время в большом ходу была версия о “русской угрозе” Индии. Однако масштабы и характер этой угрозы оценивались по-разному. Часть политиков-руссофобов преувеличивала степень агрессивности русских и настаивала на наступательной политике в отношении России. Но наиболее дальновидные политики Англии оценивали обстановку более трезво. Они видели, что, начиная с середины XIX века, России было важнее укрепиться на Босфоре, и что ее интересы в Средней Азии ограничивались Степным краем, Кокандом, Хивой, Бухарой. В конце-концов, во внешней политике Англии возобладали трезвые прагматики, свободные от русофобии и склонные к гибкой политике «закрытой границы».⁷⁰

Вследствие этого, “Большая игра” в горных хребтах, долинах и плато Внутренней Азии приняла достаточно мирный характер. Британские чиновники были больше заняты проблемами Пенджаба и Кашмира, сохранением своего влияния в пуштунских территориях Северо-Западной провинции. Сэр Джон Лоуренс, который правил Индией в 1863-1869 гг., строго-настрого запрещал британским чиновникам путешествовать за пределами Индии.⁷¹ Хотя Англия и оставалась обеспокоенной русским наступ-

⁷⁰ Жигалина О.И. *Великобритания на Среднем Востоке*. С.68.

⁷¹ Henze, Poul. “The Great Game in Kashgaria: British and Russian missions to Yakub beg”, *Central Asian Survey* 8, no.2 (1989), 70.

лением, строительством стратегических железных дорог из Оренбурга в Ташкент, Андижан, Бухару, Мерв, англо-русское соглашение 1907 г. сняло напряжение и отрегулировало взаимоотношения между империями. Согласно ему, Афганистан оставался вне русского влияния. Внешние дела этой страны контролировались Англией. Афганистану был определен статус буфера между «территориями российской и британской империй, в которой Россия лишалась дипломатического влияния в пользу Англии. При этом Англия обязалась не использовать свое влияние против России».⁷² Хотя это означало фактическое превращение Афганистана в британский протекторат, в конце XIX века в регионе наступило относительное спокойствие. Особенно это стало заметно в начале XX века, когда усиление англо-германских и русско-германских противоречий привело к еще большему потеплению отношений между Лондоном и Москвой, которое заложило основу создания военно-политического блока России, Франции, Великобритании - Антанты.⁷³ Это обстоятельство благоприятно сказалось на экономическом положении и развитии Бухары и Туркестана в конце XIX-начале XX веков.

Одновременно с формированием среднеазиатского геополитического и геоэкономического пространства, мусульмане, населяющие эту обширную страну вступили в эпохальную трансформацию, затронувшую политическую, культурную и экономическую сферы их жизни. Прежде всего, колонизация положила конец вольнице многочисленных племен, живших по собственным законам. По европейским стандартам, большинство среднеазиатов никогда не жили в государстве. Жители городов еще могли быть названы «гражданами», имея в виду тот факт, что они были безоружны, находились под более или менее эффективным государственным контролем и исправно платили налоги. Эта часть населения в целом отнеслась спокойно к установлению русского господства. Она предпочла руководствоваться золотым правилом: «лучше иметь плохое правительство, чем никакое». В отличие от горожан, которые впрочем, никогда не составляли большинства населения Средней Азии, эгалитарные, племенные сегменты среднеазиатского общества оказали сопротивление колониальному захвату.⁷⁴ Религиовед, для которого ислам – это прежде всего канон, мог бы объяснить эту конфронтацию джихадом местных кочевников, чей ислам традиционно был переплетен с племенными структурами. В свою очередь, современный социолог и политолог предложил бы свое объяснение, предположив, что те, кто сопротивлялся, являлись местной

⁷² Churchill, Rogers Platt. *The Anglo-Russian convention of 1907*. Cedar Rapids, Iowa: The Torch Press, 1939, 334

⁷³ Жигалина О.И. *Великобритания на Среднем Востоке XIX-нач. XX в. Анализ внешнеполитических концепций*. М., 1990. С.145.

⁷⁴ Например, восстание в Фергане под руководством Мадали (Ишони Дукчи) в 1898 г.

«вольницей», то есть негосударственными акторами, ведомыми традиционными военачальниками, привыкшими сопротивляться любому – своему или зарубежному – правительству. Обе аргументации – религиозно-социологическая и социологическая – заслуживают внимания. Разумеется, джихад, как защита от агрессии немусульман имел место. Но религиозный фактор без убедительной социально-экономической «подпитки» мало чего стоит. Было бы неправильно искать мотивы поведения мусульман в доктринальном исламе, не обращая внимания на другие факторы, к религии отношения не имевшие. Во-первых, применительно к Средней Азии, нужно говорить не об одном «исламском обществе», а о различных мусульманских сообществах. Мусульмане Средней Азии очень сильно отличались друг от друга. Они жили в непохожих жилищах, отличались по внешности, быту, манерам поведения, этикету, отношению к женщинам и... политической культуре. Суннитский ислам городских центров, признававший важность религиозных догматов и призывавший мусульман терпеть принуждения государственной власти ради относительного спокойствия, контрастировал с сектантством беспокойных суфийских братств, распространенных на окраинах Средней Азии (в горах, степях и пустынях), находившихся вне прямого государственного контроля и сопротивлявшихся установлению внешнего диктата. Протест сектантской периферии впрочем, никогда не доходил до уровня альтернативной антигосударственной идеологии. Точно также интеллектуальный «городской ислам» не всегда был конформистско-ортодоксальным. Ничего удивительного в этой разнице между каноническим идеалом и реальностью не было. Это был нескончаемый процесс интерпретации и ре-интерпретации сакральных текстов меняющимися общинами верующих, их стремление адаптироваться к изменившимся обстоятельствам (русскому господству в первую очередь) без капитуляции базовых принципов исламской религии. В этом отношении было бы опрометчивым считать среднеазиатские общины безнадежно традиционалистическими, коренным образом отличающимися от «рационального Запада».

Традиционно, суннитский ислам Средней Азии отличали либерализм и терпимость. Его больше интересовала инкорпорация мусульман, нежели их ассимиляция и насильственное втискивание верующих в «прокрустово ложе» незыблемых догм. Он никогда не ломал различные этнокультурные группы, заталкивая их в общий «мэйнстрим». Видимо именно эта гибкость, культурная и расовая терпимость делала среднеазиатский ислам привлекательным (по сравнению с христианством, буддизмом и пр.) в глазах многочисленных тюрко-монгольских племен позднего средневековья. И ученый персоязычный горожанин из Бухары и новообращенный неграмотный тюрко-монгольский номад Дашти Кипчака были в гармонии с самими собой и с окружающим миром постольку поскольку, по их мнению, никто не посягал на исламский суверенитет. Так продолжалось до

середины XIX века, когда глобализация и колониальная экспансия не нарушила эту связь между религией и привнесенным извне государственным устройством.

Установление эффективного государственного контроля над бескрайними просторами Средней Азии явилось требованием нового мира, в котором доминировали европейская культура и ценности. Новый порядок основывался на международной системе, в основе которой были отдельные национальные государства с четко обозначенными, охраняемыми и неподвижными границами. Назначение национальных государств состояло в защите национального суверенитета, верховенстве национального интереса, почитании рациональных символов и ценностей. Ничего общего с бескрайними степными империями и «исламским» государством, отдававшим предпочтение суверенитету бога за счет суверенитета личности или народа, эта система не имела. Привнесенная в регион политическая и легальная система известная как Вестфальская, явилась светской и европейской по самой своей сути. Она заложила основу современных государственных отношений. В конце XIX века, однако, она не была применена к странам с преобладающим мусульманским населением. Европейцы предусматривали установление колониального контроля над территориями «где нет основания для применения принципа национального самоопределения».⁷⁵ В результате, впервые в своей долгой истории, среднеазиатские мусульмане должны были подчиняться законам, установленным немусульманами. Это навязанное извне светское видение отношений между личностью, общиной и государством противоречило мусульманскому универсальному мировоззрению. Оно атомизировало религиозное сообщество и развело места совместного проживания мусульман. В результате установления европейского господства, к началу XX века большая часть мусульманского мира была фрагментирована и поставлена в подчиненное положение. Французы контролировали Африку, Ливан и Сирию. Британцы – Палестину, Иорданию, Ирак, Персидский залив, Индию и Южную Азию. Голландцы доминировали в Индонезии, русские и китайцы – в Средней Азии. Только Иран и Турция оставались относительно свободными от контроля европейцев.

Историк-оптимист вряд ли увидел бы в этом большую беду. Он мог бы сказать, что Россия сделала то, что надо было сделать самим среднеазиатам, а именно положить конец дегенеративным и отсталым монархиям. Можно также указать на то, что российское завоевание приобщило Среднюю Азию к достижениям мировой цивилизации и способствовало модернизации традиционалистского общества. Это действительно так. Наибольшее одобрение среднеазиатов, всегда почитавших развитие торговли, вызвали новые возможности товарообмена с Россией. В считан-

⁷⁵ IOL/P&S/11/142.

ные годы в регионе появилась прослойка богатой местной буржуазии, ориентированной на западный рынок. Именно ей принадлежит заслуга в модернизации края. Богатые купцы и промышленники выпускали газеты, открывали театры, создавали и поддерживали политические партии, строили новые школы. Они рассчитывали на постепенную эволюцию в составе капиталистической России. В течение нескольких лет Среднюю Азию наводнили новые, невиданные доселе, но очень нужные товары. В многочисленных чайханах красовались начищенные до блеска пузатые русские самовары, а гостиные комнаты горожан и сельчан региона, а также юрты богатых кочевников украшали великолепные «восточные» сервизы фирмы «Гарднер»,⁷⁶ которые с успехом вытесняли местную традиционную керамику. Местные модницы кутались в цветастые нарядные платки производства ситценабивной мануфактуры Эмиля Цинделя. В городах Ферганской долины расторопные торговые агенты – русские и немцы – учили узбечек, таджичек и киргизок обращению со швейными машинками «Зингер».⁷⁷ С приходом русских, в регионе улучшилось и разнообразилось питание, появились новые продукты и сельскохозяйственные культуры. В этом был несомненный плюс колонизации региона.

Однако, с другой – нематериальной – стороны, поражение эмиров и ханов, имевших харизму потомков Пророка Мухаммада, породило глубокий кризис идентичности всего общества. Не все привнесенные извне идеи и правила были встречены с одинаковым энтузиазмом и пониманием. Наплыв импортных товаров вызвал кризис местных ремесел. Нарушился привычный образ жизни, отношение к природе и окружающей среде. Индивидуализм, прагматический материализм и перспектива скорой индустриализации и урбанизации оказались трудными для восприятия большинством мусульман, многие из которых как по хозяйственному, так и психологическому укладу оставались разрозненными общинниками, оторванными от рынка и не знавшими что такое частная собственность. Особенно тяжело пришлось кочевникам и полукочевникам, так как новый порядок представлял прямую угрозу их сообществам и окружающей среде.

Таким образом, с установлением колониального господства обострился конфликт между привычным укладом жизни и навязанным извне но-

⁷⁶ Фарфоровый завод Ф. Я. Гарднера был основан в 1766 г. в Вербилках близ Москвы. С 1891 г. он стал принадлежать знаменитому промышленнику М. С. Кузнецову. Со второй половины XIX века «восточный», с богатой росписью фарфор с клеймом «Гарднер», выполненным арабской вязью стал особо популярным в Средней Азии. См.: «Поставщик Двора Его Императорского Величества» <http://www.business.ua/i541/a17683>

⁷⁷ Компания «Зингер в России» наладила в Подольске к 1913 г. выпуск 600 000 машинок ежегодно. Накануне Первой мировой войны «Зингер» имел около 3000 фирменных магазинов, разбросанных по всей Российской империи. В Закавказье и Средней Азии компания, которая стала именоваться «Поставщиком Двора его Императорского Величества» имела три отделения. См.: «История создания корпорации «Зингер». Биография Исаака Меррита Зингера». <http://www.uuss.ru/statyi/1.1.2.htm>

вым политическим порядком. Мусульманским сообществам предстояло решить сложнейший вопрос: можно ли остаться мусульманином в государстве, живущем по немусульманским законам и управляемом немусульманином?

Результатом кризиса идентичности был рост мусульманского национализма и фундаментализма. Фундаментализм в Туркестане и Бухаре появился в виде радикальной реакции на «поражение ислама». Разочарованные и озлобленные лидеры мусульманских общин стали призывать своих сторонников к священному джихаду и к бойкоту всего, что исходило от «неверных». Они встречали в штыки любое новшество – будь то одежда европейского покроя или газета. В результате, среди мусульманского населения, находившегося под властью традиционных лидеров, стал резко понижаться уровень образования, культуры и интеллектуальной жизни. Они считали себя побежденными и резко контрастировали с теми, кто выиграл от русской колонизации.

Мусульманам Средней Азии как не-славянам и не-христианам царское правительство предоставляло дискриминационный статус “инородцев”. Помимо среднеазиатов, инородцами считались калмыки, коренные народы Сибири, евреи и другие не-славянские народы, населявшие Россию. Инородцам чинились препятствия при поступлении в учебные заведения, на военную и государственную службу, выборе места жительства. В то же время, царизм выделял из среды инородцев племенную и родовую верхушку, местную аристократию, представляя им ряд льгот и привилегий.

Конец XIX века явился свидетелем финала застоя и изоляции Средней Азии. Регион вступил в драматическую эпоху перехода к современности. Помимо желаний колониальных властей, русские открыли перед мусульманами Средней Азии доступ к достижениям цивилизации, новаторским идеям модернизма, национализма, исламского реформизма и секуляризма.

Переходя к более широкой – международной – перспективе последствий «Большой игры», уместно задать следующий вопрос: явился ли компромисс между империями выигрышным с точки зрения международной безопасности, на ближайшую и более отдаленную перспективу? Был ли он благом для “игроков”, а также местных народов, проживавших на спорных территориях?

В этом смысле, последствия разграничения сфер влияния Англии, России и Китая в Средней Азии представляются далеко не простыми. Прежде всего, компромисс был достигнут во имя государственных интересов России, Англии и Китая. Он предусматривал безопасность и мирные условия для развития, обеспечения независимости и территориальной целостности этих империй и господствующих в них наций – русских, англичан и китайцев. Естественно, никто из «игроков» не допускал и мысли о достижении независимости и строительстве национальных, этнических государств в Средней Азии в пределах границ конца XIX века.

Совершенно очевидно, что проникновение империй в Среднюю Азию нельзя объяснить какими-либо соображениями обороны. В “Большой игре”, в этом споре гигантов - соседей, разыгрывалась земля, не принадлежащая ни одной из сторон. Это был классический пример колониального экспансионизма. Действительно, в средневековые кочевники региона внушали суеверный страх городским цивилизациям Евразии. Однако в XIX веке отсталые и дряхлеющие феодальные монархии Средней Азии не представляли собой никакой опасности окружающему миру. Не случайно, на Среднюю Азию “игроки” обратили внимание лишь в конце раздела сфер влияния, когда уже обозначились геополитические контуры на Балканах, Кавказе, в Южной Азии. Причем, каждый из “игроков” считал Среднюю Азию территорией для себя жизненно необходимой с точки зрения экономических интересов и национальной безопасности. Главный мотив их действий - обезопасить тылы от возможной экспансии соседа - такой же империи. Русские оберегали Сибирь и Кавказ, англичане - Индию, Китай - Монголию.

Никакого прямого столкновения Англии, России и Китая в Средней Азии за время спора, длившегося три столетия, не произошло. Другими словами, “игроки” в Средней Азии вели игру мирно, по правилам ими же установленными. В результате, к началу XX века образовался гигантский стратегический барьер, растянувшийся с востока на запад от Тихого океана до Персии по линии: Манчжурия – Монголия – Синьцзянь - Туркестанский край – Бухара - Хива – Афганистан. Этот необычайно пестрый и неоднородный в политическом и культурном отношении регион, расположенный между Российской и Китайской империями, в литературе часто называют Внутренней Азией. В нее вошли независимые, как Афганистан или зависимые, но имеющие все основания, чтобы в удобный момент заявить о своих претензиях на независимость, государства. В регионе смешались ислам, конфуцианство, буддизм, шаманизм, христианство. Здесь жили и живут иранцы, турки, славяне, ханьцы, монголы и др.

Геополитическое положение “русской” Средней Азии (Бухара, Туркестан, Семиречье, Туркмения) в этом барьере несколько двойственное. С одной стороны, этот регион принадлежал России. Но ей достался слишком большой и богатый людскими и природными ресурсами край. Его освоение и удержание требовали значительных инвестиций и культурной работы, которые, однако, Москве были не по силам. В результате, инкорпорация края в русскую и мировую экономическую, политическую и культурную системы оказалась слабой. Российская ориентация в Средней Азии не столь ярко выражена, как, скажем, на Кавказе, где уже в XIX веке сложились тесные социально-экономические и культурные связи колонии и метрополии. Конфессионально Средняя Азия также была чужда России. В отличие от Кавказа, в ней отсутствовало христианство, опираясь на которое можно было пустить здесь более глубокие корни. Русские в

Средней Азии ограничились установлением торгово-экономических связей, строительством железной дороги, которая служила, сколько экономике, столько и обороне. В целом, слабое экономическое проникновение России в Среднюю Азию сопровождалось адекватным культурным освоением. Лишь незначительная прослойка местной элиты (главным образом казахов, ближайших соседей русских) была вовлечена в русскую культуру. Как отмечал один из теоретиков и практиков большевизма в Средней Азии, Георгий Сафаров,

“Европейский капитализм в странах Востока не произвел коренного перелома. Он возвел над существовавшей там историческо-сложившейся системой феодальных и феодально-патриархальных отношений только свою собственную надстройку..., усилил эксплуатацию..., разрушил местную кустарную промышленность..., затормозил культурное и хозяйственное развитие колониальных народов и искусственно задержал разрушение реакционных форм быта и идеологии”.⁷⁸

“Русская” Средняя Азия занимала промежуточное положение: формально (административно) часть Средней Азии, известная как Туркестанский край вошла в состав России, однако фактически (культурно) она оставалась неотъемлемой частью Внутренней Азии - барьера, разделяющего империи. Разделенная между империями Средняя Азия сохранила внутреннее культурное единство. Традиционные, в том числе религиозные структуры земледельческих оазисов Средней Азии оставались на средневековом уровне, вплоть до 20-х гг. XX века. Об этом, Г. Сафаров выразился следующим образом:

“Европейское засилье не уничтожило отсталого гражданско-семейного быта и традиционной, воспринятой от предков идеологии, но напротив того, усилило их господство, поскольку этот быт и эта идеология стали дороги угнетенным массам, как формы сохранения национальной культуры, как средство их борьбы за свою национально-культурную самостоятельность против насильственной ассимиляции со стороны европейского капитализма”.⁷⁹

Забегая вперед, скажем, что воздействие религиозно - реформаторских идей мусульман других частей России (Кавказа, Поволжья) ощущалось в Бухаре, Самарканде и других культурных центрах региона весьма слабо. Именно поэтому, мы не можем отметить какого - либо сильного сопротивления мусульман Средней Азии европейскому и китайскому колониализму в виде политической оппозиции. Сопротивление было оказано периферийными племенами, главным стремлением которых было сохранение своей самостоятельности и самобытности, а также противодействие установлению централизованного государства.

⁷⁸ Сафаров Г. *Колониальная революция (опыт Туркестана)* М.: Госиздат, 1921. С.3.

⁷⁹ Там же.С.5.

“Большую игру” следует понимать не только как соревнование империй, но и как их единство, а именно стремление всех трех империй (России, Англии и Китая) противиться местному, в подавляющем своем большинстве мусульманскому, населению. Их роднило чувство превосходства западной цивилизации, христианства и конфуцианства, а также намерение не допустить объединения населявших регион народов, их усиления, достижения ими независимости. Эта политика заключалась в известной формуле “разделяй и властвуй”. Разграничения конца XIX века и размежевание 1924-1936 гг. служили именно этой цели. Империи предпочитали и предпочитают так определять свои внутренние границы, чтобы расчленять этнические и религиозные объединения, создавать непреодолимые препятствия для их мобилизации.⁸⁰

“Имеющийся опыт учит, что вырождающиеся цивилизации, изолированные от остального ислама, обладают слабо выраженным стремлением к власти. Следует сохранять эту изолированность, поскольку она препятствует развитию самосознания мусульман”, считало правительство Англии в 1919 г.⁸¹

И, наконец, взаимоотношения империй в Средней Азии можно рассматривать с точки зрения европоцентристской “модернизации”, а именно наступления “прогрессивного” Запада на архаичный Восток. Родилась очень простая модель, согласно которой южные рубежи Средней Азии рассматриваются как граница между капиталистической Россией, являющейся, в свою очередь, восточным форпостом христианского Запада, и феодальным мусульманским миром. Это противостояние можно назвать цивилизационным, основанном на исторической памяти Запада о кочевниках Средней Азии, как агрессивных и непредсказуемых варварах, способных в одночасье разрушить культурные завоевания городской цивилизации Евразии. В общественном сознании Запада начал свое формирование образ врага в лице “фанатичного мусульманина”, сдерживание которого является исторической миссией «белого человека». Можно с полной уверенностью утверждать, что пугало “исламского фундаментализма” было создано и раздувалось империями, участвовавшими в “Большой игре”. В свете этой модели “столкновения цивилизаций”⁸² Россия представляла защитницей Запада от “дикого” Востока.

Тогда же родился и другой стереотип международных отношений, согласно которому Средняя Азия обречена быть колонией и только империи, в частности Россия, в состоянии поддерживать стабильность в реги-

⁸⁰ Ali Banuazizi and Myron Weiner. “Introduction,” in *The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994, 2.

⁸¹ IOR:L/P&S/11/142.

⁸² См.: Huntington, Samuel, *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.

оне. Всячески культивировался и поныне живуч имидж России как арьергарда Европы, оберегающего тыл европейской цивилизации.

Таким образом, совершенно очевидно, что успех международной политики более чем столетней давности, а именно компромисс Великобритании, России и Китая относительно Средней Азии, имел иллюзорный характер. Более того, он имел опасные последствия. Цену за благополучие империй и мир между ними заплатили жители региона. Культивация политической, национальной и социальной фрагментации в доминионах усиливала деградацию Средней Азии, но обеспечивала Англии и России статус “супердержав”. Со времен “Большой игры” Средняя Азия из субъекта исторического действия надолго превратилась в объект манипуляций и экспериментов внешних сил.

Установление колониальной зависимости привело к тому, что в глубине общественного сознания среднеазиатского общества стал зарождаться протест, принимавший на уровне массового, крестьянского сознания форму джихада - священной войны против неверных, ставших хозяевами в “исламском государстве”. В данном случае речь идет о реакции мусульманского общества на установление колониальной зависимости и неравноправного положения в колониях. Иногда эта реакция принимала форму религиозно мотивированной вооруженной борьбы. Это не был джихад наступательный, целью которого является распространение ислама, а джихад оборонительный, вызванный внешней агрессией. Реакция мусульманского общества на свое неравноправное положение зачастую была направлена на действительное освобождение от колониальной зависимости. За свою историю, Афганистан три раза объявлял джихад англичанам. В 1747 и 1880 гг. джихад мобилизовал афганский народ против прямой военной интервенции Британской Индии. В 1919 г., после своего восшествия на престол, афганский эмир Аманулла объявил джихад против Великобритании, для того чтобы добиться полной независимости Афганистана⁸³. Тогда, после непродолжительной войны, Британия даровала независимость афганцам, а Аманулла стал национальным героем, популярным не только в своей стране, но и в “русской” Средней Азии.

Однако, идея освободительного движения под лозунгами защиты ислама страдала целым рядом недостатков. Во-первых, она не смогла примирить различные течения в самом исламе. Среди мусульман не было единства по вопросу, каким должно быть государство победившего джихада. Во-вторых, идея освобождения не смогла объединить соперничающие независимые и полунезависимые этнические, региональные и лингвистических союзы, которые имеются в изобилии почти во всех мусульманских странах. Эта разобщенность препятствовала внутренней интеграции

⁸³ Shahrani, M.Nazif, Canfield, Robert L. ed. *Revolution and Rebellions in Afghanistan. Anthropological Perspectives*. Berkley: University of California, 31.

и цивилизованному развитию Западного Туркестана, Бухары, Афганистана и Восточного Туркестана.

Наряду с тем, что джихад служил борьбе против колониализма, к нему, зачастую, обращались местные элиты (включая духовенство) для обоснования своих узких интересов и претензий на власть. Лозунги джихада использовались и в крестьянских восстаниях. Примером может служить тот же Афганистан 1924, 1928-1929 гг., когда консервативная оппозиция стремилась противостоять эмиру Аманулле и его реформам. Зачастую джихад объявляли роды одного и того же племени в борьбе за воду и пастбища (как это делали туркмены племени иомуд родов джафарбай и атабай в конце XIX века).

Таким образом, с середины XIX века регион попал в жесткую политическую, экономическую и прочую зависимость от Запада. Именно в конце XIX в. начали свой рост корни будущих конфликтов и социальных потрясений, приведших регион в конце XX века на край катастрофы. Вместо “буфера” между империями, Афганистан, Синьцзянь и приграничные им территории “русской” Средней Азии превратились в очаг перманентной политической нестабильности.

Глава II: ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ

Брожение в Туркестане, Закаспии и Семиречье

События начала XX века, такие как русско-японская война, российская революция 1905 г. способствовали политическому пробуждению Азии и вызвали реакцию среди среднеазиатских интеллектуалов. С одной стороны, видя поражение России в войне с Японией, они поверили в возможность успешной конкуренции с Западом. С другой стороны, азиатским реформаторам стала очевидна отсталость и вся неприглядность собственного восточного деспотизма. Более всего они приходили в отчаяние из-за консерватизма, отсталости и невежества правителей:

“Этот мир подобен мертвечине.
Тысяча тысяч черных стервятников в ней.
Эти раздирают ее когтями
Те другие терзают клювом
В конце концов, все разлетаются -
Из всего опять остается эта мертвечина.
О боже, укрепи ислам и мусульман и настигни
Нечестивцев и распутников огнем адским”.¹

Так писал таджикский просветитель конца XIX - начала XX века Ахмад Дониш из Бухары. В своих произведениях он предлагал кардинальные реформы в области образования, земельных отношений, экономики, управлении страной.

“С какой бы стороны ни рассматривать положение правительства, налицо явные признаки упадка истинного толка ислама, который распространен в Мавераннахре. Достаточно уже существования этих глупых эмиров, невежественных ученых и порочных и нерадивых военачальников”,² писал с горечью Ахмад Дониш. Он видел, что среди мусульманского населения стал резко понижаться уровень образования, культуры и интеллектуальной жизни. Восстановление «истинного» ислама он считал своей главной задачей.

Одним из проявлений назревавшего в царской России кризиса было уже упоминавшееся национальное восстание 1916 г. Поводом для восстания явился царский приказ о мобилизации мужского “иностранного” населения Сибири и Средней Азии. Мобилизации подлежали сотни тысяч человек. Составление списков было возложено на волостных управителей. На практике набор на тыловые работы привел к беззастенчивому произволу, массовому взяточничеству и вымогательству. Поначалу оно

¹ Ахмад Дониш, *История Мангитской Династии. Трактат*. Душанбе: Дониш, 1967. С.125.

² Там же. С. 126

вылилось в протест против составления списков лиц, подлежащих мобилизации. Волостные управители вылавливались, их избивали, убивали, списки уничтожались. Постепенно протест шел дальше, напоминая национально-освободительную борьбу. Однако в целом это было стихийное выступление против царизма. Жертвой восстания становились невинные мирные жители русской национальности. По всему краю было введено военное положение. Восстание подавлялось самыми кровавыми методами. Об этом можно судить по указаниям, данным карательным отрядам военным губернатором (наказным атаманом) Семиречья Фольбаумом:

“Считайте малейшую группировку киргизов кучами уже за мятеж, подавляйте таковой, наведите на эти волости панику. При первом признаке волнения арестуйте хотя бы второстепенных главарей, передайте полемому суду и немедленно повесьте. Никакие гражданские суды в этих случаях не должны действовать... Ну, поймайте кого-нибудь из подозрительных и для примера повесьте”.³

Осенью 1916 г. восстание было подавлено. Началась жестокая расправа над восставшими. Каратели особенно зверствовали в Семиречье. Население истреблялось, отбирался скот, грабились аулы. Стремясь спастись, целые селения кочевников начали переходить на территорию Западного Китая. В общей сложности из Семиречья и соседних районов степного края в Синьцзянь откочевало около 300 000 казахов и киргизов. Перешедшие расселились в окрестностях Уч Турфана, Аксу, Кашгара и других китайских городов. Часть беженцев перешла через Тянь-Шань и поселилась в районе Кульджи.⁴

Человеческие потери населения Семиречья, понесенные во время восстания 1916 г. и гражданской войны видны из нижеприведенной таблицы:

Таблица II

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ
В 1912-1921 ГОДАХ⁵

Уезды	Численность населения по годам		
	1912	1915	1921
Джаркентский	167 000	161 000	108 000
Пржевальский	192 000	205 000	201 000
Аулие-Ата	365 000	нет данных	201 000
ВСЕГО	724 000	нет данных	510 000

³ *Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы.* Алма-Ата, 1947. С.130.

⁴ РГАСПИ, ф.61, оп.1, д. 98, л.17.

⁵ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д. 255, л.3. Данные взяты из доклада комиссии Совета Труда и Оборона и Госплана по обследованию Семиреченской железной дороги в 1921 году. Руководитель комиссии и автор доклада - инженер А.Н.Фролов.

Значительное падение численности населения в Джаркентском и Аулиеатинском уездах объясняется бегством населения в 1916 г. Общее уменьшение населения в 1921 г. – результат миграции и голода 1917-1918 гг.

Той же осенью 1916 г. царская администрация приняла варварское решение о выселении 37 355 хозяйств коренного населения из Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов в пустынные районы Нарына и Прибалхашья и об изъятии у них 2 510 361 десятины земли. Из Пржевальского уезда по этому решению коренное население должно было быть изгнано полностью.⁶

Известие о падении царизма в феврале 1917 г. и установлении Временного правительства вызвало среди откочевавших в 1916 г. в Китай казахов и киргизов сильное стремление к возвращению в свои родные места. Весной 1917 г. началось их движение к границе, а затем казахи и киргизы стали переходить на территорию Семиречья. Опасаясь повторения беспорядков, Временное правительство рассредоточило русские войска вдоль границы. Однако удержать возвращающихся было невозможно. Вернувшиеся оказались в очень тяжелом положении. Их земли уже были захвачены русскими колонистами. Тысячи казахов и киргизов без средств к существованию, с истощенным от бескормицы скотом оставались под открытым небом. Голод, эпидемии, смертность приняли массовые размеры. 15 апреля 1917 г. областному комиссару Временного правительства телеграфировали из Пржевальска:

“Голодные киргизы из Сарджаса пешком двинулись в Пржевальский уезд. В Каркаре снег, холод. Голодные и истощенные киргизы умирают на пути ... Картины ужаса не поддаются описанию”.⁷

В мае 1917 г. Временное правительство приступило к осуществлению плана массового изгнания казахского и киргизского населения из Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов. Это решение вызвало массовый протест со стороны казахов и киргизов.

Похожим образом развивалась политическая ситуация в туркменском Закаспии. Восстание 1916 г. разбудило массы туркмен, стремившихся утвердиться в борьбе против русского владычества в Каракумах. Сопротивление туркмен было настолько сильным, что оно перекинулось на русские поселения, расположенные на туркменских территориях. Было убито немало офицеров, солдат царской армии, а также мирного населения. В ответ, в конце декабря 1916 г. карательные отряды под командованием русских генералов Волковникова и Мадритова разбили сопротивление непокорных иомудов и, преследуя бежавших прошлись, по приграничной Астрабадской провинции Персии “огнем и мечом”. Царские войска жестоко расправились с туркменами, их женами и детьми. Военными дей-

⁶ Покровский С.Н. *Победа Советской власти в Семиречье*. Алма-Ата: издательство Академии Наук, 1961. С.52.

⁷ Цит. по: Покровский С.Н. *Победа Советской власти в Семиречье*, с.64.

ствиями и реквизициями было разорено более 5 тысяч хозяйств (25 000 человек). Туркмены, в свою очередь, разгромили и совершенно уничтожили несколько русских поселков. Генерал Мадритов, чтобы компенсировать потери русских поселенцев, передал им отнятые у туркмен скот и имущество.⁸ Это еще более обострило отношения русских и туркмен в приграничной полосе.

Первые политические организации

Восстание 1916 г. способствовало политизации края. После февральской революции 1917 г. появились первые политические организации, которые стали называться «мусульманскими», имея ввиду тот факт, что они объединяли в своих рядах представителей местного населения. Наиболее заметная из них - «Шурои исломия» («Исламский совет») была организована в начале марта 1917 г. В нее входили представители образованных и состоятельных слоев узбеков, казахов, татар и др. Возглавлял ее Мунаввар Кари Абдурашидханов. В крупных городах края создавались и советы мусульманских рабочих депутатов. Политические партии и представительные органы мусульманского населения вносили свой голос в обсуждение будущего устройства России и Туркестана. На Первом съезде мусульман Туркестана, созванном по инициативе «Шурои исломия» в апреле 1917 г., мусульманские организации Средней Азии образовали Туркестанский краевой мусульманский совет, переименованный позже в Туркестанское национальное Объединение (ТНО) или «Туркистон милли бирлиги». Именно ТНО, если верить его лидерам, явится той организацией, которая возьмет на себя задачу построения демократического, свободного Туркестана и, которая будет вынуждена отправиться в эмиграцию в начале 1920-х гг. Возглавили ТНО казах Мустафа Чокаев - бывший секретарь мусульманской фракции Государственной Думы России, Махмуд Ходжа Бегбуди (Бехбуди) - младобухарец из Самарканда, а также Убайдулла Ходжа и Асадулла Ходжа из Ташкента. ТНО установило свои отделения в Самарканде (во главе с Бегбуди), Фергане (Насирхан Тура Камолхатурев), Семиречье (казахский инженер Танышбаев М.), Ашхабаде (туркменский аристократ Ораз Сердар).⁹ С самого начала в «Шурои исломия» началась борьба между джадидами, искавшими опору в общероссийском демократическом движении, и консервативными священниками, настаивавшими на особом, шариатском пути. Последние покинули организацию, и в июне 1917 г. образовали «Джамияти уламо» («Общество исламских экспертов»). Возглавлял «Джамияти уламо» Шерали Лапин - казах из Ак Мечети (Тургайская область Казахстана), частный поверенный, чиновник администрации Самаркандской области, востоковед. Улемисты были

⁸ Логашова Б-Р. Указ. соч. С.129; РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.97, л.8.

⁹ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости.* Ташкент: Шарк. 2000. С. 32. См. также: Serge A. Zenkovsky *Pan-Turkism and Islam in Russia*, 227.

сторонниками религиозного строя, в том числе сохранения патриархально-феодальных устоев в быту и общественной жизни, бесправного положения женщины. На выборах в ташкентский городской Совет, в августе 1917 г. улемисты и шуроисламисты пошли отдельным списком. “Джамияти уламо” набрала 62 % голосов против 11 % “Шурои исломия”.¹⁰ Успех радикальной «Джамияти уламо» усилил антагонизм между русскими и мусульманами.

Под влиянием революционных событий начала века, в казахской среде образовалась группа, которая стала зародышем партии “Алаш”, выражавшей либеральные интересы казахской интеллигенции. Организационное оформление этой партии произошло после Февральской революции, а именно, в конце июля 1917 г. на первом всекиргизском (общекзахском) съезде в Оренбурге. Руководители “Алаш” поначалу придерживались политики примирения интересов царской администрации и ограбленного и угнетенного казахского народа. На упомянутом съезде они выдвинули требование областной территориально-национальной автономии в рамках Российской демократической федерации. Лидеры “Алаш” - А. Букейханов и М.Танышбаев входили в Туркестанский комитет Временного правительства в 1917 г. Букейханов, который еще в 1913 г. начал выпуск просветительской газеты «Казах», явился лидером пророссийского направления политического развития казахов.

События в Туркестане явились отражением общероссийского пробуждения российского мусульманства. В 1917 г. сформировалось три центра политического притяжения мусульманской России: Волга-Урал (татаро-башкиры), Туркестан (главным образом узбеки и казахи) и Кавказ (горские народы и Азербайджан). В период с февраля по октябрь 1917 г. большинство российских мусульман поддерживало Временное правительство и отстаивало федеративный принцип объединения России. Находясь в составе демократической России, лидеры мусульманской России намеревались добиваться национально-культурной автономии в соответствии с решениями 2-го Всероссийского мусульманского съезда, состоявшегося в Казани в августе 1917 г. Открыто сепаратистских антироссийских групп, требовавших самостоятельности и национальной независимости, среди мусульман России тогда не было. Как вспоминал позже Чокаев, «ненависть к старому режиму смягчалась в нас слепым доверием к русской революционной демократии».¹¹ При наличии общей пророссийской ориентации политических организаций мусульман, были, конечно, оттенки. Так, татары настаивали на «унитаризме», то есть культурно-национальной автономии при сохранении России как унитарного государства. В то же время азербайджанская наци-

¹⁰ Serge A. Zenkovsky *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967, 228-229.

¹¹ *Из Истории Российской эмиграции 1924-1932. Переписка А. З. Валидова и М. Чокаева*. С. 101.

оналистическая партия «Мусават» придерживалась «федералистских» позиций, то есть организации России на началах равноправных и самостоятельных государственных автономий.

Местные политические организации Средней Азии возникли на волне демократии, последовавшей после победы Февральской революции. Состоявшие в них священники, исламские реформаторы и националисты надеялись придти к власти путем демократических выборов в Учредительное собрание, Государственную Думу и местные органы власти. Второй Общемусульманский съезд (Ташкент, сентябрь 1917 г.) считал, что Туркестан должен войти в состав Российской республики в качестве отдельной территориально-автономной федерации, организованной на началах национально-культурного самоопределения всех народностей, населяющих эти области под названием «Туркестанской федеративной республики».¹² Разумеется, мусульманское население было против единоличной передачи власти советам рабочих и крестьянских депутатов (в которых преобладали левые эсеры, меньшевики и большевики) и настаивало на образовании широкой коалиции всех политических сил, а именно:

- 1) Советов, представлявших революционно настроенных европейских, преимущественно русских, рабочих и крестьян;
- 2) Исполкомов общественных организаций, политических партий, групп и национальных общин широкого спектра, включая конституционных демократов (кадетов),¹³ монархистов, армянских националистов, еврейских организаций и пр. и наконец;
- 3) Представительных органов мусульманского населения.

Однако, события октября-ноября 1917 г. прервали едва начавшийся процесс демократической консолидации политических сил региона на принципах парламентаризма. Началась резкая поляризация политических сил.

«Кокандская автономия»: надежды и разочарования

Осенью 1917 г. в Туркестан резко сократился завоз продовольствия, в первую очередь зерна из России. Продовольственный кризис обострил кризис политический и усилил противостояние политических сил. Особенно радикально были настроены ташкентские (русские) рабочие. Если в Краевом совете рабочих и солдатских депутатов еще прислушивались к голосу мусульман, то Ташсовет находился под влиянием стремившихся к единовластию «социалистов» - социал-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков и большевиков). В свою очередь, реакционная «Джамияти уламо» стала играть ведущую роль в консолидации мусульман. По инициативе этой организации был созван Съезд казахских и тур-

¹² Сафаров Г. *Колониальная революция (опыт Туркестана)*. М: Госиздат, 1921. С.63.

¹³ Партия кадетов была организована в 1905 г. Выражала оппозиционные большевикам взгляды крупной российской буржуазии.

кестанских мусульман в Ташкенте в сентябре 1917 г. В отличие от шуро-исламистов, поддерживавших идею демократического федеративного устройства, улемисты настаивали на приоритете и верховенстве законов шариата в будущем государственном устройстве Туркестана. Эта позиция радикально настроенных улемистов настораживала всех русских, независимо от партийной принадлежности.

Пока мусульмане готовилось к выборам в Учредительное собрание, политические силы европейской России вступили в ожесточенное противостояние. 25 октября 1917 г. большевики совершили в Петрограде государственный переворот. Временное правительство было арестовано и вся полнота власти перешла к Советам, в которых доминировали большевики. Вскоре - по телеграфу - весть о победе большевиков пришла в Туркестан. Ташкентские большевики, которые прежде не имели политического перевеса над другими партиями, начали стремиться к единоличному доминированию на политической арене Туркестана. Немногим спустя после известия о падении Временного правительства в Петрограде, Краевой совет поддержал Ташкентский совет в его противостоянии с Временным правительством Туркестана. Нелишне напомнить, что и Краевой Совет и Ташкентский совет состояли почти исключительно из некоренных – европейских - представителей. Основная масса (мусульманского) населения края рассматривала происходившее как борьбу за доминирование между различными группами европейского населения. Демократически настроенные лидеры мусульманского населения видели, что Советы вот-вот опрокинут власть Временного правительства (в котором еще были представители местного населения - Танышбаев, Чокаев и др.) и это похоронит их надежду на получение автономии края законным образом, от Учредительного собрания.¹⁴

Первого ноября 1917 г. (по старому стилю) произошло то, что сильно подорвало доверие мусульманских организаций к русской демократии. После непродолжительных боев с отрядами Временного правительства, в главном городе Туркестанского края – Ташкенте была провозглашена Советская власть. Функции Туркестанского комитета Временного правительства взял на себя Ташкентский совет. В нем были представлены в основном большевики, левые эсеры, и меньшевики, причем никто из них не обладал неоспоримым большинством. Успех «революционеров» в Туркестане отчасти объяснялся неспособностью Временного правительства изменить политику царизма на национальных окраинах и заручиться поддержкой местного населения. Несмотря на свержение царизма, органы царской администрации края остались нетронутыми. Временное правительство не только не смягчило политику в отношении мусульман, но и усугубило ее. Так, Временное правительство объявило амнистию пала-

¹⁴ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. С. 66.

чам народного восстания 1916 г. Оно отказало в возвращении в родные места жертвам карательных экспедиций царизма, изгнанным в Синьцзянь. Во многих местах региона, охваченных восстанием 1916 г. сохранялось военное положение, а в Туркмении каратели генерала Мадритова жестоко расправлялись с туркменами-иомудами.¹⁵

Местные демократические организации хоть и осудили свержение Временного правительства, тем не менее, пытались наладить отношения с новой властью. Тому были серьезные основания. Вскоре после победы Октябрьской революции прозвучали обнадеживающие слова «Декларации прав народов России». «Освобождение и раскрепощение народов России должны быть проведены решительно и бесповоротно», говорилось в декларации. В четырех пунктах декларации воплощались мечты и чаяния народов Средней Азии:

1. «Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».¹⁶

Однако, на практике, рабочие и солдаты не торопились заключать союз с угнетенными массами Туркестана. III Краевой съезд советов Туркестанского края 15 ноября 1917 г. оказался глух к требованиям правых эсеров и меньшевиков передать власть коалиционному правительству. «Джамияти уламо» и «Шурои исломия» на этот исторический съезд не были приглашены. Из местных представителей на съезде были только лидер улемистов казах Ширали Лапин и делегат от Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов узбек Абдулла Рахимбаев. Если первый говорил о «мусульманском самоопределении» и Учредительном собрании, то второй, по сути, поддержал большевиков. Съезд организовал краевую власть - Туркестанский совет народных комиссаров (СНК). СНК состоял исключительно из тех, кто выступал с оружием в руках против Временного правительства, а именно левых эсеров и большевиков. Коренному населению доступ в органы революционной власти был закрыт. Ташкентские комиссары недвусмысленно высказались на этот счет следующим образом:

“привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти ра-

¹⁵ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. *История Казахстана и Центральной Азии*. Алматы: Дайк пресс, 2001. С. 463.

¹⁶ *Декреты Советской власти*. М., 1957, т.1.С.40.

бочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция (большевиков) приветствовала бы”.¹⁷

Большевизм, ставивший классовые интересы пролетариата выше чаяний других слоев населения и отрицавший ценности, не имевшие отношения к рабочему классу был, разумеется, неприемлемым в условиях Средней Азии, где никогда не было заметного классового размежевания и, соответственно, национального рабочего класса. В состав первого советского правительства Туркестана не был включен ни один представитель местного населения. Это был шаг назад по сравнению с политикой Временного правительства и даже царизма, мало-мальски учитывавших интересы мусульманства.¹⁸ Таким образом, съезд не просто закрепил, а усугубил колониальный характер новой власти. Председателем СНК был выбран большевик Федор Колесов, его заместителем – Иван Тоболин.

Решения III краевого съезда, грубо поправшего интересы местного населения, усилили антибольшевистские настроения. В сложившейся ситуации местные мусульманские силы решили бросить вызов ташкентским комиссарам. Для этого они выбрали крупнейший город Ферганы – Коканд. В работе IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда, открывшегося в этом городе 26 ноября 1917 г., приняли участие более 200 делегатов от различных местных организаций, проигнорированных большевиками, в том числе “Шурою исломия”, “Джамяти уламо”, краевая еврейская организация, союз среднеазиатских евреев и другие.¹⁹ Выступивший на съезде джадид М. Бегбуди (Бехбуди) призвал избрать в президиум представителей всех наций и конфессий, населявших Туркестан. Съезд работал три дня. Главным его результатом явилось провозглашение “Кокандской автономии”. Точное название государства было “Туркистон мухторияти” (“Туркестанская автономия”). Туркестан был объявлен “территориальной автономией, в союзе с Российской республикой, основанной на федерации, по основаниям, данным великой русской революцией”. Формальное проведение автономии было возложено на Учредительное собрание, которое планировалось провести в ближайшее время. Было создано Временное правительство автономного Туркестана во главе с казахом Танышбаевым (затем его сменил М. Чокаев, тоже казах). Как относилось Автономное правительство к ташкентским большевикам и русским вообще? В резолюции съезда об этом говорилось следующим образом:

¹⁷ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости.* С. 74-75.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Хасанов М.К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки». В кн.: *Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения.* Ташкент: Фан, 1991. С.160.

«Не желая иметь конфликт между своими братьями русскими, высказываем наше первое и последнее слово: не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий осуществлению нашего самоопределения, согласно возведенному Великой Российской демократией лозунгу. Туркестанские гарнизоны и красногвардейцы должны или принимать участие в устройстве жизни края соответственно своей численности или оставаться совершенно нейтральными, пока они в Туркестане».²⁰

Таким образом, Четвертый краевой мусульманский съезд фактически противопоставил себя Туркестанскому СНК. Автономисты считали, что действуют легитимно и лояльно по отношению к Москве (если быть точнее, то к Петрограду). Они добивались национальной автономии в пределах демократической России. Последнее означало подчинение Учредительному собранию России. Подобным же образом автономисты пытались установить конструктивные отношения с бывшей метрополией. 21 декабря кокандский Съезд обратился и к правительству Ленина в Петроград, разъясняя свою политику. Больше всего автономисты опасались обвинений в поощрении национальной розни, направленной против русских. По этому поводу в указанном письме Ленину говорилось, что, несмотря на то, что европейское население составляет всего 2 % населения Туркестана, оно представлено 33 % правительства.

«Просим Вас, как высшую власть Российской демократической республики распорядиться Ташкентскому Совету народных комиссаров о сдаче краевой власти Временному правительству автономного Туркестана, во избежание анархии, двоевластия, могущей привести Туркестан к величайшей катастрофе»,

предупреждали автономисты.²¹

Почти одновременно со съездом в Коканде, 5-13 декабря 1917 г. проходил Второй общекиргизский (общекзахский) съезд в Оренбурге. Съезд объявил «Алашскую автономию». Кроме того, на нем была создана «Алаш-Орда» - партийно-правительственный центр партии «Алаш» и «Алашской автономии». Возглавил «Алаш-Орду» Букейханов. Алашордынцы распространили свою власть на территории Букеевской орды, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Самаркандской и Закаспийской областей, местах проживания казахов в Хиве, Фергане и даже Алтае. Однако власть была начеку. 2-3 марта 1918 г. в Верном произошло вооруженное восстание, руководимое большевиками. Следом, ими было объявлено о роспуске Алаш-Орды и казачьего Войскового совета.

Помимо большевиков и демократически настроенных мусульман важной политической и военной силой явились контрреволюционные бе-

²⁰ АКПТ, ф.1, оп.1, д.35, л.31.

²¹ Там же, лл. 33-34.

лые части. Еще 20 октября на Северном Кавказе белогвардейский генерал Дутов образовал антибольшевистский Юго-восточный союз. Позже, в ноябре его войска захватили Оренбург на южном Урале и взяли под свой контроль железную дорогу, связывавшую регион Средней Азии с центром. Антисоветский фронт пополнили также казачьи части, отведенные из Хивы и Персии в Туркестан. Дутов задался амбициозной целью объединения под своим главенством всех областей и народов, проживавших к югу и востоку от Оренбурга, включая оренбургские, уральские, кубанские и семиреченские казачьи войска, а также казахские, киргизские, калмыцкие и башкирские земли, кавказских горцев и азербайджанцев. Туркестанские автономисты получили предложение войти в этот Союз и выступить против Советской власти. Разумеется, отношение автономистов к белоказакам было настороженным. На съезде автономистов однозначного решения «за» или «против» Дутова не было принято. Однако, позже, накануне нового, 1918 г. автономисты сформулировали несколько иное отношение к антибольшевистскому белому движению. Они избрали тактику лавирования между молотом и наковальней. Стремясь не идти на прямую конфронтацию с большевиками, но и не рвать с белыми, они решили «присоединиться временно к Юго-Восточному союзу до Учредительного собрания в случае строгой надобности в экономическом отношении». ²² Имелся в виду обмен ферганского хлопка и шерсти на российский хлеб. Такая неопределенность и осторожность во взаимоотношениях с «белым движением» определялась и тем, что туркестанских националистов-автономистов не устраивала перспектива имперской «Единой и неделимой России», распространенная среди русской контрреволюции. Соответственно, белые генералы не были довольны требованиями федерального устройства России и широкой национальной автономии, исходившими от туркестанцев.

Вообще, наспех объявленная «Кокандская автономия» была обречена с самого начала. Среди автономистов не было единства ни по одному важному политическому вопросу. Это произошло потому, что в правительство вошли не столько истинные приверженцы идеи национальной автономии (то есть тюркские националисты), сколько разношерстные противники большевиков, включая русских и евреев, а также обиженных невниманием ташкентских комиссаров национальных лидеров из числа русифицированной интеллигенции и чиновничества. Поэтому оно не торопилось с объявлением независимости. По признанию Чокаева, прямое противостояние власти белоказаков Дутова, контролировавших поставки хлеба по железной дороге, означало бы «убийство собственного народа». Автономисты решили придерживаться «золотой середины», маневрируя между Советами и белыми. При этом они стремились не допустить обвинений в национализме и русофобии, которые неминуемо бы объединили и красных

²² *Эл Байроги* (газета - орган Туркестанского Временного правительства), 1917, 31 декабря.

и белых против мусульман. Впрочем, архивные документы дают основания полагать, что автономисты все же склонялись к сотрудничеству с белыми и получали от Дутова оружие и боеприпасы.²³ Хотя сам Чокаев утверждал, что казаки передали все оружие не им, а большевикам, как только поверили слухам, распространявшимся комиссарами о «панисламизме» автономистов.²⁴ Естественно, такая непоследовательная политика в конце-концов привела к противостоянию между автономистами и большевистским Советом, поддержанным вооруженными отрядами армянской националистической партии «Дашнакцютун». Дашнаки объединились с Советской властью, их боевики чинили расправы над мирными мусульманами, включая женщин и детей.²⁵ Дашнакский террор против мусульман стал одной из причин появления басмачества, о котором речь пойдет ниже. Кокандские автономисты также не справились с важнейшей задачей формирования собственных вооруженных сил. Сам Чокаев сокрушался, что в его правительстве не было ни одного мало-мальски подготовленного офицера-мусульманина, способного взять на себя формирование армии. Тем временем, отряды Красной гвардии близ Самарканда разбили и разоружили контрреволюционные казачьи части полковника Зайцева. Настал черед автономистов. Четвертый съезд советов Туркестанского края (19-26 января 1918 г.) принял решение: «Кокандское автономное правительство и его членов объявить вне закона и арестовать главарей». Одновременно началась реквизиция денежных средств автономного правительства в ташкентских и кокандских банках.²⁶

Тем временем народ, о котором забыли как красные, так и белые с автономистами впридачу, был вынужден сам позаботиться о своей безопасности. В самом Коканде, полу-партизанские отряды народной «милиции», численностью в несколько тысяч плохо вооруженных крестьян под командованием местного авторитета Кичик Иргаша начали «джихад» против русских и армян.²⁷ В условиях безвластия, по всей Фергане спонтанно образовывались вооруженные отряды народной милиции для охраны селений и железной дороги.²⁸ Постепенно, борьба ферганских добровольческих мусульманских отрядов против красногвардейцев и армянских боевиков стала приобретать национально-религиозный характер. Лидеры «автономии» опасались именно такого поворота событий. Они не знали как им следует относиться к курбаши и джигитам вступившим в вооруженную борьбу против «неверных». После того как насилие начало рас-

²³ РГАСПИ, ф.31, оп.1, д.32, л.29.

²⁴ *Из истории российской эмиграции 1924-1832. Письма А. З. Валидова и М. Чокаева.* С. 115.

²⁵ Ярматов Камиль. *Возвращение. Книга воспоминаний.* Москва: Искусство, 1980. С. 50

²⁶ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости.* С. 96.

²⁷ Ярматов Камиль. Указ. соч. С. 50

²⁸ Там же.

пространятся на «старые города» и кишлаки, лидеры автономии окончательно лишились возможности влиять на ход событий.

В феврале 1918 г. Кокандская автономия была жестоко подавлена. Однако, как и предсказывала газета “Туркестанская искра”, суровая кокандская операция очень скоро дала тяжелые последствия. “Кто посеет ветер, пожнет бурю”,²⁹ предупреждала газета. На конференциях местных большевистских организаций прозвучала критика политики ташкентского правительства, и был заявлен протест против “диких насилий, грабежей, имевших место при ликвидации событий в Фергане”.³⁰ Однако эти и другие признания и раскаяния явно опоздали. В Фергане началось восстание, известное как “басмачество”.

Многие связывают появление басмачества в Средней Азии именно с “автономией”, считая, что басмачи были вооруженными силами Кокандского правительства. На самом деле, басмачество в Фергане началось спонтанно и не имело прямого отношения к автономному правительству. Скорее, это была стихийная народная реакция на безвластие, вызванная неспособностью националистов, большевиков и белогвардейцев договориться между собой или добиться единоличного превосходства. Было бы также неправильно объяснять причины басмачества исключительно религиозным и национальным противостоянием (иначе следовало бы ожидать басмачество раньше, во время и после русского завоевания Средней Азии). Помимо безвластия, важной причиной народного недовольства явился голод. Дело в том, что на время с осени 1917 г. до октября 1919 г. Туркестан был отрезан от России. В России разгоралась гражданская война и железная дорога была перекрыта белогвардейцами в Оренбурге. В результате туркестанцы не получали российского хлеба в обмен на свой хлопок, шерсть и другие товары. Туркестан испытывал жестокий голод, а комиссары заботились лишь о снабжении городов, в первую очередь русской части Ташкента. Как писал Сафаров, людские потери от голода и болезней за первый год Советской власти в Туркестане составили от 25 до 50%. Голод 1918 г. унес 30% населения Ферганы. Кризис хлопководства создал огромную армию безработных (до 300 000 безземельных крестьян). Население Ферганы должно было нести на себе всю тяжесть весенней и летней засухи 1917 г. и суровой зимы 1917-1918 гг.³¹ Новый город (то есть часть города, населенная европейцами) обрушил на голодные старые города и кишлаки, жестокие и опустошительные реквизиции, обрекая население на медленную смерть. Таким образом, брошенная на произвол судьбы, подвергающаяся насилию и не допущенная к власти мусульманская беднота была лишена и хлеба.

²⁹ *Туркестанская искра*, 1918, 5 марта.

³⁰ *Туркестанская искра*, 1918, 14 марта.

³¹ Сафаров Г. *Колониальная революция*. С.80.

В таких условиях местные лидеры из числа богатых феодалов, религиозных авторитетов, старейшин и родовых вождей призвали к повсеместному созданию отрядов для изгнания всех «неверных» и восстановления «шариатского порядка». Ни джадиды, ни автономисты не имели к повстанческому движению, ставшему известным как басмачество, никакого отношения. Басмачество в Фергане, таким образом, было вызвано: а) глубочайшим кризисом власти; б) экономическим кризисом, вызванным гражданской войной и хаосом в Советской России; в) стремлением населения Ферганы к национальному самоопределению; г) национальной враждой и религиозным противостоянием мусульман и пришельцев-«неверных».

В современной узбекской историографии басмаческое движение названо «истиклолчилар харакати» (движение борцов за независимость). По данным, приведенным в работе узбекских авторов, весной 1918 г. в Ферганской долине под началом девяти крупных военачальников находилось свыше 52 тысяч борцов за независимость.³² Взгляды историков независимого Узбекистана, содержащие кардинальную переоценку басмачества, явились, отчасти, реакцией на засилье коммунистической идеологии, душившей малейшие проявления инакомыслия все годы Советской власти. Советская пропаганда сделала действительно немало для дискредитации этого движения, назвав его «разбойничьим», не имеющим поддержки в населении. В свою очередь, современные узбекские историки ударились в другую крайность. Перейдя на позиции радикальных антисоветских авторов времен «холодной войны», они поспешили объявить басмачество борьбой за национальный суверенитет и независимость Туркестана. Кроме того, они утверждают, что «джадиды Туркестана оказали глубокое воздействие на повстанческое движение и укрепление его идейных позиций».³³

Можно ли согласиться с мнением современных узбекских ученых о том, что протест мусульманского крестьянства Ферганы слился с политическими акциями ферганских автономистов и алашордынцев в одно единое освободительное движение? Разумеется, устремления “Шурои исломия”, «Джамияти уламо», лидеров “Кокандской автономии” и вооруженных басмачей Ферганы объективно шли в едином, освободительном русле. Однако сам Мустафа Чокаев признавался, что ни он сам, ни возглавлявшееся им правительство не имели ничего общего с организацией басмачества. Руководящее положение в автономном движении занимала светская казахская интеллигенция (Чокаев, Танышбаев и другие), пытавшаяся собрать под свое крыло все «демократические силы», включая

³² *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. С. 165. В начале 1990-х гг., на фоне общей антироссийской политики официального Ташкента, в Узбекистане вышло немало публикаций в поддержку басмачества. Их источниковой базой послужили работы антисоветских эмигрантов – Тогана, Чокаева, Ясави, Хаита и др.

³³ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. С. 167, 185.

русских, евреев и др., в то время как басмачество представляло “сартовское”, то есть узбекско-таджикское и киргизское население Ферганы, находившееся под влиянием крупных феодалов, общинных лидеров и консервативного духовенства. Более того, скрываясь от преследования большевиков, сам М. Чокаев едва не пострадал от басмачей. В начале марта 1918 г. ташкентская газета “Улуг Туркистон” опубликовала письмо Чокаева, в котором он описывает злоключения, произошедшие с ним сразу после поражения его правительства в феврале 1918 г. следующим образом:

“Когда сарты под предводительством Иргаша карокчи³⁴ начали боевые действия против большевиков в Коканде, они не думали о поражении. Поэтому они ходили озлобленные. В руках у них были ножи, топоры, кетмени, серпы, цепи, веревки. Они говорили: «Иргаша посадим на трон, из Ферганы изгоним всех не-сартов; казахи заодно с большевиками, татары тоже не мусульмане. Кто-то видел, как один учитель-татарин в Коканде спал, а его ноги были направлены в сторону “кибла”³⁵, а это является великим грехом для мусульманина». Так говорят сарты, проживающие в кишлаках”.³⁶

20 февраля, после разгрома кокандского правительства, Чокаев ударился в бег. Близ кишлака Кумбасти он был остановлен группой вооруженных сартов. Между ним состоялся следующий разговор:

– “Эй, кто ты такой?”

– Я мусульманин.

– Какой мусульманин?

– Я - казах.

– С каких это пор казахи стали мусульманами?

– Они издревле мусульмане.

– В том, что казахи - мусульмане мы сомневаемся.

– Если вы сомневаетесь, то у меня, казаха, есть доказательства.

– Докажи!

– Доказательство мое - тавхид.

Я прочел “тавхид.”³⁷ Но и после этого они не поверили, что я мусульманин, скрутили меня и, раздев, посмотрели, обрезанный ли я”.³⁸

³⁴ Иргаш Карокчи (Иргаш грабитель) - выбранный сартами в старом городе «курбаши» Коканда (то есть глава города). Этот человек раньше был предводителем воров (карокчи). Прим. Чокаева. Речь идет о Кичик Иргаше, сбежавшем из тюрьмы за то, что он, по словам авторов указанной работы, «7 лет до 1917 г. вместе с 30 джигитами в пределах Коканда вел борьбу против завоевателей: совершал нападения на официальные учреждения, торговые сети». См.: *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. С. 170.

³⁵ Кибла – направление во время молитвы, то есть Мекки.

³⁶ *Улуг Туркистон*, 1918, 2 марта.

³⁷ Тавхид: принципиальное выражение из Корана, означающее: “Нет бога, кроме Аллаха и Мумаммад пророк его”, читается трижды.

³⁸ *Улуг Туркистон*, 1918, 2 марта.

Судя по словам Чокаева, лишь случайность спасла его от жестокой расправы. После этого, еще два дня скрывался “премьер-министр” от большевиков и слепой мести людей, которых, якобы, представляло его автономное правительство.

В конце своей статьи Чокаев писал:

«Затем я сказал себе, где же ты страна казахов и киргизов? Я пошел через снежные горы и с их высоты сказал сартам, прощайте! Много я повидал, но описать не могу - тяжело. Душа у меня болит, в ней обида. Я считал этот народ своим другом. Он же отнесся ко мне как к врагу».³⁹

Призыв национальных демократов к объединению, взаимному доверию, терпимости и взаимодействию был слабым, и не был услышан доведенной до отчаяния темной повстанческой массой. Вероятно, идея автономии находила некоторое сочувствие в рядах повстанцев. Но в целом, сельские районы, служившие основной базой басмачества, оставались закрытыми и недоступными для интеллектуальной мусульманской элиты. Пантюркистские переживания националистов и джадидов были чужды и непонятны крестьянству Ферганы. Крестьянский, народный ислам Ферганы не воспринял предложенную казахом Чокаевым реформаторскую модель панисламизма крымского татарина Исмаила Гаспринского, допускавшего свободное толкование основ Ислама и сотрудничество с “неверными” (русскими) ради культурного и экономического прогресса.

Аналогичная ситуация “развода” мусульманской массы и демократически настроенной интеллектуальной элиты произойдет двумя годами позже в Бухаре, когда восточнобухарские повстанцы обвинят бухарских джадидов в падении эмирата.

События конца 1917-начала 1918 гг., а именно, разгром “Кокандской автономии” и басмачей Иргаша логически вызвали к жизни то явление, которое было названо среднеазиатской эмиграцией. В беседе с автором этих строк, среднеазиатский эмигрант господин Рузи Назар (родом из Намангана), проживающий в США, назвал январь 1918 г. началом вызванного большевистским переворотом исхода среднеазиатов.⁴⁰

Бухара накануне падения

Культурным центром региона Средней Азии являлась, несомненно, Бухара. Это был не просто знаменитейший город, столица самого крупного государства региона. Это был символ величия веры для мусульман всего Среднего Востока и Южной Азии. Административная система, государственное устройство и прочие институты, на которых держался эмират восходили ко временам Сасанидов и Саманидов. На протяжении ты-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Беседа состоялась 17 мая 1995 г. в офисе господина Рузи Назара в Вест Фаллс Черч, Вирджиния, США.

сячи лет Бухара была средоточием удивительной персо-мусульманской культуры. Все эмиры и придворные были блестящими знатоками персидской поэзии; многие сами слагали поэмы и оды. Придворная историография начала XX века награждала Бухару самыми лестными эпитетами, в том числе “Богчай олам” и “Маркази ислом” (“Садик вселенной” и “Центр ислама”). В городе находилось около 400 медресе, мечетей и мавзолеев. Две самые известные из мечетей - “Масчиди лаби хавзи дивонбеги” и “Масчиди болои хавзи Али” собирали по пятницам до 4 тысяч мусульман. В столице эмирата примерно 800 мударрисов⁴¹ обучали религиозным и светским наукам 34 000 учащихся. Правила Бухарой тюрко-монгольская династия мангыт, которая, через брак одного из них на дочери чингизида, возводила себя к Тимуридам и «саидам» - потомкам Пророка Мухаммада. В 1910-х гг. 19 главных религиозных авторитетов - хазратов и мавлоно - составляли своеобразный синод эмирата.⁴²

Однако, в Бухаре, как и в других мусульманских странах, никогда не было теократий (власти священников) в чистом виде. Квази-монополия на интеллектуальную продукцию принадлежала уламо (экспертам), которые служили учителями, судьями, имамами мечетей. Уламо служили, но не правили. Они могли быть авторитетными советниками и советчиками, но не более того. С ними советовались, но следовать или не следовать их наставлениям было делом самих верующих. (Разумеется, имеются в виду ортодоксальные верующие, а не секты и суфийские братства, в которых мюриды и послушники находились всецело во власти харизматических «муршидов» – ишанов, шейхов и пр.). В суннитской Средней Азии не существовало религиозных иерархий и незыблемых авторитетов в области религии. Свои задачи уламо сводила к тому, чтобы убеждать правителя в необходимости применения шариата. Она сторонилась прямого вмешательства в собственно политический процесс. Власть в Бухаре и других мусульманских государствах принадлежала светским лидерам, носившим титул *амир ал муслимин* (властелин мусульман). В идеале, амир не был тираном, обладающим неподконтрольной властью над своими верными рабами, а был мусульманином, правящим единоверцами в согласии с религиозной доктриной. Высшим сувереном выступал единый бог, но никак не эмир (но и не народ). Эмир и рядовые мусульмане, таким образом, являлись (в идеале, разумеется) равноправными агентами и заместителями (халифа) единого бога. Хотя многие эмиры, как светские правители являлись мюридами (послушниками) выдающихся религиозных авторитетов, на деле же, как администраторы, они были независимы от прямого религиозного влияния. Таким образом, в Средней Азии, так же как и в других мусульманских странах, всегда существовало различие между государственной (гражданской) и рели-

⁴¹ Мударрис – преподаватель медресе высокого ранга, своего рода профессор.

⁴² Балджувони. Указ. соч. С.14.

гиозной властью, а также различия между различными религиозными направлениями и школами. Эти противоречия периодически вызывали острые дебаты, политические столкновения и конфронтацию. «Засилье ислама» и застои, с которыми в марксистской традиции ассоциировалась политическая жизнь среднеазиатского общества, время от времени сменяли острые споры и дебаты. Наиболее часто политическая активность выражалась в виде оппозиции сегментов мусульманской общины (суфийских братств, отдельных религиозных авторитетов) против нарушения исламских принципов среднеазиатскими (светскими) монархами и их коррумпированными правительствами. Иногда диссидентам удавалось мобилизовать верующих для восстановления «исламского порядка». Увы, массовая мобилизация, руководимая духовенством, чаще всего заканчивалась всеобщим побоищем. Достаточно вспомнить шиитско-суннитскую резню 1910 г. и избиение религиозными фанатиками мирной демонстрации джадидов в Бухаре в апреле 1917 г., о которой речь пойдет ниже.

В целом же, общины жили своей жизнью и были оторваны от политики. Ни уламо, ни тем более, государственные структуры не обладали ни властным ресурсом, ни авторитетом, ни полномочиями, достаточными для тотального контроля и регулирования всех сторон общественной и личной жизни мусульман. Ислам всегда защищал неприкосновенность и святость семейных отношений. Относительная свобода и плюрализм в сфере семейных и межличностных отношений причудливым образом уживались с дискриминацией женщин, экономической деградацией и застоем в общественно-политической жизни. Хотя эмирский режим не был способен обеспечить устойчивое развитие, само общество было свободным от социальных катаклизмов и, тем более, классовой борьбы. Традиционное среднеазиатское общество было относительно стабильным, но статичным. Всякие попытки модернизации пресекались консервативным духовенством, влияние которого на правителей и мусульманскую массу было подавляющим.

Бухара поражала великолепием своих мечетей и медресе. Однако, большинство из них были построены до XVIII века. В XX век Бухара вошла отсталой окраиной Российской империи. Это была дряхлая монархия, с основанным на архаичных формах эксплуатации хозяйством. Вся экономика Бухары была ориентирована на внешний рынок, главным образом, Россию. В текстильные предприятия Иванова и других городов России отправлялись хлопок-волокно, шерсть. Ценнейший бухарский каракуль начинал входить в моду в Старом Свете и высоко котировался на европейских аукционах. До революции Бухара ежегодно экспортировала 2-2,5 миллиона каракулевых шкурок. Каракуль в Европу направлялся также через Москву. За пределы Бухары также вывозилось до 2 миллионов пудов хлопка.⁴³ В Россию экспортировались, кроме того, солодковый корень, кишки

⁴³ *Туркестанская правда*, 9 марта 1923 г.

домашних животных. В 1913 г. Бухара вывезла в Россию своего сырья более чем на 45 млн. рублей. Взамен Бухара получала русскую мануфактуру, чай, металлические изделия и другие товары.

Государственные институты существовали, но архаичные, сформировавшиеся еще во времена Саманидов (X век). Бухарская регулярная армия современного типа стала создаваться сразу во время российского завоевания, в 60-х гг. XIX века под руководством беглого урядника Сибирского казачьего войска, оставшегося известным в бухарской истории по имени Осман. Позже, в 1870- гг., Осман был казнен «за развратный образ жизни». По заведенному им порядку бухарская армия строилась по русскому образцу. В начале второго десятилетия XX века главные силы были собраны в Кубанский, Терский, Шефский, Турецкий и Арабский полки. В бухарской армии были приняты следующие воинские звания:

Нафар (аламан) - что соответствовало чину рядового русской армии.

Даубаши - ефрейтор или унтер-офицер.

Чирагосы - фельдфебель.

Юзбаши - поручик.

Дживачи - штабс-капитан.

Караул беги - капитан.

Мирохур - подполковник.

Токсабо - полковник.

Дотхо - генерал-майор.

Парвоначи - генерал-лейтенант.⁴⁴

В целом, вооруженные силы Бухары были недостаточно развитыми. Это произошло отчасти из-за того, что по условиям договора с Россией, Бухара не могла иметь многочисленную и хорошо вооруженную армию. Нарращивание армии началось только после свержения царизма и обретения Бухарой независимости весной 1917 г. Вооружена была армия старыми курковыми ружьями 1850 г. образца, а также 11-зарядными английскими винтовками. По сведениям большевистских информаторов, в 1919-1920 гг. из 45-50 пулеметов лишь 12 были исправными. Разбросанные по эмирату гарнизоны от пустынь Туркмении до горных вершин Бадахшана были представлены самим себе. Их обитатели не столько занимались военной службой, сколько хозяйственной деятельностью и торговлей. Сами бухарцы впрочем признавали, что их армия слаба, но были полны решимости защитить свою страну “хоть палками”, и свято верили, что Бухаре предначертано свыше быть свободной.⁴⁵

⁴⁴ РГВА, ф.110, оп.3. д.912, л.143. Судя по прозвищам некоторых курбаши (офицеров) басмачей 1920-х –начала 1930-х гг., многие из них имели воинские звания, то есть прежде служили в армии. В дальнейшем, после падения эмирата, с конца 1920 г. воинские звания присваивались свергнутым эмиром.

⁴⁵ РГВА, ф.110, оп.3. д.912, л.7.

Внешние сношения были сведены к минимуму и контролировались русским губернатором Туркестана. В короткий период независимости, с февраля 1917 г. по сентябрь 1920 г., когда с Бухары был снят запрет на занятие внешнеполитической деятельностью, эмирское правительство пыталось найти свое место в международном пространстве между революционным Туркестаном, конфессионально и этнически близким Афганистаном, Британской Индией и шиитской Персией. Однако говорить о какой-либо продуманной внешнеполитической деятельности эмира в 1917-1920 гг. не приходится. Как признавался свергнутый премьер-министр бухарского правительства советскому следователю в конце 1920 г., «соглашения (межгосударственные) может и были, но чисто в мусульманском духе, основанном на дружеских чувствах по отношению к Афганистану».⁴⁶

Политический расклад сил внутри политических элит предреволюционной Бухары выглядел примерно следующим образом:

1. Правящая партия, возглавляемая кушбеги (премьер-министром) Усманкулом Парвоначи. Это был глубокий старик. В 1920 г. ему было 80 лет. В руках этой умеренной группы была фактическая власть Бухары. Придерживалась она в целом враждебной, но пассивной позиции в отношении Советской России.
2. Партия консервативного духовенства, придерживавшаяся правых - антирусских, панисламистских - взглядов. Возглавлялась главным казначеем Имам Кули беком Парвоначи. Эта партия поддерживала религиозные связи с Афганистаном и выступала за объявление войны России.
3. Противоположная перечисленным выше двум, партия джадидов-младобухарцев (о которых речь пойдет чуть ниже), объединяющая широкий спектр левых: начиная от умеренных исламских реформаторов (прогрессистов), кончая про-большевистским меньшинством.

Говоря о духовенстве Бухары как об образованном и политически активном классе, необходимо отметить, что оно не было организовано.

Наибольшим влиянием на простых мусульман пользовалась группа консерваторов-фундаменталистов.⁴⁷ Склонная к заключению союза с Афганистаном и противостоянию с Россией, она, тем не менее, бездействовала, надеясь на то, что все уладится «само собой». Ее возглавлял козикалон (главный судья) Мир Бурхониддин. Фундаменталисты выступали за сохранение «статус кво» и противились любым изменениям в Бухаре. К этой группе примыкала другая, политически активная группа муллы

⁴⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д.1000, л.6

⁴⁷ В данном контексте фундаментализм понимается как антимодернистское движение консервативного духовенства. Фундаментализм поддерживался муллами на уровне общин в пассивной форме и проявлялся в виде активного политического действия лишь когда возникали внешние раздражители в виде «угроз исламу».

Кутбиддина, известного как “воинствующий мулла”, в которую входили также муфтий Аскар и Мулла Кари. Они были известными пропагандистами панисламизма, поддерживавшими связи с Туркестаном, Афганистаном, мусульманской Индией, Египтом. Мулла Кутбиддин совместно с Тураходжой Судуром в 1918 г. отправились с миссией в Афганистан, склонять эмира Хабибуллу к противостоянию с Советской Россией. Указанные обе группы духовенства можно отнести к фундаменталистам, противникам любых реформ. Они официально осудили джадидов как кафи́ров (неверных), огласив перед народом соответствующие религиозные ривоят (постановления). Преследованиям со стороны воинствующих мулл подвергались не только собственно джадиды, но и те из министров, которые пытались договориться с джадидами-младобухарцами и русскими большевиками.

Противоположную, левую, позицию занимала группа духовенства во главе с Мулло Икромом (домулло Икромча). Его полное имя - Мухаммад Икром ибн Абдусалом (1847-1925). О нем с большой теплотой отзывался джадид, в будущем основатель таджикской советской литературы, Садриддин Айни, считавший Икромчу своим наставником. Домулло Икромча сочувствовал реформаторам, выступал за введение новометодных школ.

Единственным оппозиционным движением против эмирского строя был **джадидизм**. Он сформировался в конце XIX века на основе местного просветительства Ахмада Дониша и под влиянием исламского реформизма Ближнего Востока, Индии, а также Волги-Урала, Северного Кавказа и Крыма. Джадидизм начался как культурно-просветительское движение, направленное на введение т. н. «мактаби джадидия», т. е. “новометодной школы”. В этих школах, наряду с религиозными науками, преподавали арифметику, родной язык, географию и другие светские науки. Бухарский джадидизм имел поддержку в среде образованной буржуазии и интеллигенции, которая склонялась к принятию светских идей и ценностей и считала себя противником консервативного духовенства.

Под влиянием событий в России, сторонники джадидия, они же «тараккипарварон» (прогрессисты) противопоставили себя «кадимия» (традиционалистам) и взяли курс на «хуррият» (революцию). Хурриятотом в их представлении было проведение реформ или смена режима. Их лидеры – богатейшие купцы Файзулла Ходжа и Мирзо Мухиддин стремились заручиться поддержкой России и местных бухарских кругов. В числе первых джадидов, основавших тайное общество “Тарбияи атфол” (“Воспитание детей”), были Мирзо Абдулвохид Бурханов (Мунзим), Хомидходжа Мехри, Ахмаджон Махдум Абдусаидов (Хамди), мударрис (профессор) Ходжи Рофеъ и Мукамал Махдум Бурханов (Бурхонзода). Через некоторое время в тайное общество вошли уже упоминавшийся Садриддин Айни, Мирзо Абдулкадир Мухиддинов (сын Мирзо Мухиддина, в будущем руководитель Бухарской и Таджикской республик) и

другие - всего 28 человек. 14 из них были муллами и сыновьями мулл, 3-мударрисами.⁴⁸ Почти все джадиды видели в турецкой модели развития общества и государства наилучший образец для подражания. Турция для них являла собой счастливый пример независимого, суверенного мусульманского государства, способного реформироваться и конкурировать с Европой. Именно поэтому джадиды посылали бухарскую молодежь на учебу в Турцию. Несмотря на этническую принадлежность (а это были бухарцы, говорившие преимущественно на таджикском языке), почти все вернувшиеся оттуда становились ярыми сторонниками пантюркизма.⁴⁹ Объединение всех тюрков, говорящих на одном языке, принадлежащих к единой расе и имеющих общую историю, считали они, высвободит великую силу и позволит, наконец, покончить с отсталостью, чтобы вернуть былое могущество «тюркского колосса». Инициатором пантюркизма в России явились татарские интеллигенты, которые стремились противостоять русификации и христианизации путем культивации «тюркизма» и ислама.⁵⁰ Стремясь выстоять в соревновании с русскими, они тянулись как к Турции, так и к родственным народам Средней Азии. Идеал пантюркизма, сформулированный в конце XIX века крымским татаринем Исмаилом Гаспринским заключался в создании союза всех тюрков России под идейным руководством Турции.

Тюркизм джадидов Средней Азии, однако, отличался от тюркизма азербайджанцев, татар и турок. В центре внимания джадидов был «Туркистан» как идеальный национальный символ и как определенная территория, населенная конкретными народами, принадлежащими, по их мнению, к единой этнической группе. Более того, они связали с ним политическую программу построения независимого государства под таким названием. Игнорируя сложную этническую структуру региона, они объявили «Туркестан» родиной всех народов населяющих регион, а все население – тюрками. Тюрки были объявлены не просто доминирующим, как в средние века, а единственным автохтонным народом. Идеи пантюркизма в Средней Азии всячески поддерживались османскими турками. Таджики, по утверждению турков - старых недругов шиитов персов - были на самом деле иммигрантами, привезенными из Ирана узбекскими ханами в Среднюю Азию. Бухарцев они считали тюрками, говорившими на персидском языке. Сами джадиды смотрели на персов (таджиков) как на носителей отжившей свое исламо-иранской традиции, которая отождествлялась у них с клерикализмом и консерватизмом. Пантюркисты считали своим долгом сдерживать и вытеснять все таджикское, которое, по их

⁴⁸ Айни Садриддин. *Таърихи инкилоби Бухоро*. Душанбе: Адиб, 1987. С.С. 97-98.

⁴⁹ Идеи пантюркизма разделял также афганский просветитель Махмуд Тарзи – тесть эмира Амануллы.

⁵⁰ Landau, M. Jacob. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 8-9.

мнению «сковывало этническое созревание тюрок, подавляло в них чувство национальной самобытности».⁵¹ Их коробило, что тюрок, не знающий фарси-таджикского, считался в Центральной Азии деревенщиной. Широкое распространение фарси пантюркисты объясняли популярностью утонченной персидской литературы. Когда в Бухаре в 1912 г. начала выходить первая таджикская газета «Бухорои Шариф», турки не скрывали своего недовольства. «Поскольку все бухарцы – тюрки и дети тюрков, то их язык должен стать официальным языком Бухары», писал по этому поводу турецкий журнал «Турк Урду».⁵² Тем не менее, несмотря на прессинг Стамбула, как было указано выше, джадиды подчеркивали разницу между тюрками Средней Азии и турками Турции. Свой язык они называли «туркистон шевази» (туркестанский диалект), подчеркивая его своеобразие и отличие от татарского, азербайджанского и турецкого. Более того, они протестовали против применения русской администрацией наименования «сарт» для обозначения большинства населения региона. Именно джадиды прилагали усилия к тому чтобы считать все «сартовские» (то есть недостаточно определенные с точки зрения этничности, группы) узбеками, а их язык – узбекским.

То, что джадиды продвигали светские идеи реформизма, национализма и патриотизма можно было считать положительным шагом по сравнению с деспотизмом ханов и эмиров и удушающего засилья мракобесов-клерикалов, если бы их призыв к солидарности и прогрессу не содержал отрицания богатого культурного разнообразия региона и дискриминации целых народов, таджиков в первую очередь.

Некоторые из туркестанских и бухарских джадидов, позже пересмотрят свое отношение к идеологии пантюркизма. Ближе к середине 1920-х гг. им станет ясно, что этно-лингвистический национализм (узбекский, киргизский, таджикский и пр.) оказался более жизненным и перспективным, чем некогда романтическая, но затем зашедшая в тупик идеология и политика «Туркестана». Но в начале XX века это движение привлекло в свои ряды немало образованных бухарцев. Всех их объединяло желание перемен и ненависть к консервативному духовенству. Отношение к эмиру было разным. Поначалу большинство джадидов хотело видеть его нейтральным арбитром в разрешении конфликта с муллами-фундаменталистами. В дальнейшем джадиды превратятся в непримиримых врагов эмира.

В числе первых джадидов были представители крупных купеческих семей Бухары - Мирзо Мухиддин, двоюродные братья Файзулло, Атоулло, Усман и Пулат Ходжаевы, Олимбек Джурабаев и др. Под влиянием февральской, 1917 г. революции в России, джадидизм превратился в обще-

⁵¹ Шукуров, Шариф и Шукуров, Рустам. *О воле к культуре*. CA & CC Press AB, 1998. http://www.ca-c.org/journal/cac-01-1998/st_22_shukurov.shtml

⁵² Khalid, Adeeb. *The Politics of Muslim Reform. Jadidism in Central Asia*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1998, 210.

ственно-политическое движение, а затем от него начинают отпочковываться политические партии. Первой, в марте 1917 г. была оформлена младобухарская партия, руководство которой состояло из джадидских лидеров, в том числе Мирзы Абдулвохида Бурханова (Мунзим), Абдурауфа Фитрата, Усмана Ходжаева, Атоулло (Ато) Ходжаева, Файзуллы Ходжаева и др.⁵³

Бухарские джадиды вынудили эмира пойти на уступки и издать манифест о реформе. Манифест был составлен при помощи российских представителей Временного правительства. Сам эмир Алим Хан понимал, что следует провести хотя бы частичные реформы, но опасался резко негативной реакции консервативного духовенства. После долгих обсуждений в правительстве и консультаций с представителем Временного правительства (политическим агентом) А. Я. Миллером, 7 апреля манифест был оглашен. Он был более умеренным, чем хивинский (о котором речь пойдет ниже), так как не предусматривал создание парламента. В манифесте эмир обещал упорядочить налоги, создать маджлис (собрание) города Бухары, реформировать образование, здравоохранение и т. д. Эти и другие положения реформы были взяты из программы джадидов-младобухарцев. Понятно, манифест вызвал ликование в стане джадидов. 8 апреля младобухарцы вывели на улицы Бухары около 500 своих сторонников с лозунгами: “Зинда бод амири Бухоро!” («да здравствует эмир Бухары»), «Свобода, справедливость, равенство!» и распевая подобранную накануне революционную песню на мотив «Марсельезы», двинулись к Арку - эмирской резиденции. Демонстрацию возглавляли Мирзо Абдулвохид Бурханов (Мунзим), Фитрат, Файзулла Ходжаев и др. Джадиды двигались по узким улочкам Бухары. По словам участников того события, жители бросали им цветы из окон и крыш домов. У всех было приподнятое настроение.⁵⁴ Далее произошло то, о чем предупреждал эмир русских и самих джадидов. На площади близ Арка собралась огромная толпа народа в белых чалмах. Фанатичные муллы призывали: “Избейте и приведите сюда этих разбойников, врагов могущества Бухары и правоверной религии!”⁵⁵ Узнав об этом, эмир послал своих чиновников навстречу джадидам, чтобы предупредить об ожидающей их опасности. В считанные минуты участники джадидской демонстрации разбежались. Это однако, не спасло их от расправы. Безвольный эмир, который поначалу сочувствовал джадидам, оказался во власти консервативного духовенства и отдал приказ изловить и наказать всех джадидов. От эмирских палачей пострадал и Садриддин Айни. Он был подвержен суровому наказанию - 75 палочным ударами. Сам манифест был вскоре отменен. Так, попытка реформирования

⁵³ См.: Ходжаев Ф. *Избранные труды*. Т.1. Ташкент, 1970. С.97.

⁵⁴ *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. Ed. Timur Kocaogly Haarlem: SOTA, 2001. С. 88-89.

⁵⁵ Балджувони. Указ. соч. С.45.

Бухары «сверху» провалилась. Шанс демократического развития, представленный Февральской революцией, использовать не удалось из-за сопротивления консервативного духовенства.

Не получив поддержки в самом эмирате, джадиды стали уповать исключительно на внешние силы, а именно, революционную Россию, обещавшую всем народам право на самоопределение. С этой целью в начале декабря 1917 г., то есть после установления Советской власти, в Ташкент отправилась делегация младобухарцев во главе с Файзуллою Ходжаевым, где она встретилась с Федором Колесовым. Большевики не преминули прийти на помощь бухарским революционерам. В конце февраля 1918 г. Туркестанский Совет Народных Комиссаров (СНК) постановил перекинуть «пламя мировой революции» в соседнюю Бухару, независимость которой он признал несколькими днями раньше. У большевиков Ташкента был велик соблазн при помощи неожиданной военной экспедиции покончить с эмиратом раз и навсегда. 28 февраля 1918 г. СНК направил своего председателя Федора Колесова в Бухару для переговоров с эмиром. Последнему в ультимативной форме было предложено заменить состав бухарского правительства и ввести в него джадидов-младобухарцев. Эмир, разумеется, ответил отказом. Тогда, 2 марта туркестанские красные отряды при поддержке небольшого отряда младобухарцев напали на город Бухару. В ответ эмир собрал огромное войско. Бухарцы обратились к эмиру со словами: «мы не хотим хуррият (революции-К.А.), прикажи и мы пойдем воевать».⁵⁶ Большевицкая атака быстро захлебнулась и закончилась поражением нападавших. В отместку, был объявлен «джихад», во время которого многие русские, проживавшие в эмирате (главным образом железнодорожники и пограничники) были подвергнуты избиению. Возбужденная толпа, подстрекаемая фанатиками, успокоилась лишь после того, как по всей Бухаре вырезали десятки русских. Захваченных в плен выпускали только после того, как они принимали ислам.⁵⁷ 25 марта эмир послал делегацию к Колесову и кровопролитие было остановлено.⁵⁸ Эта авантюра ташкентских комиссаров и джадидов вошла в историю под названием «колесовский поход».

С тех пор эмир попадает под исключительное влияние радикальных мулл. Он расстается с последними иллюзиями насчет сотрудничества с Советами и оставляет всякие попытки договориться с джадидами. Он сосредотачивается на укреплении армии и преследовании противников внутри эмирата. В 1919 г. у Бухары уже было регулярное войско из 12 тысяч солдат и 40 тысяч наукаров - ополчения, своеобразной бухарской

⁵⁶ Балджувони. Указ. соч. С.51.

⁵⁷ Севастьянов И. А. *Керкинский округ. Ч. 1 Политико-экономический обзор. Январь 1925.* Издание ревкома Туркменской ССР, Полторацк, 1925. С.41

⁵⁸ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости.* С.294.

милиции.⁵⁹ Эмиру удается установить хорошие отношения с басмачами, в частности, с ферганцем Шермухаммадом (Куршерматом) и матчинским беком.⁶⁰ Во внешней политике он прилагает немалые усилия, чтобы заручиться английской и афганской поддержкой для защиты от возможной повторной агрессии со стороны России. В религиозных и правительственных кругах Бухары планы сближения с афганцами на антироссийской платформе были популярны. В феврале 1920 г. в Бухару от эмира Афганистана Амануллы Хана прибыла военная миссия во главе с Ходжи Ахмад Ханом и привезла вооружение в дар Бухаре. Вплоть до эвакуации из Бухары в сентябре 1920 г., при эмире находилась афганская гвардия из 600 человек. Впрочем, военно-политический союз между консервативной Бухарой Алим Хана и реформаторским Афганистаном Амануллы, был маловероятен. Единственное, что объективно сближало эти два государства - это религия, а точнее панисламизм. Эта политически неопределенная и маловероятная идея, тем не менее, имела немало сторонников в обеих столицах. Антироссийским настроениям особенно сильно были подвержены духовенство и бухарская студенческая молодежь (муллобачахо). Они открыто высказывались против агрессивных приготовлений русских войск в Кагане (или Новой Бухаре- пригороде Бухары, имевшем статус российской территории), демонстративных полетов красных аэропланов над городом и откровенной антибухарской революционной пропаганды в русских поселениях Новой Бухары и Чарджуя.

После «колесовского похода» в Бухаре ужесточается борьба против всякого инакомыслия. Джадиды-младобухарцы, опасаясь мести эмиристов, были вынуждены эмигрировать в Туркестан, главным образом в Ташкент. В их среде начался период внутрипартийных шатаний, завершившийся в сентябре 1918 г. образованием Бухарской коммунистической партии (БКП) во главе с А. Якубовым, М. Кульмухамедовым, М. Бурхановым, Н. Хусаиновым и др. Другая часть джадидов в декабре 1918 г. в Москве образовала комитет партии младобухарцев, во главе с Файзуллою Ходжаевым. Бухарские коммунисты пытались подражать Российской коммунистической партии большевиков - РКП (б). Они были склонны доверять социалистической революции и стремились не медлить с установлением советского строя, аналогичного туркестанскому. Младобухарцы, в свою очередь, настаивали на своеобразии, не отказываясь от религии и идеи самостоятельного, демократического развития Бухары. И те и другие, однако, были вскормлены революционной Москвой и рассчитывали достичь конечных целей с помощью

⁵⁹ По сведениям красной разведки 1919 г. «солдаты в Бухарской армии почти все таджики, узбеки попадают очень редко». Почти все офицеры в армии были также таджиками. Однако солдатам строго запрещалось говорить по-таджикски. РГВА, ф.110, оп.3. д.912, л.17.

⁶⁰ Матча (Мастчох, Матчо) – населенный таджиками горный район в труднодоступных верховьях р. Зеравшан. Т. н. «Матчинское бекство» входило в Туркестанскую республику, но сохраняло независимость вплоть до 1923 г.

РСФСР и РКП (б). По возвращении из Москвы в Ташкент в январе 1920 г. Ф. Ходжаев организовал туркестанское бюро партии младобухарцев-революционеров. Руководство РКП (б) в лице ее полномочного представительства - Туркомиссии, возглавляемой М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым, умело осуществляло руководство политической оппозицией в Бухаре. По рекомендации Москвы, 4-й съезд БКП (авг. 1920 г.) принял решение о заключении блока между двумя революционными бухарскими партиями, но при условии признания младобухарцами программы БКП. Разумеется, большевики трезво оценивали “революционный потенциал” бывших джадидов, группировавшихся вокруг БКП и партии младобухарцев-революционеров. Они им были нужны как временные союзники для свержения эмира и установления Советского строя в Бухаре.

Снова “Большая игра”?

Прежде чем приступить к рассмотрению роли внешнего фактора в событиях Средней Азии революционного периода, необходимо вспомнить, что после подписания Англо-русского договора 1907 г. соперничество империй в Средней Азии прекратилось и “Большая игра” была приостановлена. Россия прочно закрепилась на территориях правобережной Аму Дарьи, а Англия надежно контролировала Индию, исподволь не прекращая попыток усилить свое влияние в Афганистане. Китаю было не до Средней Азии: в 1910-х гг. эта страна переживала непростые времена крушения старого имперского строя, сопровождавшегося восстаниями и междоусобицей. В Первую мировую войну Россия и Великобритания вошли союзниками. Однако англо-русское перемирие длилось всего десять лет. Одним из первых декретов Советской власти был Декрет о мире, аннулировавший все международные договоры царской России. Наряду с другими, прекратило свое действие и Англо-русское соглашение 1907 г. Таким образом, конкуренция за влияние в Средней Азии возобновилась. Во внешнеполитических кругах Лондона и Дели в то время обсуждались два варианта стратегического развития политики в Средней Азии. Согласно первому из них, принадлежавшему члену парламента от партии либералов Джошуа Ведвуду, главным противником Англии в регионе считалась Германия. Английские политики предлагали “любыми способами испортить игру Германии и, взывая к патриотизму, организовать сопротивление среди местного населения Средней Азии”.⁶¹ Ими предлагалось выдворить немцев из региона, чтобы не дать им угрожать оттуда Англии.

Необходимо признать, что англичане имели все основания опасаться германо-советского сближения. Причину этого следует искать в связи большевиков с кайзеровской Германией. Известно, что Ленин и его партия в 1915-1918 гг. получили миллионные суммы (всего 50 млн. марок) от гер-

⁶¹ Hopkirk P., *Setting the East Ablaze*, 9.

манского имперского казначейства. Сумма эта выплачивалась за вывод России из войны и организацию антиправительственной, революционной деятельности. Известно также, что сам Вильгельм II руководил безопасной транспортировкой Ленина в Россию в апреле 1917 г.⁶² Разумеется, нельзя сводить всю сложную картину революционных событий в России к факту финансирования Германией большевиков. Также было бы наивно считать Ленина слепым орудием в руках кайзеровской Германии. Со всей определенностью можно утверждать лишь то, что заключение Брестского мира и выход России из войны вызвали понятную озабоченность Англии, связывавшей это с происками Германии. Англия опасалась, что Германия и РСФСР договорятся и организуют совместную экспедицию в Афганистан.⁶³ Наиболее вероятным она считала проникновение немцев в Среднюю Азию и далее в Афганистан и Индию из союзной Германии Турции и оккупированного Закавказья. За путь немцев из Турции через Персию в Афганистан англичане не опасались, так как Персия до 1918 г. контролировалась объединенными русско-английскими силами. Последние, как уже указывалось, еще в 1915 г. создали вдоль персидско-афганской границы так называемый «Восточно-персидский кордон», призванный противостоять возможному наступлению Германии и ее союзника Турции. После выхода России из Первой мировой войны и вывода казачьих войск из Персии, кордон был заменен британскими войсками под командованием Вилфрида Малессона. Этот генерал был настроен весьма решительно и стремился покончить с Советской властью в Средней Азии. Опасность немецко-турецкого вторжения в Индию усиливалась присутствием в Средней Азии 40 тысяч военнопленных Первой мировой, выходцев из Турции и Австро-Венгрии. Чтобы предотвратить немецкое наступление, поддержанное Турцией и большевистской Россией, 12 августа 1918 г. персидско-российскую границу у станции Артык перешла колонна английской военной техники. Это были войска индусов генерала Вилфрида Малессона. Через две недели в туркменской Каакхе произошел бой с красными войсками. Это был первый и единственный случай в истории англо-русского соперничества в Азии, когда русские и англичане стреляли друг в друга.⁶⁴ Затем экспедиционный корпус занял Душак. Как указывалось, британцы оправдывали интервенцию необходимостью противостоять германо-турецкому наступлению на Ближнем и Среднем Востоке и Закавказье. Правительство Британской Индии стремилось также обеспечить надежный контроль над важной стратегической железнодорожной магистралью Самара-Красноводск, связывавшей английский Ближний Восток со Средней

⁶² Рутыч Н. *КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии 1917-1957*. Посев. С.36.

⁶³ Adamec W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain*. Tucson, Arisona: The University of Arisona Press, 66.

⁶⁴ Hopkirk, P. Op. cit. 30.

Азией и далее с Уралом и Сибирью. На самом деле, Малессону были даны более обширные инструкции. Официальным поводом для миссии было обращение меньшевистского “правительства” Ашхабада помочь в борьбе против большевиков. Малессон должен был войти в контакт с антибольшевистскими силами в Закаспии и “противостоять угрозе Индии”.⁶⁵ Другим союзником в регионе англичане считали эмира бухарского. В начале 1919 г. Малессон послал эмиру письмо, начинавшееся с красочного персидского стиха и содержащее обещание прислать 500 ружей и боеприпасы к ним.⁶⁶ В том же письме генерал советовал Алим Хану держаться подальше и от большевиков и от афганцев, предсказывая скорое падение Советской власти и суровые санкции против афганцев за сотрудничество с Москвой.⁶⁷ Этот кратковременный альянс с англичанами будет стоить Алим Хану царского трона.

Однако, с усилением большевиков и ослаблением их зависимости от немцев, опасность германской агрессии в Среднюю Азию объективно снижалась. В марте 1919 г. миссия Малессона была отведена обратно в Мешхед. Взамен немецкой, призрак русской угрозы вновь замаячил на северных подступах к Британской империи. И на этот раз Британская империя приняла вызов, брошенный Москвой.

В первую очередь, вокруг советской Средней Азии – в Иране, Афганистане, Китае и Индии была развернута беспрецедентная разведывательная деятельность. И это понятно, так как Британия и ее бывшие союзники не знали, что именно происходит в России и что следует делать, чтобы обезопасить себя от последствий распада громадной Российской империи, простиравшейся от Польши до Дальнего Востока. В персидском Мешхеде под командованием Малессона была размещена британская миссия и служба разведки Э. Редля. Она занималась перехватом телеграфных сообщений между Москвой и городами Средней Азии. Неудачу своей военной экспедиции в Закаспий, Малессон компенсировал тем, что достиг более впечатляющих успехов в деле разлада российско-афганского сотрудничества и культивирования взаимной подозрительности и недоверия между Москвой и Кабулом.⁶⁸ Английское консульство в Кабуле явилось еще одним центром для слежения за Туркестаном, Бухарой и Хивой. Важным английским разведцентром была и миссия в китайском Кашгаре открытая в 1908 г. во главе с генконсулом Джорджем Маккартни, которого в 1918 г. сменил другой английский офицер, дипломат и разведчик Перси Эссертон (1879-1963). Комфортабельная резиденция состоящая из 20

⁶⁵ Tod, J. K. “The Malleson Mission to Transcaspia in 1918”, *Royal Central Asian Journal* 27, part 2 (1940), 49.

⁶⁶ IOR: L/P&S/11/198: P 2718

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Adamec W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain*, 66-67.

комнат располагалась в живописном саду «Чини Бог» («Китайский сад») и была открыта для всех европейцев, путешествовавших по Западному Китаю.⁶⁹ «Чини Бог» посещали также беглые белогвардейские офицеры, царские чиновники и ферганские повстанцы. В инструкции, данной Кашгарской миссии в начале 1918 г. предписывалось “собирать всякую информацию, имеющую отношение к положению дел в Русском Туркестане . . . и докладывать о возможности установления контакта с элементами, с которыми Британия могла бы работать в интересах союзников”. Членам миссии также предлагалось “идея использования антибольшевистских и проавтономистских мусульманских настроений”.⁷⁰ Рекомендовалось также “использовать каждую появившуюся возможность для полезной интервенции в Среднюю Азию, если будет на то получено одобрение правительства Индии”.⁷¹

Была предпринята и прямая разведывательная миссия в русскую Среднюю Азию. В июле 1918 г. небольшая группа из четырех европейцев и двенадцати азиатов отправилась из Кашгара к советской границе. Ее возглавлял полковник Фредерик Бэйли - офицер Секретного и Политического Департамента правительства Великобритании. Еще до войны он зарекомендовал себя как крупный знаток Внутренней Азии. Один из гималайских пиков до сих пор носит имя Бэйли. Но в истории он оставил свой след не как исследователь, а как одна из самых активных антибольшевистских фигур империи. В 1918-1919 гг. этот неприметный с виду офицер в одиночку играл опасную игру с туркестанскими большевиками и даже, на короткий период, был завербован ташкентской ЧК.⁷² Бэйли был ярким сторонником британской интервенции в Среднюю Азию. Английская делегация прибыла в Ташкент открыто и была принята комиссарами (эсерами и большевиками), хотя революционные власти подозревали об ее истинных задачах. По прибытии в Туркестан, Бэйли провел значительную разведывательную работу. Он связался с антисоветским подпольем - беглыми бухарцами, ферганскими басмачами и русскими белогвардейцами. В результате, у него сложилось несколько преувеличенное впечатление о характере и размерах антисоветского сопротивления. В своем секретном донесении он оценивал антибольшевистские силы в Туркестане следующим образом:

“10 000 местных жителей, поддерживаемых 2 000 антибольшевистски настроенными русскими и 2 000 киргизов, готовы присоединиться к восстанию”.

Бэйли оптимистично оценивал шансы британской интервенции и уверял начальство, что мусульмане рассматривают его (Бэйли) миссию как авангард англо-индийских войск. Бэйли прямо призывал к интервенции:

⁶⁹ Hopkirk, P. Op. cit. 98.

⁷⁰ Fraser, Glenda. “Basmachi-I”, *Central Asian Survey*. Vol. 6, no.1, 1987, 24.

⁷¹ Ibid.

⁷² Hopkirk, P. Op. cit. 3.

“10 000 англо-индийских войск с достаточным запасом вооружения, артиллерией, аэропланами и т. д. могли бы пройти через всю страну и (антисоветские) организации сделали бы то же самое одновременно”.⁷³

На этой стадии, а именно, во второй половине 1918 г., басмачи имели реальный шанс на получение желанной иностранной помощи. В инструкции предназначенной для Британской миссии в Синьцзяне говорилось без обиняков: “Английский консул в Кашгаре должен быть инструктирован помочь антибольшевистскому восстанию в Фергане”.⁷⁴ Эссертон, как и Бэйли был горячим сторонником самой решительной английской политики в сопредельной Кашгару Средней Азии. Он находился в тесной связи с курбаши Шерматом (Куршерматом, то есть «кривым Шерматом») из Ферганы, снабжал его инструкциями и, вероятно, небольшим количеством оружия (для больших поставок требовалась санкция правительства). Эссертон пытался апеллировать к гражданскому патриотизму своего протеже, чтобы минимизировать нежелательные для британского владычества панисламистские моменты в антибольшевистском движении. В своих докладах начальству он убеждал, что не существует препятствий для прямой вооруженной поддержки басмачей. 26 августа 1921 г. Эссертон писал, что у Шермата в Фергане есть 76 000 последователей, из них 34 000 вооруженных. Кроме того, Шермат, якобы уверял Эссертона, что он мог собрать и 100 тысяч бойцов, если бы не недостаток оружия. “Только недостаток вооружения и боеприпасов служит препятствием для очень быстрого всеобщего восстания русского Туркестана”, - заключал свое донесение Эссертон.⁷⁵ Уверенный во всемогуществе своего клиента, в 1920 г. Эссертон предложил Шермату «взять под свой контроль Памир». Прямых улик о поставках английского оружия ферганцам не обнаружено, но, судя по логике их взаимоотношений, можно предположить, что моральная поддержка и ограниченные поставки вооружения все-таки имели место.

Однако, несмотря на усилия Эссертона и Бэйли, план интервенции в Русский Туркестан не был одобрен. Окончание мировой войны в ноябре 1918 г., и прекращение военных действий сделали вероятность вторжения Англии в Среднюю Азию еще более незначительной.

Какова все-таки была генеральная позиция Великобритании по отношению к Средней Азии? Обратимся к документам самого английского правительства. В связи с окончанием мировой войны и необходимостью определения нового мирового порядка, в начале 1919 г. началась мирная конференция в Версале, близ Парижа. Главной целью конференции было перекраивание мирового порядка, главным образом за счет побежденной Германии. Победители склонялись к тому, чтобы отказаться от идеи масштабной

⁷³ Fraser, Glenda. “Basmachi-I”, *Central Asian Survey*. Vol. 6, no.1, 1987, 24.

⁷⁴ IOR: L/P&S/11/158.

⁷⁵ IOR: L/P&S/10/836.

интервенции в Советскую Россию.⁷⁶ Взамен, усилия были направлены на то, чтобы создать там где это возможно, антибольшевистские пояса вокруг России с тем, чтобы препятствовать вооруженному экспорту революции в соседние страны. В Центральной и Восточной Европе на обломках Австро-Венгрии возникли новые государства. Так, Версаль дал «добро» на создание Югославии (до 1929 г. – Королевство сербов, хорватов и словенцев) и Чехословакии. Трансильвания была разделена между Румынией и Венгрией. Была создана Молдавия, содержащая целый регион, заселенный сплошным русским населением. Был также создан антибольшевистский пояс в Прибалтике. Это все были искусственные, непрочные образования, обреченные на развал в случае падения Советской России.

В начале декабря 1918 г. Индийский Офис представил свои предложения (меморандум) о будущем “русской Средней Азии”. Этот «Меморандум» лег в основу решений Версальской конференции относительно Средней Азии. Документы подобного рода обычно составляются откровенно, без обиняков. В чем же было его главное содержание?

Прежде всего, очевидно, что для англичан Закавказье и Средняя Азия были слишком сложным регионом для “государственного конструирования” по типу восточно-европейского. Британские политики признавали этническую неоднородность и слабо выраженную национальную ориентацию в сознании различных этнических групп Средней Азии. Анализируя политическое развитие региона, они не заметили каких-либо признаков общенационального движения, опираясь на которое можно было предпринимать дальнейшие действия. Исходя из этого, Великобритания считала, что принципы национального самоопределения для Средней Азии неприменимы. Наряду с этим, они отмечали религиозную общность среднеазиатов, принадлежность их к “фанатикам” исламской веры. Англичане мало верили, что большевизм, как политический проект, может иметь успех в подобной среде. Больше всего они опасались ослабления государственной власти в регионе, неуправляемой реакции местных племен на большевистские насильственные меры, такие, как революция и война. Главной угрозой для безопасности своей страны, британские империалисты считали “мусульманское восстание” вызванное хаосом.

“Более серьезная (по сравнению с большевизмом-К.А.) опасность заключается в возможности общего мусульманского восстания против большевиков и попытке создать ряд независимых мусульманских государств”,

отмечалось в меморандуме, подготовленном Индийским Офисом.⁷⁷

Для Англии Средняя Азия была регионом, находящимся вблизи ее индийских владений и населенным “мусульманами особо фанатического типа”. Именно с этой точки зрения Великобритания строила свои отноше-

⁷⁶ IOR: L/P&S/11/142.

⁷⁷ Ibid.

ния с Россией, Бухарой и формировала позицию к большевизму. Следует еще раз подчеркнуть, что в Средней Азии Великобритания не боролась с большевистской идеологией и политикой как таковыми, а была озабочена анархией, вызванной большевистским переворотом, угрожавшей ее владычеству в Индии. В то время (1918-1919 гг.) англичане были уверены в нежизнеспособности Советской власти и ее скором крахе.

Лидер исамитов Ага Хан III, пользовавшийся доверием двора и правительства, предлагал Великобритании избрать более активную политику в отношении региона. Он советовал “развивать” ислам и придерживаться “политики бескорыстной защиты ислама в Месопотамии, Персии, Афганистане и Средней Азии”. Его взгляды, означавшие поддержку мусульманского национализма и военную конфронтацию с Россией, разумеется, не были поддержаны английским правительством. Кроме того, Британии, по мнению англичан, следовало оставаться христианской страной и препятствовать консолидации мусульман.

“Точно таким же образом, как изоляция среднеазиатских мусульман сделала их фанатизм безобидным, изоляция индийских мусульман сделала их более или менее сдержанными, а их общину - одной из самых благоразумных общин во всей Индии”,

утверждал Индийский Офис. Британцы, которые, свергнув Великих Моголов, низвели некогда господствующую мусульманскую общину до рядового члена большого религиозного сообщества Индии, пытались подобным образом лишить мусульман их статуса и в Средней Азии. Поэтому, свою задачу англичане сводили к ослаблению обоих действующих и потенциальных противников в регионе – русских и мусульман. В заключение упомянутого документа говорится:

“Поскольку мы в состоянии влиять на развитие событий в России, мы должны консолидировать Азиатско-Русское правительство России в Сибири, контролируя все железнодорожные системы. Удерживая Оренбург, следует управлять мусульманскими государствами и населением Средней Азии, ослабив поводья. Хива и Бухара, сохраняя номинальную независимость, должны оставаться под властью Сибирского правительства, а остальной Туркестан должен образовывать один, может два местных административных центра (в Ташкенте и Коканде), которые, будучи преимущественно мусульманскими, должны включать обязательное представительство белого населения. Эти туркестанские образования должны быть объединены в федерацию с Сибирью, но при этом иметь внутреннюю автономию”.⁷⁸

Таким образом, англичанами предлагалось сохранить создавшееся в конце 1918 г. «статус кво», а именно: поддержать российскую (контрреволюционную) власть в Омске, сохранить консервативные правительства

⁷⁸ Ibid.

хивинского и бухарского ханов, а в Коканде и Ташкенте поддержать квази-демократическую представительную власть, в которой могли бы ужиться и мусульмане, и русские. Важным пунктом этого плана была помощь сибирскому правительству Колчака и его агентам в Средней Азии. Упомянутая выше экспедиция корпуса Вилфрида Малессона в Закаспий в августе 1918 г., направленная на поддержку марионеточного правительства меньшевика Фунтикова, явилась звеном политики Британии по расчленению России и последующему подчинению Средней Азии юрисдикции “Сибирского правительства Азиатской России” адмирала Колчака.⁷⁹ Разумеется, такая перспектива могла устроить бухарского эмира, хивинского хана, кокандских автономистов, а также белую Россию. Единственный, кто возражал против такого плана устройства региона, были большевики.

Под английским патронажем в 1918 г. в Ташкенте действовала белогвардейская подпольная организация под названием “Туркестанская военная организация” (ТВО), которая была связана со штабом омского правителя Колчака и местными басмачами. По признанию самих белых офицеров, ТВО осенью 1918 г. была связана с представителями британской миссии Бэйли. Англичане обещали снабжать ТВО необходимыми денежными средствами, оружием, боеприпасами. Однако это соглашение не было осуществлено, так как ТВО была раскрыта ташкентской ЧК и многие члены ее были расстреляны, заключены в тюрьму и лишь немногие пробрались в Фергану. В январе 1919 г. была разоблачена и британская миссия Бэйли, а сам он был арестован. Так, антибольшевистское соглашение между басмачами, белогвардейцами и англичанами было расстроено.⁸⁰ Тем не менее, колчаковцы не оставляли надежд и просили Англию,

“... на содержание отрядов открыть кредит 150 млн. рублей, место получения Кашгар, через посредство английского консула... доставить оружие в количестве 8-12 полевых орудий, 8 горных орудий, 40 пулеметов, 20 000 ружей и 10 млн. патронов”.⁸¹

Реализация этого предложения могла бы вооружить целую армию. Помощь, однако, не была получена. Колчак был разбит Красной Армией и планам расчленения России не было суждено сбыться. Поражение белой армии на юго-востоке России можно объяснить: во-первых, военнополитическим превосходством Красной Армии и умелой пропагандой большевистского руководства, сумевшего сорвать планы своих внутренних и внешних врагов; во-вторых, позицией сибирского крестьянства и коренных народов Средней Азии, Восточной Сибири и Урала, не поддержавших белогвардейцев и, наконец; в-третьих, непоследовательностью Англии при поддержке антисоветских движений востока и юго-востока России.

⁷⁹ В феврале 1919 г. Малессон получил приказ отвести свои войска назад в Мешхед, а в апреле оккупация Закаспия английскими войсками была завершена.

⁸⁰ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.382, л.1.

⁸¹ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.382, л.2.

Следует признать, что для народов Средней Азии победа большевиков над Колчаком и предотвращение раскола России были предпочтительней планировавшегося английским правительством сохранения эмирата и превращения региона в придаток ослабленной и фрагментированной России.

В этой связи, нелишне обратиться вновь к судьбе Мустафы Чокаева. В начале 1918 г. после падения Кокандского правительства он навсегда покидает Среднюю Азию, отправившись сначала в Башкирию, затем на Кавказ. В Тифлисе Чокаев издавал две мусульманские газеты – «Ени Дунья» и «Шафак». Тем временем, турки оккупировали почти всю южную и восточную часть Закавказья и обосновались в Баку, а немцы заняли Тифлис. Одновременно интервенты поддерживали на Дону всевозможные «самостоятельные государственные образования». Все это делалось под лозунгом «освобождения народов России». К тому времени Чокаев не питал никаких иллюзий относительно сотрудничества как с большевиками, так и с белым движением, ратовавшим за «единую и неделимую Россию». Он делал ставку на достижение полной независимости Туркестана с помощью Запада. Это неизбежно сближало его с теми, кто добивался расчленения России. А таких было немало как на уровне европейских правительств, так и в разношерстной эмигрантской среде.

Однако успехи Красной Армии лишили «туркестанцев» последних надежд. В 1920 г. после разгрома Грузинской республики большевиками, Чокаев эмигрирует. Позже, в марте 1921 г. Англия, путем заключения торгового договора, косвенно признает Советскую Россию. Это означало отказ от попыток расчленения России и фактическое согласие с тем, чтобы оставить регион Средней Азии Советской России. Косвенная поддержка англичанами большевиков в противостоянии последних с народами Кавказа и Средней Азии, выразилась в отказе Запада от поддержки закавказского национализма и антибольшевистского (басмаческого и белогвардейского) движения в Семиречье, Фергане и Бухаре. Западные страны (Франция и Англия, прежде всего), несмотря на разногласия, были едины в своем стремлении сохранить влияние России в Средней Азии. Они проигнорировали обращение Туркестанского Национального Объединения (ТНО), направленного из Тифлиса Мирной конференции в Версале в феврале 1919 г. По словам Чокаева, в нем речь шла о просьбе занять Туркестан войсками Антанты. Напомним, что в то время британцы, осуществлявшие интервенцию против Советской России, уже стояли на Кавказе и в Туркмении. Речь шла о небольшом продвижении на восток. Всего на несколько сотен километров. К разочарованию «туркестанцев», англичане не только проигнорировали их просьбу, но поступили наоборот. Выведя войска из Закаспия, они оставили вооружение и амуницию не своим вчерашним сторонникам-туркменам, а русской Добровольческой Армии. Чокаев с грустью признавал, что «ломать копыта и впутываться за прекрасные глаза туркестанцев ли, или кого другого во имя отвлеченных «прав угнетенных», в

войну с большевиками Европа не вступит». ⁸² Именно этого - полномасштабной западной интервенции жаждали туркестанские националисты.

Распространенные в советской историографии утверждения, что Запад обильно помогал оружием и деньгами всем без исключения контрреволюционным силам, не соответствуют действительности. По мере укрепления большевистского строя Запад предпочтет торговать, а не воевать с Россией. То, что Англия и США станут рассматривать Среднюю Азию как «внутренний дворик» России, впрочем, не помешает им продолжать попытки ослабления позиций России в регионе. В свою очередь, большевики будут постоянно угрожать Западу огнем «мировой революции» на Среднем, Дальнем Востоке и в Южной Азии.

Афганистан и революционная Средняя Азия

В Афганистане, в феврале 1919 г. произошел государственный переворот и эмир Хабибулла был убит. К власти пришел его сын Аманулла Хан, взявший курс на кардинальные реформы в стране. Новый эмир Афганистана находился под сильным влиянием реформаторских идей младоафганцев, в особенности их видного представителя, журналиста Махмуда Тарзи ⁸³ - тестя Амануллы и ключевой фигуры его окружения. Модернистское движение младоафганцев впитало в себя как идеи светского реформатора Мустафы Кемалю Ататюрка, так и теоретика панисламизма Саида Джалалудина Афгани. Последний сформулировал основные постулаты исламского единства, которые не были чужды всем мусульманским лидерам первой трети XX века.

Модернизация, доступ к передовым технологиям, национализм и некоторые другие реформаторские идеи того времени были популярны, однако, главным образом, среди элиты афганского общества. Основная же масса населения была больше подвержена влиянию традиционных компонентов общественного сознания таких, как идея независимости и объединенного сопротивления общему врагу, то есть джихада против противников ислама.

Как развивались отношения Афганистана со своим северным соседом? В известной мере на отношения между Афганистаном и Советской Россией бросала тень активность афганских эмигрантских революционных групп и организаций, расположенных Средней Азии. Они получали приказы из Кремля и имели целью, не больше и не меньше, “свержение деспотического режима” в Афганистане и замену его просоветским режимом. ⁸⁴

⁸² *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932гг.)*. С.93.

⁸³ Отец Махмуда Тарзи, Гулам Мухамад Хан происходил из потомков Сардар Рахмдил Хана, брата эмира Афганистана Дуст Мухаммада. По политическим причинам Рахмдил был вынужден бежать в Сирию. В Сирии, его сын Махмуд Тарзи ознакомился с идеями панисламизма, исламского реформизма и пантюркизма. См.: Katrak, Sobab K. *Through Amanulla's Afghanistan*. Karachi: Sind Observer, 1929, xiii.

⁸⁴ Volodarskiy V., “First Steps in Soviet Diplomacy Towards Afghanistan, 1917-1921”, in Yaacov Ro'I (ed.) *The USSR and the Muslim World*, London: George Alien and UNWIN, 1981, 220.

Тем не менее, революция в России и изменение международной ситуации вселили Афганистану надежду на достижение желанной независимости. 27 марта 1919 г. советское правительство заявило о признании независимого Афганистана. Первые внешнеполитические шаги, предпринятые большевиками в отношении Афганистана были встречены в Кабуле сочувственно. Напротив, действия Великобритании на Среднем Востоке и в Средней Азии вызывали неодобрение у населения региона. Оккупация Британией Персии, введение войск Малессона в русский Закаспий, разумеется, рассматривались Кабулом как угроза Афганскому государству. Однако и Лондон не собирался сдавать свои позиции в Афганистане. В начале 1919 г. в Дели обсуждались планы включения афганского вопроса в повестку Версальской мирной конференции. Тогда Англия сочла Афганистан исключительно своим, внутренним делом и не допустила кабульцев в Версаль. Внутренние подстрекательства афганского двора и непримиримость англичан обострили англо-афганские отношения до прямого вооруженного столкновения в мае 1919 г., известного как Третья англо-афганская война. Война длилась ровно один месяц и закончилась победой Афганистана, хотя некоторые англичане утверждают обратное. В апреле 1919 г. афганская миссия во главе с Мухаммад Вали Ханом Бадахшани (таджиком) покинула Кабул и отправилась в Москву, демонстрируя независимость во внешних делах. По дороге первый посол независимого Афганистана посетил Бухару, где встретился с эмиром Алим Ханом. Мухаммад Вали Хан вручил бухарскому эмиру орден и письмо от Амануллы Хана. В письме афганский правитель предостерег Алим Хана от немедленного выступления против большевиков, ссылаясь на то, что Афганистан, поскольку он занят борьбой против Англии, не сможет поддержать Бухару. Как вспоминал позже Алим Хан, в беседах с афганским посланником обсуждались перспективы афгано-бухарского антибольшевистского союза. Стороны согласились, что весь мусульманский мир ожидает заключения союза между Афганистаном и Бухарой. Однако кабульский посланник предостерегал своего визави от немедленного антисоветского выступления.

“Не проявляйте поспешности, пока не выяснится, как окончится предприятие вашего брата (то есть борьба Амануллы против Англии-К.А.),” говорил Мухаммад Вали Хан.

“Поскольку слова посланника были в высшей степени справедливыми, я счел за благо последовать сказанному и, храня в памяти этот совет, не единожды брал к себе в помощники терпение и выдержку”, вспоминал по этому поводу Алим Хан.⁸⁵

Отвечая пожеланиям эмира Бухары, Аманулла отправил в Бухару инструкторов для подготовки войск и производства боеприпасов и дар:

⁸⁵ Амир Олимхон. *Хотирахои Амир Олимхон. Таърихи хузн ал-миллали Бухоро*. - Техрон: Маркази мутгоълеоти Ирон. С.21.

шесть пушек, два картечных орудия, два горных орудия и две короткоствольные пушки. Это был скорее символический акт поддержки, чем военная помощь.

Вместе с тем, афганский эмир стремился воспользоваться ослаблением русской власти и заявить о своих старых претензиях на территории оазиса Пандждех (Пенде) что в восточной Туркмении (к юго-востоку от города Мерв). Осенью 1919 г. он начал постепенное проникновение в эту провинцию, засылая туда своих чиновников, консулов, всевозможных эмиссаров, военных. К декабрю 1919 г. в Мерве уже находилось 400 солдат афганской армии.⁸⁶

Не следует не учитывать и фактор панисламизма, усилившийся в связи с падением русского царизма. Разумеется, афганцев не могла не беспокоить судьба единоверцев и их территорий, оказавшихся под контролем не-мусульман. Важной причиной сочувственного отношения и помощи единоверцам по ту сторону реки заключалась в общности культа мусульманских святынь. Бухара и Самарканд были святынями для всех мусульман. Значительная часть афганских улемов начала XX века обучалась в (суннитской) Бухаре, так как афганцы, в своей массе были суннитами, враждебными шиитскому Ирану. На территории Средней Азии находилось много мавзолеев (мазаров) и других религиозных культовых памятников, таких как мечеть и мавзолей известного суфия Мавлоно Якуби Чархи (Душанбе), мавзолей Эмира Хамадони (Куляб) и многие другие. Они одинаково почитались на обоих берегах Аму Дарьи. В религиозно-феодальной иерархии «русской» Средней Азии и Афганистана особое место занимали мусульманские эксперты (уламо). Их авторитет был непрекаем как для правителей, так и для рядовых верующих. Центральным мотивом их проповедей была идея независимости и идеал единства всех мусульман. Среди мусульманских лидеров было немало шейхов и ишанов - наследственных руководителей суфийских братств - имевших десятки, а то и тысячи последователей (мюридов) по обеим сторонам границы. Клерикальные иерархи Афганистана обладали особым престижем из-за особой роли, которую они сыграли в англо-афганских войнах. Известно, что во время Третьей англо-афганской войны (1919 г.) правительство и религиозные авторитеты искали и нашли поддержку “в различных странах, где проживали мусульмане”⁸⁷. Вполне понятно, что афганцы проявляли симпатию к своим среднеазиатским собратьям, боровшимся против большевиков. В 1919 г. афганское правительство послало в Туркестан своих эмиссаров – Мири Гузаргоха, хранителя мавзолея Ходжи Абдуллы Ансари, что в Герате и Хазрата Сахиба из Карроха для выражения моральной поддержки басмачам. Ответственными за связь афганской уламо и му-

⁸⁶ Adamec W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain*, 69.

⁸⁷ РГВА, ф.110, оп. 3, д. 920, л. 56.

сультман русской Средней Азии были Мавлави Баракатулла и Мавлави Абдулразак.⁸⁸

Идея объединения разрозненных усилий мусульман, во имя восстановления погрязшего былого величия веры, захватила воображение Амануллы. Амбициозный эмир не был чужд стремления стать следующим после падения Османской империи халифом, объединителем мусульманских государств. Такую роль он отвел себе в новом раунде “Большой игры”. Примерно об этом писала его мать, Улия Хазрат Алим Хану в 1920 г.:

“Наши враги извлекают большую пользу от наших семейных разногласий. Один за другим они свергают мусульманские правительства, и различные мусульманские народы цепенеют, попадая в их железные лапы... Все мусульмане Туркестана, Закаспия, Персии и Афганистана лишены права на свободное развитие. Все они – эти мусульмане - страдают до глубины души из-за свалившихся на них невзгод. А сердца таких, вроде меня, молящихся забившись в угол и скрытых завесой от внешнего мира, готовы разорваться от боли и от осознания неизвестности, ожидающей ислам».⁸⁹

Переходя к союзу с Бухарой, Улия Хазрат писала:

«Свет моих очей Аманулла поставил первым условием дружбы с Россией признание ею независимости братской и единой Бухары».⁹⁰

Другими словами, королева-мать советовала Алим Хану уповать на Аманулла и не ссориться с Советской Россией, которая обещала ее сыну не трогать Бухару.

Вероятность установления тесных взаимоотношений между Кабулом и Бухарой настораживала и Лондон. Англичане опасались, что их основой могла стать исламская солидарность и пан-туранизм. Газета “Таймс” от 12-13 февраля 1919 г. по этому поводу писала, что с точки зрения Великобритании, исламская конфедерация является нежелательной.

“Нет причин предполагать, что Лига (Наций - К. А.) свяжет себя с дискредитировавшим себя культом пан-туранизма. В то же время отмечается сильная симпатия к Турции среди мусульман Средней Азии и Индии. Эти тенденции мусульманских настроений должны быть приняты во внимание делегатами в Париже” (имелась в виду Версальская мирная конференция 1919-1920 годов - К. А.)

К тому времени, турецкий султан, который являлся халифом всех мусульман, ответственным за судьбу мусульманских святынь – Мекки и Медины был повержен Англией и ее союзниками. Османская империя разваливалась на части. Севрский договор (май 1920 г.) окончательно разрушит ее, оставив Турции с ее султаном лишь небольшую часть некогда

⁸⁸ Senzil K. Navid. *Religious Response to Social Change in Afghanistan 1919-1929; King Aman-Allah and the Afghan Ulama*. Costa Mesa California: Mazda Publishers, 1999, 71

⁸⁹ IOR: L/P&S/11/198: P 2718

⁹⁰ Ibid.

обширной державы. Место султана – халифа всех мусульман было «вакантным» и англичан беспокоило, что Аманулла или другой независимый лидер мусульманской страны при помощи единоверцев из других стран, в частности Турции и Индии, станет претендовать на это место.

Если со свергнутым эмиром Бухары Аманулла ничего, кроме риторической «исламской солидарности» не связывало, то басмаческое движение в Фергане определенно вызвало интерес афганского эмира. Наверняка он был в курсе деятельности т. н. «Туркестанского Комитета», известного позже как Туркестанское Национальное Объединение (ТНО) во главе с Мустафой Чокаевым, в феврале 1919 г. обратившегося (из Тифлиса) ко всем западным державам, собравшимся на Версальскую мирную конференцию с призывом оккупировать Туркестан и способствовать созданию там независимого государства.⁹¹ Как Аманулла, так и его военачальников вроде Надир Хана, приобретших весной 1919 г. опыт мобилизации афганских племен в войне против Британской Индии, наверняка интересовал военно-политический потенциал ферганцев, восставших против большевиков.

С целью зондирования возможности создания афгано-туркестанского альянса, в конце 1919 г. афганцы снарядили экспедицию в Советскую Среднюю Азию, точнее в Ферганскую долину. Обстоятельства этого важного эпизода мусульманского сопротивления Советской власти долгое время оставались неизвестными. В начале декабря 1919 г. миссия из 10 человек во главе с полковником афганской армии Мухаммад Акбар Ханом⁹² и неким накшбандийским⁹³ лидером из Тагао (долина Шамали на север от Кабула) добралась до расположения ферганского басмаческого лидера Мадамина Ахмадбекова⁹⁴ в селении Горбаба (Горбуа), неподалеку от Маргилана.⁹⁵ К тому времени – точнее в конце августа 1919 г. – Мадамин заключил союз с т. н. «Крестьянской армией» состоявшей из русских крестьян во главе с Константином Монстровым. К нему присоединились и белогвардейцы, бежавшие из Ташкента. В результате, образо-

⁹¹ *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-Заки Валидова и М. Чокаева 1924-1932 гг.*, Москва, 1999. С. 6.

⁹² Вероятно, это был сардар Мухаммад Акбар Хан, ставший вскоре губернатором (наибульхукума) провинции Катаган-Бадахшан. См. Кушкеки.Указ. соч. <http://kungrad.com/history/download/2006/08/18/24/>

⁹³ Накшбандия - суфийский орден. Основан шейхом Бахауддином (1318-1389), родом из селения Касри Хиндувон, под г. Бухарой. Бахауддин был по профессии ткачом. Он много путешествовал по Ирану и Средней Азии, имел огромное количество учеников в различных слоях общества и в разных частях региона. Похоронен в родном селении. О нем см. Семенов А., «Бухарский шейх Баха-уд-Дин» *Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского*, М., 1914.

⁹⁴ До революции 1917 г. Мадаминбек отбывал срок в сибирской ссылке за уголовное преступление. В 1918 г. был начальником Маргиланской милиции, затем перешел к басмачам, чтобы бороться с властью, «которая снимает с дехканина последний халат». Гинцбург С. Басмачество в Фергане//Новый Восток, № 10-11, 1925. С.186

⁹⁵ IOR: L/P&S/11/182.

валась пестрая по своему составу 20-тысячная армия. Этот басмаческо-белогвардейский союз образовал т. н. “Временное правительство Ферганы” в приграничном Китае Иркештаме в октябре 1919 г. Возглавил “правительство” Мадамин. Он же командовал объединенными вооруженными силами. При помощи Успенского - бывшего царского консула в Кашгаре, а также при тайной поддержке английского консула в Кашгаре Эссертонна, “правительство” пыталось осуществлять контроль над басмаческими лидерами, ликвидировать трения между ними и разработать общий план для борьбы против Советской власти.

Как предполагали большевики, миссия Мухаммад Акбар Хана заключалась в стремлении выяснить “примут ли ферганцы помощь в их борьбе против большевизма от афганцев, или же они предпочтут сотрудничать с англичанами, которые являются врагами мусульман всего мира”.⁹⁶ В первую очередь прибывшие афганцы примирили Мадамина с другими курбаши, не желавшим признавать власти Мадамина. По информации англичан, (которые внедрили в состав делегации своего агента) афганцы обещали Монстрову, в случае согласия с поставленными условиями, 5 000 винтовок, которые, якобы, находились на пути из афганского города Рустак (сам Монстров упоминал 500 винтовок). Мухаммад Акбар Хан, якобы, обещал также послать несколько тысяч солдат (называлась цифра 10 000) для борьбы против большевиков в Фергане. В ответ, по мнению советской разведки, Мадамин должен был представить афганцам письменную просьбу “взять Туркестан под свое покровительство”.⁹⁷ В свою очередь, кабульская делегация от имени правителя Афганистана обещала предоставить Мадамину право «контролировать Туркестан». Оказавшись у власти, Мадамин должен был провести реформы в управлении, образовании и других отраслях, руководствуясь инструкциями, полученными из Афганистана.⁹⁸

Итак, предложение столь желанной помощи из-за границы было получено. Однако оно выглядело явно двусмысленным. Для басмаческо-белогвардейского правительства сотрудничество с афганцами было чревато непредвиденными последствиями, так как предложение исходило от режима, лояльного революционной Москве и только что закончившего войну с Англией. Вдобавок, само предложение было выражено не совсем внятно. Мадамин, Монстров и другие ферганские лидеры (киргиз Халходжа, сарты Шермат и Сами Максум) собрались на совещание, которое завершилось компромиссом. Было решено просить оружие, но воздержаться от немедленного обращения за “покровительством”, ссылаясь на необходимость получения предварительного одобрения “Временного правительства”. Вполне очевидно, что такая уклончивая резолюция была

⁹⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д. 922, л. 33.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

принята под нажимом белогвардейцев, опасавшихся нарастания национализма и панисламизма. Кроме того, Шермат (Куршермат) был явным англофилом, и басмаче-белогвардейцы понимали, что перспектива афгано-туркестанского сближения, основанная на исламском единстве, не устраивает англичан.

В конце 1919 г. “правительство” Мадамина – этот квази-государственный орган, созданный басмачами совместно с белыми офицерами и русскими крестьянами - устраивало как Англию, так и белогвардейцев, постольку поскольку оно сдерживало большевиков и сторонилось панисламизма.

В то же время англичане (вернее английский консул в Кашгаре) не торопились с оказанием прямой помощи своим фаворитам (Иргашу, Шермату, Хал Ходже и Мадамину). Так, 20 февраля 1919 г. Иргаш обратился к консулу в Кашагаре Эссертону за поддержкой. Просьба ферганцев об оказании им помощи дошла до Лондона 18 марта. Ответ был составлен заместителем Государственного секретаря Правительства Индии Джоном Шакбуром и передан военному министру для дополнений. Шакбург писал:

«то что касается нашей генеральной (подчеркнуто Шакбуром –К.А.) политики по отношению к большевикам, я все еще нахожусь в неведении. Следует ли считать их врагами, или людьми с которыми, в конце-концов можно жить в относительном мире? Каким бы не был ответ на этот вопрос, сам факт вывода наших сил из Закаспия (имеется ввиду миссия В. Малессона-К.А.) свидетельствует о уменьшении нашего влияния в Туркестане. В такой ситуации следует не давать обещаний, которые мы не сможем выполнить».⁹⁹

В самом деле, чиновники правительства Индии не имели четких указаний, как именно следует вести себя в отношении большевиков Средней Азии. Премьер-министр Ллойд Джордж и Госсекретарь (министр иностранных дел) лорд Керзон¹⁰⁰ несколько расходились во взглядах на политику в отношении Советской власти. Ллойд Джордж был более сдержанным; в начале 1920 г. призывал придерживаться политики «искусного бездействия» (*masterly inactivity*) в отношении Советской России. Англичане не были готовы к миру, но и не считали необходимым прибегать к масштабной интервенции, чтобы покончить с большевизмом. Оставался вариант «попытаться привести Россию в нормальное состояние через торговлю».¹⁰¹

⁹⁹ Daniel C. Waugh «Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game” *Bactrian Press* Seattle 2007 <http://faculty.washington.edu/dwaugh/ethertonatkashgar2007.pdf>

¹⁰⁰ Джордж Керзон (1859–1925), британский государственный деятель. В 1888 г. путешествовал по Средней Азии (Мерв, Самарканд, Бухара, Ташкент). В 1891 и 1892 гг. – заместитель министра по делам Индии. Вице-король Индии с 1898-1905 гг. С 1919 до 1924 гг. – министр иностранных дел. Был активным сторонником интервенции Антанты во время гражданской войны в России.

¹⁰¹ Daniel C. Waugh «Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game”.

Сам Эссертон, по возвращении в Лондон, на одном из своих выступлений в Среднеазиатском Обществе в 1923 г., признавался что не следует преувеличивать большевистскую угрозу Индии, равно как и успехи британских властей по завоеванию симпатий народов Средней Азии. Он говорил: «Не следует считать, что наши старания (по освобождению Востока) достигли больших успехов, так как сами народы Средней Азии не высказали особенного желанья быть освобожденными именно тем путем, который мы им подсказывали. По этой причине наши пропагандистские усилия не приносили результата. Они были подобны воде, пролитой на песок».¹⁰²

Англичан беспокоило не столько то, как большевики вели себя в Средней Азии, сколько то, что они могли оттуда напасть на Индию. Однако и тут опасность была явно преувеличенной. По мнению Эссертона, большевики тратили так много усилий чтобы удержать свою власть в Туркестане, что им было не до Индии. От себя добавим что это были басмачи, кто удерживал большевиков от похода на Индию.

Британские чиновники в Индии поддерживали некоторых басмаческих лидеров больше как своих информаторов, оказывая им взамен главным образом, моральную помощь. Разумеется, это не совсем устраивало басмаческо-белогвардейский союз, который остро нуждался в материальной помощи, в первую очередь оружием. В этих условиях ферганцы не могли оставить без внимания прямое предложение, поступившее от афганцев. Надо сказать, что для большевиков также не было секретом пребывание афганских делегатов «говоривших по-таджикски» в Фергане. В конце-концов ферганцы решили отправить делегацию в Кабул просить оружие. Делегаты были инструктированы разузнать как можно больше об условиях, предъявляемых афганцами в обмен на помощь. Миссию возглавил Мулла Ахун Карим Бабаев из Шафиркана, Мулла Хашимджан Касымбаев из Маргилана, Ташмат (брат Шермата) и Амин Каракалпак, представитель курбаши Иргаша. В миссию были включены два русских представителя - граф Мисостов и инженер В. В. Титц¹⁰³, но граф, опасаясь непредвиденных последствий такого предприятия, сославшись на болезнь, от поездки в Кабул воздержался. Через два дня он бежал в Ош, в то время как миссия, в количестве 60 человек, включая 20 ферганских юношей, отобранных для учебы в кабульской военной школе, готовилась к отправке.

Ферганцы отбыли 28 декабря 1919 г. Переправившись через заснеженные перевалы в Афганистан, ни в Рустаке, ни в Ханабаде они не обнаружили обещанного оружия. Правитель Рустака только развел руками и сказал, что ни о каком оружии для туркестанцев он не слышал. Он направил их в афганскую столицу.¹⁰⁴ Десятого февраля наступившего тем вре-

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ РГВА, ф.110, оп.3, д. 922, л. 33.

¹⁰⁴ IOR: L/P&S/11/182.

менем 1920 года, делегация прибыла в Кабул, где несколькими днями позже была принята Махмудом Тарзи и генералом Махмудом Сами.¹⁰⁵ А 18 февраля их принял сам эмир Аманулла. На аудиенции присутствовал знатный эмигрант, сын министра последнего правительства Кокандского ханства по имени Махмудхан Тура. Во время беседы, эмир Афганистана несколько раз подходил к карте, задавал вопросы о том, как идут военные операции в Фергане и . . . этим ограничился, передав вопрос на рассмотрение своему министру Махмуду Тарзи. Однако, несколькими днями позже, последний отбывает на важные переговоры с англичанами в Индию, оставив вопрос открытым. Ферганцам было предложено погостить месяц в Кабуле. Хотя Титц не был приглашен на аудиенцию к эмиру, он был хорошо информирован о событиях, имевших место во дворце. Через несколько месяцев он бежит, чтобы предстать перед англичанами в приграничном Пешаваре с подробным отчетом о деятельности миссии.¹⁰⁶

Вполне очевидно, что афганцы раздумывали и не торопились принимать решений по «туркестанскому вопросу», пока не определятся более важные проблемы отношений с Англией и Россией. Дело в том, что пуштунские племена на индийской стороне рассматривали равалпиндский мирный договор 1919 г. как временное прекращение огня и были готовы возобновить военные действия если Англия не согласится на их требования. В тот момент, когда ферганцы гостили в Кабуле, афганцы стояли перед выбором: продолжать ли противостояние с Англией, заручившись предварительно поддержкой Советской России, или восстановить отношения с англичанами на более выгодных (чем равалпиндские) условиях? В начале апреля афганский министр иностранных дел Махмуд Тарзи принял приглашение английской стороны посетить Майсур (Индия). Он оставил ферганскую миссию томиться в ожидании, чтобы обсудить более важные и неотложные проблемы взаимоотношений с Британской Индией. Обсуждение и консультации афганцев и англичан длились с апреля 1920 г. до конца 1921 г. В ходе их стало ясно, что попытка большевиков завладеть «афганским корридорм» для подрывной работы среди приграничных племен Британской Индии сорвалась.

Тем временем, события в Фергане развивались своим ходом и не в пользу туркестанцев. Основные силы белогвардейцев были разбиты и большевистский контроль над железной дорогой Оренбург-Ташкент восстановлен. Большевики вернули себе Красноводск и установили Советскую власть в Хивинском ханстве. В мае 1920 г. они остановили ползучую аннексию афганцев в туркменском Пандждехе и восстановили дореволюционную гра-

¹⁰⁵ Махмуд Сами – турецкий офицер, преподаватель военного училища «Харбия», военный воспитатель эмирской семьи, личный друг Амануллы. Командовал кабульским военным гарнизоном. Служил военным консультантом в правительстве Хабибуллы-Бачаи Сако в 1929 г. Казнен Надир Шахом по обвинению в государственной измене в 1930 г. - Файз Мухаммад. *Книга упоминаний о мятеже*. М.: Наука, 1988. С.258.

¹⁰⁶ IOR: L/P&S/11/182.

ницу с Афганистаном. По личному распоряжению Ленина, в январе 1920 г. Отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада под командованием Юсуфа Ибрагимова была переведена из Поволжья в Туркестан. Бойцы бригады сочетали лояльность к русским и преданность большевизму со знанием местных (тюркских) языков и основ ислама. Татары должны были служить примером для упрямых ферганцев. Кроме того, в состав Красной Армии вошла вновь созданная кавалерийская бригада, состоящая из бывших военнопленных I мировой войны (главным образом австрийцев и чехов), находившихся в Туркестане. Таким образом, база большевиков в Средней Азии укрепилась. Руководили военными, политическими и пропагандистскими делами опытные большевики Куйбышев и Фрунзе. Сочетая идеологическую работу с военными операциями и карательными мерами, красные отряды нанесли поражение двум главным курбаши - Иргашу и Шермату. В марте 1920 г. Мадамин был вынужден пойти на мир. Позже из его отрядов были созданы полки, влившиеся во 2 Туркестанскую стрелковую дивизию Красной Армии. Монстров со своими белогвардейцами сдался еще раньше – в январе. Приказу Мадаминбека сдаться не подчинился только Шермат - самый непримиримый из ферганских курбаши.

14 мая 1920 г. командование Красной Армии попыталось склонить Шермата сдаться. С этой целью оно отправило Мадамина и его советника - комиссара Сергея Сухова к басмачам на переговоры. Однако Шермат в назначенное место не прибыл. Вместо себя он отправил своих джигитов, наказав им поступить с делегатами «так, как они посчитают нужным». 14 мая джигиты Куршермата схватили и обезглавили Мадамина и Сухова в урочище Тамаша.¹⁰⁷ После этого инцидента, красный террор против басмачей и поддерживавшего их населения усилился, а в августе 1920 г. в Ферганской области была введена военная диктатура.

Убийство Мадамина означало важный поворот в развитии контрреволюционного движения в Средней Азии. Итогом резни в Тамаша стала победа собственно басмачества как фундаменталистского, антирусского движения над идеей широкого многонационального антибольшевистского фронта. Это был крах колчаковского идеала – объединения белого дела с антибольшевистским движением национальных окраин России. На первых порах, действительно, русские энергично пытались внедриться в мусульманское движение сопротивления. Как отмечалось в секретном докладе Туркфронта “присутствие в басмаческих отрядах русских, дерущихся до победного конца, людей, которым терять нечего, придает басмаче-

¹⁰⁷ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. *Басмачество: возникновение, сущность, крах*. Москва: Наука, 1981. С.69. По другим сведениям, Куршермат, согласившись пойти на сдачу, вероломно захватил отряд Мадаминбека, а самого его отдал на расправу Хал Ходже (киргизскому курбаши), который и перерезал горло Мадаминбеку. И наконец, существует версия, что Куршермат заманил обманом Мадамина и Сухова с 26 бойцами в кишлак Вуадиль, где в бою расправился со всем отрядом. См.: Польшковский М. *Конец Мадамин-бека*. Ташкент: Издательство Гафура Гуляма, 1984. СС. 170-172.

ству силу”.¹⁰⁸ В рядах басмачества оказались белогвардейцы, бежавшие после неудачного антисоветского мятежа в Ташкенте в январе-феврале 1919 г. Мадаминбек, который был признан всеми курбаши Ферганы как «лашкарбаши» (главнокомандующий), был удостоен Колчаком звания полковника. Однако объединить белогвардейцев и басмачей оказалось делом невозможным. В первую очередь, этого старались не допустить большевики, которые делали все возможное, чтобы вырвать белогвардейцев из-под мусульманского влияния. Не следует упускать из виду и националистический момент, а именно то, что мусульмане, помня о русской колонизации и притеснениях, никак не были склонны видеть в вооруженном русском своего защитника. Поэтому они не поддержали усилия Мадамина объединиться с сибирско-уральской (колчаковской) контрреволюцией.

В результате, союз белогвардейцев и басмачей оказался недолгим и непрочным. Он был разрушен большевиками и муллами. В своем докладе ташкентским комиссарам в марте 1920 г. Монстров писал:

“Если Фергане суждено в ближайшем будущем еще раз перенести потрясения - то это может быть только следствием фанатизма и слепого панисламизма - но уже русских в рядах повстанцев не будет”.¹⁰⁹

Известие о страшной смерти Мадамина дошло до Кабула. Ему предшествовал не менее удивительный слух о том, что Мадамин, глава “Временного правительства Ферганы” - чьи делегаты вели переговоры в Кабуле - сдался большевикам. Никто иной, как сам эмир Аманулла сообщил делегатам о гибели Мадамина и той неблагоприятной роли, которую сыграл в ней Шермат. Члены делегации, включая Ташмата, брата Шермата отказались верить этим слухам (или делали вид, что не верят), убеждая окружающих и самих себя, что афганцы просто хотят дискредитировать туркестанцев. В их стане начались разногласия. В результате, делегация раскололась. Сторонники Мадамина решили вернуться в Фергану. Шестого июля они обратились к Полпреду Советской России Я. З. Сурицу (занявшему в конце декабря 1919 г. место Н. И. Бравина). Искушенный в “восточной” политике Суриц, который в это время настойчиво склонял афганцев к войне против Англии, еще более запутал картину, утверждая, что Мадамин жив и обещает помощь своим делегатам. Целью его «хитроумных» маневров было помешать сближению афганцев и ферганцев. Одновременно, российский посол “развенчивал” Амануллу, утверждая, что тот ведет двойную игру, обещая с одной стороны помощь мусульманам Средней Азии, а с другой - продолжая дружить с Лениным. Тем не менее, его аргументы были приняты не всеми делегатами. Радикально настроенные сторонники Шермата, проявив здоровый скептицизм, не поверили Якову Сурицу и предпочли обратиться к афганцам за помощью для оправки в “Ташкент или Индию”.¹¹⁰

¹⁰⁸ РГВА, ф. 1075, оп.3, д.3, л.л, 18-19.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ IOR: L/P&S/11/182.

Неизвестно, как далее сложились судьбы тех, кто зимой 1919-1920 гг. отправился из Ферганы через горные перевалы в Кабул, надеясь получить там признание и поддержку. Вероятно, часть из них, различными путями вернулась на родину, в то время как другие остались в изгнании. Скорее всего «шерматовцы» всем составом предпочли не возвращаться в Советскую Россию. Как указывалось выше Шермат, или как его называли англичане – Шер Мухаммад Бек, находился в центре внимания английских спецслужб. Вокруг него была создана целая агентурная сеть, чтобы держать англичан в курсе происходящего.¹¹¹

Что касается миссии ферганцев в Кабул, то следует признать, что она закончилась ничем. Попытка афганцев разыграть панисламистскую карту, поддержав ферганцев в их освободительной борьбе и сыграть, таким образом, свою, отдельную роль в событиях Средней Азии, обернулась неудачей. Аманулла опять столкнулся с неизбежным выбором между прагматическим интересом строительства афганского национального государства и возвышенной идеей «исламской солидарности». Решив не портить отношения с могущественным соседом, разбившим фактически на его глазах крупную басмаческо-белогвардейскую группировку, он проигнорировал просьбу ферганцев о помощи.

Москва, тем временем, справилась с временной слабостью и постепенно, к весне 1920 г., укрепила свои позиции. Тогда большевиками был возвращен Красноводск. В самом начале сентября 1920 г. пала Бухара и в том же месяце представители Афганистана и Советской России подписали в Кабуле договор, который был ратифицирован РСФСР в феврале 1921 г. Афганистан также ратифицировал его, несмотря на возражения Англии, требовавшей признать доминирующее политическое влияние Великобритании в Афганистане. Наконец, в ноябре 1921 г. пришла очередь Англии признать правительство Амануллы. В Кабуле был подписан англо-афганский договор, подтвердивший независимость Афганистана.¹¹²

Политика Амануллы, направленная на сближение с Россией, встретила скрытое недовольство английской стороны и сопротивление со стороны консервативных афганских феодалов и духовенства. Впрочем, Аманулла Хан не собирался плестись в фарватере российской политики. Менее чем через год он испытает еще один соблазн сыграть в среднеазиатской политике самостоятельно, без оглядки на Англию и Россию.

¹¹¹ Весной 1923 г. (по другим сведениям 26 ноября 1922 г.) Шермат, потерявший все надежды на получение иностранной помощи, вместе с братом Нурматом бежит в Афганистан и поселяется в Ханабаде.

¹¹² Впрочем, американский исследователь Людвиг Ададек настаивал, что доминирующей идеей афганцев было не противостояние с Англией, и не дружба с Россией. Он считал, что главным стремлением Амануллы было создание «среднеазиатского союза мусульманских государств под гегемонией Кабула». Adamec W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain*, 68.

Глава III: ВОЙНА

«Форпост восстаний и революционных войн Востока»

Свержение царизма, захват большевиками политической власти в октябре 1917 г. раз и навсегда прекратили споры о “созревших” и незревших” для социализма обществ. Отныне, большевики во главе с Лениным и Троцким мыслили революцию как непрерывный, “перманентный” процесс в виде канонады из внешних и внутренних войн как внутри России, так и за ее пределами. Образованный осенью 1919 г. представительный орган Российской коммунистической партии (большевиков) в Средней Азии - Туркомиссия, на одном из своих первых заседаний, проходивших еще в Москве, приняла документ, призванный определить политику Советского государства на Востоке. Приведем часть того документа:

1. “Во главу дела политики в Туркестане и в сопредельных с ним государствах должны быть поставлены две задачи. Первая - содействие развязыванию революционных движений в государствах Азии, сопредельных с Туркестаном. Вторая - экономическое использование Туркестана.
2. Революционные войны Индии, Персии и т. п., помимо непосредственного своего значения (стягивания с фронтов сил Антанты, политического затруднения для нее и т. п.), занимают в ходе развития мировой революции необходимое звено . . . Туркестан ввиду этого должен быть превращен в форпост восстаний и революционных войн стран Востока”.¹

Первые два года Советской власти Москва не уделяла достаточного внимания Средней Азии, предоставив красному Ташкенту право самому вести внутреннюю и внешнюю политику в регионе. Ташкентские комиссары предпринимали всевозможные меры для сохранения российского влияния и «революционизирования» ближайших окрестностей Средней Азии. Еще летом 1918 г., когда Туркестан был оторван от центральной России, СНК Туркеспублики принял решение удержать за собой пограничный Памирский район “ввиду его особого стратегического и политического значения” и сформировал Памирский военно-политический отряд из 300 человек. При этом русские не скрывали того, что “встречные интересы наши и англичан рано или поздно должны привести к столкновению в Азии”. Настаивая на усилении русского присутствия в Средней Азии, большевики заявляли: “Угроза вторжения в Индию и произвести там переворот - это наш естественный отпор Англии в ответ на посягательства на

¹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.32, л.л.157-158.

наши интересы в Туркеспублике”.² Закрепление этой горной страны, по мнению большевиков, необходимо было и потому, что “русско-подданные жители Памира состоят в родственных отношениях с подданными Афганистана, Бухары, Китая и даже Индии. Родственные связи их имеют большое значение для нас и дадут благоприятные выходы”.³

Как указывалось, еще в конце XIX века англичане пытались укрепиться в соседней Памиру южной Кашгарии, тем более что четкой разграничительной линии между Россией и Англией здесь не существовало. К Кашгарии примыкали русские пограничные посты: Памирский, Кызыл-Рабатский, Ранг-Кульский (на Восточном Памире), Ташкурганский (который позже отошел к Китаю). На Западном Памире российские посты стояли в Хороге, Калаи Вомаре, Ишкашима и Лангаре. Всего, в начале XX века на них находились примерно 200 русских солдат. Англичане также усилили свои посты на китайской стороне, доведя их численность до 400 человек. Кроме того, в кашгарский кавалерийский отряд английского консула была прислана артиллерия.⁴

Революция и гражданская война в России создали угрозу русскому господству на Памире. В ноябре 1918 г. белые офицеры вместе с начальником Хорогского отряда полковником Фениным, захватив пулемет, а также легкое огнестрельное оружие, бежали через «ваханский коридор» (узкая полоса афганской территории, разделяющая «русский» Памир от Индии) в английские пределы. На границе они были задержаны. Им было предложено сдать оружие, на что они согласились, после чего были пропущены за границу.⁵ Их было около 40 царских офицеров, основавших тогда, в конце 1918 г., первую русскую колонию в Читрале.⁶ В сентябре 1919 г. весь новый состав русских пограничников на Памире, кроме большевиков Вичича и Воловика также, не выдержав тяжелых испытаний и неизвестности, перешел индийскую границу. После поражения басмаческо-белогвардейского восстания в Фергане, в марте 1920 г. другая группа русских пограничников, распродав имущество, бежала за границу через Ош и Мургаб. Одна группа во главе с Вельгорским ушла в Кашгар. Другая, более многочисленная, в которую входили военнопленные чехи, возглавлялась начальником Хорогского отряда полковником Ф. Тимофеевым. 16 мая 1920 г. эта группа решила перебраться в Индию. В Вахане им пришлось столкнуться с сопротивлением афганских пограничников. В результате, отряд распался. Пять человек осталось в Афганистане, остальные, во главе с Тимофеевым прибыли в Читрал, откуда затем отправились в Бомбей.⁷

² РГВА, ф.110, оп. 3, д.1315, л.2.

³ РГВА, ф.110, оп. 3, д.1315, л. 3.

⁴ РГВА, ф.110, оп. 3, д.1315, л. 2.

⁵ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.24, л.121.

⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д.932, л.61.

⁷ РГВА, ф.110. оп.1, д. 96, л.57.

Ситуация на юго-восточных российских рубежах требовала неотложного вмешательства центра. В августе 1919 г. народный комиссар по военным делам Л.Д. Троцкий впервые всерьез призвал большевистскую верхушку обратить внимание на Восток. Непосредственным поводом для этого явились успехи Красной Армии на Восточном фронте, когда после разгрома белых армий Колчака в Сибири и на Урале, революционные войска вступили вглубь степных районов русского Туркестана, подойдя вплотную к владениям Англии. Эту открывшуюся благоприятную революционную перспективу на юго-восточных рубежах России и отметил Троцкий: “Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Пенджаба и Бенгалии”.⁸

Для достижения своих целей, ташкентские комиссары готовились развязать войну в Афганистане и Индии. В январе 1920 г. Отдел внешних сношений Туркомиссии, пытавшийся взять на себя всю внешнюю политику Советской власти в регионе, представил план войны с Англией на “индийском театре военных действий”. Предполагалось наступление по трем направлениям: Пешаварскому (главное), Читральскому и Гильгитскому (вспомогательное). Последние два проходили по Памиру. Председатель комиссии, разработавшей план, докладывал:

“Полагаю, что работа (подготовка к войне-К.А.) должна совершенно секретно проводиться, независимо от военно-политической конъюнктуры, ибо эта работа рассчитывается в предположении, что революция продолжается, и что Восток будет нуждаться в нашем вооруженном содействии”.⁹

Однако, в июне 1920 г., когда стали очевидны неудачные итоги революционных преобразований на Востоке, в частности, в Азербайджане, где Советская республика, как выяснилось, оказалась “неспособной стоять на собственных ногах, несмотря на нефтяную промышленность и старую связь с Россией”, Троцкий предостерегает: “Советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе” и предлагает “столкнуться с Англией относительно Востока”.¹⁰

В ответ на последнюю фразу о сдерживании революционного наступления и предложение не обострять англо-русское противостояние, Ленин высказал возражение и поставил следующую помету:

“Красин это делает, но это безнадежно, Красин самый “добрый”, добрее нет. 1) Переговоры Л-д Дж-а с Красиным¹¹ показали с полной

⁸ *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1928.* М.:Терра - Terra, 1990. Т.1. С.183.

⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.18, л.1.

¹⁰ *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1928.* С.208.

¹¹ Имеются в виду переговоры полномочного представителя России в Лондоне Л. Б. Красина с премьер-министром Великобритании Л. Джорджем, завершившиеся в марте 1921 г. подписанием англо-советского торгового договора.

яностью, что Англия помогает и будет помогать полякам и Врангелю. Есть безусловно единство линии (написано рукой товарища Ленина).”¹²

Интересно, что в приведенной полемике двух первых фигур советской политики, Ленин оказывается “левее” самого Троцкого. Впрочем, автор теории “перманентной революции” не предлагал, конечно, отказаться от революционных войн на Востоке вообще. Речь шла об их временной задержке. Неизвестно, продолжал ли Троцкий настаивать на отсрочке наступления на Среднюю Азию. Как бы то ни было, его предупреждение не было принято во внимание.

Итак, на повестку дня стала задача “революционизации” бывших российских колоний - Хивинского ханства и Бухарского эмирата, стоявших на подступах к Афганистану и Индии.

Революция в песках

Драматически развивались революционные события в Хорезме (Хивинском ханстве). Это государство, населенное главным образом туркменскими племенами и оседлыми узбеками, подобно Бухаре, являлось вассалом России. Часть края, а именно, правобережная полоса низовьев Амударьи, была присоединена к Туркестанскому краю под названием Амударьинского отдела. Еще с конца XIX века постоянные карательные экспедиции русского самодержавия против туркмен заставили их вооружиться и поддерживать воинственный дух. Одним из популярнейших предводителей борьбы против узбекских ханов и войск русского царя в Хивинском ханстве стал вождь туркменского племени иомуд Джунайд Курбан Мамед, известный более как Джунайд Хан. В 1915-1916 гг. он совершил несколько набегов на Хиву, но потерпел поражение и откочевал в Иран.

Царская администрация стремилась сохранить и укрепить свое господство в Хорезме, играя на противоречиях между туркменскими племенами и оседлыми узбеками. Последние создавали города-базары на границе с песками и постепенно наступали на интересы туркмен. Кроме того, туркмены ущемлялись при распределении воды. Активный узбекский национализм вызвал адекватное анти-узбекское движение туркменских племен, а вслед за ним стал намечаться прогресс национально-племенного объединения туркменских родов.¹³ Таким образом, борьба Джунайд Хана, его судьба отразили процесс постепенного племенного объединения и складывания туркменской национальной идентичности.

Желая всегда быть необходимым для хивинских ханов (узбеков), царизм не позволял узбекскому правительству создавать собственную узбекскую армию. Это позволяло России выдавать себя за защитников уз-

¹² *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1928.* С.183. Подчеркнуто самим Лениным.

¹³ РГАСПИ, ф.17, оп.67, д. 222, л.11.

беков от воинственных туркмен. Кроме того, царские власти разжигали вражду между самими племенными туркменскими группировками.

Под влиянием бухарского просветительства, в 1905-1907 гг. в ханской Хиве возникло движение младохивинцев. По своему национальному составу младохивинцы были в подавляющем большинстве узбеками, а по социальному – представителями купечества. После Февральской революции, когда Хива из протектората превратилась в независимое государство, 5 апреля 1917 г. младохивинцы заставили хана Хивы –последнего властелина из узбекской династии конграт, правившей Хивой с 1770 г., издать манифест о реформах. Согласно этому документу, в Хиве вводилось нечто вроде конституционной монархии с маджлисом (парламентом). Однако хивинский хан Саид Исфандияр Бахадур не собирался уступать власть. В июне 1917 г. при помощи Временного правительства был осуществлен заговор. Часть младохивинцев подверглась аресту, часть - казни. Октябрьский большевистский переворот в России имел своим результатом то, что в ноябре был распущен Маджлис и хан Исфандияр вновь стал неограниченным правителем Хивы.

Тем временем, в январе 1918 г. 1600 вооруженных всадников вернувшегося из Ирана Джунайда вошли в Хиву. Хан Исфандияр полностью подчинился Джунайду, ставшему диктатором. При этом Джунайд пользовался поддержкой казачьих отрядов И. М. Зайцева. Вскоре, русские войска из-за начавшихся революционных волнений покинули пределы Хивы. В результате, туркмены и узбеки были поставлены друг против друга. Естественно, старая вражда не замедлила сказаться. Исфандияр был убит Джунайд Ханом. По традиции хан Хивы должен быть узбеком (который представлялся потомком Тимура), поэтому Джунайд посадил ханом дядю убитого, безвольного Саида Абдуллу, который являлся лишь формальным правителем. Следом, начался грабёж и избиение узбеков. Младохивинцам пришлось покинуть Хиву и укрыться в русском Ташкенте. В этом городе был создан Центральный революционный комитет младохивинцев, в который вошли П. Хаджи Юсупов (председатель), Б. Якубов, А. Сапаев и др. В ноябре 1918 г. Джунайд напал на русский Амударьинский отдел. Как писал член Революционного Совета Туркестанского фронта в Хиве Скалов,

“разгром Амударьинского отдела, будучи мстью за русские карательные операции был особенно ужасен, хотя туркмены отыгрывались не на русских, так как Петро-Александровска (центра Амударьинского отдела. Сейчас этот город известен как Турткуль-К.А.) им не удалось взять, а на узбеках, киргизах, каракалпаках, которые поголовно избивались”.¹⁴

Возникшей национальной враждой воспользовались большевики. Их представитель в Хиве телеграфировал, что племенная война достигла

¹⁴ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.13, л.91.

такой степени, что “достаточно русскому отряду войти в Хиву и население поголовно восстанет против туркмен”.¹⁵ Помимо стравливания туркменов и узбеков, ташкентские комиссары разжигали вражду между Джунайдом и другим иомудским вождем Шамикелем Бахши Гулям Али. Наконец, они договорились с Комитетом партии младохивинцев о “революции” в Хиве, которая должна была начаться “после ликвидации Джунайда”.¹⁶ В октябре 1919 г. по совету ташкентских комиссаров младохивинцы решают руками воинственных туркмен очистить себе путь к власти. Они заключают союз с Шамикелем Гулям Али и Кош Мамедом (Гоч Мамедом) - вождями иомудских родов, находившимися в кровной вражде с Джунайдом. Затем младохивинцы и союзные им туркмены отправили делегацию в Ташкент, просить военную помощь. В свою очередь, Джунайд заключил союз с белогвардейцами. Противостояние достигает предела, когда в конце декабря 1919 г. советские войска под командованием Скалова переправляются на левый берег Амударьи. Их целью была «помощь восставшему народу Хивы». Вместе с присоединившимися к красным войскам туркменами-иомудами Кош Мамеда и др., Красная Армия 1 февраля 1920 г. подошла к Хиве. Потерпевший поражение Джунайд отступил в пески. В Хиве, тем временем, узбеки-младохивинцы совершили переворот. В результате хан Саид Абдулла объявил об отречении от престола и о передаче власти учредительному Маджлису и революционному комитету (ревкому) во главе с узбеком Султан Мурадовым. Состоявшийся 26 апреля 1920 г. в г. Хиве курултай народных представителей провозгласил создание Хорезмской Народной Советской Республики. Правительство ХНСР возглавил лидер младохивинцев, местный богач Палван Нияз Юсупов (узбек). Накануне этого события младохивинцы объявили свою партию распущенной и вошли в «свежеиспеченную» Хорезмскую компартию. 13 сентября ХНСР заключила союзный договор с РСФСР. Во всех этих событиях “красные туркмены” Кош Мамеда значительного участия не принимали.

Хивинская военная экспедиция, была названа большевиками народной революцией. Куйбышев, например, считал ее “первым звеном в цепи революций и восстаний на Востоке, которые неизбежно приведут все страны Востока, ныне угнетенные и поработанные английским империализмом, к полному национальному раскрепощению и освобождению”.¹⁷ Хотя, другие большевистские лидеры, Бройдо, например, называли ее “бутафорской революцией”, а младохивинцев “политическим и рахитичным младенцем”.¹⁸

¹⁵ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.29, л.84.

¹⁶ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.15, л.1.

¹⁷ См.: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Указ. соч. С.82.

¹⁸ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л. 67.

Красный поход на Хиву, по признанию самих большевиков, сопровождался неслыханными даже для царского времени жестокостями и вандализмом.¹⁹ Член Туркомиссии Бройдо считал, что красные войска полностью повторили действия царского правительства во время покорения Хорезма. В своем докладе Бройдо писал: “надо почитать доклады царских мародеров Галкина и других истребителей туркмен, чтобы убедиться, что даже поводы к началу военных действий сейчас были те же, что и прежде: слухи о готовящемся нападении на Петро-Александровск, защита мирного узбекского населения и т. д.”²⁰

Целесообразность хивинского похода открыто оспаривалась в большевистском руководстве, так как желаемого эффекта по привлечению на свою сторону туркмен, Советская власть не достигла.

“Такого ужаса, какой нами здесь обнаружен, нигде не приходилось видеть. Открытый вооруженный грабеж, во главе коего в качестве организатора стоит штаб командующего, открыто распределяющий награбленное с оставлением себе половинной доли. Увод жен, содержание их как пленниц-рабынь, продажа с аукционного торга на базарной площади Петро-Александровска и Хивы, разгром хивинских дворцов, расстрел красногвардейцами первого встречного как предпосылка отбирания имущества...”

писал председатель революционного трибунала Фонштейн в апреле 1920 г.²¹

Джунайд Хан и его сторонники были изгнаны в пески на юг Хивы. Вместе с ним, в пески откочевали почти полностью род орус куши (орсукчи) и половина рода ушак племени иомуд. У Джунайда было 1000 человек, в том числе 300 всадников. При нем было также 20 тысяч баранов и 3 тысячи верблюдов. Красное командование - Измайлов, Бройдо (Скалов был отозван из Хивы за допущенные жестокости во время “революции”) готовили экспедицию против Джунайда. В то же время, по их собственным словам, “иомудам Кош Магомед Хану, Хану Гуляму Али был сделан намек, что за голову Джунайда можно дать 1 миллион”.²² Однако ликвидировать - своими силами, или чужими руками - популярного и сильного Джунайда было невозможно. Поэтому советское командование избрало тактику сочетания переговоров, военных действий и пропаганды. Так, в апреле 1920 г. командование 1-й Армии (командиры Н. А. Паскуцкий и Баранов) подписали договор с представителями Джунайда. В нем Советская власть призвала Джунайда и его людей вернуться в Хиву. В договоре, в частности говорилось:

¹⁹ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л. 99.

²⁰ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л.67.

²¹ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л.36.

²² РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л.59.

1. “Советская власть примет все меры к восстановлению разоренных киргизами, каракалпаками, узбеками, иомудами и советскими войсками хозяйств бежавших из Хивы туркмен иомуд, а также оставшихся в Хиве и подвергшихся разорению после вступления Советских войск в столицу Хивинского ханства - Хиву.
2. Советская власть принудит узбеков, каракалпаков, киргизов и туркмен-иомудов возвратить жен, детей, а также и имущество, похищенное у туркмен-иомудов, сторонников Джунайда, бежавших в пески или оставшихся в Хиве.
3. Советская власть разоружит или выведет из пределов Хивы иомуд, враждебных Джунайду и перешедших на красноармейскую службу в Советские войска”.

В ответ Джунайд обещал выдать Советской власти “укрывающихся в пределах Хивы русскоподанных-противников Советской власти”.²³

Подобная безоговорочная поддержка Джунайда и откровенное игнорирование правительства Хивы, вызвала неодобрение Туркомиссии и сторонников новой власти, в первую очередь богатых узбеков. По этой причине, договор был проигнорирован. Ничего, кроме дальнейшего обострения отношений, он не вызвал.²⁴

Новая власть постаралась уничтожить всякие символы старой власти. В первую очередь, из официального обихода было изъято само название ханства. Решением Всехорезмского курултая Хивинское ханство, было упразднено и вместо него в конце апреля 1920 г. появилось новое название «Хорезмская народная советская республика». Накануне этого события младоховинцы объявили свою партию распущенной и в массовом порядке вступили в Хорезмскую коммунистическую партию.²⁵ Хотя реальная опасность реставрации хивинской монархии отсутствовала, Туркомиссия предприняла меры по ликвидации хивинской правящей династии. В ночь на 10 июля 1920 г. были произведены массовые аресты приближенных хана. Приговором трибунала 5 из них были расстреляны. 12 июля правительство Хорезма (Совет Народных Комиссаров) постановило отречься от престола Саид Абдулла Хана, его сыновей Тилла Туру, Саьдулла Туру, Саида Туру; братьев Мухамадьяра Туру, Ибадулла Туру и всех ближайших родственников и крупных сановников выселить из пределов Хорезма. Судьбу пассивного и неопасного для Советской власти Саида Абдуллы решала Туркомиссия во главе с Фрунзе. Было принято во внимание, что хан сам передал власть “народу”. Саида Абдулла со всем его семейством решили оправить в Россию. 16 июля 1920 г. 14 членов ханской семьи, в том

²³ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л.38.

²⁴ Интересно, что подобное соглашение властей с басмачами Восточной Бухары будет заключено в августе 1921 г. О нем речь пойдет ниже.

²⁵ *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости.* Ташкент: Шарк, 2000. С. 306

числе и сам хан, 16 слуг под конвоем были отправлены в Ташкент, откуда, 29 июля специальным поездом, под надежной охраной хивинцев отослали в Самару, в изгнание.²⁶

В целом, если сравнивать судьбу хивинского хана с судьбами расстрелянного в 1918 г. русского монарха Николая Романова и бежавшего в Афганистан в 1921 г. бухарского эмира Саид Алим Хана, то у Саида Абдуллы не было особых оснований жаловаться. Отстраненному от власти, ему посчастливилось сохранить жизнь свою и некоторых членов своей семьи. Интересно, что содержание ханской семьи в российском изгнании, производилось за счет ее собственных средств.²⁷

После ликвидации Саида Абдуллы, красный террор развернулся широким фронтом. Большевикам удалось еще раз столкнуть узбеков с туркменами. Начать было решено с тех немногих туркменских лидеров, которые поддержали младохивинцев в январском перевороте. Правительство Хорезма, состоявшее из крупных баев, купцов, менял, скупщиков хлопка, шерсти и каракуля, не собиралось делить власть с туркменскими феодалами. Помимо давней вражды к туркменам, они имели собственные счета с вождями туркмен. Последние, в свою очередь, стремились положить конец узбекскому господству в Хорезме. В Хиве начали распространяться слухи, что туркмены готовят предательство. Правительство обвинило Кош Мамеда и Гуляма Али в поддержании связи с Джунайдом и подготовке к заговору, не имея на то никаких прямых доказательств. 16 сентября 1920 г. Кош Мамед - популярный иомудский вождь и активный сторонник Советской власти был арестован и убит без суда и следствия. Затем последовало избиение туркмен. Во время этой “варфоломеевской ночи” (выражение Бройдо) или «тазабагского погрома» (по названию сада Тазабаг, к котором произошла резня) были убито несколько тысяч туркмен. Большинство из них были даже не застрелены, а неожиданно, предательски заколоты штыками. Ответственность за убийства несли члены Хорезмского правительства Султан Мурадов, Ш. Хасанов, Мулла Бекчан Рахманов (посол Хорезма в Москве), командующий 2-й бригады В. Дубянский и полномочный представитель России в Хиве татарин Шакиров (вскоре покончивший самоубийством). “Они решили”, писал позже Г. И. Бройдо, “что стоит перерезать всех вождей, как падет феодализм”.²⁸

Убийство около ста туркменских вождей было воспринято туркменами как вызов узбекского правительства Хорезма. Оно спровоцировало

²⁶ Известно, что племянник Саида Абдуллы, сын его брата Мухамадьяра - Абдурасул Тура поселился на Украине, где обзавелся семьей и прожил всю свою жизнь. Работал Абдурасул Тура в конной милиции. Этот 89-летний потомок хивинского хана, полностью потерявший родной язык смог навестить родину своих предков только в 1991 году. *Комсомольская правда*, 1991, 28 апреля.

²⁷ АКПТ, ф.31, оп. 1, д. 49, л. 40.

²⁸ РГАСПИ, ф.17, оп. 7, д.222, л.35.

обострение междоусобицы и беспорядков, в которых был замешан Гулям Али и другие туркмены.²⁹ Задача усмирения туркменского восстания и борьбы против шовинизма младохивинцев была возложена на российское командование во главе с М. Сафоновым, вновь назначенным полномочным представителем РСФСР в Хорезме.

Слабость местного, Хорезмского правительства и шовинизм российских и узбекских представителей привели к тому, что Советская власть сознательно провоцировала племенную войну туркмен. Советы поддерживали “дружественные” племена и натравливали их на “враждебные”. “Дружественный” Нияз Бахши, например, подверг неоднократному ограблению род орускучи. Поступить так же с сильным Гулям Али из рода салан Нияз Бахши был не в силах и потому провоцировал советское командование на наступление против своего противника. С осени 1920 г. руководство Хорезмом перешло Политуправлению Хивинской (Хорезмской) Красной Армии, или Пурхиву. Пурхив фактически контролировал работу ЦК компартии Хорезма, возглавлявшегося бывшими младохивинцами. В мае 1921 г. II Всехорезмский курултай Советов трудового народа избрал Хорезмский Центральный исполнительный комитет Советов. Тем не менее, Москва не ослабляла своего контроля через местных коммунистов и полномочного представителя СНК РСФСР.

Революция в песках дошла и до туркмен, проживавших на границе Персии и собственно «русского» Туркменистана. В конце 1917 - начале 1918 гг. в приграничной с Персией туркменской полосе русские поселенцы стали подвергаться преследованиям как враждебный революции зажиточный класс. Это вызвало прилив энтузиазма части местного населения, которое вместе с русскими революционными солдатами подвергло разорению поселки и изгнало русских из Астрабадской провинции, что на персидской территории. Наметившееся сближение между революционной армией и местными народами было решено довести до политического союза. Революционный Совет 1-й Армии решил “провести революционную идею в Гюргено-Атрекский район, а затем в Персию”. С этой целью, летом 1920 г. в пограничном Чикишляре было открыто военно-политическое представительство Советской России, при котором был небольшой военный отряд. Осенью того же года представительство было отозвано, но революционная работа среди иомудов не прекратилась. Большевистские активисты приграничного Персии Гасан-Кулинского ревкома решили не ограничиваться советским строительством в своем районе и поставили своей задачей “прекращение вражды между туркменскими племенами и объединение всех живущих как на русской, так и на персидской территории иомудов в единый автономный Иомудистан”.³⁰ Советизация приграничного “Иомудистана”

²⁹ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.75, л.3.

³⁰ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.97, л.11.

рассматривалась как начальная ступень “революционизирования” Персии. Антиперсидская деятельность закаспийских комиссаров вызвала озабоченность Астрабадского губернатора Каим Дакама. Начались преследования туркмен. Хаким (правитель) Гумбета Недим Хан 25 января 1921 г. выехал с отрядом жандармов в аул Кубаш, чтобы подавить просоветские выступления туркмен. Был убит староста аула, сожжены 3 кибитки и отобрано 3 буйвола. В ответ, 15 февраля состоялся бой у Гумбета между иомудами и персидскими жандармами. Идея “Иомудистана” тогда не была реализована по причине слабости Советской власти в Туркмении, нехватки вооружения и квалифицированных работников.

Возвращаясь к событиям в Хиве, надо отметить, что целом “бутафорская” (по выражению Бройдо) революция нанесла большой удар престижу Советской власти на Востоке.

“После этого вторжения какие нужны политические средства, чтобы доказать Бухаре, Афганистану, что мы не империалисты, что мы действительно уважаем права малых народов и т. д. Джунайд вынес кровавую борьбу с царскими генералами, а мы отбрасываем его за помощью к англичанам, в Мешхед. Я тщательно просматриваю все известия из Хивы и вытравливаю все сообщения о наших отрядах в Хиве, заменяя их “хивинскими повстанцами”. Но этими политическими подлогами никого в Бухаре, Персии, Афганистане не надуешь. Они отлично знают, что происходит в Хиве и, я уверен, что эти события наносят большой урон нашей внешней политике в этих странах”, докладывал Бройдо на заседании Туркомиссии.³¹

Рассказ об экспериментировании с революциями в Хорасане был бы неполон без упоминания некоторых фактов о большевистской активности в Иранском Азербайджане.

В июне 1920 г. в иранском порту Энзели (провинция Гилян) неожиданно высадилась так называемая “Персидская Красная армия”. Прибывшие, как признавался участник того похода, член Революционного Совета 1-й армии Баранов, состояли из “трех кавказских выходцев и русских революционных частей”. Красный морской десант под командованием Федора Раскольниковца обещал помочь повстанческому отряду местного лидера Мирза Кучекхана в его борьбе против английских оккупационных частей. Вскоре после объявления “Гилянской советской республики” большевистские инструкторы приступили к осуществлению “социалистических преобразований”. Конечной их целью являлось отторжение Иранского Азербайджана от Персии в пользу Советской России. Это обострило отношения между большевиками и Кучекханом. В результате, Кучекхан отступил в леса. Гилянский революционный эксперимент после обильно и бессмысленно пролитой русской и иранской крови закончился крупным

³¹ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.13, л.67.

поражением большевиков. В конце 1920 г. революционная армия была разбита англо-индийскими войсками, а само правительство “Гилянской Советской республики” бежало. Активность Кремля в Персии в 1920 г. привела к обратному, от ожидавшегося большевиками, результату. Престижу России был нанесен значительный урон, а в самой Персии усилились прошахские и проанглийские настроения.³² Главной причиной поражения Кучекхана и его движения (харакати джангали) было вмешательство коммунистов в иранские дела и последующее предательство советской стороны, отказавшейся от поддержки революции в пользу сотрудничества с Реза Ханом – будущим шахом Ирана.

Бухарская «революция» и бегство эмира

Ставшая после свержения царизма в феврале 1917 г. независимой, Бухара имела мало шансов оставаться таковой после победы большевиков в Петрограде и Ташкенте. Как указывалось ранее, инициатива экспорта революции в Бухару, с учетом возможного дальнейшего похода на Индию и Афганистан, принадлежала лично Троцкому и Ленину. Практическая реализация этой задача была возложена на Михаила Фрунзе, назначенного командующим Туркестанским фронтом и наделенного, по предложению Троцкого, “исключительно широкими полномочиями”. Фрунзе был большевиком ленинского типа, свободным от революционно-романтических иллюзий, свойственных некоторым руководителям Коминтерна, все еще наивно полагававшим, что революция это широкий политический маневр с участием многомиллионных “народных масс”. Итоги, а вернее неудачи “революционного движения” в Персии, Азербайджане, Туркестане и Хиве, к тому времени уже не оставляли никаких надежд на использование местных сил в предстоящей революционной войне. Фрунзе писал:

“Наши попытки создать боевую силу из среды туземного населения не увенчались успехом, и с уверенностью утверждаю, что в ближайшем будущем рассчитывать на это не приходится”.³³

Революционная армия для штурма Бухары, по мнению командующего Туркфронтом, должна быть рекрутирована из “красноармейцев русской национальности, преимущественно центральных губерний России, наиболее сознательных и революционно настроенных”.³⁴

Позже, не без влияния уроков Персии, хивинской и бухарской “революций”, Ленин и Троцкий осудят попытки искусственного создания “революционной ситуации” и “электризации пролетариата”,³⁵ но в 1919-1920 гг.

³² РГАСПИ, ф.12, оп. 1, д.18, л.66; там же, д.734. л.324; там же, д.36, лл. 44-51. См. также: *Комсомольская правда*, 1990, 18 июля. Павел Аптекарь «Неизвестная советская республика» <http://www.rkka.ru/ibib11.htm>

³³ ЦГАСА, ф.110. оп.3, д.921, л.л.43-44.

³⁴ Там же.

³⁵ Троцкий Л. *Сталинская школа фальсификаций*. М.: Наука, 1990. С.45.

казалось, большевики объявили войну всем и вся. Неудача похода красных конников Тухачевского в начале 1920 г. на Варшаву ничуть не поколебала уверенности большевиков в необходимости продолжения курса на “мировую революцию”. Разрабатывая детали военной операции по захвату Бухары, Фрунзе в своем докладе Главнокомандующему войск РСФСР в июне 1920 г. предлагал создать “маневренный кулак для перенесения района операций в пределы Афганистана”.³⁶ В этом, большевики явились продолжателем русской имперской политики. Попытка похода по маршруту «Бухария–Хива–река Инд для умирения англичан в Индии» предпринималась Павлом I еще в 1801 г.³⁷ На случай удачи афганского похода 1920 г., в Ташкенте держалась наготове т. н. “Афганская революционная партия”, с задачей, сформулированной Валерианом Куйбышевым (заместителем председателя Туркомиссии) следующим образом: “уничтожить существующий деспотический строй, восстановить Народную советскую республику”.³⁸ Напомним, что все это происходило на фоне “дружественных” отношений Ленина и афганского эмира Аманулла хана.

Таким образом, революция в Средней Азии и метод ее реализации сводились к одному - развязыванию войны с целью захвата территории (аннексии), ликвидации законных структур власти и ее носителей. В предстоящей революционной акции бухарцам (и, надо полагать, афганцам) отводилась пассивная роль наблюдателей. Более того, планируя бухарскую операцию, Фрунзе, ссылаясь на опыт предыдущих завоевательных походов царизма, совершенно верно предсказывал, что Красной Армии придется двигаться за отступающим противником, обеспечивая тыл крупными гарнизонами. Такая война в окружении нейтрального (если не враждебного) населения требовала значительных материальных и людских ресурсов. В другом документе, подписанном 4 августа 1920 г., то есть менее чем за четыре недели до начала штурма Бухары, Фрунзе с полным основанием предполагал, что красным, вероятно, придется выдержать длительную борьбу с племенами, населяющими восточные бекства. “Рассчитывать на быстрое приобщение населения к Советской власти благодаря забитости населения вряд ли возможно”, признавался он и добавлял: “поэтому части войск, сосредоточенные в данное время в Бухаре останутся прикомандированными на более или менее продолжительное время”.³⁹

Как указывалось в предыдущей части, Бухара была отсталой и совершенно не способной защитить себя, окраиной России. Приближающаяся революция являла собой, в первую очередь, смертельную угрозу пра-

³⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д.921, л.л.43-46.

³⁷ Снесарев А.Е. *Афганистан*. – М.: «Русская панорама», 2002. (Возвращенное наследие: памятники военной мысли). Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>.

³⁸ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.11, л.84.

³⁹ РГВА, ф.110, оп.3, д.921, л.л. 43-46.

вителю эмирата Саиду Алим Хану - последнему (десятому) из узбекской династии кочевников-мангытов, правивших Благородной Бухарой с 1746 г. История оставила нам не так уж много упоминаний об этом человеке. Официальная советская историография представляет его опытным контрреволюционером, агентом Англии и ставит в один ряд с адмиралом Колчаком и белогвардейским генералом Дутовым. В квази-научной литературе встречаются также сплетни о его гареме, мальчиках и т. п. Такого рода уничижительные данные, даже будучи правдивыми, являются тенденциозными, так как исходят от авторов, представляющих победившую сторону.⁴⁰ Оскорбительные замечания в адрес эмира были призваны оправдать насилие по отношению к Алим Хану. Их конечной целью была моральная дискредитация эмира и всей эмиграции.

Алим Хан явился центральной фигурой бухарской эмиграции и потому заслуживает более подробного рассмотрения. Он родился во дворце своего отца - Абдул Ахад Хана почти одновременно со Сталиным, Троцким и Фрунзе – в 1880 г. Отправленный отцом в возрасте 13 лет в Санкт-Петербург для обучения в царском Пажеском корпусе, наследник престола Бухары пробыл там всего четыре года. За это время он успел овладеть лишь начальными знаниями русского языка и европейской культуры. Несмотря на то, что учился он без особого успеха, Саид Алим Хан был удостоен чина полковника русской армии. Молодого Алим Хана больше привлекали породистые голуби, быстрая езда на фэзтонах, кулинария, поэзия, а также игра на музыкальных инструментах - дутаре и тамбуре. За полноту, праздность и лень, Абдул Ахад Хан прозвал своего наследника “Олими гов” (с таджикского: «корова Алим»). Алим Хан вззошел на престол в 1911 г. после смерти своего отца.

Восшествие Алим Хана совпало со стремительным ростом, который переживали Европа и Россия в начале XX века. В соседних Афганистане и Турции все громче говорили о необходимости реформ. Видимо, Алим осознал необходимость перемен, однако серьезных мер для них не предпринимал. Его кратковременное сотрудничество с джадидами, закончившееся выпуском манифеста апреля 1917 г. обернулось его личным поражением и наступлением реакции. Свержение царизма в феврале 1917 г. послужило для Алим Хана первым признаком надвигающейся беды. Затем случились предательство младобухарцев и «колесовский поход». Равнодушные Англии и непонимание афганского эмира Амануллы показали всю незащищенность и обреченность эмирата. Страна стала на грань экономической катастрофы. Бухара перестала получать из России хлеб и продукты в обмен на хлопок. Сам хлопок остался невостребованным и гнил на складах. Прекращение ввоза из России вызвало оживление местного кус-

⁴⁰ Айзенер, Р. *Некоторые предварительные заметки о проживании эмира бухарского в эмиграции в Афганистане*. Рукопись, с. 1.

тарного производства и увеличения импорта английских товаров караванным путем через Персию и Афганистан. Правда, подвоз этот скоро прекратился, так как российские бумажные деньги (“николаевки” и “керенки”) вскоре перестали котироваться в Персии и Афганистане.

Предчувствуя скорую катастрофу, Алим Хан попытался вывезти свои денежные вклады из Российского Государственного банка в Европу. Летом 1917 г. через посредничество русского резидента в Бухаре Миллера и промышленника И. Стахеева он положил во французские и английские банки 150 млн. рублей (примерно 15 млн. фунтов стерлингов). Таким же образом были перечислены еще 32 млн. рублей.⁴¹ Это были огромные деньги. Ведь Абдулахад и его сын Алим Хан правили Бухарой с 1885 по 1920 гг., то есть в период невиданного расцвета экономики России – главного и фактически единственного экономического партнера Бухары. В считанные годы в регион Средней Азии хлынула огромная масса российского капитала. Русские капиталисты не скупались и щедро платили налоги, а также «откаты» лично эмиру за предоставление концессий и оказание услуг. Именно тогда в регионе появилась прослойка богатой бухарской буржуазии, ориентированной на светские ценности и западный рынок.

Однако, как утверждает Г. Фрезер, эмир так и не смог воспользоваться этой суммой, так как документы о перечислении первой суммы он оставил во время своего бегства из Бухары, а квитанцию о перечислении второго вклада вовсе не получил.⁴²

Финансовые проблемы, даже с учетом их масштабов, все же, были не столь значительны, как политические. Стремясь наладить отношения с северным соседом, эмир в июне 1920 г. отправил посольство в Москву для возобновления отношений и подписания договора с Россией.⁴³ В самой Бухаре проходили переговоры уполномоченного Наркоминдела Д. Гопнера с эмиром и его правительством. В то время РСФСР была озабочена обеспечением «афганского коридора» для наступления на Индию. Для всех, кроме Алим Хана было ясно, что участь Бухары, как плацдарма для похода на Дели через Кабул решена. Весь июнь и июль в Каган стягивались советские войска. Зная, что Россия привлекает на свою сторону джадидов, эмирское правительство сделало и им шаг навстречу. В середине августа правители Бухары послали джадидам в Каган баранов и риса в наивной надежде, что те одумаются, отговорят большевиков и придут к эмиру каяться. Успокоенные, эмирские министры отпустили солдат в увольнение.

Тем временем, в конце июня под руководством Туркомиссии было создано так называемое «военно-революционное бюро» по подготовке народного восстания, в которое, помимо Фрунзе и Куйбышева, вошли бу-

⁴¹ IOL: L/P&S/10/950: p2126.

⁴² Fraser, Glenda. "Alim Khan and the Fall of the Bokharan Emirate in 1920," *Central Asian Survey* 7, no.4 (1988), 56.

⁴³ *Хотирахои Амир Олимхон*. С.22.

харские коммунисты. Был также создан временный ревком Бухары. 28 августа М. В.Фрунзе прибыл со своим штабом в Самарканд. Оттуда он руководил операциями Красной Армии в Бухаре. В ночь на 29 августа отряды Туркфронта захватили Старый Чарджуй, Хатырчи, Китаб, Шах-рисабз и подошли к столице эмирата. Утром 29 августа начался обстрел старой Бухары. Бронепоезда, выстроившись от станции Мургак до Кагана стреляли из дальнобойных орудий в сторону Арка (цитадели) и дворца казикалона. Свидетель вспоминал, что из бухарского Арка начали выбегать вооруженные люди, приговаривая: “доверились мы джадидам, а они, видишь, как нас обманули. Делать нечего, надо защищаться”. Из шести бухарских ворот бухарцы начали беспорядочную пальбу в сторону Кагана. Как свидетельствует Балджувони, поднялся большой шум и переполох, «во время которого многие роженицы раньше времени разрешились от бремени». ⁴⁴

Силы, конечно же, были неравны. С одной стороны винтовки и старинные пушки, с другой - бомбометание с аэропланов и обстрел из дальнобойных орудий с бронепоездов. Одиннадцать аэропланов кружили над городом. Разбрасывая бомбы они наводили ужас на горожан и разрушали многочисленные памятники архитектуры. Некоторые смельчаки из бухарцев, стреляя из обычных винтовок, наивно пытались сбить аэропланы. Эмир находился в недавно отстроенной им загородной резиденции Ситораи Мохи Хоса, откуда тщетно пытался организовать сопротивление. К тому времени его армия пополнилась 3 новыми полками: «Турк», «Араббача», «Шербача». Последний состоял из муллобача (студентов медресе). Все бойцы были плохо вооружены и необучены военному делу. Первым выступил двухтысячный «Турк» (Турецкий полк) который вошел через самаркандские ворота и, выйдя через каршинские, начал беспорядочную – пушечную и оружейную – пальбу по бронепоездам. Некоторые, взяв лопаты и кирки, как и во время «колесовского похода» кинулись было разбирать железнодорожный путь. Потеряв несколько человек убитыми они возвратились ни с чем, так как подходы к железной дороге контролировались красными. Фитрат (ярый противник эмира) позже вспоминал, что оборона города была организована из рук вон плохо. Эмир сидел в своей загородной резиденции, а козикалон (верховный судья) Бурхониддин и расикалон (член правительства) мулло Азамидин отсиживались в городе, утоляя жажду чаем в чайхане. Многие военачальники не решались выйти на поле боя и все больше суетились рядом с эмиром, тайно помышляя о бегстве.⁴⁵ Достаточно сказать, что вечером, не дождавшись продовольствия и боеприпасов, турецкий полк... разошелся по домам, даже не оставив караульных. На следующий день бой возобновился с новой силой. От

⁴⁴ Балджувони. Указ соч. С.59.

⁴⁵ Фитрат. *Давраи хукмронии амир Олимхон.*-Душанбе: Палатаи давлатии китобхо, 1991. С.60.

ударов и звуков сотрясались все здания.⁴⁶ Сражение продолжалось 30 августа весь день. Горели торговые ряды, много людей погибло под разрушенными зданиями. Балджувони считает, что только в этот день погибло 2 тысячи мирных жителей и защитников города.⁴⁷ По свидетельству члена Туркомиссии Сокольников, красные потеряли за три дня штурма 600 человек убитыми и ранеными. По городу было выпущено 12 тысяч снарядов, которые разрушили 1/5 часть города.⁴⁸

Первое сентября, явилось переломным днем. Через проемы в стене в город стали проникать красноармейцы, в то время как деморализованная бухарская армия оказалась неспособной защитить Бухару. Командиры Красной Армии обнаружили, что «противника в городе нет, а население собирается большими толпами в мечетях и медресе и ждет прихода красных».⁴⁹ Но приказа отставить стрельбу не было, и всю первую половину дня красная артиллерия продолжала обстрел города. По словам Балджувони, первое сентября 1920 г. остался в памяти бухарцев как «рузи фирок» («день расставания»). Именно тогда начался исход, давший начало бухарской эмиграции. В тот день бой дошел до центра города. Последняя попытка сопротивления была оказана у водоема Лаби Хавзи Дивонбеги бухарскими войсками под командованием Абдусатторбека Тупчибоши. Не выдержав натиска превосходящих сил противника, бухарцы (а это были, главным образом необученные студенты) отступили, побросав в водоем свои пушки. Сам Абдусатторбек в том бою был убит. Афганский отряд, защищавший самаркандские ворота, после того как в его расположение попал снаряд, убивший нескольких бойцов и разнесший на куски сами ворота вместе с частью стены, также покинул свои позиции. Козикалон и раисикалон бежали из города, но по дороге были остановлены бойцами «Араббача». Разъяренные солдаты связали эмирских чиновников и привели их к эмиру, который вернул им одежду, отобранную до этого возмущенными бойцами, и отпустил на все четыре стороны. Все, кто мог передвигаться покинул город. Много люда собралось в Ситораи Мохи Хоса, поближе к эмиру.⁵⁰ Выслушав доклад афганцев о сдаче города, эмир, по словам очевидца, издал глубокий вздох и сказал: “Такова судьба. Делать нечего, надо бежать”. Алим Хан и его приближенные разместились в 6-7 фазтонах. Воздев руки к небу, все присутствующие попросили у Бога прощения. Следом началась паника и массовая истерика. Как вспоминал Балджувони, “тысячи людей, не выдержав, начали стонать и плакать. Дочери, матери, сыновья и отцы, не стесняясь друг друга, кричали: “вой шариат”, “вой дини ислом”! (“о, шариат”, “о исламская

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Фитрат. Указ. соч. 61.

⁴⁸ РГАСПИ, ф.2, оп.1, д.1600, л.л. 2-4.

⁴⁹ ГАРТ, ф.4511, оп. 1, д. 147, л. 44.

⁵⁰ По явно преувеличенным сведениям Балджувони, 1 сентября 1920 г. в Ситораи Мохи Хоса собралось 2 млн. чел. - Балджувони. Указ. соч. С.61.

религия”). Это было сильнейшее психологическое потрясение. Падение эмира и лицезрение его бессилия в массовом представлении явились сильнейшим ударом по самой исламской религии. Тот день запомнился бухарцам не только как «рузи фирок», но и как «киемати асгар» («малый конец света»)⁵¹. Следуя примеру правителя, тысячи конных, пеших - военных и гражданских отправились прочь от горящего города. Премьер-министр Низамеддин Дивонбеги (Мирзо Урганджи) с несколькими тысячами аскаров 1 сентября из Ситораи Мохи Хоса через ворота Каракул вошел в город с “джихадом”, но потерпел поражение и отступил на юго-восток, вслед за эмиром.⁵²

Позже, в 1922 г., находясь в кабульском изгнании, Саид Алим Хан писал в своей петиции в Лигу Наций:

“1 сентября они (большевики) открыли огонь неожиданно со всех сторон из пулеметов, пушек и аэропланов. К сожалению, я не знал о готовящемся нападении, и мои войска были рассредоточены, и никто из нас и не помышлял о войне. Обучение в моей армии только началось, одновременно с обретением мной независимости. Поэтому я признал сопротивление бесполезным и в первый день издал приказ об эвакуации меня и двора. Какова польза в сопротивлении без предварительной мобилизации и подготовки? Большевики знали о том, что я покинул город, но все равно продолжали бомбежку еще 4 дня. 1/3 населения, все святые места подверглись разрушению. На 5-й день 20 тысяч войск и русские власти вошли в пустой город Бухару и начали грабеж. Фрунзе и Куйбышев издали специальный приказ о конфискации государственной казны и имущества людей, которых они называли “ханами”.⁵³

Малочисленная, плохо вооруженная и необученная бухарская армия, несмотря на упорство и большие жертвы не могла оказать серьезного сопротивления красным войскам. Штурм вызвал грандиозный пожар, который продолжался несколько дней, до 6 сентября. Очевидец утверждал, что в результате красной атаки в Бухаре сгорело и было разрушено 1 000 дуканов (магазинов), 20 дворцов, 29 мечетей, 3 000 жилых домов. Помимо резиденции эмира - Арка, сгорело примерно 300 зданий.⁵⁴ “История Бухары еще не знала такого”, писал Балджувони.⁵⁵ Масштабы разрушений подтверждают и сами документы партии большевиков:

«Революция, оказавшись неподготовленной, превратилась в форменное выступление Красной Армии, ничем не прикрытое, нарушившее все представления о праве бухарского народа на самоопределение, и

⁵¹ Там же.

⁵² В дальнейшем Урганджи осуществляет прикрытия отступающего эмира в Восточную Бухару. Умер от ран в Гиссаре в ноябре 1920 г. Балджувони. Указ. соч. С.64.

⁵³ IOR: L/P&S/11/197.

⁵⁴ Балджувони. Указ. соч. С.68.

⁵⁵ Балджувони. Указ. соч. С.69.

Бухара фактически оказалась оккупированной страной. По Бухаре было выпущено несколько миллионов пуль и несколько тысяч пушечных снарядов, из которых было немалое количество и химических. Сила артиллерийского и пехотного огня была настолько велика, что возможность перехода бухарских солдат на сторону революции сама по себе отпала. Бухара в центре и в местностях, прилегающих к вокзалу, оказалась совершенно разрушенной. Уничтожены исторические памятники. Повреждены мечети, а некоторые из оставшихся в целости (2/3 из них) были превращены в казармы и конюшни. Начатые пожары и грабежи оказали самое вредное влияние не только на настроение народных масс, но и на Бухком⁵⁶ (самых преданных товарищей), которые возмущались и открыто говорили что Бухару “грабят большевики”,

сообщалось в докладе Совинтерпропа.⁵⁷

Тем временем, большевистское руководство послало в Москву победную реляцию. Второго сентября 1920 г. Фрунзе телеграфировал Ленину:

“Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное Знамя мировой революции”.⁵⁸

Сразу после победы, революционный комитет провозгласил Бухару “независимой Бухарской Советской Республикой”. Однако очень скоро бухарские революционеры убедились, что с независимостью все не так просто. В Бухару был направлен ленинец В. В. Куйбышев, в качестве представителя РСФСР при правительстве Бухары и уполномоченного ЦК РКП (б) и Коминтерна при ЦК КПБ. Он вел “тонкую” политику, соблюдая внешнее уважение суверенитета новой советской республики. Однако на деле Москва взяла бухарские дела под свой жесткий контроль. Вскоре были сформированы органы власти, куда вошли бухарские коммунисты и младобухарцы. Сама партия младобухарцев (как прежде партия младохивинцев) 11 сентября была распущена, а ее члены влились в БКП. Всебухарский революционный комитет возглавил сын первого бухарского богача и врага эмира Абдукадыр Мухиддинов, правительство - Файзулла Ходжаев (Файзулла Ходжа). 6 октября в Бухаре был созван Всебухарский курултай (съезд) народных представителей, на котором была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Возглавили республику богатейшие бухарские фамилии, в первую очередь Мухиддиновы и Ходжаевы. В политике молодой республики одерживали верх те, кто придерживался курса на сближение с Советской Россией. Их возглавлял глава правительства Файзулла Ходжаев.

⁵⁶ Бухарский революционный комитет.

⁵⁷ РГАСПИ, ф.17, оп. 12, д.661, л.9.

⁵⁸ Цит. по: Иркаев М. *История гражданской войны в Таджикистане*. Душанбе, 1963. С.175.

Тем временем, избегая столкновения с многочисленными частями Красной Армии, эмир и его свита отступали в юго-восточном направлении. Население Западной Бухары (Карши - Гузар - Шахризабз) ровно ничего не понимавшее в происходящем, но напуганное начавшимися военными действиями, последовало за эмиром. Большое скопление беженцев - торговцев, дехкан, солдат, при высокой температуре вызвало массовый падеж, эпидемии, ежедневно уносившие до 200 человек.⁵⁹

Вот как описывает поведение эмира в тот момент полномочный представитель РСФСР в Бухаре:

“Эмир, по словам Мухаммед Таги Бека, видевшего его в Дербенте, молчалив, с блуждающими глазами, все время вздыхает, часто слышатся слова: “Аллах акбар”, нетерпеливо наводит справки, где находятся русские, вызывает к себе то бывшего казначея Имам Куля, то следующего с ним бывшего афганского консула в Ташкенте Мухаммед Аслам Хана. Ест мало, жалуется на усталость в области легких и пояснице. С эмиром следует свита и около 300 человек разбитых остатков Бухарской регулярной армии. Бухарцев 200 человек и около 100 человек афганцев под предводительством Аслам Хана”.⁶⁰

Непривычного к тряским дорогам грузного мангыта сняли с седла и уложили на арбу. В Бойсуне беглецов настигли сведения о приближающемся красном отряде. Пришлось срочно отправляться по направлению Гиссара.

Первой реакцией свергнутого режима была попытка самозащиты. Было решено занять восточные бекства (Сари Асия, Денау, Гиссар, Кобадан, Курган-Тюбе), укрепиться там и начать борьбу за восстановление эмирской власти. Тяжесть этой борьбы легла на население. Эмир организовал 10-тысячное войско ополченцев – «каракалтак» («черные палки»). Ополченцы были посланы на Запад навстречу врагу. Ими были заняты Денау, Бойсун, Шахризабз, Китаб, Чиракчи. Выступившие в джихад каракалтаки показали себя не с самой лучшей стороны - грабили, убивали мирное население.

С приходом эмира в Восточной Бухаре стали восстанавливаться суровые эмирские порядки, собираться непомерные налоги на «джихад». Начали прибывать вооруженные отряды. К эмиру на помощь от матчинцев и ферганских басмачей Шермата прибыло всего около 300 джигитов. Они были приняты эмиром как дорогие гости и одарены дорогими «сарупо» (подарками).⁶¹ Ферганцы были направлены в Денау, для отражения возможного нападения русских. Однако, как пишет Балджуони, “постояв там некоторое время, в конце-концов они (ферганцы) возвратились к своему старому занятию. День и ночь они грабили бедный народ.

⁵⁹ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.71, л.39.

⁶⁰ РГАСПИ, ф.122, оп. 1, д.10, л.247.

Народ возмутился и напал на грабителей. Много людей было перебито в той войне».⁶²

Слухи о боях в Денау дошли до Алим Хана. Эмир ошибочно считал, что это красные и отступил в Курган-Тюбе. Когда ему донесли, что это были бои между мародерами-ферганцами и местными гиссарцами, он вернулся в Гиссар. Затем он назначил Холдорбекджона, сына погибшего в от ран Мирзо Урганджи хокимом (правителем) Гиссара, а сам ушел в Душанбе.⁶³ Находясь в Душанбе, он чинил расправу над всеми, заподозренными в «джадидизме». В их число попал Баратбек Хидоячи – правитель Каратегина.⁶⁴

В Душанбе Алим Хан приступил к организации местного ополчения в таджикском Припамирье. Одним из его героев стал Ишан Султан. В 1921 г. ему было примерно 35 лет. Родом он был из кишлака Язган, близ Чилдара (Дарваз). Жители этого горного края промышляли добычей золота из реки Оби Хингоу. Отец Султана был также ишан и имел много мюридов, которые после его смерти перешли к сыну. Ишан Султан, совершивший три паломничества в Мекку, был авторитетнейшей фигурой в Каратегине и Дарвазе. В 1921 г. прибыв в Гиссар, Алим Хан вызвал к себе Ишана Султана и предложил ему, как «святому» человеку сформировать отряд и бороться с русскими. Ишан Султан принял предложение и вскоре стал одним из лидеров повстанцев до осени 1922 г., когда ему было суждено быть повешенным по приказу турецкого офицера Селим Паши.⁶⁵

Видя низкую эффективность местного ополчения, эмир пытался заручиться поддержкой из-за рубежа. Куда обращаться, откуда можно было ожидать помощи?

Еще в начале 1920 г. эмиру стало ясно, что не стоит надеяться на Афганистан. Тогда в Кабуле шел диалог между российским полпредом Я. Сурицем и Амануллой насчет возможного антибританского союза. Ничего не подозревавший Алим Хан попросил поддержки Кабула в предстоящей борьбе с Россией. На что в письме, подписанном известной своей набожностью матерью Амануллы Улия Хазрат, недвусмысленно говорилось:

«Видя несчастья мусульман всего мира, я пришла к следующему заключению: если Афганистан не станет окончательно свободным, то мой дорогой сын так и не сможет рассчитаться за своего брата, эмира Бухары и за других братьев-мусульман. . . Вот почему он оставляет за собой право не объявлять священную войну против неверных».⁶⁶

⁶² Там же.

⁶³ Балджувони. Указ. соч. С.66.

⁶⁴ Балджувони. Указ. соч. С.65.

⁶⁵ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.186.

⁶⁶ *L'Asie Francaise*, Nov. 1921, 420.

Алим Хану осталось уповать на помощь Англии. В октябре 1920 г., находясь в Душанбе, он принимает решение направить письмо королю Великобритании Георгу V. Английский король был двоюродным братом расстрелянного вместе со всей семьей в 1918 г. Николая Второго – покровителя Бухарского эмирата. Алим Хан считал себя родственником царской семьи и потому считал себя братом и английского короля. Обращение к “старшему брату” было составлено в двух идентичных экземплярах. Одно из них предназначалось королю Англии, другое – вице-королю Индии. Экспедиция из 15 бухарцев, на которую так надеялся Алим Хан, покинула Гиссар 14 октября 1920 г. с твердым намерением вручить письмо лично самому высшему английскому чиновнику в Дели. Однако 4 ноября миссия была остановлена на китайской территории, в местечке Узбел в 140 милях западнее Кашгара. Несмотря на то, что ей было отказано в следовании в Индию, сами письма были приняты английскими представителями. Последние заверили бухарцев, что послание непременно будет доставлено адресату. 20 ноября бухарская миссия, с чувством выполненного долга, отправилась обратно в Гиссар, ждать ответа. В английской миссии в Кашгаре обращение было переведено с персидского на английский и направлено по назначению только в феврале 1921 г. В нем, в частности, говорилось:

«Я надеюсь, что в этот трудный час Ваше Величество выскажет мне свою доброту и благосклонность и отправит мне в качестве дружеской поддержки 100 000 фунтов стерлингов в счет государственного долга, 20 тысяч ружей, 30 орудий с боеприпасами и 10 аэропланов с необходимым оснащением. Если оказанию помощи вы предпочтете связаться с русскими, чтобы бороться против них, я буду признателен, если 2 тысячи вооруженных солдат будут посланы мне срочно через Каратегин»⁶⁷

Это была мольба о помощи. Она давала Великобритании формальный повод для интервенции. Речь, по сути, шла о крупномасштабной военной операции с индийской территории, чреватой развязыванием войны с Советской Россией. Англия была, разумеется, встревожена вторжением Красной Армии в пределы Бухарского эмирата. Появление российских полков в таджикском Припамирье, означавшее замыкание большевистского фронта на самых подступах к Британской империи, объективно укрепляло большевистские позиции в регионе и открывало благоприятные перспективы для дальнейшей экспансии революционных войск на восток. Тем не менее, Британия воздержалась от прямого вмешательства в дела Бухары. Чиновники индийского правительства рассуждали следующим образом:

«Нас выгнали из Кавказа, Персии. Вероятно, придется уходить и из Багдада... В Афганистане мы удерживаемся с большим трудом. У нас нет времени для еще одной авантюры в Средней Азии».⁶⁸

⁶⁷ Fraser, Glenda. “Basmachi-I”, *Central Asian Survey* 6, no.1 (1987), 49; IOR: L/ P&S / 10/950.

На тот момент главной задачей Англии было удержание Индии. Для этого приходилось мириться с потерей позиций в Афганистане. В такой ситуации, претендовать на «русскую» Среднюю Азию было бы безумием. Необходимо напомнить, что просьба Алим Хана была направлена в Кашгар в конце 1920 г., то есть после поражения Англии в англо-афганской войне 1919 г. В ее результате, Афганистан приобрел независимость во внешних делах. Одновременно, в правящих кругах Кабула усилились пророссийские настроения. То есть, было совершенно очевидно, что Аманулла будет против английского вмешательства в бухарские дела. Однако и Британия имела все основания опасаться «русской угрозы». Ее особенно встревожил «бухарский вопрос», когда она увидела, что Советская Россия, приблизившись к приграничной Аму Дарье, была готова перейти на афганскую территорию. Рассматривая реальную угрозу советского вторжения и перенесения военных действий в Афганистан, в сентябре 1920 г. вице-король Индии предложил следующую альтернативу. Первое: помочь Афганистану напрямую, заключив оборонительный союз для борьбы с Советской Россией. Второе - ограничиться пассивной поддержкой и поставлять афганцам оружие. Первый вариант как слишком обременительный был отклонен. Второй - помощь оружием и инструкторами - также мало устраивал англичан, так как поставки оружия могли быть использованы против Англии, найдя дорогу на Северо-западный фронт к пуштунам. Не исключалось также, что часть оружия могла попасть к русским.⁶⁹ Другими словами, у Дели и Лондона не было полной уверенности в том, что в случае «накачки» региона оружием и расширения театра военных действий, ситуация не выйдет из под контроля. Советское вторжение в Афганистан, таким образом, было для Англии крайне нежелательным. Она решила всеми путями заблокировать его. Любой неосторожный шаг против России мог спровоцировать ее на «экспорт революции» в Афганистан и Индию. Таким шагом могла стать поддержка свергнутого эмира и его басмачей в Восточной Бухаре. В такой ситуации Англия обратилась к своей излюбленной политике «искусного бездействия» (*masterly inactivity*), оставшейся в наследство со времен «Большой игры» XIX века.

В свете изложенного, вполне понятна позиция Англии по отношению положения дел в Бухаре. Мольба Алим Хана о дипломатическом признании и оказании помощи вызвала некоторую дискуссию в Дели и Лондоне, но вскоре английские чиновники, отдав должное «наивному и откровенному» тону письма, отправили его пылиться в архив.

В конце февраля 1921 г. когда части т. н. Гиссарского экспедиционного отряда Красной Армии подошли к Душанбе, экс-эмиру пришлось принимать срочное решение об эвакуации. Последние надежды на желанную англо-индийскую военную экспедицию были похоронены вместе с извес-

⁶⁹ Ibid.

тиями об укреплении Советской власти на Памире и начавшимися снегопадами, сделавшими непроходимыми горные перевалы на пути в Индию. Алим Хану оставалось рассчитывать на гостеприимство другого “брата” - афганского эмира Аманулла Хана.

В конце февраля части 3 кавбригады выступили из Гиссара для преследования эмира. Через Лакай они двинулись на р. Вахш, переправились на левый берег у Кызыл Кала (близ Курган-Тюбе) и пошли далее на Куляб. Все это время шли проливные дожди и дороги превратились в грязевое месиво. 26 февраля красноармейцы без боя заняли Куляб. К тому времени последний бек Куляба - Джахонгир Хан в панике бежал в Афганистан. Преследуя эмира и его людей, 3 кавбригада вышла на переправы Бешкапа, где выяснилось, что они опоздали всего на один день.

Покинув Благородную Бухару навсегда через переправу между Чубеком и Фархором (современный Хамадонийский, бывший Московский район Хатлонской области Таджикистана), 4 марта 1921 г. Алим Хан прибывает в Ханабад. На протяжении первых 40 дней он не терял надежды получить пропуск в Британскую Индию.

“Я хотел переправиться в Читрал через (афганский-К.А.) Бадахшан и остаться в Дели на один день, чтобы цитировать Коран и воздать хвалу душе моего деда Тимура, а затем отправиться в Лондон для беседы с моим братом, королем”,⁷⁰

так описывал свои планы изгнанный правитель Бухары. Увы! Он так и не дождался ответа от англичан. Зато последовало уважительное по форме, но недвусмысленное по содержанию послание от Амануллы Хана:

“Я и Вы единоверцы. Моя мать считает Вас своим сыном. Потому приезжайте в Кабул и нанесите ей визит”.⁷¹

Тем временем, войска эмира рассеялись. Часть, около 1 300 человек, ушла вместе с эмиром в Афганистан. Туркменские отряды отправились к себе на родину, а ферганский курбаши Шермат - через Каратегин назад, в Фергану.

Появление Алим Хана и его свиты в Афганистане в качестве “гостей, ищущих убежища” вызвало острое недовольство советской стороны. По этому поводу представитель РСФСР в Бухаре получил следующее указание своего ташкентского начальства:

«Бухарское правительство должно немедленно обратиться с нотой непосредственно в Кабул. . . Если впоследствии окажется, что бухэмиру были оказаны царские почести, то такое обстоятельство равно разрыву дипломатических отношений. Пока Бухара должна настаивать на разоружении и интернировании всех приближенных бывшего эмира и воспрещении ему жительство в столице и вблизи бухарской

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid.

границы, а также воспрещении собирать вокруг себя и содержать какую-либо вооруженную часть. Афганцам следует обращаться с ним как с частным лицом, нашедшим себе убежище и сложившим оружие. Это один вариант. Пусть Бухревром обсудит и другой вариант, по которому афганское правительство должно отказать бухэмиру в убежище. Устройте так, чтобы Бухревром без нас бы не принимал окончательного решения, а я поставлю этот вопрос на прямой провод Москве. Пусть готовят оба варианта. Надо спешить, так как бухэмир находится на пути в Кабул”.⁷²

Впрочем, в вопросе о судьбе эмира бухарское правительство, состоявшее из джадидов, и так было настроено самым решительным образом. Правительство БНСР вскоре отправило телеграмму в Кабул с требованием:

“1) обезоружить находящиеся при эмире вооруженные силы и интернировать их, а вооружение возратить бухарскому народу как его достояние; 2) запретить бывшему эмиру находиться близ границы и в столице Афганистана; 3) принять бывшего эмира как обыкновенного гражданина, запретив ему группировать вокруг себя каких-бы то ни было лиц и агитировать”.⁷³

Аманулла почти полностью выполнил требования Москвы и Бухары, за исключением пункта о размещении знатного беглеца. Афганский эмир оказал уважение правителю-изгнаннику, выделив ему почетную резиденцию в селении Кала-и Фату, в 18 километрах от Кабула, в долине Чардах. Вместе с экс-эмиром поселились около 200 его приближенных. 17 мая 1921 г. Аманулла даже устроил большой прием по случаю прибытия Саида Алим Хана. Тем не менее, от частных встреч с беглым эмиром он уклонялся. Статус домашнего арестанта, определенный Алим Хану, таким образом, вполне устраивал всех: Кабул, Москву, Лондон, советскую Бухару. Всех, кроме самого Алим Хана. В афганской столице он стал почетным пленником Амануллы хана. Последний не был намерен раздражать Москву из-за беглого эмира Бухары. Достаточно сказать, что в первые три месяца Алим Хан лишь два раза был допущен к Аманулле. Во время одного из визитов экс-эмир выразил свое желание совершить паломничество в Мекку. Как вспоминал Алим Хан, Аманулла ответил на просьбу следующим образом:

«Я могу просить Вас, но не могу приказывать. Вы можете идти куда пожелаете. Я - Ваш слуга. Хадж Вам не положен, так как Вы оставляете свою жену, детей и иждивенцев. Но я пошлю человека с полномочиями Вашего правительства в Великобританию, Францию, Германию, Турцию и Персию просить помощь тамошних правительств и

⁷² РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.122, л.18.

⁷³ АКПТ, ф. 4511, оп. 16, д. 135, л.л.126-127.

рассказать, что мой единоверец, правитель Бухары нашел убежище в Афганистане. Надеюсь, затем они предложат помощь. Но если Вы отправитесь в Мекку, вся моя работа окажется напрасной”.⁷⁴

Алим Хан был достаточно умен, чтобы правильно интерпретировать слова афганца.

“Вы препятствуете моему паломничеству в Мекку”,
сказал он.⁷⁵

Аманулла, который пригласил в гости Алим Хана под предлогом обсуждения общей стратегии освобождения Бухары, на деле изолировал своего сановного гостя. Правда, за бывшим эмиром признавалось моральное (но не юридическое) право оказывать влияние на своих бывших поданных – эмигрантов из Священной Бухары. Афганское правительство мирилось с тем, что Алим Хан поддерживал связи со своим последователями, боровшимися против Советской власти, используя афганскую территорию. Но в целом, Аманулла шел на сближение с Россией и не одобрял эмирского басмачества.

Крупное разочарование постигло экс-эмира, когда он узнал, что три его верные слуги – Туракул бай, Кара Мирза и Кори Мухиддин, которым было поручено продать 165 000 шкурок каракуля в Бомбее, продав товар, решили не отдавать деньги Алим Хану на том основании, что это «собственность бухарского государства». Несмотря на то, что судом этот спор был решен в пользу Алим Хана, интересы которого представлял богатый бухарский купец-эмигрант Мирбадалев, шустрые бухарцы успели бежать вместе с деньгами в Европу.

Алим Хан был поселен в Кала-и Фату, в место своей домашней тюрьмы. Оттуда он мог наблюдать маневры афганского правительства, направленные на достижение соглашения с Советской страной. События в Кабуле развивались не в пользу беглого эмира Бухары. Всю свою оставшуюся жизнь он нес в сердце досаду и недовольство Амануллой и его политикой. С тем же постоянством он продолжал просить помощи Англии.

По словам Мирбадалева, эмир в Кабуле не располагал большими денежными средствами. Денежные вклады эмира в зарубежных банках еще следовало найти и предъявить на них права. Точных сведений не имеется, но можно предположить, что Советская Россия делала все возможное, чтобы не допустить экс-эмира до этих вкладов и самой овладеть денежными средствами эмира для «строительства социализма». Наверняка у Алим Хана было достаточно денег на личные расходы, но их не хватало на масштабное финансирование широкого военного движения. Его «руководство» муджахидами ограничивалось моральным одобрением, раздачей эмирских орденов, званий и единичных подарков.

⁷⁴ IOR: L/P&S/10/950. 21.10.1921

⁷⁵ Ibid.

Находясь в кабульской эмиграции (с мая 1921 г. и до самой смерти, наступившей в апреле 1944 г.), Алим Хан неоднократно и безуспешно делал попытки добиться дипломатического признания и оказания военной помощи. С таким же постоянством англо-индийские власти отказывали последнему мангыту в его настойчивых просьбах получить политическое убежище на территории Индии. Государственный секретарь Великобритании лорд Дж. Керзон в своем письме от 23 июня 1923 г. советовал английскому послу в Кабуле Ф. Хэмфрису:

«Мы уполномочиваем посла ответить экс-эмиру как можно более недвусмысленно, а именно: не только помощь оружием и деньгами не может стать предметом обсуждения, а более того, наши настоящие взаимоотношения с Россией не позволяют допустить, чтобы наши территории использовались для враждебных действий против России. Экс-эмир может прибыть в Индию (в конце-концов мы понимаем, что трудно будет отказать) при условии, если он откажется от всех интриг против России и ограничит себя в пределах определенной резиденции, выбранной правительством Индии, которое будет руководствоваться стремлением выполнения обязательств договора с Россией и будет контролировать ее соперников».⁷⁶

Другими словами, британцы дали знать, что вероятно при определенных обстоятельствах они пустят Алим Хана, но тому придется довольствоваться еще более суровыми условиями содержания, чем те, какими он пользовался в Кабуле. Позже было принято однозначное решение не допускать Алим Хана в Индию. Британцы опасались также, что вслед за эмиром, в Индию хлынет поток бухарских беженцев, в рядах которых могли оказаться большевистские агенты. Единственное, что ему было позволено сделать, это нанести пограничный визит, но было рекомендовано, что если ему хочется поселиться в Британской империи, он может рассчитывать на Цейлон или Сейшелы или какое-либо другое место, с тем чтобы «его политические интриги были бы затруднены».⁷⁷

Что же настроило британцев против Алим Хана? Казалось бы, Англия - вечный противник России, могла обрести в сановном бухарце верного союзника. Ведь до своего появления в Кабуле он в одиночку полгода сопротивлялся большевикам, и теперь, в эмиграции был полон энергии продолжать борьбу.

Можно говорить о том, что Англия вышла из войны и готовила торговый договор с Советской Россией и поэтому не хотела портить отношения с Москвой. К тому времени, англичане прекратили интервенцию и оказание помощи контрреволюционным силам России. Однако главное состояло в том, что стороны, участвовавшие в диспуте о судьбе Алим Хана,

⁷⁶ IOR: L/PS/10/950.

⁷⁷ Ibid.

играли по правилам “Большой игры”, то есть заботились о своих собственных интересах. Империи предпочитали не обострять отношений между собой и договариваться, когда речь шла о местных народах. Им не было дела до судьбы Бухары и ее правителя. Эмир был слишком незначительной фигурой, чтобы из-за него ссориться. Несмотря на противостояние, Россия и Англия не допускали в вопросе о бухарском эмире разногласий. Чиновники британского правительства Индии (а именно они во многом определяли английскую политику в Средней Азии) рассуждали, что, поскольку Бухара является “от природы государством Российской империи, то эмир является, в конечном счете, восставшим против правительства де-факто”.⁷⁸ Другими словами, они считали, что большевики, как русские, наследовали от царизма право владения Бухарой. Следуя этой империалистической - по форме и по содержанию - логике, действия Алим Хана, направленные на сопротивление Советской власти, рассматривались ими как незаконные. Сами чиновники колониальной администрации рассматривали эмира как еще одного местного князька-махараджу, мечтающего об английском покровительстве.

Ничего, кроме равнодушия и легкого раздражения со стороны Лондона, а также ненависти со стороны Москвы и революционной Бухары, Алим Хан не вызывал. Для всего остального мира падение Бухары и невзгоды, выпавшие на долю ее правителя, остались вовсе незамеченными.

То, что Великобритания была вынуждена «проглотить пилюлю» и решить вопрос с Алим Ханом в пользу России, не означает того, что она оставалась в бездействии перед активностью большевиков в регионе. Ее дипломатия и могущественная секретная служба продолжали скрытую, но напряженную борьбу за сохранение и укрепление империи.⁷⁹ Индийский исследователь К. Варикку указывает, что для финансирования шпионажа и подрывной деятельности против Советской России, в марте 1920 г. в Лехском и Сринагарском отделениях Кашмирского государственного казначейства было размещено 3 млн. рублей.⁸⁰ Еще в годы первой мировой войны Великобритания организовала разветвленную секретную и пропагандистскую службу, которая распространяла литературу на всех азиатских языках. Работу координировал Британский комитет Военной информации в Шанхае и подобные комитеты в Месопотамии и в Лондоне. Помимо антисоветских книг и брошюр, выпускались листовки и плакаты, которые вывешивались открыто в Восточном Туркестане и распространялись тайно в Бухаре и Туркестане.⁸¹

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Об этом см. например: Hopkirk P, *Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia*. London: Oxford, 1986.

⁸⁰ Warikoo, K., “Central Asia and Kashmir. A study of Political and Cultural Contact during 19-th and early 20-th centuries,” *Central Asian Survey* 7, no. 1 (1988), 81.

⁸¹ Fraser, Glenda “Basmachi-I”, 24.

Итак, после бегства из Бухары и тщетных попыток организовать действенное сопротивление Советской власти, Алим Хан прибывает в последний пункт своих скитаний - в кабульскую ссылку. Поведение правителей соседних стран, проигнорировавших крик о помощи и отказавших в поддержке, вызвали в душе изгнанного монарха глубокую досаду и разочарование. Большая часть его несметных сокровищ ушла в Красную Москву, расходовалась бухарским правительством на различные нужды. Миллионы в европейских банках были для него недоступны. Немало бухарского золота было разграблено мародерами. Многочисленная эмирская семья оказалась разобщенной. Наибольшую ценность, которую Алим Хан привез с собой в изгнание, представляло собой стадо прекрасных каракулевых овец, лучших в мире. Позже эти овцы значительно улучшат каракулеводство в Афганистане. Алим Хан привез в Кабул также горсть священной бухарской земли. Она была засыпана в его резиденции в два серебряных сосуда, в которые, в свою очередь, были вставлены два бухарских флага.⁸²

Таким образом, революционная война, развязанная большевиками в Бухаре, привела к свержению эмирского строя и устранению эмира как правителя этой страны. Почему это произошло? Ответ на этот вопрос привычней искать с позиций классового подхода, а именно: Октябрьская революция реализовала имманентно присущее трудящимся Бухары стремление избавиться от ненавистной эксплуатации, покончить с несправедливым распределением доходов, классовым и национальным гнетом и т. д. Тем, кого не устраивает классовый подход, можно предложить “рационалистическую” аргументацию. В самом деле, Бухарский эмират являл собой отсталую полуколонию России, с реакционным режимом, проводившим непопулярную внутреннюю и внешнюю политику. Ликвидация одиозной средневековой монархии, потерявшей способность саморазвития в стремительно начавшемся XX веке, и включение этого придатка царской России в состав уже Советской России, в глазах окружающего мира, выглядело делом справедливым и закономерным. Не зря все крупные державы, к которым обращался Алим Хан, реагировали на падение эмирата одинаково - никак.

Приведенная аргументация, однако, главным образом оправдывает случившееся, но нисколько не объясняет ситуацию. Между тем, рассмотрение истории падения Бухары дает немало пищи среднеазиатским народам для ответа на вопрос: кто мы и откуда?

Красный флаг над Бухарским Арком - это не просто знак завоевания большевиками еще одной российской окраины. Он означал поражение

⁸² Stewart, Rhea Talley *Fire in Afghanistan 1914-1929. Fight, Hope and the British Empire*. New-York: Doubleday & Company, INC, 1973, 160. Впрочем, эти символы бухарской власти простоят лишь до 1923 г.

“Священной Бухары” - оплота ислама в Средней Азии, которое, в свою очередь, повлекло за собой значительные социально-политические и цивилизационные последствия, в том числе и среднеазиатскую эмиграцию.

Реакция бухарцев на революционную войну не может быть понята без учета традиционных, в первую очередь, религиозных, представлений. Разумеется, социальное поведение мусульман не обязательно в точности совпадает с исламской доктриной, но в случае с Бухарой конца 1920-начала 1921 гг. ссылка на ислам кажется более чем уместной. Мусульмане вообще, и жители Благогородной Бухары в особенности, руководствовались в повседневной практике и, тем более, в социальной жизни, в значительной степени исламскими указаниями. Экономические, социальные, а тем более, классовые императивы неизбежно преломлялись через призму религиозных установок и представлений. Как писали российские наблюдатели еще в 1911 г., “население Бухары открыто и категорически высказывается, что оно готово переносить какой угодно «зулм» (гнет), лишь бы таковой исходил от правоверного правительства”.⁸³ Большинство бухарцев Алим Хан воспринимался не как деспотичный мангыт, а как «саид» - потомок Пророка и легитимный правитель всех мусульман. Падение эмирата, приход русских и «неверных-джадидов» нарушили популярные представления о мусульманском суверенитете и значительно травмировали психологию населения. С победой красных войск и бегством эмира (правителя мусульман), Бухара из мусульманской страны (дар ул-ислам) превратилась в немусульманскую территорию (дар ул-харб). Согласно мусульманским законам, в такой ситуации бухарцам предписывалось объявить повсеместную войну против агрессоров (то есть джихад) с тем, чтобы восстановить дар ул-ислам и/или совершить хиджру, то есть всем покинуть родину. Речь шла об оборонительной войне против силы, представляющей угрозу мусульманской общине и религии, а не агрессивной войне против немусульман. Разумеется джихад означал не просто защиту религии, но ее утверждение и дальнейшее развитие. «Джихад обязателен», призывали религиозные авторитеты. Готовность рядового, не искушенного в военном деле мусульманина исполнить это религиозное предписание и умереть за свою религию, придавало муджахиду статус героя-мученика. Равным образом, решение покинуть дар ул-харб и стать мухаджиром означало выполнение религиозного предписания. Бухарский мухаджир или «тот, кто совершил хиджру» делал это не только, и не сколько в целях физического спасения, а для того чтобы выразить свой протест и утвердиться в своей вере. Причем джихад и хиджрат инициировался традиционными (преимущественно религиозными) авторитетами и проявлялся как акт коллективного волеизъявления на племенном или регионально-этническом уровне.

⁸³ Из сводки штаба Туркестанского Военного округа, янв.1921. См.: АКПТ, ф.31. оп.1, д. 6, л.9.

Восточная Бухара: очаг сопротивления

Включение Бухарского эмирата - бывшей полуколонии царской России в состав уже Советской России и далее СССР, продолжалось примерно пять лет. Это время выдвинуло новых персоналий, в чьих судьбах отразилась сложная и противоречивая история народов Средней Азии.

Один из них - Ибрагимбек. Это имя более десяти лет держало в напряжении Советскую власть в Средней Азии. Ибрагимбек остался и, вероятно, останется на долгие годы в народной памяти. Для кого-то в Таджикистане и Узбекистане Ибрагимбек - презренный бандит, жестокий преступник и безграмотный дикарь. Другие гордятся им как национальным героем, долгие годы в одиночку воевавшим с грозной Красной Армией.

Биографические данные этого человека, записанные с его собственных слов содержатся в его уголовном деле. Итак, Ибрагимбек родился в 1889 г. в кишлаке Кокташ (современный поселок Сомониен, что в 17 км. на юг от г. Душанбе) и происходил из племени лакай, рода исанходжа. Лакайцы и схожие с ними племена (конграты, юзы, семизы, катаганы, дурмены и др.) - потомки кочевников-узбеков, пришли из Дашти Кипчака (обширной степной территории от низовьев Волги на западе до северного берега Сыр Дарьи на юго-востоке) в Мовароуннахр в XVI веке, вслед за Шейбани ханом. Лакайцы были третьим по численности узбекским народом Восточной Бухары (после конгратов и юзов). В 1924 г. в пределах БНСР их насчитывалось 25 400 человек⁸⁴. Известны 4 подразделения (уруга) этого племени: исанходжа, бадракли, байрам и туртуул. Исанходжинцы и бадраклинцы жили в основном в Гиссаре, а байрамцы и туртуулцы – в Балджувоне.

Локайцы стали играть заметную роль в Кулябе в период упадка Аштарханидов в конце XVII века.⁸⁵ Однако сильнейшим узбекским племенем Восточной Бухары и северного Афганистана были не локайцы, а катаганы. Их лидером был Бекмурад Хан (или Мурад Бек, умер в 1698 г.), который основал свою ставку в Кундузе. Весь XVIII век и первые десятилетия XIX века Куляб и Балджувон эпизодически подвергались нападениям кундузцев. В 1832 г. их войска почти полностью разгромили город. Однако защитники города – в том числе локайцы и катаганы во главе с Ката Ханом оказали мужественное сопротивление.⁸⁶ Новый лидер Куляба и Балджувона – Сарабек Аталык (правил 1856-1870 гг.) восстановил город Куляб.

⁸⁴ Как отмечает этнограф Кармышева, “до революции их было больше, племя это особенно пострадало от басмачества”. См.: Кармышева Б. Х. Указ. соч. С.97.

⁸⁵ Кармышева Б. Х. Указ. соч. С. 231

⁸⁶ Юсупов Ш. *Вахшская долина накануне установления Советской власти*. Душанбе, 1975. СС. 18-20.

Как указывалось выше, в это время на левом берегу Аму Дарьи правили потомки катагана Мурад Бека, которые считали себя вассалом Бухарского эмира. В середине XIX века кундузские узбеки ослабли и стали платить дань кабульским сардарам, хотя не оставляли попыток избавиться от афганцев. Безраздельное господство узбеков в этом регионе продолжалось до конца 1860-х гг. Тогда Бухара была подчинена русским царем, а афганский (пуштунский) лидер Абдуррахман Хан жестоко расправился с катаганами. С тех пор территория известная как Катаган (Кундуз и Балх) перешла под исключительный контроль афганцев.

Таким образом, в начале XX века Восточная Бухара представляла собой ряд бекств, фактически независимых, отданных эмиром во власть местных феодалов-беков. Куляб, Балджувон, где проживали соплеменники Ибрагимбека, а также соседние Дарваз и Каратегин, служили неким буфером между Бухарой, Кокандом с одной стороны, и Афганистаном – с другой. Лакайцы и другие узбекские племена, сохранившие многие черты кочевой военной организации средневековых тюрков, жили отдельно, сохраняя свои структуры, поддерживая беков и эмиров и оказывая эпизодическое давление на оседлых таджиков-земледельцев. Аламан – набег с целью грабежа – был весьма распространенным явлением в лакайской среде. Отношения таджиков и узбекских племен было настороженным, а порой враждебным. Оно было вызвано не только тем, что лакайцы постепенно переселялись из Гиссара на восток, на территории таджиков, но и обратным процессом переселения таджиков Куляба и Балджувона на юг и юго-запад – в предгорья Куляба и Балджувона и в Гиссарскую долину.⁸⁷ Однако, в селениях, где таджики издавна жили вместе с узбеками, никакой розни не наблюдалось. Простой народ жил в общинах, предпочитая договариваться, а не воевать с соседями.

Отец Ибрагимбека - Чакобай был удостоен чина токсабо (что соответствовало чину полковника согласно эмирской табели о рангах) и являлся аксакалом (старшиной) кишлака, насчитывавшего 80 дворов. Он был обеспеченным, по местным понятиям, человеком. Хотя, в целом социальная дифференциация и классовое расслоение в лакайской среде не были выражены до такой степени, чтобы назвать кого-либо из племенных вождей сказочно богатыми феодалами, нещадно эксплуатировавшими своих односельчан. Семейство Чакобая насчитывало 4 жены, 6 дочерей, 6 сыновей. В хозяйстве были заняты собственно домочадцы, лишь на время Чакобай нанимал 3-4 работника со стороны. Ибрагимбек был младшим из сыновей. В детстве он учился полтора года в начальной школе (мактабе), мог немного читать, но писать, по собственному признанию, так и не научился. Когда наступило время, Ибрагимбек женился, а после взял и вторую жену. Обе жены оказались бездетны. Позже, в 1921 г. Ибрагим-

⁸⁷ Кармышева Б. Х. Указ. соч. С. 158.

бек женится в третий раз - на Бибихатиче - дочери лакайского вождя Абдукаюма Парвоначи.⁸⁸ В 1912 г., когда Ибрагимбеку исполнилось 23 года, он лишился отца. Отец после смерти оставил младшему сыну пару быков и большие долги, которые, впрочем, Ибрагимбек не собирался выплачивать. Почти десять лет после смерти отца он скрывался от кредиторов, проживая то дома, то уходя к соплеменникам в другие кишлаки. Некоторые источники называют Ибрагимбека конокрадом. Видимо, эти утверждения недалеко от истины. Есть упоминания о том, что Ибрагимбек имел эмирский чин и занимался сбором налога (закота), так что его вполне можно причислить и к эмирским чиновникам.⁸⁹ Среди соплеменников он был известен также и как искусный джигит-наездник, неприменный участник популярных народных зрелищ - бузкаши (козлодраний). Так продолжалось до осени 1920 г., когда «Бухарская революция», как снег на голову, свалилась на Ибрагимбека, жившего вольной и праздной жизнью авантюриста⁹⁰.

Завоевание Восточной Бухары было определено, с одной стороны силой Красной Армии, с другой – военной слабостью и политической разобщенностью коренного населения. Тем не менее, очень скоро красноармейцы обнаружили, что имеют дело не с “союзником пролетариата”, а с враждебным, в лучшем случае нейтральным, населением. Вследствие этого, командованию пришлось закреплять занятые населенные пункты путем оккупации. Авангард оказался оторванным от основной части войск, разбросанной в тылу в виде отдельных гарнизонов. Такая война требовала огромных людских и материальных ресурсов. Эти обстоятельства, а также военное сопротивление повстанцев буквально связали Красную Армию по рукам и ногам. Естественно, ни о каких афганской или индийской экспедициях не могло быть и речи. Части 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, совершившие этот поход, названный “Гиссарской экспедицией”, к весне 1921 г. находились в состоянии полного разложения, объясняющегося усталостью, болезнями, нехваткой обмундирования. Невероятно тяжелые условия, в которых проходила затяжная “Гиссарская экспедиция”, неизбежно привели к падению дисциплины, подталкивали красноармейцев на массовые грабежи и насилия над местным населением.⁹¹ К 1 мая 1921 г. войска Красной Армии заняли почти всю территорию Вос-

⁸⁸ По словам родной сестры Бибихатичи, Зумрад Момо Каюмовой у Ибрагимбека и Бибихатичи родился сын Гуломхайдар. В 1932 г. он умер от болезни в возрасте примерно 4 лет. Немногом позже, на руках своих сестер в Дангаре (Кулябский район) скончалась и сама Бибихатича. См.: Насриддин Назаров. *Мухаммад Иброхимбек Лакай*. Document de travail de l'IFEAC. Серия «Рабочие документы ИФЕАК» Выпуск 20 (июнь 2006). Ташкент, 2006. С. 14.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Архив комитета государственной безопасности Узбекистана. Уголовное дело N 123469 по обвинению Ибрагимбека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР), (далее: Дело 123469). СС. 3-4.

⁹¹ РГВА, ф.110, оп. 2, д. 71, л.38.

точной Бухары. Они разместили свои гарнизоны в важных в стратегическом отношении селениях. Свободным оставался Дарваз, с центром в Калаи Хумбе, куда стянулись повстанцы во главе с Ишан Султаном. Сил идти на Дарваз в 1921-1922 гг. у Красной Армии не было.

Немедленно после занятия Душанбе, Гиссара, Курган-Тюбе и Куляба, не дожидаясь организации гражданских органов власти, военные приступили к массовым продовольственным заготовкам для нужд Красной Армии. Зерно, мясо и другие продукты вывозились из Восточной Бухары в Закаспий⁹². Нелишне напомнить, что насильственное изъятие продуктов или “продразверстку” Советская власть проводила за границей своего государства. Ведь формально, провозглашенная 14 сентября 1920 г. БНСР, до 1924 г. оставалась самостоятельной и независимой. Выполнение продразверстки затруднялось тем, что Западная и Восточная Бухара, традиционно служившие житницей эмирата, находились в сфере боевых действий. В результате, хлебные плантации оказались запущенными и покинутыми жителями⁹³. Председатель Совнаркома Бухарской республики Файзулла Ходжаев писал в Москву, Ленину в июне 1921 г. о том, что: “мясная разверстка в республике была выполнена с помощью русских вооруженных отрядов и вызвала ненависть масс к русским вообще и Красной Армии в частности».⁹⁴ Продовольственные отряды, особые отделы Красной Армии проводили реквизиции, сопровождавшиеся расправами с так называемыми “кулаками” и “приверженцами эмира”. К осени 1921 г. продотрядами было собрано в Восточной Бухаре 1, 5 млн. пудов хлеба⁹⁵. Кстати сказать, до появления красных войск Бухара не испытывала недостатка в хлебе. Когда в 1917 г. из России перестал поступать хлеб в обмен на бухарский хлопок, Бухара, пережив один полуголодный год, решительно переориентировала свое сельское хозяйство и к 1921 г. имела 5 млн. пудов (80 тысяч тонн) зерна излишка⁹⁶.

С самого начала, Россия взяла под свой контроль экономику Бухары. Согласно экономическому договору между РСФСР и БНСР от 4 марта 1921 г., Россия установила свою монополию внешней торговли. Бухара была лишена права предоставлять без разрешения России иностранным государством концессии. Охрана границы с Афганистаном и таможня также находились в компетенции РСФСР.

Новые органы власти и части Красной Армии из-за отсутствия подходящих помещений размещались в школах, мечетях и других священных, почитаемых мусульманами местах. Красноармейцы разрушали и разбирали немногочисленные деревянные жилища на дрова. Невольно, у

⁹² АКПТ, ф.31, оп.1, д.49, л.14.

⁹³ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.77, л.л.55,71.

⁹⁴ РГАСПИ, ф.62, оп.1, д.444, л.11.

⁹⁵ АКПТ, ф. 4511, оп.16, д.135, л.67.

⁹⁶ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.245, л.123.

населения возникало впечатление о новой власти как об организованных и вооруженных грабителях, вымогателях и осквернителях религии.

Незначительная часть революционно настроенных бухарцев, а также тех, кто знал русских и стремился избежать кровопролития, проявила готовность к сотрудничеству с Красной Армией. Так, 5 марта 1921 г. в городок Гарм из кишлака Муджихарв прибыли два человека и заявили, что население “целиком и полностью признает Советскую власть и новое Бухарское правительство”. Одним из них был Нусратулло Максум - будущий первый глава правительства Советского Таджикистана⁹⁷. В числе сторонников новой власти было немало так называемых «отходников» - сезонных рабочих, работавших на промышленных предприятиях Ферганы.

Но основная часть населения вела себя иначе. Люди разбежались, прятались, опасаясь расстрелов, арестов, реквизиций. Наступление Красной Армии вынудило последнего бека Куляба – Джахонгир Хана также бежать в Афганистан весной 1921 г. Зачастую, люди покидали места предстоящих боев и возвращались в свои селения по их завершению. В одних случаях они просто отправлялись в горы, чтобы переждать тяжелый период, в других – бежали за границу. Оставлять территорию, оккупированную «неверными» без сопротивления хоть и не рекомендуется, но не запрещается Кораном.

И, наконец, находились такие, кто делал отчаянные попытки сопротивления. Весной 1921 г. в Восточной Бухаре (Гиссар, Курган-Тюбе, Куляб, Каратегин) вспыхнуло восстание против Красной Армии и Бухарского правительства. Возглавило его духовенство и родовые авторитеты. Повсюду создавались отряды бойцов для участия в джихаде. Население призывалось поддержать муджахидов в их борьбе с “неверными”, поднявшими оружие на мусульман и прогнавшими их со своих мест. Большинство отрядов группировалось вокруг племенных вождей и харизматических религиозных авторитетов. Отряды не были надежно связаны между собой, а тем более с пришлыми ферганцами, хотя последние, под командованием Нурмата, брата Шермата и прибыли в Восточную Бухару по просьбе Алим Хана. Это движение, позднее названное большевистскими агитаторами басмачеством, превратилось вскоре в грозную силу. Особое сопротивление оказали племена Куляба и Балджувона, (узбекские племена, таджики, тюрки, туркмены), потерявшие в боях весной 1921 г., как сообщал Ф. Ходжаев, около 10 тысяч убитыми⁹⁸. Тогда, крупнейший авторитет кулябских повстанцев - Давлатмандбий со своим отрядом напал на русский гарнизон в Кулябе. После отступления муджахидов, красноармейцы жестоко расправились с местным населением. Информационная сводка представителя РСФСР в Душанбе сооб-

⁹⁷ АКПТ, ф. 4511, оп.1, д.147, л.17.

⁹⁸ АКПТ, ф. 4511, оп.16, д.135, л.158.

щала, что Красная Армия творила при этом немало “безобразий”. Как всегда во время военных конфликтов, первыми жертвами стали слабые, в том числе женщины. Так, в Кулябе отрядом особого назначения было изнасиловано несколько женщин⁹⁹.

Естественно, традиционное общество, в котором мужское доминирование было абсолютным, реагировало на советское вторжение самым решительным образом.

«Проклятый недоверок и педераст Юсуф, негодяй Хабибулла (вероятно, чиновники-бухарцы, занимавшиеся заготовкой продуктов и мобилизацией транспорта для Красной Армии. - К.А.) дошли до того, что оскорбляли женщин и развращали их, соблазняли деньгами. После этого они разграбили народ. Джадиды, оказывается, не действуют согласно шариата... Если будет такое грабительство, то мы клянемся вести борьбу до смерти последнего мусульманина... Мы русских и джадидов не боимся»,¹⁰⁰

писал в своем письме Давлатмандбий.

Усилия «басмачей» были направлены как на защиту от нападения извне, так и на укрепление идеологизированных, патриархальных связей и солидарности на общинном уровне. Верность религиозным идеалам, помощь повстанцам рассматривалась общественным долгом, а солидарность с муджахидами приветствовалась. Соответственно, сотрудничество с властями каралось самым жестоким образом. Восставших бухарцев поддержал отряд матчинцев из 2,5 тысяч человек во главе с Абдулхафизом.¹⁰¹ На начальном этапе (начало 1921- начало 1922 гг.) борьбу против нового строя возглавил религиозный авторитет - Ишан Султан из Дарваза и феодал Давлатмандбий - тюрки из Балджувона.¹⁰² Не обладая военным опытом, эти традиционные лидеры обратились к лакайцам с призывом участвовать в борьбе против русских и джадидов. В Архиве Советской Армии имеется упоминание о том, что Ибрагимбек был “военным инструктором” у Давлатмандбиа.¹⁰³ Об этом же, но более подробно, говорил на допросе в ташкентской ЧК и сам Ибрагимбек:

⁹⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.83, л.10.

¹⁰⁰ АКПТ, ф. 4511, оп.16, д.135, 173.

¹⁰¹ Матча - горная местность в верховьях Зерафшана (северный Таджикистан). В ноябре 1918 г. матчинцы подняли восстание и провозгласили так называемое «Матчинское бекство». Выступая против Советской власти и поддерживая басмачей Самарканда, Ферганы и Восточной Бухары, матчинцы продержались до апреля 1923 г. Сам Абдулхафиз (бывший в свое время беком Матчи) был взят в плен в июне 1921 г. при попытке захвата Гарма. См.: Абулхатов Р.А. *Упрочение Советской власти в районах верховьев Зерафшана*. Душанбе: Дониш, 1972. С.85.

¹⁰² Тюрки, составлявшие первоначальное ядро узбекской народности начали переселяться в Среднеазиатское междуречье в середине первого тысячелетия нашей эры. В дальнейшем, многие из них перешли на оседлый образ жизни, тесно взаимодействуя с аборигенным населением - таджиками. В Кулябе и Балджувоне в обилии проживали тюрки, перешедшие на таджикскую речь. См.: Кармышева Б.Х. Указ. соч. С.166.

¹⁰³ РГВА, ф.110, оп.3, д.1165, л.69.

«Вскоре от Ишана Султанхана - верного слуги эмира бухарского и Давлатмандбия к лакайцам стали поступать письма и присылаться люди, приглашавшие нас, лакайцев, к участию в борьбе против русских и джадидских войск. Посланцы говорили, и в письме указывалось, что Ишан Султанхан укрепился в Дарвазе, что Англия, Афганистан и ряд других государств идут войной на русских и бухарских джадидов, что они будут подавлены, что мы, лакайцы должны в этом принять участие. На этот призыв лакайцы откликнулись, организовав ряд отрядов под командованием Каюма Парвоначи, Барат бека и Тагай Баба. Я стал джигитом, аскером в отряде Каюма Парвоначи».¹⁰⁴

Так племенные отряды лакайцев откликнулись на призыв духовенства и местных феодалов и встали на защиту эмира бухарского и своих селений от революционных войск и Советской власти. Позже Ибрагимбек сменил своего заболевшего тестя на посту командира. С этого началось его стремительное восхождение. Лакайские отряды Ибрагимбека стали доминировать в повстанческом движении Восточной Бухары. В некоторых, более поздних источниках мусульманского происхождения он именуется как «Мулла Мухаммад Ибрахимбек Лакай». Хотя маловероятно, что Ибрагимбек был муллой, то есть образованным, в религиозном смысле, человеком. У него был свой духовный наставник – мулло имом. Звали его Ишони Довуд из Куляба. За сладкоголосие и знание классической поэзии его называли Ишони Булбул (соловей).¹⁰⁵ Несмотря на то, что Ибрагимбек был верующим человеком, он был прежде всего племенным вождем и военным лидером. По свидетельству Баглани, все кто знал Ибрагимбека, отмечали его личное бесстрашие и неразговорчивость. О карьере Ибрагимбека можно судить по тому, что в конце 1921 г. он носил звание караул беги (капитана) эмирской армии. И в дальнейшем, Алим Хан всячески поощрял Ибрагимбека, выделяя его как своего явного фаворита, хотя эти два персонажа настоящего исследования встретились друг с другом только поздним летом 1926 г. в Кабуле.

Костяк восточнобухарского басмачества составили племенные (узбекские) и этно-региональные (таджикские и узбекские) формирования, а также остатки разбитой бухарской армии. Восстанием в Дангаре руководил лакайский вождь Каюм Парвоначи. Другой лакаец (рода туртуул) Тогай Сары действовал в Кызыл Мазаре, в то время как Балджувон и Куляб контролировал местный тюрок Давлатмандбий. В Гиссаре главенствовал Темурбек, в Сурхандарье – Хуррамбек. Таджики Рахман

¹⁰⁴ Дело 123469.С.3.

¹⁰⁵ Ишони Довуд последовал в эмиграцию в месте с Ибрагимом в 1926 г. После бегства (возвращения) Ибрагимбека на советскую территорию в марте 1931 г. Эшони Довуд был заключен на несколько лет в афганскую тюрьму. Эшони Довуд закончил свой жизненный путь глубоким стариком, в 1970-х. Похоронен в афганском Бадахшане. Из беседы с Баширом Баглани. Душанбе, 24 августа 2006 г.

Додхо, Ишан Султан, Фузайл Максум руководили отрядами в Душанбе, Дарвазе и Каратегине соответственно. Ибрагимбек, имея свою базу в Кокташе, кочевал вместе со своими отрядами между Гиссаром и Кулябом, находя приют и поддержку у своих лакайцев. Таким образом, почти вся территория современного южного Таджикистана и сопредельной Сурхандарьинской области Узбекистана от Байсуна и Ширабада до Примапирья контролировалась басмачами, в рядах которых доминировали полукочевые узбеки. Среди последних главенствовали лакайцы Ибрагимбека. Отряды цементировались авторитетом вожака, племенной солидарностью и ореолом защитника веры. Именно эта триада и обеспечила стремительное восхождение Ибрагимбека. Судя по именам главарей, многие из них имели воинские звания (токсабо, додхо, парвоначи и пр.), из чего можно предположить, что эти курбаши или были в прошлом офицерами бухарской армии, или были удостоены званий в ходе самого сопротивления. Восставшие опирались на собственную силу и не имели организованной материальной поддержки из-за рубежа. Беглый эмир, который, хоть и жил небедно, не располагал средствами, достаточными для финансирования продолжительной военной кампании. Откуда тогда муджахиды брали оружие?

Основные тяготы по материальному обеспечению басмачества были возложены на беднейшее население края. По данным Туркестанского фронта, основная масса оружия в 1921-1924 гг., приобреталась в Афганистане в обмен на скот и средства, взимаемые в виде налогов с населения. В Восточной Бухаре вплоть до 1923 г. продолжали взиматься эмирские налоги, которые расходовались на джихад. В Афганистане разрешалась торговля оружием, правда, без права вывоза за границу, что, впрочем, не мешало муджахидам запасаться ружьями и патронами на левом берегу Амударьи. Некоторые лидеры басмачей открыто щеголяли в афганской униформе, приобретенной на собственные средства в Афганистане. Кроме того, источником оружия являлись советские города - Карши, Каган, Бухара, Самарканд, Ташкент, где оружие скупалось или похищалось у военнослужащих Красной Армии.¹⁰⁶ И, наконец, особой доблестью джигитов был захват оружия в бою с неприятелем. Если говорить об участии зарубежных стран и их представителей в поддержке басмачества, то, с достаточно полной уверенностью, можно говорить о незначительной помощи оружием английского консула в китайском Кашгаре Шерматбеку в 1918-1919 гг., и о более значительных закупках оружия в Афганистане для турка Энвер Паши в 1922 г. Причем, в последнем случае речь шла о покупке оружия за счет собственных средств турков. Разумеется, при недостатке финансирования, отсутствии квалифицированного военного и политического руководства и внешней поддержки, а также при отсталом

¹⁰⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д.1158, л.112.

администрировании, речь могла идти лишь о спонтанном локальном «джихаде» разрозненных племенных, полувоенных формирований. Басмачество было в целом малозатратным и довольно примитивным с точки зрения организации, предприятием.

В начале лета 1921 г. восстание было подавлено, но в Бухаре продолжали оставаться российские войска, численностью 20 тысяч человек - плохо одетых, голодных, недисциплинированных. Учитывая это, а также ожесточенное сопротивление оказанное повстанцами, Бухарское правительство предприняло попытку заключить мир с муджахидами. С этой целью, полномочный представитель РСФСР в Душанбе Б. Дуров и представитель правительства Атовулло Ходжа Пулатходжаев (Ата Ходжаев) вступили в переписку с Давлатмандбием. Дуров писал: “Прекратите бесполезную войну, забудем обоюдные обиды”. В ответ Давлатмандбий потребовал вернуть захваченный у населения скот. Он писал:

«Если вы приехали для мира и благополучия, то уймите ваше войско. Если не уйдете, то мы не отречемся от своего пути, и будем продолжать борьбу. Ваш полпред пишет, что вы и мы мусульмане, нам не зачем проливать кровь и (спрашивает), кто будет отвечать за кровь. Мы тоже не хотим кровопролития и идем на мир.»¹⁰⁷

Военное командование обещало вернуть скот сразу после того, как муджахиды сдадут оружие. Во время ведения переговоров командование дивизии объявило о прекращении военных действий. От имени правительства республики Ата Ходжаев и бывший турецкий офицер, начальник милиции г. Душанбе Сурея Эфенди объявили амнистию всем заключенным “улемам, муллам, амалдорам, аксакалам и видным лицам братьям Гармского и Дюшамбинского вилоятов.” 20 июня Сурея Эфенди отправился в Гарм. Он выступал перед жителями, говорил об амнистии, о роли России в освобождении мусульман от английского ига, уговаривал, чтобы “все граждане бежавшие и покинувшие свои дома, а также амалдоры, бежавшие от революционного правительства вернулись в свои дома и продолжали свою мирную жизнь”. Пламенная речь турецкого офицера оказала большое эмоциональное воздействие на слушателей. У многих присутствовавших выступили слезы на глазах. Растроганный Ишан Султан приказал сдать все оружие. В свою очередь, С. Эфенди, не менее расчувствовавшийся, возвратил оружие и . . . назначил Ишана Султана председателем Гармского революционного комитета.¹⁰⁸

В начале августа 1921 г. делегация бухарского правительства и русского командования во главе с Ата Ходжаевым прибыла в кишлак Кангурт для встречи с повстанцами. В составе делегации находился некто Саиджан-додхо, эмигрировавший позже в Турцию и напечатавший в 1928

¹⁰⁷ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.68.

¹⁰⁸ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.67. Позже Сурея Эфенди присоединится к Энверу, но вскоре заболит психической болезнью и будет отправлен на лечение в Кабул.- IOR:L/P&S/10/950.

г. свои воспоминания в журнале “Янги Туркистон”. Итак, Саиджан додхо вспоминал:

“Мы прибыли в Кангурт. Вместе с Давлатмандбием на переговоры прибыли Тугай Сары (лакаец), Ашур (семиз¹⁰⁹), Абдулкодир (карлук¹¹⁰), Абдулкаюм (лакаец из Балджувона),¹¹¹ Пошшошон (катаганский могол¹¹²) и другие. Давлатмандбий был одет в афганскую форму. После положенных приветствий он встал и сказал: «До настоящего времени на бухарскую землю не ступала русская нога. Ваше правительство пришло и привело русских солдат. Вы отобрали все наше имущество, а женщин и девушек изнасиловали. Пока русские солдаты не покинут бухарскую землю, мы будем продолжать свою войну. Мы сложим оружие сразу, как только русские уйдут из Бухары”.

По признанию Саиджана-додхо, все курбаши, которые находились при этом, поддержали слова Давлатмандбия.¹¹³

Утром 12 августа 1921 г. в кишлаке Калта Чинар (Балджувон) Ата Ходжаевым с одной стороны и Давлатмандбием с другой, в присутствии русского консула Дурова и уполномоченного 1-й Туркестанской кавдивизии Шатова был подписан мирный договор. Согласно ему, командиры повстанцев подчинялись правительству и обязались сложить оружие. В свою очередь, муджахиды требовали вывода русских войск из Восточной Бухары. В договоре говорилось: “Не должно быть никакого вмешательства иностранцев во внутренние дела на территории священной Бухары”.¹¹⁴ В текст договора были включены описания преступлений, совершенных против местного населения, требования возвращения конфискованного имущества и немедленного вывода особых отделов с Бухарской территории¹¹⁵. В качестве обязательного условия входило также требование наказания 12-ти аксакалов (старшин), доставлявших продовольствие Кулябскому гарнизону Красной Армии. Их обвиняли “в хищениях, развороте и грабеже народа”¹¹⁶. В дальнейшем аксакалы были разысканы и выданы новому председателю Кулябского ревкома - Давлатмандбию. Шестеро из них были вскоре публично казнены.¹¹⁷

¹⁰⁹ Семиз - близкая локайцам узбекская группа даштикипчакского (позднего) происхождения проживавшая в Кулябском бекстве. Ашур Токсабо или Ашури Кулоби был лидером кулябских узбеков. Казнен турком Салим Пашой в 1923 г.

¹¹⁰ Карлуки – наиболее древний и некогда многочисленный тюркский народ Восточной Бухары. Проживали, в основном, в Гиссаре.

¹¹¹ Видимо: Абдукаюм Парвоничи.

¹¹² Моголы - немногочисленная узбекоязычная группа из числа ранних племен. Проживали в Гиссаре и Кулябе, а также в соседнем Афганистане (Катагане).

¹¹³ *Янги Туркистон*, 1928, No.13.

¹¹⁴ АКПТ, ф.34, оп.1, д.49, л.173.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.175.

¹¹⁷ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.165.

По поводу падения эмирской власти и подписания Давлатмандбием и большевиками мирного протокола, народ Куляба сочинил следующее четверостишие:

«Амирамон гафлат омад
Шикасти давлат омад
Бийбобо-ро зур омад
Саломи хукумат омад».

Перевод:

«Позабыв о бдительности, не заметил наш эмир как
Пала наша держава
Трудно стало Бий-бобо ¹¹⁸

Пришло приветствие от правительства».¹¹⁹

Как вспоминал входивший в делегацию Ага Ходжаева Саиджан-додхо, представителям бухарского правительства было трудно договариваться с муджахидами. В том, что между бухправительством и простыми бухарцами были непонимание и даже вражда, во многом были виновны большевики. Являясь главными инициаторами и исполнителями бухарского переворота, в первый год после «революции» они старались находиться в тени, чтобы в случае чего сваливать вину за все эксцессы на бухарских коммунистов-бывших джадидов. Выставленные в роли предателей народных масс, джадиды становились мишенью справа и слева - как большевистского руководства, так и эмиристов-басмачей.

Духовенство внушало повстанцам, что джадиды – противники ислама и главные виновники несчастий, свалившихся на голову Бухары. “Джадиды и русские - заодно”, говорили курбаши. “Наше положение было невыносимым”, вспоминал Саиджан. “С одной стороны нас преследовали русские, а с другой стороны басмачи. И те, и другие называли нас предателями”.¹²⁰ Члены бухарского правительства были глубоко разочарованы, когда выяснили, что все восточнобухарские курбаши являются сторонниками свергнутого эмира. Тем не менее, они всячески старались разъяснить свои цели басмачам. В кишлаке Шаршар делегацию Бухары остановил Тогай (Тугай) Сары.¹²¹ Саиджан-додхо вспоминал:

“Он встретил меня и спросил: знаешь ли ты кто я? Я - это тот, кто отправляет джадидов и русских на тот свет. В ответ я стал объяснять, что мы не русские и не джадиды, а только национальная организация. Вскоре он понял цель нашей поездки, зарезал барана и угостил нас пловом”.¹²²

¹¹⁸ То есть Давлатмандбию.

¹¹⁹ То есть Советской Бухары. Это четверостишие записано в феврале 1991 г. со слов Башира Баглани.

¹²⁰ *Янги Туркистон*, 1928, No.13.

¹²¹ Тогай Сары – вождь локайского рода туртул (туртуул). См.: Насриддин Назаров. Указ. соч. С. 17.

¹²² Там же.

Анализ бухарского восстания 1921 г. показывает, что оно, в известной мере было одним из крестьянских восстаний потрясавших в то время Советскую Россию. Эти восстания были вызваны большевистским произволом и продразверсткой, вылившейся в форменное ограбление крестьянской массы. В этом смысле, басмачество стоит в одном ряду с тамбовским восстанием (антоновщиной) 1918-1921 гг. Как и тамбовская губерния, Восточная Бухара была крупной житницей, кормившей хлебом и мясом половину страны. В этой связи нелишне отметить, что изъятые у бухарцев продовольственные и материальные ресурсы (включая золото эмира) в 1921-1922 гг. помогли большевикам преодолеть продовольственный кризис и удержаться у власти.

В конце лета начался отвод частей 1-й кавдивизии, 9 месяцев находившейся в Восточной Бухаре и совершенно разложившейся. На полях созревал обильный урожай. Однако крестьянам Восточной Бухары так и не удалось спокойно собрать плоды своего труда. Не получил своего продолжения и начавшийся диалог между революционной бухарской властью и местными традиционными и религиозными авторитетами. Главным противником диалога выступили большевики, которые понимали, что национальное согласие между джадидами и муджахидами было чревато изгнанием русских и падением Советской власти в Бухаре.

После подписания договора, А. Ходжаев отправился в город Бухару. 5 сентября 1921 г. его отчет был заслушан и обсужден на совещании с участием полпреда России в Бухаре Юренева. Под давлением российской стороны, действия Ата Ходжаева были осуждены как правительством Бухары, так и командованием Красной Армии. Было решено “переработать договор, так как в нем басмачи рассматриваются как представители народа”.¹²³ Радикально настроенные руководители Бухары - т. н. левые коммунисты и «центристы» Файзуллы Ходжаева настаивали на усилении влияния Советского правительства в Бухаре и расширении поставок продовольствия в Россию. В качестве главного аргумента, оправдывающего советское присутствие, бухарские коммунисты приводили тезис о возможной агрессии Великобритании:

“Много может быть допущено ошибок в политике РСФСР в Бухаре, но угроза захвата Бухары с Запада для нас страшнее, чем вмешательство и нетактичности представителей РСФСР”.¹²⁴

Надо сказать, что правительство Бухары воспользовалось мирной передышкой для того, чтобы оказать материальную помощь Восточной Бухаре. Туда были направлены товары и денежные средства для расчета с населением. В то время власть в Гиссаре, Кулябе и Гарме находилась де-факто и де-юре в руках муджахидов. Их лидеры - Давлатмандбий, Ишан

¹²³ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.68.

¹²⁴ АКПТ, ф.31, оп.1, д.50, л.182.

Султан ставшие председателями ревкомов - не думали складывать оружия и признавать Бухарское правительство. Они не торопились делиться властью с джадидами. В то же время, Туркфронт также не собирался выводить свои войска. В сентябре 1921 г. в районах Душанбе, Куляба и Курган-Тюбе война возобновилась с новой силой. "Очищенную вроде Бухару пришлось снова завоевывать вооруженной силой", писал позже начальник штаба Туркфронта¹²⁵. Давлатмандбием было собрано у населения золото, серебро и 200 лошадей. Все это было переправлено в Афганистан для приобретения оружия и патронов¹²⁶. К концу сентября на территории Восточной Бухары образовались три центра сопротивления: в Душанбе, Балджуване и Гарме общей численностью 40 тысяч человек¹²⁷. 21 сентября 20-тысячная толпа, вооруженная преимущественно палками и мотыгами подошла к Душанбе, требуя вывода русских войск и представителей правительства. Началась более чем месячная осада города. Душанбе 1921 года представлял собой небольшой городок - торговый центр Гиссарской долины, в котором было до 900 дворов мусульман и 120 дворов торговцев-евреев.¹²⁸ Предположительно, его населяли около 6 000 человек. В конце 1921 г. Душанбе был оставлен местными жителями, напуганными начавшимися военными действиями. В городе, кроме общины бухарских евреев, оставался русский гарнизон, состоявший из двух полков и штат полпреда РСФСР в Восточной Бухаре. Отряд лакайцев Ибрагимбека и матчинцев неоднократно атаковал гарнизон. Тем временем, на помощь осажденным подошла помощь. 18 октября красноармейцы перешли в контрнаступление на кишлак Мазори Мавлоно, во время которого муджахидам был нанесен большой урон. В конце-концов, отряд матчинцев, ограбив окрестные кишлаки, отошел.

20 октября из Бухары в Душанбе выехала новая делегация, возглавляемая председателем Бухарского Центрального исполнительного комитета (иначе, президентом Бухары) Усман Ходжой Пулатходжаевым, известным как Усман Ходжаев. Это был родной брат Ата Ходжаева, заключившего 12 августа мир в Кангурте и двоюродный брат председателя правительства Файзуллы Ходжаева.¹²⁹ Позже он станет одной из центральных фигур среднеазиатской эмиграции. А пока, 23 ноября 1921 г. Усман Ходжаев в сопровождении отряда бухарской милиции под командованием заместителя военного назира (министра) Бухары, бывшего турецко-

¹²⁵ РГВА, ф.110, оп.3, д.592, л.224.

¹²⁶ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.136, л.л.52-53.

¹²⁷ АКПТ, ф.31, оп.1, д.136, л.62.

¹²⁸ АКПТ, ф. 9, оп.1, д. 224, л.8.

¹²⁹ Усман Ходжа происходил из богатого бухарского клана торговцев. По его собственным словам, он получил начальное образование в Бухаре. С 14 лет в Константинополе обучался теологии, логике и точным наукам. Затем в Бухаре занимался торговлей и преподаванием в медресе. После революции сентября 1920 г. был избран Назири молия (министром финансов), а затем Председателем БухЦИК.

го полковника Али Ризы прибыл в Душанбе. С ними был генеральный консул РСФСР в Восточной Бухаре Нагорный.

Прибыв на место, Усман Ходжаев приступил к реализации своего антисоветского плана, который он держал в тайне от русских. Мятаж Усман Ходжаева готовился заранее. Дело в том, что “Временное соглашение РСФСР и БНСР” предусматривало, что формирование и снабжение Бухарской армии будет происходить под контролем Реввоенсовета Туркфронта, иначе Москвы. Соответственно, предполагалось, что бухарская армия будет поставлена в зависимость от Туркфронта. Понятно, что это не устраивало бухарцев, пытавшихся избавиться от жесткого русского контроля. Выход был найден. Взамен армии, бухарцами, на принципах военной организации, была создана 8-ми тысячная “народная милиция”. Милиция была вне советского контроля и возглавлялась турецкими офицерами. Таким образом, появившийся в Душанбе У. Ходжаев обладал всей полнотой власти и имел в своем распоряжении внушительный отряд милиции. Легитимным поводом для его выступления послужил кангуртский договор от 12 августа, предусматривавший вывод русских войск из Восточной Бухары. 9 декабря У. Ходжаев и Али Риза арестовали военкома душанбинского гарнизона Морозенко вместе с его заместителем Мухиным и русским консулом Нагорным. Российской стороне был выдвинут ультиматум с требованием сдать оружие и покинуть Восточную Бухару. Оружие сдали лишь одна рота и пулеметная команда. Остальные отказались подчиниться. Это привело к вооруженному столкновению русских с отрядом Али Ризы. В этом эпизоде люди Ибрагимбека не поддержали джаидов и турков. Когда Али Риза призвал лакайцев помочь в борьбе с русскими, Ибрагимбек ответил: “Вы русских призвали, вы их и выгоняйте, а мы не хотим”.¹³⁰ В результате трехдневного боя (10-12 декабря) красноармейский отряд восстановил положение.¹³¹ Российское командование было освобождено и в штаб Туркфронта было сообщено о случившемся. Туркам и джаидам пришлось ретироваться. Тотчас после бегства У. Ходжаева и Али Ризы из Душанбе, 13 декабря Ибрагимбек коварно напал на отступающий отряд У. Ходжаева, нанес ему поражение и захватил немало трофеев. Можно себе представить, какие чувства в это время испытывал Усман Ходжаев к лакайцу. Затем в душанбинский гарнизон прибыл парламентар лакайцев. К тому времени Ибрагимбек, по его собственным словам, был избран населением Гиссара беком.¹³² В переданном им письме Ибрагимбек поздравлял русских с победой:

“Товарищи, мы вас благодарим за то, что вы дрались в джаидами. Я, Ибрагимбек хвалю вас за это и жму вашу руку, как другу и товарищу и открываю вам дорогу на все четыре стороны и еще могу

¹³⁰ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.257, л.114.

¹³¹ Иркаев М. *История гражданской войны в Таджикистане*. Душанбе, 1963. С.С. 303-304.

¹³² Дело 123469, т.2, с.3.

дать фуража. Против вас мы ничего не имеем, мы будем бить джадидов, которые свергли нашу власть”, писал Ибрагимбек 20 декабря 1921 г.¹³³ В то время он тесно контактировал в русскими, в частности с российским консулом Нагорным. Об этом упоминал сам Нагорный. Вполне вероятно, что русский дипломат сделал все возможное, чтобы натравить лакайцев на бухарцев. Самому Ибрагимбеку казалось, что с изгнанием “джадидов” и уходом русских, в Бухаре восстановится старый порядок. Его миролюбие к русским, разумеется, было вызвано тактическими соображениями, и в этом Ибрагимбек проявил себя достаточно гибким для эмирства лидером. Более того, Ибрагимбек пытался сдерживать антирусские настроения в своих отрядах. В письме от 31 декабря он просил консула:

“Просим вас, сделайте распоряжение своим красноармейцам, чтобы они у мирного населения ничего не отбирали. В кишлак Каратаг (нами) были привезены продукты на 4 лошадей, а ваши красноармейцы (кроме продуктов) и лошадей отобрали. Прошу возвратить. Еще раз прошу ваших красноармейцев, чтобы они не отбирали скот у мирного населения и самовольно ничего не брали”.¹³⁴

Разумеется, российский отряд не думал покидать Душанбе, как того ожидал наивный Ибрагимбек. Командование и консул избрали следующую тактику: “переговоры поддержать, помощь продуктами принять, стараясь создать видимость дружбы, оттянуть время до приезда подкрепления - частей 3-й стрелковой бригады”.¹³⁵ Переговоры продолжались до начала января 1922 г. Именно тогда в Душанбе прибыли дополнительные красноармейские отряды и 6 января военные действия между Ибрагимбеком и русскими войсками возобновились. Совершенно ясно, что Россия использовала переговоры для выигрыша времени, одновременно усиливая антагонизм между Ибрагимбеком и бухарцами.

После понесенного поражения отряд бухарцев Усман Ходжаева распался. Часть отряда под командованием лезгина Данияра ушла на запад - в Шахрисабз, где соединилась с отрядом курбаши Джаббара; один эскадрон присоединился к местным повстанцам; остальные под командованием Али Ризы направились вниз по реке Сурхан и впоследствии соединились в Кобадияне с отрядом другого турка— Хасанова.¹³⁶ Сам Усман Ходжаев 10 апреля 1922 г. вместе с группой бухарцев и турков (в числе которых был Сами Бей или Салим Паша) бежал в Афганистан. В Кабуле, Усман Ходжаев составил компанию бывшему президенту Башкортстана Ахмеду Заки Валидову, бывшему послу БНСР в Афганистане Хашиму Шаику и его заместителю Мухаммадому Шариф Ходже. Усман Ходжа

¹³³ АКПТ, ф. 4511, оп.16, д.88, л.115.

¹³⁴ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.136, л.121.

¹³⁵ АКПТ, ф.31, оп.1, д. 50, л.118.

¹³⁶ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д. 245, л.149.

просил афганское правительство и английских дипломатов предоставить оружие и помощь бухарскому сопротивлению. 29 апреля 1922 г. он направил «Меморандум Министерству иностранных дел божественного Государства Афганистан, признавшего независимость Бухары».¹³⁷ Не дождавшись ответа афганского правительства и не выдержав настойчивых преследований российских шпионов, в сентябре 1923 г. Усман Ходжа покидает Кабул «по просьбе афганского правительства».¹³⁸

Справедливости ради следует отметить, что многие бойцы и командиры Красной Армии испытывали тягость из-за того, что военные используются для подавления “туземцев”. Они возмущались бездеятельностью и неэффективностью “мнимо-советских” органов БНСР. Говоря о политическом состоянии Восточной Бухары, комиссар “Гиссарской экспедиции” Комаров в своем докладе констатировал “полное отсутствие власти и нейтральность населения Восточной Бухары, его озлобление к правительству и угрозу к военной силе”.

Между тем, российское командование придавало принципиальное значение советизации этого отдаленного региона, расположенного на самых подступах к Афганистану и Индии. Завоевание Восточной Бухары планировалось лишь как прелюдия к более масштабному наступлению. Сразу после “Гиссарской экспедиции” штаб Туркфронта приступил к изучению ее итогов, с целью возможного дальнейшего использования опыта завоевания Восточной Бухары в сопредельном Афганистане. Руководитель специально созданной для этого комиссии, военный историк Дмитрий Дмитриевич Зуев в августе 1921 г. писал, что “Гиссарскую экспедицию” следует рассматривать как репетицию возможного движения наших военных частей в пределы Афганистана в кабульском направлении”.¹³⁹ Был составлен вопросник, который был разослан командирам - участникам «Гиссарской экспедиции». Отвечая на вопрос: “Кого встретит в Восточной Бухаре Красная Армия?”, командиры 4-го и 6-го кавполков отвечали, что русские войска “встретят здесь врагов скрытых в лице баев и зажиточных дехкан, друзей не найдут, за исключением единичных случаев, нейтральных в лице беднейшего крестьянства, которому безразлично, только бы их оставили в покое”.¹⁴⁰ В частях “Экспедиции” не хватало продо-

¹³⁷ См. Приложение.

¹³⁸ Усман Ходжа получил выездные документы в британском посольстве, и через Индию перебрался в Турцию, где организовал издание эмигрантского журнала «Ени Туркестан». Однако турецкое правительство, под нажимом Москвы вынудило его покинуть Турцию. После скитаний в Иране и Польше в 1939-1945 гг., Усман Ходжа возвращается в Стамбул, но опять ненадолго. В 1951 г. он отправился в Пакистан и в 1957 г. вновь возвратился в Стамбул. В последние годы своей жизни, вплоть до кончины, наступившей 28 июля 1968 г. он занимался литературной и политической деятельностью. См.: *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*, 45.

¹³⁹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1142, л.75.

¹⁴⁰ РГВА, ф.110, оп.3, д.1375, л.73. К сожалению, архив комиссии по изучению опыта «Гиссарской экспедиции» не сохранился.

вольствия, свирепствовала малярия и цинга. Из-за отсутствия обмундирования и обуви красноармейцы изготавливали обувь из пустых жестяных консервных банок. Такое положение самым губительным образом сказывалось на состоянии дисциплины. Начальник политического отдела Туркфронта Иван Врачев в июне 1921 г., описывая политическое состояние частей “Гиссарской экспедиции”, писал:

“Дисциплина в частях совершенно отсутствует. Был случай отказа двух эскадронов 5 и 6 кавполков от выполнения боевого приказа. Из второго кавполка сбежал военком полка. Этот же полк вынес постановление перебить весь командный и командирский состав. Этот пример вызвал живой отклик среди красноармейцев других частей дивизии”.¹⁴¹

Среди среднего командного состава Туркфронта была распространена следующая характеристика: “Так называемое басмаческое движение в Восточной Бухаре, да и вообще в Бухаре есть народное революционное восстание против теперешнего правительства, поддерживаемого Советским правительством”.¹⁴²

Конечно же, подобные высказывания серьезных последствий не имели, и господствующим настроением большевистской верхушки было стремление окончательно завоевать Бухару. В этом она чувствовала себя продолжателем царской завоевательной политики.

“Как в 1868 году была сделана ошибка, когда завоеванная Бухара не вошла в состав Туркестанского края из опасения недовольства Англии, так и в 1920 году ошибка была повторена и вместо крепко спаянной с Туркеспубликой Бухарской области - мы сейчас имеем в самом центре Туркестана гнездо панисламизма, националистического басмачества и яблоко раздора для нарастающего афганского империализма”,

говорилось в докладе штаба Туркфронта.¹⁴³ Тревога советского правительства не была лишена оснований. Красные командиры видели, что Бухарское правительство стремится избавиться от какого-либо влияния России на организацию Бухарской армии, за исключением, разумеется, получения материальной помощи. К тому же, победой советских войск пытались воспользоваться турецкие офицеры - военнопленные Первой мировой войны. Как указывалось выше, к маю 1921 г. в Бухаре был создан корпус конной милиции из 8 тысяч человек во главе с турками, не подчиненный русскому командованию. Кроме того, создались объективно благоприятные условия для вмешательства Афганистана в бухарские дела. Усилившееся повстанческое движение в приграничном районе Кобадиян-Айвадж, вынудило войска ВЧК оставить этот стратегически важ-

¹⁴¹ РГВА, ф.110, оп.2, д.71, л.38.

¹⁴² РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.258, л.118.

¹⁴³ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.245, л.127.

ный район, вследствие чего граница с Афганистаном на участке к востоку от Термеза осталась без охраны.

Размах войны в Бухаре не мог не вызвать реакции со стороны афганского правительства. Вместе с беженцами на левый берег реки проникали слухи о репрессиях, суровом коммунистическом контроле и господстве атеистов в Благородной Бухаре. Кабул не без оснований опасался повторения подобного (беспорядков, вызванных советской оккупацией) в Афганистане. Афганцы выразили Бухарскому правительству свою озабоченность по этому поводу и готовность принять участие в “наведении порядка”. В приграничную полосу стали стягиваться войска. Это встревожило представителя РСФСР, написавшего в ноябре 1921 г. в Москву следующее:

“Осуществлять наше влияние путем ввода новых частей Красной Армии и вооруженных репрессий - вещь при нынешней мировой ситуации абсолютно немыслимая. Попытка оказать такое “влияние” приведет лишь к созданию Бухарского фронта, к весьма возможному разрыву с Афганистаном и еще более подорвет наше влияние на Востоке и усилит позиции Англии”.¹⁴⁴

Ожесточенное сопротивление муджахидов, активность турецких офицеров и другие обстоятельства заставили большевиков пересмотреть первоначальные планы развязывания революционных войн на сопредельном Востоке. Представитель НКВД в Средней Азии писал:

“Нельзя не считаться с тем, что с точки зрения международного права появление “оккупационной” армии на территории Бухары рассматривается как вторжение русских войск в исламскую страну”.¹⁴⁵

В 1921 г. большевики уже не спешили бросать революционный вызов Великобритании. Трезвые политики из числа высших чиновников российского НКВД призывали большевистское руководство ограничить революционные приобретения в этом регионе Бухарой. Никто из них, разумеется, не отказывался от давней мечты имперской России дойти до Индийского океана. Просто, реализация этого плана была отложена до лучших времен.

Таким образом, большевики захватили Бухару и установили правительство, состоявшее из бывших джадидов - партии для них ненадежной и временной. Как признавался один из большевистских авторитетов, член РВС Баранов в своем письме в Москву своему начальнику К. Е. Ворошилову, перед российскими большевиками в Бухаре была следующая альтернатива: 1) военная оккупация страны; 2) опора на какую-либо местную группу. Сам Баранов определил свою позицию так:

“первая (оккупация – К. А.) для нас неприемлема, так как военных сил у нас недостаточно, и такая политика может привести к усилению враждебности местного населения. Мы придерживаемся второй

¹⁴⁴ АКПТ, ф.4511, оп.1, д.135, л.241.

¹⁴⁵ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.83, л.104.

политической линии, а именно, опоры на группу (Файзуллы-К.А.) Ходжаева. Наша задача в Бухаре - не осложнять положение Ходжаева, а упрочить его и вместе с ним сломить враждебность населения и правящих кругов. Средством для достижения этого является наша Красная Армия. Аппарат репрессий находится в руках правительства (Ходжаева)".

Стремясь править Бухарой, подавляя при этом несогласных руками послушного бухарского правительства, Баранов убеждал Москву не настаивать на усилении прямого "русского военного режима, способного только подорвать авторитет правительства и Ходжаева".¹⁴⁶

Таким образом, правительство младобухарцев было необходимо для большевиков как орудие для проведения большевистской политики. Стремясь заинтересовать бухарцев, Москва воздерживалась от демонстративного контроля над их деятельностью. Более того, большевики шли на известные политические уступки, предоставляли экономическую помощь своим бухарским клиентам.

Продолжая разговор о советской политике в Бухаре, было бы несправедливым не отметить, что руководители этой республики, сохраняя лояльность Москве, делали попытки влиять на ее политику, вносить в нее коррективы в сторону достижения большей независимости и экономического оздоровления. Пытаясь стабилизировать ситуацию, первые руководители БНСР фактически лавировали между антирусски настроенными элементами из числа джадидов и сторонников басмачей, и советским командованием. Председатель Всебухарского Центрального исполнительного комитета Абдукадыр Мухиддинов, например, пытался оградить население от насилий Красной Армии. Он настаивал на том, что "в целях локализации восстания, красные войска должны воздержаться от непосредственных сношений с населением, а все советские и хозяйственные работники обязаны строго считаться с религией и обычаями местного населения". Далее в своей телеграмме, адресованной в Туркомиссию, Мухиддинов предлагал разрешить свободную торговлю и направить в Бухару необходимое количество денег и товаров. "Замедление вызовет плохие последствия", предупреждал он.¹⁴⁷ Стремясь успокоить население, Бухарское правительство направило в Восточную Бухару 300 млн. рублей, 20 тысяч аршин мануфактуры и своих представителей - так называемую "чрезвычайную шестерку" для примирения Красной Армии и населения. Правительство осознавало, что эти меры явно недостаточны и потому обратилось за помощью в центр. Москва же, ссылаясь на неурожай и голод 1921 г., смогла выделить Бухаре лишь 0,5 млн. рублей.¹⁴⁸

¹⁴⁶ РГВА, ф.110, оп.1, д.154, л.30.

¹⁴⁷ АКПТ, ф.4511, оп.16, д.135, л.л. 183-184.

¹⁴⁸ РГАСПИ, ф.61, оп.14, д.135, л.1.

Следует в этой связи напомнить, что Россия к тому времени владела золотым запасом Бухары (или точнее: взяла на хранение) и должна была в его счет обеспечивать БНСР необходимыми товарами и деньгами.¹⁴⁹

Помимо того что бухарцы стремились наладить экономику и торговлю, они пытались взять в свои руки дипломатическую службу. Бухарское правительство установило дипломатические отношения с Афганистаном, обменявшись послами весной 1921 г. Оно также противилось расширению русского воинского контингента, форсировало собственное военное строительство и стремилось усилить национальное (бухарское) представительство во власти. Полномочный представитель РСФСР в Бухаре Карим Хакимов (этнический башкир) жаловался в Москву, что Бухарское правительство открыто ставит вопрос об удалении из Бухары всех татар, русских и некоторых туркестанцев”. Недовольный своеволием бухарцев, Хакимов просил пересмотреть “политическую линию поддержки правительства Ходжаева”.¹⁵⁰

Большевистское руководство в Москве, естественно, было раздражено претензиями на всю полноту власти со стороны Бухарского правительства. Состоявшее главным образом из «буржуев», в глазах большевиков оно выглядело недостаточно революционным. Тем не менее, Москва не спешила форсировать “строительство социализма” в Бухаре и менять руководителей БНСР. Советская Россия считала “вполне возможным фактическое руководство внутренней, военной и внешней политикой Бухары без замены купеческого правительства”.¹⁵¹ Ее интерес к джадидам был сугубо прагматическим. Выходцы из богатейших фамилий, образованного класса и буржуазии, они были нужны большевикам как формальные представители местного населения во власти, как грамотные функционеры способные заниматься практической работой под неусыпным русским руководством. Потребность большевиков в джадидах отпала, как только советская система окрепла и обрела способность воспроизводить лояльных функционеров из низших сословий самостоятельно. Новое поколение «коренных» сотрудников было недостаточно компетентным, но политически лояльным. Последнее обстоятельство было для большевиков решающим.

«Летучий голландец Востока»

В первой декаде сентября 1920 г., когда в Бухаре полыхали не революционные, а самые натуральные пожары, а несчастный бухарский эмир Саид Алим Хан искал спасения в восточных бекствах, в Баку проходил Первый съезд народов Востока. Это была весьма масштабная манифес-

¹⁴⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.46, л.80.

¹⁵⁰ РГВА, ф.110, оп.1, д.154, л.74. К. А. Хакимов (1892-1938) был полпредом в Бухаре с января по сентябрь 1921 г. В дальнейшем он представлял РСФСР во многих странах Ближнего Востока.

¹⁵¹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.113, л.12.

тация большевиков в Азии. Стенограмма съезда долгое время скрывалась хранителями кремлевских тайн. И это не случайно. Уж слишком явно тот съезд демонстрировал тогдашнюю политику Третьего Интернационала на Востоке. Основной пафос съезда - повсеместная и безотлагательная революция, всемирная борьба против английского империализма.

“Да, мы против буржуазии Англии, за горло английских империалистов и коленом их в грудь” - призывал с трибуны председатель съезда большевистский лидер Григорий Зиновьев. Эти воинственные призывы нашли горячий отклик среди делегатов. Как отмечается в отчете о съезде, выступление Зиновьева вызвало следующую реакцию: “Раздалась буря аплодисментов, долгие крики “ура”. Члены съезда встают, потрясая оружием слышны крики: “клянемся”¹⁵²

Новая позиция России - вчерашнего союзника Британии и извечного врага Оттоманской Турции - способствовала появлению на политическом горизонте Средней Азии новой, весьма характерной фигуры. Это был делегат того памятного съезда, где лидеры Коммунистического Интернационала - К. Радек, Б. Кун, Г. Зиновьев стояли рядом с ферганскими басмачами, кавказскими повстанцами, турецкими военнопленными. Речь идет об Энвер Паше - турецком генерале, одном из лидеров младотурецкого правительства.

Среди мусульман, в том числе Средней Азии, Энвер был известен как «паша» – победоносный военачальник и «дамад» (зять) великого султана Турции. Родившись примерно в одно время с большинством персонажей настоящего исследования - в 1881 г. в семье рядового железнодорожного работника Хаджи Ахмед-бея и Айши Диляры, Энвер закончил военную академию в Стамбуле. Вскоре он присоединяется к организации младотурков «Иттихад ва таракки» («Единение и прогресс»). Члены этой организации в 1908 г. организовали мятеж, результатом которого стало принятие султаном Абдул Гамидом конституции и обещание провести всеобщие парламентские выборы. В 1909-1911 гг. генерал Оттоманской имперской армии Энвер Паша был военным атташе в Берлине. Он участвовал в Турецко-итальянской (1911-1912 гг.) войне в Ливии и Балканской войне в 1909-1911 гг. Несмотря на то, что в результате Турция потеряла свои территории на Балканах и в Африке, эти войны принесли Энверу лавры полководца. В 1914 г., Энвер берет в жены принцессу Эмине Неджие Султан (1896-1957). Она была дочерью принца (шахзаде) Селима Сулеймана и правнучкой султана Абдулмеджида (правил в 1839-1861 гг.). Вскоре после этого, контроль над правительством переходит к триумvirату, состоявшему из министра обороны и начальника генштаба Энвера Паши, министра флота Джемал Паши и министра внутренних дел Талат Паши. Глав-

¹⁵² *Первый съезд народов Востока: Баку 1-8 сентября 1920. Стенографический отчет.* Издание Комитета интернациональной пропаганды. Петроград, 1920. СС.40-48.

ной целью младотурков было сохранение Османской империи путем проведения некоторых реформ юридической системы и армии. Разочарованный территориальными потерями Османской империи во время Балканской и Ливийской войн, Энвер сделал Турцию союзником Германии в первой мировой войне. Он был заместителем главнокомандующего Османской армии в 1915-1918 гг.

Результаты Первой мировой войны оказались плачевными для Турции. По Мудросскому перемирию, заключенному Антантой и Османцами 30 октября 1918 г., турки ушли из Кавказа и Персии. Англия стала полновластным хозяином на Ближнем Востоке, в то время как единственной силой, нанесшей туркам непоправимые поражения в 1914-1918 гг. была русская армия. Согласно перемирию, союзники имели право оккупировать все стратегические пункты Турции, если считали, что существует угроза их интересам. Это перемирие ознаменовало начало конца Османской (Османской) империи. Оно стало личным поражением Энвера и партии младотурков, бесславно закончившей свое десятилетнее владычество. В начале декабря 1918 г. Энвер вместе со своими единомышленниками из Комитета "Иттихад ва Тараки" Джемал Пашой и Талатом был взят на борт подводной лодки своими бывшими союзниками - немецкими офицерами. Субмарина взяла курс на оккупированную немцами Одессу, а оттуда турки были переправлены в Германию. Турки имели все основания скрываться. Британский Форин офис по решению своего парламента неоднократно требовал у правительств Германии и Швейцарии выдачи трех паша, виновных в массовых казнях армян, пытках арабов и убийствах английских военнопленных.¹⁵³ Однако германские милитаристы покровительствовали лидерам знаменитого триумвирата и младотурецкого комитета "Иттихад ва Тараки", также как и другим противникам Англии - большевикам. Видимо не случайно в Берлине Энвер сошелся с одним из лидеров Коминтерна Карлом Радеком.¹⁵⁴ Радек (1885-1937) в 1918 г. по заданию Ленина находился в Германии, где принял активное участие в организации коммунистической партии, за что 15 февраля 1919 г. был арестован и помещен в тюрьму Моабит, откуда был выпущен в декабре того же года.¹⁵⁵ В этой тюрьме ему позволялось устраивать встречи, в том числе с иттихадистами. Видимо там, в "политическом салоне" Радека под контролем рейхсвера родилась остроумная идея скрестить коммунизм и панисламизм.

Большевики и священная война против «неверных»? Случаен ли подобный симбиоз?

¹⁵³ Тем не менее лидеры иттихадистов (Талат и Джавид) вели секретные переговоры с англичанами в Берлине в 1920 г. Между британскими министерствами обороны и иностранных дел были разногласия по этому вопросу. Лорд Керзон (МИД) выступал против переговоров с преступниками. См.: Masayuki Yamauchi. *The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasha in Soviet Russia 1919-1922*, Tokyo University of Foreign Studies, 1991, 13, 24.

¹⁵⁴ Там же., 14.

¹⁵⁵ Радек, Софья. О своем отце и о себе//Огонек, 1988, No.52. СС. 29-30.

Идея использования ислама и джихада в интересах империй не нова. В конце XIX века, Германия была крайне заинтересована в расширении своего влияния, и была полна решимости потеснить Англию на Востоке. В 1898 г. кайзер Вильгельм II после поклонения святым местам в Палестине прибыл в Дамаск, где заявил: “пусть его Величество султан и триста миллионов мусульман, рассеянных по всему миру и почитающих его как халифа, будут уверены, что германский император будет их другом на вечные времена”.¹⁵⁶

Накануне I мировой войны Германия взяла под свой контроль практически всю армию Османской империи и начала формировать “Исламскую армию”. Она стремилась распространить свое влияние на восток, на опасную близость к английским владениям. С этой целью в 1915 г. в Кабул отправилась германо-турецкая миссия во главе с В. О. Хентигом. В ее состав вошли индийские революционеры Мухаммад Баракатулла Бхопали и Раджа Махендра Пратап из националистического “Комитета индийской независимости”, образованного в Берлине. Перед выездом Пратап побывал у кайзера, получил от него письма к афганскому эмиру. В Турции к ним присоединился Казим бей - человек из окружения военного министра Турции Энвера Паши.¹⁵⁷ По прибытии в Кабул миссия пыталась вовлечь Афганистан в войну с Англией. Немало афганских лидеров подстрекало эмира Хабибуллу атаковать Британскую Индию, аргументируя тем, что Афганистан должен достичь независимости во внешней политике, а также необходимостью поддержать кайзера, провозгласившего себя, якобы, мусульманином и хаджи.¹⁵⁸ Все их усилия оказались напрасными: Афганистан сохранял нейтралитет во время I мировой войны.

Большевистский переворот октября 1917 г. вызвал в германо-турецкой миссии прилив оптимизма. Наконец, Германия, снабжавшая, как известно, большевиков денежными средствами, добилась своей цели - царизм был повержен. В январе 1918 г. профессор Баракатулла и капитан Магомет Казим бей прибыли из Кабула в эмирскую Бухару. Оттуда они отправились в Туркмению. В Туркмении Казим бей пользовался большим влиянием. Он обратился к Джунайду Хану - наиболее влиятельному лицу Хивы, а также туркменскому сардару Азизи из Теджена, советуя им, как выразился Баракатулла, “смотреть на большевиков как на друзей, а на англичан как на врагов”. От имени большевиков эмиссары обещали “автономию Хивы и денежную поддержку, в случае если войска Хивы совместно с большевистской армией наступят на англичан в Асхабаде”.¹⁵⁹ Неизвестна реакция бухарцев, но можно предположить, что

¹⁵⁶ Халфин Н.А. *Заря свободы над Кабулом*. М.: Наука, 1985. С.21.

¹⁵⁷ Халфин Н.А. Указ. соч. С.28.

¹⁵⁸ Dupree, Louis. ” Myth and Reality in Afghan “Neutrality”, *Central Asian Survey* 7, no.2/3 (1988): 146.

¹⁵⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.29, л.68.

призывы «революционеров Востока» не получили их поддержки. В марте 1919 г. Казим бей и Баракатулла прибыли в Ташкент. Они упорно продолжали свои усилия по сколачиванию пробольшевистского антибританского фронта в Средней Азии. Индус при этом заявил, что он хочет поехать в Москву и встретиться с Лениным. 7 мая 1919 г. далеко немолодой Баракатулла, снаряженный почти четыре года назад немцами и турками, добрался, наконец, до Кремля. В записке, предоставленной российскому правительству, Баракатулла “доказывал необходимость заключения советско-афганского оборонительного и наступательного союза против английского господства в Индии и предоставления Кабулу 1 млн. фунтов стерлингов для борьбы с Англией”.¹⁶⁰

Вернемся, однако, к Энверу. Как было указано выше, он с Джемалом и Талатом в 1919 г. в Берлине при покровительстве немцев сошелся с большевиками, в частности, с Карлом Радеком. Результатом той встречи явилось приглашение Энвера в Москву. Руководители Коминтерна рассчитывали с помощью турков завоевать симпатии мусульман Востока и укрепить свои позиции в Средней Азии. В свою очередь, Энвер нашел в антибританской политике, проводившейся советским режимом удобный случай сыграть еще раз активную роль на мировой арене. Общие интересы сблизили Энвера и его старого друга генерала Ганса фон Сикта (Hans von Seeckt), бывшего во время Первой мировой войны советником начальника генштаба Оттоманской империи, а затем командующим штаба германской действующей армии в Турции.¹⁶¹ В центре их интересов находилась Советская Россия. Разумеется, немцы мечтали с помощью России добиться пересмотра невыгодных для Германии условий Версальского мирного договора. В январе 1920 г. Сикт писал генералу фон Масову (von Massow) в Вену о том, что “целью будущей германской политики является сотрудничество (политическое и экономическое) с Россией”.¹⁶² С одобрения немцев, Энвер и его соратники - Джемал и Нури решили пойти на службу к Советам. 4 августа 1920 г. после нескольких неудачных попыток, Энвер, вместе с сопровождавшим его большевиком, известным под именем «Лео», а также неким Фуад Беем (египтянином) достигают Кенигсберга. Удивительно, что до этого Энвер делал несколько попыток достичь России, но все они заканчивались неудачно. Трижды, в период с апреля 1919 по март 1920 гг. Энвер садился в немецкий самолет для того, чтобы оправиться в Москву, но первые две попытки заканчивались неудачей. Полеты приходилось прерывать, то по техническим причинам, то из-за погоды. До этого его дважды арестовывали на границе, даже сажали в

¹⁶⁰ Халфин Н.А., Указ. соч. С.152.

¹⁶¹ Azade - Ayse Rorlich, “Fellow Travellers: Enver Pasha and the Bolshevik Government 1918-1920,” *Asian Affairs* 13, no.3 (October 1982), 289.

¹⁶² Masayuki Yamauchi. Op. cit. 16.

тюрьму на два месяца (в Каунасе и Риге) и высылали обратно.¹⁶³ Кажется, какая-то сверхъестественная сила пыталась предостеречь Энвера, принуждая отказаться от поездки, но тщетно. Третья попытка удается и, 15 августа 1920 г., генерал Энвер Паша, снабженный немецким паспортом на имя Али Бея, прибывает в Москву.¹⁶⁴

Тем временем, в Турции продолжался захват страны войсками Антанты. Султан Вахидеддин уступал англичанам, французам и итальянцам одну позицию за другой. Помимо Британии и Франции, Турции угрожала Греция, претендовавшая на Измир (Смирну) и дашнакская Армения. В это время (1919-1920 гг.) на историческую арену Турции выходит Мустафа Кемаль.¹⁶⁵ С самого начала он был сторонником младотурков, но осуждал прогерманскую политику Энвера и настаивал на его отстранении. В апреле 1920 г. Великое Национальное собрание объявляет Турцию независимым государством. В ответ, Англия, Франция, Италия и Греция оккупируют Стамбул и разгоняют парламент. Севрский договор от 10 августа 1920 г. фактически уничтожил Турцию как самостоятельное государство. Вслед за этим, греческие войска начинают захватническую войну против Турции.

В целом, Советская Россия поддержала освободительную борьбу турецкого народа за независимость во главе с Мустафой Кемалем. Вместе с тем, она стремилась повернуть ее в большевистское русло. Вообще, в 1919-1920 гг. Москва была своеобразной «Меккой» для многочисленных делегаций от различных «угнетенных народов Востока». В этом свете, визит турецких эмигрантов во главе с Энвером не был каким-то особенным, экстраординарным, событием. Тем не менее, он был принят как почетный гость. В первый же день своего пребывания Энвер встречается с заместителем наркоминдела Караханом.¹⁶⁶ Затем его принимают как высокого гостя представители российских мусульман, а также афганского посольства. Официально он, якобы, вел переговоры о поставках германского вооружения для Красной Армии.¹⁶⁷ Вместе с тем, Энвер пытался выяснить, какой же политики придерживается Россия в отношении Востока, чтобы по возможности оказать влияние на эту политику, исходя,

¹⁶³ Мы упомянули про судьбу, потому, что 4 августа – день, когда Энвер ступил на российскую землю, станет роковым для этого турецкого генерала. 4 августа 1920 г. он покидает Берлин. Ровно через два года - а именно 4 августа 1922 г., Энвер был убит в рукопашной схватке с красными отрядами в Восточной Бухаре. Наконец, 4 августа 1996 г. останки Энвера были вывезены из Таджикистана турецким правительством.

¹⁶⁴ Masayuki Yamauchi, *Op. cit.* 24.

¹⁶⁵ Мустафа Кемаль Ататюрк, или Гази Мустафа Кемаль Паша (1981-1938). Первый президент Турецкой Республики.

¹⁶⁶ Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889-1937). С марта 1918 по 1921 - зам. наркома иностранных дел РСФСР. В 1934-1937 посол в Турции. В начале мая 1937 был вызван в Москву, арестован «за шпионаж» и позже расстрелян.

¹⁶⁷ Rorlich, Azade – Ayse. *Op. cit.* 292.

разумеется, из собственных интересов. Впрочем, в глазах большевиков и «трудящихся Востока» репутация Энвера не была безупречной. В Москве он был известен как один из инициаторов империалистической войны. Поэтому, в своем выступлении на I съезде народов Востока проходившем в Баку, он осудил свое участие в Первой мировой войне.¹⁶⁸ Съезд в своей резолюции призвал деятелей типа Энвера «показать делом, что они готовы теперь служить трудящемуся народу и загладить прошлые ложные шаги».¹⁶⁹ Нельзя сказать, что Москва полностью доверяла Энверу и всерьез собиралась поднимать Восток на «священную войну». Советская Россия испытывала смешанные чувства, глядя на возбужденных участников мусульманского съезда, многие из делегатов которого были вооружены холодным и огнестрельным оружием. Вместе с тем, большевики видели популярность Энвера среди делегатов. Поэтому, они не оттолкнули от себя Пашу. Предположительно, Москва, помимо всего прочего, держала Энвера Пашу на случай возможной замены Мустафы Кемалю. Как бы то ни было, ему был предоставлен «карт-бланш» и за ним было установлено тайное наблюдение. Оказывалась и непосредственная денежная помощь. Как явствует из переписки Энвера, в начале 1921 г. он получил от Кремля 400 000 немецких марок для личных нужд и оплаты политической активности. Для поддержки своих панисламистских планов он получил дар и от афганского эмира Амануллы - крупную сумму в 100 000 рупий (4 тысячи фунтов стерлингов).¹⁷⁰

По возвращении из Баку, с октября 1920 до февраля 1921 г., Энвер побывал в Москве, Германии, отдохнул с семьей в Швейцарии и Италии. Мог ли он догадываться, что это его последняя встреча с семьей? Все это время он продолжал балансировать, создавая видимость лояльности к Мустафе Кемалю и Москве. Он надеялся, что последняя окажет ему военную помощь для организации экспедиции в Турцию. Помимо сугубо турецкой и пантюркистской программы, Энвер начал задумываться о более широкой – панисламистской платформе. Он вынашивал идею т. н. «Лиги Исламского Единства» («Иттихади Ислам Чаъмияти»), которая должна была сотрудничать с революционными антиимпериалистическими силами Ближнего и Среднего Востока, а также Южной и Средней Азии. По его замыслу, «Лига» могла иметь собственные вооруженные силы. Эта идея своего рода «Исламского Коминтерна», или «Исламинтерна» поддерживалась всеми иттихадистами. Они стремились объединить революционные организации от Магриба до Синьцзяня. Проект «Лиги» обсуждался с Бухариным, Чичериним и Караханом еще летом 1920 г. «Исла-

¹⁶⁸ Впрочем, Чокаев утверждал, что большевики не дали Энверу выступить и его доклад был зачитан секретарем съезда.

¹⁶⁹ *Первый съезд народов Востока в Баку. 1-8 сентября 1920 г. Стенографический отчет.* С.118.

¹⁷⁰ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 22.

минтерн» установил контакты с египетской партией «Ватан» и встречался с беженцами из Сирии и Индии в Европе. Все это были весьма незначительные по своему масштабу и значению эмигранты, искавшие пристанища в Европе. Следуя примеру Коминтерна, «Лига Исламского единства» провела свой съезд в Берлине и Риме в конце 1920 г. В документах «Лиги», в его структуру были заочно включены Восточный Туркестан (представитель Халил Паша и Сами Бей) и Афганистан (Джемал Паша). Интересно, что все трое были османскими турками. Джемал предложил распределить обязанности следующим образом. Джемал отвечает за Индию, Афганистан, Фергану и Туркестан. Энверу отвели Иран, Бухару, Хиву и Туркменистан.¹⁷¹ Лидеры химерического «Исламинтерна» даже включили самого Мустафу Кемалю в ряды своего общества. Стоить ли говорить о том, что президент Турции не только не разделял идеи «Лиги», но и считал ее лидеров агентами России и Германии. Хотя «Лига» и не имела конкретной революционной программы и стратегии, ее призыв к освобождению от империалистического ига и лозунги исламского единства и солидарности могли найти отклик в Средней Азии, Афганистане и Индии. Поскольку большевики нуждались в некоей организации, которая связала бы их с антибританскими движениями в мусульманском мире, они поддерживали «Лигу» морально и материально. Второй съезд «Лиги Исламского единства» состоялся в Москве 27 июня 1921 г. На нем выступил нарком Чичерин, который обещал всемерную помощь революционерам Востока. Особенно он выделил борьбу афганских племен против английского империализма и важную роль, которую играл в Афганистане Джемал Паша. На самом деле этот «съезд» был карликовым: на нем присутствовало около дюжины беженцев-эмигрантов, главным образом, турков и арабов. Причем турки не стеснялись представлять страны с нетюркским населением.¹⁷² Между революционерами-турками и арабами начались споры, которые подогревались большевиками. В частности, арабы решили выйти из организации из-за пантюркистских наклонностей турков. Их раздражали националистические заявления, вроде того, что турки спасут мусульман, но никак не наоборот. Более того, Энвер заносчиво заявлял, что «самый лучший не-турок, стоит много ниже самого молодого и неопытного из турков».¹⁷³ По мнению арабов, такие шовинистические заявления расходились с панисламистским идеалом «Лиги». Их подозрения не были лишены основания. Для Энвера антиимпериализм и национализм были важнее панисламизма. Помимо этого, он отдавал себе отчет в том, что чрезмерное увлечение панисламистской риторикой может вызвать раздражение Советской стороны. По большому счету, Энверу не было дела

¹⁷¹ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 40.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 45.

до «мусульманского мира». Всю свою жизнь он оставался турецким националистом, и его главной заботой было возвратиться в Турцию победителем. Он не считал дело младотурков проигранным. Иттихадисты считали свою «Лигу Исламского единства» лишь внешнеполитическим инструментом младотурков-эмигрантов.¹⁷⁴ Главной целью Энвера весной и летом 1921 г. было переправиться в Турцию, чтобы возглавить Анатолийскую армию и разбить греков. В самом деле, несмотря на поражение в Первой мировой войне, Энвер был все еще популярен среди военных Турции. В июле ситуация сложилась критическая и, казалось, Мустафа Кемаль вот-вот будет разгромлен греками. На фронтах уже начали поговаривать о возвращении Энвера во главе армии, снаряженной большевиками. Горя желанием отправиться в Турцию, 30 июля Энвер отправляется из Москвы в Батум, к самой турецкой границе. За день до своего отъезда он имел встречу с Чичериным. Советское правительство поддержало Энвера из-за опасения, что, потерпев поражение от греков, Мустафа Кемаль захочет обратиться за помощью к англичанам. Мустафа Кемаль знал о планах Энвера и большевиков. Он блокировал возможное проникновение иттихадистов со стороны Батума. В августе-октябре 1921 г. весь мир следил за развитием военных действий на анатолийском плато. В Батуме Энвер ждал поражения Мустафы Кемалья, чтобы войти в Турцию «или с контингентом добровольцев, или инкогнито, под видом простых солдат».¹⁷⁵ В Батуме же, 5-8 сентября прошел съезд т. н. «Народной советской партии» (Халк шурулар фиркаси), созданной незадолго до этого Энвером. Съезд подтвердил преданность младотурков революционной теории и заявил, что «Иттихад ва Тараки» явится авангардом социалистической революции, итогом которой станет образование «Советской Турции». Таким образом, «Иттихад ва Тараки» выступил во всех возможных обличиях: пантюркистском, панисламистском, «исламинтерновском» и, наконец, коммунистическо-большевистско-советском.

Ситуацию разрешил оглушительный успех турецкой армии, разгромившей греков под Закарией 13 сентября 1921 г. Это было триумфом Мустафы Кемалья, сделавшим его спасителем Турции, великим полководцем, затмившим славу Энвера.

Вскоре после победы турецких войск, Энвер в Тбилиси встречается с Серго Орджоникидзе. Неизвестно, как проходила эта встреча, но можно догадываться, что Серго советовал Энверу отказаться от интриг в Турции и переключиться на другие регионы. В конце осени 1921 г. Советское правительство взяло курс на тесное сотрудничество с турецким правительством. В декабре 1921 г. в Анкару, в качестве представителя Советской Украины, отправляется М. В. Фрунзе. Ему было дано задание разуз-

¹⁷⁴ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 46.

¹⁷⁵ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 58-59.

нать как можно больше о положении дел и наладить сотрудничество, в первую очередь, в военной области. Разумеется, большевики ожидали, что Мустафа Кемаль потребует объяснений, относительно флирта Советского руководства с Энвером. На этот случай, 26 декабря Чичерин инструктировал Фрунзе, как именно следует объясняться с турецким правительством относительно Энвера:

«Наша, так называемая, помощь Энверу это сказка. Единственный способом задержать его от поездки в Батум – было арестовать его. Но мы не могли арестовать знаменитого мусульманского героя». ¹⁷⁶

Этого предательства Энвер не простит Советской власти. Но в политике не бывает друзей. После победы Мустафы Кемалья большевики начали склоняться к более продуманной и осторожной политике на Востоке и предпочитали не конфликтовать, а сотрудничать с “буржуазными и националистическими правительствами” Мустафы Кемалья в Турции, Реза Шаха в Иране и Аманулла Хана в Афганистане. В своей политике на Кавказе и Средней Азии Москва предпочитала опираться на собственные военные силы – Красную Армию, и не собиралась создавать специальные мусульманские части, на чем настаивал Энвер.

Таким образом, Энвер Паше не нашлось подходящей роли в новом раунде советско-турецких отношений. В такой ситуации перед нашим эмигрантом стояла следующая альтернатива: либо возвратиться в Берлин к жене и детям, либо продолжать политическую карьеру на свой страх и риск. Конечно, он выбирает последнее. В конце сентября 1921 г. опальный турецкий генерал Энвер Паша, или - как называли его европейские газеты - «летучий голландец Востока» решается на новую и, как выясняется, последнюю в своей жизни, авантюру. Он извещает письменно наркома иностранных дел Г. В. Чичерина о том, что отправляется через Ташкент и Бухару в Афганистан.¹⁷⁷ Вместе с Кушчизаде Селим Сами Беем, или Салим Пашой, или Хаджи Сами (который станет позднее его преемником) и Мухитдин Беем, отправившись в середине октября из Батума через Тифлис, Баку, Красноводск, Ашхабад, Мерв, Байрамали, Чарджуй, он достигает Бухары предположительно в конце октября 1921 г.

Османские турки, к которым относился Энвер, имели весьма смутное представление о Туркестане и Бухаре. Собственно Среднюю Азию они считали отсталым регионом, расположенным на задворках Российской империи. По этой причине, большинство иттихадистов противилось поездке своего лидера в Бухару. Халил Паша (дядя Энвера и его представитель в Батуме), с тревогой писал Кучук Талат Бео 5 ноября:

«Продолжительное пребывание в политически реакционных регионах вроде Бухары и Ферганы может поставить наших компаньонов в

¹⁷⁶ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 61.

¹⁷⁷ РГВА, ф. 110, оп.3, д.1102, л.51.

Москве и Батуме в опасное положение. Оно может нанести урон чести и гордости тюркизма в Коммунистическом интернационале. Прошу Энвера возвратиться в Берлин, по причине недопомогания Неджие Султан, недавно разрешившейся от бремени».¹⁷⁸

Однако Энвер не послушался советов своих соратников. Дошедшие источники содержат скудные сведения о том, с кем именно встречался Энвер в Бухаре, и что именно обсуждалось во время этих встреч. Известно, что он встречался с российским послом Юреневым, башкирским лидером Заки Валидовым, руководителями БНСР. Он предложил последним свою помощь в организации красных отрядов. На деле, однако, Энвер приступил к реализации своего нового химерического плана создания “Нового Турана.”

Несмотря на чрезвычайную популярность и харизму турецкого генерала, этот план с самого начала имел мало шансов на успех. Комитет “Иттихад ва Тараки” постепенно распадался. Сподвижник Энвера - Джемал, бывший командующий турецкими войсками в Сирии и Палестине, на деньги советского правительства в сентябре 1920 г. был отправлен со специальной миссией из Москвы в Кабул. Там он энергично занялся модернизацией афганской армии. Параллельно, в тесном контакте с полпредом России Я. Сурицем он пытался связаться с пуштунскими племенами Северо-Западной провинции и индийскими мусульманами, готовя их к “священной войне” против английского владычества.¹⁷⁹ В Афганистане Джемал пробыл год - до сентября 1921 г. Возвращаясь после переговоров с европейскими державами о покупке вооружения для афганской армии 21 июля 1922 г. Джемал был убит в Тифлисе армянским националистом. Вполне вероятно, что за убийцей Джемала стояли английские службы, которых беспокоила антибританская деятельность турка. Еще раньше, 15 марта 1921 г. в Берлине, также от рук армянского террориста, погибает другой соратник Энвера - Талат. По мнению советских источников, убийства были мстью за организацию геноцида армян в Турции в 1915-1916 гг.¹⁸⁰ Хотя турецкие источники утверждают что убийцы направлялись московскими спецслужбами. «Летучий голландец Востока» ненадолго переживет своих соратников.

Ознакомившись с обстановкой в Бухаре, встретившись с руководителями республики, Али Бей (а именно так Энвер значился в большевистской переписке) решает полностью отказаться от двусмысленной и неблагодарной роли большевистского агента в пользу пропаганды воинствующего панисламизма. Следует напомнить, что именно в Турции, в начале XX века в период правления Султан-халифа Абдул Гамида, получила боль-

¹⁷⁸ Masayuki Yamauchi. *Op. cit.* 65.

¹⁷⁹ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.98, л.44.

¹⁸⁰ Никулин. Афганистан и Ангора//Новый Восток. 1920. №2. С.39; Информационный бюллетень бюро печати при полномочном представительстве РСФСР в Турции. - Ангора. 1922. № 14. С.1.

шое распространение идея и политика панисламизма - объединения всех народов и государств, исповедующих ислам. Панисламизм проповедовал единство стран, населенных и управляемых мусульманами. Как политический феномен, панисламизм возник на волне антибританских и прогерманских настроений среди мусульман Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. Именно поэтому, панисламизм первых двух декад XX века зачастую рассматривался Германией и Советской Россией как союзник и даже ими поощрялся.¹⁸¹ Вначале титул «главы правоверных» принадлежал турецкому султану Абдул Гамиду II (правил в 1876-1908 гг.), затем индийские мусульмане начали считать таковым афганского эмира Хабибуллу. Его сын - эмир Аманулла (правил в 1919-1929 гг.) был, пожалуй, последним из правителей, кто хотел стать халифом всех мусульман. Афганистан, однако, обладал ничтожными ресурсами, для того чтобы играть ведущую роль в объединении мусульман. Идею объединения мусульман Средней Азии вынашивали и популистские военные лидеры вроде турецкого генерала Энвер Паши и китайского (дунганского) милитариста Ма Джунина и некоторые другие, о которых речь пойдет ниже. В этом свете, панисламизм (*еттехади ислами*) наряду с социал-демократией, большевизмом, панславизмом и другими доктринами выступает как феномен современной политики, возникший в начале XX века с связи с исчезновением Османской империи, олицетворявшей для уммы халифат и поражением Германии в Первой мировой войне. Поэтому, панисламизм следует рассматривать как продукт глобализации и западного влияния, а не сугубо религиозное движение. Разумеется, защита и поддержка мусульман далеко за пределами местных общин была важной частью идеологии уламо (исламских экспертов), но как сугубо политическая доктрина панисламизм появился в новейшее время, проигрывая, при этом трайбализму, государственному и этническому национализму.

В сознании мусульман, Турецкий халифат служил идеалом образцового «исламского государства» - дар ул-ислама. Для турецкого же правительства, стремившегося сохранить во чтобы то ни стало Турцию и минимизировать потери, связанные с падением Оттоманской империи, панисламизм был адекватен пантюркизму. Обращаясь к мусульманам других регионов мира, они старались создать впечатление, что атака на Турцию означает атаку на ислам, а падение Турции может означать поражение ислама.

Другая составляющая идеологии Энвера - это пантюркизм и пантуранизм. Расиалистическая идеология пантуранизма зародилась в XIX веке среди Оттоманского прогерманского офицерства и интеллигенции. Она

¹⁸¹ Достаточно ознакомиться с материалами I съезда народов Востока в Баку, прошедшего в Баку в сентябре 1920 г. После того съезда, турецкий панисламист Джемал Паша, на деньги советского правительства был отправлен в Кабул с заданием готовить тамошние племена к «священной войне» против английского владычества. Для Советов также не были секретом панисламистские убеждения Энвера Паши, направленного ими в 1921 г. в Бухару.

была направлена на создание турецкого «супергосударства», простирающегося от Балкан на западе и далее на восток, включая Турцию, Иран, Кавказ, Центральную Азию, вплоть до северо-западного Китая. Венгерские пантуранисты пошли еще дальше, предлагая создать «Туралию», покрывающую весь евразийский материк между Венгрией и Норвегией в Европе до Японии и Кореи на востоке. Парадоксально, но своему возникновению и развитию пантуранизм обязан не тюрко-турецким, а, главным образом, западноевропейским силам, заинтересованным в манипуляции тюрками ради нейтрализации панисламизма и противодействия влиянию России на Востоке во время «Большой игры».

Будучи зятем турецкого султана и обладая харизмой мусульманского лидера, Энвер Паша – этот европеизированный и прогерманский турецкий генерал обращается к идеологии пантюркизма, пантуранизма и панисламизма для реализации своего плана. Широкое, но разрозненное повстанческое движение в Бухаре, басмачество в Туркестане, считал зять халифа, дают ему шанс реализовать планы создания панисламистского государства или конфедерации государств. Во главе такой конфедерации он видел, конечно, свою Турцию, ярым патриотом которой он оставался до последнего своего вздоха. До конца своей жизни Энвер Паша не терял связи со своими сторонниками в Стамбуле и Анкаре и готовил почву для триумфального возвращения на родину. Чрезвычайно амбициозный, Энвер мечтал о том дне, когда бы он мог бросить вызов Мустафе Кемалю.

Четко выверенного плана у него не было. Объединить усилия “Иттихад ва Тараки”, среднеазиатских джадидов с вооруженной борьбой сторонников эмира - басмачей с целью свержения Советской власти в Средней Азии - такова была ближайшая задача Энвера в Бухаре в 1921-1922 гг. Более точной перспективы он не имел, и действовал скорее как военный авантюрист: главное ввязаться в бой.

В Бухаре Энвера поддержал ряд влиятельных бухарских руководителей - председатель Бухарского Центрального Исполнительного Комитета (БухЦИКа) Усман Ходжаев, военный министр Абулхай Арифов, командир отряда Бухарской армии лезгин (по другим сведениям курд) Данияр, а также бывшие турецкие офицеры, перешедшие на службу Бухаре - Али Риза (заместитель военного назира Бухары), Хасанов (Хасан Бей) и другие. Последний, Хасанов, был военным назиром Шахрисабза.

Именно Хасанов начал реализацию турецкой авантюры в Средней Азии. В ноябре 1921 г. он поднял восстание и перешел со своим отрядом из 85 человек на сторону басмачей. Хасанов собрал митинг в Кобадияне (юго-западный Таджикистан), на котором заявил, что с ним находится прибывший из Турции Энвер Паша и что их цель - спасение Бухары.¹⁸² По появлению в Восточной Бухаре, турки установили контакт с Алим Ханом.

¹⁸² РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.44.

Такой поворот – от большевиков и джадидов к бывшему эмиру Бухары – не обрадовал бухарских джадидов и туркестанских националистов. Чокаев и Заки Валидов считали это ошибкой. Разумеется, бывший эмир Бухары не был в восторге от турецкого генерала, гостя большевиков, находившегося в компании кафиров-джадидов. Однако, забытый всеми, эмир не мог позволить себе роскоши выбирать союзников. С помощью зятя халифа он намеревался привлечь внимание к собственной персоне и восстановить монархию. Он поддержал Энвера.¹⁸³ В свою очередь, стратегической целью Энвера было изгнание большевиков и создание среднеазиатской федерации или «Нового Турана», в который он намеревался включить и Турцию. При этом он рассчитывал на религиозный фанатизм мусульманской массы и пантюркистский шовинизм среднеазиатской элиты. В свою очередь, бухарские руководители, поддержавшие турков хотели, прежде всего, добиться с помощью Энвера одного – независимости от России.

Энвер Паша в Восточной Бухаре или крах «Исламинтерна»

Лидер лакайцев Ибрагимбек не имел представления о далеко идущих планах турецкого генерала. Идеи национализма, пантюркизма и панисламизма его – племенного лидера – не волновали. С ревностью и недоверием он отнесся к новоявленному сопернику. Свою первую встречу с Энвером Ибрагимбек описывал следующим образом:

“В один из осенних месяцев (примерно 1 декабря 1921 г. - К.А.) в Гиссар, в кишлак Караманды прибыл Энвер Паша с 90 аскерами. В беседе Энвер Паша назвал себя турком и заявил, что прибыл помочь мне разгромить джадидов и русских. При Энвере было шесть турецких офицеров, из которых я помню имена только двух: Сами Паша и Хасан Эфенди. Про Энвера я слышал раньше от паломников, что он большой и талантливый военачальник, зять турецкого султана. Не будучи уверен, что имею дело с настоящим Энвером, я распорядился обезоружить его и всех его людей, заявив Энверу, что когда получу соответствующие подтверждения, я готов признать его в качестве повелителя и командующего всеми мусульманскими войсками против русских и джадидов.¹⁸⁴

Алим Хан по этому поводу вспоминал:

“Тем временем Энвер Паша прибыл в Бухару. К нему присоединились младобухарцы, которые распознали суть большевиков и поддерживали муджахидов. Среди них – действующий президент Бухары Усман Ходжаев, Абдул Хамид (военный министр) и др. Гази Энвер все изучил, а потом попросился ко мне на службу. Видя его искренность, я поручил ему командование муджахидами”.¹⁸⁵

¹⁸³ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102. лл. 256-261

¹⁸⁴ Дело 123469. С.3.

¹⁸⁵ IOR:L/P&S/11/197.

После этого из Афганистана от бывшего эмира Бухары прибыли Ахмадбек и от эмира Афганистана – Насрулла. Они привезли письма с распоряжением отпустить Энвера. Немного поколебавшись, Ибрагимбек был вынужден уступить в феврале 1922 г.

Советское руководство, тем временем, находилось в неведении. Оно было озабочено решением турецкого генерала следовать в Кабул через Восточную Бухару. В Москве состоялось совещание с участием наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, Н. П. Горбунова (управляющего делами СНК), Джемал Паши и Бедри Бея (турецкого офицера из окружения Джемала). Было решено отправить Бедри Бея в Кабул для встречи с Энвером с целью вызвать его обратно для дальнейшей совместной поездки в Берлин. Чем было вызвано такое решение? Вероятно Кремль стал раздражать непредсказуемый генерал и было решено отправить его туда, откуда он был востребован немногим более года назад - в Берлин. Таким образом, Москва собиралась избавиться от амбициозного Энвера и поставить точку в его карьере. Однако миссия Бедри Бея не достигла цели, так как Энвер не поехал в Афганистан, а задержался в Гиссаре.¹⁸⁶

Неудачный мятеж Усман Ходжаева в Душанбе состоялся непосредственно перед появлением турецкого генерала и, по словам Усман Ходжаева, организационно никак не был связан с заговором Энвера. Во время “дружеского” общения Ибрагимбека с русским консулом, Энвер находился в плену лакайцев. С целью выяснить намерения Энвера и повлиять на события, консул России в Душанбе Нагорный 1 января 1922 г. завязал переписку (на французском языке) с Энвером, находившимся у лакайцев в Кокташе. В своем первом письме он писал:

“Прошло три недели, как я узнал впервые о вашем прибытии к бухарцам. Уже 10 декабря я слышал о Вас и имел удовольствие разговаривать с Вашим другом Сами Беем. Я был очень доволен с ним иметь разговор, ибо этот человек отличается своими глубокими и широкими идеями. Он мне также говорил о Вас и я имел случай ему заметить, что Ваше имя мне известно. Тогда Сами Бей говорил мне о Вас и даже обещал мне устроить с Вами свидание.

Мы говорили относительно Ваших планов. Господин Сами Бей говорил о Вашем проекте объединить все народы и даже китайцев с японцами. Как раз эта последняя мысль препятствует пониманию возможности реализации Ваших широких проектов. Действительно, как Вы хотите примирить китайцев с японцами, когда эти страны имеют серьезные различия в их экономическом положении? Япония стала страной вполне капиталистической и независимой, тогда как Китай, к несчастью, находится под игмом западных капиталистов и империалистов, в особенности англичан и даже самих японцев. Мне рассказывают, что (Вы) рассматриваетесь в

¹⁸⁶ Бедри Бей – представитель «Иттихад ва Таракки» в Афганистане умер в Кабуле в 1923 г.

качестве пленника. Это меня чрезвычайно удивляет, особенно если принять во внимание Ваши освободительные идеи как раз по отношению к тому народу, который исповедует ту религию, что и Ваша страна. ...26 декабря я был у Ибрагимбека Караул беги¹⁸⁷ и предполагал, что буду иметь удовольствие видеть Вас.... Я не знаю, разрешит ли Вам Ибрагим Караул беги написать мне несколько слов, но я надеюсь что с Вашей стороны Вы сделаете все возможное, под каким бы то ни было предлогом, ответить мне, также по-французски”.¹⁸⁸

Так писал российский дипломат Энверу. Вполне очевидна попытка выяснить истинные намерения турка и повернуть разговор в русло привычной коминтерновской фразеологии. Однако, Энвер не принял предложенного тона. Басмаческий плен, вероятно, был не очень строгий и позволял ему исподволь приступить к объединению повстанцев и потому быть уверенным в разговоре с русскими. В ответном письме от 12 января Паша отвечал российскому послу категорично и однозначно:

“Моя точка зрения на освобождение народов уже известна в Москве и Лондоне. Прибыв в Бухару, я констатировал, что принципы самоуправления народов, а в особенности мусульманских масс остаются мертвой буквой в бывших русских владениях. Во время моей поездки в Восточную Бухару я видел, что советские войска совершили неслыханные преступления, разорили и ограбили все города и деревни по пути их прохождения, под предлогом самозащиты, хотя этого могло не быть.

Тогда я понял, что для осуществления моих принципов освобождения народов от империалистического ига, нужно будет начать с низвержения русского господства, которое невыносимо, в особенности в Туркестане, Бухаре, Хиве и т. д.

Если ваши представители не желают представить различным народам, в особенности мусульманским массам, самим управлять своей судьбой, чтобы, таким образом, сделать попытку создать добровольный союз с угнетенными народами Востока, также Вы меня встретите ожесточеннейшим бойцом против Вас. Вот мои последние слова. Буду очень благодарен, если Вы уведомите об этом намерении московских товарищей”.¹⁸⁹

В таких случаях принято предоставлять обеим сторонам равное право высказываться и быть выслушанными. Руководствуясь этим, совершенно справедливым правилом, необходимо привести и ответ Нагорного, тем более что в его адрес, вернее в адрес русской стороны, были брошены серьезные обвинения. Получив письмо 12 января, Нагорный, надо полагать, пришел в большое возбуждение, так как сел писать ответ и отправил письмо в

¹⁸⁷ Речь шла о переговорах между русским гарнизоном и Ибрагимбеком в Душанбе во второй половине декабря 1921 г.

¹⁸⁸ РГВА, ф.119, оп.3, д.1102, л.68.

¹⁸⁹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.66.

этот же день, 12 января 1922 г. Содержание письма и, главное, тон резко отличаются от первого, написанного 1 января. Нагорный писал:

“Вы просите меня передать в Москву Ваше решение относительно освобождения народов Бухары, Туркестана и т. д. Я охотно исполняю Ваше желание, но прежде, чем послать доклад моему правительству, считаю абсолютно необходимым осветить некоторые стороны поднятого вопроса.

Вы пишете мне, что (народ) бухарский угнетен русскими. Далее в своем письме Вы говорите, что Вы видели опустошения, произведенные войсками Красной Армии. Что касается эксцессов, совершаемых иногда некоторыми русскими частями или отдельными красноармейцами, то нужно быть справедливым. Я тоже имел случай ехать из Бухары в Дюшамбе вместе с бухарскими войсками под командой Али Ризы, и я уверяю Вас честью коммуниста, который находится в партии более 13 лет, что я сам лично констатировал случаи грабежа у населения бухарскими солдатами. На моих глазах на юрчинском базаре, например, бухарские солдаты, хотя получавшие большее жалование, чем русские красноармейцы, брали у торговцев продукты, не платя за них.... Российская республика сама хотела отозвать свои войска из Бухары и русское правительство даже начало вывод войск из Дарваза, Больджуана, Гарма и т. д. Почему эти войска отзывались? Потому, что мы знали, что национальные бухарские войска идут в Дюшамбе заменить наши войска. Как раз здесь мы доказали на деле, а не только на словах и обещаниях, всю искренность и желание России видеть свободной и счастливой Бухарскую республику и наше желание предоставить бухарцам своими собственными силами устраивать свои внутренние дела. Можете ли Вы отрицать факт отъезда наших войск из Восточной Бухары? Нет. Мы сделали это еще до прибытия в Дюшамбе Усман Ходжаева с его 600 кавалеристами, и мы отозвали около 8000 солдат, которые были в Восточной Бухаре, оставив лишь только в Душанбе небольшое количество солдат для помощи Ходжаеву. Скажу еще более, 7 декабря, два дня ранее измены Ходжаева, я его спросил, хочет ли он, чтобы я вывел наши войска, но вероломный не хотел, ибо в его душе уже таилась идея измены дружбе Советской России, той самой России, которая доставляла финансы Бухаре, экипировала его 600 всадников, которая помогла новой республике стать на ноги и укрепиться при трудностях внутреннего и внешнего характера. Россия не вмешивается в дела других стран. . . Я думаю, Вы будете вместе с нами и поможете нам установить свободу бухарскому народу”.¹⁹⁰

Автор позволил себе привести подробную переписку с тем, чтобы читатели смогли сами составить представление об истинной сущности взаимоотношений большевиков и Энвера. Совершенно очевидно, что про-

¹⁹⁰ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.67.

должать далее переписку не имело смысла. Стороны - Энвер со своей командой и Советская Россия в лице ее представителя Нагорного - высказались довольно определенно. Энвер не просто порвал с большевиками, а бросил им прямой вызов. Тем самым он сжег себе пути для отступления и стал заклятым и опасным врагом для Москвы. Это был смелый, но безрассудный шаг.

Как опытный военачальник, он не мог не видеть явное военное превосходство Красной Армии над муджахидами. Даже обширные поставки оружия не могли бы обеспечить победу отрядов разрозненных муджахидов над регулярной армией. Международная ситуация и расстановка политических сил в самой Средней Азии также не давала Энверу оснований для объединения Бухары, Хивы, Туркестана, Семиречья не говоря о Синьцзяне. Только наивный политик, такой как Алим Хан, мог надеяться на помощь Англии в ведомом турками джихаде против большевиков. Единственное, что могло устроить Англию в Энвере - это его антирусская позиция. Когда до англичан дошли слухи о возможном появлении Энвера в Афганистане, сотрудники секретного отдела правительства Британской Индии рассуждали следующим образом:

“Если он (Энвер) прибудет в Кабул помимо желания русских, это подтвердит враждебность между ним и русскими и он сможет стать мощным антирусским элементом в Афганистане, способным вызвать трения между Афганистаном и большевиками. Кроме того, он может вызвать трения между Турцией и Афганистаном, трения между мусульманскими экстремистами Индии и Россией, Ангорой и Афганистаном”.¹⁹¹

У Энвера действительно был шанс отправиться в Кабул с тем, чтобы оттуда начать свое предприятие. Он мог усилить антирусскую партию в Кабуле и, с одобрения Англии, добиться действенной политической и военной поддержки. Именно это ему советовал Заки Валидов. Однако энверистами двигало нетерпение. Они остались в Бухаре и оттуда делали энергичные шаги для получения внешней помощи и поддержки. Один из внешнеполитических координаторов Энвера - Хаджи Сами Бей (Салим Паша) отправился в поездку в Кабул, Мешхед и Восточный Туркестан для создания единого антирусского и антибольшевистского фронта. 22 июня 1922 г. Сами писал из Кабула некоему Или Хаджи беку в Кашгар:

“Энвер Паша отправился в Восточную Бухару, захваченную русским правительством и призвал мусульман на борьбу. Самарканд, Бухара, Ашхабад, Карши, а также Фергана находятся в окружении. Доказано, что русские являются яркими врагами исламской культуры и хотят овладеть материальным богатством и разрушить наши духовные ценности. Заслуживает благодарности образованная нашими

¹⁹¹ IOR:L/P&S/11/203.

братьями в Кашгаре организация “Нашри Маориф”. Я встречался в Шанхае с китайскими правителями. Китайцы, исламский мир и турки всегда могут договориться между собой. Китайцы культурны и заслуживают всяческого уважения”.¹⁹²

Можно ли было одобрить намерения небольшой клики турецких офицеров, пытавшихся с помощью свергнутого эмира Бухары и его вооруженных сторонников навязать пантюркистскую и пантуранистскую деспотию народам всего региона? Имел ли хоть малейший шанс проект китайско-исламского альянса, направленного против России? Могли ли англичане поддержать Энвера или даже просто оставаться нейтральными по отношению к нему? Могли ли большевики простить Энверу его измену? Ответы на эти вопросы очевидны.

Знакомясь с материалами о действиях нашего героя, первое что бросается в глаза, это то, что Энвер Паша плохо представлял себе реальную обстановку в регионе. Он не заметил или не хотел видеть настоящую пропасть между про-большевистскими джадидами, ставшими синонимом кафи́ров, и эмирисским басмачеством. Ему предстояло убедиться, что басмачи это племенные дружины, ведомые традиционными лидерами и консервативными муллами и воюющие не столько против русских, сколько против джадидов. Они воевали не столько за шариат или эмира, сколько за сохранение своего привычного уклада жизни. Одетые в пестрые халаты бухарцы с недоверием смотрели на непохожего на них светского, европеизированного турка. Энвера несколько раз обыскивали, поэтому он был вынужден сжечь дорогие ему фотографии своих детей, жены и друзей, чтобы они не достались басмачам. О невозможности прийти к соглашению с Ибрагимбеком его предупреждал Заки Валидов, который сам даже не пытался связаться с консерватором Алим Ханом и его басмачами. Заки Валидов уговаривал Энвера не ездить в Восточную Бухару.¹⁹³ В подобной военно-политической обстановке речь могла идти лишь о длительной партизанской войне и настойчивой работе по сближению разрозненных антисоветских сил, что, собственно, и предлагал ему Заки Валидов.

Казалось, Энвер Паша совершенно оторвался от действительности. На фоне кровавых событий 1922 г., по меньше мере странно выглядят восторженные отзывы Энвера о сказочном богатстве Восточной Бухары и просьбы выслать на дирижабле (!) через Афганистан германского горного инженера с целью разработки дарвазского золота и других полезных ископаемых Бухары.¹⁹⁴

На деле же, Энверу пришлось столкнуться с амбициями лидера лакайцев Ибрагимбека. Последний хоть и уступил нажиму Алим Хана и

¹⁹² Masayuki Yamauchi. Op. cit. 309.

¹⁹³ Fraser, Glenda. “Enver Pasha’s Bid for Turkestan, 1920-1922”, *Canadian Journal of History/Annales Canadiennes d’Histoire*. 22 (August 1988), 201.

¹⁹⁴ Fraser, Glenda. “Enver Pasha’s Bid for Turkestan, 1920-1922”, 294.

Амануллы Хана и отпустил турка, но подчиняться ему не собирался. Дело здесь не только в соперничестве. Были и объективные причины, препятствовавшие гармонии басмачей и турецкого генерала. Лидеры бухарского басмачества считали себя вассалами бухарского эмира и как таковые проявляли типичные черты феодального сепаратизма. По этой причине, они действовали разрозненно, каждый на своей территории и с трудом переносили попытки поместить их рамки иного порядка. Равным образом, они не привыкли вести армейские военные действия под единым командованием на широком фронте. Восхождение Энвера они рассматривали как посягательство на их вольницу и попытку установления внешнего доминирования. Были, без сомнения, и идейные разногласия. Ведь эмирис-ты, воззрения которых разделяли курбаши, не доверяли и презирали окружавших Энвера младобухарцев, причастных к падению Бухары.

Невольно, Энвер был втянут в межплеменную рознь, всегда существовавшую в Восточной Бухаре. С его приездом усилилась антилакайская группировка. Парадоксально, но турка Энвера (претендовавшего, правда, на статус исламского лидера), в первую очередь, поддержали таджики Фузайл Максум, Ишан Султан и таджикизированный тюрок Давлатмандбий. Соперничество доходило до прямых ожесточенных стычек между Ибрагимбеком и Энвер Пашой. Этот лакайский оппортунизм вызывал у Энвера крайнее негодование.

Немалую роль в росте влияния Энвера сыграли многочисленные и обильные обещания внешней помощи оружием и вооруженной силой.

Во время Энвера, действительно, басмачи получили определенное количество оружия и боеприпасов из-за границы. Однако, большинство обещаний Энвера остались нереализованными. По этому поводу английский консул в Мешхеде Томпсон писал:

“Следует отметить, что бухарские повстанцы вначале доверяли Хаджи Сами Бею, но исключительно благодаря тем обещаниям британской и афганской помощи, которые от того исходили. Он непрестанно заверял их, что орудия, ружья, боеприпасы, броневики, аэропланы и бомбы находятся на пути из Англии и что повстанцы, ожидая их прибытия, продолжают атаковать русские коммуникации, готовясь к тому времени, когда они, будучи соответственно экипированы, в конце концов, освободят Восточную Бухару, Самарканд и Фергану от русских.”¹⁹⁵

Согласно принятым порядкам, видные авторитеты и курбаши собрали в Кокташе сход, на котором главенствовали Ибрагимбек из Локая и Ишан Султан из Дарваза. На нем выступил Энвер с изложением своей программы, а именно: бороться за права мусульман, дерзко попранные русскими насильниками; претензий на бухарский престол он не имеет и как только выгонит русских из Бухары, то призовет Алим Хана вновь на

¹⁹⁵ IOR: L/P&S/10/950.

престол. “На этом совещании Энвер Паша был провозглашен главнокомандующим всеми нашими силами, вспоминал Ибрагимбек, а я поступил в его распоряжение”.¹⁹⁶

С приходом Энвера, в январе 1922 г. в приграничных районах - Айвадже, Кобадiane, Джиликунле началось усиленное повстанческое движение. Почти все население, в том числе местные органы власти, присоединились к восставшим. Сводка военного командования Красной Армии свидетельствовала:

“Энвер Паша находится в Восточной Бухаре и пользуется большой популярностью, его имя служит символом объединения мусульман. Фактической власти (он) пока не имеет - она сосредоточена в руках Ибрагимбека. В Душанбе, тем временем, басмаческие отряды начинают учиться военному делу, вероятно у инструкторов Энвера Паши”.¹⁹⁷

Сам Энвер в своем письме 28 января 1922 г. своему брату Камиллю в Берлин писал:

«Дела идут именно так, как я хотел. Беки вместе со своими бойцами собираются из всех неоккупированных частей Восточной Бухары, а именно Куляба, Балджувана, Дарваза и Каратегина. Ассамблея, составленная из этих беков составит на первых порах новое правительство Бухары. Все готовы исполнять, то, что я захочу.. Я вступал в бой с русскими пять раз за последние 10 дней. В самом последнем из боев много русских было убито. Более 50 из них были или убиты или ранены. В то время как мы потеряли только одного». ¹⁹⁸

В середине февраля 1922 г, под давлением повстанцев русский гарнизон покидает Душанбе. С этого времени почти на полгода Восточная Бухара оказывается в руках муджахидов. Однако Энвер понимал, что успех его разрозненных отрядов над немногочисленным красноармейским гарнизоном непрочен и недолговременен. В конце февраля Энвер оставил Душанбе и отступил в Кафирниган. Здесь он предпринял попытку объединить антисоветские силы.

Собрав все свои силы - около 8 тысяч узбеков (племен лакай, марка, конграт) и таджиков Гиссара, Куляба, Каратегина и Дарваза, а также афганцев - Энвер двинулся на запад и во второй половине апреля занял оборонительные позиции у Бойсуна. Ибрагимбек же отказался идти вместе с Энвером и остался в своем Кокташе. В Бойсуне к Энверу присоединился отряд бывшего министра обороны БНСР Абдул Хамида Арипова.¹⁹⁹ Уве-

¹⁹⁶ Дело 123469. С.7.

¹⁹⁷ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.56.

¹⁹⁸ Masayuki Yamauchi. Op. cit. 66.

¹⁹⁹ Английский агент так описывал бывшего министра обороны БНСР Арифова: «плотный, примерно 5, 11 футов роста, короткие черные волосы, длинный нос, большие светлые глаза, коротко остриженная черная бородка... носит с собой 3 печати, одна из которых - Энвера. Говорит на турецком, русском и персидском». IOR: L/P&S/ 950 P 3423.

ренный в том, что ему почти удалось “объединить мусульман”, Энвер посылает Советской стороне ультиматум, с требованием признать его право на создание “независимого государства”, включающего территорию советских среднеазиатских республик. Он также требовал в двухнедельный срок вывести красноармейские части из территории Бухары. Это письмо было датировано 19 мая и адресовано президенту Азербайджанской Советской республики Нариману Нариманову (с которым Энвер был знаком по Баку). Тогда же Энвер пишет еще одно письмо, подтверждающее его полный и принципиальный разрыв с большевиками. Оно, как и другие письма, было найдено среди вещей убитого Энвера, переведено на русский язык и позже помещено в архив Красной Армии. Письмо, о котором идет речь, было написано на немецком языке 20 марта в Бойсуне и адресовано бывшему сокамернику по берлинской тюрьме, видному большевику Карлу Радеку:

“Дорогой Карл, ты наверное, бранишь меня, но совершенно напрасно, ты знаешь, что я более года стремился привлечь на нашу точку зрения всех наших товарищей, которые оказались не в силах вести большевистскую пропаганду среди мусульман, наоборот, усилия народов, желавших освободиться от капиталистическо-империалистического гнета, остались безрезультатны. Карахан, а затем Чичерин²⁰⁰ много обещали, но ничего не сделали. К сожалению, с Троцким я не смог войти в контакт.... Когда я прибыл в Бухару, я ясно увидел, в чем дело. Они стремятся всегда силой и обманом удержаться в старых русских колониях. В России они имели рабочих и крестьян, но здесь только некоторых авантюристов. ... Если вы вашу завоевательную политику будете продолжать, то вы будете иметь против себя все магометанские народы. Последние слова: поговорите с прочими товарищами: Лениным, Троцким и т. д. Если они примут предложение, то я обещаю все средства”²⁰¹

Это был ультиматум всей Советской власти. Энвер принял решение, пользуясь малочисленностью советских войск, развернуть наступление на город Бухару через Бойсун и Шахрисабз. В Сурхандарьинский район был двинут отряд во главе с Данияром. В окрестностях Бухары действовал тамошний курбаши Абдул Кахар. Восстания вспыхнули и в Самаркандской области. Таким образом, весной 1922 г. был создан почти общий фронт борьбы против Советской власти от Самарканда и Ферганы до Восточной Бухары.

Учитывая серьезную опасность, вызванную восстанием под руководством Энвера Паши, общее руководство по стабилизации обстановки в Средней Азии взяло на себя Политбюро партии российских коммуни-

²⁰⁰ Соответственно заместитель и народный комиссар иностранных дел в правительстве Ленина.

²⁰¹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.263.

тов. Советское руководство исходило из того, что уже и “мировая контрреволюция могла через Бухару вновь попытаться найти себе ходы в пределы РСФСР”.²⁰² Другими словами, речь шла не только о выполнении договорных обязательств по отношению к Бухаре, но и о защите собственной территории от внешней угрозы. В связи с этим, Москва, в первую очередь, укрепила свою власть в бухарском правительстве. В Кремле состоялась встреча Файзуллы Ходжаева с большевистским руководством. На той встрече Файзулла окончательно решил связать себя с Советской властью и отказаться от курса на достижение независимости Бухареспублики. В результате, в феврале 1922 г. Бухарская компартия была включена в состав РКП (б). Теперь Москва могла напрямую руководить не только ликвидацией Энвера, но и самой Бухарой. О том, какое значение придавал Кремль Бухаре, говорит тот факт, что с 27 февраля по 18 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) пять раз рассматривало вопрос о положении в Средней Азии. В марте была создана специальная Бухарская группа войск, в которую вошли крупные воинские контингенты, присланные из России. Все антибасмаческие фронты на территории Бухары и Туркестана были объединены под единым руководством, назначенным Революционным Военным Советом (РВС). Тем самым, действия военного командования в Бухаре освобождались от какого-либо влияния или контроля со стороны бухарского правительства. Таким образом, в начале 1922 г. договорные отношения между РСФСР и БНСР (заключенные в марте 1921 г.) фактически прекратили свое действие. Основное политическое руководство осуществлялось отныне Политбюро ЦК РКП (б) через его полномочного представителя - Туркбюро ЦК РКП (б). В апреле в Среднюю Азию был послан видный большевик С. Орджоникидзе, который хорошо знал Энвера. Он осудил тактику компромиссов и соглашений, проводившуюся в отношении повстанцев в 1921 г. и предложил ввести в Бухару “достаточное количество войск, чтобы начать решительную и систематическую борьбу”.

“С Энвером придется драться серьезно, но уверен, что ему свернем шею ... со своей стороны обещаю, насколько в силах буду, также помогать в этой высшей степени важной и тяжелой работе”, говорил он, выступая перед бухарским правительством.²⁰³

Повсеместно усилились гонения против “сторонников эмира”. Репрессиям подвергались бывшие эмирские чиновники, члены сановных семей. Одновременно с этим, были приняты меры по улучшению экономического и финансового положения Бухары. По всей стране под руководством Коммунистической партии развернулась энергичная агитационная кампания разоблачающая “авантюру Энвера - ставленника империалистов Антанты”.

²⁰² Какурин Н. Е. *Боевые операции в Бухаре (1922). Гражданская война, материалы по истории Красной Армии.* ВИК, М., 1924, т. 3. С.94.

²⁰³ *Коммунист Таджикистана*, 1949, 15 июня.

К июню 1922 г. Бухарская группа войск Красной Армии закончила подготовку к военным операциям против Энвера. В Бухару, для непосредственного руководства операциями, прибыл главнокомандующий войсками РСФСР, бывший полковник царской армии С. С. Каменев. Наступление планировалось вести с запада на восток по двум направлениям: левая (северная) колонна под командованием Якова Мелькумова должна была двигаться от Бойсуна на Денау – Гиссар – Душанбе – Кафирниган - Файзабад и правая (южная) колонна, которой командовал Богданов, от Шерабада и Термеза на Кободиан - Курган-Тюбе – Куляб - Балджуван.²⁰⁴ Она должна была отрезать войско Энвера от афганской границы, не дав ему возможности отступить за кордон. Вместе с тем, правая колонна предназначалась для пресечения возможного афганского военного вмешательства.

Части Красной Армии 15 июня перешли в наступление и нанесли удар по отрядам Энвера одновременно под Бойсуном и Кободианом. После тяжелых боев повстанцы отошли на восток, потеряв 400 человек убитыми. Одной из причин поражения было неумение и нежелание партизан драться общим фронтом по армейским правилам. Поражение усилило раскол между курбаши.

Контрнаступление, предпринятое Энвером в районе Миршади 16 июня провалилось. На следующий день красные заняли Денау, Юрчи, Сари Ассию и остановились, чтобы дать возможность правой колонне войск продвинуться вперед и занять переправы через границу. Воспользовавшись остановкой советских войск, Энвер подтянул свои силы и начал бой с частями Красной Армии. Однако, сильным ударом войска Энвера были отброшены на восток. После ряда новых поражений Энвер, собрав остатки войск, лично руководя боями, безуспешно пытался задержать продвижение советских войск на линии Регар-Каратаг. 1 июля красные заняли Регар и Каратаг.²⁰⁵

Поражение, полученное от русских, внутренний разброд и оппозиция со стороны Ибрагимбека побудили Энвера подготовить возможные пути отхода в Афганистан. Переговоры в Кабуле на этот счет вел А. Арифов.²⁰⁶ Об этом же сам Энвер писал военному министру Надир Хану:

“Если Вы не можете дать благоприятного ответа на мою просьбу для допуска (в Афганистан), тогда я пойду на Джиликуль и Курган-Тюбе”.²⁰⁷

После безуспешной попытки добиться помощи от афганцев, Энвер написал письмо Британскому правительству. Известно, что письмо достигло правителя Читрала. Однако, по неизвестным причинам, оно так и не дошло до конечного адресата - английских властей в Пешаваре.²⁰⁸ Со-

²⁰⁴ Ди-Мур. «Гражданская война в Таджикистане». В кн.: *Таджикистан*. Ташкент, 1925. С.287.

²⁰⁵ РГВА, ф.110, оп. 3, д. 1102, л.254.

²⁰⁶ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.216.

²⁰⁷ Там же, л.207.

²⁰⁸ IOR: L/P&S/10/950.

держание письма неизвестно, но можно догадываться, что оно содержало просьбу об оказании поддержки и предложение вести совместную борьбу с большевиками.

В это время, правая колонна освободила Кобадиян, Джиликкуль, а затем двинулась на Курган-Тюбе. 2 июля этот город был подвергнут авиационному обстрелу, а 14 июля была занята столица Восточной Бухары - Душанбе. Потеря этого важного стратегического пункта способствовала разложению в стане Энвера. Одним из первых ушел отряд матчинцев под командованием Нусратбека, затем ушли афганцы. Остальные рассеялись по обширной территории Локая, Гиссара, Куляба. Сам Энвер с частью своих отрядов отправился через мост Пули Сангин (р. Вахш) на Куляб, на соединение с Давлатмандбием.

Появление Энвера в Кулябе вызвало различную реакцию среди муджахидов левобережья Вахша. Таджики, тюрки, киргизы и туркмены (последние проживали в Джиликкуле), недовольные главенством лакайцев поддерживали Давлатманда - союзника Энвера. Это вызвало острое недовольство Ибрагимбека. Он даже арестовал Фузайл Максума, за то, что тот решил направиться к Энверу без согласия Ибрагимбека, Тогда Фузайл провел 40 дней в плену у Ибрагимбека.²⁰⁹ Постепенно, в то время, когда Энвер вел войну, в его тылу разгоралась межобщинная борьба и соперничество курбаши. Энвера очень раздражали лакайцы, затеявшие распрю. 19 июня он писал Надир Хану следующее:

“Многоуважаемый брат гази!

Вчера рано утром со стороны Инкобат-Джан-Ширабад и Банды хана стали наступать русские. После долгого боя у нас вышли все патроны. Я был вынужден прекратить бой и отступить. Убиты 7, ранено 5. Нахожусь в Сари Камыш-Танги Муш. ... В Каратегине и Кулябе мусульмане борются друг против друга и таким образом, мусульманская сила слабеет в пользу русской. Причиной всему этому является Ибрагимбек, которому, кроме проклятия, ничего не могу сказать”.²¹⁰

Таким образом, затеяв войну с таджиками, лакайцы нанесли удар в спину Энверу. Вскоре конфликт привел к открытому военному столкновению. Лакайцы были атакованы в Кулябе и совершенно разбиты объединенными войсками таджиков, тюрков и афганцев, при поддержке туркмен и киргизов под командованием Давлатмандбия. Ибрагимбек потерпел поражение и отступил в Лакай. Описанный эпизод оставил свой след в устной традиции таджикских эмигрантов Афганистана. Ясавул баши, воин из окружения Давлатмандбия рассказывал Усто Джуре, кожевнику из Балджувона (все - бухарские эмигранты в Афганистане) следующее:

²⁰⁹ Дело 123469. С.234.

²¹⁰ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.256.

«Накануне Иди Курбон произошло противостояние между узбеками и таджиками. Давлатмандбий был назначен тогда главнокомандующим. Узбеки, однако, отказались подчиниться. Давлатмандбий обратился тогда к старейшинам с вопросом: что делать? Муллы собрались на совет и вынесли решение-фетву: «Бейте»! Таджики стали избивать и убивать узбеков, а также грабить их. Разрубались клинками люльки с детьми, чтобы найти спрятанное золото. Так продолжалось 9-10 дней. Спасаясь, узбеки ушли к большевикам».²¹¹

Совершенно очевидно, что духовенство давало санкцию на убийство лакайцев, исходя из принципов борьбы против “неверных”. То, что “священная война” обернулась межобщинной распрей, убийством и грабежом - еще одна из неприглядных реалий того времени.

Только теперь Энвер столкнулся по-настоящему с реальной обстановкой в Бухаре. Все его стремления заключались в немедленном силовом подчинении местных военных авторитетов. Он писал сипахсалару Надир Хану:

“Я должен быстро покончить с этим лакайским вопросом решительным образом. И поэтому я прошу Вас прислать 500 человек с пулеметами. Таким образом, я покончу с еще одним завоевателем гиссарской провинции. Но это Вы должны послать мне быстро, мой дорогой, и тогда я сумею воспрепятствовать тому, чтобы Ибрагимбек мог пойти против Давлатмандбия.”²¹²

Басмачи, действовавшие против левой колонны, не оказывая серьезного сопротивления, отступали на восток, оставив Янги Базар, Файзабад, Кокташ, Яван. 17 июля Куляб, а 20 июля Балджувон были заняты красными. Там, в районе Куляб-Балджувон обе колонны сблизилась, чтобы дать последний бой Энверу. В Балджувоне Энверу удалось сосредоточить до 1500 всадников при 2 пулеметах. 26-28 июля он безуспешно пытался задержать наступление красных отрядов.²¹³

Финал жизненного пути героя нашего рассказа произошел 4 августа 1922 г. Различные источники сходятся в том, что это был район Балджувона, более точно называют кишлаки Оби-дара, Чаган, Сангтуда, Яп. Тогда рядом с Энвером находились его подручные - турки Фарук Бей, Даниял Бей и Бури Бегаш Бей. Кроме них, в последнем сражении Энвера принимали участие Хусейн Нафиз, Мурат Еш, Керим Бей и Мусульманкул.²¹⁴ Как гласит военная сводка, Энвер. . . “попытался еще раз вырвать успех из рук Красной Армии и сам повел свои отряды в конную атаку, но, получив пять ран, мертвым остался на поле боя, а отряды его в панике бежа-

²¹¹ Интервью Башира Баглани, февраль 1991, Душанбе. При этом Баглани с гордостью добавил, что Усто Джура являлся родственником Героя Советского Союза Сафара Амиршоева.

²¹² РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.270.

²¹³ РГВА, ф.110, оп.3, д. 1104, л.10-12.

²¹⁴ Tekin Erer. *Enver Pasha'nin Turkistan Kurtulus Savasi*. Istanbul, 1971,140.

ли, не захватив даже его труп.”²¹⁵ По официальной советской версии, заслуга в уничтожении Энвера принадлежала 3-ему эскадрону 16 полка 8-й Башкирской кавалерийской бригады.²¹⁶ В том бою погиб и Давлатмандбий.²¹⁷ Как свидетельствовал на следствии в ташкентской ЧК Абдукаюм Парвоначи, последний бой совпал с религиозным праздником Иди Курбон или Ид ал-Адха, который в 1922 г. праздновался 4 августа.²¹⁸ Тогда Энвер и Давлатманд в Япе (родном кишлаке Давлатманда), оставив при себе 30 джигитов, отпустили остальных праздновать. К этому времени (4 августа), подошли красные войска, и во время завязавшегося боя Энвер и Давлатмандбий были убиты. Обстоятельства того боя передавались из уст в уста и сохранились в памяти эмигрантов в следующем виде:

“В Балджуване, близ Чагана состоялся бой. По приказу Давлатмандбия - главнокомандующего, боем руководил Энвер Паша. В разгар боя командир Красной Армии смертельно ранил Энвера. Отступая, Давлатманд схватил красного командира - убийцу Энвера и оглушив его, положил поперек своего седла. Однако, во время движения, красный командир пришел в сознание и вытащив пистолет, выстрелил в Давлатмандбия. Пуля вошла в грудь и вышла из плеча. Когда доскакали до безопасного места, теряющий силу Давлатмандбий сбросил свою ношу и приказал джигитам: “Убейте эту собаку”! Перед смертью он дал распоряжение вывести тело убитого Энвера с поля боя. Затем Давлатманда и Энвера похоронили. Началось отступление. Мусульманское войско возглавил Мулло Али Мошина. Вскоре его, из соперничества, застрелил Абдукадыр Токсабо, племянник Давлатмандбия. Возобновились распри между таджиками и лакайцами”²¹⁹

Характерно, что главным героем приведенного рассказа является не Энвер - зять халифа, а Давлатманд - местный вождь. В этом смысле эмигрантское предание представляется скорее дружинным и локальным, нежели религиозным и панисламистским. Странно также, что Давлатманд, как гласит предание, вывез не умирающего Энвера, а его убийцу.

Красноармейская сводка, как видно из документов архива Туркестанского фронта, расходится с приведенным устным рассказом. С ней совпадают сведения, приведенные Агабековым. Согласно сводке, ударом шашки буденновец снес Энверу голову и часть плеча. Труп турецкого генерала, а

²¹⁵ РГВА, ф.110, оп.3, д.1104, л.61.

²¹⁶ Армянские националисты утверждают, что Энвер, также как и Талат и Джемал был убит армянином в отместку за геноцид 1915-1916 гг. В какой-то степени это верно, имея в виду что левой колонной Красной Армии командовал Яков Мелькумов (Мелкумян Акоп Аршакович). Заслугу в ликвидации Энвера, кстати, приписывал себе и Георгий Агабеков (Агабегян). См.: Агабеков Г. *ГПУ Записки чекиста*. Берлин, 1930. С.55.

²¹⁷ *Известия* (Ташкент), 1922, 16 августа; *Пролетарий*, орган Обкома КПТ, облисполкома Самаркандской области, 1922, 22 августа.

²¹⁸ См.: <http://www.sesquibits.com/cal.html?year=1340ah>

²¹⁹ Интервью Б. Баглани. Февраль 1991, Душанбе.

также документы оказались в распоряжении особого отдела Бухарской группы войск. Среди бумаг оказались документы на турецком, фарси, узбекском, шифры, письма, в том числе от женщины по имени Тавфия, а также письма от детей Энвера на немецком языке из Грюнвальда.²²⁰

Некоторое время победители не могли идентифицировать труп. Были опрошены люди, знавшие Энвера (Файзулла Ходжаев, красный командир Веревкин-Рохальский и др.). Им было представлено следующее описание трупа: “Рост выше среднего, лицо круглое, черные глаза, нос большой и правильный, возраст около 40 лет”. (Действительно, в 1922 г. Энверу исполнился 41 год.) В этом письме, датированном 15 августа говорилось, что “сведения нужны командующему Бухарской группы Павлову для определения личности убитого под Больджуаном Энвера, так как имеющиеся приметы очень стары и едва ли могут служить материалом для опознания убитого”.²²¹

Локайский вождь Абдукаюм Парвоначи свидетельствовал, что «после смерти Энвера и Давлатманда, их ценности забрали Усман Эфенди, Бури Баташ и какой-то лезгин из Карши (видимо, Данияр-К.А.) и ушли в Каратегин к Фузайл Максуму». ²²² Он также совершенно неожиданно заявил, что Энвер был похоронен ... 40 дней спустя после смерти Сами Беем в Чагане.²²³ Что бы это означало? Не спутал ли Абдукаюм (или секретарь-переводчик, ведший протокол допроса) похороны с поминками-сороковинами? Или речь шла о перезахоронении, что уж совсем маловероятно.

Эмигранты свидетельствовали, что “Энвер был погребен на кладбище Хазрати Султан, что в 3 каронах (или косов, что означает меру длины) от долины Алуча”.²²⁴ Олаф Кэроу и Заки Валидов дают живописное описание геройской гибели Энвера и пришедшего к нему на помощь Давлатманда. Кэроу и Кастанье также утверждают, что на следующий день после боя оба героя были погребены в Чагане и “окрестные местные племена числом в двадцать тысяч собрались на похороны Энвера. Многие из них целовали руки и ноги мертвеца и собирали волосы его бороды на память”.²²⁵

В связи с тем, что труп был в распоряжении особого отдела Бухарской группы войск, остается удивляться: как могло случиться так, что большевики, имея в своем распоряжении труп Энвера, позволили населению похоронить зятя халифа и превратить его захоронение в место паломничества? Кто на самом деле был захоронен в Хазрати Султане? Или это были в самом деле останки Энвера, а труп, бывший в распоряжении Бу-

²²⁰ РГВА, ф.110, оп.3, д.1104, л.61.

²²¹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1106, л.49.

²²² Дело 123469. С.18.

²²³ Дело 123469. С.19.

²²⁴ IOR: L/P&S/10/950.

²²⁵ Olaf Caroe, *Soviet Empire, the Turks of Central Asia and Stalinism*. London, 1953, 125.

харской группы принадлежал другому турку? Вероятно, абсолютно точных ответов на эти вопросы не может дать никто.

Другим, более важным и не до конца выясненным вопросом явился следующий: как осуществлялось финансирование кампании Энвера? Ведь несмотря на то, что они так и не получили помощи от “великих держав”, энверисты получили немало вооружения и боеприпасов. Советские источники изобилуют малоубедительными рассказами о караванах оружия, снаряженных Англией для Энвера. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что все оружие и боеприпасы были закуплены младотурками на деньги, имевшимися в их собственном распоряжении. Можно согласиться с точкой зрения агентов правительства британской Индии по этому поводу. Ссылаясь на информацию, полученную от туркестанских эмигрантских лидеров, они утверждали, что:

“Хаджи Сами Бей получал деньги от некоего неизвестного источника. Обычно это было турецкое золото и туркестанские эмигранты склонны считать, что финансовая помощь приходила от фракции турецких националистов, оппозиционных Мустафе Кемалю. Высказывается также и другое мнение, что Хаджи Сами на самом деле тайно поддерживался правительством Анкары. В пользу последней схемы говорит то, что Хаджи Сами разработал план распространения пантурсизма от Кавказа до Памира. Что касается точного количества денег, бывших в его распоряжении, то установить это трудно. Известно лишь, что их было достаточно для содержания агентов в различных пропагандистских центрах”.²²⁶

Единственной европейской страной, которая могла поддержать антисоветскую кампанию турков была Германия. Известно, что все письма Энвера во время его нахождения в Бухаре шли через германское посольство в Кабуле. По всей видимости, иттихадисты переводили деньги из Берлина по дипломатическим каналам германского МИДа в Кабул. На эти деньги агенты Энвера при помощи Надир Хана закупали в Афганистане оружие, боеприпасы, обмундирование и другие вещи, и перевозили их, вместе с почтой в Восточную Бухару. В этой связи, нелишне остановиться на «афганском следе», то есть роли правительства Амануллы в авантюре Энвера.

В момент появления Энвера в Бухаре, эмир Афганистана еще раз испытал желание включиться активно в среднеазиатскую политику. Стремление изгнанного турецкого генерала Энвера Паши образовать мусульманское супер-государство, нашло живой отклик в афганской элите, в том числе у Амануллы. Весной 1922 г. большое количество афганских войск было сконцентрировано в приграничной с Бухарой частью северного Афганистана. Разведка Красной Армии сообщала тогда:

²²⁶ IOR:L/P&S/10/950.

“Наблюдается большой наплыв афганских войск на афганской границе, насчитывающий 16 палтанов (600-700 солдат в каждом) пехоты, 10 000 кавалерии, 10 орудий».

Седьмого февраля 1922 г. министр обороны сипахсалар Надир Хан (будущий король Афганистана) прибывает в Ханабад (провинция Катаган). Немногим позже он встречается с Усман Ходжаевым, экс-президентом БНСР, бежавшим в Афганистан с Али Ризой и Хаджи Сами 10 апреля 1922 г. после неудавшегося мятежа в декабре 1921 г. в Душанбе. Надир предложил им убежище в Афганистане. Затем Надир вступает в переписку с Энвером и снабжает его оружием и боеприпасами.²²⁷ “Мой брат, я получил твое письмо и 300 000 рупий для снабжения 1 200 солдат и 50 офицеров обмундированием”, писал Надир Энверу.²²⁸

В литературе встречается немало упоминаний о панисламистских амбициях Амануллы и его намерении создать конфедерацию государств Средней Азии во главе с ним самим. Действительно, таковые намерения могли иметь место. Нашли ли они свое воплощение в конкретных действиях? На самом деле, Аманулла избегал помогать Энверу напрямую, не имея гарантий со стороны Англии. В марте 1922 г. он попросил посла Хэмфриса передать послание в Лондон о том, что Афганистан будет приветствовать признание Англией независимости Бухары и Хивы. Это придало бы Аманулле силы в его намерении поддержать Энвера и добиваться вывода большевистских войск из Средней Азии.²²⁹ Однако, Англия, не будучи уверенной в истинных намерениях Энвера, отказала.

В то время, афганское правительство просчитывало все возможные варианты развития событий в Бухаре и Фергане. В своем письме Аманулле, Надир назвал четыре желательных и нежелательных варианта:

1. Восстановление экс-эмира на троне с последующим объединением с Афганистаном или подчинением Бухары Афганистану;
2. Предоставление независимости Фергане и Бухаре во внутренних делах, но контролирование их внешней политики афганцами;
3. Объединение обеих областей с Афганистаном;
4. Усиление пантуранизма и влияния турков с последующим образованием сильного объединенного Турецкого королевства во главе с Энвер Пашой, которое установит отношения с Британской Индией через Памир и Читрал.

Если реализуется последний вариант, рассуждал Надир, то ничто не сможет помешать узбекам Афганистана присоединится к этому движению.²³⁰ Вероятно именно этот, четвертый вариант, крайне нежелатель-

²²⁷ РГВА, ф. 110, оп.3, д.1102, л.56.

²²⁸ РГВА, ф. 110, оп.3, д.1102, л.265.

²²⁹ Володарский М. И. *Советы и их южные соседи Иран и Афганистан*. Лондон, 1985. С.177.

²³⁰ Senzil K. Navid. *Religious Response to Social Change in Afghanistan 1919-1929; King Aman-Allah and the Afghan Ulama*. Costa Mesa California: Mazda Publishers, 1999, 71

ный для афганцев и заставил Аманулла пересмотреть политику в отношении Средней Азии. Пантюркизм для афганцев был также нежелателен как и для русских и китайцев. Что касается первых трех вариантов развития событий, то от себя предположим, что перспектива объединения восстановленного басмачами Бухарского эмирата с Афганистаном стала бы настоящим кошмаром для всех среднеазиатов. Впрочем, этот вариант был маловероятен.

Нерешительная позиция афганского правительства в отношении событий в Бухаре не устраивала часть населения и духовенства Афганистана, бывшего в оппозиции режиму Амануллы. Не дождавшись официальной санкции своего правительства, афганские добровольцы, возглавляемые традиционными религиозными лидерами, такими как мавлави²³¹ Абулхай из Пандшера были переправлены на советскую территорию. По сведениям командующего войск Бухарской группы Н. Е. Какурина, из Афганистана на помощь Энверу отправились два отряда добровольцев численностью 140 человек, вооруженных ружьями английского образца.²³² Ибрагимбек также подтвердил, что в начале 1922 г. афганцы послали Энверу две группы общей численностью 300 человек, во главе с Анварджаном.²³³ Зарубежные источники подтверждают, что в апреле 1922 г. афганский отряд пересек границу и воевал против большевиков близ Бойсуна.²³⁴ В связи с афганским вмешательством в бухарские дела в июне 1922 г. Советское правительство выразило протест афганскому послу Гулам Расул Хану в форме жесткого ультиматума.

Победа Красной Армии в Бойсуне и Кобадияне в апреле 1922 г., нежелание Англии помочь Энверу, а также угроза приостановки Советским правительством оказания материальной и военной помощи, заставили Аманулла принять решение, которое оказалось критическим для Энвера и его сторонников. Ссылаясь на положения советско-афганского договора 1921 г., афганское правительство решило вывести всех афганских поданных из бухарской территории. Аманулла встретился со своим военным министром Надир Ханом на перевале Ховак. Он приказал ему отвести все войска от границы и запретил вмешиваться в бухарские дела.²³⁵ В июле 1922 г. афганцы приказали всем своим поданным вернуться в 20-дневный срок. В противном случае им грозила конфискация имущества.²³⁶ Как утверждают афганские источники, Надир Хан за его

²³¹ Мавлави – в Афганистане: ученый, религиозный эксперт.

²³² РГВА, ф. 110, оп.3, д.1102, л.209-210.

²³³ Дело 123469. Т.1.С.170. Анварджан, сын Сафархана, афганский чиновник, ответственный за связь с Алим Ханом и бухарцами. О нем речь пойдет ниже.

²³⁴ Adamec W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain.* 71.

²³⁵ Marwat, Fazl-ur-Rahim Khan *The Basmachi Movement in Central Asia*, 164

²³⁶ Adamec W. Ludwig. Op. cit. 71.

сотрудничество с Энвером был смещен с поста военного министра и назначен послом в Париж. Мавлави Абулхай, который был удостоен Энвером звания “шайх ул-ислом” был арестован и заключен на некоторое время в ханабадскую тюрьму.²³⁷

Приняв беженцев и оказав им, таким образом, моральную и материальную поддержку, афганский правящий режим, тем не менее, отказал бухарцам в политической помощи в их борьбе против Советской власти. Это произошло, прежде всего, по принципиальным причинам. Восстановление консервативного, проанглийского эмирского режима в Бухаре не отвечало стратегическим интересам стремившегося к независимости реформатора Амануллы. Мусульманское движение сопротивления в Средней Азии (басмачество) в случае его поддержки могло выйти из-под контроля, перейти на левый берег Аму Дарьи, дестабилизировать обстановку и привести к непредсказуемым последствиям, нежелательным для Афганистана. С другой стороны, помощь басмачам неминуемо испортила бы отношения с Советской Россией и лишила бы правительство Амануллы материальной и военной помощи. Наконец, пантюркистская составляющая басмачества вызвала энергичное неприятие Кабула.

Позиция невмешательства в события в Средней Азии вызывала недовольство части афганского населения и духовенства, оппозиционного режиму Амануллы. Очевидец тех событий, афганский писатель и ученый Халилулло Халили писал:

“Народ считал, что правительство Афганистана, обманутое декларациями Советского государства, позабыло свою религиозную и политическую обязанность - защищать братьев-мусульман из соседних стран. Вопреки интересам исламского мира, оно безудержно укрепляло свои связи с Советской страной. . . Противодействие России оно считало противодействием независимости Афганистана. Оно представляло Россию единственным другом Афганистана и Востока, а угнетателей Лондона единственным их врагом”²³⁸

Таким образом, афганское участие в бухарских делах в 1922 г., как и двумя годами ранее было ограниченным и противоречивым. Оно не оказало принципиального значения на финальный результат – полное поражение Энвера в Средней Азии. Знаки внимания, которые оказывали афганцы турецкому генералу, не повлияли и на общий ход развития советско-афганских отношений. Сами советские стратеги относились с большой осторожностью к сведениям об «афганском следе» в Бухаре. Они понимали,

²³⁷ Marwat, Fazl-ur-Rahim Khan. Op. cit, 164. Абулхай был выпускником Деобанда (медресе в Индии). Несмотря на неудачу 1922 г., Абулхай не терял связь с басмачами Таджикистана. Весной 1927 г. он появился в Каратегине, где вел антисоветскую пропаганду. См.: АКРТ, ф.1, оп.1, д. 719, л.35.

²³⁸ Халили, Х. *Айер-е аз Хуросон. Амир Хабибуллох ходим-и дин-и расул-уллох*. Чопи дуввум, Дехли-и чаид, 1981. С.92.

что басмачи и некоторые другие силы (англичане, например) были заинтересованы в афишировании реальных и вымышленных связей басмачей с афганцами с тем, чтобы испортить отношения между Москвой и Кабулом. Поэтому советская пропаганда весь огонь своей критики сосредоточила на Англии, и, разумеется, самих басмачах во главе с Энвером.

Что касается афганской позиции, то и на этот раз ислам, вернее, исламская солидарность не сыграла роль стратегического фактора в среднеазиатской политике. По своей силе она уступила более «приземленным» и понятным соображениям национального и геополитического характера. Да и для самого Энвера туркизм, то есть стремление сохранить и приумножить славу и величие османских турков было куда важнее эфемерной панисламистской и тюркской солидарности. По большому счету ему не было дела до бухарцев и их забот.

Материалы, связанные с деятельностью Энвера в Бухаре рисуют достаточно противоречивый портрет этого, безусловно, выдающегося человека. Его можно оценивать как неудачного политика, героя-авантюриста и преступника.

Как политик, Энвер предстает человеком импульсивным, не способным реально и адекватно оценивать свои возможности и военную и политическую обстановку. Не получив сколько-нибудь весомой помощи от «великих держав», Энвер, тем не менее, невольно послужил их интересам. Не потеряв ровно ничего, Германия, Турция, Англия и Россия могли теперь составить представление о потенциале панисламизма, отношении к нему местных правителей (Алим Хана, Аманулла). Даже сами бухарцы, не говоря о религиозно и этнически близких афганцах не проявили ожидавшегося энверистами исламского национализма и не поддержали объявленную Энвером борьбу за независимость. Видя полное фиаско плана «объединения мусульман», Англия и Россия могли теперь не опасаться всерьез панисламизма, но в случае, похожим на авантюру Энвера, умело манипулировать пугалом «религиозного фанатизма» для оправдания своего присутствия в регионе. Один из ключевых архитекторов британской политики в регионе, консул в Кашгаре Эссертон писал еще в августе 1921 г.:

“Что касается пантурсизма и панисламизма, то я думаю, что их опасность в Средней Азии преувеличена ...на самом деле за ним кроется захватническая политика Турции... попытки развить чувства единства и патриотизма среди Магометанских рас Средней Азии на почве единой принадлежности к исламской религии своего успеха не достигли”.²³⁹

Примерно так же думало и красное командование. Оно считало, что местное население не вполне понимало замыслы Энвера о восстановле-

²³⁹ IOR: L/P&S/10/836.

нии мусульманского государства в Туркестане, а думало лишь о возвращении эмира.²⁴⁰

Слабость Энвера-политика подтверждает и то, что он, невольно, оказал очень большую услугу Кремлю. Бросив клич к объединению мусульман всего мира, Энвер дал Советам повод усилить свою интервенцию в Бухару и окончательно захватив ее, выступить “защитником” Запада от “фанатиков-мусульман”. Видимо поэтому большевики “простили” Афганистану его сочувствие Энверу. Официальная точка зрения Москвы заключается в том, что “взаимоотношения между Советской Россией и Афганистаном на протяжении 1921-1922 годов в общем и целом представляли картину прогрессирующего сближения”.²⁴¹

Крупнейший политический просчет Энвера заключался в том, что он сделал ставку на Алим Хана. Вероятно, ему нужно было приложить больше усилий для объединения туркестанских националистов с бухарскими повстанцами. Встав в ряды сторонников свергнутого эмира Бухары, Энвер, также невольно, завершил раскол в рядах джадидов. Часть их (Усман Ходжаев, Абдулхамид Арифов и др.) поддержала турка, но, потерпев вместе с ним поражение, ушла из большой политики. Другая группа, во главе с Файзуллою Ходжаевым окончательно перешла в стан московских коммунистов. Таким образом, Паша помог Москве укрепить свои позиции в Средней Азии и устранить ее противников в бухарском правительстве.

В политическом плане крах Энвера знаменовал собой первую и неудачную попытку политического объединения против большевизма под флагом милитаристского исламизма. Поражение младотурков в Кулябе означало крупное поражение “Исламского Интернационала”.

Итогом авантюры Энвера явилось не только крушение джадидизма и поражение младотурецкого движения, но и дискредитация эмирского басмачества. Несмотря на то, что Энвер прямо встал на сторону муджахидов, он так и не смог достичь с ними взаимопонимания. Сыграли свою роль отсталость администрации, недостаток вооружения, дефекты политического и идеологического обеспечения восточно-бухарского басмачества. Раскол произошел между ферганцами и лакайцами, таджиками и узбеками, тюрками и узбеками, отрядами Гиссара, Куляба, Каратегина и Дарваза. Одной из главных причин поражения Энвера явилось негативное отношение к нему Ибрагимбека. Этот лакайский вождь как и в случае с Усман Ходжаевым вольно или невольно подыграл Советскому командованию. Эмоции, то есть нежелание признать чье-то лидерство, взяли верх над трезвым расчетом. Заняв оппортунистическую позицию, он действовал вопреки интересам освободительного движения. После Энвера басмачество резко пошло на убыль. Часть джадидов и басмачей отказалась

²⁴⁰ РГВА, ф.110, оп.3, д.1106, л.24.

²⁴¹ Майский И. *Внешняя политика РСФСР. 1917-1922*. М.: Красная Новь, 1927. С.146.

от военного сопротивления и пошла на сотрудничество с большевиками. Отойдя от военного сопротивления, они надеялись на какую-либо форму приемлемого сотрудничества с Советской властью в рамках набирающих силу национализма, модернизации и культурной автономии. Другие продолжали джихад, но лишённые культурного руководства и должной организации, стали опускаться до экстремизма, разбоя, террора и грабежа мирного населения.

Говоря о гибели Энвера нельзя не вспомнить о начале его карьеры, а именно, о его преступном и бездарном вовлечении Турции в I мировую войну, когда в конце 1914 г. на русском фронте в Сарикамыше сам Энвер, подстрекаемый германским штабом, повел турков в чужую для них войну. Этот поступок имел своим страшным следствием гибель трех турецких армейских корпусов (75 000 человек).²⁴² В то время когда Энвер предпринимал тщетные попытки поднять против Советской России племена Куляба, его визави Мустафа Кемаль во главе турецкой армии начал наступление по всему фронту против греческих завоевателей, закончившееся полным разгромом греческой армии в конце августа 1922 г. Это была победа турецкого народа, одержанная при помощи Советской страны. Как было указано выше, в конце 1921 г. Турцию посетил М. Фрунзе, подписавший договор от имени Украины. Этот визит имел огромное значение для турков. Договоры Турции с Закавказскими республиками, РСФСР и Украиной в 1921 г. позволили Мустафе Кемалю снять войска с советского направления и сосредоточиться на разгроме греческой армии, наступавшей с юга. Лозаннская конференция (ноябрь 1922 г.) закрепила политическую независимость Турции. В 1923 г. Мустафу Кемалю нарекают высоким титулом - Ататюрк Гази Мустафа Кемаль Паша.

Рассказ об Энвере можно дополнить его характеристикой на уровне массового сознания. Здесь он предстает в виде смелого героя-одиночки, решившего своим отчаянным поступком поставить яркую точку в своей карьере и судьбе. Яркий популист, он давал и продолжает давать большой импульс панисламизму и пантюркизму. Как таковой, Энвер снискал большой почет части своих соотечественников и жителей Средней Азии. Для многих тюрков он остается национальным героем, который всколыхнул Турцию и сыграл выдающуюся роль в Средней Азии. Сегодняшние турецкие историки сравнивают его с Сельджуком Килич Арсланом, который победил крестоносцев. Для таких людей Энвер стоит рядом с Дели Дюмри - эпическим героем тюрков.

И наконец, религиозная мифология рисует Энвера «гази» - святым мучеником, погибшим в неравной войне с неверными. Именно так он оценивался частью населения Таджикистана, где общая могила Энвера и Давлатмандбия была превращена в мазар (мавзолей), куда на

²⁴² Charles Warren Hostler, *The Turks of Central Asia*. Westport, Connecticut-London: Praeger, 120.

протяжении 74 лет приходили паломники для поклонения. В памяти таджиков Таджикистана и Афганистана остались следующие стихи о гибели Энвера:

Сангтудаи сангвара
 Давлатманди джангара
 Куштанд Пошшо Анвара
 Ай, подшохи олам!
 Гуш кун, ки арз дорам
 Сад хайфҳои Бухоро
 Газоро карз дорам

Нет счета камням в Сангтуде
 Нет предела отваге Давлатманда
 Энвер Пашу убили
 О, Владыка мира!
 Вними моим речам!
 Скорблю я о несчастной Бухаре
 Мстить за нее - мой священный долг.²⁴³

Не случайно, Энвер Паша явился центральным героем среднеазиатской эмиграции. Он стал символом самоотверженного героизма, доставшегося побежденному и травмированному сопротивлению в качестве щедрой моральной компенсации за перенесенное унижение и забвение. Для нескольких поколений эмигрантов он явился знаковой фигурой, спасательным кругом, ухватившись за который можно уйти от того, чтобы считать себя побежденными, а свою жизнь – потраченной зря.

Конец бухарского басмачества

Главной причиной поражения Энвера явилась мощь Красной Армии. При этом красноармейские части пользовались поддержкой части населения. Но в подавляющем своем большинстве, в 1922 г. население Восточной Бухары все еще негативно относилось к Красной Армии и бухарскому правительству. Продолжалась массовая откочевка мирного дехканства в горы, в соседний Афганистан. Бегство было вызвано не только религиозными мотивами, но и стремлением покинуть зону военных действий и избежать насильственной мобилизации в отряды муджахидов. Положение дехкан значительно ухудшалось тем, что на него ложились непомерные тяготы по снабжению шиуих сторон - Красной Армии и басмачей - фуражом и продовольствием. Нехватка продовольствия для бойцов левой колонны, например, вынуждала их заниматься “самоснабжением”, то есть фактически отбиранием продуктов у жителей и выдачей им взамен расписок. Правая колонна снабжалась через продовольственных

²⁴³ Записано со слова Б. Баглани в феврале 1991 г. в Душанбе.

агентов, которые действовали схожим методом, известным как продразверстка.²⁴⁴ Красные командиры очень часто не замечали различий между мирным населением и вооруженными отрядами. Они широко практиковали меры карательного характера против целых кишлаков за невыполнение продразверстки и “сочувствие басмачам”.²⁴⁵

В разгар ликвидации авантюры Энвера произошло ужесточение политики в отношении басмачества и его сторонников. Суть этой политики сводилась исключительно к методам военного и карательного характера. Четвертого июля 1922 г. Революционный Военный Совет России (РВСР) издал приказ № 1570/308, за подписью Троцкого, призывавший к усилению военного нажима, применению суровых мер к “басмачам и их пособникам”.²⁴⁶ В том же месяце Политбюро ЦК РКП (б) направило в Ташкент директиву, подписанную И. В. Сталиным, в которой предлагалось значительно увеличить количество военных трибуналов, активизировать работу ГПУ и перейти от случайных мероприятий к “широкой, планомерно выдержанной работе”.²⁴⁷ Эти действия не затрагивали собственно вооруженные отряды и не приводили к снижению их численности. Они были направлены против местного населения и приводили к его массовому уходу в горы, соседний Афганистан.

Военная операция против Энвера привела к опустошению Восточной Бухары. Чрезвычайный орган Советской власти – Диктаторская комиссия по Восточной Бухаре обнаружила Гиссар, Душанбе, Куляб, Балджувон разваленными и опустошенными. В Гиссаре – крупнейшем городе края – дома стояли пустыми. Мирные жители опасались возвращаться в занятый советскими войсками город. В кишлаках продолжали действовать разрозненные шайки Ашура Токсабо (Куляб), Абдурахмана Додхо (Балджувон) и др. В Ховалинге турок Халбай Паша обучал басмачей военному делу. Как всегда басмачи испытывали недостаток вооружения и боеприпасов. Вся их «контрреволюционная деятельность» заключалась в сборе налогов на «джихад», превращавшегося зачастую в прямой грабеж населения. Награбленное имущество вывозилось в Афганистан и на вырученные деньги приобретались ружья и патроны.²⁴⁸

После гибели Энвера в числе преемников на пост командующего выдвигается турецкий офицер Сами Бей, известный в Бухаре как Салим Паша. Это был один из самых активных пантюркистских агентов “Иттихад ва Тараки”. До своего появления в Бухаре за плечами Сами Бей был уже богатый опыт. Как уверяют источники из британской администрации, Сами ...

²⁴⁴ РГВА, ф.110, оп.3, д.1102, л.254.

²⁴⁵ РГВА, ф.110, оп.3, д.154, л.174.

²⁴⁶ РГВА, ф.110, оп. 1, д.154, л.86.

²⁴⁷ РГВА, ф.110, оп. 3, д. 157, л.31.

²⁴⁸ АКПТ, ф. 31, оп.1, д. 69, л.1-2.

“...происходил из анатолийцев,²⁴⁹ использовался для шпионажа, политических убийств и всевозможных заговоров на Балканах в 1910-1912 гг. Он сыграл решающую роль в массовых убийствах армян. В прошлом, внеся смуту в турецкую армию, он был мятежником, но вскоре был восстановлен и вновь принят на военную службу в турецкую армию”.²⁵⁰

Сами Бей, так же как и Энвер был одним из ярых сторонников «Исламинтерна». Он был предтечей распространенного сегодня международного джихадистского движения. В августе 1914 г. в Индии, а в 1915 г. в зоне Суэцкого канала Сами пытался организовать отряды “муджахидов”. Как уверяют источники британской колониальной администрации, Сами Бей был замечен среди организаторов восстания 1916 г. в Туркестане, а затем, до 1920 г. находился в Шанхае. В 1920-1922 гг. Сами Бей становится ближайшим помощником Энвера во всех его приключениях в Германии, России и Бухаре. За совершенные преступления Сами Бей, его брат Кушчи Баши Эшреф, Энвер Паша, а также еще 150 человек были осуждены как военные преступники и были исключены из списка подлежащих амнистии, представленного при подписании мирного договора в Лозанне в 1924 г.²⁵¹

Таков был краткий послужной список человека, который после гибели Энвера пытался возглавить движение за образование федерации тюркских государств от Турции и Кавказа до Памира и Синьцзяня.

Сами прибыл в Восточную Бухару из Афганистана 40 дней спустя после смерти Энвера. В феврале 1923 г. он послал бывшего военного министра Бухарской республики Абдул Хамида Арифова в Афганистан и Китай – за помощью. Арифов прибыл в Читрал, где встретился с английским агентом капитаном Боверсом. Затем он встретился с самим С. П. Скрином (консулом Великобритании в Кашгаре в 1922-1924 гг.). Арифов, который говорил на многих языках – персидском, турецком, русском, немецком, французском и немного английском, произвел большое впечатление на англичан, по ошибке принявших его за Энвера. От имени «Объединенных революционных правительств Туркестана, Бухары и Хивы» Абдул Хамид требовал не много ни мало ... прохода войск Сами на китайскую территорию, имея ввиду включение Кашгарского края в состав тюркской федерации. Он также встречался с турками, находившимися при китайском магистрате, уверяя их что «среднеазиатская федерация» - свершившийся факт. Англичане, в том числе Д. М. Эварт – глава секретной службы в Пешаваре, конечно, отнеслись с недоверием к этой «мифической

²⁴⁹ По другим сведениям Салим происходил из выходцев Кавказа – черкесов, бежавших из России в конце XIX века. IOR:L/P&S/10/950.

²⁵⁰ IOR:L/P&S/11/197.

²⁵¹ Glenda Graser, “Haji Sami and the Turkestan Federation, 1922-3,” *Asian Affairs* 18, no.1 (Feb.1987), 11.

республике». Эварт назвал всю эту историю «русской химерой».²⁵² Так – ничем – закончилась миссия Абдул Хамида в китайский Кашгар и Британскую Индию.

Хаджи Сами не был так популярен как Энвер. Его появление в Бухаре вызвало противоречивую реакцию среди басмачей. Шер Мухаммад со своими 400 сторонниками не пожелал становиться в его ряды и ушел в Афганистан в сентябре 1922 г.²⁵³ В Кулябе Сами Бей вызвал к себе Ибрагимбека, но последний не явился. Встреча с Ибрагимбеком и другими курбаши все же состоялась, но позже в Муминабаде. На ней, кроме Сами Бея присутствовали Тагай Баба, Баратбек, Ашурбек Токсабо Кулоби, Усмонкулбек (сын Давлатмандбия) и Абдукаюм Парвоначи. Поначалу турку удалось подчинить курбаши своей воле. Собравшиеся поклялись продолжать борьбу против Советской власти и избрали Сами Бея своим “лашкарбаши” – главнокомандующим. Так же как и Энвер, Сами планировал идти на город Бухару. В его войске насчитывалось 4 тысячи бойцов. Еще 1 500-2 000 бойцов насчитывал отряд Ибрагимбека.²⁵⁴ По свидетельству Абдукаюма Парвоначи, именно Сами, «получив разрешение от населения на похороны Энвера и Давлатманда, перевез их в Чигам (Чагана?- К. А.), где похоронил».²⁵⁵

Признаться, это заявление Абдукаюма Парвоначи сбивает с толку и еще больше запутывает историю с Энвером. Мыслимо, ли что трупы оставались незахороненными 40 дней жаркого лета? Поистине Энвер, этот харизматический и неординарный человек оставил после себя много загадок. По завершении обряда захоронения, Сами отбыл в Тобидару, где находились приближенные Энвера. Из Тобидара, в сопровождении группы преданных ему турецких офицеров он отправляется в Каратегин. В районе Тавильдары между Дарвазом и Гармом шла борьба за влияние между Ишан Султаном – религиозным лидером и сторонником Алим Хана, и Фузайл Максумом – самопровозглашенным беком Каратегина. Сами Бей оказал помощь Фузайлу (гармцу) и казнил Ишан Султана (дарвазца).²⁵⁶ Свою роль сыграло соперничество между двумя лидерами горных таджиков, а также нежелание более традиционного Ишана Султана поддерживать пришлых турков. По словам Абдукаюма Парвоначи, причина казни ишана более прозаическая. Он утверждал, что Ишан Султан со своим братом убили близкого человека Энвера, у которого хранились ценности Энвера. Узнав про это, Сами отдал приказ повесить Ишана Султана и его брата. Сам Сами Бей утверждал, что казнил Ишан Султана по приговору

²⁵² Graser, Glenda. “Haji Sami and the Turkestan Federation, 1922-3,” 18.

²⁵³ Andican, Ahat. *Turkestan Struggle Abroad: From Jadidism to Independence*. SOTA Publications, 2007, 172.

²⁵⁴ Дело 123469. С.19.

²⁵⁵ Дело 123469. С.19.

²⁵⁶ Иркаев М. Указ. соч. С.368.

суда старейшин за измену и сотрудничество с русскими.²⁵⁷ Вообще, Сами показал себя в Восточной Бухаре чрезмерно жестоким, даже для местных курбаши, лидером. Из Каратегина Сами отправился с «джихадом» в Куляб и затем в Гиссар. Однако «джихад» Салим Паши и поддержавшего его Ибрагимбека провалился, едва начавшись. 13 марта 1923 г. части Красной Армии окружили группировку «лашкарбаши» у Гузара и разгромили ее. В течение двух суток, двигаясь за отступающим противником, красноармейцы уничтожили сотни салимовцев.²⁵⁸ В тех боях Сами Бей получил ранение. Потерпев сокрушительное поражение, он отступил в Гиссарскую долину и далее – в Куляб. В бою в Мазар Султане (Балджувон) был убит лезгин Данияр из Бухары, а затем, на пути в Кангурт шальная пуля сразила турка Фарук Бея. Стремясь заручиться поддержкой, Сами проделал значительную организационную работу в Балджувоне, Каратегине, Ховалинге. На место убитого им Ишана Султана, Сами Бей назначил беком Дарваза Диловаршо.²⁵⁹ При нем был его брат Гайратшо и отряд из 300 всадников. Братья проживали в Калаи-Хумбе и имели тесную связь с афганскими лидерами, стремившимися усилить свое влияние в Дарвазе, в первую очередь южной его части, и соседним Балджувано-Кулябским районом. В апреле-мае 1923 г. на выручку Сами из афганского Ханабада в таджикский Дарваз отправляется ферганский курбаши Шермат со своим братом Нурматом и пятью сторонниками. Его вылазка встретила губернатора Ханабада сардара Сулейман Джана, которому было поручено контролировать беглого ферганца.²⁶⁰

Под влиянием военных неудач и из-за нежелания подчиняться жесткой дисциплине, от армии Сами Бея стали отделяться отряды. Постепенно ушли восточнобухарские, затем бухарские и ферганские отряды. Взамен их начали появляться эмигранты из Афганистана. В Муминабад Сами пришел только с прибывшим из Кабула от Алим Хана Ахмад Ходжой ишаном и отрядом в 100 человек. Здесь, в Муминабаде, Сами Бей казнил своего аскарбаши (командира) Ашура Токсабо (местного кулябца) и назначил на его место Ахмад Ходжу (эмигранта). Вскоре в Куляб прибыл из Кабула еще один знатный эмигрант - Мир-катта (упоминается также как Мир-фатта, Пир-катта), сын бывшего министра эмирской Бухары Усманкулбека. Сами Бей назначил его балджувонским беком. Пир-катта стал вводить свирепые эмирские порядки, взимать непомерные налоги с населения. Узнав об этом, сын Давлатманда Усманкулбек, имевший 500 всадников, вместе с другим командиром - лакайцем Баратбеком пришли к Пир-катта и связали его. Они разграбили имущество Пир-катты, а самого, свя-

²⁵⁷ Andican, Ahat. Op.cit., 173.

²⁵⁸ Иркаев М. Указ. соч. С.374.

²⁵⁹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1129, л.36.

²⁶⁰ PRO: FO 371/9287: N 5108/153/97. В октября 1922 г. Шермат проживал в Ханабаде, где имел недвижимость и получал пенсию в 500 рупий от афганского правительства.

занного отвезли «к таджикам в Шурабдара». Затем они направились в Муминабад, “чтобы изловить Салима (Сами) и отомстить за смерть Давлатмандбия и Ашурбека Кулябского, а также предохранить себя от участи этих последних”²⁶¹. Узнав про это, Сами оставил оружие Ахмад Ходже ишану и вместе с 4-5 турками, 15 июля 1923 г. переправился через реку у переправы Хирманджой.²⁶²

Сами возвращается в ставший недружелюбным Афганистан. Власти Ханабада не разрешают ему следовать в Кабул. Вместе со своими приближенными он появляется в Мешхеде в сентябре 1923 г. Находившиеся с ним муфтий Садриддинхан, Абдулхамид Арифов, Курбаши Тураббек и ряд других эмигрантов решают остаться в Мешхеде.²⁶³ В Персии Сами Бей продолжает просить помощи у англичан, уверяя их, что 5 тысяч повстанцев ждут его приказа в Восточной Бухаре. Судя по документам лондонских архивов, англичане были осведомлены о том, что между турками и лидерами кулябских, дарвазских и каратегинских повстанцев произошел раскол. Кроме того, в Мешхеде Хаджи Сами через турецкого генерального консула обратился к правительству Турции с просьбой поддержать турков в Бухаре, и получил следующий ответ:

“Русский Туркестан очень далеко, чтобы посылать туда военные материалы для вас. Индия очень близка к тому месту, где вы сосредоточили вашу деятельность и помощь, на которую вы надеетесь, может поступить только оттуда”.²⁶⁴

Вскоре Сами узнает, что Анкара включила его в список 150 бывших турецких поданных, которым запрещен въезд в Турцию.²⁶⁵ После тщетных переговоров с англичанами, в ноябре 1923 г. Сами Бей отбывает в Алеппо, Сирию, закончив, таким образом, свой “туркестанский поход”. Завершая рассказ о Хаджи Сами укажем, что через несколько лет после поражения в Восточной Бухаре, он оказался на Балканах, поддержав греков в их борьбе против Турции. Его интриги прервала перестрелка на высоте Боз Даг, близ Смирны 27 августа 1927 г., где он был застрелен при попытке пересечь турецкую границу.²⁶⁶

После бегства Сами бея, Ибрагимбек был вынужден отступить в горы и распустить часть своих отрядов. Наступило некоторое затишье, в течение которого командование 13-го корпуса вступило в переговоры с местными вождями. В результате, часть малочисленных лакайских пле-

²⁶¹ Дело 123469. С.20.

²⁶² Там же; Иркаев М., Указ. соч. С.388

²⁶³ Позже советские агенты захватывают Садриддинхана и переправляют его в Ташкент, где его казнят. См.:Andican, Ahat. Op.cit. 189.

²⁶⁴ IOR: L/P&S/10/950.

²⁶⁵ Andican, Ahat. Op.cit., 174.

²⁶⁶ См.; Fraser, Glenda. “Haji Sami and the Turkestan Federation, 1922-3,” *Asian Affairs* 18, no.1 (Feb.1987), 19. IOR: L/P&S/10/950, P 4517.

мен, а также карлуки, туркмены и таджики сдали оружие. При этом советская власть не ослабляла репрессий. Стремясь покончить с “базой Ибрагимбека”, Красная Армия применяла тактику “выжженной земли”. В течение мая 1923 г. по сведениям Особого отдела штаба Туркфронта в Бешбулакском районе 7 кишлаков, населенных исанходжинцами (племя Ибрагимбека) и бадраклинцами были уничтожены, на том основании, что “оба рода являются наиболее воинственными и дают наибольший процент пополнения в ибрагимовские отряды”.²⁶⁷

После разгрома основных сил Ибрагимбека и Сами Бея, части Красной Армии предприняли поход через горные перевалы и в августе 1923 г. заняли, наконец, Каратегин и Дарваз. После взятия Дарваза и установления там Советской власти, в Калаи-Хумбе - столице района - произошло восстание, организованное Диловаршо, Усманбеком, Шо Назри и другими местными лидерами. Восставшие несколько дней осаждали Калаи Хумб и Ванч, в которых находились красные отряды. Восстание не приняло широкого размаха и большинство населения оставалось пассивным. Неожиданно, на сторону Советской власти перешел брат Ишан Султана - Ишан Шабудин, к которому перешли все мюриды убитого Сами Беем брата. Решением бухарского правительства Шабудин был назначен председателем Дарвазского ревкома. Он приказал своим мюридам не поддерживать восставших. Под натиском красных войск последние бежали в Афганистан.²⁶⁸

Благодаря деятельности председателя Каратегинского ревкома Нусратуллы Максума, Советская власть стала обретать все больше сторонников в таджикских горных кишлаках. Басмачей этого района Таджикистана возглавлял Фузайл Максум (Абдухалик Фузайл Максум). Он происходил из горного кишлака Метанион.²⁶⁹ До революции он, как и многие другие каратегинцы отправлялся на сезонные заработки в города Ферганской долины. Там, на небольших промышленных предприятиях таджикигорцы выполняли самую тяжелую и малооплачиваемую работу. Вместе с тем, они получали в Фергане первые уроки политического развития. В 1921 г., Фузайл собрал отряд и объявив себя беком начал борьбу против Советской власти.²⁷⁰ В августе 1923 г. он бежит и вскоре становится одной из видных фигур бухарской эмиграции в Афганистане. В эмиграции, Фузайл, как и ферганский узбек Куршермат, не был близок к эмиру и его

²⁶⁷ РГВА, ф.110, оп.3, д. 1129, л.61-62.

²⁶⁸ АКПТ, ф.1, оп.1, д.12, л.13. Сыновья одного из руководителей дарвазского восстания 1923 г. Шо Назри – Мухаммад Ярбек, Абдуллабек и Абдусаттор вернулись из Афганистана в Советский Калаи-Хумб в мае 1927 г. Они привезли властям письмо самого Шо Назри, содержащее намерение участников восстания вернуться на родину. О дальнейшей судьбе Шо Назри ничего неизвестно. АКПТ, ф.1, оп. 1, д.722, л. 67

²⁶⁹ По другим сведениям Ф. Максум был из кишлака Калаи Лабноб (современный Таджикобад).

²⁷⁰ *Зарафшон* (Самарканд), 1923, 16 сентября.

сторонникам, а старался играть собственную роль. Он не был ни эмирис-том, ни пантюркистом. На манер матчинцев, Фузайл Максум хотел образовать самостоятельное независимое Каратегинское бекство.

Выпавшее из рук Энвера, а затем Сами Бея, знамя воинствующего пантюркизма попытались подхватить «туркестанцы» Заки Валидова. Этот башкирский лидер встречался с Энвером еще на съезде в Баку в сентябре 1920 г. Видимо не случайно и Энвер и Заки Валидов отправляются в Среднюю Азию почти одновременно – в ноябре 1921 г. В Туркестане Заки Валидов был связан с некоторыми самаркандскими курбаши (Хамракулом, Очиллом), но после поражения Энвера вынужден был бежать. Осенью 1922 г. Тоган оказался на распутье. Он решил сделать еще одну попытку примирения с большевиками и написал в Средазбюро ЦК РКП письмо с просьбой о помиловании. Письмо было обсуждено на заседании Средазбюро 25 октября 1922 г. Амнистии не было представлено, а было вынесено постановление что возвращение возможно только если Валидов распустил все контрреволюционные организации, которые он возглавляет и публично раскается. Условия эти, видимо Тогану не понравились и он никак не ответил на это постановление.²⁷¹ Он решил бежать. В конце зимы 1923 г. из Самарканда через Мерв Валидов направился к персидской границе. 21 февраля он перешел туркменско-персидскую границу и 11 марта 1923 г. Заки Валидов прибыл в Мешхед.²⁷² Там он убеждал англичан, турков, персов, афганцев в том, что он является руководителем антисоветского движения в Средней Азии и что только недостаток оружия и боеприпасов не позволяет туркестанцам свергнуть Советскую власть.²⁷³ Он уверял, что его сторонникам требуется 50 тысяч солдат и 1 млн. патронов.²⁷⁴ Валидов обратился в афганское и турецкое консульства, а также имел тайные контакты с военным атташе Великобритании. Одновременно, он послал телеграмму турецкому послу в Тегеране с просьбой использовать свое влияние для выдачи ему разрешения следовать в Кабул и далее в Британскую Индию. Кроме того, Тоган послал телеграмму лидеру Турции Мустафе Кемалю. Тоган уверял турецкого президента, что “Абдул Хамид на Памире, Нуриддин и Тураб бек в Фергане, Джанузаков в Семиречье, Осман Турегулов в Хиве ждут его приказов”. 20 апреля 1923 г. А.З. Валидов отправляется в Кабул с твердым намерением объясниться с афганскими властями и тамошним английским послом чтобы добиться решения о поставках ими оружия повстанцам и вернуться в Восточную Бухару. После настойчивых попыток, ему удается добраться до Кабула.²⁷⁵ В ав-

²⁷¹ Исхаков С. М. *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и м. Чокаева (1924-1932 гг.)*, 26.

²⁷² IOR:/P&S/10/950.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же.

густе 1923 г. в Кабуле состоялось совещание Туркестанского национального объединения (ТНО), на котором, помимо Ахмедзаки Валидова, присутствовали беглые бухарцы Усман Ходжа, Абдулхамид Арифов, Хашим Шаик и некоторые другие. Совещание было вызвано поражением Салим Паши (Сами Бея) и его бегством из Восточной Бухары. На этом совещании было решено оставить Заки Валидова председателем ТНО. А. Арифов был назначен председателем Кабульского отдела, Усман Ходжаев представителем в Турции, а Мустафу Чокаева (который не присутствовал на том заседании) назвали представителем в Европе.²⁷⁶ ТНО выдавала желаемое за действительное; оно не имело ни влияния, ни связей ни в эмигрантской басмаческой среде, ни в самой Средней Азии. Вероятно, велидовцы имели какую-то рудиментарную антисоветскую подпольную структуру в Средней Азии, но ее было явно недостаточно для организации движения. Кроме того, ТНО не предпринимало никаких попыток наладить отношения с Алим Ханом, который для многих в Кабуле и за его пределами являлся легитимным главой басмаческого сопротивления Бухары. «Туркестан – для тюркоязычных народов», был лозунг ТНО, который исключал претензии на власть со стороны бывшего эмира, чья легитимность обеспечивалась религиозным, а не этническим фактором. В отличие от Туркестана, в Афганистане тюрки были меньшинством и потому чувствовали себя там неуютно. Наиболее дальновидные туркестанцы и бухарцы не доверяли туркам. Они догадывались, что пантуранский проект используется для прикрытия турецких планов вытеснения России из Средней Азии, но вынуждены были играть по новым правилам.²⁷⁷ ТНО вызывало острое неприятие не только эмирисов, но и англичан. Более того, сотрудник секретного отдела Дж. Эварт заподозрил в А. Арифове агента Москвы. Пуштуна Аманулли Хана, которого Заки Валидов забросал рапортами и докладами с непрошенными советами как управлять страной и предложениями идти на сближение с Турцией против СССР, наверняка также раздражала деятельность обосновавшихся в Кабуле пантюркистов.

Таким образом, после поражения Энвера и Сами Бея в 1922-1923 гг. «туркестанцы» в Кабуле чувствовали себя во все большей изоляции. Басмачи Восточной Бухары и Алим Хан их ненавидели, а афганцы переносили с большим трудом. Летом 1923 г. Валидов проводит в Кабуле еще одно совещание своих сторонников, на котором ТНО фактически принимает решение прекратить попытки взять басмачество под свой контроль. Посовещавшись, туркестанцы отказались от идеи продолжения вооруженной борьбы в Бухаре и Туркестане. Они также отметили, что Афганистан

²⁷⁶ See: Graser, Glenda. "Haji Sami and the Turkestan Federation, 1922-3," *Asian Affairs* 18, no. 1 (Feb. 1987), 14-15.

²⁷⁷ В их числе находился бывший министр обороны БНСР Абдул Хамид Арифов. PRO: FO 371/10397: N 1527/21/97

не самое лучшее место, откуда можно было привлечь внимание международной общественности к проблемам «Туркестана». Было решено покинуть Афганистан и рассредоточиться по разным странам. До конца 1920-х гг. Султанбек, Джаныбек-киргиз и Парпи отправились в Синьцзянь. В Турцию направились Осман Ходжаев, Мамур Ниязи, Хамракулбек и Ачил.²⁷⁸

Что касается Тогана (Валидова), то ни в Бухару, ни в Россию он уже не вернулся. После пары месяцев бесполезных хлопот, он отбывает в Индию, чтобы 1 ноября 1923 г. отправиться оттуда морем в Марсель, увозя с собой 18 сундуков с книгами и рукописями приобретенными в Бухаре, Персии, Афганистане и Индии.²⁷⁹

Валидов был ученым, живо интересующимся историей и культурой Востока. Будучи башкирским патриотом, он сочетал карьеру политика с успешными научными изысканиями. «Оставив борьбу с оружием в руках, в Мешхеде, Кабуле и Бомбее я заложил основу своей будущей библиотеки», писал позже в своих воспоминаниях Ахметзаки Валидов.²⁸⁰ Он был, несомненно, талантливым человеком, но самоучкой, а порой дилетантом. На историю Бухары, Афганистана и Индии он смотрел через линзу пантюркизма, то есть не упускал возможности кстати и некстати подчеркивать ведущую роль тюркского этнического элемента во всей многообразной культуре региона, включая исламско-персидский и индо-персидский культурный синтез. Если говорить о его политической деятельности, то она развивалась неудачно во многом из-за политической неразборчивости и наивности, граничившими с «эгоцентризмом, глупым и пошлым самонением». Об этом писал позже, в 1929 г. Чокаев:

«Персия и Афганистан открыто, ни даже скрыто, поощрять акции Т[уркестанского] К[омитета] не могут и не хотят. Валидов в своем самообольщении и ослеплении не обращает внимания на отношения этих стран с Советским правительством...»²⁸¹

Сам Валидов позже признал тщетность попыток размещения пантюркистской агентуры в Афганистане и Персии и сетовал на нежелание Турции портить отношения с Россией из-за ТНО.

Таким образом, старания ТНО «оседлать» басмачество и добиться международного признания и помощи со стороны Турции, Ирана, Афганистана, а также Англии, Германии в их борьбе против Советской власти завершились неудачей. Это произошло, главным образом, из-за объективной слабости национально-освободительного движения народов Средней

²⁷⁸ Andican, Ahat. Op.sit., 189.

²⁷⁹ Хусаинов. Г. А.-З.Валиди Тоган // Ватандаш, N 11, 2000. – Уфа, http://www.rbt1.ru/vatandash_www/11_00/131.htm (2005)

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.).* С.97.

Азии, нежелания Франции, Германии и Англии поощрять панисламизм и пантюркизм в Азии, а также англо-германских и англо-российских противоречий на Среднем Востоке. Будучи осведомленными о прогерманской деятельности турков, о связях Джемала, Энвера и Сами бея с большевиками, английские власти отказали националистическому подполью в Средней Азии в помощи.

Тем не менее, в Европе ходили слухи о возможной связи англичан с басмачами эмира. Дошли они и до английской столицы. В июне 1923 г. на заседании британского парламента представителю государственного секретаря по иностранным делам Макнейлу был задан вопрос:

«Были ли какие-либо соглашения с представителями бывшего эмира Бухары, согласно которым часть бухарской территории может, при определенных обстоятельствах, временно оказаться под опекой Великобритании?»

На что Макнейлом был дан следующий ответ:

«Никаких соглашений, переговоров от имени Его Величества с какими бы ни было представителями бухарского эмира, не было».²⁸²

Надо признать, что Советская Россия умело сыграла на англо-германских противоречиях в регионе. Важным политическим последствием такой политики явилась международная изоляция антисоветского движения в Средней Азии и его сокрушительное поражение. Тем не менее, разрозненные, плохо вооруженные отряды басмачей Восточной Бухары в одиночку противостояли Красной Армии еще десять лет после смерти Энвера Паши. К началу зимнего периода 1922/1923 гг. из общего числа «организованного басмачества» в Средней Азии 8 310 всадников, на Восточную Бухару приходилась самая большая группа – 3 580 всадников при 11 пулеметах.²⁸³ В то время, на каждого басмача в Восточной Бухаре приходилось 4 бойца Красной Армии. К началу 1923 г. в 13-м стрелковом корпусе, сосредоточенном в Восточной Бухаре насчитывалось почти 14 000 красноармейцев.²⁸⁴ Это говорит о том, что басмачество еще несколько лет оставалось серьезной проблемой, несмотря на уход турков и ТНО с политической сцены Средней Азии летом 1923 г.

Одновременно в ходе конфликта происходила важная перегруппировка противостоящих сторон. Постепенно, на смену спонтанной «священной войне» между красноармейцами и басмачами пришли более сложные противоречия, связанные со стараниями большевиков, направленными на усиление классовой борьбы внутри самого местного населения. В частности, ликвидация Энвера обострила конфронтацию между Бухарским правительством с одной стороны, и басмачеством вместе в контрреволюционной эмиграцией в Афганистане – с другой. Главной мишенью правительства

²⁸² *The Times*, June 5, 1923.

²⁸³ РГВА, ф.110, оп.3, д.868, л.105.

²⁸⁴ Иркаев М. Указ. соч. С. 377.

стали уцелевшие сторонники эмира. Закрытое заседание ЦК КП Бухары 19 мая 1923 г. вынесло решение провести регистрацию бывших “эмирских чиновников”. Всех, кто уклонился от регистрации, предписывалось подвергать немедленному аресту. Было решено:

“Представить в ЦК БКП список наиболее злостных чиновников на предмет санкции демонстративной ликвидации особенно вредных и активных из них, а также поручить начальнику Государственной Охраны республики немедленно заключить под стражу со строгой изоляцией и с применением тюремного режима во всех отношениях всю эмирскую семью и его родственников, руководствуясь при этом списком ЦК БКП. Местом заключения для них избрать медресе Хиебон. Для просмотра списка эмирской семьи и его родственников на предмет пополнения включенными или исключения из списка тех или иных лиц избрать комиссию в составе т.т. Пулатова, Аббас Алиева и Фитрата”.²⁸⁵

Расправляясь руками джадидов с эмирской семьей и ее сторонниками, большевики надеялись повернуть ход событий в русло привычной для них «классовой борьбы».

Тогда же, после ликвидации Энвера, Политбюро ЦК РКП (б) направило директиву (о которой говорилось выше), призывавшую не ослаблять военного и репрессивного нажима на басмачество и связанное с ним население. Выполняя эту директиву, РВС Туркфронта настаивал на усилении карательных мер, обвиняя бухарское правительство “в нерешительности и затяжке окончательной ликвидации басмачества”.²⁸⁶ Одновременно, РВС продолжал нажимать на центр с требованием усилить военное присутствие в Средней Азии. Войскам, расположенным в Восточной Бухаре был дан приказ “привести в полную покорность лакайское племя, для чего части войск должны произвести полную чистку всего лакайского района”.²⁸⁷ Лакайцам был предъявлен ультиматум о немедленной сдаче оружия, беспрекословном выполнении продразверстки на зерно и скот и окончательном признании Советской власти. Был издан приказ, в случае невыполнения ультиматума, производить в кишлаках обыски и при обнаружении оружия “кишлаки уничтожать совершенно”. С целью чистки лакайского района, осенью 1922 г. было снаряжено несколько военно-политических экспедиций. Во время только одной из них было убито 300, ранено 25, взято в плен 16 человек, а также изъято 9 винтовок.²⁸⁸ Эти действия не затрагивали собственно вооруженных басмачей и не приводили к снижению их численности. Они были направлены против мирного населения.

²⁸⁵ РГАСПИ, ф.62, оп.1, д.83, л.5.

²⁸⁶ РГВА, ф.110, оп.1, д.155, л.3.

²⁸⁷ РГАСПИ, ф. 122, оп.1, д.245, л.269.

²⁸⁸ РГВА, ф.110, оп.1, д. 154, л.175.

Все это вызывало отток населения в Афганистан. Бежали в основном басмачи и их сторонники, в том числе родственники и односельчане. В 1923-1925 гг. через реку переправились ферганец Шермат, кулябец Усманкулбек (сын убитого Ашура Токсабо), лакайцы Баратбек, Абдукаюм, Алимардан и многие другие. Сам Ибрагимбек написал письмо в Кабул, в котором признавался, что он бессилён продолжать борьбу и спрашивал: что делать? В ответ Алим Хан как всегда обещал, что скоро придет помощь от Амануллы Хана, и просил держаться.

Настроение некоего анонимного курбаши передает отрывок из письма, направленного им из Восточной Бухары Алим Хану в Кабул:

“День и ночь думаем о Вас . . . На нас наступал неприятель, но мы не смогли отбить наступление, и сдался им Саид юзбаши. Борцы за веру сильно устали, они вышли из терпения, потому что воюют столько времени и не видели от этого ничего хорошего”.²⁸⁹

Эмигрировали в Афганистан чаще и охотнее полукочевые узбеки - лакайцы, конграты, карлуки, казаки, моголы и другие, проживавшие в приграничной полосе. Перекочевка для скотоводов была привычным делом. Как происходил переход границы? Абдукаюм Парвоначи, тесть Ибрагимбека, вспоминал на следствии:

“В то время (летом 1923 года - К. А.), русские заняли Дарваз и поэтому мы перекочевали в кишлак Загар. Там мы не нашли фуража для лошадей. Мы накормили лошадей ягодами шиповника и доехали до места Убак (Чубек-К.А.) у Амударьи. У Убака я на другую сторону командировал человека с письмом к афганским властям, чтобы мне помогли переправиться. На переправу приехали пограничники и аксакалы (чиновники) Афганистана, три человека с 12 переправщиками и предложили свои услуги. Я с ними договорился за переправу дать за одного барана по одной теньге, за человека одну рупию, с верблюда - одну рупию, с ишака по одной рупии, домашние вещи - за каждую переправу 3 рупии. За один день переправщики переправили всех, за исключением 130 баранов. Руководившие переправой афганские аксакалы хотели поднажиться и потребовали, чтобы мы заплатили 750 рупий, но по моим подсчетам полагалось заплатить 350 рупий. После долгих препирательств я им уплатил 400 рупий. В этот день мы остались ночевать на берегу. Назавтра мы перекочевали в афганские горы. Туда подошли два человека от афганских властей и спросили: кто я и зачем приехал? Я одному подарил барана, а другому шелк на чапан (халат), после чего афганцы уехали”.²⁹⁰

Таким образом, переход границы не представлял особых трудностей, особенно для состоятельных бухарцев.

²⁸⁹ РГВА, ф.110, оп.3, д.1153, л.14.

²⁹⁰ Дело 123469. С.23.

Учитывая, что отношение населения к басмачеству неодинаковое, ГПУ и правительство Таджикистана сосредоточили свои усилия на разведывательной и пропагандистской деятельности по расколу басмачества и духовенства по классовому признаку. Весной 1926 г. в Душанбе, Кулябе и других районах состоялись совещания с участием духовных лиц, на которых звучали призывы к верующим прекратить сотрудничать с басмачами и помогать новой власти выявлять ее врагов. В 1926 г. в Таджикистане были проведены: Общелакайский съезд, 8 районных конференций, 24 дехканских собрания, 9 беспартийных конференций, 66 митингов и другие собрания, на которых присутствовали 8 тысяч человек.²⁹¹ В результате широкой пропагандистской и политической работы в 1926 г. в Таджикистане было организовано 14 общественных комитетов по борьбе с басмачеством, 10 добровольческих отрядов с 336 бойцами.²⁹² Их целью было классовое расслоение таджикского и узбекского кишлака. Комитеты выявляли басмачей и их пособников. Дороотрядам выдавали винтовки. Правда, им не доверяли вести самостоятельно военные действия. Чаще их использовали для охраны складов с продовольствием и фуражом, сопровождения транспортов с грузом, разведки, прикрытия частей Красной Армии. Тем не менее, указанные меры сыграли свою роль в сужении социальной базы басмачества.

В 1925-1926 гг. Красная Армия вместе с правительством Таджикистана провела две так называемые “ударные кампании по ликвидации басмачества”, которые нанесли значительный урон басмачам и населению. Согласно официальной статистике, потери повстанцев в Средней Азии составили:

Таблица III

ПОТЕРИ БАСМАЧЕЙ НА ТУРКЕСТАНСКОМ ФРОНТЕ
С 1 АПРЕЛЯ 1923 ПО 31 ДЕКАБРЯ 1924 Г.Г.

Год, месяц	Убито, взято в плен	Сдалось
1923 апрель-май	1200	140
1923 июнь	1100	157
1923 июль	799	406
1923 авг., сент., окт.	1605	1676
1923 ноябрь- 1924 апр.	3577	2238
1924 май-дек.	1272	2383
ВСЕГО	9 553	7 000

²⁹¹ Иркаев М. Указ. соч. С.587.

²⁹² Макашов А.В. *Партийная организация Таджикистана в 1924-1925 годах.*- Душанбе: Таджикгосиздат, 1964. С.156.

Масштабы операций против басмачей и их потери по отдельным республикам Средней Азии видны из следующей таблицы:

Таблица IV

**ПОТЕРИ БАСМАЧЕЙ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ
С 1 ЯНВАРЯ ПО 1 ОКТЯБРЯ 1925 Г.**

Местность	Убито	Взято в плен	Сдалось
ТУРКМЕНИИ	6	57	4
УЗБЕКИСТАН:			
Зерафшанская область	62	139	91
Самаркандская область	49	52	103
Кашка-Дарья	160	56	73
Сурхан-Дарья	311	113	582
Итого по ТУРКМЕНИИ И УЗБЕКИСТАНУ:	582	360	849
ТАДЖИКИСТАН	969	269	855
ВСЕГО ПО ТУРКФРОНТУ:	2 139	1 046	2 557

Всего по Средней Азии с 1 апреля 1923 г. по 1 октября 1925 г. убито и взято в плен: 12 738, сдалось: 9 577 человек.²⁹³

Особенной жесткостью была отмечена операция Красной Армии в апреле-мае 1926 г., когда ликвидацией басмачества в южном Узбекистане и Таджикистане непосредственно руководил известный полководец гражданской войны в России, член РВС СССР, сталинский любимчик Семен Михайлович Буденный. Архивные материалы о пребывании «Батьки Семена» в Средней Азии были припрятаны или уничтожены. Тем не менее, в памяти таджиков и узбеков этот жестокий человек оставил самые неблагоприятные воспоминания.

В кампаниях 1925-1926 гг. особое внимание уделялось выявлению и ликвидации так называемого «пособнического аппарата», то есть части населения, поддерживающего басмачество. В отношении их применялись чрезвычайные санкции. В районах южного Таджикистана работали выезд-

²⁹³ Таблицы II и III составлены по материалам разведывательного отдела штаба Туркестанского фронта. В этом отделе работали военные историки (Д. Зуев, С. Гинцбург и др.) владевшие основами русской статистической науки. См. РГВА, ф.110, оп.3, д.1159, л.3; *Красная Звезда* (орган ПУ Туркфронта), 1924, 16 января; *Красная Казарма* (двухнедельный журнал ПУ Туркфронта), 1923, No.6-7. О их работе см.: Абдуллаев К.Н. *Оружием печатного слова*. Душанбе: Дониш, 1989.

дные сессии Верховного суда. В 1926 г. ими были рассмотрены дела на 71 человека, из которых 56, квалифицированные как “баи и чиновники” были приговорены к расстрелу, а остальные осуждены на различные сроки.²⁹⁴ В 1925-1926 гг. в отношении населения Узбекистана и Таджикистана широко применялись меры, не предусмотренные официальным законодательством. Главному Политическому Управлению (ГПУ) было предоставлено право “внесудебной расправы над пособничеством”. В 1925-1926 гг. ГПУ в Таджикистане был арестовано 390 пособников. Из них 208 были расстреляны, остальные высланы за пределы Таджикистана и частью освобождены на поруки.²⁹⁵

Разумеется, такая жестокая политика, призванная демонстрировать обострение классовой борьбы, вызвала протест части руководителей Таджикской республики. Возражая им, лидер таджикских коммунистов Б. В. Толпыго в июне 1926 г. писал своему начальству в Москву:

«Я считаю, я убежден, что карательная политика и внесудебная расправа особенно, есть основной (метод). В настоящее время мы должны, безусловно, уничтожить значительную часть влиятельных врагов-пособников до тех пор, пока окончательно не разрушим систему снабжения, комплектования, влияния, агитации, связи и управления. . . Мы не переборщили, а не доделали, наша карательная политика должна последовательно проводиться, не ограничиваясь третьим изъятием (единовременной карательной кампанией-К. А.), а четвертым, пятым. . .».²⁹⁶

В другом письме Толпыго обосновывает необходимость более широкого применения внесудебной расправы:

“Нужен ряд искусственных мер, в том числе хотя бы ударный для отдельных районов метод оглушения пособников (своего рода террор)”.²⁹⁷

Спокойный, деловой тон переписки наводит на мысль о том, что бывший подмосковный рабочий, большевик с 1918 г. Толпыго и ему подобные никак не являлись патологическими личностями, садистами или колонизаторами, ненавидящими местное население. Отнюдь нет. Они действовали согласно большевистским правилам классовой борьбы, грубо попиравшим общечеловеческие моральные нормы. Вот как инструктировал большевиков один из их лидеров, Николай Бухарин (сам павший жертвой сталинских репрессий) в 1922 г.:

«Нормы поведения (пролетария) есть такие же технические правила, как для столяра, который делает табуретку. Если он хочет коммунизма, то ему нужно сделать то-то и то-то, как столяру, делающему

²⁹⁴ АКПТ, ф.1, оп.1, д.220, л.91.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ АКПТ, ф.1, оп.1, д.80, л.л.146-148.

²⁹⁷ АКПТ, ф.1, оп.1, д.81, л.117.

табуретки. И все, что целесообразно с этой точки зрения, то и следует делать».²⁹⁸

Именно такая - аморальная, “табуреточная” - политика привела к неисчислимым жертвам всех, без исключения народов СССР.

К середине 1920-х гг. басмачи все больше ощущали себя в изоляции. Значительно иссякли источники пополнения оружия (поставки из-за рубежа, скупка и кража в пределах СССР). Большая часть состоятельной эмиграции, разуверившись в победе басмачества, резко сократила размеры материальной помощи. Кроме того, активная политика Советской власти и экономическая помощь изолировали басмачество от основной массы населения. Об этом говорил тот факт, что в рядах Ибрагимбека остались преимущественно “афганцы”, то есть те, чьи семьи и хозяйства находились в Афганистане.²⁹⁹ Они не обладали достаточной силой, чтобы оказывать действенное сопротивление Советской власти. Ибрагимбек стал уклоняться от прямых столкновений с Красной Армией, прятался в горах. Он и его пособники все меньше походили на защитников веры. Они грабили, убивали мирных жителей, заподозренных в сочувствии Советской власти. Постепенно народ стал отворачиваться от басмачей и даже оказывать им сопротивление. Так, 16 декабря 1925 г. отряд из 70 басмачей, в котором были Хуррамбек, Тошмат, Темир, Кара Токсабо и Ишан Исахан напал на кишлак Джават Каратагского района (близ Регара). В ответ жители Джавата бросились с криком «ура» на грабителей. Басмачи, решив, что это отряд Красной Армии, бежали в горы. Вскоре, поняв свою ошибку, лакайцы вернулись и, разогнав дехкан, подвергли их дома разграблению и пожару. В результате того набега был сожжен 21 дом, 38 батманов риса, 2 батмана пшеницы, лошадь, бык и осел. Басмачи увезли с собой 10 батманов риса и 1645 рублей.³⁰⁰ В Гиссаре, Балджувоне, Яване и других районах создавались добровольческие отряды по борьбе с басмачеством. В отличие от эмирских ополченцев - «каракалтаков» («чернопалочников»), отряды добровольцев, выступавших против басмачей были названы по-гаджикски: «калтакторони сурх» («краснопалочники»). Советская власть, впрочем, относилась с известной осторожностью к местным добровольцам.

После того, как отряды бухарской милиции под командованием Усмана Ходжаева перешли всем составом на сторону контрреволюции, с 1923 г. Советское командование решило перейти от самостоятельных отрядов народной милиции к созданию вспомогательных отрядов, которые находились под непосредственным подчинением красных командиров.³⁰¹

²⁹⁸ Цит. по: Горинев М. М., Дощенко Е.Н. “30-е годы”. В кн.: *История Отечества. Люди идеи, решения*. Москва: Политиздат, 1991. С.215.

²⁹⁹ РГВА, ф. 110, оп.3, д.11656, л.61.

³⁰⁰ ГАРТ, ф. 24с, оп. 1, д. 15, л.7.

³⁰¹ Иркаев М. Указ. соч. С. 479.

Кроме борьбы с оружием в руках, общины привлекались к переговорам с басмачами с целью склонить их к добровольной сдаче. В свою очередь, Ибрагимбек и его люди делали все возможное, чтобы заполучить сдавшихся обратно. В годы Советской власти в Таджикистане у всех на слуху были имена участников борьбы с басмачеством, таких как Яхья Афзали, Хайдар Усманов, Муллошариф Рахимов (таджики), Мукум Султанов и Равшан Баймурадов (туркмены), Карахан Сардаров (узбек), Кувандык Тошев (лакаец, дальний родственник Ибрагимбека), Карши-аксакал (карлук) и некоторых других. Постепенно, в крае появились ростки новой жизни. В 1923 г. в Душанбе стала издаваться первая советская газета (орган 13 стрелкового корпуса) с характерным названием «По басмачу». Объективно, по мере укрепления новой власти, население стремилось к мирной жизни и уклонялось от помощи басмачам.

Тем не менее, вплоть до второй половины 1920-х гг. вся Восточная Бухара была охвачена войной. По словам Ибрагимбека волна откочевков в Афганистан в 1925 г. была много сильнее, чем в 1924 г. Весной 1926 г. Ибрагимбек предпринял последние попытки продержаться, но тщетно, слишком неравными были силы. Выбора не было. Ибрагимбек вспоминал о трудных для него, и его соплеменников временах:

«Лакайцы Гиссара и Балджувона стали жаловаться на плохую жизнь и переселяться в Афганистан, не спрашивая меня . . . Их ушло очень много с семьями и имуществом. Игамберды ушел в Афганистан со своей шайкой, не выдержав преследования.³⁰² Зимой в бою был убит Худайберды. Вместо него я назначил Тангрикул мулло. Силы мои явно убывали. Вскоре был убит мулла Раджаб. Со смертью Худайберды, Янги Базар также был занят русскими войсками. Шайка его распалась. Со значительно пониженным настроением я переехал в Балджувон. И здесь не повезло. Весной 1926 года джигиты Исмаатбека отрезали ему голову и частью сдались русским войскам. На его место я назначил Палвана Додхо³⁰³ - старшего брата Исмата, но тут опять неудача: в бою был убит один из лучших командиров моего личного отряда - Суванкул.»³⁰⁴

Как обычно, Ибрагимбек со своими лакайцами кочевал. Лето он проводил в Кулябе (Балджувоне), а на зиму перебирался в Гиссар. В начале лета Ибрагимбек остался во главе небольшого отряда в 50 человек. По его словам, оставаться на бухарской территории было бессмысленно: ни людей, ни оружия, ни боеприпасов, к тому же на муджахидов оказывался сильный военный нажим.

³⁰² Игам Берды Аллабердыев, узбек-конграт, в 1927 году ему было 34 года, был захвачен в бою осенью 1927 г. АКРТ, ф. 1, оп. 1, д. 419, л. 11.

³⁰³ Палван ходжа затем также перебирается в Ак Тепе, Афганистан, где официально признается тамошними властями как один из вождей эмиграции. АКРТ, ф. 1, оп. 1, д. 419, л. 13.

³⁰⁴ Дело 123469. С.25.

“Выход оставался один - перейти в Афганистан. Так я и сделал, уйдя в Афганистан в первый день праздника Курбан байрам”.³⁰⁵ Переправа состоялась в районе Бешкапа.³⁰⁶ Характерно, что уход Ибрагимбека за реку, в эмиграцию, состоялся, как и гибель Энвера, в день главного праздника в исламе Ид ал-Адха, который отмечался в 1926 г. в день 21 июня.³⁰⁷

Басмачи Хорезма

После падения Хивы (так называли регион европейцы, сами среднеазиаты предпочитали использовать название Хорезм) и событий сентября 1920 г., вылившихся в резню хорезмских вождей, вооруженные группы туркмен Хорезма, Бухары и Туркестана уже не складывали оружия и продолжали сопротивление, вплоть до начала 1930-х гг. Подобно бухарцам, они воевали, а также покидали свою родину и отправлялись в хиджрат. По признанию бухарского правительства, всякое начинание Советской власти среди туркмен “вызывало бегство населения в Афганистан”.³⁰⁸ Только во время бегства эмира Бухары, в 1921 г. почти 50 000 туркмен, проживавших на территории эмирата, бежало в Афганистан.³⁰⁹ Одной из причин эмиграции, по словам представителя РСФСР, было “присутствие в Керках 7-го и 8-го стрелковых полков (входивших в Гиссарскую экспедицию, преследовавшую эмира Алим Хана), вырезавших целые семьи туркмен и совершивших 7 зарегистрированных насилий над женщинами”.³¹⁰ Эмиграцией руководили ишаны, уводившие свои племена в Афганистан. Путь уходящих в изгнание туркмен шел мимо колодцев Шур Кудук, Чашма Кудук, Куйли Кудук и Джумалди Кудук, расположенных вдоль афганской границы.³¹¹

Во время операций Энвера и Селима в 1922-1923 гг., их агенты пытались организовать туркмен и послать их на помощь туркам в Восточную Бухару. По сведениям советской разведки, в начале января 1923 г. на афганской территории, в районах Келиф, Хамаиб, Андхой и Давлатабад шло формирование добровольческих отрядов из туркмен-эмигрантов. Деятельное участие в организации отрядов принимали бывшие эмирские чиновники, бывший председатель Чарджуйского исполкома Гугубаев, ряд туркменских деятелей, турецкие офицеры. В начале февраля 1923 г. из Афганистана в туркменский район Керки было направлено 6 турецких офицеров для организации и командования отрядами. По тем же данным, в Афганистане, в районе Ахча был организован отряд из 300 человек, в Ши-

³⁰⁵ Дело 123469. С.30.

³⁰⁶ Военная сводка называет 21 июня. См.: РГВА, ф.110, оп.3, д.1165, л.219.

³⁰⁷ См.: <http://www.sesquibits.com/cal.html?year=1344ah>

³⁰⁸ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.257, л.213.

³⁰⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.71, л.29.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.71, л.48.

бергане - 700 всадников. Отряд Клыч Мергена был одним из первых туркмено-афганских отрядов из 300 человек. Пополнение к нему прибывало из Афганистана, оттуда же приходило оружие и боеприпасы.³¹²

В январе 1924 г. в ряде районов Хорезма вспыхнул антисоветский мятеж. Восставших поддержали отряды Джунайда и другие туркмены, осадившие Хиву. Вскоре подоспели красные отряды из Ташкента и, как признавал председатель Средазбюро ЦК РКП Карклин, «выступление Джунайда было подавлено чисто военными мерами».³¹³ Под ударами Красной Армии в конце января Джунайд со своими отрядами отступил в пески Каракумов. В том же году он сдался Советской власти и в феврале 1925 г. был амнистирован I-м Всетуркменским съездом Советов. При этом Джунайд, ссылаясь на то, что у туркмен еще много врагов, не сдавал окончательно оружия и сохранил свои отряды.

На протяжении 1926-1927 гг. Джунайд продолжал свою борьбу, неся большие человеческие потери. Объявленный правительством Туркменской ССР вне закона, он в конце 1927 г. бежал в Иран.³¹⁴ Освобождение Туркмении от басмаческих банд не означало полной ликвидации басмачества. В приграничных районах Афганистана и Ирана вплоть до середины 1930-х гг. продолжалась сохраняться база, питавшая антисоветские выступления.

Изменения на родине: размежевание и «культурная революция»

Важной вехой в жизни народов Средней Азии явилось национальное размежевание, начавшееся в 1924 г. и длившееся до 1936 г. Оно означало отход от классической колониальной политики времен «Большой игры», не предусматривавшей собственно национального развития угнетенных наций. Главным побудительным мотивом размежевания было стремление советского руководства предотвратить потенциальную угрозу, исходившую от панисламизма и пантюркизма, как антисоветских проектов. Его целью было придание забвению понятий «Бухара», «Туркестан» и «Хива», как символов государств, пользовавшихся реальной политической лояльностью и считавшихся легитимными среди жителей региона. На месте многонациональных и полиэтничных Туркестана, Бухары и Хивы, были образованы этнонациональные советские социалистические республики Узбекистан, Туркменистан, Таджикская автономная Советская республика (в составе Узбекистана), Каракалпакская автономная область и Кара-Киргизская область. Именно в 1924 г. узбеки, таджики, киргизы (которых на-

³¹² РГВА, ф.110, оп.3, д.1129, л.16.

³¹³ *Туркестанская правда*, 1924, 8 апреля.

³¹⁴ Туркмены Ирана на долгие годы были обречены находится на положении национального меньшинства в шиитском Иране. Во время исламской революции 1979 г. туркмены требовали автономии от режима Хомейни, но получили отказ. Они были вынуждены взяться за оружие, но в 1982 г. ополчение туркмен было разбито. До сегодняшнего дня иранские туркмены не имеют национальных школ, книг и газет на родном языке.

звали тогда кара-киргизами), казахи (названные, также по ошибке, киргизами) стали официально считаться государствообразующими национальностями. Никто тогда не предполагал независимое существование упомянутых наций и государств. Они проектировались как сугубо советские проекты в рамках СССР. Тем не менее, размежевание придало этим этническим группам региона больший вес (в том числе международный), способствовало их социальному, культурному и экономическому развитию. Оно исходило из сталинских постулатов о нации, как исторической общности, имеющей общий язык, территорию, экономическую жизнь и психологию, выраженную в общей культуре. Нетрудно заметить, что сталинская концепция нации была противоположна как империализму, так и представлениям исламского национализма, для которых этничность, язык и территория, не говоря об экономике, не имели значения.

По мнению ТНО, которое было высказано на берлинском конгрессе 29 ноября 1924 г. Советы укрепили свои позиции в регионе путем фрагментации Туркестана и создания искусственных республик. В этих условиях, считали члены ТНО, «Туркестан становится знаменем единства тюрков Средней Азии и объединения всех восточных мультиманских народов, находящихся под русским игмом». Под Туркестаном они подразумевали «Казахстан и остальные среднеазиатские государства». На этом конгрессе было решено дать новое название организации – «Туркистан озолик джамияти» (Общество освобождения Туркистана).³¹⁵

Размежевание похоронило планы восстановления тюркских династий, безраздельно правивших Средней Азией с XI века. Но главное, оно нанесло сильнейший удар по пантюркизму. Помимо того, что тюркская солидарность раскололась на «национальные квартиры», в регионе возник Таджикистан – единственная нетюркская республика региона. Сталин пошел наперекор требованиям национал-коммунистов создать в Средней Азии единую Тюркскую республику и образовал «арийский анклав» с целью расколоть тюркскую солидарность и противостоять идее пантюркистского государства, как альтернативы советскому устройству. Однако, несмотря на потрясение, нанесенное ему размежеванием, пантюркизм выжил. Чтобы компенсировать разочарование пантюркистов и предотвратить их крайнее раздражение, в ходе размежевания всемирно известные центры исламско-персидской культуры – Самарканд и Бухара были отведены Узбекистану. Туда же вошла Хива и большинство городов Ферганской долины, входившей некогда в Кокандское ханство. Многие пантюркисты перенесли свои идеи в проект «Великого Узбекистана» дав начало великоузбекскому шовинизму. Одного взгляда на географическую карту Узбекистана достаточно, чтобы убедиться, что основные территории Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханства включая Бухару, Самарканд и

³¹⁵ Andican, Ahat. *Op.cit.*, 204.

Хиву вошли в узбекистанский «монстр», превратив его в «Малый Туркестан» или «Большую Бухару». Характерно, что учредительные съезды Узбекской ССР проходили в Бухаре, а первый ревком возглавил бухарец Файзулла Ходжаев. Первой столицей Узбекистана стал Самарканд, население которого (как и Бухары) состояло преимущественно из таджиков.

Таджикской автономной республике была отведена периферийная, аграрная, преимущественно горная, охваченная басмачеством Восточная Бухара. В ней не нашлось ни одного мало-мальски значительного города, где можно было бы поместить столицу. Никто из персоязычных джадидов, входивших в правительство БНСР не обратил тогда на это внимание. Правительство было сформировано в Бухаре в конце 1924 г., и только через несколько месяцев оно с трудом добралось конным порядком до городка Душанбе. 15 марта 1925 г. на размокшем от грязи городском пустыре была проведена церемония объявления новой Советской республики.

В результате размежевания, таджики Узбекистана в одночасье стали ирредентой. Составляя абсолютное большинство населения Самарканда и Бухары, а также некоторых территорий Ферганской долины, Сурхандарьи и Ташкентского оазиса, они превратились в дискриминируемое национальное меньшинство,³¹⁶ в то время как Таджикистан, лишенный своих городских культурных центров, стал едва ли не самой отсталой республикой региона. Конфликт слабой, персоязычной Таджикской республики, оторванной от своих культурных корней, с более сильным и многочисленным тюркским Узбекистаном был заложен с самого начала, и поддерживался Москвой на протяжении всех лет Советской власти. Известные территориальные претензии к Узбекистану имели и другие национальности региона – казахи, киргизы и туркмены.

Однако было бы ошибочно считать Узбекистан любимчиком Москвы. Заигрывания большевиков с проектом «Малого Туркестана» закончились в 1929-1930 гг. Тогда была репрессирована целая группа велико-узбекских националистов и столица Узбекистана была переведена из преимущественно таджикского древнего Самарканда в сравнительно молодой узбекско-русско-казахский Ташкент. От Узбекистана была отделена таджикская часть Ферганской долины с центром в Ходженте, а Таджикская автономная республика вместе с Ходжентским округом получила статус отдельной советской Республики. Последовавшие вскоре репрессии против мнимых и реальных буржуазных националистов, включая Ф. Ход-

³¹⁶ Тем не менее, таджики Узбекистана стремились к национальной автономии. Так, жители Канибадама, 9 февраля 1925 г. на встрече со «всесоюзным старостой» М. И. Калининым, совершавшим поездку по Ферганской долине, заявили о своем желании объявить Канибадам автономным таджикским районом. Советское правительство пошло навстречу и 15 апреля ЦИК Узбекистана объявил район таджикской автономией. С тех пор делопроизводство и образование Канибадама перешло на таджикский язык. См.: Каххори Абдуджабор. *Аджаб Дунее*. Душанбе: Адиб, 2003. СС. 37-39.

жаева, явились окончательным ударом, перечеркнувшим планы возрождения «Великого Туркестана» в конце 1930-х гг.

В этом состоят последствия национально-территориального размежевания 1924 г. Оно было спланировано и проведено Центром. Среднеазиатские нации были провозглашены «детьми Октября» и отныне были обязаны своим становлением большевикам и русским. Наспех проведенные границы и дальнейшая советская политика превратили таджиков, узбеков и другие народы из мирных соседей в непримиримых соперников. В условиях централизованной экономики и распределительной системы народного хозяйства, национальным элитам региона приходилось вступать в нештучные баталии друг с другом из-за скудных ресурсов и благосклонности Кремля. В ходе размежевания, которое длилось почти 10 лет, большевики установили неправильные границы, создали анклав, спорные участки, с тем, чтобы сеять разногласия между народами региона и самим при этом иметь неограниченную власть во вновь образованных республиках. Эта политика была сродни римской «разделяй и властвуй», и в то же время напоминала китайскую политику «контроля варваров при помощи варваров», проводившуюся в Синьцзяне в это же время (о ней пойдет речь в следующей главе).

Тем не менее, национальное размежевание имело положительные последствия для экономического и хозяйственного развития. Новые нации – узбекская, таджикская, казахская, киргизская и туркменская – согласились с отведенными им искусственными и «неправильными» территориями и, в целом, приняли антирелигиозную концепцию советского национализма. Размежевание усилило политико-экономическое значение новых республик, актуализировало идеи модернизации, экономического и культурного развития. Национальным интеллектуалам, бывшим джадидам была предоставлена возможность перейти от антибольшевизма, национал-коммунизма, пантюркизма и исламского реформизма на платформу этногосударственного – советского - национализма. Именно в этот момент многие таджики-джадиды отошли от пантюркизма. Под руководством коммунистической партии, они с энтузиазмом подключились к развитию национальной экономики, литературы, искусства, образования, науки и бюрократии. При помощи русского и других народов СССР, среднеазиатские республики стали базой для вновь образованных литературных языков, политических и хозяйственных структур, а также историографий. Постепенно, на смену старой джадидской интеллигенции пришли новые национальные кадры, обязанные своим ростом всецело Советской власти. Они конечно отставали по уровню своей образованности от джадидов, но привлекали большевиков своей абсолютной политической лояльностью.

На этом фоне басмачество, как преимущественно эмириское, сугубо милитаристское движение выступило архаическим, реакционным препятствием на пути прогресса. Все это облегчило Советской власти

задачу ликвидации своих противников в республиках Средней Азии.

Национальное размежевание 1924 г. оказало неоднозначное воздействие на эмигрантов и среднеазиатскую ирреденту, проживавших в Афганистане и Китае. Оно безжалостно стерло со всех карт название их родины – Бухары и Туркестана. Вместе с тем, размежевание продемонстрировало внимание Советской власти к национальному развитию. Образование национальных республик контрастировало с политикой афганского и китайского правительств, поощрявших пуштунизацию и китаизацию своих пограничных Советскому Союзу провинций. При этом, однако, не следует забывать, что внедренный в Среднюю Азию советский национализм был пропитан воинствующим атеизмом и антиисламским духом большевистского руководства и потому вызывал неприятие со стороны мусульман региона.

С позиций международных отношений, размежевание Средней Азии являло собой вызов Британской Индии и Китаю. Оно наводило на мысль об угнетении мусульман в этих империях и содержало скрытый призыв к восстанию. В частности, образование Таджикской автономной республики в непосредственной близости к Афганистану, а также строительство автодороги, а затем и железнодорожного сообщения между Термезом и Душанбе было интерпретировано англичанами, как попытка «поглощения» таджиков Афганского Бадахшана их собратьями из Советского Таджикистана. Английским послом в Кабуле Таджикистан рассматривался как советские «ворота в Индию».³¹⁷ Само Советское руководство не скрывало стремления превратить регион в «маяк социализма на Востоке».

Задачам раскола мусульманского единства и изоляции Средней Азии от собратьев «за рекой» была посвящена и политика языковой манипуляции, проводившаяся Советской властью в 1927-1940 гг. Начиная с IX века таджики, а затем и другие народы региона писали свои литературные произведения на арабском шрифте, а исламско-персидский синтез являлся основой культуры региона. Тем не менее народы региона были объявлены не имевшими письменности, либо имевшими архаичные и несовершенные типы письма. Идея латинизации была распространена в Азербайджане, где в 1922 г. был образован комитет по переходу на латинский алфавит. Это было очень удобно, так как создавалось впечатление, что инициатива изменения алфавита исходила от народа и лишь затем одобрена и подхвачена Советской властью. В 1927 г. было принято решение перейти от классического (арабского) шрифта к латинице. На самом деле это было чисто политическое мероприятие. Для большевиков было важно оторвать регион от мусульманского мира, расколоть его и удержать в своей орбите. Латинизация была продиктована желанием: а) подорвать позиции ислама, обладавшего монопольным правом контролировать книгоиздание и об-

³¹⁷ PRO: FO 402/6: N 11.

разовательные школьные программы; б) скомпрометировать статус арабского и персидского, как языков религии, эмиров и мулл, и противопоставить их новым, преимущественно тюркским «народным» языкам; в) облегчить переход к дальнейшему переходу на кириллицу и к руссификации. Отказ от арабского шрифта и латинизация положили конец гомогенному «турку-тоджик», то есть национально-религиозному тюрко-таджикскому культурному единству региона с тем, чтобы расчистить путь к монолитной русскоязычной «советской культуре» и «советскому человеку». В конце 1920-х гг. Советская власть приступила к массовому обучению новым языкам и шрифту. Был изменен не только шрифт, но и алфавит и орфография языков региона. Власть представляла эту кампанию как «ликвидацию неграмотности», то есть привитие элементарных навыков чтения абсолютно неграмотному населению. Со стороны это должно было выглядеть как привнесение культуры на культурную целину. Носителем и донором развитой культуры выступали русские, а ее получателем – «отсталые народы Средней Азии не имевшие письменности». Ликвидация неграмотности была частью антирелигиозной кампании. Она сопровождалось повсеместным уничтожением книг на персидском, арабском и тюркском языках, имевшихся в доме почти каждого среднеазиата. Людям приходилось прятать, закапывать, а некоторым сжигать, свои любимые книги и семейные реликвии. Медресе, имевшиеся во всех городах региона, а также мечети, которые представляли собой произведения средневековой архитектуры, подвергались уничтожению.³¹⁸

На самом деле, «ликвидация неграмотности» была элементом большевистской социальной инженерии. Платой за модернизацию и введение светского массового образования стали невосполнимые культурные

³¹⁸ В небольшом городе Канибадаме (с близлежащими кишлаками), расположенном в таджикской части Ферганской долины, например, в 1914 г. на 30 000 населения насчитывалось восемь медресе, построенных в XVII-XIX вв. Основателями их выступали правители города и члены их семей (в том числе женщины). Преподавательский состав медресе проходил обучение в различных медресе Бухары и Индии. Студенты получали стипендию за счет вакфа и пожертвований. При медресе функционировали школы для мальчиков и девочек. Количество школ в районе равнялось 105. В медресе и школах проходили обучение примерно 2 500 человек. Основу программы составляла отнюдь не теология как таковая, а науки, в исламском их понимании как инструмента, помогающего найти «правильный путь». Среди учебных материалов были коллекции текстов Чор Китоб, Хафт-як, произведения классиков средневековья. Учеников обучали адабу (нормам поведения и понимания прекрасного), основам медицины, каллиграфии, арабскому языку. Выпускники канибадамских медресе считались лучшими каллиграфами Кокандского ханства. Их также охотно включали в состав дипломатических миссий в Китай. До настоящего времени от четырех из восьми медресе не осталось ни следа. Никто не помнит ни их названий, ни мест расположения. Два (Мирраджаб Додхо и Оим) использовались в советское время как школа трактористов и тюрьма. Еще два медресе (Машхад и Ходжа Рушнои) были растащены и почти полностью разрушены. На сегодняшний день, только старейшая из них – медресе Мирраджаб Додхо сохранилась в более или менее приличном виде и используется как краеведческий музей. См. Каххори Абдуджабор. *Аджаб Дунее*. СС. 31-34, 61. К сказанному добавим, что о каллиграфии (хаттоти) сегодняшние таджики и узбеки имеют весьма смутное представление. Вкус к ней совершенно утерян.

потери, в том числе культурная депривация и отставание местного населения. Гносеологически и психологически эта политика коренилась в исламофобии и русском «ориентализме», то есть в имперско-державной вере в «избранность» русского народа, призванного цивилизовать «отсталые народы».

Отныне, при составлении анкет при поступлении на работу и на допросах, люди предпочитали представляться неграмотными детьми крестьян-бедняков, так как признаться в наличии «мусульманского образования» означало поставить себя под смертельный удар. Неграмотный, немущий, одетый в лохмотья сельчанин был более желателен и близок Советской власти, чем образованный и опрятно выглядевший «мулла». Эта необразованность неимущего аграрного населения переносилась на весь народ, который объявлялся отсталым и от которого требовалась безоговорочная политическая лояльность, как плата за «окультуривание». Для того чтобы картина была более полной и убедительной, власти надо было избавиться от образованного класса, предварительно дискредитировав его как носителя реакционной, религиозной идеологии. Советский жаргон причислял мулл к служителям религии. Между тем, ирония заключалась в том, что в Средней Азии слово «мулла» означало «образованный». Разумеется, со ссылкой на то, что образования иного, чем религиозное, просто не существовало. Традиционно в регионе, «образованный» означало «сведущий в религии». Не случайно в 1930-х гг. репрессиям подвергались именно «муллы», то есть те, кто мог читать и писать на арабском шрифте. Знание священного для мусульман арабского шрифта приравнивалось к преступлению.³¹⁹ Советская пропаганда причисляла всех мулл к врагам народа и пособникам басмачей. Соответственно, владение русским языком, равно как и женитьба на русских женщинах стали необходимым условием для тех, кто намеревался сделать успешную карьеру в образовании, культуре или политике.

Латинский шрифт продержался всего десять лет. В конце 1930-х гг. был осуществлен всеобщий переход к кириллице. При этом было сделано все, чтобы индивидуализировать языки, лишить их общей основы и схожести. В результате, турки региона перестали понимать письменные языки друг друга. Соответственно, таджики перестали понимать тексты, написанные персами и афганцами. Часть элиты стала предпочитать русский местным языкам. Такая политика привела к тому, что в течение одного десятилетия русский вытеснил арабский, персидский и тюркский в качестве принципиального языка науки, культуры и образования. Русский язык стал символом доминирования его носителей. Он стал единственным языком, посредством которого осуществлялась связь с окружающим миром.

³¹⁹ См.: *Репрессия. 1937-1938 годы. Документы и материалы*. Выпуск 1. Ташкент: Шарк, 2005.

В результате понижения статуса местных языков и отмены арабского алфавита, ислам в регионе, оставаясь главенствующей религией, был лишен своей образовательной, литературной и научной основы. Он был вынужден уйти в подполье, в «параллельный», или «народный» ислам, поддерживавшийся необразованными муллами и харизматическими общинными наставниками.

Это делало советских среднеазиатов еще более непохожими на своих собратьев «за рекой».

Резмиграция

Трудно – почти невозможно – отделить плохое от хорошего в действиях новой власти. Это касается и политики в отношении басмачества. Наряду с террором против басмачей и их явных и мнимых пособников, новая власть применяла ненасильственные, в том числе агитационно-пропагандистские, экономические и дипломатические методы, направленные на достижение политической стабилизации и укрепление безопасности. В этой связи следует остановиться на политике Советской власти по возвращению эмигрантов из Афганистана. Она базировалась на представлении, что основная масса эмигрантов состояла из крестьян-бедняков, то есть потенциальных и желательных союзников пролетариата в их противостоянии с богатым классом (баями). Считалось, что по своей отсталости и несознательности они стали жертвой контрреволюционной пропаганды и потому бежали в Афганистан. Кроме того, эмигранты нужны были Советской власти как рабочая сила по развитию хлопководства в южном Таджикистане и обеспечению «хлопковой независимости СССР».³²⁰ Таким образом, резмиграция преследовала двудединую цель. Она рассматривалась как важная часть плана ликвидации басмачества и увеличения производства хлопка – важного стратегического сырья. Кроме того, резмиграция отвечала интересам безопасности как СССР так и Афганистана, так как разряжала обстановку на общей границе. Согласно правительственным данным за время гражданской войны только из приграничной таджикской полосы в Афганистан ушло 44 000 хозяйств, или более чем 200 000 человек, что составляло примерно 25% населения Таджикистана. Основная масса эмигрантов предпочитала не углубляться внутрь Афганистана, а скапливалась вдоль границы. Резмиграция затронула, в первую очередь, именно эти приграничные области.

В сентябре 1925 г. правительством СССР была создана Центральная комиссия по резмиграции во главе с уполномоченным Народного комиссариата иностранных дел СССР Гуляевым, в которую, помимо него, входили представители таджикского правительства.³²¹ Специальным пра-

³²⁰ Имелось ввиду обеспечение предприятий важным сырьем из-за отказа от импорта хлопка из-за рубежа, главным образом из Англии и США.

вительственным распоряжением была объявлена полная амнистия «рядовым басмачам трудового происхождения».³²² В Афганистане и приграничных таджикских районах проводилась разъяснительная работа по возвращению эмигрантов. Эта работа, сочетавшаяся с мероприятиями по хозяйственному устройству (предоставлением кредитов, безвозвратных денежных ссуд, семян и пр.) и освобождению от уплаты налогов, дала свои результаты. На ноябрь 1926 г. в Таджикистан вернулось 7 000 хозяйств, или 40 000 человек. Всего же к середине мая 1927 г. реэмигрировало около 60 тысяч человек.³²³ Осенью того года ежедневно в среднем возвращалось 125 человек. Основное количество реэмигрантов приходилось на Курган-Тюбинский и Кулябский вилояты ТАССР. Разумеется, приведенные цифры примерные и несоизмеримы с реальным числом эмигрировавших. Тем не менее, они свидетельствуют о том, что к 1926-1927 гг. общая социально-политическая и экономическая обстановка в Таджикистане, по сравнению 1922-1925 гг., значительно улучшилась. Реэмиграции способствовало разочарование в басмачестве, тяготы жизни в изгнании и ослабление страха перед большевиками. Росту возвращенческих настроений способствовало и то, что в русском и среднеазиатском зарубежье в середине 1920-х гг. стала угасать надежда на падение Советской власти. Реэмиграция проходила на фоне «полосы признания» СССР правительствами европейских и азиатских государств, вызванной дипломатическими успехами большевиков и заинтересованностью многих стран в возобновлении торгового обмена с Советской Россией.³²⁴ Кроме того, Афганистан и Турция были заинтересованы в сотрудничестве с СССР в военной области. По этой причине они создавали всевозможные препятствия эмигрантам из СССР (ГНО Тогана и Усмана Ходжаева в Турции, Алим Хану и его кампании в Афганистане), и наоборот, поощряли реэмиграцию. К 1929 г. массовое возвращение из Афганистана прекратилось, так как в СССР началась коллективизация и преследование религии, вызвавшие новую волну эмиграции.

Неудача организации общенационального движения и эмиграция

Завершая рассказ о политическом развитии Средней Азии первых двух десятилетий XX века, нельзя не отметить, что в целом региону не удалось создать объединительное национальное или мусульманское движение, альтернативное колониализму и большевизму. Движения за свободу от правления иностранцев, аналогичного индийскому национализ-

³²¹ Иркаев. М. Указ. соч. С. 557.

³²² АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 726, л. 231.

³²³ АКПТ, ф. 1, оп.1, д. 698, л. 22.

³²⁴ Голотик С. И., Зими́на В. Д., С. В. Карпенко, «Российская эмиграция 1920—30-х гг.», *История России XX век.*, Москва: 2002. С.179.

му, ставшему достойным ответом британскому колониализму. Все 1920-е гг. в регионе было два, по сути, не связанных между собой центра сопротивления: туркестанское движение националистов-пантюркистов и религиозно-эмиристское повстанчество Бухары. Было ли «раздвоение» результатом тактического просчета, или за всем этим скрывались более серьезные причины? Могли ли туркестанские и бухарские националисты, джадиды и исламские модернисты объективно объединиться с вооруженными повстанцами-басмачами, чтобы выдвинуть общего лидера и предложить всему обществу приемлемый выход из положения?

Прежде всего, о том, что объединяло их. Джадиды-реформаторы и басмаческие руководители появились как реакция среднеазиатского общества на утерю исламского суверенитета и европейское доминирование. Именно тогда многие мусульмане, и не только в Средней Азии, начали задумываться о себе, своем месте в мире, о религии и политике. И реформаторы, и ортодоксы-традиционалисты искали выход из сложившегося положения. На этом сходство заканчивается и начинаются принципиальные отличия. Джадиды-реформаторы явились прямым результатом глобализации. Они появились благодаря внешнему (русскому, европейскому, турецкому, индийскому, татарскому и пр.) влиянию и не могли функционировать вне той среды, из которой они произросли. Джадиды явились не только результатом интенсивных контактов с Западом, но сами явились проводником глобализации. Сосредоточившись на образований, джадиды однако не смогли вдохнуть свой реформаторский и модернизаторский дух в «народный ислам», чтобы заручиться поддержкой традиционалистской массы, пребывавшей под влиянием религиозных ортодоксов и суфиев. Вследствие этого, в дореволюционный период националисты и джадиды настаивали на автономии в рамках России. Они были вынуждены ратовать не за подлинную национальную независимость, а за частичный суверенитет, так как не были готовы взять на себя всю полноту власти в регионе. Никто из националистов и исламских модернистов не разделял идей фундаментализма и не стремился к восстановлению консервативных монархий Бухары, Коканда, Хивы, как того хотели идеологи басмачества. Не случайно, в дальнейшем, туркестанские националисты эмигрируют не в традиционные мусульманские страны, а в светскую и прозападную Турцию. Но более всего их будет привлекать Европа, а затем и Новый Свет.

Басмачи же были ничем иным, как вооруженной силой среднеазиатского религиозного фундаментализма. В данном случае под фундаментализмом понимается антимодернистское движение консервативного духовенства. Этот фундаментализм не был новым движением, заявившем о себе в колониальный период. Он существовал издавна на уровне общин в пассивной форме, и активизировался лишь тогда, когда возника-

ла «угроза исламу». С точки зрения истории ислама, басмачество есть ни что иное, как военная сила мусульманской периферии, которая на протяжении долгой среднеазиатской истории не раз помогала религиозным ортодоксам подвергать «очищению» общество ради восстановления погранных «исламских принципов и идеалов». Басмачи считали, что спасают общины и ислам от внешней опасности. Они видели в русских и большевиках угрозу исламскому суверенитету. Восстановить его они считали своим священным долгом. Для басмачей и их идейных руководителей ислам не был совместим с секуляризмом и модернизмом, олицетворением которых были «русские кафиры» и сами джадиды. В этом свете, попытка лидеров джадидов (Усман Ходжаева, Зеки Валидова, Мустафы Чокаева) войти в басмаческую среду была ничем иным, как стремлением вырвать басмачество из-под влияния «фанатичных мулл» и превратить его в вооруженную силу национализма (пантюркизма). Чем закончилась эта попытка, мы уже знаем.

Если джадиды поднялись до уровня политической организации, то басмачество оказалось несовместимым с целенаправленным политическим действием. Этноцентризм группового сознания басмачей выражался в нетерпимости и предубеждении против тех, кто не является членом группы. Муджахиды брали «своих» под свою исключительную защиту и, отвергая «чужих», насаждали замкнутость и радикализм в политике, социальной сфере и культуре. Особенность басмачества, как аполитичного, фундаменталистского явления, заключалась в том, что в басмачестве муллы имели зачастую большее влияние, чем собственно курбаши (понимаемые как военно-политические лидеры). Энвер, Мадамин, Шерматбек, как и некоторые другие курбаши, стремились создать фронт, объединенный определенной идеологией и преследующий конкретные цели. Такая стратегия неминуемо приводила к рационализму и прагматизму, подразумевающим компромиссы, переговоры и альянсы ради достижения определенной цели. При таком состоянии дел мулле отводилось подчиненное положение по отношению к военному и политическому руководству. Между тем, «защита ислама» в представлении мулл предполагала не столько выстраивание стратегии и даже не вооруженную борьбу с противником или поиск нужной идеологии для мобилизации всех имеющихся ресурсов, сколько утверждение, укрепление собственно самой религии, борьбу против «неверных». Идеология, как таковая, уступала место шариату, как единственному правилу и руководству к действию. Разумеется, муллы брали на себя исключительное право трактовать шариатские законы. Таким образом, как и во всяком фундаменталистском движении, в басмачестве система ценностей ставилась превыше более понятных – земных, прагматических соображений. Тем самым, басмачество отрицало собственно политику как осознанное и внятное действие для достижения определенных целей.³²⁵ В этом фундаментализме заключается необычай-

ная непоколебимость, ожесточенный фанатизм, ореол мученичества и удивительное упрямство басмачества как формы религиозной, анти-модернистской, анти-секуляристской мобилизации. В то же время, в этой аполитичности кроется главная слабость басмачества и его принципиальная неспособность объединить массы на основе позитивной созидательной программы.³²⁶ Разумеется, в басмаческом движении (если допустить, что это было движение) были какие-то структуры (выборные и назначаемые вожаки, воинские звания и эмирские должности, казначеи, писари и д. п.), но не в такой степени, чтобы говорить о басмачестве как о более или менее внятно оформленном военно-политическом движении.

Так кем же были на самом деле басмачи? С гражданской, социологической точки зрения, басмачи представляли собой территориальное народное ополчение - дружинников, возглавляемых популярными военными и полукриминальными авторитетами. Их задачей была защита кишлаков и городов в условиях, когда государство не хотело, или было не в состоянии обеспечить безопасность безоружного в своей массе населения. Таковыми были первые отряды самообороны в Фергане в 1918-1919 гг. и в Восточной Бухаре двумя-тремя годами позже.

Формально, руководство сопротивлением в Бухаре осуществлялось Алим Ханом - незаконно свергнутым сувереном, потомком Пророка (саидом). В основе квази-идеологии и организации басмачества была религиозная составляющая. Насилие против населения и атака на правительство в мусульманском обществе могли быть санкционированы только религиозными юристами со ссылками на Коран, хадисы³²⁷, местные традиции (адат) и прецеденты исламской истории. Провозглашенные ими лозунги защиты ислама и джихада были призваны укрепить исламскую солидарность перед лицом опасности, исходящей от агрессоров, главной отличительной и объединительной чертой которых была их принадлежность к «неверным». Разумеется, это не было войной мусульман против христиан и иудеев, русских и евреев. Наказанию подвергались неверующие «безбожники», вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Убийство мусульман возбуждалось и потому причисление последних (чаще джадидов и сторонников Советской власти) к «неверным» было обяза-

³²⁵ Достаточно указать на, по крайней мере, две упущенные возможности Ибрагимбека приблизить победу над Красной Армией – отказ от поддержки Усман Ходжаева в декабре 1921 г. в Душанбе и противодействие Энверу Паше весной и летом 1922 г. В обоих случаях он поступил вопреки целям движения.

³²⁶ Аналогом фундаменталистского басмачества стало в самом конце XX века афганское движение Талибан, которое противостояло исламистским афганским партиям Северного Альянса. Подобно басмачам, талибы ставили систему ценностей превыше политики. Достаточно вспомнить варварское разрушение ими буддийских памятников в Бамиане, которое отвернуло от них весь мир.

³²⁷ Хадисы – предания о поступках и изречениях Мухаммеда. Совокупность хадисов, признанных достоверными, составляет сунну.

тельным условием санкционированного насилия против части коренного населения.

Джихад как символический, индивидуальный мистический акт привлекал в свои ряды многих сторонников, искренне считавших, что они защищают не столько общины, сколько ислам в целом. Соответственно, выражение симпатии и оказание поддержки муджахидам рассматривалось как почетная обязанность мусульманами, где бы они не проживали – в Бухаре, Туркестане, Афганистане, Синьцзяне, Турции, Персии, Аравии, Индии, Северном Кавказе или на Балканах. Эта религиозная легитимизация басмачества придавала ему завидную стойкость. Однако, она же обрекала его на неудачу, так как мешала достичь организационной завершенности. Басмачество так и не стало цельным политическим проектом. Джихад как эмоциональное, индивидуальное действие и манифестация преданности исламским идеалам отрицал регламентацию и административную организацию, свойственные любому политическому движению. Религия в басмачестве не была идеологией как таковой, а скорее являла собой мощный фактор мобилизации. Как уже указывалось, господство мулл лишало басмачество перспективы и шансов на победу.

С сугубо милитаристской точки зрения, басмаческая война имела много черт, присущих племенным войнам. В Средней Азии воевали долго, малозатратно и без больших потерь. Басмачи изредка прибегали к переговорам, шли на перемирие, сдавались и снова уходили в оппозицию к власти. Их война прерывалась во время проведения неотложных сельскохозяйственных работ, религиозных праздников и возобновлялась, как только предоставлялась для этого возможность. В основе отрядов (банд) была племенная (этническая) солидарность. Бои велись племенами (или этно-региональными группировками) спонтанно, на территориях их традиционного проживания. Трудно было представить, к примеру, вождя кочевых узбеков Ибрагимбека воюющего в соседнем, населенном горами-таджиками Дарвазе, и уж тем более в еще более отдаленной «сартовской» Фергане. На вопрос следователя о возможном выдвигении лакайцев из Балха в афганский Вахан и Дарваз, Ибрагимбек ответил:

«В Вахан или Дарваз я никогда не собирался идти. Это невероятно и потому, что своих лакайцев я туда никакими силами не смог бы дотащить. Уйдя в Вахан или Дарваз, они на длительное время потеряли бы связи со своими семьями и родственниками, за которых они, как известно, прежде всего дрались».³²⁸

В другом месте Ибрагимбек признавался, что в жизни за пределы Гиссара и Балджувона (кроме, разумеется, Афганистана) не выезжал.³²⁹

Басмачи не могли жить без племен. В кишлаках они находили под-

³²⁸ Дело 123469. С.332

³²⁹ Дело 123469. С.333.

держку, лечение, кров, пищу, рекрутов. Эта «связь с народом» придавала им уверенность, осознание своей правоты и служила оправданием насилия. Причем каждый отряд мог рассчитывать только на своих соплеменников. Оказавшись на чужой территории, ему приходилось прибегать к грабежу. Трудно себе представить более «почвенное», изолированное и локальное проявление милитаризма, чем восточнобухарские басмачество. Благодаря неразрывной связи с населением, оно было способно восполнять людские потери практически бесконечно.

Басмаческая война была и «странной» войной, в которой идейные мотивы перемежались со сведением местных счетов. В такой войне зачастую чужак (а им мог быть русский солдат) находился в меньшей опасности, чем собрат из соседнего враждующего племени или клана. Как проявление племенной, «странной» войны, басмачество противилось попыткам организации, политизации и идеологизации. Налеты с целью грабежа на соседний кишлак, непримиримое соперничество между курбаши были привычным делом. Все это затрудняло положительную эволюцию басмачества в смысле его приближения к пониманию войны, как достижения определенных политических целей насильственными средствами. Этот же аспект осложнял борьбу против басмачества. Уровень институционализации басмачества был до того низок, что делал его почти неуязвимым с военной точки зрения.

В исторической литературе и среди самих среднеазиатов не умолкают споры об освободительном характере басмачества. Многие критики совершенно справедливо указывают на криминальный аспект басмачества. В самом деле, басмачество явилось одним из первых проявлений квази-национального движения, приведшего к всплеску неконтролируемого насилия и потерям среди мирного населения. Были в его рядах чисто уголовные, вернее уголовно-этнические отряды. Однако целью басмачества была борьба за свободу, а не насилие над населением. Равным образом, репрессии Советской власти были второстепенными по отношению к центральной задаче «строительства социализма». Поэтому не следует удивляться не утихающим спорам вокруг характера басмачества и отношения населения к Советской власти.

Возвращаясь к разнице между басмачами и джадидами, следует отметить, что, по сути, речь шла о разной интерпретации ислама. В отличие от басмачей, джадида предложили обществу нефундаменталистский выход из кризиса, вызванного утерей исламского суверенитета. Они выступали за установление приоритета светских канонов над шариатскими, открывая тем самым путь для других демократических нововведений. Острые их критики было направлено не против «неверных», но вовнутрь - против фанатизма и удушающего засилья клерикализма в замкнутых общинах. Они призывали к революционному социальному действию, которое в конце-концов привело бы к светскому пониманию истории и отделе-

нию религии от политики. Джадиды никогда не были «неверными». Они просто пытались пересмотреть место ислама в обществе, воссоздать атмосферу созидания и оптимизма в мусульманской общине. Агрессии, военному противостоянию с «неверными», они предпочли культурное заимствование и синтез с Западом и Россией, в частности. Их отношение к немусульманам было сугубо прагматическим: использовать достижения оппонента для того, чтобы выдержать его натиск и выжить. Естественно, не «неверные», а свои коррумпированные, эгоистичные правители и догматический схоластицизм закостенелых исламских ортодоксов были в фокусе их острой критики. Все это было ничем иным, как реформацией ислама самими среднеазиатами.

К сожалению, голос джадидов (они же «равшанфикрон», «зиёен» и пр.) не был по достоинству оценен народом Средней Азии. Модернизм был сосредоточен в городах и охватывал узкий круг образованных людей. Большинство населения и консервативные религиозные лидеры рассматривали реформаторов через призму «русификации». Факт принятия джадидами освободительных идей русской революции был интерпретирован ортодоксальным большинством как бесповоротный выбор в пользу русских и прямое препятствие реализации исламских идеалов.

Не понятые и отвергнутые массами, напуганные деспотическими правителями и воинствующими религиозными радикалами, джадиды столкнулись с жесткой дилеммой: продолжать реформаторские усилия пользуясь внешней поддержкой, или уйти в изгнание?

Трагедия тех, кто предпочел изгнание состоит в том, что они избрали светский, реформаторский путь под непосредственным воздействием, и благодаря внешнему, главным образом, русскому влиянию. Но, с другой стороны, они не могли примириться ни с большевизмом, ни с русским империализмом. Позже, в Европе, именно этот пункт разведет туркестанцев с русской эмиграцией. Но самое трагическое состоит в том, что среднеазиатская национальная эмиграция так и не была понята и оценена своим собственным народом, и, в конце-концов, во время Второй мировой войны пошла на сотрудничество с фашистской Германией. Об этой важной трансформации эмиграции пойдет речь в заключительной главе настоящего исследования.

Глава IV: БЕЛЫЕ АРМИИ В ВОССТАВШЕМ СИНЬЦЗЯНЕ

«*Vae Victus!*»¹

Крупнейшим среди контрреволюционных лидеров азиатской России являлся адмирал русского флота Александр Васильевич Колчак (1874-1920). Его семейные корни восходили к Илиас Паше Колчаку - мусульманину Сербии, потомки которого стали русскими казаками. Во время I мировой войны адмирал являлся командующим русским флотом на Черном море. В декабре 1917 г., находясь в США и узнав о намерении Советов выйти из войны и подписать мир с Германией, Колчак обратился к английскому послу в США со словами:

“Я желаю служить Его Величеству Королю Великобритании, так как его задача победы над Германией - единственный путь к благу не только Его страны, но и моей родины”.²

С этого времени начинается восхождение адмирала как лидера российской контрреволюции. В октябре 1918 г. Колчак прибывает в Омск (Сибирь), а через месяц, при помощи союзников по Антанте, совершает переворот и объявляет себя “Верховным правителем”. США направили ему 600 000 винтовок, сотни орудий, тысячи пулеметов, боеприпасы, снаряжение, обмундирование. Великобритания к июлю 1919 поставила 200 000 комплектов обмундирования, 2 000 пулеметов, 500 миллионов патронов и др. Военное имущество стоимостью 210 млн. франков, в том числе 30 самолетов и свыше 200 автомашин направило Колчаку правительство Франции. От Японии было получено 70 тысяч винтовок, 30 орудий, 100 пулеметов, боеприпасы, 120 тысяч комплектов обмундирования. К весне 1919 г. численность колчаковских войск была доведена до 400 тысяч человек (в том числе 30 тысяч офицеров).³ Эта была интервенция союзных войск, направленная против Советской России.

В начале 1919 г. в колчаковском штабе возникла идея сформировать белые части на территории северного Синьцзяня для нанесения удара со стороны Кульджи на Джаркент и Верный. В связи с этим, в Или стали появляться эмиссары белого движения для вербовки не только русских беженцев, но и местного, тюркского и дунганского русскоподанного населения. В апреле 1919 г. в Кульджу был командирован сотник Попелевский для формирования в Илийском округе и Семиречье повстанческих отря-

¹ Горе побежденным (лат.)

² Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак// Вопросы истории. 1991.-N 1. С.59-62.

³ Там же.

дов. Об этом сообщал в докладе Верховному Главнокомандующему Колчаку 24 мая 1919 г. русский консул в Кульдже В. Ф. Люба. Он предупреждал, что нельзя. . . “ни в коем случае делать из китайской территории базу для налетов и убежище для захваченного (у казахов) скота”.⁴ Несмотря на протесты царского дипломата, миссия Попелевского добилась своей цели. Из казахов-беженцев и таранчи⁵ Кульджи был создан отряд, которому чжен-шоу-ши⁶ Илийского округа Ян Фуй-сянь разрешил выдать оружие. По его ходатайству дучзюнем (военным губернатором) Синьцзяня было дано согласие на отправку отряда таранчи на Семиреченский фронт. При содействии русского консульства первый эшелон из 95 человек был отправлен на русскую территорию 22 мая 1919 г. через реку Боротала.⁷

Однако очень скоро китайцы убедились, что белые мобилизации не могут оказать сколько-нибудь серьезного воздействия на результат борьбы. Контрнаступление войск Восточного фронта Красной Армии, начатое в апреле 1919 г., привело к поражению основных сил адмирала Колчака в Сибири. В тылу колчаковских войск ширилось партизанское движение. В ответ на жестокости белогвардейцев крестьяне отказывались служить “Верховному правителю” и снабжать его армию хлебом. Колчак был сломлен. В то время он писал своей жене:

“Когда у меня были победы, все было хорошо, когда были неудачи - я чувствовал, что меня никто не поддержит и никто не окажет помощи ни в чем. Все основано на самом примитивном положении победителя и побежденного. Победителя не судят, а уважают и боятся, побежденному - горе”.⁸

Решающая роль в разгроме колчаковских войск принадлежала Южной группе войск, которой командовал будущий завоеватель эмирата М. В. Фрунзе. Менее чем за два месяца Красная Армия нанесла поражение двум самым мощным армиям Колчака - Западной и Сибирской. Часть белых армий отступила на восток - вглубь Сибири, на Читу. Четвертая же, или Южная армия, состоявшая, главным образом, из оренбургских казаков, под командованием генерала Белова к осени 1919 г. оказалась брошенной на произвол судьбы, отрезанной от остальных белых армий Сибирско-Уральского фронта.⁹ Остатки Южной армии численностью 20 тысяч человек объединились в Оренбургскую армию. Возглавил ее генерал-лейтенант, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А. И.

⁴ ГАРФ, ф. 200, оп.1, д.22, л.40.

⁵ Таранчи - они же илийские уйгуры, переселившиеся в район Или из Кашгара в конце XVIII века.

⁶ Командующий войск.

⁷ ГАРФ, ф. 200, оп.1, д.22, л.44.

⁸ Дроков С.В. Указ. соч. С.62.

⁹ Барон А. Будберг. «Дневник». В книге: Гуль Р.Б. *Ледяной поход*. М.: Молодая Гвардия, 1990. С.293.

Дутов.¹⁰ О состоянии этой армии зимой 1919-1920 гг. можно судить по письму, посланному Дутовым Колчаку из Кокчетава (северный Казахстан). Тогда он не подозревал, что это письмо окажется его последним посланием “правителю”. В нем, в частности, говорилось:

“В общем, я получил от Южной армии ужасное наследство. Но наш главный ужас - это почти полное отсутствие какой-либо одежды. Кровью обливается сердце, смотря на войска. Холод, где град, где снег. Населенные пункты редки и очень малы. Тиф косит направо и налево”.¹¹

Колчаковский штаб все еще надеялся с помощью Англии добиться победы в “русском Туркестане”. Начальник штаба П. Бурлин 2 августа 1919 г. писал своему представителю при британской миссии И. И. Сукину: “Штаб верховного главнокомандующего предполагает развить в скором времени активные действия против большевиков в некоторых областях Туркестана. Для этой цели намечено использовать целесообразно имеющиеся в крае антибольшевистские организации и мусульманские партизанские отряды, действующие в Фергане . . . предположено также привлечь для борьбы с большевиками Хана Джунайда, главу хивинских туркмен и склонить Бухарское правительство для совместных действий против Советской власти в Туркестане . . . Я обращаюсь к вам с просьбой - войти в сношение по этому поводу с главой британской миссии и просить Великобританское правительство оказать нам помощь и содействие в деле снабжения оружием, боевыми припасами и денежными средствами”.

Далее говорилось о готовящейся координационной поездке военной миссии колчаковцев в Бухару, Хиву, Фергану и оттуда в Китай.¹²

Как было указано выше, реализации этого впечатляющего плана объединения всех контрреволюционных сил под патронажем Великобритании помешали равнодушие англичан, поражения белых армий и широкие крестьянские восстания в тылу. Уже в то время, когда писалось вышеприведенное письмо, было ясно, что предпринятое в середине сентября 1919 г. наступление колчаковцев выдохлось и замерло.¹³ Положение Колчака стало критическим. 1-го (14 по старому стилю) ноября 1919 г. красные заняли столицу “Сибирского правительства” - Омск. 15 января 1920 г. адмирал был арестован, а 7 февраля без суда и следствия расстрелян Иркутским военно-революционным комитетом.¹⁴

¹⁰ Александр Ильич Дутов (1879-1921) родился в Казалинске (современный Казахстан), в семье казачьего генерала.-Дутов А.И. *Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография. Выборки из печати, статьи и и проч., относящиеся к деятельности Войскового атамана.* Б/д, б/м. С.9-10.

¹¹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.1-а, л.л. 15-17.

¹² ГАРФ, ф. 200, оп.1, д.382, л.л. 1-3.

¹³ Барон А. Будберг. Указ. соч. С.315.

¹⁴ Дроков С.В. Указ. соч. С.62.

Вскоре после падения Колчака и завершения эвакуации чехословацкого корпуса англичане и французы решили выйти из игры и отозвали из России свои миссии. К началу 1920 г. единственной и реальной силой в Сибири и степном Туркестане оказались большевики. Все их усилия были направлены на скорейшую ликвидацию остатков белых армий.

Белая армия была расколота различными политическими партиями и движениями. Это уже не была единая армия, объединенная общей идеей защиты русского государства. В самом лагере Колчака появились казацкие атаманы - Семенов, Калмыков и другие, которые отказывались подчиняться командованию, мародерствовали, убивали невинных. Белоэмигрантский мемуарист барон Будберг, служивший в штабе Колчака называл это явление “атаманщиной”.

“Я считаю”, писал он, “что “атаманщина” работает на большевизм лучше всех проповедей товарищей Ленина и Троцкого”.¹⁵

Советская власть, в свою очередь, объявила казачеству беспощадную войну. “Казачеству - этой отвратительной военной касте - не место в социалистической стране”, указывал Фрунзе.¹⁶ К исходу гражданской войны (начало 1921 г.) казачество в России было фактически ликвидировано. Отказался от борьбы а затем схвачен и расстрелян уральский казачий атаман В. П. Мартынов, на Дону покончил с собой А. М. Каледин, на Тереке был убит в поезде войсковой атаман М. А. Караулов. Сибирское казачество также прекратило свое сопротивление, и его остатки перешли на сторону Советской власти.

После поражения Колчака японцы еще некоторое время не расставались с идеей создания в Восточной Сибири “буферного государства”. Они воспользовались сепаратизмом атаманов Семенова и Калмыкова, но в 1922 г. под нажимом Англии и США эвакуировались из Приморья. В начале 1920 г. Оренбургская армия во главе с Дутовым оставалась, пожалуй, единственной действующей казачьей единицей.

Двухтысячекилометровый отход гонимых страхом, разбитых белых армий вглубь Туркестана получил в эмигрантской литературе название “Голодный поход”. Как свидетельствовал летописец похода, отступление колчаковских войск к границам Китая “по трагизму и драматизму событий его сопровождавших, может быть признано одним из потрясающих моментов истории мира”.¹⁷ Разутые, разбитые белые отряды отступали в Среднюю Азию, унося с собой надежду собраться там с силами и вернуться обратно в Россию. Общее количество отступавших вместе с бе-

¹⁵ Барон А. Будберг. Указ. соч. С.315.

¹⁶ ГАРФ, ф.122, оп.1, д. 2, л.л.33-34.

¹⁷ Серебrenников И.И. *Великий отход. Разсeяние по Азии белых армий 1919-1923*: Харбин: Издательство Зайцева, 1936. С.2. Книга хранится в фонде Русского зарубежного исторического архива (РЗИА ГАРФ). Она также выложена на сайте Военная литература: <http://militera.lib.ru/h/index.html>

женцами из Прииртышья и Алтая составляло 100-150 тысяч человек.¹⁸ Красные преследовали беглецов всего лишь верст 200. Начались бескрайние степи. В Тургае свирепствовал тиф. Населенные пункты, где можно было запастись самым необходимым, пустовали, так как казахи и киргизы, в основной своей массе откочевали, бросив свои временные жилища. Небольшие группы, оставшиеся в стойбищах, подвергались грабежу со стороны неорганизованной массы беженцев. Беглецы направлялись в Семиречье, к атаману Борису Анненкову в надежде получить там хлеб, медицинское обслуживание, отдохнуть, устроить семьи. В числе участников «Голодного похода» был И. Петров, отец автора книги «Мятежное сердце Азии». Он рассказывал, что борьба за жизнь делала людей равнодушными. Петрова сочли безнадежно больным и сняли с брички оставив умирать на обочине дороги в снегу. Только вмешательство знакомого станичника спасло его от гибели. К концу декабря 1919 г. остатки армии дошли, наконец, до Сергиополя, что в северном Семиречье. Первые же встречи с партизанами разрушили разом все надежды. Сытые анненковцы не давали хлеба, обвиняя колчаковцев в трусости. Ссылаясь на необходимость соблюдения карантина, они не пускали беглецов в свои жилища.¹⁹

“Кичась и бахвалясь, анненковские партизаны и семиреченские казаки были чрезвычайно довольны возможности не пустить обогреться, избить нагайкой, выгнать”,

вспоминал один из участников “Голодного похода”.²⁰

По прибытии в Семиречье, Оренбургская армия была переименована в Оренбургский отряд им. А. Дутова. Этот отряд под командованием генерал-лейтенанта Андрея Степановича Бакича вошел в состав отдельной Семиреченской армии, командовал которой генерал Борис Анненков. Сам Дутов отбыл в г. Лепсинск и назначил себя военным губернатором Семиречья. За этими назначениями стояло плохо скрываемое соперничество между генералами, старшему из которых (Дутову) было 40 лет. Наибольшим авторитетом среди казаков пользовался Дутов, в то время как формальное командование было сосредоточено в руках Анненкова, а самым крупным отрядом командовал Бакич. 4 (14) июля 1920 г. Дутов писал Бакичу:

“Вы отлично сознавали, что оставить отряд за собой и подчиниться Анненкову я не мог, То есть я лично бы это сделал, раз это нужно, но войсковой атаман Оренбургского войска, а тем паче походный атаман казачьих войск этого сделать не мог - иначе подчинение было бы признаком (превосходства) атамана Анненкова, что даже тогда было невозможно”.²¹

¹⁸ Камский. *Русские белогвардейцы в Китае*. М.: Красная Новь, 1923. С.8.

¹⁹ Петров В. И. Указ. соч. С. 293.

²⁰ Камский. Указ. соч.. С.7.

²¹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.6, л.87.

Дутов имел все основания для того, чтобы претендовать на роль лидера белого движения в Средней Азии и степном крае. Находясь в Лепсинске, он установил связь с Урумчи, Кашгаром, выслав туда миссии. До последних дней своего пребывания в России и далее в эмиграции он не прерывал своей борьбы с Советами. Именно Дутову пришлось практически реализовывать стратегическую задачу “белого дела” в Средней Азии - координации и объединения усилий с антисоветским националистическим и мусульманским движением.

Однако Оренбургская армия в Средней Азии оказалась совершенно изолированной от белых войск в Сибири и лишенной поддержки как внутри Туркестана (от басмачей), так и внешней (от Англии и других союзников). В марте 1920 г. Красная Армия перешла в наступление на Копал. Отряд имени Дутова под командованием Бакича был вынужден отступить к китайской границе. 27 марта после переговоров с китайскими властями тарбагатайского округа, отряд перешел границу, предварительно сдав оружие китайским пограничникам на посту в Бахты. Далее отряд отправился на стоянку, на берег реки Эмель в 40 верстах юго-восточнее Чугучака. Перешло, по словам генерала Бакича, 1 814 офицеров и чиновников, 8 039 солдат, 785 членов семей военнослужащих. Всего 10 638 человек, главным образом оренбургских казаков и добровольцев из Поволжья. Вместе с военными Россию покинуло до 5 тысяч гражданских лиц - беженцев из Оренбурга, Уфимской губернии и Семиречья.²² Заслуживают доверия данные, представленные другим участником “Голодного похода”, Камским. Он писал, что в конце марта 1920 г. границу Китая близ Чугучака перешло 25 тысяч военных и гражданских лиц.²³ Кроме русских, границу на участке Копал-Бахты перешли 30 тысяч казахов.²⁴ Таким образом, в конце марта 1920 г. в районе Чугучака китайскую границу перешли 55 тысяч человек – подданных России.

Сам Дутов в это время находился в Лепсинске. При нем был отряд в 600 человек личного конвоя и отдельная сотня. Обратимся к свидетельству самого Дутова о последних днях его пребывания в Семиречье.

“В ночь на 16 марта старого стиля (29 марта-К.А.) случайно узнал об измене Агапова (полковник из отряда им. Дутова- К.А.) и полном прекращении служебной связи во все стороны. Я принужден был покинуть Лепсинск в течение 3-х часов. В это время Осиповка и Андреевка уже были заняты красными”.²⁵

Дутов со своим отрядом с большим трудом выбрался из окружения, оставив повозки и различное военное имущество. Немало офицеров попа-

²² ГАРФ, ф. 5881, оп.2, оп.2, д.968, л.62.

²³ Камский. Указ. соч.. С.11.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАРФ, ф. 5881, оп.2, оп.1, д.6, л. 87.

ло в плен к красным, и было расстреляно затем в Копале.²⁶ В общей сложности, в марте 1920 г. на Семиреченском фронте было взято в плен до 6 000 солдат и офицеров.²⁷

Отряд Дутова шел к границе. Путь лежал через перевал Кара Сарык в горах Алатау. Половина личного состава не имела лошадей. Холод, горные кручи, легкая одежда затрудняли движение. На перевале разряженный воздух, тяжелый подъем “расшевелили” контузии грузного Дутова. В результате резкого ухудшения здоровья он потерял сознание и был спущен проводниками-казахами на веревках с высокого обрыва на дно ущелья. Здесь он пришел в себя и смог сесть на лошадь, чтобы продолжить путь.

Белоэмигрантский писатель-мемуарист И. И. Серебrenников писал: “Отряд вышел на реку Боротала. Люди вышли без вещей, денег, только с чтимой оренбуржцами иконой Табынской Божией Матери, пулеметом и винтовками”.²⁸

После спуска с перевала, отряд расположился лагерем у реки Боротала, недалеко от китайского селения Джимпань, где и простоял около месяца. Вскоре по отряду разнесся слух, что Советы дали амнистию всем белым, ушедшим за границу. В связи с этим Дутов издал приказ, в котором объявил, что не станет препятствовать тем, кто захочет вернуться:

“Считаю своим долгом предупредить господ офицеров отряда, что с их стороны никто не должен вести агитацию “за” или “против”, каждый должен решать свою судьбу сам”.²⁹

После объявления приказа, для возвращения на родину записалось 240 человек. 6 мая 1920 г. отряд выстроился, чтобы проводить отбывающих на родину. После того, как отслужили молебен, Дутов на прощание произнес:

“При возвращении на родину не быть предателем и не выдавать своих братьев ради собственного благополучия”.³⁰

Оставив лагерь на Боротала, отряд Дутова перешел в Суйдин (крепость близ г. Кульджа) где и был интернирован китайскими властями. Всего с Дутовым в Китай перешло, включая личный конвой, до 600 человек. Позднее от атамана Анненкова к нему перешли еще до 500 оренбургских казаков и некоторые другие мелкие группы. В общем, к 1921 г. вокруг Дутова сгруппировалось до 1 600 человек интернированных как в самом Суйдине, так и в двух близлежащих китайских городках - Мазаре и Чимпанзы, к северо-востоку от Кульджи.³¹

²⁶ ГАРФ, ф. 5881, оп.2, д. 968, л.114.

²⁷ Покровский С.Н. Указ. соч. С.322.

²⁸ ГАРФ, ф. 5881, оп.1, оп.1, д.91, л.21.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.91, л.21.

Атаман Борис Владимирович Анненков (1889-1927) - наиболее характерная фигура из казачьих атаманов в Семиречье. Потомок декабриста Ивана Александровича Анненкова,³² он происходил из дворян Новгородской губернии. С 1914 г. Анненков находился на военной службе в Туркестане. В том же году он был отправлен на германский фронт. Его считали одним из самых храбрых офицеров сибирского казачества. Анненков был командиром партизанского отряда, совершавшего дерзкие рейды в тыл германцам. После революции 1917 г. среди казаков началось расслоение. Анненков считал себя монархистом и отказался сдать оружие и подчиниться Советам, за что был объявлен вне закона. В 1918 г. в Омске конспиративно собирается недовольное большевиками казачье офицерство на совет - "казачий круг" - после которого Анненков стал формировать отряд из добровольцев. Вскоре он присоединяется к белочехам и выступает против Советов. Постепенно его отряд превращается в дивизию, состоящую из 10 тысяч человек. В его дивизии был конно-егерский маньчжурский полк, состоявший из китайцев. Анненковцы носили специальную разноцветную форму. Флаг и печать отряда украшал "Веселый Роджер" - череп со скрещенными костями и надпись: "С нами наш Бог". В конце 1918 г. Анненков с дивизией отправляется на Семиреченский фронт.³³ Хотя Анненков и не был законным (избранным) атаманом Семиреченского казачьего войска, его реальная сила и популярность сделали его фактическим атаманом семиречков. Анненков был лишь атаманом партизанской дивизии, которая затем стала основой Семиреченской армии.

Семиречье в годы гражданской войны представляло собой узел чрезвычайно трудных взаимоотношений между тремя группами населения: казаками, русскими крестьянами-переселенцами и местными казахами и киргизами. Спор шел, в основном, за воду и землю. Анненков умело играл на этих противоречиях. Он чаще поддерживал казахов и местных кочевников, чем заслужил нелюбовь русских крестьян-переселенцев. В свою очередь, значительная часть последних поддержала Советскую власть и с оружием в руках выступила против казаков. В Семиречье Анненков прославился своими жестокими расправами над русскими крестьянами. Как указывалось выше, недолго любил он и колчаковцев, потерпевших поражение в Сибири. Анненков считал адмирала «слепым исполнителем воли союзников» и «избранником богачей». В конце марта 1920 г. он с отрядом в 5 тысяч казаков, не оказав серьезного сопротивления красным отрядам, забрался в горы близ границы и четыре месяца находился в лагере, расположенном на вершине Сельке, что на хребте Алатау. Лагерь получил

³² Тот самый поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка Анненков (1802-1878), который в 1828 г., во время заточения в Читинском остроге, обвинялся с француженкой Полиной Гебль, приехавшей к нему в Сибирь.

³³ Павловский П.И. *Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске 25/VII-12/VIII 1927.* М.: Госиздат, 1928. СС. 20-86.

название “Орлиное гнездо”. Анненков чувствовал неизбежность скорого полного поражения, хотя и старался всеми способами оттянуть срок эвакуации. Он обвинял Дутова и его “гастролеров-беженцев” в трусости и возложил на них ответственность за поражение белого Семиречья. Анненков даже издал приказ, который гласил:

“Состоящего в списках лейб-гвардейского полка ген. Дутова исключить как опозорившего себя постыдным бегством и недостойного носить славное имя партизана”.

Несогласные с позицией Анненкова 500 казаков покинули “Орлиное гнездо” и ушли к Дутову.³⁴

Во время пребывания в горах Алатау Анненков совершал жестокости и насилия по отношению к своим подчиненным, а также беженцам, попавшим в расположение его отряда. Более подробно об этом писал генерал Бакич в письме губернатору Синьцзяня Ян Цзен-синю 4 сентября 1920 г.:

“Надеюсь, что Вам также известно поведение генерала Анненкова и его отряда на перевале Чулак (Сельке). Там были офицеры и солдаты, пожелавшие по каким-либо причинам оставить его отряд. По приказу Анненкова, раздевшись донага, они изгонялись из отряда. Вдогодку же им высылались разъезды - солдаты или киргизы, которые уничтожали несчастных. Полагаю, что Вам также известен неслыханный еще в истории случай, когда отрядом Анненкова там же, на перевале Чулак около 40 семейств офицеров его же отряда и беженцев были безжалостно ограблены, женщин и девушек от 7 до 18 лет изнасиловали, а затем изрубили”.³⁵

Анненков последним из казачьих генералов покинул Семиречье. В начале мая его отряд в 600 человек (из бывших у него всего месяц назад более 7 тысяч солдат и офицеров) перешел границу. 8 мая после окончательной переброски отряда, Анненков переехал на китайскую территорию. Именно “переехал”, потому что атаман сидел за рулем автомобиля, который спускали с вершины Сельке. Шестьдесят китайских солдат тянули незаведенную машину за веревки по бездорожью.³⁶ Отряд добрался до отведенного ему места на реке Боротала, где вскоре был разбит лагерь, названный по анненковской традиции лихо - “Веселый”. В своем письме, написанном накануне перехода, и адресованном командующему войск Илийского округа (чжен-шоу-ши) Ян Фэй-ся, Анненков писал:

³⁴ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.70, л.70.

³⁵ ГАРФ, ф. 5818, оп.1, д.123, л.72. О зверствах анненковцев см.: Бармин В. «О морально-психологическом состоянии войск атаманов Б.В. Анненкова и А.И. Дутова накануне их разгрома (сентябрь 1919-январь 1920)».

Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Аз Бука, 2005. Статья выложена на сайте научного журнала Скепис: http://scepsis.ru/library/id_2166.html

³⁶ Петров ошибочно полагает, что Анненков с отрядом в 300 бойцов «силой ворвался на чужую территорию» одновременно с Дутовым. Петров В. И. Указ. соч. С. 292

“После 2-х с лишним лет тяжелой гражданской войны я со своим отрядом вынужден оставить занимаемый район и отойти к китайской границе для перехода в пределы Китая “. ³⁷

Начертавшие на своих знаменах лозунг “единой и неделимой” России и отброшенные Красной Армией, деморализованные и разобщенные остатки белых армий все еще надеялись собрать свои силы, чтобы подавить всеобщий российский бунт и восстановить империю. Среднюю Азию они продолжали рассматривать как часть России, пригодную для создания здесь антисоветского плацдарма.

“Надо было брать Гавриловку, Джаркент и тогда все Семиречье было бы наше. Народ волновался там, басмачи делали свое дело, мусульмане звали нас. Войдя в Семиречье и овладей Верным, мы входили бы в связь с Ферганою, Бухарою и Хивою с Закаспием - все это изжило бы большевизм. Нужен был толчок, а там по всей границе - английские войска”, ³⁸

с досадой вспоминал о тех днях Дутов.

Справедливости ради надо сказать, что в среде белых стратегов существовали большие сомнения насчет “азиатского плацдарма”. Барон Будберг, например, служивший в колчаковском штабе, не придавал серьезного значения Средней Азии и все поездки туда белых офицеров считал не более чем экзотикой. В своем дневнике, полном язвительных замечаний обо всем происходившем на фронте и в тылу Колчака и, в частности, о событиях августа 1919 г., он писал:

“Ставка (Колчака -К.А.) совершенно ошалела и проводит разные командировки, причем даже трудно сказать, какая из них наиболее нелепая. На днях ко мне явился присланный ставкой очень бравый полковник, измысливший для себя командировку в Хиву и Бухару для руководства свержением большевиков и совместных действий против их тыла. Приказано ассигновать ему несколько пудов серебряной монеты и выдать разное снабжение. В связи с командировкой, в Совет Министров внесен проект правительственных грамот на имя эмира Бухарского и хана Хивинского с тем, чтобы эти грамоты были вручены сему bravому полковнику для передачи их по назначению”. ³⁹

Однако, ни экзотические путешествия с сундуками полными серебра, ни грамоты, врученные эмиру и воинские чины, присвоенные Алим Хану, Мадамину и другим, не спасли “белое дело” от краха. Лишенные внешней поддержки от бывших союзников, не поддержанные русским крестьянством и местным мусульманским населением, белогвардейцы были отброшены к китайской границе. Ни репрессии Анненкова, ни стратеги-

³⁷ ГАРФ, ф. 6121, оп.1, д.73, л.60.

³⁸ ГАРФ, ф. 5881, оп.1, д.6, л.87.

³⁹ Барон Будберг. Указ. соч..С.316.

ческие, далеко идущие планы Дутова и Колчака не могли остановить стремительного приближения развязки. Несмотря на доблесть и героизм, проявленные царской армией в I мировой войне, поражение ее на внутренних фронтах было неизбежно. Дутову осталось констатировать:

“План, предложенный мною был принят, его нужно было разработать . . . Но все полетело, В результате получилась ерунда и мы в Китае.”⁴⁰

Таким образом, весной 1920 г. около 13 тысяч военных и более 50 тысяч гражданских лиц из России были изгнаны революцией и оказались в Западном Китае.⁴¹

Таблица V

БЕЛЫЕ АРМИИ В СИНЬЦЗЯНЕ 1920 г.

Название отряда	Время перехода	Численность	Место стоянки
Отряд им. Дутова под ком. Бакича	Конец марта	10 638	Лагерь на реке Эмель
Личный отряд Дутова	Конец марта	1 600	Суйдин (близ Кульджи)
Отряд Анненкова	Начало мая	600	Лагерь "Веселый"
ВСЕГО		12 838	

Как указывалось, помимо военных, в северный Синьцзянь перешли и гражданские - 20 тысяч русских из Оренбургской, Уфимской губерний и Семиречья, а также 30 тысяч казахов и киргизов. Таким образом, в 1920 г. всего в Китай бежало из Средней Азии около 63 тысяч поданных России. Примерно такую же цифру назвал английский консул в Кашгаре, Эссертон - 70 000.⁴²

Побежденные, вкусившие сполна горький плод поражения, они еще не отдавали себе отчета в том, что война и лишения еще не закончены, а их самих ждет главная трагедия - эмиграция.

Российская эмиграция в Западном Китае

При изучении русской, как и всякой другой эмиграции, неизбежно встает вопрос: как же она была принята за границей? В частности, как были встречены русские в Западном Китае?

Для этого необходимо уяснить генеральную линию Китая в отношении Средней Азии. Как уже указывалось ранее, соревнование между Россией и Китаем в Средней Азии обычно носило мирный характер. Эти им-

⁴⁰ ГАРФ. ф. 5877, оп.1, д.6, л.90.

⁴¹ РГАСПИ. ф. 122, оп.1, д.16, л.196.

⁴² См.: Etherton, *In The Heart of Asia*. London, 1925, 189. IOR:L/P&S/10/836.

перии сближала общая забота - удержать свою власть в своих отдаленных мусульманских владениях. Синьцзянская администрация в 1920-х гг. и далее продолжала эту политику. Формально, она подчинялась национальному правительству в Пекине. Фактически же, губернатор Ян Цзен-синь обладал неограниченной властью в провинции. Ему подчинялись дао-ини, правившие крупнейшими областями провинции.

Ян Цзен-синь был одним из последователей отца китайского милитаризма Ян Шикая. Его политика по отношению к мусульманам была основана на благоволении и подавлении. Ян делал все, чтобы мусульмане имели возможность исповедовать свою религию. К прямому подавлению он прибегал лишь в случае непосредственной угрозы своему правлению. Ян знал, что сунниты ханафитского толка, к которым относятся уйгуры и дунгане, допускают правление «гайри дин» (неверующего) или «кафира» (неверного), если тот не мешает работе мечетей и медресе, позволяет исполнять религиозные ритуалы и допускает применение шариатских предписаний в регулировании внутренней жизни общины. Ян проявлял уважение к мусульманским, в частности уйгурским вождям, сохранял и поддерживал их лидирующее положение в общинах. Вместе с тем, он извлекал пользу из этнических конфликтов, которые разъединяли мусульман и не позволяли им объединиться под знаменем ислама. В его распоряжении была небольшая армия и пограничный батальон из манчжуров и китайцев-хань общим числом в 10 000 бойцов. Однако, он не стремился навязывать прямое китайское доминирование за счет притеснения местных народов. Ян вооружил и мусульман, создав под своей командой дунганскую армию, уйгурскую гвардию и подразделение казахской кавалерии. Таджики-исмаилиты, проживавшие в крайней западной точке провинции на границе с советским Памиром были политически пассивны. Они стремились сохранить свою уникальную религиозную, культурную и расовую идентичность и потому избегали конфликтов с китайцами и не принимали участия в восстаниях мусульман-суннитов. Таким образом, был создан почти идеальный баланс сил. Ханьцы и маньчжуры следили за мусульманами и, наоборот, Ян мог найти управу на китайцев в лице дунган и уйгуров. Для контроля тюрок, он разместил дунганские части в районах со сплошным уйгурским населением (в Кашгарии).

На протяжении всего правления, Яна, этого старомодного феодального правителя-мандарина беспокоили опасения возможного мусульманского восстания. Однако к чести синьцзянского губернатора, ему удалось проявлять исключительную осторожность в управлении регионом и населением. Важную опасность китайскому господству он видел в проявлении панисламизма и пантюркизма. Поэтому, в противодействии политической оппозиции Ян не знал пощады. Все иностранцы, находившиеся в провинции были взяты под контроль. Им запрещалось входить в контакт с местными жителями. Тех из китайских подданных, кто отважился на общение с иностранцами, ждали суровые санкции.

Синьцзянь не был гомогенным регионом Китая. Русский капитал и русская культура традиционно были сильны на севере - в Илийском крае с центром в г. Кульдже. Наибольшее китайское (ханьское) влияние ощущалось на востоке провинции - в районе Хами (Кумула). Тамошние уйгуры были китаизированы в большей мере, чем их собратья из других регионов. И, наконец, мусульманское влияние сопредельной узбекско-киргизско-таджикской Ферганы было господствующим в южном Синьцзяне (Таримский бассейн) с центром в Кашгаре. Уйгуры Таримского бассейна испытывали также влияние соседнего им Афганистана. Основой афгано-уйгурского сближения явились идеи панисламизма и пантуранизма. Еще в годы Первой мировой войны германская миссия фон Хентига достигла Яркенда с целью поднять тюрков Синьцзяня на войну против Англии. Однако Ян Цзен-синь был непреклонен в стремлении изолировать край от любых иностранцев и депортировал фон Хентига. До 1919 г., когда Афганистан стал независимым, интересы афганских купцов в Кашгаре представлял глава английского консульства, открывшегося еще в конце XIX века. После 1919 г. Ян послал свою миссию в Кабул для установления дипломатических отношений с независимым Афганистаном. В свою очередь, летом 1922 г. Аманулла послал миссию во главе с Шариф Ханом в Яркенд. Мухаммад Шариф Хан настаивал на том, чтобы китайцы позволили афганцам беспрепятственно передвигаться по всей провинции и даже торговать опиумом. Однако губернатор Синьцзяня отказал им в этом. Тем не менее, афганская миссия находилась в Яркенде и притягивала к себе внимание китайских мусульман. Уйгуры Кашгара обожали Аманулла Хана и даже изучали язык пушту.⁴³ Афганский правитель, однако, был занят собственными проблемами. Тем не менее, как и в случае с Бухарой и Туркестаном, он не мог себе позволить игнорировать знаки внимания и сочувствия уйгурских националистов. В феврале 1927 г. в Кабул прибыла уйгурская миссия из Синьцзяня для получения поддержки в борьбе против китайцев. Аманулла воздержался от оказания прямой поддержки, но заверил, что его страна готова предоставить убежище политическим беженцам, как и в случае с советской Бухарой. Несмотря на этот прохладный прием, уйгуры Кашгарии смотрели с надеждой на Кабул как на столицу единственного в регионе исламского государства.

Турция также была популярна на юге Синьцзяня. Однако после падения Оттоманов в 1920-1923 гг. эта страна перестала быть «дар ул-исламом». Сам Мустафа Кемаль, также как Аманулла Хан не проявлял особенного интереса к Синьцзяню. Поэтому тяга уйгуров к Турции была скорее эмоциональной чем практической.⁴⁴

Помимо уйгуров, Яна беспокоили и дунгане (мусульмане-нетюрки, говорящие на разновидности китайского языка). Их позиции и политичес-

⁴³ Forbes E. D. W., Op.cit. 69.

⁴⁴ Forbes E. D. W., Op.cit. 67.

кое поведение зависели от места их проживания. Дунгане Кашгарии обычно служили китайской администрации в Хотане, Яркенде, Кашгаре и в других городах Таримского бассейна. Они выступали чаще сторонниками ханьцев и манчжуров, чем союзниками тюрков-уйгуров. Уйгуры Кашгарии недолюбливали дунган и были глухи к призывам уйгуров севера сплотиться с дунганями на мусульманской основе перед общей ханьской угрозой. Сепаратизм, уйгурский национализм, антисоветизм и панисламизм были больше развиты на юге провинции, в то время как мусульманский национализм и просоветские настроения были свойственны мусульманам Или, Тарбагатай и Джунгарии.

Ян регулировал свои отношения с российскими соседями независимо, без санкции центрального правительства. Формально, в 1917-1919 гг. власти провинции признавали царское правительство России, и им было необходимо нейтрализовать все еще сильную, почти 13 тысячную белогвардейскую армию, нашедшую убежище в Синьцзяне и горевшую желанием взять реванш. Вместе с тем, Ян старался избегать тесного сотрудничества и общения с беглыми казаками, чтобы не навлечь гнев большевиков, готовых вторгнуться в Синьцзянь, чтобы расправиться с остатками белых армий. Наконец, Яну необходимо было улаживать проблемы и с беглым, киргизско-казахским, населением.

Основным местом сосредоточения беглецов из Семиречья были Илийский, отчасти Кашгарский, Гученский, Алтайский и Тарбагатайский округа. Города и поселки Западного Китая - Чугучак, Кульджа, Кашгар, Шарасуме и другие явились свидетелями бегства белогвардейцев. Кроме русских, в Китай эмигрировали казахи, киргизы, дунгане, татары, узбеки, таджики и другие бывшие российские подданные. Точная их численность и места расселения не известны. Из мусульман-эмигрантов политическую активность проявляли, пожалуй, только татары, объединившиеся в организацию, названную "Демократическое общество". В течение 1917-1919 гг. русские белогвардейцы пытались мобилизовать их как граждан России в белые отряды, но татары наотрез отказались, и обратились за помощью к Пекину, после чего, китайские власти взяли их под свою опеку. Этот инцидент привел к тому, что белогвардейцы и татары находились в постоянной вражде. Белогвардейцы почему-то считали татар большевиками, хотя те предпочитали жить в Китае, чем в большевистской Татарии.⁴⁵

К выходцам из России относились не только русские и народы Средней Азии, но и украинцы, белорусы, евреи, сербы и прочие немусульманские выходцы Российской империи. Среди них были те, кто попал за границу до революции в интересах карьеры или в поисках средств существования. Для первых русских поселенцев эти районы были скорее продолже-

⁴⁵ ГАРФ, ф. 122, оп.1, д.113, л.7.

нием русского Семиречья, чем собственно Китаем. Не следует забывать, что Кульджа в 1871-1881 гг. была под протекторатом России. На самом раннем, дореволюционном этапе, русскую общину Синьцзяня составляли сотрудники консульств, банков, чиновники, священники, крестьяне и прочие, представлявшие собой русское колонизаторское население, адекватное тому, которое можно было найти в Ташкентском оазисе, Семиречье, Фергане. Назвать их эмигрантами, тем более беженцами нельзя. С начала гражданской войны 1918-1920 гг. многие из них заняли нейтральную позицию. Часть возвратилась в Россию, но многие выжидали. Находились и те, кто переходил в китайское гражданство, чтобы сохранить свои вклады и имущество в относительно спокойном Синьцзяне.

Собственно политические эмигранты начали появляться в Синьцзяне во время гражданской войны в России. По распоряжению дучжуня проводилась обязательная регистрация пришлых, причем собирались сведения о специальности и социальном положении. Для этих целей был образован так называемый “шанхой” - комиссия по делам беженцев в Илийском крае. Русский шанхой возглавил Спиридон Васильевич Дукович - управляющий Кульджинским отделением Русско-Азиатского банка. Шанхой выдавал виды на жительство, разбирал судебные дела. Имелись также своя тюрьма (арестный дом), лазарет и три милиционера. Канцелярия шанхоя находилась в здании Русско-Азиатского банка.⁴⁶

Русская революционная смута продолжалась и в изгнании. Эмигранты выражали недовольство руководством шанхоя, предлагали “на демократической основе” переизбрать председателя. Дукович на собрании объяснил, что шанхой назначен китайской администрацией и переизбранию не подлежит. Эмигранты-белогвардейцы пытались придать действиям шанхоя антисоветский характер. Они выявляли русских “виновных в сношениях с большевиками” и добились принятия шанхоем решения о запрещении всем эмигрантам “вступать во всяческие сношения” с советскими представителями в Кульдже.⁴⁷ Сам Дукович находился в тесной связи с белогвардейским командованием.

Кроме русского, в Кульдже функционировал таранчинский (уйгурский), татарский, киргизский (казахский), дунганский и кашгарлыкский⁴⁸ шанхой, ведавшие делами русскоподанных в Илийском крае.⁴⁹

Все же, наиболее организованной русской силой в Западном Китае явились остатки белых армий. Красная Армия, одержав военную победу, овладев Сибирью, Семиречьем, Хивой, Ферганой и Бухарой, все же не сумела достичь главной цели - полного уничтожения белой армии. После

⁴⁶ РГВИА, ф.110, оп.3, д.1088, л.79.

⁴⁷ РГВИА, ф.110, оп.3, д.1088, л.81.

⁴⁸ Кашагарлыки - уйгуры южного Синьцзяня (Кашгара).

⁴⁹ РГВИА, ф.110, оп.3, д.1088, л.79.

эвакуации, остатки колчаковских войск в течение почти полутора десятков лет продолжали оставаться грозной силой. Как было указано, в общей сложности в Синьцзяне оказалось более 12 тысяч офицеров и солдат, за плечами которых были окопы I мировой и двухлетняя кровопролитная гражданская война. Никто не мог предсказать точно - что же их ожидало в будущем? Никто также не взялся бы предсказать их возможное поведение в китайском изгнании.

Эмигрантское бытие в оторванном от центральных провинций Синьцзяне, конечно, не шло ни в какое сравнение с бурной и разнообразной жизнью в европейских столицах. Постепенно, русская эмигрантская жизнь перемещалась из Западного Китая в другие места. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, русские чувствовали себя здесь чужими. Они не знали тюркского, а тем более, китайского, языка. Во-вторых, ближайшие политические и культурные центры русских находились в центральном и восточном Китае - Харбине, Пекине, Тяньзине, Шанхае. И, наконец, значительную роль играл материальный фактор. В Синьцзяне не было каких-либо значительных фондов, объединений, обществ взаимопомощи, русских банковских счетов, которые могли бы помочь той части эмиграции, которая не имела необходимой профессии, чтобы обеспечить себя материально. Кроме того, Синьцзянь и Илийский край в частности, в силу своей неразвитости, не мог предоставить рабочие места для всей массы русских эмигрантов.

Каким же был, хотя бы примерный социальный и профессиональный состав русских, в том числе военных, оказавшихся в начале 1920 г. в Западном Китае?

Уже упоминавшийся, бывший эмигрант Камский делил их на следующие группы:

1. “Напуганные началом революции, убежденные, что Советская власть - гибель для всего человечества, что большевики не способны обуздать разбуженную беспредельную и разрушительную стихию русского бунта.
2. Идейные противники Советской власти - эсеры, меньшевики, кадеты и пр.
3. Мелкие и средние буржуа, дельцы, люди самых разных профессий, не признавшие экономическую политику Советской власти.
4. Перенесшие во время революции гибель близких людей.
5. Люди, мозгом темные и неповоротливые, “осиновые лбы”, в большинстве своем бывшие лавочники - упорные и непримиримые, твердо знающие, что в конце-концов, согласно Святому писанию воцарится князь Михаил.
6. Эвакуированные и мобилизованные в белые армии гражданские лица, проживавшие в зоне боевых действий”.⁵⁰

⁵⁰ Камский. Указ. соч. С.12.

Конечно, необходимо иметь в виду, что приведенная характеристика принадлежит бывшему эмигранту, возвратившемуся в Советскую Россию, и потому в его высказываниях преобладают негативные оценки. Тем не менее, книга Камского, вышедшая в 1923 г., когда еще не наступил жесткий идеологический прессинг сталинского периода, содержит немало правдивых замечаний. Например, он отмечал, что среди русских в Западном Китае крупных буржуа и богатых было мало, так как они главным образом стекались в Омск, откуда отправлялись далее - на Дальний Восток. Надо сказать, что там, в банках Харбина, Тяньзиня, Шанхая хранились немалые русские материальные ценности, вывезенные белыми армиями. Скапливались они также в русских консульствах в крупных китайских городах.

В крае, особенно в районе Или было много пустующих площадей, и многие русские сразу приступили к обработке земли. Так, значительная часть из 11 тысяч русских поданных, поселившихся в Чугучаке зимой и весной 1920 г., занялись сельским хозяйством. Это были русские крестьяне Семиречья и Прииртышья, вывезшие в Китай свой скот и имущество. Большинство из них были ранее в Китае и поэтому оказались в эмиграции в знакомой обстановке. Они сразу обособились от остальной эмиграции, не вмешиваясь в политику.⁵¹

Но большинство русских в Синьцзяне не имели навыков, которые могли бы им давать средства на пропитание. Интернированные жили тем, что им предоставляли китайцы и русское консульство - мукой, мясом, рисом, чаем, табаком. Семейные обживались - строили шалаши, землянки. Небольшие приграничные китайские городки, прежде жившие за счет торговли с Россией, постепенно приходили в упадок. Они не могли обеспечить работой всех русских. Беженцы могли рассчитывать на паек только в лагере. Те, кто переезжал из лагеря в Чугучак были вынуждены рассчитывать только на себя. Китайцы с ужасом смотрели на прибывающих русских, заполнивших Чугучак, Кульджу, Улясутай и другие приграничные городки. Неохотно их приняли и те русские, которые отсиживались в китайских пределах, ожидая окончания гражданской войны. Большинство эмигрантов не могли уехать на Дальний Восток или пробраться вглубь Китая так как длительный путь требовал больших затрат. Кроме того, китайские власти не давали пропусков, позволявших покидать приграничную полосу.

Культурная жизнь русских находилась в состоянии застоя. Правда, в Чугучаке имеющие деньги могли сходить в театрик с неизменным русским рестораном. Обитатели военного лагеря на реке Эмель издавали даже печатавшийся на машинке журнал "На чужбине". Вышло всего 3 номера. Разумеется, это был не Париж, Берлин и даже не Харбин. Отсут-

⁵¹ Камский. Указ. соч. С.17.

ствовала всякая связь с внешним миром. Газеты - российские или эмигрантские - шли полгода.

За все время гражданской войны русская колония в Западном Китае видела лишь два раза иностранные миссии. Весной 1920 г. через Чугучак следовала французская миссия, эвакуировавшаяся из Сибири после разгрома Колчака, и летом того же года японская миссия совершала поездку по Синьцзяню.⁵²

Поздней весной 1920 г. с наступлением тепла люди потянулись в Россию. Но большинство, помня о жестокостях и насилиях гражданской войны, не верили в перспективу мирной жизни на родине и остались в изгнании. Весной следующего, 1921 г. в Чугучаке начался голод. Особенно силен он был среди мусульманской, преимущественно казахской, бедноты, которая, по словам Камского, “вымирала тихо, безропотно, забываясь по глухим уголкам”.⁵³ Об их положении писал и А. С. Бакич военному губернатору Тарбагатая:

“Будучи недавно в Чугучаке я осмотрел лагерь бахтинских, маканчинских (населенные пункты приграничного северного Семиречья-К.А.) беженцев. Все беженцы нуждаются в продовольствии. Много глав семейств умерло, остались женщины и дети. Они не могут иметь никаких заработков”.⁵⁴

Эмигранты пытались обратить к себе внимание мировой общественности, чтобы ознакомить ее с тяжелым положением, в которое попали русские в Китае. Посылались телеграммы, доклады, обращения в Красный Крест. Один из активистов-эмигрантов был даже послан в Америку, чтобы рассказать там о бедствиях, постигших русских в Синьцзяне. В одном из посланных обращений говорилось:

“Каковы бы не были побудительные причины, двинувшие людей в Китай, каковы бы ни были их политические убеждения, теперь это просто несчастные, страдавшие, голодные люди”.⁵⁵

Все эти мольбы не были услышаны. Запад и весь мир молчал. Правительства Англии, Франции, США, Японии, которые еще полгода назад способствовали вовлечению этих людей в кровавую бойню, субсидировали белогвардейские армии и организации и раздували пожар гражданской войны - теперь хранили полное молчание.

Бакич, под командованием которого находился самый многочисленный отряд, более других генералов испытывал материальные затруднения. Сохранилась его переписка с дипломатическими миссиями в Пекине и русскими властями на Дальнем Востоке. В августе 1920 г., например, он писал французскому посланнику в Пекине следующее:

⁵² РГВИА, ф. 110, оп.3, д.1088, л.90.

⁵³ Камский. Указ. соч. С.56.

⁵⁴ ГАРФ, ф. 5881, оп.2, д.986, л.27

⁵⁵ Камский. Указ. соч. С.58.

“В марте (1920 г.-К.А.) вследствие изнуренности тяжелым отходом по безлюдным степям . . . вынужден был интернировать в Тарбагатай с отрядом в 11 тысяч. В мае возвратились в Россию мобилизованные солдаты и офицеры (то есть не добровольцы-К. А.). В настоящее время (в лагере находятся) 1400 офицеров, 3500 солдат, 1000 гражданских чинов и семейств. Российское посольство содействовать в получении помощи пока отказывается. Я с войсками известны генералу Жанену, полковнику Пишону (члены французской миссии при Колчаке-К. А.). 6 тысяч голодных, босых русских людей, ведущих 6-летнюю борьбу за право и справедливость с германцами и большевиками, просят Вас телеграфом довести до сведения правительства Франции, русского генерала Врангеля о бедственном положении отряда”.⁵⁶

Первые год-два генералы стремились сохранить свои армии чтобы, получив все необходимое, по приказу, выступить вновь для продолжения борьбы с Советами. Сделать это необходимо было еще и потому, что только в случае сохранения боевых порядков можно было рассчитывать на получение материальной помощи от китайцев. 19 февраля 1921 г. Бакич в который раз пишет в Пекин французскому послу:

“В сентябре Вам телеграфировал о бедственном положении интернированных русских правительственных войск. С трудом прожили зиму . . . войска вынуждены разойтись. Прошу Вас, как представителя союзной державы в Пекине, переговорить с миссиями государств, выяснить нужно ли сохранение войск в организованном виде. Оставаться надолго в прежнем положении, вернуться в коммунистическую Россию, невозможно. Полагаю желательным выхлопотать средства на разрешение продвижения от Западного Китая на Восток, где можно выйти на территорию России, свободную от большевиков. Или поселиться в местности, где могут найти заработок 1300 офицеров и 4000 солдат”.⁵⁷

В ответ - молчание. Оказавшись на пределе возможного, белоказаки прибегли к хорошо известному, хотя и не очень почетному способу - захватам и грабежам. Отряд Бакича в Чугучаке в апреле-мае 1920 г. захватил серебро, товары и баранов, принадлежавших Семиреченской армии Анненкова. Летом того же года ими было захвачено имущество Красного Креста.⁵⁸

“Красный Синьцзянь”: за и против

Во многом, отношение китайцев к эмигрантам зависело от отношений, сложившихся между Советской Россией и Китаем. Как мы указывали, соперничество между двумя империями в Средней Азии было традиционно

⁵⁶ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.985, л. 121.

⁵⁷ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.985, л. 77.

⁵⁸ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.985, л.л.98-108.

мирным. В годы гражданской войны российско-китайские отношения перешли к напряженно-настороженным, в первую очередь, вследствие прекращения экономического и торгового сотрудничества. Кашгарский даотай, уклонявшийся от контактов с Советской Россией заявил, что он не видит в них прока, так как “Россия, кроме большевизма ничего не предлагает”.⁵⁹ После разгрома Колчака и соединения Туркестана с Россией, большевики-победители наследовали в Средней Азии расстроеные российско-китайские отношения. В первый год Советской власти товары китайских купцов в Семипалатинске и Зайсане были конфискованы, наряду с товарами, принадлежащими другим частным фирмам. В Фергане ташкентские комиссары пошли еще дальше. Там были не только конфискованы товары, но и мобилизованы сами купцы, которых вместе со своими верблюдами отправили на принудительные работы в угольные копи. Власти Синьцзяня ответили тем, что закрыли границу. Торговля, даже контрабандная, окончательно прекратилась. Китайцы предъявили советской стороне требования возместить убытки, понесенные китайскими купцами от конфискаций и реквизиций.⁶⁰ В начале 1920-х гг. экономический кризис в приграничных районах Западного Китая достиг небывалых размеров. Алтайская шерсть (джебога) ввиду полного отсутствия спроса и из-за неимения мест хранения, выбрасывалась. Железо вздорожало по сравнению с 1916 г. на 800 %, мануфактура - на 300 %.⁶¹ Обнищание населения, голод приняли угрожающие размеры. Это создавало питательную почву для недовольства и восстаний, направленных против китайского господства.

Утвердив свою власть в Ташкенте, в начале 1920 г. Туркомиссия, выполняя директивы Москвы, вступила в переговоры с целью восстановления отношений с властями Синьцзяня. Но вскоре эти переговоры были прерваны из-за осложнений международного порядка. К сентябрю 1920 г. Красная Армия захватила формально независимые Хиву и Бухару. Вслед за этим по всей Средней Азии усилилось мусульманское сопротивление - басмачество. Китайское правительство явилось свидетелем того, как вслед за Туркестаном, русская революция перекинулась на сопредельные государства - это его напугало.

Эти опасения имели веские основания. В Туркомиссии всерьез говорили о необходимости поддержать “революционное движение” в Синьцзяне и заменить китайскую администрацию мусульманскими революционерами. Председатель Туркомиссии, соратник Ленина латыш Ян Рудзутак⁶² мечтал о “Красной Джунгарии и Кашгарии”.⁶³ В частности, большевики стре-

⁵⁹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.24.

⁶⁰ Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение Западного Китая//Новый Восток, 1923, № 3. С.116.

⁶¹ Там же.

⁶² Ян Рудзутак (1987-1938) советский государственный, партийный и профсоюзный деятель. В 1920-1923 - председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро РКП(б).

⁶³ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.18.

мились усилить местные повстанческие отряды, чтобы с их помощью напасть на белые войска в Или. С этой целью они вступили в сношения с неким Газизаном Вайсовым (Х. М. Газизан Ваис Хан Заде), присвоившим себе титул “Сардар, Руководитель, Вождь Революционеров Ислама”.⁶⁴

Кем был Вайсов и как он оказался в стане большевиков? Секта, известная как «Фиркаи наджия» («Партия Избавления») выступавшая за создание Булгарского государства,⁶⁵ была основана в Казани Багаудином Вайсовым (Вайсовым) в 1862 г. Вайсовцы были этическим татарами, хотя отделяли себя от них, присвоив самоназвание «волжские булгары». Признавая «только Бога и Государя Императора» (что само по себе звучало еретически), она отделилась, якобы с ведома Александра II, от официальной татарской мечети и стала в оппозицию к гражданским властям. В ее идеологии смешались суфизм накшбандийского толка и вахабитское стремление к чистому исламу с идеологией русских раскольников-староверов. В 1905 г. секту возглавил Гинанудин Вайсов, сын Багаудина.⁶⁶ В 1917 г. вайсовцы поддержали большевиков. Младший брат Гинанудина - Газизан Вайсов возглавил движение в 1918 г., после того как его брат был растерзан черносотенцами. После революции «Фиркай Наджия» обрела новое название – «Совет волжских болгарских мусульман». Во время образования Волжско-Булгарских красных отрядов в Самаре, Вайсов провозгласил:

“Но зная это (зеленое знамя вождя ислама), находящееся ныне в руках буржуазии мы хотим вырвать из рук богачей и продавшихся мулл и поставить рядом с красным знаменем всемирного пролетариата - так отвечают на заданные командующим Н-ского фронта тов. Фрунзе-Михайловым вопросы, представители волжско-болгарских мусульман”.⁶⁷

Вайсовцы мечтали о возрождении Волжской Булгарии и надеялись добиться своего с помощью большевиков. Но они были обмануты. В мае 1920 г. была образована не Волжская Булгария, а Татарская республика в составе РСФСР. Тем не менее вайсовцы не оставляли попыток сохранить организацию. Вайсов установил связь с татарами бежавшими в прифронтную зону Тянь-Шаня, включая Кульджу. Ссылаясь на популярность своего имени среди «тянь-шаньских мусульман», Вайсов намеревался в кратчайшие сроки организовать минимум 10 тысяч бойцов и направить их против белогвардейцев, расположенных в районе Чугучак-Кульджа.⁶⁸ Вай-

⁶⁴ Вайсов Газизан (1887-1963). Родился в Тегюшском районе Татарии. Сардар (лидер) «Фиркай Наджия» с 1918-1923 г. В 1940 г. арестован и осужден за националистическую деятельность. Выпущен на свободу в 1957 г.

⁶⁵ Государство Булгар (Волго-Камско-Уральская Булгария) было захвачено Московским царством во второй половине XVI века.

⁶⁶ См: Е. В. Молодцова. «Вайсов божий полк» *Мир ислама*. Под ред. В. Бартольда. Том 1, №1. С-Петербург. 1912. С. 148.

⁶⁷ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.8.

сов считал, что центром повстанческого движения является зона Карачара, куда он собирался добираться через Семипалатинск “скрытыми горными проходами”. Вайсовцы намеревались разбить русские армии в Западном Китае, а затем “разобраться с группами мятежников присоединившихся к басмачам” – то есть с басмачами Ферганы.⁶⁹ Вайсов и его последователи просили снабдить их денежными ресурсами, боеприпасами и оружием для реализации их планов.

Предложение Вайсова было представлено Москве и вызвало небольшую дискуссию. Более других, Вайсова поддержал Рудзутак, мечтавший о “Красной Джунгарии”.

“Было бы предательством с нашей стороны оставить повстанцев без помощи”,

таким, с точки зрения Рудзутака, выглядел главный аргумент в пользу вмешательства. В случае с Вайсовым мы имеем дело с “раздвоенностью” большевистского руководства между стратегической идеей осчастливить весь мир установив повсеместно диктатуру пролетариата с одной стороны, и необходимостью отстаивать государственные интересы, считаясь с принятыми нормами международных отношений - с другой. Каждое восстание в Синьцзяне ставило большевиков перед этой трудной дилеммой. Как коммунисты, они желали поддержать национальные восстания (имеются в виду волнения в Нарыне в 1919 г., в крепости Куре в январе 1921 г., восстания калмыков в Гучене и Хотане, мятеж в Кашгаре в 1921 г. и т. д.), но как правящая партия колониальной России, они находили опасными и нежелательными эти “организованные и неорганизованные выступления, на подавление которых у китайских властей не хватало силы, и которые могли привести к отложению провинции от Китая”.⁷⁰

Вопрос об образовании мусульманской армии как орудия диктатуры пролетариата, обсуждался Лениным, Троцким и Фрунзе еще в конце 1919 г. Тогда было сделано заключение, что “организация местных (сил), конечно, допустима, но не на религиозном, а на национальном принципе”.⁷¹ Тем не менее, большевики, включая Фрунзе, не преодолели до конца соблазн использовать милитаризированный ислам для нужд революционной войны.

В этот раз правительство сумело убедить Рудзутака и его сторонников в необходимости отказа от опасной идеи вооружить “красных воинов ислама” и натравить их на беглых белогвардейцев на территории Китая. Политбюро не согласилось с предложением ташкентских комиссаров. В конце-концов властям революционного Туркестана было приказано договориться с китайцами чтобы те убедили всех русских, скрывавшихся в Синьцзяне вернуться, в обмен на обещание предоставить амнистию добровольно сдавшимся. В июле 1921 г. нарком иностранных дел Чичерин

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

направил инструкцию своим представителям в Ташкент. Это документ содержит поразительную смесь коммунистической фразеологии и элементарных основ международного права.

“Прошу передать Рудзутаку: образование самостоятельных Кашгарской и Джунгарской республик не спасет нас от международных осложнений. Правительства других стран будут убеждены, что это наше (наших рук) дело и в случае советизации этих республик, как всегда усмотрят в этом скрытую аннексию. Советизация этих первобытных стран невозможна без нашей оккупации - это будет авантюра. В случае же если эти независимые республики будут буржуазными, они не останутся ни в коем случае дружественными нам, наоборот, они явятся контрреволюционными, панисламистскими гнездами, источником восстания у нас. Сейчас мусульманское население этих провинций, пока оно находится под властью Китая, ищет у нас опоры для борьбы против губернаторов. Если же нами будут созданы мусульманские государства, (то) они явятся опасными соседями для нас. . . Неужели внутреннее положение Бухары и Хивы так хорошо, (документ был составлен в июле 1921 г., когда Фергана, Бухара и Хива были охвачены восстанием -К.А.), что можно надеяться на безболезненное создание там мусульманских государств, дружественных нам?”⁷²

В конце концов, Сталин засомневался в искренности Вайсова и предложил испытать его, направив для этой цели в Туркестан для “работы среди басмачей к которым присоединилась часть вайсовцев”.⁷³ Вайсов и 20 его сообщников содержались под наблюдением в Ташкенте, куда они были переправлены в распоряжение члена Туркбюро казаха Тюракулова. Перед ними была поставлена цель, сформулированная Сталиным, а именно, вести просоветскую пропаганду среди ферганских басмачей. Вайсова такая перспектива не устраивала:

“Мы революционеры Ислама, не есть работники, работающие под руководством Тюракуловых и других мальчишек-татар . . . Просим рассмотреть снова наше предложение. Если не будут приняты наши условия, мы вынуждены будем уехать в Восточный Туркестан к товарищам, живущим в горах Тянь-Шаня, и, соединяясь с революционерами товарищами самим работать среди бедняков Китая. Прошу 50 000 000 рублей советскими деньгами, 20 револьверов и 10 винтовок”,⁷⁴

писал Вайсов с раздражением в Политбюро в июле 1921 г. Напрасно Вайсов и его окружение надеялись на пересмотр их дела. 18 июля 1921 г. переговоры с Вайсовым были официально прекращены новым председателем Туркбюро Томским, сменившим на этом посту Рудзутака. Даль-

⁷² РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.18.

⁷³ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д. 192, л.2.

⁷⁴ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.17.

нейшее пребывание Вайсова и его команды в Туркестане было признано “нежелательным”.⁷⁵ В конце 1921 г. Вайсов был переправлен в Россию.⁷⁶ В 1923 г. Фиркай Наджия была ликвидирована.

С точки зрения мусульманских политических движений, пример с Вайсовым уникален, как редкий случай “исламистского антиисламизма”, когда «защитники ислама» поддержали “неверных” (большевиков) и были готовы убивать “продажных мулл” и басмачей, то есть тех же “воинов Ислама”. По этому поводу Беннингсен и Уимбуш отмечали, что “Божий полк Вайсова” представлял собой «диссидентскую, даже еретическую суфийскую группу казанских накшбандийцев, признавших большевистское правление и даже воевавших на стороне Красной Армии против своих единоверцев”.⁷⁷

Инцидент с Вайсовым заставил большевиков пересмотреть их политику в отношении Западного Китая и отказаться от немедленной атаки на Восток. Постепенно, сталкиваясь с реальностью, большевики расставались с иллюзиями относительно революционности мусульманского населения Средней Азии. Развернувшееся яростное сопротивление против “Бухарской революции”, а именно басмачество охладило горячие головы сторонников раздувания пожара мировой революции. Летом 1921 г. Рудзутак признался, что он был введен в заблуждение “неосторожными социологами из левых коминтерновцев.” Тактика изменилась. Наступление сменилось закреплением завоеванных территорий и народов. На смену над-национальной «мировой революции» пришел русский национализм и колониализм. Задача была сформулирована следующим образом:

“Закрепить русское влияние в пределах существующего китайского правительства”.

Прежняя ставка большевистского руководства на пробуждение “тюркской демократии в Западном Китае” была объявлена неудачной, так как не был “разрешен ферганский вопрос, и широкие мусульманские массы Туркестана остаются за пределами советского строительства”.⁷⁸

В конце-концов, Советы пошли на мирное регулирование отношений с Китаем. Ташкентские комиссары и губернатор Ян Цзен-синь в мае 1920 г. заключили в Кульдже Илийский торговый договор, регулировавший торговые и прочие отношения между Синьцзянем и Русским Туркестаном. В договоре содержался также пункт о возвращении русских беженцев на родину. Одновременно был разрешен конфликт с китайскими купцами и их имуществом, задержанными в Фергане. Вместо семи консульств цар-

⁷⁵ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.192, л.20.

⁷⁶ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.21, л.44. В дальнейшем, в 30-е годы Газизан Вайсов и вайсовцы были заключены в сталинские застенки.

⁷⁷ Bennigsen Alexandre and Wimbush S. Enders, *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 33.

⁷⁸ ГАРФ, ф.122, оп.1, д. 113, л.43.

ской России, большевики открыли два консульства в Илийском районе. Соответственно, китайцы установили два представительства в приграничной зоне - в Семипалатинске и Верхнеудинске (Сибирь). Важно отметить, что все эти действия имели место до официального установления дипломатических отношений России и Китая в 1924 г.

Разумеется, отказ от плана Вайсова не означал неудачи “Советского Восточного Туркестана”. Позже, в 1930-е и 1940-е гг. Советы вернутся к этой идее.

Смерть атамана

Среди белогвардейцев выделялись идейные, стойкие противники Советской власти. Оказавшись в эмиграции, они продолжали считать, что “белое дело” в Средней Азии еще не проиграно окончательно. Одним из них был войскай атаман оренбургского казачества Дутов. Разведка Туркфронта приписывала ему организацию восстаний в русских поселках, бунты в частях Красной Армии с целью соединения повстанческих сил Семиречья с белогвардейцами. Дутов, по мнению командования Красной Армии, был готов также предпринять авантюру в Средней Азии, пытаясь через Кашгар вступить в связь с руководителями басмачества. Для этого, по сведениям красной разведки, в июле 1920 г. Дутов предложил Синьцзянскому губернатору следующий план:

- “а) Китайцы снабжают белых всеми видами боевого снаряжения, продовольствием, транспортом, денежными средствами, а также,
- б) выставляют армию в 20 тысяч солдат как резерв,
- в) в обмен на поддержку, китайцы аннексируют всю территорию Семиреченской области”.

Дутов предложил также возможность получения денежных средств от “иностранных капиталистов” при условии представления им концессий на разработку горных богатств Семиреченской области.⁷⁹ Было ли на самом деле сделано такое предложение Дутовым китайцам? Вряд ли, имея ввиду малочисленность китайского воинского контингента в регионе. Скорее всего это была клевета с целью оболгать видного противника Советской власти.

Под личным командованием Дутова был не очень большой отряд - не более двух тысяч человек, размещенный в Суйдуне и поблизости от Кульджи - в Мазаре и Чимпанзы.⁸⁰ Однако, как Войсковой атаман Оренбургского казачества и бывший командующий Отдельной Юго-Западной и Оренбургской армии он пользовался большим авторитетом среди казаков. Он пытался объединить под своим началом все остатки белых армий в Западном Китае, единолично распоряжаться имуществом и деньгами.

⁷⁹ РГВИА, ф.110, оп.3, д.1091, л.13.

⁸⁰ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.47, л.190.

Естественно, это вызывало недовольство Анненкова и Бакича. Тем не менее, А. И. Дутов настойчиво реализовывал свои контрреволюционные намерения. Суйдун, где располагался штаб Дутова, находился недалеко от границы. Оттуда поддерживалась связь с белой агентурой в Джаркенте. Через нее Дутов вел подрывную работу, пользуясь при этом услугами царского представительства в Кульдже, а также ряда высокопоставленных чиновников Синьцзяня.

Разведка Туркфронта была осведомлена о действиях белых в Синьцзяне и прекрасно отдавала себе отчет в том, что наиболее опасная фигура из казачьих атаманов это Дутов. Красные создавали крепкие заслоны на границе, чтобы не допустить вторжения белогвардейцев с территории Китая.

Эти опасения усиливались и тем обстоятельством, что обстановка в советском тылу оставалась взрывоопасной. В июне 1920 г. в городе Верном (Алматы) вспыхнул антисоветский мятеж. Вслед за ним были попытки кулацких восстаний в Пржевальске, ряде других мест. Все эти восстания были связаны с Верненским мятежом и деятельностью атаманов, боровшихся против Советской власти в Семиречье.

Именно поэтому, командование Туркфронта и ЧК поставили задачу - добывать сведения из штаба Дутова и далее физически устранить опасного атамана. Эта задача была возложена на сотрудника штаба Туркфронта В. В. Давыдова.⁸¹ Для ликвидации Дутова Давыдов привлек некоего Касымхана Чанышева. По одним сведениям это был начальник Джаркентской милиции. Другие утверждают (и с ними можно согласиться), что это был завербованный советской разведкой казахский феодал, прежде связанный с Дутовым по совместной контрреволюционной деятельности.⁸² Вряд ли начальник районной милиции мог приехать к Дутову на правах знакомого. Чекисты арестовали семью Чанышева и заставили его сотрудничать с ЧК. Давыдова привлекло в Чанышеве то, что тот пользовался полным доверием Дутова и мог запросто посещать его. В декабре 1920 г. Давыдов получил приказ ликвидировать атамана. Операция проводилась в глубокой тайне. Именно поэтому первая попытка убить атамана была сорвана из-за того, что советский пограничный отряд, не знавший об истинных намерениях молодого уполномоченного и казахского “князя”, арестовал их при переходе границы. Вскоре, однако, они были отпущены. В тот же день Чанышев отправился в Китай. Утром 7 февраля 1921 г. группа возвратилась в Джаркент. Обратимся к воспоминаниям свидетеля этого события:

“Задание выполнено - доложил Касымхан председателю (семиреченской облчека-К.А.).

⁸¹ Гуламов К. *Крах атаманов*. Ташкент, 1970. С.77.

⁸² Гуламов К. Указ. соч. С.81.

- ты не докладывай, ты лучше расскажи, - попросил председатель и тепло улыбнулся Чанышеву. Касымхан откашлялся и начал: -перед рассветом шестого февраля я добрался до Суйдуна. С ребятами встретился в условленном месте. . . Когда стемнело, я поднял группу почти к самой крепости. Когда совсем темно стало, двинулся вначале один к воротам. Слышу, часовой кричит: “Кто идет”! Я в ответ: “Вызывай дежурного офицера! Передай, что князь Чанышев требует”! Пока часовой бегал за офицером, ребята ко мне подтянулись. Стоим, ждем. Гляжу, появился капитан, тот самый, что в прошлый раз меня к Дутову провожал. Узнал, отдал честь и спрашивает: “Я вас слушаю.” Я в открытую: “Передайте атаману, чтобы меня принял. Его задание выполнено. Со мной рота бойцов-мусульман, перешедших на сторону атамана”.

Капитан аж подскочил: “Господин Чанышев, подробности не здесь, а в кабинете у атамана. Часовой, открыть ворота, впустить людей!”

Мы вошли. Я говорю капитану, что оставил роту в отдалении, сейчас она подтянется, так что пусть двое моих ребят подежурят у ворот вместе с часовым. Тот кивнул, а мне только и надо было это. Со мной еще двое идут - Мукай Кобек и Махмуд Ходжамъяров. Подошли к крыльцу, тут я капитана и ударил рукояткой пистолета по голове. Он свалился, даже не пикнул. В это время ребята уже проскочили в коридор, миновали комнату с охраной: дверь открыта, но все спят. Мукай остался около двери с гранатой в руке, а Махмуд ринулся в кабинет Дутова.

Атаман сидел за столом и что-то писал. Рядом стоял адъютант и разбирал кипу бумаг. Махмуд говорит, что на секунду растерялся: он не ожидал, что кто-то еще будет в такое позднее время у Дутова. Но тут же выстрелил: две пули послал в лицо атаману, одну - в адъютанта . . .”

Пред облчека встал и торжественно сказал, обращаясь к поднявшемуся Чанышеву:

- Молодцы! Великое дело сделали! Герои!”⁸³

Так было дано начало традиции убийств политических противников советскими органами госбезопасности за пределами Советской России.

Дутов скончался утром следующего дня. Его адъютант Лопатин и денщик Маслов скончались от ран днем позже. Дутову в 1921 г. исполнилось 42. Он оставил свои личные вещи, лошадь и деньги – 10 000 илийских тез, незначительную по тем временам сумму, своей жене Александре Афанасьевне Васильевой и дочери Вере.⁸⁴ Еще через день Дутов был похоронен на русском военном кладбище в Суйдине.

⁸³ Гуламов.Указ. соч. СС.90-91.

⁸⁴ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.8, л.86. Вероятно, Вера была одной из старших дочерей. Всего у атамана было четыре дочери и один сын. См.: *Александр Ильич Дутов, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Краткая биография.* С.10.

“Останки атамана и его офицеров погребены здесь, на чужбине временно и наш святой долг перенести его тело обратно на родину”, говорилось в приказе отряда Дутова.⁸⁵

Это обещание так и осталось невыполненным. По данным исследователя русского казачества А. Ганина, несколькими днями спустя, могила Дутова была разрыта, а тело обезглавлено. По-видимому, убийцы должны были представить доказательство исполнения приказа. Ганин пишет, что русское военное кладбище в Суйдине, было уничтожено во времена «культурной революции».⁸⁶

После смерти Дутова полковник Гербов взял на себя командование отряда в Мазаре, Чимпанзы и Суйдине. Получив небольшую финансовую поддержку от российского консула в Кульдже и атамана Семенова из Забайкалья, отряд продержался еще некоторое время. На протяжении 1921 г. люди покидали отряд и к 1922 г. отряд Дутова полностью распался.⁸⁷

Цель, которую поставили большевики убив Дутова - лишить белое движение своего лидера с тем, чтобы ликвидировать затем остатки обезглавленной белогвардейской контрреволюции - была достигнута. Убрав Дутова и других атаманов, Советская власть облегчила положение китайских властей в Синьцзяне. Она надеялась сделать их более уступчивыми в ходе деловых переговоров о развитии торговых и дипломатических отношений между Россией и китайским правительством Синьцзяня.⁸⁸ И действительно, 9 февраля 1921 г. (на второй день после смерти атамана) Ташкент телеграфировал в Москву, народному комиссару иностранных дел Чичерину:

“Отношение китайских властей в Кульдже изменилось к лучшему”.⁸⁹

Белоказаки на “Шелковом пути”, или последняя кампания Семиреченской армии

Белоказаки с жадностью ловили каждую новость о развитии политической и военной ситуации в России. Летом и осенью 1920 г. они надеялись на крестьянские восстания в Семиречье, сопротивление барона Врангеля и русско-польскую войну. Самые нетерпеливые стремились в Россию. Однако попасть туда было нелегко. Самый короткий и удобный путь - через Фергану и Семиречье - был закрыт, потому что в Средней Азии хозяйничали большевики. Кроме того, Средняя Азия - не Крым и даже не Кавказ. Здесь не было сильного русского контрреволюционного элемента, на который можно было опереться. Что касается басмачества, то, как было указано, оно, за незначительным исключением, не воспринимало идей белого движения.

⁸⁵ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.7, л.3.

⁸⁶ Ганин А.В. Александр Ильич Дутов //Вопросы истории. 2005. № 9. С. 82.

⁸⁷ Серебренников. Указ. соч. С.40.

⁸⁸ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.113, л.19.

⁸⁹ Там же, л.1.

Другой путь в Россию лежал на восток. Для этого было необходимо, получив пропуск от китайских властей, совершить многодневный переход через засушливые степи и пустыни на Дальний Восток - к атаману Семёнову, японским интервентам, крупным русским колониям в Манчжурии, Пекине и других китайских городах.

Правда, был еще один, третий выход - решиться на короткий, но очень трудный переход через горные перевалы на юг, через Кашгар в индийский Кашмир, к англичанам, вчерашним союзникам в мировой войне.

Война в России, однако, подходила к концу и надежды взять реванш за поражение белого дела, таяли на глазах. Неизбежно вставал вопрос, как приспособиться к мирной жизни? Российское офицерство, прошедшее фронты двух войн - мировой и гражданской - в эмиграции оказалось не у дел. Война была их единственной специальностью. Большинство офицеров не имели навыков, которые могли бы помочь приспособиться к мирной жизни. Они с большим трудом адаптировались на чужбине.

Казаки исподволь готовились к уходу из Синьцзяня, все равно куда, лишь бы не оставаться на месте в бездействии, в опасной близости к советской границе. Откапывалось скрытое при переходе границы оружие, не имевшие его, засылали агентов на советскую территорию.⁹⁰ Китайские власти, в свою очередь, стремились избавиться от беспокойных русских, державших в напряжении границу. Наибольшее их беспокойство вызывал Борис Анненков. Численность его отряда колебалась от 500 до 1000 человек. Ненужные Анненкову автомобили были великодушно подарены генерал-губернатору Ян Цзен-синю. Отношение между казаками и местным, преимущественно калмыцким, населением испортились. Участились взаимные нападения и кражи скота, лошадей. В довершение этого, с новой силой разгорелась ссора с другими генералами - Дутовым и Бакичем.

Полуголодное проживание в бездействии было невыносимым для энергичного, склонного к авантюрам, Анненкова. Он все чаще задумывался: что делать?

В нашем распоряжении оказалась подборка документов о пребывании Анненкова в Западном Китае, найденная в хранилищах Русского Зарубежного Исторического архива. Согласно им, Анненков предложил китайскому чиновнику по имени Ли Шоу-цин (который значится в документах как “депутат Высшей палаты Китайской республики”) провести переговоры с китайскими властями о пропуске партизан из Джунгарии в Кашгар и далее в “английские пределы”. 29 мая 1920 г. генерал получил от китайского депутата следующий ответ:

“Советую распустить партизан и ехать в Пекин . . . Если Вы не сможете расстаться с отрядом и пойдете через Кашгар в Индию, то попадете в подчинение такого государства как Англия. Но неужели

⁹⁰ ГАРФ, ф.6121, оп.1, д.73, л.57.

Вы забыли отношение ее к России два года назад? Вы жалуетесь на отношение к вам китайцев и калмыков, но уверен я в том, что, будучи на английской территории, только тогда Вы вспомните добродушие и гостеприимство наше к Вам, но, увы, будет поздно . . . Также не забудьте, что при Колчаке все союзники усердно помогали Вам во всем и даже доставляли оружие и пр., а после смерти его все союзники отступили и даже стали помогать Советской России”.⁹¹

Позиция китайцев в отношении предложения Анненкова более чем ясна - всеми силами воспрепятствовать контакту белогвардейцев с англичанами на территории Китая. Растущее усиление Великобритании в южном Синьцзяне и ее связь с анненковцами могли превратить Кашгар, а затем и Илийский край (где находилась основная часть белых отрядов) в английский плацдарм, направленный против Советской России. Это не только испортило бы отношения Китая с его северным соседом, но и активизировало бы местные сепаратистские движения в Синьцзяне. Всего этого, естественно, китайское правительство не могло допустить. В сущности, политика Пекина в Синьцзяне оставалась неизменной - удержать регион, всячески ограничивая здесь иностранное влияние. Этим и объясняется реакция китайского депутата на просьбу Анненкова.

Тем не менее “брат-атаман” продолжал настаивать:

“Я надеюсь, - писал он в ответном письме Ли Шоу-цинню, - что в Англии мы пробудем временно и пройдем на русско-польский фронт. Поход в Индию я считаю трудным и небывалым в истории, но ведь и Вы хорошо знаете, что если человек захотел, то он сделает это, хотя бы с невероятными трудностями. Скрываться мне нечего в Индии, так как я не вижу за собой никаких преступлений. Я имею за русско-германскую войну Анну 2 и 3 степени, Станислава 4, 3 и 2 степени, Владимира 4 степени (царские ордена - К.А.), золотое Георгиевское оружие за храбрость, 2 георгиевских креста и Высочайшее благоволение, а также 2 чина, так как все это может служить доказательством того, что моя работа была достаточно высоко оценена Государем Императором так и Временным правительством, которое произвело меня в генерал-лейтенанты и назначило на пост командира отдельной Семиреченской армии”.⁹²

Таким образом, Анненков, желал осуществить старую русскую мечту - достичь Индийского океана, чтобы обмыть в его водах сапоги своих солдат. Впрочем, генерал имел в виду не завоевательную кампанию, а отступление побежденной армии.

Китайцы отказали и на этот раз. После недолгих раздумий “брат-атаман”, как называли его казаки, принял решение. С мечтами о повторении похода Александра Македонского в Индию пришлось расстаться. Анненков

⁹¹ ГАРФ, ф.6121, оп.1, д.73, лл.29-31.

⁹² ГАРФ, ф.6121, оп.1, д.73, л.51.

решил согласиться с предложением китайцев, а именно, отправится вглубь Китая, но не одному, а с отрядом наиболее преданных ему людей. Был намечен маршрут: от лагеря на реке Боротала на юго-восток по маршруту Урумчи – Гучен - Хами и далее в провинцию Ганьсу, по “коридору”, открытому еще во времена “Шелкового пути” и соединяющему Среднюю Азию с центральными провинциями Китая. О том, где закончится переход, и что надлежит делать по его окончании, никто не имел представления. Вслух высказывались предположения пробраться в Крым или Польшу для продолжения “белого дела”. Однако в глубине души, мало кто верил в победу над большевиками. Среди казаков, как и всей русской эмигрантской массы, были сильны настроения найти приемлемое место для постоянного проживания. Изолированный от внешнего мира, населенный чуждым для русских буддистским и мусульманским населением Синьцзянь, был малоподходящим местом для проживания русской эмиграции. Многие из них стремились на Дальний Восток в Манчжурию, ближе к большим русским колониям. Там, по разным сведениям, в 1920-е гг. проживало до 100 тысяч русских.⁹³

В начале августа 1920 г. остатки Семиреченской армии отправились в свой последний поход вглубь Китая. Их было 711 человек, отправившихся из лагеря на Боротала пятью колоннами. Это были, главным образом, офицеры и партизаны, то есть те, кто добровольно встал под белые знамена и выступил против большевиков. Партизаны составили личную гвардию атамана.⁹⁴

Рядом с Борисом Анненковым находился переводчик упоминавшегося выше депутата Ли Шоу-циня по имени И. Ф. Мантанаев (иногда: Матантаев). Судя по всему, это был любознательный, пытливый и довольно образованный молодой человек дунганской национальности, который терпеливо собирал материалы - документы, фотографии, рисунки, стихи, значки, эмблемы и прочее, имеющее отношение к атаману. Позже они были собраны воедино и озаглавлены: “Документы о пребывании Атамана Бориса Владимировича Анненкова в Синьцзяньской провинции Китая”. “Документы” затем были помещены в Русский Зарубежный Исторический архив в Праге, который, как уже упоминалось, в 1954 г. был передан в собственность Советского правительства. Судя по тщательно подобранным материалам, между братом-атаманом и Мантанаевым сложились вполне доверительные отношения. Многие документы были подарены переводчику самим Анненковым. Во всяком случае, коллекция дает достаточно полное и достоверное освещение похода.⁹⁵

⁹³ Шкаренков Л.К. Указ. соч. С.26.

⁹⁴ ГАРФ, ф.6121, оп.1, д.73, лл. 95,78.

⁹⁵ При освещении этого эпизода предпочтение следует отдавать материалам Мантанаева, нежели повествованиям, основанным на китайских источниках и изложенным в статье Р. Янга. См: Yang Richard, “Sinkiang Under the Administration of Governor Yang Tseng-Hsin. 1918-1928,” *Central Asiatic Journal* 6, no.4 (December 1961): 308-316.

В Урумчи - административном центре провинции, куда вскоре прибыли анненковцы, их разместили в бывших русских казармах. Генерал-губернатор Ян Цзен-синь дал в честь Анненкова обед. Казаки надеялись получить помощь и поправить свое финансовое положение за счет соотечественников, и в первую очередь директора Русско-Азиатского банка А. И. Суворова, а также бывшего русского консула Дьякова. Однако их надежды оказались напрасными. Русские, проживавшие в Урумчи, считали Анненкова грабителем. Они отказывались не то что помочь, но и вообще иметь дело с казаками. В свою очередь, партизаны считали себя защитниками родины, а гражданских - трусами, сбежавшими с фронта. Очень скоро стороны заняли непримиримые позиции. Раздраженный Анненков даже написал следующую эпиграмму на русских в Урумчи:

«Русское все общество, спекулянты-толстопузики
Ободрали бедных, даже и картузики
Все же здесь мошенники, пьют вино ямайское
Жаждут перейти в подданство китайское
Только наш Суворов, раньше был он русский
Время изменилось - он гондон французский».⁹⁶

Простояв безрезультатно в Урумчи более 2 месяцев, в начале октября 1920 г. казаки, вопреки приказу губернатора Яна отправились далее на юго-восток, в Гучен.⁹⁷ Туда прибыло 658 офицеров и партизан.⁹⁸ Прибывшие расположились за городской стеной. Здесь, вдали от русской границы настроение беглецов поднялось. Появилась надежда обрести оружие и повернуть на север, в Манчжурию, Приморье, а там, может быть, в Россию.⁹⁹ Оружие имелось у охраны Анненкова. Кроме того, вытащили на свет ружья и пулеметы, в свое время припрятанные в обозе. Увидев оружие в руках казаков, китайцы заявили, что отказываются снабжать партизан продовольствием. Это вызвало возбуждение казаков, и они стали угрожать оружием. Произошла перестрелка, в результате которой китайцы закрыли городские ворота. В Гучене был небольшой гарнизон, который не мог справиться с русским отрядом. По приказу губернатора из различных городов провинции стали подходить китайские отряды, численность которых вскоре достигла 1,5 тысяч.¹⁰⁰

Накануне нового китайского года, 27 января 1921 г., представитель губернатора предъявил Анненкову следующий ультиматум:

“Мы оказали вам добро, дали возможность спастись от смерти от рук большевиков. Оказалось, что вы в Гучене имеете оружие и против восточных ворот города поместили пулемет. Предлагаю сдать

⁹⁶ ГАРФ, ф. 6121, оп.1, д.73, л.85.

⁹⁷ ГАРФ, ф. 6121, оп.1, д.73, л.79.

⁹⁸ ГАРФ, ф. 6121, оп.1, д.73, л.95.

⁹⁹ Серебренников И. И. Указ. соч. С.128.

¹⁰⁰ Yang, Richard. Op. cit. 314.

оружие . . . Если не прислушаетесь, то я имею способ заставить вас подчиниться.”¹⁰¹

Это была угроза. Казакам пришлось разоружиться. Затем, часть казаков отправилась далее на восток, в Хами. Другая часть во главе с атаманом осталась на месте в Гучене. Вероятно, Анненкову был предложен какой-то компромиссный вариант, который его устроил. Через два дня “брат-атаман” под конвоем был отправлен обратно в Урумчи. Верные ему партизаны под командованием генерала Н. А. Денисова, простояли еще 3 месяца у стен Гучена, ожидая решения участи своего атамана. Не дождавшись результата, они разошлись. Часть отправилась на восток, вслед за ушедшими ранее. Другие, человек 30 ушли в противоположную сторону - на запад с целью вернуться в Россию.

Тем временем, первый эшелон анненковцев прибыл в Хами - городок, расположенный вблизи провинции Ганьсу. Простояв там два месяца, казаки продали лошадей, купили продовольствие и, небольшими группами по 20-30 человек, направились далее по “Шелковому пути”, а именно по “Хэсийскому коридору”, проходящему по провинции Ганьсу. Вскоре они достигли г. Ланчжоу - столицы провинции, расположенной на реке Хуанхэ. Далее их путь лежал на восток: через Гуйхуачен на Баотоу, оттуда по железной дороге в Пекин, Тяньзинь - к русским колониям. Так произошло рассеяние по Китаю авангарда анненковского отряда. Несколько позже в том же порядке разошлись остатки Семиреченской армии.¹⁰²

А что же Анненков? Это была слишком яркая фигура, чтобы исчезнуть бесследно. И так, в феврале 1921 г. он был привезен в Урумчи, якобы для переговоров с китайскими властями. На самом деле, ему была приготовлена ловушка. Когда атаман появился в зале приемов губернатора, он и его приближенные были схвачены. По средневековому способу, их ноги и руки были закованы в кандалы. После этого они были брошены в тюрьму.¹⁰³ Анненков провел целых два года в ужасной тюрьме Ямынь. Говорили, что в тюрьме, не без поощрения тюремных властей, атамана приучили к опиуму. Там же Анненков обучился китайскому языку.¹⁰⁴ В феврале 1924 г. его, наконец, отпустили. Выйдя на свободу, Анненков со своим ближайшим помощником Денисовым и небольшим табуном кровных лошадей поселился близ Ланчжоу, намереваясь заняться разведением коней - единственной гражданской специальностью, которой он владел. Прошло еще два года, и в Китае началась гражданская война, вовлекшая казаков в свой кровавый водоворот и приблизившая финал русской эмиграции в Западном Китае.

¹⁰¹ ГАРФ, ф.6121, оп.1, д.73, лл.5-6.

¹⁰² Серебrenников И. И. . Указ. соч. С.129.

¹⁰³ Etherton P. F., Op. cit. 195.

¹⁰⁴ Петров В. И. Указ. соч. С.300.

Для того, чтобы продолжить повествование о русских в Синьцзяне, необходимо остановиться на общей обстановке в Китае. 1918-1928 гг. был периодом политического господства милитаристов. В стране не было политической силы, способной объединить Китай и создать централизованное государство. Страна была раздираема локальными войнами, которые вели провинциальные лидеры-милитаристы. Все они испытывали недостаток квалифицированных военных специалистов.

Сподвижник Анненкова генерал Денисов в начале 1925 г. посетил Пекин, Тяньзинь и Шанхай.¹⁰⁵ В этих городах он встретил много русских беженцев из Монголии, Синьцзяня - офицеров, казаков и солдат Дутова, Бакича, Анненкова и других. Многие из них уже нашли применение своим способностям в китайской армии. Возможно, в своей поездке генерал Денисов зондировал почву в окружении китайских маршалов с целью выяснить: не могли ли быть использованы ими опыт и знания Анненкова? Другой целью его поездки могло быть получение разрешения следовать в портовые города Китая.

Между тем, развитие гражданской войны во второй половине 1925 г. привело к тому, что провинция Ганьсу и ее столица Ланчжоу оказались занятыми войсками знаменитого генерала Фэн Юй-сяня, поддерживавшего в то время тесный контакт с Советским правительством, снабжавшим его оружием через Монголию. Так, совершенно неожиданно для себя, Анненков оказался в сфере влияния Фэна. Как утверждает Серебренников, по наущению большевиков Фэн Юй-сянь вызвал к себе атамана в провинцию Шэньси. После разговора, суть которого остается неизвестной, Анненков и Денисов были командированы в Калган, что на границе Внутренней Монголии. Туда они прибыли совершенно свободно, по железной дороге. Оттуда, на автомобиле, их увезли в Ургу и далее на север в приграничную Кяхту, где в марте 1926 г. Анненков и Денисов поступили в распоряжение советских властей.

Обстоятельства ареста (добровольной сдачи?) Анненкова и выдачи его Советской власти остаются не до конца выясненными. Вероятно, казаки получили от Фэна и советских представителей гарантию неприкосновенности и предварительно обсудили условия помилования. Вполне допустимо, что морально сломленный Анненков действительно намеревался сдаться и надеялся на прощение. Вероятным представляется и вариант того, что Анненкову было поручено, получив оружие от СССР выступить через Монголию на помощь Фэну. Как бы то ни было, Анненкова вновь обманули китайцы. Ничего не подозревавший атаман совершил добровольную поездку протяженностью несколько тысяч километров от Ланчжоу до Кяхты, чтобы быть арестованным на границе России. С марта 1926 г. казачьи генералы содержались в семипалатинской тюрьме. Во вре-

¹⁰⁵ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.129.

мя следствия их возили в Москву. Вскоре в советской прессе появились покаянные письма Анненкова. Видимо они явились предварительным условием помилования.

Судебный процесс над “братом-атаманом”, командующим Семиреченской армии, совершившей многотысячекилометровый поход из Средней Азии в Китай по “Шелковому пути”, проходил в июле-августе 1927 г. в Семипалатинске - городе, где хорошо помнили преступления атамана. Оба подсудимых были приговорены к расстрелу. В августе 1927 г. приговор был приведен в исполнение.¹⁰⁶

Так же как и в случае с Дутовым, “рука Москвы” настигла врага, несмотря на то, что тот находился в самом центре Китая. Советская официальная интерпретация этого эпизода гражданской войны изложена в работе Павловского, который считает, что Анненкова обманул не кто иной, как генерал Фэн Юй-сянь.¹⁰⁷ При этом умалчивается, что Фэн мог быть лишь орудием в руках Москвы.

Конец Южной и Оренбургской армий

Обширный политический спектр белой Сибири и дальневосточной России нашел свое отражение в русской эмиграции в Синьцзяне. Дутов, например, был движим идеей сильной России и удерживал контроль не только над казаками, но и другими антисоветскими движениями восточной России и даже Средней Азии. Он был верен своему политическому кредо всю жизнь. Если перейти к другим генералам, то эмиграция разъединила, и даже поставила их друг против друга. Анненков никогда полностью не доверял Колчаку и даже бросил прямой вызов Дутову, союзнику адмирала. Амбициозный “брат-атаман” предпочитал действовать независимо как на российской, так и на китайской территории.

А как насчет Бакича? Как указывалось ранее, остатки Южной и Оренбургской армий, собранные в отряд имени Дутова были расположены в лагере на реке Эмель. Командовал ими генерал-лейтенант, черногорский серб по происхождению, Андрей Степанович Бакич (1878-1922).¹⁰⁸ Он был одной из ключевых фигур в истории антибольшевистского движения на Востоке России. Формально он подчинялся Дутову. Анненкова он ненавидел, так как не мог простить враждебное отношение анненковцев к беглым колчаковцам в Семиречье. Тем не менее, в эмиграции он не был склонен подчиняться Дутову, противнику Анненкова. В течение 8 месяцев стоянки, до смерти Дутова, Бакич демонстрировал самостоятельность и ни

¹⁰⁶ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.130. См также: Руль (Берлин), 1927, 27 августа.

¹⁰⁷ Павловский П.И. *Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске. 25.VII-12/VIII 1927.* М.-Л.: Госиздат.1928. С.92.

¹⁰⁸ О нем см.: Ганин А.В. *Черногорец на русской службе: генерал Бакич.* Москва: Русский путь, 2004.

разу не посетил своего начальника. Игнорируя его, он вступил в прямую переписку с атаманом Семеновым, чем вызвал активный протест Дутова. Вероятно, Бакич был вынужден предпринимать энергичные меры без согласования с Дутовым, так как его отряд был самым многочисленным и находился в тяжелом материальном положении. Не получая какой-либо помощи извне, солдаты занимались грабежом, разбоем. В феврале 1921 г. “за самоуправство, незаконные реквизиции, нарушения международных законов и прочие деяния”, Войсковой атаман Дутов сместил Бакича с поста начальника.¹⁰⁹ В ответ на это Бакич переименовал отряд в Отдельный корпус и назначил самого себя командиром.¹¹⁰ Это случилось за несколько дней до убийства в Суйдуне.

Каковыми были реальные мотивы борьбы атаманов, кроме вульгарной склоки генералов побежденной армии?

К сожалению военно-политические движения, даже будучи обеспеченными с самого начала компетентным управлением и организацией, очень часто развиваются в неуправляемое насилие и беззаконие. То же произошло и с белым делом в Сибири, Монголии и на Дальнем Востоке. С лета 1918 г. в этом обширном регионе образовалось два центра притяжения, а именно с Колчаком в Омске и Семеновым в Забайкалье. Оба они контролировали огромные суммы Российского императорского золотого запаса. Личности типа Семенова, Калмыкова, Анненкова и им подобных ассоциировались в среде русской контрреволюции с феноменом, получившим название “атаманщина”. Атаманщина стала синонимом беспорядка, несправедливости и предательства “белого дела”. Высокий патриотизм, воинская доблесть, наряду с жестокостью, неоправданным насилием, тяжелым пьянством были отличительной чертой почти всех без исключения атаманов. Русский генерал-эмигрант барон Будберг, который служил в штабе Колчака, так описывал свои впечатления о политической и военной жизни Харбина и Владивостока:

“Я сказал адмиралу Колчаку, что атаман и атаманщина - это самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Адмирал ответил, что он давно начал эту борьбу, но он бессилен что-либо сделать с Семеновым, ибо его поддерживают японцы”.¹¹¹

Тяжелое материальное и моральное положение, в котором оказались русские в Западном Китае, усталость от многолетней бесплодной вооруженной борьбы, оторванность от остатков белого движения на

¹⁰⁹ ГАРФ, ф.5821, ф.2, д.986, л.109.

¹¹⁰ Камский. Указ. соч. С.55.

¹¹¹ Барон Будберг. Указ. соч. С.241.

Дальнем Востоке и, как следствие этого, недостаточная информированность о положении дел на фронте сковывали, удерживали белогвардейцев в Китае от вооруженного выступления. Куда и когда выступить, на чью поддержку можно рассчитывать? Эти вопросы мучили Бакича. В своем письме атаману Семенову он пытался оправдать свое бездействие:

“Доходящие до нас с Дальнего Востока и других окраин слухи о продолжающейся борьбе, дают надежды, что и во вверенном мне отряде, как только появится возможность, можно будет работать активно. Для таковой работы в настоящее время, по тем туманным сведениям, какие имеются, могут оказаться Забайкалье, Средняя Азия и Туркестан. В Забайкалье отряду продвинуться крайне трудно, ввиду трудности получения разрешения от китайских властей, неимения средств и бедности единственного пути - по Монголии, работа в Средней Азии, Сибири и Туркестане может начаться лишь тогда, когда достаточно там будет подготовлена почва местными силами и установлена связь этих районов с какими-либо организациями и снабжающим центром сил, действующих против большевиков”.¹¹²

Как видно из приведенной цитаты, белогвардейцы не рассматривали среднеазиатское басмачество в качестве потенциального партнера. Ясно также, что никакого регионального зарубежного антибольшевистского центра ни в лице Англии, или какого-либо другого государства, или басмаческо-белогвардейской коалиции, не существовало.

Когда Бакич рассылал просьбы о помощи, он не знал о тяжелом поражении, понесенном генералом Врангелем в Крыму и о паническом бегстве остатков белой армии в Константинополь. За крушением правительства юга России и поражением всего белого движения, последовал демонтаж всех его структур, в том числе и внешнеполитических. К сентябрю 1920 г. были ликвидированы все официальные представительства России в Китае, в том числе в Кульжде и Кашгаре. Отныне защита русских граждан и их имущества ложилась на китайские власти.¹¹³ Китайские власти в Синьцзяне стали давать небольшим группам русских разрешение на выезд на Дальний Восток. Лагерь покинули генералы Шильников, Комаровский, Никитин, Жуков, Зайцев. В одной из таких групп, отправился на восток и прибыл в Пекин молодой поручик Оренбургской армии Л. В. Святин, впоследствии ставший Его Преосвященством Виктором, епископом Пекинским и Китайским.¹¹⁴ Именно Леонид Святин был отряде Дутова, когда тот вывозил из большевистской России в Синь-

¹¹² ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.986, л.62.

¹¹³ ГАРФ, ф.6094, оп.1, д.225, л.137.

¹¹⁴ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.64.

цзянь чтимую всеми казаками Табынскую чудотворную икону Божией Матери¹¹⁵.

Но основная часть Оренбургской армии оставалась в Джунгарии. Внимание беженцев было обращено не на соседнюю Среднюю Азию, а на Монголию, Забайкалье, Дальний Восток. В январе 1920 г. правительство США решает вывести свои войска из Дальнего Востока. Япония, хоть и заявила о своем нейтралитете, тем не менее, проводила интервенционистскую политику. Японцы все еще занимали важные стратегические пункты во Владивостоке, Хабаровске, Манчжурии, Корее. Они стремились создать на Дальнем Востоке “черный буфер” - нечто вроде своего протектората. Руководимые большевиками партизаны Дальнего Востока и Забайкалья не были в состоянии самостоятельно изгнать японцев. Для этого нужна была сила регулярных войск Красной Армии. Но ее появление на Дальнем Востоке грозило затяжной войной с Японией, в то время как Россия испытывала угрозу на своем юге и западе со стороны Врангеля и Польши. Чтобы избежать прямого столкновения с японцами, Ленин и Советское правительство решили создать свое “буферное государство” - Дальневосточную республику (ДВР) во главе с большевиками. Весной 1920 г. правительство ДРВ приступило к созданию Народно-Революционной Армии (НРА), куда вошли основные партизанские отряды. В середине 1920 г. части НРА нанесли поражение белогвардейцам севернее Читы, а через месяц полностью разгромили семеновские и каппелевские части, остатки которых бежали в Манчжурию под опеку японских милитаристов.¹¹⁶ Япония была вынуждена эвакуировать свои войска из Забайкалья и Амурской области, но не оставила надежды укрепиться на Дальнем Востоке. С этой целью она оказывала помощь белогвардейцам в их борьбе. В частности, японцы использовали казаков для реализации своей давнишней мечты о Великой Монголии, состоящей из Внутренней и Внешней Монголии, части Манчжурии и русской Бурят-Монголии.

В августе 1920 г. Азиатская конная дивизия во главе с 35-летним генерал-майором Романом Федоровичем Унгерном (Унгерн фон Штенберг) отделилась от семеновцев и ушла из Забайкалья во Внешнюю Монголию (современную Монгольскую республику), оккупированную китайс-

¹¹⁵ Табынская икона Божией Матери, является святыней Уральского казачества. Она явилась миру на стыке Европы и Азии, православия и ислама – в селе Табынск Стерлитамакского уезда Башкирии. Табынская икона представляла собой действительную копию Казанской иконы Божией Матери явившейся в 1579 г. Крестный ход с Табынской иконой Божией Матери был по времени и по расстоянию самым продолжительным в России. Он растягивался на долгие месяцы от Казани до Тобола. Известно, что в 1885 г. был сделан список с Табынской иконы, который освятил кафедральный собор Оренбурга. В 1919 г. Табынская икона (или ее оренбургский список?) была взята дутовцами в свою походную церковь и вывезена в Кульджу. Икона эта пропала в годы «китайской культурной революции». См.: Михаил Чванов «...Всего мира надежда и утешение «Бельские Просторы», 2003 http://www.hrono.ru/text/2003/chvan09_03.html

¹¹⁶ *Гражданская война в СССР*. В двух томах, т.2. М.: Воениздат, 1986. С.368.

кими милитаристами. Барон Унгерн - еще один пьяный от пролитой крови, одержимый ненавистью к большевикам, честолубивый белый генерал. Он происходил от остзейских баронов Эстляндии (северная Эстония). Помимо остатков белой гвардии в его дивизию входили монголы, стремившиеся изгнать китайцев из святого города - Урги и возвести на монгольский престол Богдо Гэгена (живого Будду). После освобождения Монголии Унгерн намеревался, создать федерацию кочевых народов Центральной Азии.

«Это государство, — писал Унгерн, — должно состоять из отдельных автономных племенных единиц и находиться под моральным и законодательным руководством Китая, страны со старейшей и высшей культурой. В этот союз азиатских народов должны войти китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки».... Цель их объединения — создать военный и нравственно-философский «оплот против революции».¹¹⁷

Для достижения этой цели, выходявшей за рамки белого движения, Унгерн перешел в буддизм и заручился поддержкой Далай Ламы. В состав войск Унгерна входил особый японский отряд, а к его штабу в качестве советников и инструкторов были прикомандированы японские офицеры. Именно на Унгерна возлагали свои надежды японцы.

В середине октября барон начал боевые действия против китайцев в Урге. Русские беженцы, находившиеся в Монголии, вспоминал белый офицер Д. Алешин, как мыши во время пожара заматались в поисках спасения. Но бежать было некуда. Север был закрыт большевиками, на юге простиралась пустыня Гоби. Запад был закрыт непроходимым и враждебным Тибетом. На востоке был долгий 4-х тысячемильный переход до Манчжурии.¹¹⁸

3 февраля 1921 г. Унгерн, уничтожив предварительно под Маймаченом, на берегу реки Тогу 15-ти тысячную китайскую армию, захватывает Ургу. Однако монголы не приняли барона и не оценили его заслуги в освобождении Монголии от китайцев. Внутри самой русской армии зрело недовольство своим командиром. Народная партия Монголии, пользуясь поддержкой большевиков начала борьбу против Унгерна и монгольских феодалов. 13 марта 1921 г. было сформировано Временное народное правительство, которое вскоре обратилось к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи в борьбе против Унгерна.¹¹⁹

События в Урге оказали большое влияние на жизнь белых в Джунгарии (северном Синьцзяне). Весной 1921 г. в лагерь на реке Эмель прибыла

¹¹⁷ Юзефович Л.А. *Самодержец пустыни*. Москва: Эллис Лак, 1993. Книга выложена на сайте: militera.lib.ru/bio/yuzefovich/index.html

¹¹⁸ См.: Нопкirk P., *Setting the East Ablaze*, 128.

¹¹⁹ Носков К. *Авантюра или черный для русских белых в Монголии 1921 год*. Харбин, 1930. С.12.

так называемая “Народная дивизия” хорунжего С. Г. Токарева. Это были остатки повстанческих отрядов ликвидированного Красной Армией контрреволюционного восстания в Западной Сибири. Прибывшие (1200 бойцов) не подчинились приказу китайцев разоружиться. Более того, Бакич со своим отрядом поддержал “Народную дивизию”. Постепенно созрел антикитайский и антисоветский заговор. Для начала белые намеревались захватить оружие, хранившееся в Чугучаке. С целью предотвращения белогвардейского выступления, 18 апреля 1921 г. было заключено соглашение между китайскими и советскими властями о совместных усилиях по ликвидации белогвардейских банд в Тарбагатайском округе.¹²⁰ Естественно, обе стороны были заинтересованы в предстоящей операции. Китайцы явно тяготились присутствием белогвардейцев. Они опасались продолжения монгольских событий в Синьцзяне. Приход “Народной дивизии”, отказавшейся немедленно сдать оружие, послужил удобным случаем, чтобы расправиться с русскими.

В ночь на 13 мая 1921 г. сводный красный отряд из туркестанских и сибирских частей перешел на китайскую территорию для занятия Чугучака. Сибирские части запоздали к началу операции, что не позволило одним ударом ликвидировать отряд Бакича. Отступивший из лагеря на реке Эмель отряд казаков направился на восток. Отходили спешно, бросая имущество, семьи, детей. 30 мая красноармейцы сбили казаков с тракта Чугучак-Урумчи, и те вступили в безводные, голодные степи Джунгарии.¹²¹ Из 12 тысяч объединенного отряда Бакича и дивизии Токарева в конце мая 1921 г. осталось 600 человек, способных носить оружие. Из них 2/3 были без оружия, 1/3 вооружены чем попало.¹²² Это был еще один «голодный поход», которых было немало на заключительном этапе истории Белой армии.

Для борьбы с Бакичем китайским властям пришлось проводить мобилизацию. Это вызвало волнения среди калмыков, не желавших идти на службу. Военные действия китайцев против белоказачков, предпринятые без связи с операциями Красной Армии привели к поражению китайских отрядов под командованием генерала Ян Фуй-сяня, чжен-шоу-ши (командующего войсками) Илийского района.

Какова была цель Бакича? В отличие от Унгерна, стремившегося укрепиться во Внешней Монголии, Бакич оперировал в Алтайском округе Синьцзяня – самой северной точке провинции. Он намеревался изгнать отсюда китайцев, которых считал союзниками большевиков, затем отторгнуть округ от Китая и присоединить его к Монголии. К Монголии, предварительно очищенной Унгерном и японцами от китайцев и большевиков.

¹²⁰ РГВИА, ф.110, оп.3, д.1091, л.154.

¹²¹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.1-а, л.л. 1-3.

¹²² ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.1-а, л.3.

Несмотря на слабое обеспечение оружием, казакам удалось 12 июня нанести крупное поражение красным на реке Кобук. 2 июля отряд Бакича прибыл в Шарасуме (Сарысумбе) - центр Алтайского округа, расположенный на пути в Монголию. Напуганные китайцы стали оставлять город. Остались лишь русские и мусульмане. Китайские власти вызвали с пограничных постов дунганский отряд. Дунгане отбили первую атаку казаков и обрушившись на русскую факторию, подожгли ее. Досталось и мусульманам - казакам и уйгурам. В ту ночь погибло 45 мирных жителей. Через несколько дней, Бакич дал приказ вторично атаковать город и объявил, что отдает Шарасуме в руки солдат на три часа. Город был взят. Губернатор Джоу Сюэ, не сумевший отстоять город, покончил жизнь самоубийством. Следом начался грабеж и избиение населения. Голодные бакичевцы искали главным образом еду. Хватали все, что можно было употребить в пищу. Занятие Шарасуме дало возможность Бакичу восстановить силы и вооружить свой отряд, в том числе артиллерией.¹²³ Тем не менее, он чувствовал, что без поддержки, казакам не удержаться.

“Необходима скорейшая посылка монгольских войск в Алтайский округ, дабы закрепить за независимой Монголией этот край”, писал Бакич в Кобдо, монгольскому правителю Хатам Батор Ваму.¹²⁴ 10 июля бакичевцами был занят Чонкур, русский поселок, 14 июля - Малый Бурчум. Китайский гарнизон и на этот раз не выдержал - частью разбежался, частью потонул при переправе через реки Иртыш и Бурчум. 23 июля Бакич объявил Алтайский округ свободным от китайцев. В тот же день он написал письмо Унгерну в Ургу, и признал последнего “руководителем работ на монгольском фронте”. В письме также говорилось:

“Таким образом, Алтайскому округу есть возможность, освободившись от китайцев самому устраивать свою судьбу. Для этого я созвал на 25 июля в Шарасуме всех киргизских (казахских - К. А.) и монгольских правителей . . . Пока намечается довольно благожелательное отношение к нам как киргиз, так и монголов, но, конечно имея в виду их племенную рознь, политическую неразвитость даже правителей, приходится согласиться с общим взглядом на среднеазиатские народности, что они будут подчиняться сильнейшему. . . Важно, чтобы ургинское правительство Монголии скорее и решительно высказалось за присоединение Алтайского округа, прислало своих представителей, а главное войска . . . Практический взгляд один - уйти на русскую территорию и бороться с большевиками, так как монгольс-

¹²³ Носков К. Указ. соч. СС.44-48.

¹²⁴ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д. 896, л.23. Хатам Вам, или Хатам Батор Максаржаб (1877 – 1927) - монгольский политический и военный деятель. В 1912-1917 гг. командовал войсками, освободившими г. Кобдо и западную Монголию от маньчжуро-китайского господства. В 1921 г. перешёл на сторону народного правительства, вступил в Монгольскую народно-революционную партию. 22 июля 1921 г. освободил Улясутай и значительную часть северо-западного округа Монголии от войск Унгерна. С 1924 г. военный министр.

кая независимость нас может интересовать постольку, поскольку мы на ее территории можем сорганизоваться”.¹²⁵

В этом письме Бакич вслед за Дутовым, Колчаком и другими белогвардейцами продемонстрировал свою приверженность к “среднеазиатской программе” русской контрреволюции. Суть ее заключалась в ставке на насилие, стремлении продемонстрировать силу и превосходство русского оружия для того, чтобы превратить восточные окраины империи - Среднюю Азию, а теперь и Монголию, в антисоветской плацдарм. Именно отсюда белая гвардия мечтала выступить на Москву и Петроград.

В борьбе против Унгерна решающую роль сыграла РСФСР. Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение об укреплении НРА опытными командирами во главе с В. К. Блюхером, который был назначен главкомом НРА. 16 июня 1921 г., когда на границе между Россией и Монголией происходили напряженные бои, Политбюро в Москве приняло решение об оказании помощи Монголии. Для этого предстояло совершить поход внутрь Монголии с целью нанесения Унгерну сокрушительного удара.¹²⁶ Был сформирован Экспедиционный корпус 5-й Отдельной армии (7,6 тысяч штыков, 2,5 тысяч сабель, 20 орудий, 2 броневедомости, 4 самолета), который 27-28 июня начал наступление.¹²⁷

23 июля, когда Бакич делился в письме Унгерну своими планами и просил выслать в Синьцзянь монгольские войска, он не знал о постигшей барона катастрофе. Войска НРА ДВР и передовые части Монгольской Народно-революционной армии пройдя за 10 дней около 350 км, 6 июля освободили Ургу. Впрочем, значительной части белых войск удалось сохранить себя. Отступившие унгерновцы соединились с бригадой генерала Резухина и 21 июля вторглись на советскую территорию в районе Верхнеудинска (Улан-Удэ). В ходе ожесточенных боев белогвардейцам было нанесено сокрушительное поражение, а остатки их 7 августа ушли в Монголию.

Деморализованные военными неудачами, белогвардейцы убили Резухина. Унгерн 22 августа был взят большевиками в плен, а 15 сентября его расстреляли в Новониколаевске (Новосибирске).¹²⁸

Тем временем, 5 сентября бакичевцы покинули Шарасуме. Жалкие остатки Оренбургской армии спустились с высот Алтая в равнины Монголии. Уходя из Чугучака, они надеялись, что их встретят монголы-друзья, но их ждали монголы-враги. Население Монголии в основном поддержало Народное правительство. Бакич вместе с есаулом Кайгородовым, алтайским атаманом, потерпел ряд поражений от Красной Армии. Близ монгольского населенного пункта Куре (Сарул-гун-Курэ) от Бакича ушла

¹²⁵ ГАРФ, ф.5881, оп.2, д.896, л.25.

¹²⁶ *Гражданская война в СССР*. С. 371.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

самовольно I Оренбургская дивизия под командованием полковника Кочнева и I сотня второго дивизиона - всего 306 человек. Они пошли в город Кобдо. Бакич со своим личным конвоем пытался перехватить беглецов, но был встречен залпом.¹²⁹

До конца 1921 г. Бакич и его корпус скитались по степям Монголии, пока у подхода к Урянхою, неподалеку от Уланкома соединенные силы монголов и красноармейцев под командованием П. Сафьянова не дали бакичевцам бой. Они вынудили 300 белых сдать оружие в самый последний день 1921 г.¹³⁰ Сдавшиеся бакичевцы под конвоем монголов и русских были отправлены к русской границе и далее в Кош Агач и Бийск. По дороге многие из них погибли, некоторых пристрелили жестокие конвоиры. Бакич, его ближайший сподвижник полковник Степанов, а также бывший начальник Урянхойского отряда - атаман Енисейского казачьего войска полковник Казанцев и еще 16 человек были отправлены в Ургу (Улан-Батор). Вскоре Казанцев пал жертвой разъяренных монголов. Из Урги Степанов и Бакич по решению монгольского народного правительства были отправлены в российский приграничный город Кяхту и после советского суда были расстреляны в мае 1922 г.¹³¹

Все же, небольшой части оренбургских казаков, во главе с генералом Коренуховым, удалось выскочить из большевистского кольца и укрыться в степях Монголии. После года скитаний, эта группа вышла к северной границе Китая и здесь, в г. Баркуль (в районе Урумчи) по распоряжению китайских властей была заключена в концентрационный лагерь.¹³²

Так закончила свое существование Оренбургская армия, проделавшая путь длиною в несколько тысяч километров от г. Троицка Оренбургской губернии, через Семиречье до Уланкома на китайско-монгольской границе и далее до Улан-Батора, столицы новой Монголии.

Русские в чужой войне

После ликвидации Дутова, Анненкова и Бакича, значительное количество офицеров казаков и солдат осталось на месте, в Синьцзяне. Во всех крупных городах края образовались небольшие русские колонии. В первые годы изгнания беженцы надеялись на скорое крушение Советской власти и возвращение на родину. Они ловили каждую новость о крестьянских восстаниях, засухе и голоде 1921-1922 гг. Во время НЭПа появилась новая надежда на возврат советского режима к старым стандартам. Од-

¹²⁹ ГАРФ, ф. 5873, оп.3, д.1092, л.130.

¹³⁰ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.73.

¹³¹ Там же. См. также: Носков. Указ. соч. С.64. Существует версия, что Бакича вывезли не в Кяхту, а в Бийск, далее Барнаул и Омск, и расстреляли в Новониколаевске в ночь с 16 на 17 июня 1922 г. См.: Елена Комиссарова, Русские эмигранты в Синьцзяне// Алтайская правда N 274 - 276 (24265-24267), 23 сентября 2005 г. <http://www.gorno-altaisk.ru/archive/2005/40/009.htm>

¹³² ГАРФ, ф. 6094, оп.1, д.4, л.25.

нако эти надежды рухнули. В 1923 г. советская власть ужесточила пограничный режим, закрыв китайскую границу на замок.¹³³ В 1923-1924 гг. Советская власть окрепла. Большевики расправились со своими политическими оппонентами - эсерами, кадетами, меньшевиками, и другими. Национальные интеллектуалы, в том числе мусульманские, были взяты под жесткий контроль. Интерес к эмигрантам начал падать. Партийно-советская пресса пропагандировала идеологию отрицания эмиграции.¹³⁴ В свою очередь, эмиграция все больше отгораживалась от России. Видя все это, эмигранты впадали в глубокое разочарование. От задач борьбы против Советской власти они начали переход к, пожалуй, более сложным, проблемам адаптации к жизни на чужбине.

К 1926 г. общая численность русских беженцев, осевших в Синьцзяне, оценивалась примерно в 6 тысяч, если считать собственно русских, и не принимать в расчет бывших русскоподданных казахов, киргиз, татар и прочих.¹³⁵ Многие русские занялись торговлей, другие - промыслами (рыбным, лесным). Некоторые ушли в столярное, сапожное, портняжное и другие ремесла. Другие занялись хлебопашеством и скотоводством. Бывшие чиновники и офицеры охотно шли на службу к местным богатым мусульманам и китайцам в качестве конторщиков, приказчиков.

Многие русские внесли достойный вклад в экономическое и культурное развитие Синьцзяня. Уже через год после перехода границы русские построили на ручьях вокруг Кульджи мельницы, наладили образцовое сельское хозяйство. Беженец, молодой инженер Н. Н. Ятченя, находясь на службе у генерал-губернатора, построил дамбу на реке Или, несколько домов в Кульдже и Суйдуне, спроектировал несколько автодорог. В Илийском округе казаки из Семиречья ввели культуру высших сортов табака. На ее основе в Синьцзяне были построены три табачные фабрики, снабжавшие своей продукцией весь край. Русские врачи, фельдшеры и акушеры, с большим трудом добывая медикаменты из Тяньзиня и России, пытались наладить в Синьцзяне оказание врачебной помощи населению. Немало русских было в рядах учителей в китайских и мусульманских школах. В Урумчи бывшие чиновники русского консульства Недачин и Медведев, а также офицеры Николаев и Шабала преподавали в китайском юридическом институте. Муфлоны (дубленые шкуры) русской выделки из Синьцзяня тысячами выбрасывались на рынки Тяньзиня и других китайских городов. В Урумчи и Кульдже работали три винокуренных и три пивоваренных завода, построенных при помощи русских. Именно русские эмигранты впервые ввели в Синьцзянь культуру пчеловодства.¹³⁶ Русские беженцы проявили себя не только трудолюбивыми, но и предприимчивыми людьми.

¹³³ Петров В. И. С. 326.

¹³⁴ Костиков В. Указ. соч. С.192-193.

¹³⁵ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.91, л.137.

¹³⁶ *Руль* (Берлин), 1926, 26 февраля.

ми. В Кульдже они создали акционерное общество и совместно построили электростанцию, которая давала энергию маслобойному и мукомольному заводам. В том же городе эмигранты построили православный храм, в который была помещена вывезенная дутовцами в 1920 г. Табынская Чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

Однако, место русских в истории страны, давшей им приют, не исчерпывается вкладом в ее экономическое и культурное развитие. История русских, волей случая оказавшихся в Китае, удивительным образом переплелась с историей этой великой страны и стала фактом этой истории, реальная значимость которого еще полностью не оценена.

Какова была общая политическая ситуация в Китае? Начать следует с того, что 12 февраля 1912 г., в результате Синьхайской революции, манчжурская династия Цинь была свергнута. Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине, но ради сохранения единства страны, после низвержения монархии он согласился отказаться от поста президента в пользу Юань Шикая. В период с 1916 по 1928 гг. - от смерти отца китайского милитаризма Юань Шикая до формального объединения под властью Чан Кайши - в стране фактически существовало два правительства: северных милитаристов в Пекине и Сунь Ят-сена в Гуанчжоу. Северные милитаристы были более сильными и многочисленными. Они были объединены в следующие группировки: чжилийскую во главе с У Пэйфу, аньхойскую (Дуань Цижуй) и фэнтяньскую (Чжан Цзолин). Этот период китайской истории оценивается по-разному. Западные исследователи считают, что господство милитаристов было отмечено хаосом и тщетными попытками добиться воссоединения Китая. Они совершенно справедливо указывают на политическую слабость и коррумпированность местных правителей того периода. Но в то же время указывается, что милитаристы выполнили очень важную роль, избавив китайскую политику от необходимости следовать отвлеченным нравоучениям ученого класса и очистив ее от косности имперских чиновников.¹³⁷ В коммунистическом Китае к милитаристам («джунфа») относятся отрицательно, ссылаясь на разгром партией Гоминьдан коммунистов в Шанхае в 1927 г. С тех пор в официальной китайской историографии милитаристы изображаются компрадорским классом, прислуживавшим западному империализму.¹³⁸

Китайские милитаристы, взяв себе титул «дучюня» (советника по военным делам или военного губернатора), обладали почти неограниченной властью в своих провинциях. Они выполняли несвойственные им гражданс-

¹³⁷ В последние годы, в связи с полемикой о федерализме, демократизации и децентрализации власти в Китае, ученые вернулись к дебатам о милитаристах. Rich Paul B. "The Emergence and Significance of Warlordism in International Politics", Paul Rich (ed.) *Warlordism in International Politics*. New York: Macmillan Press LTD, 1999, 3.

¹³⁸ Там же.

кие функции, при этом отдавая предпочтение применению военной силы. Во внешнеполитической деятельности они проявляли полную самостоятельность. В частности, губернаторы северных провинций строили свои взаимоотношения с русскими - как белыми, так и красными - исходя из своих собственных интересов. Например, когда Унгерн захватил Ургу, правительство Китая дало распоряжение об организации военной экспедиции в Монголию с целью подавить барона. Но Чжан Цзолинь, правитель Манчжурии, войска в Монголию не послал. Более того, китайцы оказывали белогвардейцам знаки внимания, тайно их поддерживали. Это выразилось, в частности, в том, что милитаристы брали на службу русских офицеров. Согласно советско-китайскому соглашению 1924 г., пекинское правительство обязывалось не брать бывших российских поданных на службу в китайскую армию. Однако это условие выполнялось далеко не всегда. В результате, остатки белых армий оказались не только свидетелями, но и участниками развернувшейся в 1920-х и 1930-х гг. внутренней войны и борьбы за власть и влияние различных китайских маршалов и генералов.

Чем объяснить участие русских в чужой для них китайской гражданской войне? Прежде всего, это была возможность заработать и сохранить свои военные порядки еще на какое-то время. Русские солдаты были известны как хорошие воины и поэтому их желали заполучить различные китайские военачальники. Многие из белогвардейцев не могли, или не хотели заняться мирным трудом и, в конце-концов, становились наемниками в китайских армиях. Помимо материальной, была и другая причина вовлечения русских в китайскую междоусобицу.

Гражданская война в Китае стала еще одним рубежом размежевания русских. Многие из белогвардейцев встали на сторону китайского маршала Чжан Цзолиня, который действовал против “красного” генерала Фэн Юй-сяня, в свою очередь сочувственно относившегося к национально-освободительному движению. Известно, что в войске Фэна был небольшой отряд русских большевиков во главе с Гуциным.¹³⁹ Советниками Фэна был военспец В. М.Примаков¹⁴⁰, чекисты М. Зюк, А. Карпенко, Б. Кузьмичев, М. Довгаль и др. Именно они заманили атамана Анненкова в ловушку в 1926 г. Белогвардейцы отождествляли свое участие в гражданской войне в Китае с продолжением борьбы против Советов. В 1923 г. на службе у генерала Чжан Цзучана, сподвижника Чжан Цзолиня, состоял хорошо организованный русский отряд из трех сотен человек, находившийся под командованием генерала Нечаева, бывшего командующего кавалерией генерала Каппеля. Этот отряд сражался на стороне Мукденской военной группировки с 1923 по 1928 гг.¹⁴¹

¹³⁹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.91, л.135.

¹⁴⁰ В 1929 г. Виталий Примаков возглавит советское вторжение в Афганистан.

Об этом эпизоде речь пойдет в следующей главе.

¹⁴¹ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.91, л.134.

Что собой представляли китайские войска периода господства милитаристов? Советский военный советник при правительстве Сунь Ят-сена писал по этому поводу:

“То, что является вооруженными силами Юга, очень далеко от того же в европейском значении этого слова. Организация этих наемных армий (которые можно характеризовать как наемные) в значительной мере напоминает внешне нашу армию в начале гражданской войны . . . Если кому-нибудь из генералов нужны войска, он просто объявляет о том, что нанимает всех желающих сражаться под его командованием.”¹⁴²

Чаще всего, набор в армию китайских милитаристов проходил за счет беднейшего китайского крестьянства, привлеченного престижем того или иного военачальника и возможностью обогатиться за счет грабежа. Во главе этих формирований стояли, как правило, офицеры распавшейся армии китайской империи.

В начале 1920-х гг. китайские коммунисты вошли в гоминдановское правительство Юга. Его лидер Сунь Ят-сен вступил в переговоры с Советским правительством. Его интересовало, в первую очередь, изучение и возможное использование русского “революционного” опыта. Кроме того, он стремился обрести в лице СССР надежного союзника в своей борьбе объединить Китай. В сентябре 1923 г. Сунь Ят-сен послал миссию, возглавлявшуюся Чан Кайши в Москву.¹⁴³ Китайцы вели долгие переговоры с Яном Рудзутаком и другими видными большевиками. Обе стороны договорились подготовить военную операцию, которая обрела позже название “Северный поход”. В январе 1924 г. первый съезд партии Гоминьдан в Кантоне одобрил курс на сотрудничество с Коммунистической партией Китая.¹⁴⁴ Вскоре после этого, Советское правительство направило 2 млн. мексиканских долларов правительству Юга.

Рудзук и советские военные руководители были осведомлены о реальных революционных возможностях народов Востока в достаточной степени, чтобы предостеречь китайцев от военного выступления до того, как созреют конкретные условия. Говоря “конкретные условия”, большевики имели ввиду гарантии того, что революционная война будет поддержана народом.

“К военным операциям в широком масштабе можно будет приступить только тогда, когда будет проделана большая политическая работа, будут подготовлены внутренние предпосылки”, предупреждал китайцев заместитель Революционного Военного Совета (РВС) Скланский.¹⁴⁵

¹⁴² Картунова А.И. *В.К. Блюхер в Китае*. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1979. С.32.

¹⁴³ Картунова А.И. Указ. соч. С.20.

¹⁴⁴ Clubb E., *Century China*. New York & London: Columbia University Press, 122.

¹⁴⁵ Картунова А.И. Указ. соч. С. 24.

Совершенно очевидно, что этот дельный совет был дан с учетом уроков революционных войн в Бухаре, Туркестане и споров о “Красном Синьцзяне”. Опыт, полученный советскими политиками в Средней Азии учил, что торопливо проведенные “революции”, как правило, вызывают несогласие и даже военное сопротивление со стороны “восточных народов”. В случае с Китаем 1920-х гг. было рекомендовано сосредоточиться на “подготовке внутренних предпосылок” до того как начать войну.

Тем не менее, стороны решились на Северный поход. Он был подготовлен и проведен благодаря группе советских советников во главе с Блюхером. Национально-революционная армия Китая (НРА) под командованием Чан Кайши начала его в июле 1926 г. в провинции Гуандун и закончила освобождением Нанкина и Шанхая в 1927. В отражении этого наступления в провинции Шандунь большую роль сыграли русские. Технические войска северян, прежде всего бронепоезда, почти полностью состояли из русских офицеров- «капеллецев» и «семеновцев». ¹⁴⁶ Но участие русских белоэмигрантов на стороне «северян» не спасло последних от поражения.

По мере развития Северного похода, к НРА присоединялись отряды побежденных армий. Это обстоятельство повлияло не только на состав, но и настроение армии. Революционный дух уступал место более традиционному, китайскому подходу. На местах власть захватывалась военными, которые взяли на себя политические и гражданские функции, что было нормой для конфуцианского Китая.

Благодаря Северному походу Китай был объединен. Однако, как и предсказывали Рудзутак и Склянский, «внутренние предпосылки» для революции не оказались достаточно созревшими. Гоминдановцев насторожило стремление коммунистов манипулировать миллионными массами бедного крестьянства и их намерения использовать структуры Гоминьдана для захвата власти и установления своей диктатуры. Хотя Кремль в 1920-х гг. проводил активную политику в Китае, его планам сблизиться с этой страной не суждено было свершиться. Китайские коммунисты были изгнаны из Гоминьдана, а советские идеологические и военные советники, во главе с Бородиным и Блюхером покинули Китай в 1926-1927 гг. Правые гоминдановцы во главе с Чан Кай-ши совершили в апреле 1927 г. антикоммунистические перевороты в Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу и других городах Восточного и Южного Китая. Поражение просоветских китайских партий означало победу рационального старомодного китайского милитаризма над порывом китайских революционеров, воодушевленных русским примером. К концу 1920-х гг. волна китайской революции быстро пошла на убыль. ¹⁴⁷ СССР назвал это поражение «временной неудачей».

¹⁴⁶ «Гражданская война в Китае 1924-1928. Красный командарм Блюхер против русского генерала Нечаева» <http://www.anticom.ru/comin3.html>

¹⁴⁷ Clubb E., Op. cit., 140.

В это же время закатилась и звезда могущественного маньчжурского генерала Чжан Цзолия. Японская интервенция весны 1928 г. приблизила поражение его группировки, а 4 июня личный поезд генерала подорвался близ его родного Мукдена.¹⁴⁸ Смерть Чжан Цзолия означала крах одного из последних дучзюней, представителей старой феодальной бюрократии. После этого, Пекинское дучзюньское правительство прекратило свое существование, уступив место Национальному правительству Гоминьдан, основанному Чан Кайши в Нанкине в октябре 1928 г.

Отдаленный от центральных, восточных и южных провинций Синьцзянь не был в центре боевых действий милитаристов. Губернатор провинции придерживался политики нейтралитета во внутренних китайских делах и, независимо от центрального правительства, установил деловые отношения с властями прилегающих советских территорий. Какое-то время он опасался, что провинция будет оккупирована генералом Фэн Юй-сянем, отступавшим под ударами южной группировки. Губернатор Ян обсудил сложившуюся ситуацию с советскими представителями и был найден разумный компромисс. Было принято решение открыть автодорогу от сибирской границы до Урумчи. Она позволила СССР поставлять оружие своему китайскому союзнику Фэну не только через Монголию, но и Синьцзянь. В ответ на это СССР обещал не допустить Фэна и его войска в Синьцзяньскую провинцию.

Всесильная власть губернатора Ян Цзен-синя закончилась в июле 1928 г. В результате заговора, организованного комиссаром по национальным делам провинции Фан Яо-нанем, он был убит. Тогда же в Синьцзяне, как и в других провинциях признавших власть нанкинское (национальное) правительства, было образовано местное национальное правительство во главе с Чин Шуженем (Цзинь Шужень, Chen Shu-jen).¹⁴⁹ Чин происходил из китайцев хань провинции Ганьсу. С китайской точки зрения, его правление, длившееся пять лет, нельзя признать удачным из-за коррумпированности чиновников, непомерных налогов, взимаемых с населения и, самое главное, допущенного им обострения отношений между мусульманами и китайцами (ханьцами).¹⁵⁰

Изменение политики по отношению к мусульманам было одной из принципиальных ошибок Чина. Он отказался от политики строгого, но разумного удерживания, проводившейся его предшественником, в пользу прямого нажима. Когда в марте 1930 г. скончался местный правитель города Кумула (по-китайски: Хами), уйгур по имени Максуд шах, китайцы вдобавок к увеличению поборов, попытались навязать мусульманам прямую китайскую администрацию, ликвидировав прежнюю, основанную на

¹⁴⁸ Clubb E., Op. cit., 144.

¹⁴⁹ Владимиров Б. «Предисловие». Скрин А. *Китайский Туркестан*. 1930. С.12.

патронаже местных, лояльных им правителей.¹⁵¹ Вдобавок, Чин Шужень переселил в Синьцзянь своих земляков - голодающих ханьцев из соседней Ганьсу.

Такая политика означала агрессивную китайско-ханьскую колонизацию края. Замена косвенного контроля региона прямым правлением из Урумчи и Пекина, и постепенное превращение тюрков Синьцзяня в конфуцианских китайцев, предпринятое в самом конце 1920-х гг. было продуманной политикой нового национального правительства.¹⁵² Она сопровождалась притеснением и дискриминацией мусульман. Китайцы поощряли расовые предрассудки, допускали пренебрежительное и даже враждебное отношение к исламу и мусульманам. В частности, под предлогом недопущения вывоза денег из пределов провинции, запрещалось совершать хадж в Мекку.¹⁵³

Новые власти поддерживали распространение китайского языка за счет притеснения местного. Они также поощряли браки китайцев на местных мусульманках, что было недопустимо с точки зрения исламских канонов. Эти и другие причины вызвали народное восстание, начавшееся в Хами в конце 1930 г. Непосредственным поводом для восстания послужил факт изнасилования местной девушки китайским сборщиком налогов.¹⁵⁴ Восстание было поднято уйгурами (оседлыми тюрками-мусульманами), на помощь к которым в начале 1931 г. прибыл из Ганьсу молодой мятежный китайский мусульманский генерал Ма Джунин (Ма Дзуин, Ма Chung-yin).

Ма Джунин, которого также называли “Большой конь”¹⁵⁵ - еще один (наряду с Якуббеком, Энвером, Бачаи Сако и Амануллой) амбициозный претендент на владение “среднеазиатской империей”, сторонник джихада против инородцев, занявших Среднюю Азию. Известный знаток Средней Азии, швед Свен Хедин, путешествовавший в то время по Западному Китаю и встречавшийся с нашим героем, писал, что Ма считал себя Тамерланом и мечтал завоевать весь мир с помощью Германии, Турции и России.¹⁵⁶ Он был представителем влиятельного дунганского клана Ма.

¹⁵¹ После захвата Синьцзяня Цзо Цунтаном в 1870-х, некоторым районам провинции было разрешено сохранять полу-автономию, нечто вроде владений раджей в Британской Индии. Сам Максуд шах – правитель Кумульского ханства, которого прозывали «Властелином Гоби» был лояльным китайцам правителем. В 1930 г. он являлся последним независимым ханом Средней Азии. См.: Forbes, D. W. *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang 1911-1949*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1986, 44.

¹⁵² Christian Tyler, *Wild West China: The Taming of Xinjiang*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2004. 89-90.

¹⁵³ Forbes E. D. W., *Op. cit.*, 42

¹⁵⁴ На версии с изнасилованием настаивала уйгурская сторона. По другим сведениям, речь шла о намерении китайца жениться на местной девушке.

¹⁵⁵ «Ма» - китайское производное от «Мухаммад». Оно переводится на китайский как: «конь».

¹⁵⁶ См.: Clubb E., *Op. cit.*, 179.

Дунганские вооруженные силы Ганьсу были фактически независимыми хотя номинально входили в Китайскую Национальную Армию Чан Кайши. Командир Дунганской дивизии 22-летний генерал Ма Джуниин некоторое время обучался в военной академии Гоминьдана, но устав от скучных лекций, быстро вернулся домой и вскоре взял всю прилегающую к Синьцзяню западную часть Ганьсу под свой контроль.¹⁵⁷ В отличие от синьцзянских уйгуров, Ма был не тюрком, а дунганином, то есть китайским мусульманином. Однако он недолго любил ханьцев и симпатизировал синьцзянским и среднеазиатским мусульманам. Восстание мусульман в Синьцзяне давало Ма Джуниину шанс направить его против “неверного” китайского правления и возглавить самому борьбу за некую мусульманскую империю в Западном Китае и Средней Азии. Так, в 1930 г. Синьцзян был вовлечен в “джихад” против китайских властей, который длился четыре года и стоил 100 000 жизней китайцев, уйгуров, дунган, казахов, киргизов и русских.

Ситуацию осложняло то обстоятельство, что тюрки восстали против местных властей, которые подчинялись Нанкину номинально. О сепаратизме, то есть отделении провинции от Китая, в начале восстания не было и речи. Восстание кумульцев было направлено не столько против центрального правительства, сколько против местной власти. К тому же, к восставшим уйгурам пришла помощь от китайца-мусульманина, который обожал Чан Кайши и его националистическое, нанкинское правительство. К слову сказать, против урумчинского правительства выступали и собственно ханьцы, в частности, противники губернатора. Проживавшие в провинции монголы заняли нейтральную позицию. И, наконец, тюрки и дунгане, хоть и объединенные одной религией, видели свое будущее по-разному. Между ними всегда сохранялись различия, в том числе расовые и языковые. Эти различия стали причиной острой межфракционной борьбы как между дунганцами и тюрками, так и между самими тюрками.

Тем не менее, в начале восстания Ма удается объединить и тех и других. В апреле 1931 г. Ма Джуниин организовал осаду Кумула. Тогда же объединенные силы уйгур и дунган двинулись на юг – в Хотан и Яркенд. Китайцы не могли остановить мусульман, уничтожавших “неверных” (как мирных, так и вооруженных) в огромном количестве. Тем временем, русские эмигранты организовали отряды самообороны в северном, Илийском, районе. В начале 1931 г., когда движение еще не приняло больших размеров, русские в Или организовали отряд из 3-х сотен.¹⁵⁸ У Турфана (город на полпути от Урумчи до Хами) Ма получил отпор благодаря, главным образом, умелым действиям русских пулеметчиков. В Урумчи также был набран конный русский отряд в количестве 180 человек и была

¹⁵⁷ Hopkirk P., Op.cit, 217; Hedin, Sven. *The Flight of Big Hourse*, 5.

¹⁵⁸ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.8, л.37.

принята на службу бывшая батарея атамана Анненкова. Командовал отрядом сотник Франк, а батареей - полковник Кузнецов. Русские вступили в военные действия, в результате которых восставшие отступили: дунгане - обратно к себе в Ганьсу, уйгуры - в горы. Опасаясь нового наступления, китайцы решили мобилизовать всех русских эмигрантов из остатков отрядов Дутова и Анненкова. Мобилизация, как оправдывались позже сами русские, была принудительной. Было, по их словам, объявлено, что те, кто не пожелает пойти на китайскую службу, в 24 часа будут высланы в СССР.¹⁵⁹ Другой автор указывал, что Чин приказал арестовать русских женщин, чтобы заставить их мужей воевать на стороне китайцев.¹⁶⁰ В результате был набран отряд из двух пехотных и одного кавалерийского полка, равный китайской дивизии - 1, 5 тысяч человек. Возглавил его бывший ближайший сподвижник Дутова, полковник генерального штаба Павел Петрович Паппенгут.¹⁶¹ По сведениям самих китайцев и находившихся в провинции европейцев, русская эмиграционная армия (по-китайски: «куея чун») явилась наиболее боеспособной частью китайских войск.

В октябре 1931 г. Ма получил ранение и отступил в Ганьсу. Восстание, тем временем, развивалось своим ходом, перекидываясь на другие районы провинции.

А как отнесся СССР к восстанию дунган и уйгур? Отношение Советской власти к событиям в Синьцзяне в начале 1930-х гг. было неоднозначным. Традиционно, СССР имел достаточно миролюбивые отношения с китайской администрацией провинции. Соответственно, мирные аккорды преобладали в отношении китайцев к Советской власти. Правительство провинции проводило собственную советскую политику, игнорируя центральное правительство, и развивало различные контакты с сопредельными территориями СССР. Как уже указывалось ранее, основой такого согласия было общее желание сохранить свою власть на этих отдаленных мусульманских окраинах. Согласно советско-китайскому договору 1924 г., Советский Союз оказывал помощь синьцзянскому правительству, снабжая его военным снаряжением. В Урумчи 8 советских аэропланов с советскими легчиками находились в качестве гаранта баланса имперских интересов в Западном Китае.

В начале 1930-х гг. Советское правительство - как и десять лет назад в эпизоде с “Красным Кашгаром” - встало перед знакомой дилеммой: поддержать народное восстание во имя идей “мировой революции” или спасти феодально-милитаристский режим соседней страны?

Без сомнения, Ма способствовал росту национального самосознания дунган, уйгуров, казахов, киргизов, а также монголов и объединял их в

¹⁵⁹ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.137.

¹⁶⁰ Forbes E. D. W., Op. cit., 100.

¹⁶¹ Там же. В отряде самого Паппенгута было от 300 до 500 бойцов.

общей борьбе против китайского владычества. С этой точки зрения он был союзником коммунистов. Эмигрантские источники свидетельствуют, что китайские мусульмане получали оружие из России, доставлявшееся через Внешнюю Монголию.¹⁶² На протяжении 1930-х и 1940-х гг. СССР оказывал всевозможную, в том числе военную, помощь восставшим национальным меньшинствам Синьцзяня.

С другой стороны, Советское государство никогда не игнорировало свои собственные национальные интересы, даже если они противоречили большевистской доктрине. Москва не могла в открытую помогать местному восстанию в отдаленном районе Китая, потому что эта поддержка могла угрожать советско-китайским отношениям и получить неблагоприятный отклик среди третьих стран. Кроме того СССР знал, что в окружении Ма Джунина находились японские милитаристы и турецкие националистические агенты, и это могло повредить советским интересам в регионе.¹⁶³ Перспектива образования под своим боком тюркского националистического антисоветского государства его совершенно не устраивала.

Однако более правильным было бы рассматривать события в Синьцзяне с позиций китайской революции 1924-1927 гг. и политики Сталина на Востоке. После не совсем удачных революционных опытов на Среднем Востоке, СССР и Коминтерн в своей восточной стратегии основное внимание стали уделять именно Китаю. Главной составляющей их политики была опора на националистическую партию Гоминьдан, во главе с видным революционером Сунь Ят-сеном. Флирт РКП (б) с Гоминьданом удерживал Сталина от действий, которые могли быть расценены Сунь Ят-сеном, а после его смерти в 1925 г., Чан Кайши, как угроза единству Китая. В то же время, СССР не мог прямо помогать китайцам, которые подавляли мусульман в Китае. Судя по всему, в конце-концов в Кремле была подготовлена двух-ходовая комбинация. Первым ее шагом было взятие ситуации под контроль, путем поддержки обеих сторон и перевода конфликта в состояние продолжительной войны. При этом закрывались пути каждой из противоборствующих сторон к единоличному доминированию. На втором этапе предполагалось вмешательство СССР и поддержка китайцев в их борьбе против мусульман, для того, чтобы диктовать условия ослабленному союзнику и усилить, таким образом, советское влияние в регионе. Был также разработан специальный подход к побежденным мусульманам. Предполагалось взять их руководителей под покровительство Москвы и предоставить им убежище, в частности, под предлогом приглашения на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (действовал с 1921 до середины 1930-х гг.), с тем, чтобы использовать в

¹⁶² ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.137.

¹⁶³ Командующим штабом у него служил турок Кемал Кая Эфенди. Среди советников Ма были также немецкие офицеры и представители других национальностей. См.: Wu, Aithcen, 75-76.

дальнейшем в качестве потенциальной угрозы китайцам. Как мы убедимся ниже, СССР успешно реализовал эту схему. Важным шагом для ее воплощения явился незаконный, по сути, договор с СССР заключенный Чином в октябре 1931 г. Он предоставил Советской стороне неограниченные торговые преференции, в ответ на оказание военной помощи провинциальному правительству.¹⁶⁴ Согласно этому договору, СССР открыл 8 торговых представительств по всей провинции. Не секрет, что в их состав были включены профессиональные разведчики-эксперты в области проведения «революционных войн».

Интересен и другой вопрос: почему русские эмигранты встали на сторону китайского меньшинства в этой ожесточенной борьбе? Вероятно, туда их привел элементарный инстинкт самосохранения. Мусульмане рассматривали и китайцев и русских как враждебных чужаков, “неверных”. Кроме того, к началу восстания часть русских уже имела китайское подданство и находилась на службе у китайцев. Вероятно, по указанным причинам русские поддержали китайцев в их противостоянии с мусульманами.

В литературе, особенно советской, много писалось об опасности английского, японского и даже турецкого проникновения в Синьцзянь. Тем самым оправдывалось советское вмешательство в китайские дела. На самом деле, все это время (1912-1944 гг.) Синьцзянь оставался на задворках мировой политики. Англия с ее военной немощью и обилием других проблем не интересовалась завоеванием этой отдаленной китайской провинции. Япония, занятая проблемами аннексии Манчжурии, также не предпринимала серьезных действий в Синьцзяне. Японский, а также турецкий след виден лишь в том, что дунганские и уйгурские лидеры имели при себе несколько инструкторов, которые были скорее военными авантюристами и индивидуальными джихадистами (главным образом турки и арабы), чем агентами своих правительств. Даже нанкинскому правительству Чан Кайши было не до Синьцзяня. Ему приходилось основное внимание уделять борьбе с китайскими коммунистами и Японией. Конечно, Чан Кайши выражал постоянный интерес к тому, что происходило на северо-западе. Однако, его правительство испытывало недостаток ресурсов и реального политического веса, чтобы оказывать существенное влияние на события в Синьцзяне. На противодействии японской угрозе, впрочем, настаивал губернатор Синьцзяня в 1933-1944 г. Шен Шикай. Он это делал в своих мемуарах, вышедших на Тайване в 1958 г.

«Япония надеялась отрезать Китай от всего мира путем блокады с моря и суши. Именно поэтому японцы разжигали мусульманские восстания и заговоры в Синьцзяне. Их целью была блокада жизненно

¹⁶⁴ Этот договор был незаконным потому, что был заключен между правительством страны (СССР) и китайской провинцией, без санкции центрального правительства Китая.

важных сухопутных путей между Китаем и его потенциальными союзниками».¹⁶⁵

Шен считал, что во время его правления существовал заговор между троцкистами в советском руководстве и германскими и японскими империалистами. Однако реальный политический вес Германии и Японии не шел ни в какое сравнение в советским влиянием. Вплоть до самого 1949 г. единственным реальным игроком на «Синьцзянском поле» оставался СССР. Во многом из-за отсутствия равных ему по весу противников, Советский Союз преуспел в этой приграничной провинции.

На мирный характер отношений правительства Урумчи и СССР оказал влияние тот факт, что оба режима были репрессивными. Их отличала крайняя подозрительность, непримиримость и жестокость к своим явным и мнимым противникам. В частности, политика насильственной коллективизации казахов и киргизов, проводившаяся Сталиным, оказала свое влияние на положение в районе китайско-советской границы в Синьцзяне, а именно в районе Тянь-Шаня, вдоль которого, с запада на восток простирается условная линия, разделяющая северный Синьцзянь от южного. В марте 1932 г. огромное количество преследуемых войсками НКВД принарынских киргизов перешло границу. Возмущенные тем, что у них обобществляют скот и отбирают пастбища, киргизы, поддержанные своими китайскими братьями, подняли восстание. Они громили пограничные посты, совершали набеги на советскую территорию. В результате этих действий весной того года было убито 37 советских военнослужащих и один китайский чиновник.¹⁶⁶

Лояльное Урумчи правительство Кашгара (юга провинции), обеспокоенное киргизским бунтом под руководством Ид Мираба, собрало войска, в котором преобладали дунгане, и под командованием бригадира Яна, в июле 1932 г. отправил их в Тянь-Шань. Поддержанные советскими войсками, китайцы провели карательные операции против киргизских повстанцев. В составе китайских войск были в основном необученные, деклассированные криминальные элементы. Обкуренные опиумом, они жестоко расправлялись с киргизами. Прижатые к границе, некоторые из них были вынуждены спасаться там, откуда недавно их вынудили бежать – в СССР. Для того чтобы подчинить себе киргизов, Ян захватил 70 заложников из различных киргизских племен. Эти горцы были перевезены в долину – в Хотан и другие южные города, где они вынуждены были жить в непривычных для них условиях в качестве арестантов.

Таким образом, губернатор Чин сумел с пользой для себя воспользоваться передышкой, связанной с уходом Ма Джунина в Ганьсу и ценой больших жертв усмирить непокорных тянь-шаньских кочевников. Вместе

¹⁶⁵ Whiting Allen S. and General Sheng Shih-ts'ai. *Sinkiang: pawn or pivot?* Michigan State University Press, 1958.175

¹⁶⁶ Forbes E. D. W., Op. cit, 71.

с тем, тюрки Синьцзяня, в том числе киргизы, под руководством Османали и уйгуры кашгарца Тимура, явились свидетелями советско-китайского сотрудничества в деле подавления мусульманского восстания. Они также видели растущую военную зависимость провинции от СССР. Это еще больше убеждало их в необходимости самой решительной борьбы за независимость. Расправа над восставшими киргизами Ид Мираба, настроила кашгарских тюрков как против китайцев, так и против дунган.

Осенью 1932 г. возобновились военные действия на севере провинции. В ноябре китайские части, усиленные тремя сотнями мобилизованных русских казаков, из Илийской долины направились на подавление восстания хамийцев Хаджи Нияза (заместителя Максуд шаха) и Йулбарсхана. В это время, с севера, со стороны Пичана (близ Баркуля) появились дунгане. Произошел ожесточенный бой, в результате которого, по словам русских эмигрантов, уйгуры и дунгане потерпели поражение, а сам город Пичан “был стерт с лица земли”.¹⁶⁷ Затем русские и китайцы пошли на Турфан и дали там еще один бой, длившийся 4 дня. По словам белоказарков, он закончился поражением мусульман.

В первой половине января 1933 г., в истории Синьцзяня произошло важное событие, в котором решающую роль сыграли русские. Тогда, во время страшных холодов, восставшие мусульмане предприняли штурм Урумчи, поголовно уничтожая все китайское население. Командовал дунганским войском верный Ма Джунину дунганский командир Ма Шинмин. Как вспоминал русский эмигрант Серебренников, за время этого похода отряд мусульман уничтожил до 20 тысяч китайцев.¹⁶⁸ Когда дунгане достигли ворот Урумчи в феврале 1933 г., по утверждению Свена Хедина, свидетеля тех событий, китайцы оказались в полной растерянности. Губернатор обратился к русским за помощью, после того, как последним было отведено место в укреплении в китайской части города. Китайский чиновник Ай Чен-Ву, посланный в это время нанкинским правительством инспектировать Синьцзянь, писал:

«Артиллерийские залпы сотрясали окна. Мусульмане подошли к самым воротам (города). Единственной надеждой оставалась стойкая, пропитанная водкой когорта из 300 белогвардейцев, под командованием бывшего царского офицера Паппенгута».¹⁶⁹

Сам Паппенгут, описывая это событие, был краток:

“Чтобы спасти себя и китайское население от поголовного истребления мы решились. Был выбран подходящий момент . . . после короткого боя город остался за нами.”¹⁷⁰

¹⁶⁷ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.137.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Christian Tyler, *Wild West China: The Taming of Xinjiang*, 104.

¹⁷⁰ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д.8, л.38.

Хедин дает более подробные обстоятельства спасения Урумчи. По его словам, 21 февраля 1933 г. русские, количеством 300 бойцов, заняв позиции в западной части города, вступили в бой. Правительственные войска поддержали их, пустив в ход артиллерию, стрелявшую прямо по домам жителей. В ходе тех боев, китайцы подожгли целую улицу, носившую название «Улица Малой Религии» и населенную мусульманами. Два дня, по словам Хедина и Ай-Чен Ву, продолжалась настоящая бойня, сопровождавшаяся пожарами. Западные миссии, расположенные в Урумчи оказывали помощь раненым. Их поразила жестокость, проявленная обеими сторонами. «Людей не просто убивали, а терзали до смерти», вспоминал Хедин. По его словам, китайцами было казнено бесчисленное количество людей, заподозренных в симпатии к повстанцам. Шесть тысяч мирных жителей остались лежать мертвыми среди руин.¹⁷¹ Несмотря на проявленное упорство и понесенные огромные потери, повстанцы на следующий день отступили в горы. Город был спасен. Ситуация окончательно стабилизировалась по прибытии войск губернатора Чина. Ай-Чен Ву отметил особую заслугу русских в оказании помощи правительству Синьцзяня. Затем отряд из 200 белоказачков нанес сокрушительное поражение отряду из 600 мусульман, спешивших на выручку повстанцам.¹⁷² Отступившее мусульманское войско на своем пути уничтожало всех, кто не желал присоединиться к восставшим. В этих боях русские, благодаря высокой воинской дисциплине и выучке, понесли сравнительно небольшие потери.

В 1933 г. в Синьцзяне царил настоящий хаос. На юге, сразу после того как он в мае пал в руки восставших, начались распри между тюрками и дунганями. В результате, дунганский генерал Ма Шинцзинь был изолирован в Кашгаре, занятом тюрками – киргизами Османали и уйгурами Тимура. На Алтае, в районе Шарасуме началось восстание казахов киреитов под руководством Шариф Хана. Как писал Серебренников, “в феврале 1933 г. по всему Синьцзяню - от Хами до Кашгара всколыхнулся весь мусульманский мир”.¹⁷³ Об этом же вспоминал Паппенгут 3 августа 1933 г. в письме некоему Н. А. Щелокову в Тяньзинь:

“В начале, когда движение было незначительным, только в Хаминском районе у нас работали 3 сотни . . . Но движение приняло более широкие размеры. В начале этого года восстание захватило весь юг, Алтай и бои шли уже под Урумчи.”¹⁷⁴

Восстания, особенно казахское в Шарасуме, склонили Советский Союз к решению осуществить вмешательство. В конце марта 1933 г. в провинцию из территории СССР вошли китайские войска. Это были вер-

¹⁷¹ Hedin, Sven. *The Flight of Big Hourse*, 7

¹⁷² Wu, Aithchen, *Turkistan Tumult*. Hong Kong: Oxford University Press, 1984, 83.

¹⁷³ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.91, л.138.

¹⁷⁴ ГАРФ, ф.5873, оп.1, д.8, л.38.

ные Гоминьдану части Северо-Восточной Добровольческой Армии генерала Су Пин-вена, бежавшие из Барги от натиска японцев, занявших северную Манчжурию в 1931 г.¹⁷⁵ СССР переправил манчжуров по железной дороге в Советский Горный Алтай и далее в Казахстан. Оттуда, они через Чугучак были направлены в Урумчи. Манчжуры появились как раз кстати, поскольку из Ганьсу на помощь уйгурам двинулись дунгане Ма Джунина.¹⁷⁶ Сразу после перехода советской границы манчжуры стали «умиротворять» казахов. Однако вновь прибывшие не могли предоставить осажденным урумчинцам реальную помощь, так как они были предварительно разоружены на советской территории. Об этом писал Паппенгут. Тем не менее, появление маньчжурской армии придало силы китайцам в их противостоянии с мусульманами. В апреле 1933 г. повстанцы снова приблизились к Урумчи и осадили его, надеясь взять город измором. Скачком цен на продовольствие не преминул воспользоваться губернатор Чин, взявший всю торговлю хлебом в свои руки. На этот раз русские решили не противопоставлять себя мусульманам, а путем заговора сместить непопулярного Чин Шуженя, бездеятельность которого, по мнению многих, вызвала пламя народного восстания. Кроме того, русские были возмущены неблагоприятным к ним отношением со стороны Чина. Он создавал для русских всевозможные трудности, давал плохое оружие и негодных лошадей.¹⁷⁷ Русские считали, что китайцы платят им черной неблагодарностью за спасение Урумчи в феврале 1933 г. Впрочем, Хедин считает, что инициатива свержения Чина принадлежала его китайским противникам, в частности маньчжурам Су Пин-вена, призвавших русских осуществить заговор. Он также указывает, что сами повстанцы согласились сложить оружие в случае отставки Чина. И, наконец, Форбс считает, что Паппенгут обратился к командованию Северо-Восточной Добровольческой Армии с жалобой на Чина и заручился его поддержкой, прежде чем приступить к заговору.¹⁷⁸ Как бы то ни было, вскоре заговор против Чина был осуществлен. Его главными участниками были русские. 12 апреля 1933 г., после небольшой перестрелки, русские заняли резиденцию председателя. Другая группа белогвардейцев заняла позиции за пределами городских ворот. Чин, который догадывался о заговоре и подготовил пути отхода, перепрыгнул через забор своей резиденции и был таков. Его брат Чин Шицин (руководитель военного бюро провинциального правительства) был арестован и позже казнен. Ай Чен-Ву был свидетелем и участником того события. Он писал:

¹⁷⁵ В сентябре 1931 г. японская армия оккупировала Маньчжурию, и годом позже создала марионеточное государство Маньчжоу-го. Hasiotis, Arthur C. *Soviet Political, Economic and Military Involvement in Sinkiang from 1928 to 1949*. New York and London: Garland Publishing, Inc, 1987. 78-79.

¹⁷⁶ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д. 91, л. 138.

¹⁷⁷ Hopkirk, Peter, *Setting the East Ablaze*, 223.

¹⁷⁸ Forbes E. D. W., Op. cit, 106.

«Я отправился на встречу с Чу Фен-лоу – руководителем отдела общественных отношений и Чен Ян-чином – руководителем отдела иностранных дел, но обнаружил, что русские белогвардейцы закрыли все подходы к правительству. Он (Чин) предложил, чтобы чиновники, ответственные за иностранные дела организовали мирные переговоры (с русскими). Однако, не было никого, кому можно было бы поручить это задание. Вечером, я был приглашен на мирные переговоры. Мою охрану обеспечивали два русских солдата. По пути я увидел, что два упомянутых выше руководителя и лидеры русских белогвардейцев уже находятся в приемной. Печати провинциального правительства находились на столе как военные трофеи. Паппенгут – командир белогвардейских войск сказал, что у них не было другого выбора, и они осуществили переворот потому, что Чин Шужень был не в состоянии управлять Синьцзянем. (Он также сказал что) люди умирали от голода. Они (заговорщики) не имели намерений убивать Чина, им нужно было только его отречение от власти. Участники встречи согласились с его (Паппенгута) доводами и решили образовать временный комитет».¹⁷⁹

В целом, Ай Чен-Ву так сформулировал отношение китайцев к перевороту и участию в нем русских.

«Все сошлись на том, что хотя действия русских были жестокими и чрезвычайно опасными для города, они были продиктованы искренней озабоченностью общественным благом, а также собственным благополучием. Поскольку все закончилось без особых осложнений и больших жертв, общественное мнение склонилось в их (русских) пользу. (Люди) больше говорили об их смелости, нежели об их жестокости».¹⁸⁰

Шен Шикай (Sheng Shicai), который позже заменит Чена на посту главы провинции, в своих мемуарах напишет, что переворот был подготовлен Советским Союзом, а сам он (Шен) не имел о нем никакого представления. На самом деле, Шен предусмотрительно покинул Урумчи накануне описываемого события и вернулся в столицу после удачно завершённого переворота, чтобы при поддержке командования Северо-Восточной Добровольческой Армии и русских белогвардейцев возглавить провинцию.¹⁸¹ Таким образом, русские во второй раз спасли Урумчи. Благодаря их отваге и решительности, ненавистный губернатор со своими сторонниками бежал, а его правительство пало. Был создан военный Совет провинции, в который наряду с представителями других народов были включены русские эмигранты.

¹⁷⁹ Hasiotis, Arthur C. Op. cit, 80.

¹⁸⁰ Wu, Aithchen, Op. cit, 114.

¹⁸¹ Forbes E. D. W., Op. cit, 106.

События апреля трудного для русских 1933 года, совпали с православной Пасхой. В тот день русские эмигранты приветствовали друг друга возгласами: «Христос воскрес, Синьцзянь воскрес!»! Этот день принес настоящее облегчение для всей русской общины. Трудно себе представить судьбу русских Западного Китая в случае провала заговора 12 апреля.

В этом эпизоде русские и мусульмане выступили союзниками. Тому были вполне понятные причины, так как большинство русских стали гражданами Китая и требования мусульман о культурой автономии и недопустимости притеснения по религиозному признаку выглядели в глазах русских вполне законными.

Позже Чин пытался взять реванш, обещая вырезать всех русских, но преследуемый тюрками, был вынужден перейти на нелегальное положение. В конце-концов Чин перешел в Советский Казахстан, и далее по Транссибирской железной дороге добрался до Дальнего Востока. Оттуда он прибыл в Нанкин, где и был предан суду в 1933 г. Он был осужден на 7 лет за заключение незаконного договора с СССР и получение отсюда оружия для подавления восстания.

В середине апреля 1933 г. место военного губернатора Синьцзяня занял генерал Шен Шикай (Шэн Шицай, 1892-1970) – способный, но жестокий маньчжурский офицер.¹⁸² Он явился одним из плеяды китайских милитаристов, правивших провинциями Китая с 1912 до 1944 гг.

Шен не стал называть себя губернатором. Взамен, он восстановил старый титул военного губернатора (дубаня). Тем не менее, он являлся фактическим руководителем военной и гражданской администрации провинции с 1933 по 1944 гг. С его правлением связаны не только продолжавшаяся вооруженная борьба, но и значительные политические, социально-экономические и культурные изменения. До прихода к власти Шена, местное тюркское оседлое мусульманское население Синьцзяня называлось «сартами» или, как в соседней Средней Азии, обозначалось по месту проживания (кашгарлык, хотанлык, кумуллык и т. п.). Именно во время Шен Шикая, оно стало обозначаться названием «уйгур». При этом Шен пользовался советами своих советских наставников, которые несколькими годами ранее восстановили этот этноним для обозначения оседлых тюрков-мусульман - выходцев из Китая. В середине 1930-х, помимо уйгуров, составлявших 75% населения края, Шен официально утвердил еще 13 групп, населявших провинцию включая: таранчи, казахов, киргизов, узбеков, татар, таджиков, манчжуров, сибо, салан, ханьцев, дунган, монголов и русских. В отличие от своего предшественника, Шен отказался от политики массового переселения ханьцев. Он провозгласил принцип равноправия национальностей провинции. При этом имелось в виду, что каждая «национальность» имеет право на представительство в органах власти. Следуя

¹⁸² Hedín, Sven. *The Flight of Big Hourse*, 9-10.

примеру советской национальной политики, со второй половины 1930-х гг. Шен начал открывать школы для казахов, киргизов, уйгур, русских и др. При нем начали выпускаться национальные газеты, были открыты театры. В правительство провинции включались национальные кадры – уйгуры, казахи, киргизы, русские. Однако эта политика имела свои негативные стороны. Во-первых, всем декларированным «национальностям» приходилось, отложив общие претензии против китайцев, вступать в острое соперничество друг с другом из-за ресурсов и политического представительства. Это было ничем иным, как проявлением политики «разделяй и властвуй». Для китайцев она нашла свое конкретное выражение в принципе «ю ю жи ю» («контроль над варварами при помощи варваров»)¹⁸³. С этой целью, Шен способствовал развитию национальных кадров, стараясь играть на возникающих при этом противоречиях.

Во-вторых, уравнивание всех национальностей, независимо от их численности, означало приравнивание их к уйгурам, составлявшим в то время абсолютное большинство населения края и мечтавшим об установлении независимого «Уйгуристана» по примеру соседних Афганистана и советских «станов». Результатом такой противоречивой политики Шэн Шицая стало установление в провинции репрессивного режима, который привел к еще большему угнетению местного населения.

Что касается русских, то при Шене они стали официально признанными жителями провинции, обладавшими всеми правами китайских граждан. Фактическим военно-политическим лидером русских эмигрантов являлся полковник Паппенгут – «блестящий, но непредсказуемый офицер», организатор переворота 12 апреля 1933 г.¹⁸⁴ Он не был склонен доверять мусульманам, и настаивал на самых жестких мерах подавления восстания. Паппенгут был категорически против переговоров с Ма Джунингом, который в мае 1933 г. вернулся из Ганьсу в качестве командующего 36-й дивизии Национальной армии Китая (Гоминьдан) и вступил в переговоры с Шеном.¹⁸⁵ Растущее влияние Паппенгута и его неуправляемость не устраивали ни советских представителей, ни китайцев. Он был расстрелян Шеном по настоянию советского консула в Кашгаре Апресова в 10 декабря 1933 г. Вместо него, командиром отряда русских эмигрантов был назначен политически нейтральный генерал Н. И. Бектеев, который позже вошел в правительство провинции как представитель русской общины. Генерал Антонов стал советником военного губернатора Шена.

Приход к власти Шен Шикая после «Апрельской революции» (выражение самого Шена) означал новую фазу развития белой эмиграции в Синь-

¹⁸³ Benson, Linda and Svanberg, Ingvar. *China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks*. М. Е. Sharpe, 67.

¹⁸⁴ Wu, Aithchen, Op. cit., 166.

¹⁸⁵ Forbes E. D. W., Op. cit., 249.

цзяне. Устранение им Паппенгута означало ликвидацию русской эмиграции как самостоятельной антисоветской единицы в противоборстве различных направлений и группировок провинции. Отныне, русские белогвардейцы превратились в послушный и страшный военный инструмент в руках китайцев и стоявших за ними советских представителей.

В мае 1933 г. восставшие под предводительством Ходжа Нияза и Юлбарсхана из Хами вновь попросили помощи Ма Джунина. Как указывалось выше, к тому времени, Ма Джунин был назначен командующим 36-й армией нанкинского правительства. Непонятно, кого именно поддерживал Нанкин в этот период, так как обе воюющие стороны присягали на верность Гоминьдану. Чан Кайши, вероятно, поддерживал попеременно обе стороны, чтобы быть в курсе событий и сделать правильный выбор в нужный момент. В начале, в военном противостоянии с Шеном, Ма Джунин был более удачен. Он захватил Кумул и Гучен. В июне 1933 г., когда Ма подошел к Урумчи, на его пути встали правительственные войска, состоявшие главным образом из манчжуров и русских эмигрантов. На этот раз дунгане, потеряв почти 100 человек убитыми, отступили в Гучен, а затем на Турфан. Война приняла позиционный характер.

Чтобы выиграть в противостоянии с армией Ма Джунина, Шен решил заключить союз с уйгурами Кумула – теми самыми мусульманами, начавшими восстание в 1930 г. В июле 1933 г. он добился соглашения с их лидером Ходжа Ниязом, обещав уйгурам национальную автономию. В ответ Ходжа Нияз обещал передать свои войска в распоряжение Шена и выступить против Ма Джунина.¹⁸⁶ Несмотря на все эти маневры, урумчинское правительство Шена продолжало вызывать острое недовольство населения – как мусульманского, так и китайского.

Тюркско-Исламская Республика Восточный Туркестан

В то время как Шен вступил в острое противостояние с дунганями в Урумчи и Илийском крае, на юге Синьцзяня происходили не менее кровавые и драматические события, которые приблизили прямое советское вмешательство в дела Синьцзянской провинции. В начале апреля 1933 г. киргизы подняли новое восстание в Сугун Карауле - в 65 милях на северо-запад от Кашгара. Киргизы были хорошо вооружены и являлись прекрасными воинами. Они приблизились одновременно к Кашгару и к приграничному советской Киргизии Иркештаму. Кроме того, они разгромили покинутый китайцами пост Булункуль, что в населенном таджиками и киргизами Сарыколе, в непосредственной близости к советскому Памиру.¹⁸⁷ В результате военного натиска киргизов 19 мая 1933 г. контроль над Кашга-

¹⁸⁶ Гуань Ю.П. «Штрихи к политическому портрету Шэн Шицая» <http://www.analitika.org/article.php?story=20060331212447618&mode=print>

¹⁸⁷ Forbes E. D. W., Op.cit. 79.

ром перешел к тюркам. Уйгур Тимур стал «главнокомандующим Кашгара», а киргиз Османали – «генералом, командиром киргизских войск». Дунгане были отодвинуты на второстепенные позиции. Их лидер, еще один «Ма», (то есть Мухаммад) Ма Шинцзинь, оставался командиром дунганских сил Кашгара.

Как и их советские собратья и единоверцы, коренные народы Синьцзя не сумели создать общего, объединенного освободительного движения, направленного против власти пришельцев. Дунгане, а также различные тюркские группы имели различную мотивацию и не имели общего руководства и идеологии. Прежде всего, их выступления не имели и не могли иметь просоветский характер, так как китайские мусульмане, как и их афганские единоверцы явились свидетелями преследования ислама и массовых репрессий в Советском Союзе. Они наблюдали нескончаемый поток беженцев из СССР, искавших спасения в соседних странах. В Восточном Туркестане, хоть и в гораздо меньшей степени, чем в Афганистане, находили приют басмаческие элементы с советской территории. В то же время нельзя считать синьцзянских повстанцев противниками СССР. Борьба против Советского Союза, которую вели басмачи и джадиды-националисты не была приоритетной для мусульман Западного Китая. Они не посылали, подобно афганцам, добровольцев в помощь Энверу в 1992 г. Было бы правильным предположить, что синьцзянские протестные выступления имели больше религиозный и националистический характер. Они отличались и по степени антикитайской напряженности. Дунгане Кашгара под руководством местного милитариста Ма Шинцзиня (клиента Ма Джунина) стремились установить свою власть в Кашгаре и добивались лишь смещения Чина. Примерно того же добивались уйгуры восточного Синьцзя, с центром в Хами (Кумуле). Традиционно, они были более китаизированны, чем уйгуры юго-запада (Кашгар-Хотан). Последние не испытывали особых симпатий к дунганам и ставили более радикальные цели, вплоть до достижения полной независимости «Уйгуристана» и отделения от Китая. Созданная по образу и подобию младобухарской - младокашгарская партия под руководством Абдурахима Байбачи была, например и антикитайской и антидунганской.¹⁸⁸ После 19 мая она продолжала интриговать против дунган, создала парламент и призывала к установлению исламского уйгурского государства.

Нетронутый вооруженными дунганам и киргизами Хотан, расположенный на самом юге провинции стал настоящим центром уйгурского национализма. Было немыслимо представить хотанцев, одетых как кумульцы в китайскую одежду и признававших другой язык, кроме родного тюркского. Там особым влиянием пользовался Исмаилхан Ходжа – лидер восставших рабочих-горняков. Позже его заслонил т. н. Наци-

¹⁸⁸ Forbes E. D. W., Op.cit. 82.

ональный Революционный Комитет (НРК) во главе с теологом Мухаммад Амином Бугра и его младшими братьями – Абдуллой и Нур Ахмадом. К ним также присоединился Абдулбаки Сабит Дамулла – школьный учитель и кади (судья, знаток юриспруденции), родом из приграничной Кульджи. Сабит Дамулла много путешествовал по СССР, Турции, Египту, Индии. Хотанская уламо, как и младокашгарцы, были тюркскими националистами. Они были связаны с уйгурами Кумула (Хами) и испытывали влияние джадидов Бухары, националистов и басмачей Ферганы. В разное время хотанцев и кашгарцев посещали турок Сами Бей, ферганец Шерматбек, бухарец Осман Ходжа и многие другие тюркские националисты и басмачи из СССР. В феврале 1933 г. НРК встретился с лидерами различных уйгурских группировок и образовал Временное правительство во главе с Сабит Дамулла. Мухаммад Амин Бугра и его братья назвали себя «эмирами». В литературе это правительство больше известно как «Правительство хотанских эмиров».¹⁸⁹ В марте 1933 г. к ним прибыл ферганский басмач Джаныбек. Во время борьбы с басмачеством в 1920-х гг. Джаныбек контролировал район киргизско-китайской границы от Узгена до Кашгара и был вовлечен в незаконный трафик людей и товаров.¹⁹⁰ Джаныбек дважды сдавался Советской власти в 1921 и 1922 гг. В 1927 г. он бежал в Синьцзянь. Весной 1933 г. Джаныбек стал командиром одного из полков хотанцев (хотанлык).

Уйгурский национализм, наряду с повстанческим движением дунган Ганьсу и Синьцзяня, явился главной угрозой китайскому владычеству. Для Шена, с его 20-тысячной армией, ядро которой составляли самые сильные и подготовленные воины того времени - русские казаки, это была двойная опасность, хуже которой могло быть только объединение мусульманских сил под флагом антикитайской освободительной борьбы.¹⁹¹ Китайцам было бы совсем плохо, если бы они допустили пантюркистский и панисламистский альянс киргизов, уйгуров, узбеков и казахов, поддержанный дунганями. В такой ситуации китайцы стремились внести раскол в ряды восставших. Как указывалось выше, Шену удалось переманить на свою сторону кумульского вождя Хаджи Нияза.

В мае 1933 г. произошел еще один дунгано-уйгурский раскол – на этот раз в Яркендском оазисе (на полпути между Кашгаром и Хотаном). Два уйгура - кашгарец Хафиз (сторонник Тимура) и хотанец эмир Абдулла Амин Бугра оказались непримиримыми соперниками. Тем не менее, поддержанные киргизами, они заставили китайский (дунганский) гарнизон Яркенда сдаться на милость тюрков. Победителям досталось все содер-

¹⁸⁹ Forbes E. D. W., Op.cit. 84.

¹⁹⁰ IOR: L/P&S/10/950

¹⁹¹ Benson Linda and Svanberg Ingvar. *China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks*. M. E. Sharpe, 66.

жимое китайских военных арсеналов. Дунгане, однако, не чувствовали себя побежденными и настояли на праве сохранить оружие и вернуться в Кашгар. По дороге, у населенного пункта Кизил, дунгане, включая женщин и детей, были безжалостно истреблены и ограблены киргизами.¹⁹² Второй группе дунган даже не дали покинуть Яркенд. Они были избиты и ограблены в пределах яркендского оазиса. Затем, опьяненные победой киргизы ворвались в Янги Гиссар, где подвергли казни всех попавших в их руки китайцев и дунган.¹⁹³ Тогда же, 31 мая 1933 г. уйгуры Аксу изгнали все дунганские части из своего уезда. Массовые убийства дунган в Кизиле и Янги Гиссаре означали окончательный коллапс китайского владычества в южном Синьцзяне и, одновременно, раскол мусульманского лагеря на тюрков и дунган. Первые были представлены разрозненными уйгурскими и киргизскими войсками, сильнейшими из которых были хотанцы, вторые – более дисциплинированными и сплоченными дунганскими силами Ма Шинцзиня. В целом, в мае 1934 г. весь юг оказался в руках тюрков. Дунгане надежно контролировали только «новый город» Кашгара с его арсеналом и сокровищницей. По сути, они находились там в осаде и ждали помощи с севера.

11 июня полк хотанцев, под командованием бывшего ферганского басмача-киргиза Джаныбека, прибыл в Кашгар. В городском саду он был принят с почетом лидером младокашгарцев Абдурахимом Байбача. Джаныбек вызывал раздражение своего киргизского соперника – Османали тем, что первый слишком много времени уделял курению опиума и развлечениям в недавно заведенном гареме. Но более всего Османали беспокоило то, что Джаныбек станет посягать на роль лидера киргизов Синьцзяня. Вслед за Джаныбеком, 4 июля в Кашгар из Яркенда прибыли хотанские войска под командованием эмира Абдуллы. С ним прибыл Сабит Дамулла – премьер и Шайх ул-Ислам¹⁹⁴ хотанского правительства. Кашгарские уйгуры и киргизы недружелюбно смотрели на многочисленное, плохо вооруженное хотанское войско, вошедшее в город. Тем временем, в тылу восставших, в Яркенде произошел конфликт между хотанскими, яркендскими и кашгарскими (уйгурскими) лидерами. Узнав об этом, кашгарец Тимур, заручившись поддержкой киргизов Османали 13 июля 1933 г. арестовал Джаныбека. Затем Тимур и Османали пошли к эмиру Абдулле. Арестовав и его, они разоружили некоторых из его людей. Больших жертв удалось избежать, да и условия содержания арестованных, за исключением Джаныбека, были не очень суровыми. Последнее обстоятельство дало основания британскому консулу в Кашгаре Фицморису (Fitzmaurice) предположить, что действиями против Джаныбека управлял советский ген-

¹⁹² Forbes E. D. W., Op.cit, 88.

¹⁹³ Forbes E. D. W., Op.cit, 89.

¹⁹⁴ Шайх ул-Ислам (лидер Ислама). Почетный титул, распространенный в Османском халифате. Шайх ул-ислам назначался султаном.

консул, целью которого было устранение этого сильного, антисоветски настроенного лидера южного Синьцзяня.¹⁹⁵

Далее уйгурами был заключен договор, ограничивающий власть хотанских эмиров исключительно Хотанским оазисом. Хотанцам было предложено оставить Яркенд. Однако вскоре сами кашгарцы выступили нарушителями достигнутой договоренности. Их лидер Хафиз арестовал брата эмира Абдуллы, Нур Ахмад Джана (хотанца) при отходе последнего из Яркенда. В нарушение договора от 4 июля кашгарцы даже зашли на территорию Хотана 20 июля.

Те временем, Тимур и Османали были близки к тому, чтобы окончательно завоевать весь южный Синьцзянь. Но их интересы разошлись. Если киргиз Османали был настроен против дунган, то Тимур не настаивал на войне против своих бывших союзников. Более того, он осуждал хамийца Ходжа Нияза за его согласие действовать заодно с китайцами против Ма Джунина. Для него был немыслимым альянс уйгуров с ханьцами против дунган.¹⁹⁶ Тем не менее, Ходжа Нияз и киргизы настаивали, чтобы Тимур начал атаку на дунган в «новом городе» Кашгара. Тогда Тимур совершил явно непродуманный шаг. Он решил разоружить киргизов и предстать перед дунганами как единственный тюркский вождь Кашгара. Тимур послал своих бойцов преследовать киргизов, а сам 9 августа 1933 г. беспечно покинул «старый город» на автомобиле, чтобы посмотреть, как проходят стрельбы. В это время, дунгане в количестве 500 человек вышли из «нового города» и напали на слабоохраняемый «старый город». Тимур допустил фатальную ошибку. Он отвергнул от себя киргиза Османали, не обеспечив заранее надежного союза с дунганами. Он был схвачен бойцами Ма Шинциня и расстрелян на месте на пути его возвращения в «старый город». Тимуру отрезали голову и выставили ее на всеобщее обозрение, на пике у ворот мечети Ид Гах в «старом городе» Кашгара.¹⁹⁷ Так кашгарцы остались без лидера. Эмир Абдулла и басмач Джаныбек воспользовались моментом и бежали из плена, благо он был нестрогим. Вскоре, 16 августа киргизам удалось вернуть Кашгар. Но Османали, хоть он и провозгласил себя «главкомом всех тюркских войск Кашгара» (титул, принадлежавший прежде Тимуру), не был признан уйгурами-кашгарцами в роли лидера. Да и сами киргизы не хотели идти за Османали на штурм хорошо укрепленного «нового города» с засевшими там дунганами, охранявшими богатейший военный арсенал и казну. 28 августа в Кашгар прибыли люди Ходжа Нияза и, совместно с кашгарцами начали осаду «нового города». Их поддержали киргизы и остатки армии Тимура под командованием некоего Тавфик бея (турка или араба) – сторонника джихада против «неверных». Тем временем, в Яркенде с новой силой возобновилась межуйгурская распря. Эмир

¹⁹⁵ Forbes E. D. W., Op.cit, 91.

¹⁹⁶ Forbes E. D. W., Op.cit, 93.

¹⁹⁷ Там же.

Абдулла начал осаду Яркенда, в котором находился Хафиз, сторонник убитого дунганами Тимура. Тавфик и Ходжа Нияз послали хотанским эмирам послов, чтобы склонить их к миру и совместному выступлению против дунган. 26 сентября перемирие достигается, и эмир Абдулла берет под свой контроль Яркенд, а его брат Нур Ахмад Джан – Янги Гиссар. Таким образом, власть Хотанского исламского правительства простирается до границ кашгарского оазиса. Более того, по предложению Тавфика бея, премьер-министр хотанцев Сабит Дамулла вступает в «старый город» Кашгара, чтобы объединить все тюркские силы южного Синьцзяня. Все это время осажденные дунгане без особого труда отбивали атаки Османали и Тавфика бея. Более того, они совершали успешные контратаки, убивая сотни киргизов и уйгуров. Вскоре к уйгурам прибывает пополнение из Хотана. В их числе оказались таинственные 300 «андижанцев»¹⁹⁸ под командованием некоего Сатыбалды Джана – 25-летнего узбека из советского Маргелана. Современники предполагали, что это была прорусская часть, сформированная советскими властями. По этой причине «андижанцы» вызывали подозрение со стороны уйгуров.¹⁹⁹

В конце-концов тюркам во главе с хотанцами удастся объединить силы, взять Кашгар под свой контроль и провозгласить в октябре (по другим данным: в ноябре) 1933 г. так называемую “Восточно-Туркестанскую республику” (ВТР). Ее еще называют Первой ВТР (имея в виду, что в 1944 г. при помощи СССР в Илийском крае была основана еще одна ВТР). Сами уйгуры, в частности хотанцы, предпочитали употреблять свое название – «Уйгуристан». Чаще всего в литературе это образование обозначается как «Тюркско-Исламская Республика Восточный Туркестан» (ТИРВТ). Сабит Дамулла стал премьером ТИРВТ, а президентом был назначен престарелый Ходжа Нияз, несмотря на то, что он фактически поддержал правителя Синьцзяня Шен Шицая и выступил против мусульманина Ма Джунина. Сабит Дамулла полагал, что богатый природными ресурсами Кашгар, к тому же, обделенный вниманием центральных властей, сможет обойтись без помощи Китая. Власти самопровозглашенной республики рассылали послов в Узбекистан, Москву, Турцию, Иран, Афганистан и другие страны, добиваясь международного признания и помощи, в первую очередь вооружением. Была послана делегация и в Индию, чтобы вызвать заинтересованность Англии в создании буферного государства между Британской империей и Китаем. Делегация из Кашгара нанесла в январе визит в соседний Кабул, где встретила с премьером Хашим Ханом и королем Захир Шахом, однако вернулась оттуда ни с чем, так как афганцы, «выразив большие симпатии к созданию в Синьцзяне независимого от Китая мусульманского государства», заявили о своем

¹⁹⁸ «Андижанцами» синьцзянцы обычно называли жителей Ферганской долины, главным образом узбеков.

¹⁹⁹ Forbes E. D. W., Op.cit,95.

нейтралитете и отказались признавать ТИРВТ и тем более помогать ей оружием. Там же, в Кабуле кашгарцы встречались с немецким послом.²⁰⁰ Все их попытки добиться международного признания не увенчались успехом. Никто не хотел портить отношения с СССР и китайцами, и брать на себя ответственность за происходящее в Синьцзяне.

Вмешательство СССР и конец Ма Джунина

В то время как ТИРВТ контролировала юг, в самом конце 1933 г. Ма в третий раз осадил Урумчи. На этот раз его войско было еще более многочисленным, чем ранее. Для решительной победы над мятежным генералом, сил у военного губернатора Шена не хватало. В добавление к дунганам и уйгурам, у него объявился еще один противник – бывший военный губернатор провинции китаец Чан Пей-юань, который также атаковал Урумчи. СССР, надо сказать, тоже был встревожен положением дел в Синьцзяне. Особенную озабоченность у него вызывало уйгурское восстание на юге, которое могло привести к возрождению басмачества в недавно умиротворенной советской Средней Азии. Кроме того, ходили настойчивые слухи о связях ТИРВТ с японцами и немецкими фашистами и о намерении первых образовать в Синьцзяне марионеточное государство по образцу Маньчжоу-го на Дальнем Востоке.

Наступил благоприятный момент для второго хода советской политики в Синьцзяне, а именно прямого крупномасштабного военного вмешательства. В феврале 1934 г. к китайцам в Урумчи пришла долгожданная помощь. Через советско-китайскую границу, в тыл наступающим повстанцам, по снежным сугробам двинулась военная армада. Это были красноармейские отряды, замаскированные под китайцев. То была еще одна, так называемая «специальная операция Красной Армии, по охране границ путем проникновения на территории сопредельных стран», аналогичная «Гилянской экспедиции» в Персию в 1920 г. и экспедиции Примакова -Набихана 1929 г., в Афганистан, о которой речь пойдет в следующей главе. Солдаты были вооружены новенькими ружьями и одеты в полувоенную форму. За ними двигались темно-зеленые монстры - броневики с пулеметами. Немецкий авиаинженер Георг Весель, наблюдавший эту картину в приграничном Чугучаке, утверждал, что он видел эскадрильи бомбардировщиков без опознавательных знаков, летевших очень низко в направлении Урумчи.²⁰¹ Повстанцы, несмотря на упорство, не смогли противостоять технической мощи Красной Армии. Мощный огонь извергали грозные бронемшины, советские летчики сбрасывали бомбы с отравляющими газами на головы китайских крестьян, многие из которых видели

²⁰⁰ Бойко В.С. «Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности» *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 2, Бишкек, 2006. СС. 54-55.

²⁰¹ Hopkirk P., Op. cit., 226.

самолеты первый раз в жизни.²⁰² Бойцы были одеты в униформу без опознавательных знаков. Это были две бригады ГПУ, сформированные по решению Политбюро ВКП (б).²⁰³

О боях под Урумчи в начале 1934 г. рассказывал один из участников тех событий, будущий Герой Советского Союза Ф. П. Польшин:

“Подлетая к городу, мы увидели у крепостной стены огромные толпы людей. Позади штурмующей пехоты гарцевали всадники... Снижаемся и поочередно начинаем бросать в гущу мятежников 25-килограммовые осколочные бомбы. Видим, толпа мятежников отхлынула от стены и бросилась бежать. На подступах к крепости отчетливо выделялись на снегу трупы. У самой земли мы сбросили последние бомбы. Мятежники как будто обезумели от внезапного воздушного налета...Вскоре мятеж был подавлен. В честь победы был устроен большой прием. Губернатор провинции наградил всех советских летчиков, участников боевых действий».²⁰⁴

Повстанцы не могли сопротивляться семи тысячам красноармейцев, объединенных в т. н. «Алтайскую добровольческую армию». Чан Пейюань, потерпев поражение под Урумчи, покончил жизнь самоубийством. Что касается Ма Джунина, то его 36-я армия потеряла в тех боях 2 000 убитыми. Разбитый отрядами «алтайцев», Шен Шикая и русских белогвардейцев, Ма отступил в юго-западном направлении – на Кашгар. Для этого дунганскому генералу пришлось «экспроприировать» грузовики шведской экспедиции Свена Хедина.²⁰⁵

Сам Шен позже признался английскому дипломату Сэру Тейчману в личной беседе, что победе над Ма Джунином он обязан исключительно помощи Москвы.²⁰⁶ Разумеется, эта операция Красной Армии служила не столько интересам Шена, сколько самому СССР. Она была сродни помощи, оказанной русскими китайцам в их борьбе против Якуббека в 1871г.²⁰⁷ Ее итогом стало усиление советского влияния в провинции и нейтрализация белоэмиграции в смысле ее привлечения на свою сторону в деле борьбы против повстанческого движения.

На случай возможного разоблачения в мировой прессе, советские газеты осуществляли идеологическое обеспечение своего вторжения в Западный Китай. Сообщалось в частности, что Ма был японским аген-

²⁰² Wu, Aithchen, *Turkistan Tumult*, 236

²⁰³ Whiting Allen S. and General Sheng Shih-ts'ai. *Sinkiang: pawn or pivot?* Michigan State University Press, 1958. 26

²⁰⁴ Аптекарь П. «От Желторосии до Восточно-Туркестанской республики» <http://www.rkka.ru/ibibl1.htm>

²⁰⁵ Нопкirk P., Op. cit., 228.

²⁰⁶ Wu, Aithchen, *Turkistan Tumult*, 236.

²⁰⁷ Тогда русские войска заняли Илийский край, поставив тем самым Якуббека в невыгодное положение перед наступающими с востока китайцами.

том, стремившимся к установлению японского господства над Средней Азией и Кавказом.

Между тем, положение «Тюркско-Исламской Республики Восточный Туркестан» ухудшалось. Англичане, заинтересовавшиеся было вначале в установлении контактов с правительством Сабита Дамуллы, дали задний ход, опасаясь возможного осложнения с Китаем и Россией. Об этом недвусмысленно английское правительство заявило в лондонской «Times». У Британской Индии, доживавшей свои последние годы, не было материальных и военных ресурсов, а также политического влияния для вмешательства в соседний Кашмиру китайский Кашгар. Правительство Сабита Дамуллы продолжалось всего с октября 1933 по январь 1934 г. Он был окружен турецкими, арабскими и афганскими советниками, которые, по словам Ай Чен-Ву и спровоцировали его на провозглашение «республики». ТИРВТ продержалась недолго потому, что ее тюркско-исламская платформа не устраивала ни русских, ни дунган, ни китайцев. Да и тюркские собратья уйгуров – киргизы и казахи были больше обеспокоены сохранением своего кочевого образа жизни, чем введением шариатского правления. Другими словами, у ТИРВТ не было друзей ни в Китае, ни за его пределами. Вооруженными противниками ТИРВТ явились дунганские отряды. В январе 1934 г. они разбили отряды Хаджи Нияза и заняли Кашгар, уничтожив в одну ночь семь тысяч уйгуров. В рядах тюрков начался раскол и предательства. Склонный к сотрудничеству с китайцами Ходжа Нияз вступил в переговоры с СССР. Вскоре он выдал Шену Сабита Дамуллу и некоторых министров правительства ТИРВТ. Оставшиеся в живых уйгурские руководители бежали в Афганистан и Индию.

В конце-концов, независимый Кашгар пал не от рук китайцев, а дунган. На протяжении первых трех месяцев 1934 г. дунгане очистили Синьцзянь от уйгурских войск и поднесли его «на тарелочке» гоминдановцам. Таким образом, китайцы, при помощи СССР, успешно применили свою политику «контроля варваров при помощи варваров».

После подавления восстания ферганский киргиз Джаныбек бежал в северную Индию, в г. Ишкуман где скончался в 1939 г.²⁰⁸ Что касается судьбы «императора Средней Азии» Ма Джунина, то к тому времени, как он достиг Кашгара, тот уже был освобожден от тюрков. Через пару дней генерала видели в консульстве Швеции. Те, кто с ним встречался, утверждают, что Ма был полон решимости продолжать борьбу именно из этого города на юге Синьцзяня. Он решительно отказывался идти на мир с правительством Урумчи. Он считал Шена советской марионеткой и подтвердил свою преданность идеалам Гоминьдана. Ма Джунин вступил в переговоры с англичанами. Но то, что произошло далее, не поддается объяснению. Неожиданно, в июле 1934 г. Ма передал командование дунгански-

²⁰⁸ Пылев А. И. *Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века)*. Бишкек, 2006. С. 217

ми войсками своему сводному брату и отправился в СССР через Иркештам, навсегда покинув Синьцзянь. Кто-то видел, что перед исчезновением Ма Джунин посетил советское консульство в Кашгаре. Так загадочно закончилась карьера еще одного “освободителя” Средней Азии.

Подразделения “Алтайской добровольческой армии” возвратились в СССР в конце апреля 1934 г., после окончательного умирения провинции. Для обеспечения советского влияния в Синьцзяне остался один кавалерийский полк численностью около тысячи человек с бронемашинами и артиллерией. В составе «алтайцев» были и белоэмигранты, некоторым из которых было позволено вернуться в СССР после завершения операции. Их место заняли красноармейцы, маскировавшиеся под белогвардейцев. Для обучения китайцев военному делу в Синьцзяне остались также несколько десятков военных советников, среди которых был будущий Маршал, дважды Герой Советского Союза П. С. Рыбалко.²⁰⁹ В июне 1934 г. бывший белогвардеец Н. И. Бектеев (заменивший расстрелянного в начале года Паппенгута) был назначен командующим Южным фронтом армии урумчинского правительства Шена. Помощником эмигранта Бектеева был назначен П. С. Рыбалко, который выдавал себя за “русского генерала китайской службы”.²¹⁰

В результате, СССР значительно усилил свои позиции в трех северных уездах – Или, Чугучаке и Шарасуме. Он получил доступ к ценным полезным ископаемым, найденным в этом регионе, включая нефть, медь, золото и уран.

Так, помимо своей воли, казаки способствовали усилению просоветской ориентации региона. Однако, то, что большевики и белогвардейцы оказались в одном лагере китайской гражданской войны, кажется неожиданным только на первый взгляд. Мотивы, определившие их выбор, имели принципиальный характер. История колониальной Средней Азии показывает, что в каждом случае прямой угрозы имперским интересам в регионе, конфликтующие русские стороны оставляли в сторону взаимные претензии. Так, в Фергане в 1918-1920 гг. попытка создания басмаческо-белогвардейского союза закончилась неудачей. Как только белогвардейцы увидели первые признаки сотрудничества мусульман Ферганы и Афганистана, они покинули Мадамина и сдались большевикам. “Русские никогда не соединятся с мусульманскими повстанцами”, писал тогда лидер белогвардейцев Монстров командующему Туркфронта Фрунзе.²¹¹ Аналогичное неприятие “панисламизма” как освободительного движения объединяло русских - как белых, так и красных - против мусульман Синьцзяня.

²⁰⁹ Аптекарь П. «От Желторосии до Восточно-Туркестанской республики» <http://www.rkka.ru/ibibl1.htm>

²¹⁰ Там же.

²¹¹ РГВА, ф.110 оп.3 д. 922, л. 12.

Кроме того, имелись и более земные, прагматичные мотивы. Дело в том, что советская сторона обещала многим из белоказаков возможность достойного возвращения на Родину или предоставление больших земельных наделов на китайских территориях в случае поддержки советского вторжения.²¹²

* * *

Так закончились политическая и военная деятельность белогвардейцев-беженцев в Западном Китае. Отказавшиеся принять Октябрьскую революцию, офицеры и казаки были изгнаны в неизвестную для них страну. Почти все они пережили две войны - первую мировую и русскую гражданскую. Некоторые из них были вовлечены - вольно или невольно - в третью, гражданскую войну в Китае. Для последних, война длилась с 1914 по 1934 гг. Эта двадцатилетняя война не могла не сказаться на их поведении и отношении к окружающему миру. Так же как жизнь не щадила их, так и белоэмигранты не жалели тех, кого они встретили в изгнании. Именно по этой причине след, который оставила изгнанная революцией русская армия в Китае, окрашен кровью тысяч китайцев, русских, мусульман, убитых во время жестокой китайской гражданской войны первой трети XX века.

Русские отряды, которые назывались по-китайски “гуйхуа” то есть “натурализованные”, оставили в Синьцзяне репутацию хороших бойцов. Как писал Ай Чен-Ву, они сражались с “дерзостью и дикой стойкостью”. Но при этом он добавлял, что “русские солдаты пребывали в состоянии напряженной меланхолии, а иногда сильно напивались». Такое поведение неудивительно для людей, которые не имели реальной перспективы на будущее. Ай Чен-Ву писал:

«мне было жалко этих изгнанников, в общем, замечательных людей, несмотря на все их недостатки. Грустно видеть, как их гложет ностальгия по тому миру, который отгородился от них. Для них, еще более грустно видеть мир, которого больше не существует. Хотя мы обязаны им своим спасением, они остались для нас чужими, а их поведение вызывало у нас постоянную тревогу».²¹³

На русском кладбище в Цзинани, провинции Шаньдун, имеется русское кладбище, где погребены русские солдаты и офицеры, павшие в боях в китайской междоусобице.²¹⁴ Подобно им, сотни русских, погибших в чужой для них войне, покоятся на погостах, разбросанных в Синьцзяне, Монголии и Манчжурии.

²¹² Аптекарь П. «От Желторосии до Восточно-Туркестанской республики» <http://www.rkka.ru/ibibl1.htm>

²¹³ Wu, Aithchen, K. *Turkistan Tumult*. Hong Kong: Oxford University Press, 1984. 80, 127. See also: Linda Benson and Ingvar Svanberg, “The Russians in Xinjiang: From Immigrants to National Minority,” 107.

²¹⁴ ГАРФ, ф. 5873, оп.1, д. 91, л. 135.

Глава V: ЖИЗНЬ И БОРЬБА МУДЖАХИДОВ И МУХАДЖИРОВ В АФГАНИСТАНЕ

Приграничные проблемы

Территориально-национальное размежевание, проведенное в 1924 г. и образование пяти союзных республик вызвало рост национальных настроений среди мусульман всего региона. Группы ирреденты в сопредельных странах стали проявлять пассионарный интерес к соответствующим им советским республикам. Они не просто тянулись к своим советскими собратьями, а начали ощущать себя национальным, угнетаемым меньшинством, отделенным непреодолимым занавесом от соотечественников «за рекой». Так, накануне национального размежевания, в 1924 г. среди туркмен началось движение за создание самостоятельной независимой Туркмении, путем объединения туркмен Закаспия, Хорезма, Бухары и Персии. Руководителем этого движения являлся бывший джадид-младобухарец Кульмухамедов, неоднократно переходивший афганскую границу и имевший свою агентуру в тамошней туркменской среде.¹ Нелегким было положение туркмен в соседней Афганистану Персии, где они отличались от большинства жителей не только по языку, но и - будучи суннитами - по религии. В мае 1924 г. персидское правительство предприняло энергичные шаги с целью подчинить туркмен иомудов и геокленов, проживавших в иранском Хорасане. В ответ, иомуды прекратили внутренние распри и, объединившись, подняли восстание. Они объявили о создании независимой Туркменской республики. Ее президент, Осман-ахун из джафарбаевского рода кор, получил образование в Бухарском медресе и пользовался авторитетом и уважением среди иранских и советских туркмен. Он старался не портить отношений с СССР и, в то же время, искал поддержку у англичан. Большую помощь, особенно в подготовке военных кадров, восставшим оказывали турецкие офицеры.² Осенью 1925 г. Джунайд Хан пытался связаться с восставшими иомудами Персии.³ Советское правительство, подозревая происки англичан, не поддержало восставших. Оно запретило Советскому Туркменистану оказывать не только материальную, но и моральную помощь своим братьям. В конце 1925 г. восстание туркмен Персии было подавлено. Часть потерпевших поражение повстанцев под предводительством Геок-Сафи, Осман-ахуна, Аллаяр-хана и Лали-

¹ РГАСПИ, ф.122, оп.1, д.257, л.218.

² Логашова Б-Р. Указ. соч. С.132.

³ РГВА, ф. 110, оп.3, д.1137, л.117.

хана, общим количеством 3 тысячи человек, ушла на советскую территорию, где была интернирована.⁴

Аналогичная манифестация протеста против закрытия границ и стремления к национальному единству с «заречными братьями» имела место в том же 1925 г. и в Таджикистане. Так же как и туркменская, она была пресечена властями СССР. Речь идет о восстании горцев афганского Бадахшана (Рушана и Шугнана), направленном против кабульского правительства. Восстание было вызвано произволом властей, тяжелыми дополнительными налогами и национальным гнетом. С точки зрения афганской истории, это было одно из многочисленных восстаний, беспокоивших официальный Кабул на протяжении всех 1920-х гг. Но с позиций национальной таджикской истории это было знаменательное событие. Будет более правильным сказать, что восстание таджиков афганского Бадахшана могло стать знаменательным событием таджикской истории. Дело в том, что в этой провинции имело место национальное притеснение таджиков афганским правительством и пуштунским меньшинством. Естественно, таджики Афганистана имели все основания рассчитывать если не на помощь, то хотя бы на понимание со стороны вновь образованного правительства Таджикистана. Во время подавления антиправительственного восстания летом 1925 г. 8 тысяч таджиков афганского Бадахшана решили укрыться в недавно образованной Таджикской республике. Они обратились к властям центра таджикского Дарваза - Калаи-Хумба. Лидер повстанцев, Махрамбек от имени населения попросил разрешения поселиться в Таджикской Автономной Советской Социалистической Республике. В случае отказа он просил дать оружие для восставших. Ситуация напоминала 1922 г., когда бухарцы просили помощи афганцев в их борьбе против большевиков. С точностью наоборот: на этот раз афганцы просили таджиков помочь им в борьбе против правительства Амануллы.

Как же ответили советские власти на просьбу таджиков афганского Бадахшана? Начать следует с того, что генеральной линией советских и партийных органов в приграничной полосе было «создать среди близких нам (СССР-К.А.) социальных слоев кишлака прочные советские настроения и вызвать симпатию и тяготение к нам социально близких слоев кишлака и аула закордонной полосы».⁵ То есть, речь шла об укреплении классовой, а не национальной солидарности. Власть развивала кредитование на льготных условиях, снижала налоги, развивала кооперацию, разнообразила ассортимент товаров в торговых точках приграничной полосы (в первую очередь в Таджикистане и Туркменистане) с тем, чтобы эти мероприятия стали известны «за рекой» и способствовали росту привлекательности СССР. Тем не менее, власти не ожидали и не были готовы к массовому переселению из Афганистана. После непродолжительных консуль-

⁴ Логашова. Указ. соч. С.138-139.

⁵ АКПТ, ф. 17, оп.24, д. 20, л. 223.

таций между Душанбе и Москвой, дело было передано в Ташкент. Как всегда, власти (будь то советские или британские) усмотрели в народном восстании злой умысел какой-то третьей стороны. Советы посчитали, что восстание спровоцировано англичанами, а именно мехтаром (правителем) Читрала при посредничестве Ага Хана III. По этому поводу, руководитель компартии Таджикистана, уже знакомый нам Толпыго наставлял председателя таджикского правительства Шириншо Шотемора (уроженца Шугана) следующим образом:

«Теперь по поводу восстания. Вопрос очень серьезен. Он напоминает аналогичное положение в иомудском восстании, организованном англичанами в Персии.⁶ Аманулла Хан - прогрессивный человек - новатор и как таковой нам полезен. Политика Англии направлена к замене его англофилом. Ему трудно, ибо кабинет (его) англофильский. Вопросы взаимоотношений с Афганистаном осложняются и ухудшаются - а на революцию надеяться пока нельзя. Вот почему мы не должны поддерживать восстание в Афганском Бадахшане, направленное против существующей власти, то есть нашего союзника. Это основная задача английских колонизаторов.»⁷

Сегодня невозможно выяснить, поддерживали ли англичане и их сторонник-Ага Хан - на самом деле восставших памирцев? Вряд ли, хотя, обстановка созданная властями британской Индии на своих приграничных территориях позволяла кому угодно без особых проблем запастись легким оружием и направлять его как против соседей, так и против правительства. Не секрет также, что афганские региональные лидеры не особенно поддерживали центральную власть и, стремясь укрепить свои позиции, предлагали «услуги» правительствам сопредельных стран. Таким образом, правительству Душанбе представился удобный случай распространить свое влияние среди таджиков Афганистана, подобно тому, как иранцы поддерживали своих клиентов (хазарейцев, таджиков, кызылбашей) в западных провинциях Афганистана. Разумеется, такой поворот событий был совершенно недопустим для Москвы, не собиравшейся упускать монополию внешней политики. Именно нежелание укреплять межтаджикскую солидарность, а не опасения «обидеть» Амануллу было решающим доводом в отказе помощи афганцам. Ведь когда дело касалось борьбы против бухарских беженцев в Бадахшане и Катагане, тот же Толпыго не стеснялся настаивать на организации «партизанских отрядов» ГПУ на территории сопредельной страны. Укрепление приграничных отношений с родственными народами Средней Азии, конечно же, не входило в число государственных интересов СССР. В результате, шанс молодой таджикской Республики поддержать свой международный статус хотя бы на региональном уровне был упущен. Неболь-

⁶ Имелось ввиду описанное выше восстание туркменов Ирана в 1925 г., провозгласивших независимую «Туркменскую республику».

⁷ ЦГАГ, ф.1, оп.1, д.81, л.34.

шому числу афганских памирцев (до 60 семейств) удалось остаться в Таджикистане, но основная масса беженцев, разочарованная отказом таджикских властей, вернулась в Афганистан. На афганской стороне их ожидал специальный отряд индусов, посланный Кабулом для подавления восстания.⁸ Больше с подобными просьбами к правительству Душанбе, афганские таджики не обращались.⁹

В том же, 1925 г. возник еще один конфликт, причиной которого послужили эмигранты. Речь идет о приграничном споре из-за острова Урта-Тугай. Афганцы называли этот остров Даркад, по названию самого большого кишлака. На этом пянджском острове длиной 50 верст, который Афганистан считал своим, проживали афганские подданные, а также эмигранты в количестве около 1 000 человек (лакайцы и киргизы). Всего на острове проживало до 700 семейств. По утверждению советской стороны, среди них были басмачи, которые использовали остров для набегов на Таджикистан. В конце ноября 1925 г. красные войска вторглись на остров и появившиеся следом представители таджикского правительства стали собирать заявления от населения острова с ходатайством об оставлении красных войск «для охраны от нападения афганцев и басмачей» и просьбой, чтобы «таджикское правительство считало их снова соединившимися с Таджикистаном».¹⁰ Таким образом, афганцы были поставлены перед фактом объявления Урта-Тугая частью Кулябского района Таджикистана. Красноармейцы выдворили из острова не только киргизов, но и афганских пограничников. Афганское правительство было встревожено неприкрытым захватом своей территории. В свою очередь, Англия тоже усмотрела в этом шаге продолжение аннексионистской политики СССР. Английский посол в Кабуле предупредил Лондон, что это может быть первым шагом постепенного советского проникновения в Афганистан. Приграничный инцидент, связанный с островом Урта-Тугай привлек тогда внимание мировой общественности. Многие считали, что СССР не уступит занятых позиций, да и сами афганцы были настроены самым решительным образом. Начались переговоры, которые длились, однако, недолго. Советская сторона неожиданно быстро отступила, и конфликт, так всех встревоживший, был улажен, хотя и вызвал в афганском обществе антисоветские настроения. В частности, попытка захвата острова имела своим следствием поддержку местными афганскими властями басмаческих отрядов.¹¹

⁸ ЦГАТ, ф.1, оп.1, д.81, л.115.

⁹ Однако, этот эпизод, свидетельствовавший об укреплении национального самосознания таджиков Афганистана не остался незамеченным для их соотечественников из Таджикистана В поздний советский период в Таджикистане начали делаться попытки критического осмысления совокупной национальной истории. В Таджикистане начала подвергаться мощной атаке традиционная, “пуштуоцентристская” историография Афганистана. Заслуга здесь принадлежит таджикским афганистам Х. Назарову и С. Шохуморову (уроженцам Бадахшана).

¹⁰ АКПТ, ф. 1, оп.1, д. 138, л.113.

¹¹ РГАСПИ, ф. 62, оп. 1, д. 743, л.12.

Жителям острова была предоставлена возможность выбрать место жительства. Часть ургатугайцев переселилась в таджикский Фархор, часть - вглубь Афганистана. Взамен их, на остров было переселено 800 афганцев-кандагари.¹²

Расселение и состав

Во второй половине 1920-х гг. плотные поселения эмигрантов, расположенные вдоль границы, вызывали беспокойство афганского правительства. Оно предпринимало попытки переселения лакайцев, карлуков, таджиков, туркмен и прочих в соседние провинции Афганистана. Так в 1926 г. большинство лакайцев были переселены из приграничной полосы Рустака на пустующие земли Алиабада (Айлабада). Карлуки, туркмены, конграты и прочие переселялись также в Алиабад и Гури Баглан. Впрочем, многие, откупившись взятками, продолжали проживать в приграничной полосе.¹³

Советская сторона также делала все возможное, чтобы обезопасить себя от беспокойных эмигрантов, расселенных вдоль ее афганской границы. Руководитель партийной организации ТАССР Толпыго по этому поводу писал:

«Вопрос о курбашах: Нужно всерьез поставить дело персонального их уничтожения за рубежом (группа Тагайбека и руководители родов и племен в эмиграции). Пора стимулировать материальную заинтересованность персональной оценкой и пойти на выделение специальных средств на это. Нелишне провести организацию за рубежом наших шаек для действия здесь, а может быть и красных партизан за рубежом, как контрмеры против действия Афганского правительства и пограничных властей (английских агентов) по примеру союзов крестьянской самозащиты на Западном фронте».¹⁴

ОГПУ пытался внедрить своих агентов в каждый значительный басмаческий отряд для того, чтобы влиять на настроения и физически устранять лидеров. Для этой цели они зачастую использовали эмигрантов.¹⁵

Эмигранты были связаны с родиной тысячами невидимых нитей. Каждое важное событие в СССР находило свой немедленный отклик на противоположном берегу. Их лидеры не теряли связи с басмаческим отрядами на советском берегу. Однако ряды басмачей таяли. К 1926 г. большинство вожаков были или нейтрализованы (убиты или схвачены в бою и заключены в тюрьму) или бежали в Афганистан.

Лидер басмачей Восточной Бухары Ибрагимбек бежал в Афганистан в июне 1926 г. Он прибыл сначала к своим землякам в приграничную

¹² АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 780, л. 59.

¹³ АКПТ, ф.1, оп.1, д. 722, л.7.

¹⁴ То есть просоветских крестьянских отрядов на территории Польши. АКПТ. ф.1, оп.1, д.80, л.146-148.

¹⁵ ЦГАГ, ф.1, оп.1, д.87, л.47.

Янги Калу, а затем в Рустак и, наконец, в Ханабад, где произошла встреча с местным хакимом Сулайманханом. Судя по информации Туркфронта, афганцы не были в восторге от появления лакайца и решили отправить его в Кабул, подальше от границы.¹⁶

Другим упорным басмачом-эмигрантом был ферганец Шермухаммад (Куршермат, Шерматбек). Он ушел в Афганистан вскоре после поражения Энвера в октябре 1922 г. Вероятно, этот ферганец чувствовал себя чужим среди племенных вожakov Восточной Бухары. В Ханабаде у Шермата была какая-то недвижимость. Там же проживали его бойцы. Афганское правительство платило ему пенсию в 500 рупий и наказало не вмешиваться в политику. Однако, Шерматбек не представлял себе мирной жизни в Афганистане, тем более в непосредственной близости к советской границе. Осенью 1923 г. он вместе с группой своих джигитов в 50 человек отправляется в Пешавар с намерением организовать, с английской помощью, военную экспедицию в Фергану через Памир и Алай. Видимо, он надеялся на свои связи с англичанами, которые начались еще в 1918-1919 гг. Однако, ситуация изменилась: война закончилась и Россия с Англией договорились о том, что первая оставит свои попытки претендовать на Индию, в то время, как вторая отказывается от поддержки антисоветских движений в Средней Азии. Разочарованный отказом англичан, Куршермат вернулся в Ханабад 17 марта 1924 г. Вернулся один, без своих бойцов. Жизнь в Афганистане ему казалась невыносимой. Вдобавок, он так и не научился толком говорить на персидско-таджикском, чтобы чувствовать себя более уверенно на афганской и индийской земле. В апреле следующего, 1925 г. он обращается за визой, чтобы вновь просить англичан помочь организовать кампанию в советскую Фергану. В августе 1925 г. английское посольство в Кабуле ответило отказом. Посла Великобритании Ф. Хэмфриса насторожила чересчур активная деятельность и неразборчивость ферганца. Дело в том, что Куршермат одновременно вел переговоры с английским и советским послами в Кабуле. Более того, он связался с мусульманами китайского Кашгара и предложил им помощь в организации антикитайского восстания. Естественно, англичанам поведение их бывшего фаворита не нравилось, и потому ему было запрещено следовать в английские пределы.¹⁷ Тем не менее, Ибрагимбек, не испытывавший особых симпатий к Куршермату, считал, что последний находился в постоянной связи с англичанами и снабжал их информацией о Советской Средней Азии.¹⁸ В Кабуле же проживал другой басмаческий лидер – таджик Фузайл Максум. Его отношения с Ибрагимбеком были натянутыми еще с 1922 г., когда лакаец продержал его несколько дней под арестом. И

¹⁶ РГАСПИ, ф. 62, оп.1, д. 743, л.48.

¹⁷ ИОР: L/PS/10/950. О дальнейшей судьбе Куршермата пойдет речь в заключительной главе книги.

¹⁸ Дело 123469. С.227.

напротив, Ф. Максум находился в весьма приятельских отношениях с Куршерматом и турками, в частности Хасановым (Хасаном Эфенди), которого знал еще со времен Энвер Паши.¹⁹ Оба – Куршермат и Фузайл не поддерживали никаких связей с Алим Ханом. Они не разделяли его планов восстановления эмирата. Им были более близки эмигранты-джадиды и националисты.

Ибрагимбеку и другим видным эмигрантам приходилось разрываться между необходимостью заботиться о себе и своих близких, и отчаянными попытками вернуться, чтобы продолжить борьбу. Надежды на освобождение родины от большевиков, впрочем, таяли день ото дня. По словам Ибрагимбека, эмигранты смертельно боялись появляться на советской территории. Они были уверены, что «как только они вступят на советскую землю, их схватят и расстреляют».²⁰ Постепенно, эмигранты начали забывать о реванше и возвращении. Взамен, они стали всерьез подумывать об обустройстве на чужой для них афганской земле.

Для того чтобы понять природу взаимоотношений эмигрантов и афганцев, начать следует с рассмотрения ее религиозного аспекта. Без сомнения, среднеазиатская эмиграция первой и второй волн была хиджрой, то есть религиозно мотивированным социальным действием. Это было бегство униженных сельчан (мустад'афин), пострадавших от угнетателей (мустакбарун). Для мустад'афин это был исход из аморальной страны в царство справедливости, туда, где каждый может восстановить потерянное самоуважение и достичь желанного спасения. Другими словами, это было религиозно воображаемое «странствие духа и ума»²¹, преодолевающее географические и политические препятствия, своего рода уход от действительности, демонстрация глубоко сидящей народной утопии о «золотом кишлаке» всех мусульман, или «дар ул-исламе».²² В изгнании, между мухаджирами и ансарами (в нашем случае это афганские мусульмане) было установлено братство (муа'хат). В кораническом понимании, мухаджиры и ансары это люди, которые находятся в непрерывном взаимодействии и едином стремлении сохранить и укрепить свою веру.

Однако, доктринальный, или идеальный ислам отличался от реальных взаимоотношений мусульман. Последние определялись не только ре-

¹⁹ Дело 123469. С.234.

²⁰ Дело 123469. С.237.

²¹ Masud, Muhammad Khalid, "The Obligation to Migrate: the Doctrine of *hijra* in Islamic Law," in *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*, edited by Dale F. Eickelman and James Piscatori. Berkeley - Los-Angeles: University of California Press, 29.

²² В действительности, эта утопия имеет доисламские корни. Достаточно упомянуть воображаемую страну "Чамбули Масто" из таджикско-тюркского эпоса "Гуругли". Согласно этому сказанию, страна Чамбул предоставляла приют всем слабым и потерпевшим поражение, и чудесным образом даровала им справедливость и счастье. В советское время народный поэт Таджикистана Мирсаид Миршакар создал впечатляющий образ советской страны в виде "золотого кишлака" - векового народного идеала.

лигией, но и географией, экономикой, культурой, этничностью. Если этническая палитра Афганистана отличалась исключительным разнообразием, то в смысле религиозном Афганистан был (и остается) более однородным. Во-первых, практически все афганцы, за исключением приезжих индусов и горстки евреев – мусульмане. Во-вторых, подавляющее население страны это мусульмане-сунниты ханафитского толка. Этим он напоминал Бухару и Туркестан. Шииты (исмаилиты и имамиты) хоть и составляли меньшинство, но, благодаря рельефу Афганистана, имели возможность сохранять свою веру, не входя в конфликт с другими исламскими сектами. Имамиты-хазарейцы занимали гористый Хазараждат в самом центре страны, а исмаилиты-таджики – горный Бадахшан на северо-востоке Афганистана. Практически все эмигранты, прибывшие в Афганистан из «русской» Средней Азии были суннитами-ханафитами. Этого мазхаба придерживается большинство мусульман Средней и Южной Азии, включая пуштунов. Это означает, что между пришлыми мухаджирами и местными ансарам не было оснований для конфликтов на религиозной почве: и те и другие одинаково молились, почитали общие святыни, исполняли похожие обряды при рождении, бракосочетании, похоронах. Совпадали и базовые культурные ценности. Жилище, быт и еда были почти такими же как «за рекой». Фарси-дари-таджикский в Афганистане обладал таким же, если не более высоким, статусом и преподавался во всех афганских медресе. Бухара и Самарканд, откуда были родом эмигранты, не были чужими для афганцев. Эти города считались святынями для всех мусульман, включая афганцев и индийских мусульман. До русской революции 1917 г. значительная часть афганских теологов обучалась в Благородной Бухаре. Там же находилось немало сезонных рабочих, купцов из Афганистана. На территории советской Средней Азии находилось много мавзолеев (мазаров) и других общих религиозных культовых памятников. Они одинаково почитались по обе стороны границы. Ежегодно тысячи паломников беспрепятственно пересекали реку, чтобы совершить молитву в святых местах. В религиозно-феодальной иерархии «русской» Средней Азии и Афганистана особое место занимали наднациональные мусульманские теологи (уламо) и харизматические религиозные лидеры. Центральным мотивом их проповедей была идея мусульманского суверенитета и единства. Среди мусульманских лидеров было немало шайхов и ишанов имевших десятки, а то и сотни последователей (мюридов) по обеим сторонам границы. Поддерживать единоверцев «за рекой» они считали своей обязанностью.

Однако ислам не мог обеспечить фактическое равенство мусульман – мухаджиров и ансаров - Афганистана. Среднеазиатские эмигранты в Афганистане столкнулись с трудностями, которых они совсем не ожидали. На деле существовавшая этническая иерархия, фактическое этническое неравенство и даже дискриминация в какой-то мере, сглаживались

чувством религиозной общности и сочувствия к мухаджирам. Как же на деле происходила идентификация различных афганских групп?

Чаще, люди отождествляли себя с «народом» («мардум»), понимаемом как этническая группа, реже – с племенем («кавм»).²³ По словам Шалински, среднеазиатские эмигранты называли себя, в зависимости от ситуации, ферганцами, бухарцами, мухаджирами, таджиками, узбеками, киргизами, туркменами и казахами. В Афганистане общепринято деление по языку - на пуштуноязычных и дарияязычных, причем в число последних могли входить узбеки, пуштуны и даже киргизы с казахами. Зачастую мухаджиры для самоидентификации ограничивались простым указанием: «пори даръеи» («с другой стороны реки»), игнорируя разницу между таджиком и узбеком, самаркандцем и ташкентцем.

Настороженно-недружелюбное отношение официальных властей, известная отчужденность от других афганских групп и тяжелое материальное положение способствовали тому, что мухаджиры продолжали поддерживать духовную связь со своей исторической родиной – Бухарой и Туркестаном. Она выражалась в устных рассказах о муджахидах – Ибрагимбеке, Давлатманде, Энвер Паше, передававшихся от поколения к поколению. Мухаджиры старались не забывать, что они совершили хиджрат с единственной целью - сохранить и укрепить веру. Несмотря на то, что остальные афганцы не упускали случая подчеркнуть свое этническое превосходство и более высокий гражданский статус, религиозное (морально-этическое) первенство чаще принадлежало среднеазиатским эмигрантам. По их представлениям, они обладали почетным статусом мухаджира, того самого, который сопровождал Пророка Мухаммада во время бегства последнего в Медину. С другой стороны, афганцам, как ансарам, предоставлялся шанс поддержать мухаджиров и тем самым укрепить (общую) исламскую веру. Это давало повод мухаджирам не ассимилироваться в афганской среде, а сохранять и даже укреплять свой особенный статус. По этой причине, мухаджиры крепили свое единство. Так, по наблюдениям Шалински, узбеки-мухаджиры предпочитали заключать браки с таджиками-мухаджирами, а не с узбекскими соплеменниками из среды коренного населения.

Эмиграция имела различные последствия для этнических групп населения. Сплоченные племенные группы туркмен, лакайцев, киргизов и казахов реагировали на внешние раздражители как единый организм. После того, как было принято коллективное решение об откочевке, оно выполнялось всеми членами племени, рода, авлода или семьи. Кочевые тюрки переезжали без нанесения значительного ущерба целостности своего пле-

²³ Оливье Руа считает, что «кавм» в Афганистане применяется практически к любой группе солидарности - племенному клану, односельчанам, этнической группе, большой семье (авлоду), или профессиональной группе. См.: Roy O., *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 242.

мени и рода. В целом, в эмиграции первой волны (1918-1926 гг.) преобладали кочевые народы приграничной полосы (узбеки и туркмены), а не оседлые таджики, хотя последние составляли большинство населения Восточной Бухары.

Исход тюркоязычных номадов из указанных областей Восточной Бухары изменил демографический баланс в пользу таджиков в Кулябе, Гиссаре, а также в Вахшской и Сурхандарьинской долинах. Влияние тюркских племен и племенных структур в южном Таджикистане пошло на убыль и, наоборот, усилилось значение таджикского культурного компонента и городской культуры. С другой стороны, прибывшие из «пори дарье» тюрки усилили туркменское и узбекское представительство в Афганистане, внося дополнительное разнообразие в и без того пеструю этническую палитру северного Афганистана. Именно с приходом десятков тысяч узбеков Мовароуннахра в 1920-х гг., афганские узбеки стали третьей (после пуштунов и таджиков) по численности и значению этнической группой Афганистана.

В числе же первых, кто ушел в Афганистан, были группы афганского происхождения (хазарейцы, пуштуны, карлуки, моголы и др.), которые проживали в близлежащих Афганистану районах поймы реки Пяндж, и дальше вплоть до Гиссара, Ташкента и Бухары. Для них это была не эмиграция, а реэмиграция, возвращение в привычные места проживания. К ним можно также отнести афганских и индийских купцов, менял, сезонных рабочих, студентов и других афганских подданных, проживавших на правом берегу реки. Трудовая миграция афганцев в «русскую Среднюю Азию» в начале XX века была связана с оживлением торговли, ростом экономического развития, связанных с проникновением русского капитала в Туркестан и Бухару. Советизация Бухары и последующая война практически прекратили миграцию из Афганистана на правый берег Аму Дарьи.²⁴

Ниже рассматриваются различные группы эмигрантов с точки зрения их этнической принадлежности.

Туркмены

По данным Слобина и Шалински, изучавших север Афганистана 1970-х гг., большинство туркмен (сарыки, салары, эрсари, теке) этой страны составляли мухаджиры раннего советского периода.²⁵ Все они проживали в приграничной полосе северо-запада Афганистана. Общее количество туркмен накануне советского вторжения в Афганистан в 1979 г. состав-

²⁴ Впрочем, некоторые афганцы остались в Таджикистане и внесли достойный вклад в его развитие. В их число входят Нисар-Мухаммедов, пуштун-юсуфзай, работавший в Народном Комиссариате Просвещения Таджикской Республики во второй половине 1920-х гг. Кроме того, в Таджикском Институте Просвещения (Ташкент) обучался Мухаммад Ахмад-шах из племени «карабар» <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/Kattagan/pred.htm>

²⁵ Shalinsky A., Op. cit. 100.

ляло примерно 200 000,²⁶ По нашим подсчетам их количество в конце 1920-х гг. было примерно таким же.²⁷ Благодаря племенной сплоченности, иногда эмигрировали целые туркменские племена и роды. Так, из Джиликуля (юг Таджикистана) ушел весь род кара туркмен.²⁸ После революции, наиболее крупные туркменские хозяйства, имевшие до 1000 верблюдов или до 10000 овец, покинули Каракумы и переехали в Афганистан. В Герате сидел вождь туркменов-эмигрантов из центральных Каракумов иомуд Джунайд Хан (бежавший в июне 1928 г. из Туркмении в Иран, затем в 1929 г. с боями перебравшийся в Афганистан). Ему подчинялись туркмены, расселившиеся на участке Герат-Меймене. Далее на восток - в Андхое, Шибегане, Ахче проживали выходцы из южных Каракумов (Чарджуй, Керки, Кушка). Это были туркмены-эрсари (роды гуняш, кара-бекаул и улуг-тепе) а также сарыки (род терзеки). В первую половину 1920-х гг. Керкинский округ опустел почти на половину. Только в 1922-1925 гг. отсюда ушли 11 371 хозяйств, осталось всего 13 000 хозяйств.²⁹ Все эмигранты Тахта Базарского района Туркмении проживали в селении Рахман Нияз, что на берегу реки Мургаб. Дело облегчалось тем, что на всем протяжении сухопутной границы с Афганистаном, она была совершенно открытой, и в эти огромные ворота между Зулфигаром и Босага могли беспрепятственно входить не только тысячные стада, но и целые корпуса с музыкой. В Афганистан эмигрировали каракулеводческие хозяйства южных Каракумов, причем за неимением подходящих пастбищ эмигранты продолжали выпасать своих овец на советской территории, так как афганских пастбищ хватало только на три, максимум четыре, месяца в году. Тем не менее, каракулеводство на территории Афганистана оказалось экономически более выгодно, чем в Советской Туркмении. Здесь были выше цены на продукцию и ниже налоги. Поэтому большинство туркмен-эмигрантов предпочли оставаться на левом берегу Аму Дарьи.³⁰ Спасаясь от репрессий и хозяйственной разрухи, вслед за скотоводством на левый берег реки ушло и знаменитое туркменское ковроткачество. Местные афганские власти были заинтересованы в туркменской эмиграции. Однако сами туркмены не торопились становиться гражданами Афганистана. Они продолжали жить в замкнутых общинах, предпочитая общаться только с тур-

²⁶ Naby, Eden, Magnus, Ralph H. *Afghanistan. Mullah, Marx, and Mujahid*. Colorado & Oxford: Westview Press, 2002, 17.

²⁷ К сожалению, точных данных по численности и составу различных этнических групп Афганистана не имеется. Все данные такого рода являются приблизительными. Согласно первой (и единственной в истории страны) всеобщей переписи 1979 г., население страны составляло 15,5 млн человек. Таджики составляли 25% населения, узбеки - 9%, а туркмены примерно 3%. По не проверенным данным, в конце 1920-х гг. население Афганистана составляло примерно 6 миллионов. Population statistic: <http://www.populstat.info/Asia/afghanic.htm>

²⁸ АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 780, л. 59.

²⁹ АКПТ, ф.1, оп.7, д.780, л.60.

³⁰ АКПТ, ф.1, оп.7, д.780, л.105-106.

кменами и говорить исключительно на своем языке. С одной стороны, они опасались, что с переходом в афганское подданство, правительство Советской Туркмении будет препятствовать выпасу их скота в южных Каракумах. С другой стороны, эмигранты надеялись, что Советская власть скоро падет и они смогут вернуться на родину. А пока, туркмены избегали говорить о подданстве и откупались от назойливых афганских чиновников взятками. Неудивительно, что когда в 1928 г. представители Советской власти встретили в Каракумах двух эмигрантов-баев и спросили, чьими же подданными они себя считают, то один заявил, что он подданный русского императора Николая II, а другой - эмира бухарского.³¹ Им было невдомек, что первый из них был расстрелян большевиками десять лет назад, а второй – семь лет как томился в афганской ссылке.

Небольшой афганский городок Андхой превратился в центр туркменской эмиграции. К середине 1920-х гг. это был уже значительный, по афганским понятиям, город. Только с 1917 по 1922 гг. туда переселилось около 30 000 хозяйств.³² Всего же на начало 1926 г. туркмен южных Каракумов и Восточной Бухары в северо-западном Афганистане, по нашим подсчетам, насчитывалось 42 580 хозяйств, что (из расчета 5,3 человека на хозяйство) составляло 225 305 человек. Впрочем, определение точного числа туркмен невозможно, так как на протяжении изучаемого периода они не переставали кочевать между Советской Туркменией, Ираном и Афганистаном. Главными причинами туркменской эмиграции были военные действия, репрессивная политика Советской власти, усугубленная шовинистической политикой узбекских правительств Хорезма и Бухары, а также разорение слабых хозяйств. Особенно усилилась туркменская эмиграция во второй половине 1922 г., после неудачной осады г. Керки, когда туркмены потерпели крупное поражение. Главным авторитетом среди туркменских племен считался Ишан Халифа из Кызыл Аяка - приверженец суфийского ордена Накшбандия.³³ Влияние этого человека было столь велико, что с ним считались не только туркмены (включая Джунайд Хана), но и узбеки-эмигранты. Туркмены в Афганистане были хорошо вооружены. У них было сосредоточено до 10 тысяч стволов различного оружия. Ибрагимбек признавался на следствии, что он приобретал патроны у туркменов. Искусные туркменские мастера изготавливали не только патроны к различным видам оружия, но и затворы к русским трехлинейным винтовкам.³⁴ Порох для патронов, свидетельствовал Ибрагимбек, беспрепятственно вывозился мешками из советской стороны - города Керки.³⁵ Аф-

³¹ АКПТ, ф.1, оп.7, д.780, л. 116.

³² Севастьянов И. А. *Керкинский округ. Ч. 1 Политико-экономический обзор. Январь 1925.* Издание ревкома Туркменской ССР, Полторацк, 1925. С.46.

³³ Севастьянов И. А. Указ. соч. С.46.

³⁴ Дело 123469. С.174.

³⁵ Дело 123469. С.154.

ганцы знали о наличии оружия у туркменов, но ничего поделывать не могли, и были вынуждены мириться. Экономическое положение богатой прослойки туркменской и узбекской эмиграции, особенно каракулеводо-вод, было много лучше, чем у их советских собратьев.

Туркмены представляли несколько обособленную этническую группу Афганистана. В отличие от таджиков и узбеков, они (наряду с киргизами) не были склонны к оживленным межкультурным контактам. По степени интеграции в афганское общество они опережали, пожалуй, только киргизов. В афганском обществе в отношении туркмен действовали стереотипы, чаще негативного характера.

Узбеки

Отличительная черта тюрков Афганистана – их теснейшая связь с персидской культурой и таджиками. Эта традиция восходит к временам Газневидского государства (X-XII вв.) с центром в Герате. Собственно узбеки начали проникать в Афганистан с XVI века. Однако лишь эмиграция периода конца XIX - начала XX вв., вызванная царским, а затем большевистским завоеваниями, придала устойчивость тюркскому элементу в культурно-политическом ландшафте Афганистана. Как уже указывалось, именно благодаря среднеазиатской эмиграции, тюрки, в первую очередь узбеки, несмотря на их относительную малочисленность (примерно 10% от общего числа населения), стали играть заметную роль в истории современного Афганистана. Этот народ, вместе с таджиками, составил основной костяк мухаджиров Афганистана.

Во время первой волны (с 1918 до середины 1920-х гг.) эмигрировали, главным образом, кочевые узбекские племена прибрежной полосы - лакайцы, конграты, дурмены, моголы, карлуки и прочие. В северном Афганистане они были не одиноки. Там уже проживали их сородичи. Еще со времен Субхан Кули Хана (эмира Балха и Бухары конца XVII века), например, узбеки катаганы (каттаганы), недовольные политикой бухарского правителя, переселились в Кундуз и составляли там большинство.³⁶ Весь этот регион стал известен как Катаган, а его уникальная культура как «катаганы» именно благодаря узбекским переселенцам и эмигрантам. Как и туркмены, узбеки переселялись целыми племенами, селениями. Они приносили с собой названия своих прежних поселений, оставшихся «за рекой».³⁷

Трудно проследить динамику и остальные важнейшие параметры переселения узбеков. Например, население Фахрабадского тумана (современный Газималик, близ Душанбе) в начале 1920-х гг. составляло 35-36 тысяч человек, преимущественно узбеков. По подсчетам правительственной ко-

³⁶ Кушкеки Б. Указ. соч. С.9.

³⁷ Профессор Назиф Шахрани, например, родом из Шахрихана, что в афганском Бадахшане. Жители этого селения в XVIII веке переселились из одноименного селения в Ферганской долине.

миссии Таджикистана, 12 тысяч узбеков (32-33 % от общего количества) ушли в Афганистан. 10,5 тысяч (28-29 %) погибло во время установления Советской власти. К 1926 г. в Фахрабаде осталось 14 162 человека (37-38 % дореволюционного количества). Из них узбеков 13 285, таджиков и карлуков - 887.³⁸ Другими словами, почти две трети населения Фахрабада или погибла или эмигрировала. Речь идет, главным образом, об эмигрантах первой волны. Она началась в 1918-1919 гг., когда уходили отдельные семьи состоятельных узбеков и таджиков. Эмиграция приняла массовый характер в 1921-1922 гг., вместе с началом активных военных действий на территории Бухары. Во время второй волны (на рубеже 20-х и 30-х гг.) эмиграция, главным образом узбекская, увеличилась. Причиной ее была коллективизация, «раскрепощение женщин» и антирелигиозная борьба. Со всей Средней Азии - Ферганы, Самарканда, Бухары, Ташкента, Гузара и Бойсуна, беглецы добирались до приграничных Курган-Тюбе и Куляба. Дождавшись осени, когда в реке спадет вода, эти люди, которые, по словам Ибрагимбека «на местах были лишены прав и имущества», уходили в Афганистан. В Афганистане большая часть эмигрантов пасла свои стада. Другие занялись земледелием на выделенных афганцами землях. Значительная часть эмигрантов бедствовала, нанимаясь на временную работу к богатым сородичам или афганцам. Курбаши распускали свои отряды по семьям для занятия сельским хозяйством, хотя, при необходимости, узбеки могли вновь собрать и вооружить отряд до 1000 ружей.

Большим влиянием на узбеков - бывших подданных бухарского эмира, пользовался дядя (по матери) бывшего эмира Саид Алим Хана - Саидбек Инак Калон Парвоначи, известный также как Тагайбек или Бек Джан. До революции Саидбек был вали (правителем) Кермине. Тагайбек, через выбранных племенами и утвержденных афганскими властями «вакилей» (представителей), осуществлял наблюдение за эмигрантами, решал многие внутренние вопросы без вмешательства афганцев.³⁹ Он скончался в 1926 г.⁴⁰ После него, пост уполномоченного эмира занимал его сын (имя неизвестно), который вскоре тоже умер (убит?). Еще большим авторитетом, чем Тагайбек и его сын, по словам Ибрагимбека, обладал Абдулмумин Ишан, богатый узбек из Термеза. Уйдя в Афганистан, он поселился в Ак Масчите, где владел караван-сараям. Судя по титулу, вероятно, Абдулмумин был влиятельным лидером религиозного братства (ишаном). Эмигранты относились к нему и Тагайбеку как к своим гражданским и духовным руководителям, испрашивая их совета и благословения по важным вопросам жизни общин. Среди таджиков выделялся мулла Худойберды. По словам Ибра-

³⁸ АКРТ, ф.1, оп.1, д.391, л.9.

³⁹ АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 780, л. 60.

⁴⁰ Имея ввиду приведенное выше письмо Толпыго от июня 1926 г. с указанием назначить денежную премию за убийство Тагайбека, можно предположить, что он на самом деле был убит по его указке.

гимбека он был «очень толковый человек, достаточно разбирающийся в политике, крупный торговец кожсырьем».⁴¹ Указанные авторитеты были связаны с экс-эмиром в Кабуле и главным епископом - туркменом Ишан Халифой. Военным авторитетом узбеков был, разумеется, Ибрагимбек, который, впрочем, должен был согласовывать свои действия с родовыми старейшинами, ишанами, Алим Ханом, афганскими властями, наконец.

Осенью 1926 г., по настоянию советской стороны раздраженной эпизодическими набегами эмигрантов на территорию Таджикистана, афганцы разделили эмигрантов (таджиков и узбеков) на группы по 5-10 семей и насильно переселили их вглубь страны, но не дальше Кабула.

Как указывалось, в период со второй половины 1920-х до начала 1930-х гг., в Афганистан хлынула вторая волна эмигрантов, в которую входили узбеки практически всех областей Узбекистана. Именно эта группа, вместе с таджиками, стала считать себя мухаджирами в кораническом понимании этого слова.

Первые мухаджиры-узбеки плохо знали, или совсем не были знакомы с языком дари. Однако, все последующие поколения узбеков-эмигрантов Афганистана одинаково свободно владели двумя языками – узбекским и дари. Несмотря на то, что узбеки считали свой язык и самих его носителей более высокими по статусу, в случае противостояния с пуштунами они предпочитали относить себя к дариязычным. Это делалось в силу естественной солидарности северян против пуштунского большинства. Вместе с тем, в преимущественно таджикоязычной среде северного Афганистана узбеки всегда стремились избежать ассимиляции и сохранить свой язык. При этом они чаще ассоциировали свой язык с Мовароуннахром, а персидский - с Хорасаном. По мнению Шалински, узбеки-мухаджиры рассматривали узбекский, языком утерянной родины, а дари – языком афганцев и ассимиляции.⁴²

Не следует упускать из виду тот факт, что, в целом, в Афганистане «афганец» значит «пуштун». Естественно, мухаджиры, особенно первых поколений, не были склонны считать себя афганцами. Однако до собственно узбекского, гражданского национализма дело не доходило. Зачатки узбекского национализма появились среди образованных, молодых узбеков второго и третьего поколения мухаджиров (в 1960-е гг.) под влиянием развития национальных республик Советской Средней Азии. Центром его стал Кабульский университет.⁴³

Несмотря на эти, и многие другие национальные различия, культурные связи и браки узбеков с представителями других этнических групп Афганистана, включая пуштунов, были не редкостью. Они строились на чувстве религиозного единства и добрососедства.

⁴¹ Дело 123469. С. 248.

⁴² Shalinsky A., Op. cit., 103-1004

⁴³ Shalinsky A., Op.cit., 97

Таджики

Таджики Афганистана (Хорасана), равно как и Мовароуннахра представляют собой не столько единую, собственно этническую (то есть основанную на кровном родстве) группу, сколько разрозненные группы оседлого люда, живущего вперемежку с тюрками и пуштунами, говорящими на иранских языках и пользующихся западноиранским (персидским) в качестве единого письменного языка. Если в Советской части Средней Азии в 1920-х гг. было предпринято беспрецедентное объединение этих разрозненных персоязычных групп в единую – таджикскую – нацию, то в Афганистане процесс национальной консолидации таджиков (как и узбеков) начался примерно сорока годами позже.⁴⁴ Как было сказано, решающая роль в формировании таджикского народа отводится языку. При этом в Мовароуннахре и Хорасане роль персидского языка⁴⁵ разнится. В целом, он больше распространен в Афганистане, чем на правом берегу Аму Дарьи. В «русской» Средней Азии языком большинства стал тюркский язык (узбекский, в основном). Там, на персидском говорят только таджики и попавшие под их влияние евреи, цыгане, арабы. В советский период этот язык стал основным – если не главным – признаком таджикской нации, государственным языком вновь образованного государства. В Афганистане же, дари, будучи языком таджиков, является больше, чем просто национальный язык одного из меньшинств. Дари – это язык межнационального общения в государстве, большинство населения которого не считают этот язык родным. Другими словами, в Афганистане не всякий, говорящий на фарси-дари-таджикском считает себя таджиком. По обеим сторонам Аму Дарьи на этом языке говорили и говорят, помимо собственно таджиков, евреи, арабы, фарсиваны, хазарейцы, кызылбаши и др. Дари является родным для многих пуштунов и узбеков.⁴⁶ Несмотря на попытки введения пушту в качестве государственного (что, по сути, является повторением советской языковой политики), позиции языка дари в Афганистане остаются непоколебимыми.⁴⁷

Таджики Афганистана, даже будучи в меньшинстве, служили на самых высоких государственных постах. Немало таджиков было среди ду-

⁴⁴ Причем нет гарантии в том, что развитие таджикского национализма в Афганистане пойдет по «таджикско-советскому» образцу с его (сталинским) ударением на языковой принадлежности и территориальном единстве как принципиальных признаках «нации». Равным образом, перспектива объединяющего «таджикостано-афганского» (или «афгано-таджикостанского») таджикского национализма представляется на данном этапе (в самом начале XXI века) маловероятной. Таджикский трансграничный национализм разделяется небольшой группой таджикских интеллектуалов по обеим сторонам реки, мечтающих о «Великом Хорасане».

⁴⁵ Напоминаем, что в настоящем исследовании дари, фарси (персидский) и таджикский языки выступают синонимами.

⁴⁶ Равно как в современной Центральной Азии, русский продолжает оставаться «вторым родным» для т. н. «русскоязычных», многие из которых не владеют своим «первым родным» – казахским, узбекским, киргизским, таджикским и пр.

⁴⁷ Naby Eden, Magnus Ralph H., Op. cit. 15

ховенства, офицерства, чиновников, преподавателей, деятелей литературы и искусства. Однако, ключевые позиции в армии и государстве принадлежали пуштунам. Разрозненность таджиков Хорасана и Мовароуннахра были главной причиной того, что в рассматриваемый период (и позже) таджики не смогли выдвинуть общепризнанных национальных лидеров.⁴⁸

Таджики были демографически доминирующей группой приграничной Афганистану Восточной Бухары, составляя почти 60 % (480 000 человек) населения региона. Узбеки составляли 30 % населения (240 000) Восточной Бухары, отошедшей в 1924 г. к ТАССР. Однако, согласно подсчетам разведки Красной Армии, национальный состав басмачества Восточной Бухары представлял обратную картину: узбеков 60 %, таджиков – 30 %. В свою очередь, в 1926 г. в компартии Таджикистана таджики составляли 58 %, узбеки - 18 %.⁴⁹ Соответственно, узбеки преобладали численно и в изгнании. Вероятно, это сложилось по причине различия политического и социального статуса этих групп населения в дореволюционном периоде. Узбекское меньшинство Восточной Бухары было лучше организовано в военном и административном отношении. Оно было сосредоточено в семьях, родах, племенах с их иерархией, социальными институтами и соответствующими вспомогательными функциями. Кроме того, узбеки находились в привилегированном положении. Эмират видел в узбеках свою опору, вооружал их. Речь, разумеется, идет о кочевых и полукочевых племенах преимущественно даштикипчакского происхождения (лакайцах, маркинцах, кунгратах и пр.). В результате, в Восточной Бухаре и вообще в эмирате узбеки политически доминировали над мирным таджикским большинством. На наш взгляд, тут речь не шла о продуманной антитаджикской политике узбеков-мангытов. Мангыты не были националистами. Они претендовали на религиозную, а не на национальную легитимность. Алим Хан считал себя саидом, то есть потомком Пророка, правителем мусульман, проживавших на территории эмирата, вне зависимости от их этнической принадлежности. Просто для эмирата военизированные племена узбеков были подходящим элементом для защиты своих границ и поддержания внутреннего порядка. Подобным образом, царское правительство поддерживало казачество (которое, кстати было смешанным по национальному составу) для защиты границ и подавления крестьянских восстаний на окраинах Российской империи. Поэтому, можно предположить, что у таджиков были причины отнестись к новой власти терпимо, так как большевики покончили с узбекским феодально-племенным гос-

⁴⁸ В истории Афганистана таджики становились руководителями страны два раза. В 1929 г. Хабибулла-Бачаи Сако, и в 1992 г. Бурхануддин Раббани. К ярким харизматическим лидерам, популярным по обеим сторонам реки, можно отнести и лидера Северного Альянса 1980-1990-х гг. Ахмад Шаха Масуда, который не скрывал своей связи с пирами (духовными лидерами) Дахбеда из Самарканда.

⁴⁹ РГАСПИ, ф.62, оп.1, д.583, л.23-27.

подством в Бухаре. Точно также, русские и украинские крестьяне поддержали, в целом, разгром белоказачества в Семиречье.

По причине того, что таджики с падением эмирата освободились от притеснений узбеков, они эмигрировали в меньшем количестве (относительно их общего количества). Например, в Фархорском тумане Кулябского вилоята из 5 000 эмигрировавших хозяйств, таджиков насчитывалось всего 150 хозяйств.⁵⁰ Важная причина меньшего оттока таджикского населения заключалась и в том, что таджики, в отличие от кочевых и полукочевых узбеков и туркменов, были оседлыми земледельцами. Кочевники владели движимым имуществом. Их главное богатство составлял скот, который мог передвигаться вместе со своими хозяевами. У оседлых же таджиков возделанные трудом многих поколений земельные участки, оборудованные сложными ирригационными системами, являлись единственным богатством, вывезти которое было невозможно. Поэтому, решение совершить хиджрат давалось таджикам труднее, чем их соседям-кочевникам.

Однако это не означало того, что таджики поддержали большевиков в их борьбе против узбеков и туркменов. Принадлежность к исламу, общие культурные корни крепили единство народов Средней Азии, стирая национальные различия. Как во время эмирата, так и позднее, в 1920-х гг. таджики и узбеки искали и находили общие интересы, действовали сообща. Роль посредников и примирителей национальных общин играли внациональные духовные лидеры - ишаны, шейхи, пиры, авторитет которых был непререкаем для всех. В целом, таджики, как более урбанизированные и образованные, по сравнению с их кочевыми соседями, преобладали в числе идейных руководителей сопротивления. Например, большинство бухарского духовенства составляли таджики. Много таджиков из числа горожан (торговцев, ремесленников) эмигрировали в индивидуальном порядке, особенно в начале 1930-х гг.

В 1920-х и 1930-х гг. таджики, как и узбеки, составили главное ядро мухаджиров Афганистана. Мухаджиры делились на две группы – ферганцев и бухарцев. Если первые были преимущественно узбекоязычными, то вторые – таджикоязычными. Нельзя не отметить влияние событий на советской стороне на национальное сознание таджиков и узбеков – как ансаров, так и мухаджиров. По свидетельству Слобина, мухаджиры очень редко называли свою родину (ватан) «Туркестаном». Чаще они употребляли «Шурави» («Советские») или «Таджикистан», что указывало на то, что они эмигрировали именно в советский период.⁵¹

Откуда уходили эмигранты? Прежде всего, из зоны боевых действий, а именно современного южного Таджикистана. В середине 1920-х гг., с целью изучения производственных и человеческих ресурсов, в этот при-

⁵⁰ АКРТ, ф.1, оп.1, д.780, л.59.

⁵¹ См.: Shalinsky A., Op. cit.104.

граничный регион была снаряжена специальная научная экспедиция, состоявшая из русских экспертов - знатоков статистики. Правительственная комиссия обнаружила только в Курган-Тюбинском районе 49 совершенно заброшенных кишлаков. Поля, огороды, бахчи, сады к тому времени потеряли свой первоначальный вид, заросли сорняками и камышом. Жилые дома и хозяйственные постройки разрушились, дувалы (глинобитные ограды) почти сравнялись с землей.⁵² В 1925 г. из 167 кишлаков Кобаданского, Аральского, Джиликульского и Сарай - Камарского районов 84 (50 %) были опустевшими.⁵³ В основной своей массе в этих кишлаках проживали таджики и узбеки.

В целом, таджики составили треть по численности (после туркмен и узбеков) группу эмигрантов. Например, в середине 1920-х в приграничной полосе - Рустаке, Ханабаде, Имам Саибе проживало 4,5 тысяч семейств узбеков, 3,7 тысяч таджиков, 1,3 тысяч киргизов и 0,5 тысяч туркмен.⁵⁴ Таджики не имели племенного деления и потому жили большими семьями (авлодами). Несколько авлодов, составляющих селение возглавлял традиционный авторитет, который мог отстаивать интересы общины в диалоге с афганцами и мобилизовать военные ресурсы в случае возникновения внешней угрозы. В военное время роль лидеров общин играли курбаши. Одним из таких авторитетов среди таджиков был курбаши Абдукадыр Додхо. Судя по воинскому знанию (додхо, то есть генерал) он был высшим офицером эмирской армии. Необходимо также отметить, что таджики (в первую очередь их вооруженные отряды) во время установления Советской власти бежали не только в Афганистан, но и в Каратегин и Дарваз. Эти горные районы со сплошным таджикским населением были советизированы только летом 1923 г., после масштабной военной операции Красной Армии. Тогда в Дарвазе произошло восстание во главе с Диловаршо и Усманбеком. После его неудачи в Афганистан ушло 250 человек.⁵⁵ Таджики бежали не только из территории современного Таджикистана, но и соседнего Сурхандарьинского региона Узбекистана. В начале 1920-х гг. 40 тысяч таджиков и узбеков покинули Сурхан Дарью (западную часть Восточной Бухары) и ушли в афганское изгнание.

Какова же общая статистика среднеазиатских эмигрантов в Афганистане? С достаточной точностью можно говорить о населении, покинувшем Восточную Бухару, которая в 1924 г. почти целиком вошла в Таджикистан. По данным ревкома (правительства) Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР), на конец 1926 г. территорию республики покинули 44 тысячи хозяйств или 206 800 человек

⁵² АКРТ, ф.1, оп.1, д.149, л.л. 23-32; Там же, л.л.4-13.

⁵³ Ходжаев Мумин. Таджикистан в борьбе за хлопковую независимость Союза//Революция и национальность, 1931, N 5. С.34.

⁵⁴ АКРТ, ф.1, оп.1, д.149, л.13.

⁵⁵ АКРТ, ф.4511, оп.16, д.125, л.71.

(4,7 человек на одно хозяйство). Это составляло 25% всего населения и 33% всех хозяйств Таджикистана. Большая часть их них проживала ранее в Курган-Тюбинском (опустевшем более чем наполовину), Кулябском и Гиссарских районах. К ним следует добавить 40 тысяч таджиков и узбеков соседнего Сурхандарьинского района Узбекистана.

Киргизы

Англо-русское разграничение конца XIX века привело к драматическому нарушению традиционного уклада киргизских общин. Оно привело к тому, что практически все киргизы сегодняшнего Афганистана это беженцы из северных («русско-советских») территорий. Особенно не повезло киргизам т. н. Малого Памира - восточной оконечности Ваханского коридора, что на стыке Таджикистана, Китая, Афганистана и Индии.

Памирские киргизы, привыкшие к жизни на заоблачных высотах выше 4000 метров над уровнем моря, являли собой уникальный народ Средней Азии. В изучаемом периоде их ханом был знаменитый Джапаркул (1862-1943) и его сын Рахманкул (1913-1990). Прежде чем насовсем перебраться в Афганистан, Джапаркул был главой всех киргизов Восточного Памира (мингбоши Мургаба). Тогда Восточный Памир подчинялся кокандскому хану, который установил свое доминирование в этом заоблачном регионе в 1860-х гг. Власть кокандцев, впрочем, была больше номинальной. Памирским киргизам приходилось отстаивать свою независимость в постоянных стычках с кокандцами, кашгарцами, читральцами и афганцами. В конце XIX века территория проживания памирских киргизов была поделена между Россией, Китаем и Афганистаном. Как утверждает Назиф Шахрани, именно закрытие границ вызвало изоляцию и заброшенность населенного таджиками и киргизами Ваханского коридора, который в течение многих веков служил частью “Шелкового пути”.⁵⁶ В 1895 г. Джапаркул увел 100 хозяйств киргизов-тейитов в крайнюю северо-восточную часть Вахана, известную как Малый Памир, ставшей после размежевания 1895 г. частью Афганистана. К тому времени там уже проживали до 40 хозяйств киргизов-тейитов, переселившихся из китайской части Памира. Тейиты решились на перекочевку в афганские пределы, так как правительство этой страны предпочитало договариваться с местными лидерами, не навязывая им свои порядки и не угрожая их целостности, как это делали русские. Киргизы Малого Памира тяготели к Афганистану еще и потому, что не разделяли политику коммунистического режима СССР. Кроме того, по географическим и климатическим причинам китайская, равно как и индийская территории Памира были для киргизов доступны в меньшей степени, чем афганская и советская⁵⁷. В то же время, Малый

⁵⁶ См.: Shahrani M. N., *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to Closed Frontiers*, XIX.

⁵⁷ О судьбе киргизов Малого Памира см. последнюю главу настоящего исследования.

Памир не был приспособлен для круглогодичного проживания. Его жителям было необходимо зимовать в более мягком климате советского Восточного Памира.

Помимо памирских киргизов, в северном Афганистане проживали киргизы, бежавшие из Вахшской долины, куда они попали из горных районов Каратегина (современный Рашт) и киргизского Алая. Совершенно очевидно, что киргизы составили небольшую, по сравнению с узбеками и таджиками, группу эмигрантов. В целом, по меньшей мере 1300 хозяйств киргизов Алая, Каратегина и Вахшской долины⁵⁸ и примерно треть (из трехтысячного) киргизского населения Восточного Памира в первой половине 1920-х гг. откочевали в афганский Бадахшан и Катаган.⁵⁹ Один из членов делегации Туркестанского правительства, побывавший на Восточном Памире в сентябре 1921 г. отмечал, что киргизы, имевшие средства передвижения переправились в афганский Вахан. Оставшиеся ждали, когда пригонят обратно верблюдов и яков, чтобы отправиться вслед за ушедшими первыми. Причины киргизской эмиграции были такими же, как у других этнических групп региона. Причем киргизов интересовала не сколько политика, сколько забота о своем образе жизни. Это была отчаянная попытка сохранения кочевого образа жизни на заоблачных высотах. Возглавляли киргизских эмигрантов – помимо Джапаркула и его сына Рахманкула - Султанбек, Абдулрашид и другие алайские вожаки.⁶⁰ Предположительно, общее число киргизов в Афганистане в начале 1930-х гг. не превышало 7500. Киргизы – эти кочевники высокогорий Центральной Азии, ни с кем, кроме ближайших соседей, горцев –таджиков проживавших чуть ниже киргизов, не общались. В изучаемый период им удавалось сохранять свой уклад, не задумываясь о трудностях интеграции в афганское общество.

Казахи

Так же как туркмены и киргизы, почти все казахи Афганистана – эмигранты из правобережной Средней Азии. Относительно казахов в Афганистане имеются сведения шведского этнографа Гуннара Ярринга и Бурханиддина Кушкеки, побывавших в приграничных с СССР районах Афганистана в начале 1930-х гг. Ярринг встречал там казахов Младшего жуза, а Кушкеки - 200 хозяйств казахов в местечке Чахар Дара. Другой западный автор - Шурманн упоминает казахов, проживавших в Ханабаде, Андхое, а также (500 человек) в Герате, в местечке под названием Казах Сарай. Большинство их бежало во время насильственной коллективизации в начале 1930-х гг.⁶¹ Точное количество казахов в Афганистане не

⁵⁸ АКРТ, ф.1, оп.1, д.780, л.59.

⁵⁹ ЦГАУз, ф.р-17, оп.13, д.19, л.л.105-108.

⁶⁰ ЦГАУз, ф.р-17, оп.13, д.19, л.л.106.

⁶¹ См.: Мендикулова Г. М. Указ. соч. С.94.

дает ни один из указанных авторов. Нет их и в книге исследовательницы казахской диаспоры Г. Мендикуловой. По нашим предположениям, их количество не превышало 10 тысяч. (В 1970-х гг. в Афганистане было примерно 17 тысяч казахов⁶²). Не следует забывать, что историческая родина казахов (степных номадов) простиралась на значительном отдалении от афганской границы и мало чем напоминала ландшафт Иранского нагорья. Поскольку их было мало, и им приходилось, в отличие от киргизов обитавших в высокогорье, жить в самой гуще афганского народа, в Афганистане казахи тяготели к узбекским общинам. Казахи не всегда обозначались как мухаджiry, видимо из-за их малочисленности и непохожести на ферганцев и бухарцев. В Мазари Шарифе, например, они занимались продажей чапанов (халатов народов Средней Азии) – типичным бизнесом мухаджиров.⁶³ В целом, казахи чувствовали себя не так комфортно в Афганском Туркестане, как в Китайском. Они испытывали неудобства в Афганистане из-за своих отличительных расовых признаков и незнания персидского. По этой причине, по мнению Слобина, они стояли ниже узбеков-мухаджиров в социально-экономической иерархии Афганистана. Нередки случаи, когда казахские семьи становились клиентами более знатных узбекских фамилий.⁶⁴

Эмигранты немусульманского происхождения

По разным причинам в Афганистане оказались немусульманские, главным образом, русские беженцы. В 1932 г. советская сторона предлагала афганцам создать совместную комиссию для решения их судьбы, но афганцы отказались.⁶⁵ К началу 1930-х гг. их было в Афганистане несколько десятков, в том числе бывшие белогвардейцы, рабочие, служащие. Большинство из них бежали, как и мусульмане, через южный Таджикистан (Куляб и Курган-Тюбе). Так, 18 февраля 1933 г. в английское посольство в Кабуле привели русского, очень ослабшего и изнеможенного. Он назвался Александром Леонтьевичем Панасюком (в других местах документа упоминается Панарчуком). По его рассказам, он работал в Керки, в магазине. Оттуда бежал в Куляб, где встретил неких Сергея Соловова (Соловьева?) и Арсения Репети, с которыми вскоре бежал в афганский Ханабад. Там, трое беглецов были арестованы афганцами, но вскоре (вероятно в 1929 г., после падения Амануллы, когда эмигранты получили возможность свободного передвижения) были вызволены из плена сторонниками Ибрагимбека. Ибрагимбек назначил Соловова доктором в свой отряд. Когда Ибрагимбек бежал в СССР (в 1931 г.), русские были снова арестованы и привезены в Кабул. Соловова отпустили, Репети бежал, а Панасю-

⁶² Naby, Eden and Magnus, Ralph. Н. Op. cit. 17

⁶³ Shalinsky A., Op. cit. 101.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ IOR: R/12/62. P:11. 1932

ка (Панарчука) посадили на 2,5 года. Тем временем, Соловово, получив паспорт и визу, проживал в Карачи. Англичане давали разрешение далеко не всем, и некоторые русские оставались работать и жить в Кабуле. Так, Федор Николаевич Чемаков, Лебедев (Абдул Карим) и еще 20 русских работали в различных мастерских в Кабуле. Некоторые русские бежали из Афганистана в Индию и Синьцзянь.⁶⁶ Наряду с русскими, упоминаются также несколько кавказцев (обозначенных как осетины), примыкавших в разное время к басмачам. Немусульманские поданные СССР бежавшие в Афганистан не представляли собой устойчивую группу. Они или следовали далее в Китай или Индию, или ассимилировались в афганскую среду, главным образом в Кабуле.

Общее представление о составе среднеазиатской эмиграции в Афганистане приведено в нижеследующей таблице.

Таблица VI

**СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ**

Национальность	Происхождение	Количество семей	Средний размер семьи	Количество эмигрантов
Туркмены	Керки, Тахта Базар	42 580	5,3	225 305
Таджики, узбеки и другие (туркмены, арабы)	Гиссар, Курган-Тюбе, Куляб, Джиликкуль	44 000	4,7	206 800
Таджики, узбеки	Сурхандарья	8 000	5	40 000
Таджики	Дарваз	50	5	250
Киргизы	Каратегин, Курган-Тюбе	1 300	5	6 500
Киргизы	Восточный Памир	200	5	1 000
Казахи	Западный Казахстан	2 000	5	10 000
Русские, кавказцы	Южный Таджикистан	-	-	100
ВСЕГО		98 130		489 955

⁶⁶ Ibid.

Приведенные данные (кроме казахов и русских) получены, главным образом, путем экспедиционных обследований и опросов, проводившихся правительственными (советскими) чиновниками, разведывательными и политическими органами войск Туркестанского фронта и Главного Политического управления (ГПУ). Данные приведены на вторую половину 1920-х гг., то есть на пик эмиграции первой волны. Цифры, разумеется, приблизительные. По всей вероятности, настоящее число было выше, чем приведенное в таблице VI. В нее не вошли эмигранты второй волны конца 1920-х-начала 1930-х гг. По нашему предположению, общее количество среднеазиатских эмигрантов в Афганистане в середине 1930-х гг., когда эмиграция фактически прекратилась, приближалось к одному миллиону.⁶⁷

Статистические обследования, проводившиеся Советской властью в Средней Азии в 1922, 1924 и 1926 гг. постоянно подчеркивали, что “повсюду наблюдается значительное сокращение населения”, причем наибольшая убыль отмечалась “в таджикских (то есть приграничных) районах”.⁶⁸

Западные исследователи придерживаются похожего мнения:

Таблица VII

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1914-1926 (В ТЫСЯЧАХ)⁶⁹

Регион	1914	1920	1926
Туркестан	7 062	5 270	6 890
Бухара	2 500-3 000	2 030-2 682	2 221
Хива	550-800	607-640	504
Казахстан	4 464	5 046	5 097
ВСЕГО	14 576-15 326	12 953-13 638	14 712

Согласно таблице VII, наибольшая убыль населения (около 1 миллиона) до 1926 г. приходится на Бухарский эмират и Туркестан. Как мы выяснили, примерно половину этой цифры составляет эмиграция, главным образом, из приграничной полосы Восточной Бухары. Эти сведения подтверждаются советской статистикой. Согласно сведениям Центрального Статистического Управления (ЦСУ) Средней Азии, в 1917 г. население Таджикистана (Гиссар, Курган-Тюбе, Куляб, Гарм, Истравшан, Пенджикент и Бадахшан) составило 1 374 685 человек. Перепись населения 1926

⁶⁷ Общее количество населения Афганистана за период с 1917 по 1935 гг. выросло с 5 245 000 до 6 855 000. Afghanistan. Historical demographical data of the whole country <http://www.populstat.info/Asia/afghanic.htm>

⁶⁸ ЦГАТ, ф. 21, оп.7, д.2, л.66.

⁶⁹ Buttino, Marco, “Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917-1920” *Central Asian Survey* 9, no.4, (1990), 69.

г. отметила в тех же границах уже 831 180 человек.⁷⁰ Убыль населения только Таджикистана в 1917-1926 гг. составила, таким образом, 543 505 человека. В это число вошли эмигранты, погибшие в боях, умершие от голода, болезней.

Мы пользовались в основном отрывочными оценками и статистическими материалами. Точный подсчет количества убывших из Средней Азии за границу в 1917-1934 гг. затруднен из-за отсутствия достоверных данных. Первая научно-организованная перепись населения Российской империи в том числе Туркестанского генерал-губернаторства и Степного края проводилась в 1897 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство в ней не учитывались как формально независимые государства. Более или менее полная перепись, в которой впервые вводилась категория «национальность» проводилась в СССР только в 1926 г. Однако административные границы Российской империи и Средней Азии после размежевания 1924 г. разнятся, и это затрудняет подсчет. И наконец, для понимания истинных масштабов изменения численности коренного населения региона необходимо иметь ввиду значительный наплыв преимущественно русскоязычного населения из Поволжья и других Российских регионов в Среднюю Азию во время голода 1921 и 1933 гг. А итоги советской переписи 1937 г., как известно, вообще были объявлены ошибочными. Полученная в результате этой переписи численность населения страны оказалось гораздо меньше ожидавшейся. Она показала 162 миллиона, тогда как население страны на начало 1934 г. составляло 168 млн.

Тем не менее, большинство источников указывают на значительную убыль населения в результате революции 1917 г., последовавшей войны и коллективизации.

Некоторые источники советского происхождения утверждают, что все эмигранты были басмачами, а весь район Катагана и Бадахшана - басмаческим. Это утверждение может быть справедливым в отношении вооруженных групп эмигрантов. Основная масса же эмигрантов была озабочена проблемами физического выживания и поддерживала басмачей скорее пассивно, чем активно.

Что касается эмигрантской элиты, то она была размещена в Кабуле и находилась в поле зрения правительства. Ибрагимбек, который бежал в июне 1926 г., почти немедленно был приглашен в столицу, где ему, как и некоторым другим знатным бухарцам, было назначено жалование. Афганское правительство требовало, чтобы он, как и другие высокопоставленные беглецы, не покидал отведенной ему резиденции (Кала-и Фату) без специального на то разрешения.

Почему именно Афганистан послужил убежищем мусульман, бежавших от насильственного насаждения новой власти? Можно назвать не-

⁷⁰ ЦГАТ, ф. 168, оп. 1, д.203, л.3.

сколько причин: географическое расположение, наличие протяженной слабоохраняемой границы, исторические и этнические связи. Наиболее же важным, на наш взгляд, был религиозный фактор. Дело в том, что после падения турецкого халифата в 1918 г., Афганистан в традиционном сознании мусульман стал отождествляться с “дар ул-исламом” (исламским государством), преемником Оттоманской империи, прекратившей свое официальное существование в 1923 г. Помимо бухарцев и туркестанцев, Афганистан дал приют 20 тысячам индийских мусульман (движение “хиджрат”).⁷¹ Естественно, Аманулла как властелин “чистой” мусульманской страны не мог отказать в гостеприимстве единоверцам из сопредельных стран. Другие соседние страны - Индия и Иран контролировались англичанами, серьезно опасавшимися “русской угрозы”. Англия была сильно озабочена влиянием русской революции 1917 г. на ее владения на Среднем Востоке и в Южной Азии. Поэтому она проводила в отношении Средней Азии и ее эмигрантов политику “закрытых дверей”. Была введена строгая система, цель которой заключалась в том, чтобы не допустить в Индию тех, кто мог иметь какое-либо отношение к большевикам, а также к немецким и турецким службам. Чиновники в департаменте иностранных и политических дел держали под строгим контролем пути въезда в Индию и вели списки всех, пересекающих пограничную линию.⁷² Как англичане представляли эмигрантов?

Посол Великобритании в Кабуле Хэмфрис в апреле 1923 г. по этому поводу писал:

«Среднеазиатских эмигрантов можно разделить на три группы:

- а) Эмиссары антибольшевистских партий, стремящиеся представить всему миру и Великобритании, в особенности, свой протест;
- б) Собственно беженцы, движимые единственной целью избежать смуты, без какой-либо политической цели. Некоторые из них, помня о той благосклонности, которую питали англичане к меньшевикам в прошлом,⁷³ надеются на подобную благосклонность к ним самим;
- в) Замаскированные большевистские агенты, возможно выдающие себя за а) или б).⁷⁴»

Приграничная полоса доставляла хлопот всем - афганцам, англичанам и советской стороне. Средазбюро ЦК ВКП (б) в 1928 г. провело детальное обследование приграничной полосы с Афганистаном. Оно обна-

⁷¹ Fletcher, Arnold, *Afghanistan: Highway of Conquest* (New-York: Greenwood Press), 197. See also: Raja Ehsan Aziz, “Pakistan’s Relation with Afghanistan” *Central Asian Survey*, 7, no.2-3 (1988).

⁷² Vinod Bhatia, *Jawaharlal Nehru and the Making of Indo-Soviet Relations, 1917-1947* Moscow: Mysl, 1989, 46.

⁷³ Имеется ввиду поддержка эсеро-меньшевистскому “Временному Закаспийскому правительству» (Туркмения), оказанная войсками командующего Восточно-персидского кордона генерала В. Малессона в августе 1918 -марте 1919 гг.

⁷⁴ PRO:FO 371/9286: N 4066/141 197.

ружило, помимо разрушения хозяйственных связей, резкое снижение численности населения, прежде всего за счет эмиграции кочевых племен. Новая власть стремилась исправить положение путем переселения. В Таджикистане, например, в связи с эмиграцией основной части (узбекского) населения, Советская власть переселила в южный Таджикистан таджиков из других частей республики (Дарваза, Гиссара), в результате чего, доля таджикского населения в Кулябе, Курган-тюбе возросла. Тем не менее, туркмены, а также узбеки - катаганы, конграты, карлуки, таз, лакайцы, дурмены, тюрки-меришкары, казаки и др. самым плотным образом населяли приграничную Афганистану советскую полосу.

Население противоположного (афганского) берега являло собой аналогичную картину расселения туркменских и узбекских племен. Эти поселения выходцев правого берега, расположенные вдоль границы вызывали беспокойство афганского правительства. Оно было озабоченно нарушениями границы, ношением оружия и другими нарушениями законности, допускаемыми эмигрантами. В Рустаке, Алиабаде, Янги Кале, Ак Тепе, Таир Кашгаре проживали видные курбаши – Палван Ходжа, Махмудбек-конграт, Хурамбек, Бай Сары. Они распустили своих джигитов для занятий мирным трудом, но не теряли с ними связи. За различные преступления, включая грабежи и незаконные переходы советских границ, афганский правитель провинции Катаган Абдул Шукурхан неоднократно подвергал аресту курбаши Ханджана, Курартыка, Дурманкула, Алат Палвана и содержал их в янгикалинской тюрьме.⁷⁵ Аресту, правда домашнему, подвергся и Палван Ходжа. Правительство также предпринимало попытки переселения лакайцев, карлуков, туркмен и прочих в соседние провинции Афганистана. Так, в октябре 1926 г. большинство лакайцев курбаши Игамберды были переселены из приграничной полосы Рустака на менее удобные, пустующие земли Алиабада. В результате, Алиабад (Айлабад) стал центром эмигрантов-лакайцев. Карлуки, туркмены, конграты и прочие переселялись также в Алиабад и Гури Баглан.

В Афганистане, часть эмигрантов была наделена землей. Остальные, кто победней, арендовали участки, добывали соль, занимались продажей дров, выжиганием угля. Эмигранты платили те же налоги, что и афганцы, но не несли воинской повинности, не были обязаны отдавать детей в школу, не преследовались за нарушение новых афганских законов, запрещавших калым и многоженство (во время реформ Амануллы в 1928 г.). Несмотря на предложения властей, таджики и узбеки, вслед за туркменами, отказывались принимать афганское подданство, так как с одной стороны не одобряли реформ, проводившихся афганским правительством, с другой - надеялись на восстановление эмирата и возвращение на родину.⁷⁶

⁷⁵ Курартык Аширов, Алат Палван Эшмирзаев – лакайские курбаши, казнены вместе в Ибрагимбеком в Ташкенте в 1932 г.

⁷⁶ АКРТ, ф.7, оп.7, д.60, л.88.

Каков был социальный состав эмиграции? В ней были представлены все классы и сословия Бухары и Туркестана: эмир, чиновники, феодалы, купцы, священники, ремесленники, многочисленная деревенская беднота. У каждого из них были свои причины - политические, экономические, религиозные, личные и пр. - для бегства. Несмотря на то, что основная масса эмигрантов была далека от политики, это была именно политическая эмиграция. Среднеазиатская эмиграция - это протест (активный или пассивный) той насильственной ломке традиционных, в том числе религиозных, представлений, жизненного уклада, которые несла с собой новая власть. Это было «голосование ногами» против Советской власти.

Политические течения

Первая и вторая волны среднеазиатской эмиграции совпали с критическим периодом перехода от традиционалистского общества к современности, который переживали все исламские сообщества. Этот процесс (продолжающийся и сегодня) сопровождался повсеместным ростом политизации мусульманских общин. Эмиграция отразила процесс политизации ислама, и в то же время сама она стала важной частью этого движения. Как конкретно происходил этот процесс? Следует указать, что на политический климат Средней Азии изучаемого периода влияли три следующих фактора:

1. Кризис мусульманской общины, столкнувшейся с окружающим, постоянно меняющимся миром. Это привело к пересмотру устаревших традиционных ценностей (реформизму) с одной стороны, и к политическому консерватизму и военной конфронтации с «неверными» - с другой;
2. Русская колонизация, которая облегчила среднеазиатам доступ к реформаторским и революционным идеям;
3. Победившая большевистская революция, которая придала силу двум указанным выше факторам.

В 1920-х гг. среднеазиатское общество столкнулось с трудной дилеммой. Бороться против превосходящего по силе противника для реставрации прежнего строя, или пойти на компромисс с Советской властью, чтобы развиваться в новой политической системе с ее современными и динамичными социальными и экономическими структурами?

Такая ситуация привела к расколу среднеазиатского общества. Большинство терпимо отнеслось к новому порядку и вступило в эпоху невиданной прежде социальной и экономической трансформации в пределах Советской России и далее СССР. Другие, изгнанные большевистской революцией, были вынуждены занять позицию, противоположную Советской власти. Какие именно политические настроения господствовали в эмиграции? Как выглядел политический спектр эмиграции? Имеющийся материал позволяет утверждать, что он во многом повторял политическую

жизнь в “русской” Средней Азии. Условно эмигрантские политические течения в Афганистане можно выделить в следующие четыре группы:

1. Эмиристы.
2. Ортодоксальное духовенство.
3. Суфии и ишаны.
4. Джадиды.

К сожалению, изучение политической истории эмиграции затрудняется из-за недостатка источников. Тем не менее, с учетом важности проблемы, мы позволим себе дать краткую характеристику указанных выше групп.

Эмиристы

Партию эмира составляли Алим Хан с семьей, его окружение, высокопоставленные чиновники, богатые феодалы и прочие сторонники эмирата. Правящая мангытская династия не просто пострадала от революции. Она была безжалостно уничтожена ею. Большинство ее представителей были арестованы Советами в 1920-1921 гг. Саид Мир Сидык, дядя Алим Хана (брат эмира Абдулахад Хана) был заключен в тюрьму вместе с родственниками сразу после революции.⁷⁷ Зятья Абдулахад Хана Саид Мир Абдувахид Хан и Саид Мир Абдурахман Хан были расстреляны в советской тюрьме. Остальные были отпущены в 1922 г. и выдворены из Бухары в Афганистан через Термез. В 1922 г. Мир Сидык, его брат Мир Хазар, жена Мир Сидыка, его мать и дочь Алим Хана прибыли в Афганистан, где разделили изгнание с Саид Алим Ханом. Кроме кабульского окружения экс-эмира, около 250 бывших эмирских чиновников проживали в Ханабаде. Все они получали содержание от Амануллы. Мир Сидык неоднократно и безуспешно просил английскую визу для следования в Индию.⁷⁸

Судьбу Мир Сидика разделило большинство родственников эмира. Что касается политической доктрины эмиризма, то новейшая история Средней Азии дает картину резкого и безвозвратного упадка монархизма. Причину этого можно легко заметить, если проследить за деятельностью небольшой группы деспотических политиков, преследующих свои узкие консервативные цели. Эмиристы не имели никакой позитивной программы, кроме острого желания изгнать большевиков и восстановить эмират. У них не было сколько-нибудь твердой социальной базы, на которую они могли опираться. Вооруженной силой эмиристов выступила, главным образом, окраинная Восточная Бухара. Это произошло отчасти потому, что традиционно власть бухарских правителей в этом регионе была номинальной, и потому местных беков и их слуг вполне устраивало восстановление власти слабого и безвольного эмира. Основой легитимности эмиризма была

⁷⁷ Саид Мухаммад Мир Сидык Хан (Хишмат) в 1871-1878 гг. был беком Карши и Чарджуя. В 1885 г., после воцарения Абдулахада, Мир Садык, так же как и другие братья эмира, попал в опалу. Известен как поэт и знаток классической литературы.

⁷⁸ IOR: L/P&S/10/950: P 5188.

религиозная составляющая, а не националистическая и потому их не поддерживали ферганские (узбекские) басмачи и сторонники автономии Туркестана.

Эта партия продемонстрировала свою пробританскую ориентацию открыто в 1918 и 1919 гг., когда намеревалась изгнать большевиков из Средней Азии с помощью английских войск генерала Малессона. Тогда, за этот флирт с англичанами эмир поплатился тем, что вызвал гнев большевиков, устроивших вскоре «бухарскую революцию». Равным образом, заигрывания эмиристов с англичанами не были забыты Амануллой. С точки зрения расклада политических сил российской эмиграции, бухарские эмиристы были связаны с русскими роялистами, точнее с Великим князем Кириллом, проживавшим в Париже.⁷⁹ При всяком удобном случае Алим Хан демонстрировал свою приверженность лозунгу “единой и неделимой России”. Однако дальше пылких устных заявлений о преданности царизму дело не пошло. В 1926 г., через посредство французского посольства в Кабуле Алим Хан получил некоторое количество антисоветской литературы (вероятно листовок и брошюр). Русские монархисты-эмигранты из Франции и Швейцарии, передавшие литературу, попросили Алим Хана через своих людей распространить ее в Средней Азии. Однако, как свидетельствовал Ибрагимбек, эмиристы не смогли выполнить эту просьбу, так как не имели достаточной поддержки и необходимой подпольной инфраструктуры в СССР.

Помимо англичан, Алим Хан искал контактов с представителями Франции, Германии и других европейских государств, стараясь выйти на коронованных особ Старого Света. Как утверждал Ибрагимбек, посланник экс-эмира Бухары, купец Мукимбаев встретил в Европе одного богатого бухарского еврея-эмигранта. Последний познакомил Мукимбаева с некоей русской аристократкой. Эта дама, имя которой осталось неизвестным, прежде встречалась с Алим Ханом в России и, якобы, симпатизировала ему. Она помогла Мукимбаеву, как неофициальному лицу, пробраться в Лигу Наций (Женева), на конференцию по вопросам политических беженцев. Об этом же пишет Г. Фрезер. В сентябре 1927 г., появившись в женевском Дворце, во время одного из перерывов, Мукимбаев буквально всучил ошарашенным членам делегации Великобритании меморандум, написанный Алим Ханом и попросил устроить ему официальную встречу с кем-нибудь из английских делегатов. Меморандум был отправлен в Лондон, но во встрече Мукимбаеву было отказано. Послание Алим Хана, как пишет Фрезер, не вызвали большого интереса в Форин офисе и было оставлено без ответа на том основании, что оно исходило от лица, лишленно

⁷⁹ Великий князь Кирилл Владимирович (1876-1938) - старший сын Великого князя Владимира Александровича, внук императора Александра II и племянник императора Александра III, двоюродный брат Николая II. 31 августа 1924 г. он издал Манифест, где нарек себя Императором Всероссийским.

го официального статуса.⁸⁰ Англичане ограничились тем, что поведали с трибуны Лиги Наций о “жалобах бухарцев на безнравственные методы русских большевиков.” Личный секретарь Мукумбаева белоэмигрант Сахаров способствовал распространению указанного меморандума в Париже и Женеве. Выдержки из него были опубликованы в ряде европейских газет и журналов. В нем содержались реверансы в адрес русской монархии. В частности, экс-эмир, называвший себя «преданным подданным Императора России» писал:

«Мы воюем исключительно против атеистической власти большевиков, которая угнетает и (самых) русских. Среди наших сторонников есть русские. Русские завоевали нашу страну честным образом – в открытом бою. После завоевания они не вмешивались в наши внутренние дела, Они уважали наши религиозные институты, Мой покойный отец очень любил русских. Я сам обучался в гвардейском полку при Дворе Его Императорского Величества».⁸¹

Подобные верноподданнические заявления усиливали неприязнь бывших джаидов – эмигрантов, ненавидевших эмирский строй и боровшихся за «освобождение Туркестана от русского владычества». Тем не менее, никаких последствий эти публикации не вызвали. Позже, в 1929 г., этот меморандум был помещен в «Голос угнетенной Бухары» - книгу воспоминаний Алим Хана.

Другой бухарский эмигрант, Хайдар Ходжа Мирбадалев, также пытался взять на себя роль представителя эмира на Западе. До этого, почти сорок лет он работал переводчиком в русском консульстве в Кагане (Новая Бухара). В это время он успел перейти в российское подданство и дослужиться до поста заведующего канцелярией при императорском Политическом агентстве в Новой Бухаре. После падения Временного правительства он перешел на службу к эмиру. Мирбадалев служил посредником между Алим Ханом и Ф. П. Бэйли во время секретной миссии последнего в Бухаре в 1919 г.⁸² Тогда, в сложной для английского шпиона ситуации, Мирбадалев спас жизнь Бэйли. В благодарность, в 1920 г. Бэйли снабдил Мирбадалева паспортом и визой для въезда в Британскую Индию. Через пять лет он то же самое сделал для сына Хайдар Ходжи – Искандара Джахонгира, бежавшего из Самарканда.

“Поскольку я чрезвычайно враждебен большевизму и большевикам, я был бы счастлив сделать все, что в моих силах для помощи в деле освобождения моей страны от их (большевиков) ига”.

⁸⁰ Fraser, Glenda, “Alim Khan and the Fall of the Bokharan Emirate in 1920”, *Central Asian Survey* vol.7, no. 4 (1988), 59.

⁸¹ Andican, A. Op.cit. 169.

⁸² Между прочим, в 1912 г. Мирбадалев был редактором первой газеты на таджикском языке “Бухорои Шариф”. Он также служил посредником при примирении правительства Алим Хана и комиссаров Ташкента во время колесовских сотытий 1918 г. Мирбадалев скончался в 1938 г. в Мешхеде, Иран.

Так излагал англичанам свое кредо Мирбадалев.⁸³ Действуя от имени Алим Хана, он не прерывал попыток наладить контакты с антибольшевистскими кругами Европы и организовать помощь восточнобухарским басмачам. В 1922 г. Хайдар Ходжа задался целью встретиться с англичанами для оказания помощи Энверу Паше, но правительство в Симле отказало ему в приеме.⁸⁴ В 1926-1927 гг. Мирбадалев, заручившись поддержкой Бэйли, предпринял еще одну попытку получить помощь Англии. Ответ был холоден:

“неплохо бы предупредить Мир Хайдара о невозможности использования Индии в качестве базы своих действий”.⁸⁵

Эмиристы опирались на наиболее активную часть вооруженной эмиграции - узбекские отряды Ибрагимбека. Они не могли, или не хотели расширить свою базу и создать более широкое общенациональное антисоветское движение с включением туда джадидской националистической эмиграции. В этом проявилась отличительная черта политики эмиристской партии – ее консерватизм. Усилия сторонников восстановления эмирата были обращены целиком в прошлое. Революция, война и изгнание ничему их не научили. Они наглядно продемонстрировали политическую несостоятельность воззрений сторонников монархизма.

Если верить Агабекову, то в середине 1925 г. Алим Хан обратился к советской стороне с неожиданным предложением примириться, при условии, если ему дадут небольшую компенсацию: пенсию и фиктивную власть над одной из провинций Бухары. Разумеется, Москва отказалась вести какие-либо переговоры с Алимом.⁸⁶ Ей было необходимо любым способом разоблачить бывшего эмира. Резидент советской разведки в Кабуле лез из кожи вон, чтобы найти хоть малейшее документальное свидетельство о преступной связи басмачей и эмира с англичанами. С этой целью Агабеков встречался с Куршерматом.⁸⁷ Однако, несмотря на упорные и долгие усилия советской разведки, выудить у эмигрантов такого рода свидетельства не удалось по той простой причине, что таковых не существовало. Когда чекисты выпытывали у Ибрагимбека сведения о его связях с англичанами, лакаец со свойственной ему прямоотой заметил:

«В какие-либо переговоры с англичанами в Пешаваре или в другом месте я не вступал, так как подчинялся бывшему эмиру Алим Хану и обращался за помощью только к нему. Обращение к кому-либо, помимо Алим Хана, явилось бы неподчинением ему, чего я не допускал».⁸⁸

⁸³ IOR:L/R&S/950.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Агабеков Г. *ГПУ Записки чекиста*. С. 85.

⁸⁷ Агабеков Г. *ЧК за работой*. С.123.

⁸⁸ Дело 123469. С. 249

Разочарованная и раздраженная советская агентура делала все возможное, чтобы перессорить эмигрантов. Не без ее участия эмиристы испортили отношения со многими беглыми курбаши. Эмигрантские дрязги, предательства, зависть, интриги советской разведки подтачивали и без того политически рыхлую эмиграцию. В частности Фузайл Максум, по свидетельству Агабекова «ненавидел эмира смертельной ненавистью». Будучи завербован Агабековым, Фузайл даже предлагал убить эмира бухарского, или же похитить его и отправить в Москву. Посол СССР Л. Н. Старк,⁸⁹ на усмотрение которого была оставлена задача возможного похищения или физического устранения эмира, придерживался политики выжидания удобного момента, «когда будет меньше риска вызвать осложнения с афганским и другими правительствами».⁹⁰ Разумеется убивать Алим Хана не имело смысла. Во-первых, он не представлял большой опасности, так как находился под надзором афганцев. Во-вторых, его убийство создало бы ему ореол мученика-шахида. И наконец, Алим Хан был нужен Советской власти как персона, олицетворяющая темные контрреволюционные силы. Пока жив Алим Хан, оставалась угроза реставрации эмирата, а значит чрезвычайные меры и репрессии по отношению к явным и вымышленным врагам Советской власти были оправданы и необходимы.

Возвращаясь к мусульманским политическим движениям, важно отметить, что революция глубоко изменила ислам Средней Азии. Отдельные части мусульманского общества реагировали на произошедшее по-разному. В результате размежевания, на политической арене региона возникли три группы: ортодоксальное духовенство, суфии и ишаны, и исламские реформаторы.

Ортодоксальное духовенство . Ортодоксальное духовенство – пионер ислама в регионе. Представленный им ислам всегда ассоциировался с установившейся системой правления. Оно было бастионом консерватизма и оплотом борьбы против вольнодумства. В политическое сознание многих поколений среднеазиатов ортодоксы неустанно вбивали, что подчинение правителю и укрепление его правления является одним из главных предписаний корана. По этой причине ортодоксы рассматривали спасение эмирата важнейшим условием триумфа веры. Они внушали, что падение Бухары, как исламского государства, является величайшей катастрофой, угрожающей самой исламской религии. После революции 1920 г. и падения эмирата ортодоксальное духовенство было лишено официального статуса и положенных привилегий, но, тем не менее, оставалось лояльным эмиру. Оно было вынуждено рассеяться по территории Бухары

⁸⁹ Старк Л. Н. (1889-1937), Участник Октябрьской революции 1917 г. Советский дипломат, полпред в Афганистане в 1924-1936 гг. Расстрелян в 1937 г.

⁹⁰ Агабеков Г. *ГПУ Записки чекиста*. С. 87.

или бежать за границу. Коррупционность части духовенства, его склонность монополизировать «связь с богом» и предоставлять свои услуги власть предержащим не осталась незамеченной. По этой причине ортодоксальное духовенство рассматривалось Советской властью как кратковременный политический союзник. Большевиков привлекло умение ортодоксов внушать массам преклонение перед властью. Во время подъема восстаний, большевики пытались организовать “советизированные” религиозные институты и мобилизовать их на борьбу против басмачей. В 1923 г. и позднее, по всей Бухаре проходили “съезды духовенства и улемов”, принимавшие просоветские и антибасмаческие резолюции. Впрочем, среди “советизированных” мулл находились и те, кто связал себя с новой властью потому, что не поддержал милитаризованный ислам, считая его напрасным кровопролитием.

Переживания бухарского духовенства хорошо изложены Мухаммадали Балджувони, автором “Поучительной истории”. В 1923 г. он был вынужден покинуть Самарканд и отправиться в свой родной Балджувон для продолжения карьеры и поиска средств существования. Вероятно, им руководило и стремление сохранить и укрепить веру, укрывшись в отдалении от стремительно меняющегося крупного города, каким был Самарканд. Женившись на Зайтуне - дочери местного муллы по имени Закир, Мухаммадали задается целью организовать сельскую школу. По словам односельчан, у сельского учителя была пара коров и небольшой участок земли, которые и кормили его. В то время вакф, руководивший финансами мечетей и медресе, находился в упадке и не мог поддержать школу. Расходы на нее взяла на себя сельская община. Каждое из 8 хозяйств селения давало в день один «нон» (лепешку) для поддержки школы. Этого не хватало, и зачастую соседние кишлаки подкармливали учеников и Мухаммадали.⁹¹

Взгляды Балджувони отражают весь спектр переживаний образованного среднего класса Бухары в критический для страны и общества период. Признавая падение и поражение Бухары, Балджувони пытался понять причины происходящего. С точки зрения классовой, его позиции могут показаться нечеткими, а анализ полным противоречий. Автор “Поучительной истории” осуждает эмира за его жестокость и ограниченность, в то же время восхищается отвагой и героизмом его защитников - муджахидов. Так же горячо он возмущается кровавыми преступлениями разбойников, считавших себя защитниками веры. В целом, Балджувони не принял новой власти, но и не присоединился к басмачам. Избегая прямого контакта с Советской властью, он не нашел своего места в новом порядке. Выход был найден в уходе “в народ”, которое напоминало бегство от реальности. Это было своеобразной внутренней эмиграцией, которая по-

⁹¹ Балджувони. Указ. соч. С.6.

звояла не чувствовать себя обиженным и побежденным. Балджувони и ему подобные, стремились, обратившись к религии, сохранить себя физически, морально и духовно. Для них только религия могла обеспечить выживание. Помимо этого, Балджувони явился одним из последних преподавателей традиционного, книжного ислама. Очень скоро в Средней Азии воцарится атеистическое, массовое образование, а традиция школьной передачи религиозного знания от поколения к поколению специально подготовленными для этого профессионалами – прервется.

Часть потерпевшего поражение официального духовенства присоединилась к сопротивлению и поддержала эмира как внутри страны, так и в эмиграции. Другие, смирившись с Советской властью, дали начало так называемому “официальному” исламу. И, наконец, какая-то часть духовенства отказалась посещать советские мечети и сосредоточилась на сохранении и усилении “неофициального” ислама на уровне семьи (авлода), племени, селения и незаконных религиозных братств. В результате, вместе с появлением «официального» ислама в советской Средней Азии возникла и его неизменная тень, в виде «параллельного», «народного» или «неофициального» ислама.

Суфии и ишаны в Средней Азии имеют глубокие исторические корни. Религиозные переживания здесь проявляются не только в поклонении Аллаху и Пророку Мухаммаду, но и в почитании различных святых. Узбеки, таджики, туркмены, киргизы, уйгуры и пуштуны верят, что мусульманин может поклоняться некоему посреднику между ним и Богом. Это может быть святой, или просто выдающийся своей набожностью человек. В этой роли чаще выступали ишаны и схожие с ними шейхи, муршиды, устыды, пиры. Сила этих реальных и воображаемых святых коренилась в исламском мистицизме, или суфизме. Наставляя мусульман, расширяя сферу влияния религии, суфизм играл большую роль в распространении ислама и формировании мусульманского общества. Хотя считается, что суфизм, как внутреннее измерение ислама не противоречит, а дополняет шариат, представляющий собой «внешнюю оболочку» ислама,⁹² на деле суфии и ишаны нередко противостояли книжному исламу просвещенных уламо. Равным образом, ортодоксальные религиозные авторитеты с подозрением относились к эзотеризму суфиев. Тем не менее, влияние суфиев было сильно как на официальном, так и на неофициальном уровне. Неудивительно, что суфизм оставил свой след в политической жизни среднеазиатского общества, в частности в басмачестве.

В басмачестве и далее в эмиграции заметную роль играли суфии, относившие себя к Дахбеди Шариф (Дахбиди Шариф). Они были одинаково популярны среди туркмен, таджиков, узбеков и уйгуров. Что это за

⁹² Glasse Cyril. *The Concise Encyclopedia of Islam*. Harper San-Francisco, 1999. 376.

братство? Источники упоминают группу суфиев из местности Дахбед (с таджикского: «Десять ив») что близ Самарканда, эмигрировавших в Гиссар и далее в афганский Бадахшан и Кундуз. Примерная дата переселения - XVII век.⁹³ Эта группа выдвинула влиятельных религиозных лидеров, проповедников, которые обрели немало последователей среди местных племен. Ишан Исахан, соратник Ибрагимбека, по этому поводу в 1931 г. говорил в ташкентской ЧК следующее:

“Сам я происхожу из семьи ишанов, которые проживали в Дахбеди Шариф. Мой дед в поисках мюридов прибыл в Гиссар, где обрел немало последователей среди местных племен. В Гиссаре было всего две такие семьи. Это моя семья и Ишана Калона. Мы, выходцы Дахбеди Шарифа носили название ишанов Макдуми Агзам. Звание ишана у нас передавалось по наследству”.⁹⁴

Вероятно, речь идет о клане «ходжагон» или Макдумзада, основанном шейхом по имени Ахмад ибни Мавлоно Джалолиддин Ходжагии Касани, или просто Ахмад Касани (1461-1542), который прославился как Макдуми Азам (или Макдуми Муаззам, с арабского: «Великий господин»).⁹⁵ Макдуми Азам родился в городе Касан (Косон) Ферганской долины. Он был мюридом шейха Мухаммад-Кази, ученика и преемника главы накшбандийцев, величайшего религиозного, феодального и политического авторитета средневековья по имени Ходжа Ахрар (ум. в 1490 г.). После смерти своего наставника, Ахмад Касани стал главой ордена, которым руководил вплоть до смерти. По приглашению одного из крупных военных деятелей Шейбани Хана Джонибека Султана Саид Ахмада Хасани, он переселяется на территорию Дахбеда (городок в 12 километрах к северу от Самарканда) и дает начало клану Дахбеди Шариф. Ахмад Касани считался крупным авторитетом и теоретиком ордена накшбандия. Он оставил ряд трактатов по суфизму на таджикском языке. Среди мюридов Касани был поэт и шах моголов Захириддин Бабур (1483-1530). Ахмад Касани был богат, влиятелен и весьма активен политически. Он часто вмешивался в распри шейбанидских султанов.

Последователи Касани -ходжагон (Махдумзада) имели своих послушников среди мусульман-суннитов всего региона - от Хорасана до Синьцзяня. В частности, один из святых по имени Махзуми Азам Джурджани (то есть из Горгана) был популярен среди туркмен прикапийского Ирана. Он похоронен в Туркмении - в Гарригалинском районе у селения Магтым-Кала.⁹⁶ Сыновья Ахмада Касани разбились на две враждующие секты -

⁹³ Кушкеки Б. Указ. соч. С.9.

⁹⁴ Дело 123469. С.115.

⁹⁵ Мухаммедходжаев А. *Идеология накшбандизма*. Душанбе: Дониш, 1991. СС.205-206.

⁹⁶ См.: Сергей Демидов «Туркменские овляды и пророк Мухаммед» <http://erkin.net/chronicle2/news303.html>

черногорцев и белогорцев (каратаглик и октаглик).⁹⁷ Сын Ахмада Касани Ходжа Мухаммад-Исхак Вали (лидер черногорцев) в конце XVI века прибыл из Дахбеда в Кашгар.⁹⁸ Ордену ходжагон-накшбандия приписывается распространение ислама в Восточном Туркестане в том числе среди киргизских и казахских родов. Борьба двух групп Макдумзада - черногорцев и белогорцев - развернулась по всему краю, захватив казахские и киргизские владения. В Восточном Туркестане упомянутые суфийские группы боролись между собой прибегая к помощи джунгарских ханов.

Эти привилегированные религиозно-социальные группы, претендующие на реальные или вымышленные связи с Макдуми Азамом, были разбросаны по всему региону. Они проводили миссионерскую деятельность, расширяя сферы идеологического влияния и вербуя новых мюридов, тем самым увеличивая доходы шейхов-руководителей.⁹⁹ С целью укрепления могущества своей группы они не останавливались перед переманиванием мюридов от других шейхов (в частности из ордена Кубравия). Правители, объявляя себя мюридами того или иного ордена, считали их руководителей своим наставниками. При помощи шейхов, они использовали ордена в своих междоусобных войнах. Многие ханы заключали соглашения с орденами в борьбе против сепаратизма военно-кочевой знати. В результате, шейхи-руководители братств превратились в могущественную военно-политическую силу, с которой не могли не считаться племена и ханы.

Выходцы из Дахбеда были среди правителей Гиссара, Яфтала (афганский Бадахшан) и других местностей. По прибытии в новые места, ишаны Дахбеда обрастали новыми последователями. В Восточной Бухаре они сконцентрировались на работе в самой гуще народа.¹⁰⁰ Особое внимание уделялось полукучевым узбекским племенам. Неграмотные в своей массе, они были расположены больше к мистическому, терпимому и гибкому, чем эмпирическому, основанному на кораническом знании, исламу. В результате, к XIX веку суфизм в Восточной Бухаре и Северном Афганистане пустил глубокие корни в кочевых массах и потерял свой внешнеэтнический и элитистский характер. Тот же Ишан Исахан признавался на следствии:

«По отцовской линии я наследовал мюридов из лакайцев, казаков, маркинцев. От марка у меня было до десяти мюридов. Все казаки

⁹⁷ В 1680 г. белогорские ходжи с помощью калмыка Галдан-Бошукту-хана утвердились в Яркенде и Кашгаре, а их извечные противники - черногорцы - были вынуждены искать убежища в Индии и Средней Азии. См: «Та'рих-и Кашгар». Рукопись анонимного автора, составленная в первой четверти XVIII. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Kasgar/text2.phtml?id=1463>.

⁹⁸ Шах-Махмуд Ибн Мирза Фазил Чурас. *Хроника*. Рукопись первой четверти XVII написанная в Восточном Туркестане на таджикском, и посвященная черногорским ходжам <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Curas/framepred1.htm>

⁹⁹ Шах-Махмуд Ибн Мирза Фазил Чурас <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Curas/primtext1.phtml>

¹⁰⁰ И по сей день по всему Таджикистану и Афганистану можно найти многочисленных потомков и приверженцев Макдуми Азама, считающих себя выходцами из Дахбеда.

были моими мюридами, даже те, которые жили в Афганистане. Большинство лакайцев были моими мюридами. Среди таджиков у меня мюридов не было».¹⁰¹

Суфизм принимал самые различные формы. Классический суфизм обычно имел свои институты, которые выполняли функции сохранения и распространения своего учения. В новейший период истории Средней Азии, эти ордена теряли свойства и качества, присущие классическому суфизму, дойдя то той степени, когда, как выразилась известная исследовательница ислама Сухарева, «суфизм выродился в ишанизм».¹⁰² Западный исследователь В. Смит высказывает схожую мысль:

«Ордена (суфийские-К.А.) дегенерировали от мистического проникновения к легковерному суеверию; от немногословной интуиции к абракадабре возбужденного шарлатана».¹⁰³

Другими словами, в Средней Азии изучаемого периода более уместно говорить не о «метафизическом» суфизме великих духовных авторитетов, а о так называемом «народном» суфизме. Естественен в этой связи вопрос: можно ли считать ишанизм последней стадией среднеазиатского суфизма? Начать следует с того, что, находясь среди полукочевых узбеков и горных таджиков Восточной Бухары, ишаны Макдуми Азам теряли (или почти потеряли) духовные связи со своими первосвященниками - пирами Дахбеда. Разрушению этих связей способствовали русская колонизация, революции, войны, введение светского массового обучения. Произошло принципиальное ослабление «силсилы» - цепи, связывавшей тарикаты с первоисточником – святым откровением Пророка Мухаммада и его компаньонов. С другой стороны, ишаны проникли в народную гущу и срослись с местными племенными (узбекскими и туркменскими) и оседлыми (таджикскими) структурами. В результате, суфийские ордена превратились в хорошо организованные, связанные жесткой дисциплиной (основанной на лояльности братству, семье, соседям) группы солидарности. В таких группах бывает очень трудно различить религиозно-мистические связи и лояльности от племенных, местнических и прочих. В дальнейшем, многие из этих братств составили ядро басмачества.¹⁰⁴ Не удивительно, что эмир Алим Хан привлек к сотрудничеству шейхов, имевших в своем распоряжении преданных мюридов. По поводу ишанов, русский офицер и исследователь начала XX века А. Е. Снесарев, хорошо их знавший, писал:

«Если вы хотите заручиться тем, чтобы военная обстановка сложилась для вас благополучно, если вы хотите, чтобы таджики были на

¹⁰¹ Дело 123469. С.115.

¹⁰² См.: Демидов С. М. *Суфизм в Туркменистане*. -Ашхабад: Илим, 1978. С.111.

¹⁰³ Smith W. C. *Islam in Modern History*, (Princeton University Press, 1957), 46.

¹⁰⁴ По нашему мнению, многие из этих групп, известные по формулировкам КГБ как «ишано-мюридские группировки» принимали активное участие в политической и военной борьбе в Таджикистане в 1990-х гг.

вашей стороне, если хотите получить доступ в толщу таджикского народа, — прежде всего позаботьтесь о привлечении на свою сторону ишанов. Ишаны это главный двигатель жизни этого народа. Человека этого боготворят, его окружают вниманием и почетом, целуют его стремя, когда он едет верхом».¹⁰⁵

Таким образом, в Средней Азии рассматриваемого периода мы имеем дело не с классическим суфизмом, а его пережитком в виде «народного» суфизма или племенной формы ишанизма, который почти потерял фактическую связь со своим суфийским идеологическим источником. Сами ишаны подтверждают это:

“С ишанами Самарканда и Дахбеди Шарифа я никогда не имел связи”, признавался Ишан Исахан.¹⁰⁶

Будучи оторванными от своего мистического и философского дискурса, к началу XX века суфийские миссии из поиска правды превратились в вульгарные поиски мюридов, которые бы обеспечили безбедное существование наследственным ишанам, стремящимся сохранить свое привилегированное положение в среднеазиатском обществе.

С социологической точки зрения ишанские группы представляли собой союзы из десятков, сотен, а то и тысяч мюридов, фанатически преданных (только) своим духовникам. Разумеется, далеко не все лидеры орденов были действительно суфиями, наделенными духовной интуицией и необыкновенным трансцендентальным знанием. Они были наследственными муршидами и их харизма переходила от поколения к поколению. В почитании рядовыми мусульманами суфиев и ишанов отразилось поверхностное, народное, массовое понимание духовности (встречающееся, кстати, в любой цивилизации и культуре). Эта «народная духовность» и вытекающая из нее слепая и фанатическая приверженность к религии, ее символам и ритуалам, на самом деле, не имела ничего общего с присущим настоящему суфизму самосовершенствованием, сопровождающимся неизбежным отстранением от жестких религиозных рамок. Вульгаризированный и доведенный до уровня фольклора суфизм зачастую превращался в «мудрость идиотов».¹⁰⁷

Несмотря на свою деградацию и отступление от классического суфизма, ишанизм Восточной Бухары сохранил присущую суфийским орденам жесткую организацию и дисциплину. Член ордена (мюрид) на протяжении всей своей жизни находился под непрерывным руководством своего шейха, ишана или пира. Ни одно мало-мальски значительное событие в жизни мюрида не происходило без благословения патрона. Ото-

¹⁰⁵ Снесарев А.Е. *Афганистан*. – М.: «Русская панорама», 2002. (Возвращенное наследие: памятники военной мысли). Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>.

¹⁰⁶ Дело 123469. С.115.

¹⁰⁷ Cyril Glasse. *Op. cit.*, 380.

рванные от религиозных центров ишаны, как правило, были плохо образованны. Взамен, они владели телами и душами послушников и умело манипулировали их сознанием. Преданность ишану была обычным делом. Не удивительно, что именно ишанские братства, объединившись с милитаризованными феодальными структурами, взяли на себя функцию защиты ислама. Ишаны стали идеологическими вдохновителями джихада. Понятно, что центрами басмаческого сопротивления стали не города, а отдаленные, чаще приграничные регионы туркменских степей и предгорий Восточной Бухары. Там власть ортодоксальных, официальных, склонных к коллаборационизму мулл была слаба, и наоборот, харизматические ишаны и консервативные муллы пользовались ничем не ограниченным влиянием на свободолюбивых пастухов и земледельцев. Туркменский ишан Курбан Мурад, например, призвал туркмен на борьбу с царскими войсками в Геок-Тепе в 1879-1881 гг. Вначале царская армия потерпела сокрушительное поражение от туркмен, но спустя два года русские войска под командованием амбициозного генерала Скобелева жестоко отомстили, зверски вырезав тысячи текинцев, включая женщин и детей. Известный шейх по имени Хан Ишан был духовником туркмена Джунайда. До 1925 г. все шесть или семь основных туркменских лидеров имели своих ишанов, которые занимались духовными делами и администрацией отрядов. В ряде случаев ишаны были непосредственными командирами отрядов. Как указывалось ранее, самым авторитетным руководителем таджикского басмачества в 1921-1923 гг. был Ишан Султан из Дарваза. Другой известный ишан из Душанбе (имя неизвестно) благословил таджикского курбаши Рахмана Додхо (убитого в 1925 г.) на борьбу против «неверных». Та же самая картина наблюдается в среде лакайских отрядов, где ишан Дамулла Хан благословил узбеков на джихад. Как указывалось выше, свой духовный наставник - Ишони Довуд из Куляба - был и у Ибрагимбека. Как признавался Ибрагимбек, каждый из его отрядов имел своего ишана-духовника. Они выступали своего рода «комиссарами» при военных командирах – курбаши. Ишаны обычно не относили себя к какой-либо национальности или этнической группе и выступали за укрепление единства мусульман вне зависимости от происхождения.

Суфийские ордена Кадирия и Накшбандия были популярны во всем регионе Средней Азии – от туркменского Хорасана до уйгурского Синьцзяня. Они пустили глубокие корни в самую толщу народа. Накшбандия, особенно распространенная в Средней Азии, придерживалась принципа «хилват дар анджуман» («уединение в гуще общества»), что отрицало монашество и затворничество. Накшбандийские ишаны стремились быть «внешне с народом, внутренне с богом», то есть никогда не отгораживались от народа, его нужд и забот. Они находились в самом центре социальной и политической жизни мусульман. Особенно сильными были пози-

ции политически активного духовенства в Кулябской зоне. В этом, наиболее близком к Афганистану регионе, Советские спецслужбы насчитали 231 из 410 наиболее влиятельных таджикистанских мулл и ишанов. Все они были подвергнуты репрессиям. Так, в 1924 г., была арестована большая группа духовенства, во главе Кази Исмагулло Каримовым, которого Советская власть считала «крупным идеологом басмачества».¹⁰⁸ По подсчетам, проведенным Средазбюро ЦК ВКП (б), «в приграничной полосе Таджикистана на 313 душ приходилось одно духовное лицо».¹⁰⁹ Начальник ГПУ Таджикистана в 1925 г. сообщал с тревогой:

«Ишанизм опять начинает возрождаться, работа идет тихо, спокойно и заключается в непременном исповедании веры, отчуждении от неверных, организации старых орденов, поддержания строгой жизни мусульман личным примером и неуклонным воздействием, исполнении шариата, восстановление связи с границей».¹¹⁰

Способность харизматических религиозных лидеров мобилизовать население на насильственные протестные акции оказала сильное впечатление на Советскую власть. Она рассматривала ишанизм как серьезную угрозу существующему строю в Таджикистане. Все таджикские ишаны были взяты на учет. Согласно информации ГПУ ТАССР в 1925 г. в республике было около 50 ишанов, каждый из которых имел от 500 до 10 000 мюридов. Если принять на веру это утверждение (а другой информации на этот счет не имеется), то получается, что в Таджикистане (точнее в современной его центральной и южной части) было около 50 братств, общим количеством до 500 тысяч человек. Это огромное количество для 750-тысячного населения Таджикистана того времени.

Для того, чтобы полнее представить социально-политический облик бухарского духовенства, проследим судьбу Сулеймана сына Салохиiddина, обозначенного в советских документах как Салохиiddинов, известного также по имени Ишан Судур. Он являлся видной фигурой среди басмачей Восточной Бухары и верным соратником Ибрагимбека. Его отец, Салохиiddин, занимал видный пост в эмирской администрации во время правления Абдулахад Хана (отца Алим Хана) и заведовал надзором за мечетями и медресе. Сулейман получил высокий чин судура¹¹¹ от Алим Хана, но никакой конкретной работы не выполнял. Он жил у своей сестры, бывшей замужем за Акрам Ханом, беком Гузара – братом эмира Абдулахад и дядей Алим Хана. Сулейман Салохиiddинов был богатым, по тем временам, человеком. Он владел домом, земельным участком, мельницей в Гузаре, а также небольшим домом с участком в

¹⁰⁸ ГАРТ, ф.24-9, оп.1, д.17, л.78.

¹⁰⁹ АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 780, л. 99.

¹¹⁰ ГАРТ, ф.24 с/3-9, оп. 17, л.78.

¹¹¹ Судур – от: «садр», то есть «столп». Почетное религиозное звание.

городе Бухара. В 1921 г., когда началась война, Сулейман вместе со своим шурином Акрам Ханом последовал за Алим Ханом в Афганистан - сначала в Ханабад, затем в Кабул. В эмиграции он сближается с другим (афганским) ишаном - Саид Аббасом из Упияна (Кухдоман, близ Кабула) и выдает свою дочь за его сына. По признанию самого Сулеймана, Саид Аббас “жил достаточно зажиточно, получая богатые дары от мюридов”.¹¹² Однако ностальгия не покидала старого ишана и в 1930 г. Сулейман, более известный среди эмигрантов как Ишан Судур, отправился в стан к Ибрагимбеку. Когда он узнал о предстоящем переходе на советскую сторону, Судур стал близким сторонником и советником Ибрагимбека. В списке расстрелянных летом 1932 г. ташкентской ЧК сторонников Ибрагимбека, Ишан Судур значится первым.

Стараясь предотвратить конфликты между отдельными командирами и племенными лидерами, ишаны стремились объединить мусульман, укрепить общину. Как уже указывалось, наибольшим авторитетом среди эмигрантов пользовался туркмен Ишан Халифа из Кызыл Аяка. Его авторитет держался не столько на харизме, сколько на военной мощи его послышников. Его благословение было обязательно, особенно если предстояло принять какое-либо политическое решение.¹¹³

Влияние ишанов на среднеазиатское общество нельзя абсолютизировать. Оно противоречило, прежде всего, ортодоксальному, нормативному, интеллектуальному, «высокому» исламу, а также исламскому реформизму (джадидизму). Кроме того, ишанизм не стал самостоятельным политическим фактором. Сам факт влияния какого-то ишана на население не означает того, что оно было неизбежно направлено против Советской власти и на поддержку басмачества. Как в Чечне и Дагестане XIX века, так в Средней Азии 1920-х, а также Чечне и Таджикистане 1990-х гг., суфии и ишаны нередко стояли по разные стороны баррикад. Многие из них призывали к миру и выступили противниками джихадистов. В Дарвазе, например, часть ишанов – противников Ишан Султана поддержала большевиков. Более того, брат казненного турками в 1923 г. Ишан Султана – Ишан Шабудин встал на сторону Советской власти и был даже назначен председателем Дарвазского ревкома.¹¹⁴ Это еще одно доказательство того, что принадлежность к мусульманской религии отнюдь не означает того, что все мусульмане принадлежат к одной политической партии.

¹¹² Дело 123469. С.162.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ГАРТ, ф. 1, оп.1, д.12. В исламской истории были аналогичные прецеденты. Шейх Чечни XIX века Кунта Хаджи Кишиев, известный как «Кавказский Махатма Ганди», например, находился в оппозиции «джихадисту» Шейху Шамилю. Подобным образом, многие ишаны Таджикистана, во время гражданской войны 1992-1997 гг. не позволяли своим последователям брать в руки оружие и проливать невинную кровь.

Джадиды. Если суфии и ишаны ставили своей целью защиту ислама от угрозы извне, то джадидская партия представляла другую важную тенденцию современного ислама, а именно внутренние реформы. Объективно обе тенденции представляли общее явление политизации ислама. Они появились в виде реакции на наступление Запада, хотя субъективно они не осознавали общих целей и находились в постоянном конфликте. Ишаны и ортодоксальные муллы сопротивлялись любой инновации, которая по их мнению противоречила шариату, и по этой причине относились к исламским реформаторам отрицательно. Джадиды-реформаторы отвечали им тем же. Один из них, Махмуд Ходжа Бехбуди, казненный за свои передовые идеи эмиром в 1919 г., гневно осуждал “пиров и ишанов, сеющих невежество и как мертвый, хватающий за ноги живого, не давая ему двигаться вперед”. Не удивительно, что в эмиграции, означавшей поражение обеих партий, разногласия между ортодоксами-эмиритами вкупе с ишанами с одной стороны, и джадидами – с другой увеличились еще больше. По прошествии некоторого времени, этот раскол привел к противостоянию. Как уже упоминалось, воодушевленная действиями Советской власти по развитию образования и культуры, большая часть джадидов сделала выбор в пользу большевиков.

За границей джадиды никак не были связаны с эмиритами, и тем более ишанами. Среди них было немало высокообразованных людей. К джадидам можно отнести эмигрантов-бывших руководителей БНСР, таких как Усман Ходжаев (председатель ЦИК), Абдулхамид Арифов (министр обороны), Хашим Шаик (посол БНСР в Кабуле) и др.

Хашим Шаик (1882-1954) был назначен послом Бухареспублики в Кабуле в январе 1922 г. и приступил к своим обязанностям в апреле того же года. Примерно в это же время в Бухаре приступил к исполнению своих обязанностей и афганский посол. Весной 1922 г., в связи с авантюрой Энвера и вмешательством афганцев в дела Бухары, отношения между промосковским правительством БНСР и Афганистаном обострились и афганский посол был в 24 часа выдворен из Бухары. Хашим Шаик пытался способствовать посылке нового посла в Бухару, но его действия были оставлены без внимания официальной Бухарой. Для него стало очевидно, что Советская Россия не позволит Бухаре и Афганистану установить равноправные дипломатические отношения. Вскоре (в июне или июле 1922 г.), правительство БНСР, под нажимом РСФСР прислало телеграмму, в которой говорилось, что бухарское посольство более не посольство, а “агентство”.¹¹⁵ Вдобавок, российское посольство чинило всякие препятствия работе бухарцев, плело интриги и дезавуировало работу посольства БНСР. Глубокое разочарование постигло Шаика, видевшего, что от независимости Бухары не остается и следа. Шаик осудил политику России, обвинил ее в развязывании

¹¹⁵ IOR: L/P&S/10/950.

войны в Восточной Бухаре и в начале июня 1923 г. (по другим сведениям в конце 1922 г.) вместе со всем штатом посольства подал в отставку. Вторым секретарем посольства числился племянник Шаика (сын сестры), молодой поэт Атаджан.¹¹⁶ Хашим Шаик отпустил племянника в Бухару, а сам остался в Кабуле.¹¹⁷ Вскоре Шаик присоединился к Усман Ходжаеву и Абдулхамиду Арифову. Свои аргументы Шаик изложил в письме, адресованном правительству БНСР. Копия письма была вручена 4 июня 1923 г. чиновнику британской миссии в Кабуле вместе с просьбой выдачи транзитной визы для следования через Индию в Европу. Вскоре такая виза была предоставлена Хашиму Шаику, Ходже Хисамудину,¹¹⁸ Усману Ходжаеву, Мияну Бузруку и другим бухарцам.¹¹⁹ Однако, некоторые из них остались в Афганистане, чтобы по просьбе афганцев, помогать правительству близкого им по духу Амануллы. Хашим Шаик (известный также как Мухаммадхошим Шоик и Шаик Афанди) и Шариф Ходжа (еще один бывший сотрудник посольства Бухары) до 1928 г. работали в министерстве образования и обороны Афганистана соответственно.¹²⁰

Джадиды вначале надеялись с помощью большевиков и Красной Армии свергнуть эмират и создать национальное государство под своим руководством. Когда они поняли, что Москва не собирается делить с ними власть, произошел раскол партии. Часть джадидов во главе с Файзуллой Ходжаевым примирилась с советским господством в Средней Азии и активно включилась в государственную деятельность, не теряя впрочем, надежды на возрождение независимой, новой Бухары. Другая часть джадидов встала в оппозицию большевикам и поддержала Энвера. После поражения последнего, непримиримым джадидам не было пути назад в БНСР. Все они остались в эмиграции. Они потерпели поражение во многом из-за того, что не были поддержаны народом и фундаменталистами-басмачами. По этой причине, они имели все основания ненавидеть не только Советскую власть, но и сторонников экс-эмира. Шаик, например, не скрывал своей оппозиции Алим Хану. Это отметил и Ибрагимбек, который называл Шаика “республиканцем”. По разным причинам, некоторые курбаши отошли от эмиристов на близкие джадидам позиции. Наверняка им претили консерватизм и фундаментализм эмиристов. Среди тех, кто симпатизировал джадидам, находил-

¹¹⁶ Атаджан (Пайрав) Сулаймони стал учеником Садриддина Айни, знаменитым поэтом Советского Таджикистана. Скоропостижно скончался в 1933 г.

¹¹⁷ Саидов С. «Рохе аз Бухоро то Кобул» *Садои Мардум*, 21 августа 2002 г.

¹¹⁸ Мирза Ходжа Хисамудин, сын Мирзы Убайдуллы, уроженец Бухары, служил секретарем Мирзы Насруллы, премьер-министра эмирского правительства. После отставки последнего, Хисамудин был помещен в бухарскую тюрьму, откуда вышел после революции 1920 г. В 1922 г. его назначают секретарем Абдул Рахима, первого посла БНСР в Афганистане (которого в апреле 1922 г. сменил Хашим Шаик). В июне 1923 г. Хисамудин подает в отставку вместе с Шаиком. Ходжа Хисамудин сопровождал Шаика и Усмана Ходжу в эмиграции. - IOR: L/P&S/10/950: P 3618.

¹¹⁹ IOR: L/P&S/10/950: P 3973.

¹²⁰ Там же.

ся Куршермат - узбек из Ферганы и Фузайл Максум - таджик из Каратегина.¹²¹ Фузайл Максум в Кабуле сблизился с Хашимом Шаиком и турками. Фузайл вынашивал националистическую идею «Независимого Каратегина», противоречащую эмирскому идеалу восстановления «Благородной Бухары» как оплота ислама. Этнический сепаратизм Фузайла вызывал острую неприязнь экс-эмира Бухары.

Джаиды составили самую культурную, политическую активную часть эмиграции. Слабость ее была в малочисленности, узости социальной базы, отсутствии поддержки со стороны массы повстанцев и враждебности со стороны эмиристов. Эмиграция положила конец недолгой истории бухарского джаидизма. В изгнании джаиды рассеялись. Большинству их них, в отличие от эмиристов, англичане предоставили паспорта и визы для свободного передвижения. С самых первых дней эмиграции - в Мешхеде, Кабуле, Пешаваре - джаиды вместе с туркестанскими националистами добивались внешней поддержки. Они обращались к англичанам, афганцам, туркам. Некоторые джаиды группировались вокруг «Туркестанского национального объединения» (ТНО). Цель ТНО - освобождение национальных окраин России от русского контроля и образование независимых государств в Закаспии, Бухаре, Хиве, Фергане и Семиречье. Здесь туркестанцы расходились с эмиристами, выступавшими за восстановление эмирата как союзника «единой и неделимой» России. В ТНО вошли Арифов, Миян Бузрук (эмигранты), Нуридин Ходжа, Тураббек (из Ферганы), Джанузакон (из Семиречья), Терегулов (из Хивы). Его руководитель - А. Валидов в марте 1923 г. перешел т туркмено-иранскую границу и появился в Мешхеде. Здесь он обратился в турецкое и афганское посольства, имел тайные контакты с военным атташе английского посольства Д. Томпсоном. Валидов не терял надежды свергнуть Советскую власть вооруженным путем. Он представлял себя руководителем антисоветского движения в регионе и уверял, что только недостаток оружия и боеприпасов не позволяет вести операции в широком масштабе.¹²² Он горячо убеждал иностранные службы в том, что успех восстания в Восточной Бухаре явится причиной подъема во всем Туркестане. Наиболее интенсивные внешние связи Валидов ориентировал на джаидский идеал - Турцию. Он неоднократно посылал телеграммы турецкому лидеру Мустафе Кемалю. Националисты видели главное препятствие для достижения своей цели в расхождении среднеазиатских интересов Афганистана, Турции и Советской России с одной стороны, и Великобритании - с другой. Поэтому, они стремились добиться заключения антисоветского англо-турецкого договора. Эта простодушная попытка именно таким образом примирить соперников, вызвала иронию англичан.¹²³

¹²¹ Дело 123469. С.233-234.

¹²² IOR: L/P&S/10/950: P 3423.

¹²³ Там же.

Весной и летом 1923 г. Валидов побывал в Кабуле и Пешаваре. Все его попытки привлечь к себе внимание, закончились неудачей.¹²⁴ Судя по информационным материалам английских спецслужб, искренность антисоветских настроений Арифова, Ходжаева, Валидова и других джадидских эмигрантов ни у кого не вызывала сомнений. В то же время, офицеры секретной службы все события того времени рассматривали через призму «Большой игры», которую вели Англия, Россия и их союзники на Востоке. Поражение России в мировой войне, рассуждали англичане, сделало Индию открытой новой угрозой, а именно турецко-немецкому вторжению из территории Советской Средней Азии.¹²⁵ Противостоять этой потенциальной угрозе, английские колониальные власти считали своей главной обязанностью. Для этого они максимально использовали информацию, шедшую к ним от собственных агентов, а также путешественников и эмигрантов. Прежде чем выдать заявителям визы и паспорта, англичане в Дели и Симле подвергали эмигрантов подробным допросам. Из эмигрантов вербовались агенты британской разведки. Информация, полученная таким образом, получала высокую оценку чиновников и офицеров Британской Индии, хотя в личном плане беглым бухарцам и туркестанцам мало симпатизировали. В глазах англичан эмигранты представляли, во-первых как проигравшие неудачники и, во-вторых, как бывшие коммунисты. Офицер разведывательного бюро в Пешаваре Биггэн (Biggane) писал:

“Внимательно изучив документы, я склоняюсь к мысли, что Абдулхамид (Арифов-К.А.) был искренним сторонником большевиков, когда находился в составе Бухарского правительства. Он делал это в целях достижения карьеры. Затем он присоединился к Энверу, надеясь, что последний одолеет большевиков и станет во главе Среднеазиатской федерации. Сейчас (справка составлялась в апреле 1923 г.-К.А.) - это заурядный эмигрант со слабо выраженным желанием продолжать действовать, но только в случае если кто-либо наймет его.”¹²⁶

Англичане не были склонны преувеличивать масштабы национальных и мусульманских движений Средней Азии и во всем видели проявление захватнической политики Германии и Турции, якобы тайком договаривавшихся с СССР о совместном наступлении на позиции Великобритании в регионе. Они видели англофобов во всех - Энвере, Селиме, джадидах. Их агенты тенью следовали за Арифовым в Восточном Памире, Вахане, Дели, Бомбее. За Валидовым велся надзор по пути Мешхед – Кабул - Пешавар. Наверняка соглядатаем выступил кто-то из сопровождавших их друзей-соратников видных эмигрантов. Джадиды-эмигранты, считал английский военный атташе в Мешхеде Д. Томпсон, сами того не подозревая, являются игрушкой в руках большевистского руководства:

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Hopkirk P., *Setting the East Ablaze*, Oxford, 1986, 13.

¹²⁶ IOR: L/P&S/10/950: P 1304.

“Туркестанский националистический комитет (ТНО-К.А.) используется большевиками через посредство турецких националистов с целью реализации панисламистской программы. Вероятно, Салим Паша использует комитет для внедрения своих агентов в Индию.”¹²⁷

Трудно сказать, что же явилось причиной заблуждения английских властей относительно наличия столь изощренного советско-турецкого плана использования бухарских эмигрантов для наступления на позиции Англии в регионе: недостаток достоверной информации, профессиональная мнительность, или ненависть к большевизму и России?

Впрочем, другой вопрос представляется нам более интересным: кто выиграл от международной изоляции повстанческого движения и бухарской эмиграции? Ясно, что сторона, которая противостояла им (басмачам), а именно большевики. Этот факт важен для понимания того, что поражение антибольшевистских сил произошло не вопреки “поддержке империализма”, как утверждала советская пропаганда, а во многом из-за нейтральной позиции Англии, не оказавшей действенной помощи повстанческому движению Бухары и его эмигрантам за рубежом.

Возвращаясь к взаимоотношениям эмиристов и джадидов, следует отметить, что обе партии были едины в отношении необходимости свержения большевистской власти в Бухаре. Однако с вопроса о конечных целях и методах борьбы начинаются их разногласия, которые развели эти два полюса туркестано-бухарской эмиграции в разные стороны. И та, и другая группы пытались позиционировать себя как главную и единственную зарубежную политическую силу, противостоящую Советской власти в Средней Азии. Наряду с Мукимбаевым (эмиристом), джадид Усман Ходжаев пытался выступить с трибуны Лиги Наций перед мировым сообществом с декларациями от имени народа. Каждый из них заявлял, что только он и его товарищи являются “истинными представителями угнетенных большевиками народов Средней Азии”. Такая несогласованность, если не сказать враждебность между двумя принципиальными эмигрантскими группами, не могла не быть незамеченной Западом. Он склонялся к мысли, что эмиграция расколота, лишена надлежащего лидерства, и потому не заслуживает поддержки. Разумеется, националистическая (джадидская) эмиграция была более прогрессивной, чем консервативная (эмиристская). Именно джадиды способствовали политической модернизации края, направленной на сплочение всех антибольшевистских сил.

С конца 1920-х гг. политические процессы бухарской эмиграции идут по линии затухания. Культурная и состоятельная ее часть перебирается в Европу, Турцию, Индию, арабские страны. Оставшиеся оказываются втянутыми в водоворот кровавых событий, развернувшихся в Афганистане на рубеже 1920-х и 1930-х гг.

¹²⁷ IOR: L/P&S/10/950: P 3423.

Бачаи Сако и эмигранты

Ибрагимбек, как указывалось выше, после перехода афганской границы проживал с частью своей семьи в Ханабаде. На таджикской стороне он оставил двух своих жен и недавно родившегося сына Гуломхайдара. В июне 1926 г. к нему прибыл гонец с официальным приглашением следовать в столицу. Спустя несколько дней Ибрагимбек прибыл в Кабул. Его немедленно принял Алим Хан.¹²⁸ Он предложил лакайцу остаться в афганской столице и назначил пенсию в 1 500 рупий в месяц. Позже, афганское правительство начало доплачивать Ибрагимбеку еще 500 рупий. Этого, видимо, хватало на безбедную жизнь в столице. Шесть месяцев после прибытия, Ибрагимбек жил в Кала-и Фату, резиденции Алим Хана.

Интересное описание Кабула начала 1920-х гг. дает супруга советского посла Ф. Раскольникова,¹²⁹ «валькирия революции» Лариса Рейснер: «Город был наводнен пестрой толпой, в которой можно было видеть представителей всех сословий — индийских менял, пуштунов . . . бухарских эмигрантов с плоскими бесцветными лицами опухших от лени сатрапов с примесью беспокойства и озлобления, естественно-го в их новом положении приживальщиков при иностранном дворе.»¹³⁰

В Кабуле шла напряженная борьба между сторонниками советской и английской политической ориентации. Там лакайский вождь встретил Куршермата, который ему сразу не понравился:

«Он мне показался человеком несерьезным, болтливым. Если ему верить, он со всеми государствами, которые находятся во вражде с Советским Союзом, в частности с Англией и Францией, имеет постоянные связи, а с французами какое-то соглашение, со всеми он будто ведет деловые переговоры».¹³¹

Ибрагимбека не устраивала перспектива пребывать в бездействии в компании заживевшей эмирской челяди. Он настаивал перед Алим Ханом и афганским правительством на разрешении выехать из Кабула и поселиться в Ханабаде среди лакайцев.¹³² Однако ему было отказано в этой просьбе. Почему правительство настаивало на нахождении Ибрагимбека в Кабуле? Ответ ясен. Во-первых, чтобы изолировать опасного лакайца от верных ему вооруженных отрядов на севере; во-вторых, чтобы не портить отношений с Москвой; в-третьих, чтобы избежать самим неприятностей в северных провинциях; в-четвертых, Ибрагимбек был на положении

¹²⁸ Дело 123469. С.38.

¹²⁹ Раскольников Федор Федорович (1892-1939), советский партийный и военный деятель, дипломат. В 1921-1923 полпред в Афганистане. Погиб в Ницце (Франция) предположительно от руки советского чекиста.

¹³⁰ Рейснер Л. *Афганистан*. М-Л: Госиздат, 1925. С.26. Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926), советская писательница, журналистка. Член ВКП(б) с 1918. В 1921-1923 гг. находилась в составе советской дипломатической миссии в Афганистане.

¹³¹ Дело 123469. С.224.

¹³² Дело 123469. С.38.

“почетного гостя” правительства и потому никто не мог обвинить Аманулла в неуважении к “борцу за веру”.

Судя по всему, за Ибрагимбеком следили советские чекисты. Покуда он находился в столице под их негласным надзором, Ибрагим не представлял большой опасности. Согласно советской сводке, в середине октября 1926 г. к Ибрагиму в Кабул прибыла делегация от его родственников и приближенных, «которая им была хорошо принята». Сводка также сообщает, что «в разговорах Ибрагимбека интересовало политическое и экономическое развитие Таджикистана». Его также интересовало, «кого теперь расстреливает Советская власть».¹³³ Зимой 1926/1927 гг. в Кабул прибыла семья Ибрагимбека. Следующие два года он прожил с семьей и приближенными (общим количеством до 13 человек) в Кала-и Фату. Зимой, спасаясь от морозов, Ибрагимбек выезжал с Алим Ханом в Джалалабад. Так продолжалось до событий, связанных с падением режима Амануллы в начале 1929 г. и неожиданным восшествием на афганский престол Хабибуллы Калакани, известного также как Хабибулла Второй или Бачаи Сако (Бача-и Саккао).

Хабибулла, сын Рашида¹³⁴ - продавца винограда, таджика из деревни Калакан что в километрах 40 на север от Кабула, ставший на 9 месяцев 1929 г. эмиром Афганистана - еще одно действующее лицо истории о судьбах бухарской эмиграции в Афганистане. Большинство авторов и современников сходятся на том, что смелость и авантюризм в Хабибулле сочетались с честолюбием и большой набожностью. В этом Хабибулла походил на синьцзянцев Якуббека, Ма Джунина, и бухарца Ибрагимбека. Хабибулла родился в Калакане примерно в 1890 г. Как и Ибрагимбек, он был недоучкой. Хабибулла так и не закончил обучения в медресе. Вместе со своим отцом он работал в саду Мухаммад Хусайн Хана (отца Халилуллы Халили, своего будущего биографа), финансового чиновника при Аманулле. В детстве Хабибулле приходилось время от времени продавать виноград на базаре, что было весьма скучным для него занятием. В 1919 г. он поступил на воинскую службу. Он участвовал в войне 1919 г. с Англией в качестве бойца Парачинарского полка под командованием сипахсалара¹³⁵ Надир Хана. Устод Халилулло Халили, автор комплиментарного произведения о Бачаи Сако писал, что Хабибулла глубоко сочувствовал борьбе бухарцев против Красной Армии. Вместе с другими жителями северных провинций он видел наплыв многих тысяч среднеазиатских эмигрантов, слушал их рассказы о падении священной Бухары, приходе русских, жестокости красных войск. По свидетельству Халили, Хабибулла бывал в Кала-и Фату, в саду, принадлежавшем Алим Хану. Ловкий моло-

¹³³ АКПТ, ф. 1, оп. 1, д. 276, л.69.

¹³⁴ По другим данным отца Хабибуллы звали Хидаятулла.

¹³⁵ Главнокомандующего.

дец привлек внимание эмира-изгнанника, и тот предложил Хабибулле пойти к нему в услужение. Лоло (что означает «старший брат». Так звали Хабибулла его товарищи) ответил:

“У меня есть отец и мать, которым я служу. Поэтому я вынужден отказаться от Вашего предложения. Но когда Вы решитесь на священную войну с неверными - позовите меня”.¹³⁶

Это был образцовый ответ любящего сына и примерного мусульманина. Вскоре, по словам Халили, такая возможность служения джихаду представилась. Во время восстания в Восточной Бухаре под руководством Энвер Паши в 1922 г., как было указано выше, в Бухару были отправлены отряды, состоявшие из добровольцев Пандшера. В их числе был и Хабибулла Калакани, будущий эмир Афганистана. В частности, Бачаи Сако воевал в окрестностях Душанбе холодной зимой начала 1922 г.¹³⁷

Возможно, утверждение Халили о персональном участии Хабибуллы в мусульманском освободительном движении в Восточной Бухаре является плодом авторского вымысла. Однако, это предположение выглядит правдоподобным и вполне вписывается в контекст общей исторической обстановки, сложившейся в регионе в 1920-х гг.

Вскоре Хабибулла поступает на военную службу в «Кит’а-и Намуна» (образцовый полк), которым командовали турецкие офицеры, в частности Джемал Паша. Основанием для приема на службу сына водоноса («бачаи сако», или «бача-и сакао» на дари) послужило, якобы, письменное свидетельство, выданное в свое время генералом Энвер Пашой смелому «зобиту» (офицеру).¹³⁸ Успешной военной службе в афганской армии способствовали навыки, приобретенные Хабибуллой во время борьбы с Красной Армией в Восточной Бухаре, в частности в Душанбе в начале 1922 г.

Во второй половине 1920-х гг. Афганистан сотрясали непрерывные народные восстания под руководством Муллои Ланга, Абдул Карима и др. Хабибулла, будучи солдатом Афганской армии принимал участие в их усмирении. Вскоре, по обвинению в совершении дисциплинарного проступка Хабибулла попадает в тюрьму в родном Калакане, но бежит. Оказавшись на воле, он собирает небольшой разбойничий отряд. Он был такой же полубандит и полу-солдат, как Ма Джуниин и Ибрагимбек, которого тяготила рутина крестьянской и армейской жизни. В своем Кухдомане он помышлял грабежами и взиманием «доли» с проходящих караванов, что, впрочем, не было таким уж скандальным и редким занятием в Афганистане. Его смелость привлекает оппозиционеров, в частности сторонников Насруллы, брата Амануллы. Надо сказать, что антиправительственная пропаганда находила живой отклик в душе бунтаря. Как и в случае с Ибрагимбеком, успех карьеры Хабибуллы был обеспечен не только личными

¹³⁶ Халили Х. Указ. соч. С.75.

¹³⁷ Халили Х. Указ. соч. С.94.

¹³⁸ Дело 123469. С.44.

качествами лидера и удачей, но и в значительной степени поддержкой народной массы и духовенства. Хабибулла считал себя мюридом Шамс ул-Хака Муджаддеди Кухистани – пира Гулбахара. Муджаддеди были и остаются влиятельнейшим накшбандийским кланом Афганистана.

Осенью 1928 г. в Афганистане зреет недовольство реформаторской политикой Амануллы и преследованиями влиятельных религиозных лидеров, в частности известного Хазрата Сахиба Гуль Аки из Шур Базара¹³⁹. Хазрат Гуль Ака был известен тем, что в 1923 г. в присутствии всего двора бросил под ноги Аманулла Хана проект конституции, заявив, что это работа коммуниста, но никак не мусульманина. Герой англо-афганской войны, генерал Надир Хан, (старший в клане Мусохибан из мухаммадзай дуррани), который находился в изгнании во Франции, также был недоволен реформами Амануллы и засильем турецких офицеров.¹⁴⁰ Центром народного недовольства стали Кухдоман, Кухистан и Тагао, расположенные к северу от Кабула. Хабибулла становится популярным, организовав отпор эмирскому отряду, посланному арестовать оппозиционного муллу Тагао. Постепенно число бойцов Хабибуллы возрастает с 11 до 400. В ноябре 1928 г. Бачаи Сако совершает рейд в своем родном Кухдомане, убивает ряд правительственных чиновников. Одновременно, в ноябре 1928 г. восстали пуштуны шинвари в районе Джалалабада, что к востоку от Кабула. Необходимо отметить, что с афганской точки зрения это не были стихийные действия, в том смысле, что они были санкционированы религиозными лидерами (как и в Бухаре в 1921-1922 гг.). Санкция в форме «фетвы» (мнения) выдавалась авторитетными суфийскими лидерами, муллами, уламо. Фетвы содержали ссылки на Коран, хадисы и прецеденты исламской истории. Они были обязательным условием неподчинения гражданскому правительству и применения насилия в отношении мусульман. Без фетвы, в частности, нельзя было нападать на Кабул, столицу государства.

Имеющиеся источники и литература по-разному трактуют личность Бачаи Сако и природу его движения. Для таджикских (Х. Назаров) и некоторых афганских авторов, Хабибулла - это таджикский националист и патриот, выступавший против пуштунского шовинизма, в то время как другие (Халили) подчеркивают его преданность исламским идеалам и изображают сакоистское движение как религиозное. Сходные позиции занимает Оливье Руа, который считает Бачаи Сако исламским фундаменталистом.¹⁴¹

¹³⁹ Мухаммад Садик Муджаддеди или Хазрат-и Шур Бозор (Гул Ака) и его брат Шер Ака происходили из известного накшбандийского клана Муджаддеди. Муджаддеди являлись потомками суфийского реформатора Шейха Ахмада Сирхинди (1564-1624), создавшими в Индии ответвление накшбандийского клана, которое было импортировано в XIX веке в Афганистан (в Шур Базар, что близ Кабула). Хазраты Шур Базара короновали Аманулла в 1919 г., затем сыграли важную роль в его свержении. Впоследствии хазраты Шур Базара помогли Надир Шаху прийти к власти в 1929 г.

¹⁴⁰ Naby, Eden, Magnus, Ralph H. Op. cit. 42.

¹⁴¹ См.: Roy, O., *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 66-67.

Большинство афганских (пуштунских) авторов считают, что правление эмира Хабибуллы опиралось на «клинки и цепи» и было коррупционным и преступным.¹⁴² Есть и те, кто считает его преступником, искажившим истинный ислам на манер Талибан. И, наконец, индийский исследователь Сензил Навид считает, что сакоистское восстание было вызвано социальными неурядицами нерелигиозного характера и уже потом уламо встало во главу движения и придало ему религиозный характер. Недостаток информации и скудость источников, однако, не позволяет выяснить, кто кого использовал: Бачаи Сако хазратов, или наоборот хазраты воспользовались Бачаи Сако как инструментом для свержения Амануллы?¹⁴³

Видимо следует согласиться с Сензил Навидом в том, что имела место комбинация местного социального недовольства с активизацией оппозиционного духовенства, которому удалось выразить глубинный народный протест в религиозных символах, понятных афганскому крестьянству.¹⁴⁴ Хабибулле же, в котором сочеталась религиозность с незаурядными воинскими качествами, богатым жизненным опытом, храбростью и харизмой, удалось сделать так, что свержение Амануллы и оказание поддержки сакоистам воспринималось как религиозная обязанность.

Сам Аманулла, уверенный в своей правоте и настойчивый в стремлении довести до конца свои реформы, рассматривал противостояние с оппозицией с позиций джадидизма, то есть как конфликт реформатора с невежественными муллами, как борьбу знания против невежества.¹⁴⁵ Он не замечал или не желал замечать социальные, политические, самое главное – культурные факторы восстания, а именно стремление людей бороться до конца за сохранение своей идентичности. Для афганцев, в частности, был совершенно неприемлем запрет на ношение хиджаба, светское и совместное обучение юношей и девушек и многие другие новшества, насаждавшиеся администрацией короля. Восставшие были готовы броситься вызволять афганок, посланных Амануллой на учебу в Турцию. Для них было также неприемлемо, что русские, пилотирующие самолеты принадлежавшие Афганистану, сбрасывают бомбы на головы мусульман, пусть даже восставших против своего правительства.¹⁴⁶ Конечно, эта важная культурно-религиозная мотивация могла исказиться и подвергаться коррупции, когда дело доходило до конкретного действия. В частности, религиозные лидеры, которые знали, как запускать механизм протестной мобилизации могли манипулировать своими сторонниками, привлекая их на ту, или другую сторону. Уламо, муллы, харизматические неформальные

¹⁴² Губар М., *Афганистан дар ма'сир-и та'рих*. С.827.

¹⁴³ Senzil K. Navid. *Religious Response to Social Change in Afghanistan 1919-1929; King Aman-Allah and the Afghan Ulama*, 165.

¹⁴⁴ Senzil K. Navid. *Op.cit*, 166.

¹⁴⁵ Stewart, Rhea Talley, *Op.cit* . 419.

¹⁴⁶ Там же.

религиозные лидеры Афганистана представляли сложное многообразие этно-конфессиональных и племенных афганских структур и неудивительно, что их санкции могли быть направлены как в поддержку, так и против Бачаи Сако. И наконец, еще одно немаловажное обстоятельство необходимо иметь в виду для понимания политической обстановки Афганистана. Религиозные лидеры были частью народа, но они были и важным политическим классом, борющимся за свое выживание и видевшим угрозу в политике Амануллы. Последнее обстоятельство оказалось решающим в обеспечении победы восстания и падении Амануллы.

В то время и позже, многие говорили о роли Англии в подстрекательстве восстания шинвари в Джалалабаде и поддержке самого Бачаи Сако. Эти слухи не были лишены основания. Сами повстанцы не раз заявляли, что у них нет претензий к англичанам. Последние платили восставшим той же монетой. Так, английский врач 18 декабря оказал помощь раненому Хабибулле. В то же время многие слухи, в частности о деятельности знаменитого Лоуренса Аравийского в Афганистане не подтверждаются. Подобного рода заявления в обилии встречались в советской прессе, пытавшейся связать Хабибуллу-Бачаи Сако, бывшего эмира Алим Хана и английских разведчиков в единый заговор, направленный против СССР. На самом деле, задачи Англии были куда более прозаичны - сохранить Афганистан как стабильное, но отсталое буферное государство. По этой причине англичане предпринимали необходимые меры, для того, чтобы остановить реформаторскую политику Амануллы.¹⁴⁷ Им нужен был дружественный и стабильный Афганистан, в то время как Аманулла был не в состоянии обеспечить ни того, ни другого. Для Афганистана больше подходит теократическая модель, управляемая мусульманским истеблишментом, считали англичане.¹⁴⁸ Поэтому, когда сакоисты вступили в пределы Кабула, английский посол поспешил заявить о своем нейтралитете и невмешательстве, что многими интерпретировалось как отказ помогать Аманулле и фактическая поддержка Бачаи Сако.¹⁴⁹ В частности, англичане задержали отправку вооружения, закупленного Амануллой во время его визита в Англию в марте 1928 г. Оружие, которое находилось в Индии могло помочь Аманулле в борьбе с восставшими. Английская политика невмешательства и задержки отправки оружия сыграла на руку Хабибулле. Однако Хабибулла-Бачаи Сако был для англичан скорее инструментом для того чтобы убрать Амануллу, нежели той фигурой, которую они хотели бы видеть главой Афганистана.

В середине декабря Кабул окружили войска повстанцев Хабибуллы, а племена перекрыли дорогу на Джалалабад и Индию. Северяне, числом

¹⁴⁷ Stewart, Rhea Talley, Op.cit. 429.

¹⁴⁸ Macmunn, George, *Afghanistan from Darius to Amanullah*, London: G. Bell & Sons LTD, 1929, 341

¹⁴⁹ Adamec W. Ludwig. Op.cit. 150.

до 2 000 во главе с Бачаи Сако и его верным другом Саид Хусайном атаковали и заняли высоту Боги Боло близ Кабула. Аманулла оказался меж двух огней, Бачаи Сако на севере и шинвари на востоке. Стремясь хоть как-то ослабить напряжение, он сделал попытку подкупить Бачаи Сако, выплатив ему 400 000 рупий и сделав его своим генералом в обмен на обещание прекратить нападения сроком на 6 месяцев.¹⁵⁰ Это был ловкий ход, целью которого было стравить кухдоманцев с шинвари. Король также ввел военное положение и призвал племена в свою поддержку. Тем не менее, восстание набирало обороты. В самом конце года совет улемов северных провинций выпустил фетву с осуждением Амануллы. Было также повсеместно объявлено, что Бог создал двух молодых, смелых, и гордых человек для службы религии.¹⁵¹ Этими двумя «служителями религии» («ходими дин») были эмир Хабибулла из Кухдомана и Саид Хусайн из Чарикара. 13 января Бачаи Сако был объявлен Хабибуллой Вторым и коронован пиром Тагао – лидером мусульман долины Шамали (на север от Кабула до долины Пандшер). Саид Хусайн (родом из семьи таджикского феодала) стал «наиб ас салтана» – правой рукой и военным министром Хабибуллы-Бачаи Сако. В начале января наступившего, 1929 года Аманулла решил пойти на уступки и принял решение о закрытии женских школ и создании специального совета для «следования исламским принципам» с включением в него влиятельных религиозных лидеров. Затем последовал указ об отмене призыва в армию («хашт нафар»), регулирования одежды и прочих новаций. 16 января он освободил Гуль Аку и других своих оппонентов, наказав им договориться с Бачаи Сако. Однако уступки явно запоздали. К восставшим стали переходить бывшие сторонники короля, в их числе члены шахской семьи.

Следует согласиться с утверждением, что человеку, любящему властвовать любой ценой, везет больше, чем тому, для которого власть нужна для достижения определенной цели.¹⁵² Ко вторым относился Аманулла. Он был одним из блестящих мусульманских лидеров начала XX века, который старался реформировать традиционалистское общество. Дарованную, благодаря его происхождению, власть он использовал для модернизации афганского общества путем заимствования достижений неисламских цивилизаций и культурного синтеза с Европой. При этом ему удалось сплотить афганцев под знаком объединяющего национализма только для отражения внешней английской агрессии в 1919 г. В своей внутренней политике он настроил против себя уламо, суфиев и многие племена. В то время, когда восставшие брали штурмом Кабул, кто-то мог утешить Аманулла и напомнить, что он проиграл как реформатор, но не как король. Однако, для самого Амануллы было важнее, что он проиграл в принципе и

¹⁵⁰ Stewart, Rhea Talley, Op.cit. 425.

¹⁵¹ Adamec W. Ludwig. Op.cit. 154.

¹⁵² Stewart, Rhea Talley, Op.cit. 445.

потому технические детали, тактические приемы сохранения власти уже не имели для него значения. Позже, из Кандагара он делает запоздалые попытки вернуть власть, но без особого энтузиазма, что и сказалось на результате. Ему нужна была власть, для того чтобы вести афганцев туда, куда он считал нужным, а не для того чтобы делить ее с муллами и маликами. Он пытался воссоздать обстановку, которая позволила бы ему возобновить начатые реформы. Однако шансы на успех таяли день ото дня. Утешением для Амануллы могло быть осознание того, что единственным удачливым мусульманским реформатором того времени оказался Мустафа Кемаль Ататюрк, заменивший тюрбаны европейскими шляпами и отказавшийся от арабского шрифта в пользу латиницы. Туркам удалось выйти на путь модернизации традиционалистского общества путем отказа от прежнего социального опыта и проведения вестернизации сверху, но они оставались одиноки со своим уникальным опытом. Аманулла пытался повторить турецкий опыт и сделать его прецедентом для других мусульманских обществ, но – увы! В афганском обществе он оставил горькое наследие недоверия к имитационным, догоняющим, лишенным культурной оригинальности прозападным новациям.

Принципиальными союзниками Амануллы были Турция, а также небольшое количество «туркестанцев» Туркестанского национального общества (ТНО). Последние, если верить Ахмад Заки Валидову в конце декабря 1928 г. обороняли от кухистанцев здание МИДа и королевского дворца в Кабуле. В числе тех, кто защищал Аманулла Хана были курбаши Куршермат (из Ферганы) и Хамракул (самаркандец), специально приехавшие, якобы, из Стамбула.¹⁵³ В Кабуле к ним присоединился каратегинский таджик Фузайл Максум.

«Не наше дело, кто из членов династии будет управлять этой страной, но мы всячески будем защищать ее независимость... Пусть вспыхнет на афганской территории война между Англией и Россией, роль Туркестанского Национального Объединения не будет хуже китайского Гоминьдана. Пусть кто угодно на нас клеветает»,

писал Валидов 17 января 1929 г.¹⁵⁴ В тот момент, Германия и Турция начали подозревать англичан в причастности к свержению короля, и потому склонялись к тому, чтобы поддержать Аманулла. Ахмад Заки Валидов пытался убедить немцев в том, что Афганистан вот-вот станет ареной англо-советской войны и ТНО удастся, подобно Гоминьдану, возглавить афганское национальное движение и, изгнав сначала Англию, а затем СССР

¹⁵³ На самом деле, Куршермат находился все это время в Афганистане, а самаркандец Хамракул действительно был в Стамбуле, а затем прибыл оттуда в Кабул. Он проживал у Куршермата и работал переводчиком в турецком посольстве. По словам Ибрагимбека, Хамракул был настроен миролюбиво, и в 1929 г. занялся сапожным ремеслом в Мазари Шарифе. Дело 123469. С. 246.

¹⁵⁴ *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932гг.).* С. 44.

из Афганистана, установить национальную республику. Тоган и его последователи мечтали повторить опыт Сунь Ят-сена, сумевшего отстоять независимость Китая, как от большевиков, так и от японцев. В этом свете, ТНО и Валидов выступают чересчур самонадеянными, или не совсем адекватными политиками, не знакомыми с афганскими реалиями. Скорее всего, эти громкие заявления были предназначены для того, чтобы произвести впечатление на немцев.

Тем не менее, какое-то время туркестанцы с оружием в руках защищали короля. Ибрагимбек также подтверждает, что Куршермат получил от Амануллы 20 винтовок для подавления восстания в Джалалабаде. По этому поводу Ибрагимбек говорил следующее:

«В Джалалабаде или его окрестностях Куршермата как следует пощипали, он оскандалился, и продолжительное время где-то скрывался, боясь появляться в Кабуле. Когда Кабул занял Бачаи Сакао, он тоже спустя некоторое время появился, но оборванный и обобранный. Месяца три-четыре он не получал субсидии и потом, уже кажется при Надире снова начал получать».¹⁵⁵

Таким образом, среднеазиатская эмиграция в вопросе поддержки Амануллы разделилась. Его союзниками выступили только т. н. «туркестанцы». По словам того же Ибрагимбека, Куршермат был в добрых отношениях почти со всеми министрами правительства Амануллы.¹⁵⁶ Основная же масса бухарцев, в том числе Алим Хан и Ибрагимбек приняла противоположную сторону – Бачаи Сако.

Другими искренними сторонниками Амануллы были индийские мусульмане, выступавшие за «халифат», направленный против британского владычества. Индийские халифатисты не забыли помощь короля Афганистана, оказанную им в 1919 г. Однако это обстоятельство, то есть связь с индийскими мусульманами, делало Амануллу еще более нежелательной фигурой в глазах англичан.

И, наконец, внутри Афганистана Амануллу поддержали хазарейцы, которые были благодарны ему за освобождение от рабства. Хотя их военная поддержка была не совсем последовательной, она сыграла свою роль в сдерживании сакоистов.

У короля был шанс, заручившись поддержкой своих сторонников броситься в последний бой. Но Аманулла решил отступить. 14 января он отрекается от престола в пользу своего брата Иноятуллы и, не забыв прихватить с собой большую часть казны,¹⁵⁷ он отправляется в Кандагар – оплот шахской, пуштунской власти. Правление флегматичного и не наделенного особыми талантами Иноятуллы - последнего из прямых потомков

¹⁵⁵ Дело 123469. С.225.

¹⁵⁶ Дело 123469. С.233.

¹⁵⁷ Назаров Х. *Социальные движения 20-х годов XX века в Афганистане*. С.149

Амир Дост Мухаммада длилось всего три дня. Иноятулла, следуя настоячивым советам Хазрата Шур Базара (Гуль Аки), отрекся от престола и присягнул на верность Бачаи Сако, провозглашенного к тому времени падишахом. После этого мятежники занимают Кабул и Арк.

Взойдя на престол 18 января 1929 г. новый эмир Бачаи Сако известный также как Хабибулла Калакани, или Хабибулла Второй выпустил манифест с перечислением нарушений шариата, допущенных Амануллой. Правление Амануллы было представлено им как «наихудшая тирания, которой когда-либо подвергались мусульмане». Им был отменен закон о воинской повинности и все незаконные, с его точки зрения, налоги. Были также закрыты все школы, открытые во время Амануллы. С самого начала, Бачаи Сако выступил не как сильнейший афганский племенной лидер, а как мусульманский правитель. Как таковой, Хабибулла стремился распространить свою власть и влияние не только на афганцев, но и всю умму, в частности на Индию и Советскую Среднюю Азию. Он призвал афганцев к борьбе за освобождение Бухары, а также обещал им привезти в Кабул из Индии мусульманскую святыню - сандаловые ворота.¹⁵⁸ Файз Мухаммад – летописец того периода, хазарец, который пострадал от режима Хабибуллы (был избит за невыполнение задания) по этому поводу язвительно заметил:

«Хабибулла-хан постоянно выступает с заявлениями, для исполнения которых у него нет ни сил, ни возможностей. Он часто бравивирует, что захватит не только Индию, Бухару и Русский Туркестан, но и Москву (Маскаб) и посадит на трон бухарского эмира. От имени (бухарского эмира) он направил письмо переселенцам и постоянно проживающим жителям – туркменам Айалат-и Туркман (то есть Афганского Туркестана), которые поднялись против Хабибулла-хана в Мазари-Шарифе и его окрестностях, письмо, в котором призывал их не выступать против эмира Хабибулла-хана, а чем возможно помогать его сторонникам и воевать с людьми, поддерживающими Аманулла-хана».¹⁵⁹

Файз Мухаммад выдавал желаемое за действительное, утверждая, что Афганский Туркестан выступил в поддержку Амануллы. На самом деле, население северных провинций – Балх, Маймана, Герат, в том числе и эмигранты, положительно восприняли весть о новом эмире.¹⁶⁰ Одним из первых поддержку новому эмиру оказал влиятельный алим (ученый) Деобанда (медресе в Индии) Мавлави Абулхай, который воевал плечом к плечу с Энвером и самим Бачаи Сако (если верить Халили) в Бухаре в 1922 г. Алим Хан, который почти 8 лет до этого безвыездно провел в своей кабульской резиденции, также воспринял свержение Амануллы и успех

¹⁵⁸ Халили Х. Указ. соч. С.159; Губар М. Указ соч. С.827.

¹⁵⁹ Файз Мухаммад, *Книга упоминаний о мятеже*. С. 93.

¹⁶⁰ Губар М. Указ соч. С.828

своего старого знакомого Лоло с большим оптимизмом. Бывший эмир Бухары мог причислять себя к жертвам режима Амануиллы не только потому, что тот держал его фактически под домашним арестом и заигрывал с его заклятым врагом – СССР, а и по весьма прозаической, если не анекдотичной причине. Дело в том, что однажды Алим Хан был задержан полицейским на улице Кабула за ... чалму, то есть нарушение приказа короля не надевать чалму, а отдавать предпочтение европейским головным уборам, в частности шляпам.¹⁶¹ Для Алим Хана, считавшего себя правителем Благородной Бухары, ношение шляпы взамен чалмы было немыслимо. Естественно, он с восторгом отнесся к восшествию «Хабибуллы-служителя религии». Файз Мухаммад утверждал, что Бачаи Сако вошел в контакт с Алим Ханом еще до нападения на Кабул в 1929 г., а после восшествия на престол увеличил выдававшуюся ему предыдущим правительством субсидию в несколько раз.¹⁶²

Ибрагимбек подтверждает сведения о том, что бухарские эмигранты поддержали нового эмира. Он свидетельствовал, что Бачаи Сако в первые дни своего правления встретился с Алим Ханом и имел с ним теплую беседу. Вскоре и сам Ибрагимбек был принят новым эмиром.

“Долго я у него не задержался, совершив по существующему мусульманскому обычаю приветственный ритуал”, вспоминал Ибрагимбек.¹⁶³ Как утверждает Халили, это была не первая и не последняя встреча двух героев мусульманского движения в Средней Азии. Впервые они увидели друг друга в начале 1922 г. в городе Душанбе, во время совместных действий против Советской власти.¹⁶⁴

В судьбах Ибрагимбека и Бачаи Сако было много общего. Оба были неграмотны, происходили из самой гущи народа, имели криминальное прошлое. Это были своего рода среднеазиатские “робингуды”, обладавшие незаурядными личными качествами - волей, смелостью и воинским талантом. Эти качества подняли их на гребень народных восстаний. Так же как и в случае с Ибрагимбеком, успех карьеры Бачаи Сако был обеспечен не только личными качествами и удачей, но и в значительной степени, поддержкой со стороны народной массы и духовенства. Схож и конец обоих удалцов. Один из них, не удержавшись на престоле и года, был казнен. Другой предпочел активную борьбу с превосходящим противником сытому эмигрантскому безделью, но был схвачен, по другой версии сдался, и вскоре был убит выстрелом в затылок во дворе изолятора ташкентского ОГПУ. Обе эти личности в сегодняшнем Афганистане и Таджикистане вызывают различные оценки - от горячего одобрения до резкого осуждения.

¹⁶¹ Stewart, Rhea Talley, Op.cit, 411.

¹⁶² Файз Мухаммад. Указ. соч. С.264.

¹⁶³ Дело 123469. С.210.

¹⁶⁴ Халили Х. Указ. соч. С.148.

Были и принципиальные различия между нашими героями. Ибрагимбек был племенным вождем, кочевником-узбеком, бежавшим из другой страны и чувствовавшим себя пришельцем и нежелательным элементом в чуждом ему Афганистане, в то время как Хабибулла видел свою силу не сколько в поддержке земляков, сколько в религии и был представителем самой многочисленной после пуштунов этнической группы Афганистана. Кроме того, за спиной Бачаи Сако стоял фундаменталистский, не-племенной афганский сервер в его извечном противостоянии с племенами пуштунского юга. Ибрагимбек был сугубо узбекским племенным вожаком, в то время как его визави – лидером, чья харизма выходила за пределы определенной (таджикской) этнической группы. В отличие от Ибрагимбека, Хабибулла был неплохим и достаточно гибким политиком. Основу его войска составляли не только этнические отряды, но и рекруты, набранные по принципу (государственной) воинской повинности и мюридской (религиозной) солидарности.

Несмотря на несомненные выдающиеся личные качества, Бачаи Сако имел мало шансов остаться на престоле по одной простой причине – он был простолюдин и не-пуштун. В прессе того времени и листовках, оппозиционная Аманулле ортодоксальная уламо (религиозные эксперты) и суфийские лидеры пытались легитимизировать восшествие Хабибуллы как исламского эмира в противовес Аманулле, основа правления которого представлялись сакоистами в виде племенной пуштунской солидарности. Сына водноноса провозгласили «Амир Хабибулло Гози – Хадим-и дин-и Расул Улло» («Эмир Хабибулла воитель, служитель правоверной религии»). В основе такого решения был положен извечный исламский идеал – создание государства, скрепленного общей верой, а не кровным родством. По замыслу Хабибуллы и его сторонников, строительство нового - исламского Афганистана, должно было начаться с победы над трайбализмом, подобной той, которая была одержана Пророком Мухаммадом в Медине, когда он добился невероятного для любого кочевого общества успеха, объединив своих соплеменников-курейшитов с другими слоями арабского (мединского) общества, в том числе христианами и иудеями. В то время (622-627 гг.), поддерживавшие Мухаммада курейшиты-мухаджиры, сплотились с мединским обществом против мекканцев, среди которых было немало «своих» курейшитов. Тем самым, вера была поставлена выше зова крови. Не зря, именно с хиджры берет свое начало исламская история. «Нет в исламе генеалогии», говорится по этому поводу в Коране. С самого периода четырех праведных халифов, мусульманское общество тщетно пытается воплотить этот идеал и достичь справедливого, совершенного политического управления в духе раннего ислама. В газете «Хабиб уль-Ислам», выпускавшейся сторонниками Хабибуллы, была опубликована статья, которая может быть расценена как попытка подвергнуть критике трайбализм афганского общества и убедить упрямых афганцев в том, что и сын водноноса может стать их правителем, если он служит праведной религии:

«Можно гордиться племенем, только если в нем есть великие личности. Но Али, четвертый халиф, сказал, что величие достигается трудом, а не наследуется. Ныне же, людей судят по происхождению, а не достоинствам».¹⁶⁵

Тем не менее, было бы неверным трактовать Бачаи Сакко просто исламским фундаменталистом, хотя для этого есть несомненные основания. Его правление, хоть и длилось меньше года, способствовало критическому переосмыслению архаической, пуштуноцентристской идеи трайбалистского Афганистана. Однако, в конце 1920-х гг., сыну бедного афганского таджика не удалось преодолеть афганскую вольницу, пуштунский шовинизм и вызовы XX века. Для большинства афганцев Хабибулла был босяком Бачаи Сако, сыном водоноса, то есть выходцем из низшего сословия, не-пуштуном и бандитом.

Вопреки стараниям нового правительства сохранять порядок в столице, страна сползала в опасную анархию. Хазараджат, Вардак, Кандагар, Пактия, Нангархар не думали подчиняться новому эмиру. Политическая дестабилизация привела к взлету цен.¹⁶⁶ Несмотря на тесные контакты с сакоистами и тайную поддержку, англичане приняли решение об эвакуации своей миссии. Это послужило знаком того, что новое правительство не в состоянии обеспечить безопасность иностранных миссий. Эвакуация началась 23 декабря и продолжалась до 25 февраля 1929 г. За два месяца было сделано 82 авиарейса и перевезено 586 пассажиров. Операция проходила в трудных условиях зимы, в горной стране. При этом никто из пассажиров не пострадал. Эта была первая в мире эвакуация значительного людского контингента воздухом.¹⁶⁷ В числе тех, кто пытался пробраться на английский самолет, был наш Алим Хан. Он хотел воспользоваться хаосом и избавиться от ненавистного афганского плена. Алим Хан послал своего шофера с письмом к английскому посланнику сэру Френсису Хэмфрису, но тот отказался предоставить бухарцу место в самолете.¹⁶⁸

Одновременно с эвакуацией англичан из Кабула, в Бомбей из Европы прибыл Надир с двумя братьями – Шах Вали и Хашимом (третий брат Шахмахмуд в это время в качестве посланника Бачаи Сако находился среди южных племен). В начале, Надир проявлял максимум осторожности.

«Я определенно поддерживаю английский политический курс... постольку, поскольку он идет на пользу независимому и сильному Афганистану. Я не склонен поддерживать ни Аманулла, ни кого-либо еще», заявил Надир чиновникам правительства Индии.¹⁶⁹

¹⁶⁵ Adamec W. Ludwig. Op.cit, 157.

¹⁶⁶ Губар М., Указ. соч. С.828.

¹⁶⁷ Stewart, Rhea Talley., Op.cit, 516.

¹⁶⁸ Дело 123469. С.167.

¹⁶⁹ Stewart, Rhea Talley, Op. cit. 517.

Правительство и сам новый эмир делали все возможное, чтобы навести порядок в столице. В частности, в это время не пострадал никто их иностранцев. Стремясь достичь соглашения с пуштунами и в тоже время изолировать и ослабить своего главного противника – Аманулла (которого поддерживали кандагарцы), Бачаи Сако искал контактов с семьей Мусохибан, во главе со старшим из братьев – Надир Ханом, послом Афганистана во Франции. Бачаи Сако намеревался встретить Надира с почестями и сделать его премьером своего правительства. С этой целью в начале февраля он направил в Бомбей эмиссаров – своего кузена Ахмадшаха и престарелого Абдулазиза – дядю по матери Хашим Хана (одного из братьев Мусохибан). Одновременно в Индии сакоистами были предприняты меры для того, чтобы позвать другого влиятельного оппонента Аманулла - Хазрата Шер Аку.¹⁷⁰ Экклезиасты-накшбандийцы Муджаддеди и влиятельнейший пуштунский клан Мусохибан были именно теми фигурами, которые могли быть признаны как борющимися сторонами, так и всем афганским народом. Дух религии и сила племен - это то, что представлял собой Афганистан. Это понимали как Аманулла, так и Бачаи Сако. В конечном счете решающую роль в будущем Афганистана, опять сыграли англичане. Именно они способствовали появлению Мусохибан на политической арене Афганистана. Одновременно, Англия фактически перестала рассматривать Аманулла как легитимного правителя, заслуживающего помощи. В такой ситуации у Аманулла и его сторонников - Тарзи, Гулям Сиддика и других - не оставалось другого варианта, кроме как просить помощи у СССР. Уже 8 февраля 1929 г. на кандагарском аэродроме приземлились советские самолеты. На борту было 8 русских, в том числе сотрудник МИДа Соловьев. Они привезли то, в чем очень сильно нуждался Аманулла – телеграфный аппарат для связи с окружающим миром.¹⁷¹

Тем временем, в Афганистане началось то, против чего всегда борлись все эмиры, начиная с Абдурахмана – а именно появление местных эмиров и царьков, не подчиняющихся центральному правительству. Наметила прямая угроза дезинтеграции Афганистана, в частности отложение северных провинций, которые имели все основания надеяться, что независимому пуштунскому господству пришел конец. Власть Бачаи Сако удерживалась более или менее устойчиво только в Кабуле и его окрестностях. Но даже в столице никто не мог чувствовать себя в безопасности.¹⁷² В ситуации резкого ослабления центральной власти, каждый афганец стремился оказаться под защитой своей общины. Ибрагимбек также стремился побыстрее выбраться из Кабула и соединиться со своими соплеменниками на севере. Он обратился с просьбой опустить его, но правительство Бачаи Сако медлило с ответом. Тем временем, в апреле 1929 г. в Кала-и Фату

¹⁷⁰ Rhea Talley Stewart, Op. cit. 500-502.

¹⁷¹ Stewart, Rhea Talley, Op.cit, 507.

¹⁷² Adamec W. Ludwig. Op.cit, 157.

прибыла группа лакайцев. Это были приближенные Ибрагима –Алимардан додхо, Мамадали додхо и с ними невооруженные люди в количестве 50 человек. Они заявили, что намерены сопровождать Ибрагимбека в Ханабад.¹⁷³

Желание лакайцев покинуть столицу и соединиться с соплеменниками, отражало постепенную мобилизацию разрозненных афганских общин и приближающуюся гражданскую войну. Мобилизация, как всегда в афганской истории, шла по этнорегиональному, племенному и конфессиональному признаку. Война была неизменным спутником афганцев, а племенные ополчения – главной формой военной организации. Важным фактором успеха той или иной общины была материальная заинтересованность в виде прямых денежных выплат племенным вождям со стороны внешних спонсоров (России и Англии, в первую очередь) и возможность пожить за счет соседа и противника. Впрочем, преступные и клиенталистские мотивы не были единственными факторами, влиявшими на ситуацию. Несмотря на кажущуюся хаотичность расстановки противоборствующих сил, были какие-то более или менее устойчивые группы солидарности. Основу нового режима составляли северяне, прежде всего таджики. Преимущественно таджикские северяне станут отныне устойчивой афганской этно-региональной конфедерацией, противостоящей племенам пуштунского юга. Наибольшую оппозицию северянам Бачаи Сако оказали, конечно, пуштуны, особенно кланы садозаи и баракзаи, которые правили страной с 1747 г. Если сакоисты искали свою главную опору в землячестве и религии, то их противники целиком полагались на племенную пуштунскую солидарность. Несмотря на то, что новому эмиру удавалось наносить военные поражения своим врагам, их число не уменьшалось. Племена мобилизовали новые и новые отряды из числа момандов, африди и других племен Британской Индии. Расположенный вдоль линии Дюранда «Пуштунистан» явился неиссякаемым источником пуштунской мощи и упрямства, преодолеть которые не удавалось никому.

Это прекрасно понимал и Бачаи Сако. Он надеялся не столько на военную силу, сколько на дипломатические усилия и переговоры. В марте 1929 г., украсив кабульский аэропорт специально построенной аркой, он с нетерпением ожидал приезда Надира. В то же самое время, Аманулла в Кандагаре надеялся, что Надир придет именно к нему на помощь. Надир Хан же разочаровал обоих. Восьмого марта он вступает на афганскую землю, покинутую им пять лет тому назад, а 22 марта 1929 г. на джирге (съезде) представителей южных племен Надир Хан единолично ставит вопрос о законности правительства Бачаи Сако. От имени пуштунских племен он бросает вызов Бачаи Сако. Но кухдоманец был таким же жестким и непобедимым афганцем, как и пуштуны. В ответ на письмо Надира с угрозами, Хабибулла ответил:

¹⁷³ Дело 123469. С.43.

«До тех пор, пока я жив, трон, завоеванный мною мечом и находящийся в моих сильных руках, я не оставлю».¹⁷⁴

Разъяренный Хабибулла отдает на разграбление дома и имущество семьи Мусохибан. Тем не менее, на протяжении всего своего правления он не оставлял попыток склонить на свою сторону Надир Хана и его братьев, так как понимал, что без достойного решения пуштунского вопроса Афганистан не сможет существовать. Сохранение целостности Афганистана, недопущение его развала и предотвращение массового кровопролития было одной из главных забот как Бачаи Сако, так и его главных оппонентов – Амануллы и Надир Хана. Другое дело, что в путях достижения этой цели были разногласия.

Одной из важных причин непопулярности Амануллы была его связь с СССР. И Бачаи Сако, и англичане распространяли слухи (как оказалось, вполне оправданные), что русские вот-вот войдут в Афганистан для восстановления правления Амануллы. Еще в декабре 1928 г. председатель ВЦИК СССР М.Калинин направил телеграмму эмиру Афганистана Аманулле-хану и заверил его в готовности СССР оказать помощь в борьбе за независимость Афганистана. Вообще-то, Советский Союз имел мало представления о том, что именно происходит у его южного соседа. Он сделал ставку не на Бачаи Сако, и не на Надир Хана, который начале года в Париже безрезультатно обращался в советское представительство за разрешением проехать на родину через СССР. Москва поставила на битую карту – Аманулла. Поддержав Аманулла, Советский Союз выступил и против «сына водоноса», и против Надира.

В начале апреля Бачаи Сако вызвал Алим Хана и сообщил ему следующее: посол Афганистана в СССР Гулям Набихан Чархи (брат Гулям Сиддика – приближенного Амануллы и его министра иностранных дел) во главе отряда из нескольких сот туркменов и хазарейцев перешел советско-афганскую границу и выступил против сакоистов.¹⁷⁵ В то время мало кто знал, что это была экспедиция, снаряженная из сторонников свергнутого короля и военнослужащих Красной Армии во главе с бывшим советским военным атташе в Кабуле Виталием Примаковым. Тем самым бывшим советником “красного” генерала Фэн Юй-сяня, который в 1926 г. заманил атамана Анненкова в советскую ловушку. Примаков, обозначенный в этой операции как «кавказский турок Рагиб бей» и «Витмар», возглавлял отряд из 2 000 советских и афганских солдат, одетых в афганскую униформу. Решение об организации этой операции было принято за несколько недель до этого, на ночном совещании у Сталина, принимавшего у себя Гулям Сиддика и Виталия Примакова.

¹⁷⁴ Файз Мухаммад, *Книга упоминаний о мятеже*. С. 63.

¹⁷⁵ См.: Агабеков Г. *ГПУ Записки чекиста*. С. 179-180.

Советский отряд перешел границу близ узбекского Термеза и афганского Патта Гиссара, примерно в том самом месте, откуда 50 годами позже на афганскую территорию переправится еще один «ограниченный контингент Советской Армии». Перед вступлением пехоты, 15 апреля 1929 г. советские самолеты вторглись в пространство Афганистана. Афганские пограничники высыпали из своих казарм, чтобы поглазеть на летающие машины, но были хладнокровно перестреляны. Было убито 48 из 50 пограничников.¹⁷⁶ Следом на афганский берег перебралась пехота. На афганской территории Гуляму Наби удается набрать еще несколько сотен своих сторонников – в основном хазарейцев. Почти одновременно с советской экспедицией Примакова, из Кандагара планировалось наступление самого Амануллы на Кабул. Планировалось, что после того как отряд, формально возглавлявшийся Наби Ханом укрепитя на севере, СССР начнет оказывать ему открытую помощь «по просьбе правительства Афганистана».¹⁷⁷

22 апреля советский отряд напал на город Мазари Шариф и занял его.¹⁷⁸ Мазари Шариф и Герат играли большую роль в обеспечении режима Амануллы. Через эти пункты шла помощь, в том числе и оружием, из СССР. Именно поэтому Г. Набихан провел операцию по захвату Мазари Шарифа. Нападение советского отряда было полнейшей неожиданностью даже для советского генконсула в этом городе. Только под Мазаром советский отряд перебил 2 тысячи афганцев. Еще 3 тысячи было убито в Ташкургане.¹⁷⁹ Когда слухи о том, что в войске Гуляма Наби находится «сильный отряд русских казаков» подтвердились, последовала мгновенная реакция афганского правительства. Возмущенный Хабибулла отправился в советское посольство к Л. Старку, желая узнать о намерениях русской стороны в отношении Афганистана. По свидетельству Файз Мухаммада, «русский посол отверг измышления о вмешательстве в Афганском Туркестане и Бачаи Сако успокоился».¹⁸⁰ Однако еще через день до Кабула дошли слухи о бомбардировке Мазари Шарифа советскими самолетами. Поговаривали также, что самолеты могут начать бомбардировку афганской столицы. На этот раз Хабибулла направил в русское посольство в Кабуле официальный протест, в котором говорилось, что «если эти самолеты будут действительно бомбить Кабул, то они могут принадлежать лишь вашему государству, и в этом случае вашему правительству будет выражен протест представителями также других стран в связи с вмешательством во внутренние дела нашей страны».¹⁸¹ Характерно, что в то время сам Файз Мухаммад, как и многие дру-

¹⁷⁶ Агабеков Г. ГПУ. Записки чекиста. С.179.

¹⁷⁷ Павел Аптекар *Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы*. <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm>

¹⁷⁸ Файз Мухаммад. Указ. соч. С.27.

¹⁷⁹ Агабеков Г. ГПУ. Записки чекиста. С.180.

¹⁸⁰ Файз Мухаммад. Указ. соч. С.127.

¹⁸¹ Файз Мухаммад. Указ. соч. С.130.

гие противники Бачаи Сако не верил (или не хотел верить) слухам о «русском следе». Однако для самого Бачаи Сако и англичан, а также более широкой –мировой - публики никакого секрета в этом не было. 18 мая северяне (старейшины и чиновники) провели совещание, на котором, по словам Файз Мухаммада, «присутствовали 2-3 английских шпиона, занимающие высокие посты и пользующиеся большим доверием и уважением». На том совещании было принято решение напечатать объявление-циркуляры следующего содержания:

«В связи с нападением русских на Мазари Шариф и Катаган и вступлением их войск в те районы, все жители Афганистана должны прекратить гражданскую войну и встать на защиту от нападения русских».¹⁸²

Однако это объявление, которое могло превратить гражданскую войну в отечественную и спровоцировать англо-советскую войну, не было напечатано. Это произошло из-за позиции Англии. Англичане не знали, следует ли делать официальное протестное заявление по поводу советского вмешательства? Сделать такое заявление означало «засветиться» перед всем миром в роли сторонников сакоистов. У англичан также не было “exit strategy” - стратегии выхода из ситуации, которая могла возникнуть в случае, если СССР откажется от вывода своего отряда. Несмотря на осторожное взаимодействие с Надиром и Бачаи Сако, Англия старалась сохранять видимость нейтралитета и избегать прямой конфронтации с СССР. Вступать в открытый вооруженный конфликт с СССР из-за сына водоноса Англия не собиралась.

Тем не менее, советская вылазка имела своим эффектом рост патристических настроений в стане Бачаи Сако и Надира. И наоборот, она способствовала поражению Амануллы и его изоляции. Немедленно по получении известий о советском нападении, сакоисты послали миссию на север с тем, чтобы разоблачить на месте заговор Амануллы, Чархи и СССР против Афганистана. В своей пропаганде сакоисты напомнили о сотрудничестве Амануллы с турками, и о планах СССР захватить север Афганистана (имеется в виду случай с Урта-Тугаем в 1925 г.). Этой миссии удалось добиться расположения видных религиозных лидеров Севера, в том числе Дамуллы Одина Араба, его мюрида Мавлави Гулам Хайдара Мазари, а также духовного главы среднеазиатской эмиграции Халифа Кызыл Аяка. Совместно, они выпускают фетву с объявлением джихада против экспедиции Чархи. В числе тех, кто составил текст этой фетвы, был молодой писатель, горячий поклонник Бачаи Сако – Халилулло Халили.¹⁸³ Таким образом, советская экспедиция уничтожила и без того слабые следы лояльности к Аманулле на севере и в Герате. Прокламация, состав-

¹⁸² Файз Мухаммад. Указ. соч. С.132.

¹⁸³ Senzil K. Navid. Op.cit. 182.

ленная Халили, вызвала массовый переход солдат афганской армии на сторону сакоистов. Тогда же на сторону Хабибуллы перешли 12 000 туркмен Халифа Кызыл Аяка.¹⁸⁴

Стремясь закрепить свой моральный успех, вызванный разоблачением экспедиции Чархи-Примакова, Бачаи Сако направил своего посла к Надир Хану с предложением вернуться в Кабул и заняться государственными делами, а самому Бачаи Сако отправиться на север, чтобы отразить нападение русских. Как уже указывалось, брат Надир Хана Шахмахмуд находился при Бачаи Сако в качестве секретаря, ответственного за достижение мира с южными и восточными племенами. Шахмахмуд тогда испытывал искренние симпатии к Бачаи Сако и пытался примирить кухдоманца со своим братом. Он признавался Хэмфрису, что Хабибулла, хоть и был неграмотным, обладал сильным характером и чувством справедливости.¹⁸⁵

Все время своего правления, Бачаи Сако не забывал о среднеазиатских эмигрантах. Он часто встречался с Алим Ханом, особенно во время бдений в священный месяц Рамазан, который в 1929 г. приходился на март-апрель. Встречи эти обычно проходили в Пагмане, близ Кабула. Как было указано выше, в конце апреля Бачаи Сако вызвал к себе бывшего эмира Бухары и предложил ему направить Ибрагимбека со своими людьми на север, чтобы организовать там отряды и оказать помощь Саид Хусайну (министру обороны) в отражении советского нападения. Получив задание нового эмира, Ибрагимбек с отрядом лакайцев в 50 человек немедленно выступил в северном направлении. В Пандшере ибрагимовцы нагнали Саид Хусайна и далее следовали вместе. Вскоре они прибыли в Алиабад, некогда пустынное место, освоенное эмигрантами. Здесь размещалось 4 тысячи хозяйств (20 тысяч человек) лакайцев и других узбеков. Оказавшись наконец в родной стихии, Ибрагимбек, по его словам, ознакомился с обстановкой и не торопился вмешиваться в события. Новое правительство в это время было занято набором в армию. Люди шли неохотно, опасаясь оставлять свои селения, семьи. Военный министр Саид Хусайн настаивал перед Ибрагимбеком с требованием активизировать военные приготовления и побыстрее выступить в защиту правительства Бачаи Сако. Следуя родовым правилам и законам шариата, запрещавшим без фетвы убийство мусульман, Ибрагимбек в Чардаре созвал совет старейшин с участием туркмен, узбеков племен лакай, конграт и дурмен. Собравшиеся решили поддержать Бачаи Сако. Был создан отряд из 400 туркмен, 400 конгратов и дурменов и 100 лакайцев.¹⁸⁶

Пока эмигранты совещались в Чардаре и собирали отряды, Саид Хусайн потерпев поражение в Ташкургане от отряда Набихана-Примако-

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Stewart, Rhea Talley, Op.cit. 500.

¹⁸⁶ Дело 123469. С.44.

ва, отступил. Тем временем, объединенный отряд эмигрантов лакайцев, конгратов и туркменов приступил к защите своих поселений. Ибрагимбек так прокомментировал свое решение:

«я приказал - выставьте охрану и если появится враг, уничтожьте его. Врагом я называл в данном случае всех тех, кто посмеет нарушить покой эмигрантов».¹⁸⁷

Тем временем, отряд Примакова, встретивший ожесточенное сопротивление, оказался в трудном положении и запросил помощи. Помощь не заставила себя долго ждать. 26 апреля советскими аэропланами в Мазар были доставлены 10 пулеметов и 200 снарядов. А 5 мая через границу переправился второй отряд, сформированный из красноармейцев в количестве 400 человек. Сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем афганская пограничная застава была буквально сметена. 6 мая авиация САВО нанесла удары по боевым порядкам сакоистов под Мазари Шарифом.¹⁸⁸ В середине мая советская авиация, поднявшись из Термеза, несколько раз штурмовала боевые порядки афганцев.¹⁸⁹ 23 мая произошла еще одна бомбардировка афганской территории. На этот раз пострадали заселенные эмигрантами приграничные Ханабад, Андароб, Таликан и Хазрати Имам. Как уже говорилось, это вызвало гнев Бачаи Сако, который еле удержался от того, чтобы дать приказ расстрелять советского посла. Стремясь объединить патриотический фронт и не допустить победы отряда Примакова-Набихана, 24 мая Надир Хан решил ответить на предложение объединиться с Бачаи Сако. Последний предложил отправить к нему своего брата Хамидуллу, в то время как Надир Хан обещал отправить в Кабул своего – Шахмахмуда с 6-тысячным войском для контроля государственных арсеналов с оружием. Самому Бачаи Сако предлагалось отправиться на север с джихадом против русских. Ему также предлагалось стать правителем северных провинций. Однако эта сделка сорвалась. Договаривавшиеся стороны – брат Хабибуллы Хамидулла и Надир Хан – поссорились. Впрочем, их переговоры продолжались и далее.¹⁹⁰

Из-за опасения нежелательного для амануллистов поворота от войны гражданской к войне освободительной, Гулям Набихан отдал приказ к отступлению. Да и самому Аманулле, подобная «медвежья» услуга СССР

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Пронин А.В. «Советский Лоуренс» в Афганистане».

http://nvo.ng.ru/printed/history/2000-04-07/5_afghan50ago.html

¹⁸⁹ В этой операции участвовали подразделения 81 кавалерийского и 1 горнострелкового полков и 7 конного горного артиллерийского дивизиона. В документах частей она значится как «Ликвидация бандитизма в южном Туркестане.» Несмотря на то, что более 300 ее участников были награждены орденом Красного Знамени, а остальные - ценными подарками, ее изложение в исторических формулярах было запрещено. См.: Павел Аптекарь. *Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы.* <http://www.rkka.ru/ibib11.htm>

¹⁹⁰ Файз Мухаммад. Указ. соч. С.139.

была ни к чему.¹⁹¹ 23 мая, в разгар боев его сторонников в Мазари Шарифе, он прекращает борьбу и отбывает в Индию, а затем в Европу.

Советский отряд, не поддержанный населением и запертый в Мазаре, скоро понял, что может оказаться в ловушке. Потери убитыми и ранеными превысили 230 человек – красноармейцев и афганцев. Примаков в своих депешах в Ташкент требовал присылки новых партий газовых (ипритовых) гранат еще одного «отряда головорезов», а находившиеся в его рядах афганцы-хазара начали открыто выражать свое недовольство.¹⁹² 28 мая командование САВО отдало приказ об отступлении.¹⁹³ По распоряжению из Москвы, советские войска спешно отступили. Важной причиной отхода, по мнению Агабекова, было то, что о советском вооруженном походе на Кабул узнали не только европейские державы, но даже такие добрые союзники СССР как Турция и Персия. Так, бесславно закончилась эта советская вооруженная авантюра. Важнейшим ее уроком должно было стать (но не стало) осознание бесперспективности боевых действий армейских подразделений против многочисленных формирований из числа афганского населения.

Аманулла, ради которого была предпринята эта авантюра, как говорилось выше, решил прекратить вооруженную борьбу против Хабибуллы и бежал из Афганистана навсегда. Перед отъездом он распорядился послать телеграмму Гулям Набихану с распоряжением покинуть страну. 30 мая Гулям Набихан оставил Мазари Шариф и перебрался в Термез (СССР). Халили также считает, что Набихан отступил по просьбе Амануллы, не желавшего, чтобы русские вмешивались в афганские дела.¹⁹⁴ Губар дает несколько другую версию, мол «Гулям Сиддикхан. . . послал последнему (Набихану) телеграмму, в которой ставил в известность, что Аманулла покинул страну. По получении этого известия Набихан перешел советскую границу. Тем самым он хотел показать, что его действия были продиктованы оказать услугу лично Аманулле».¹⁹⁵ Вместе с Набиханом в СССР бежали бывшие члены правительства Амануллы. Их имущество было разграблено туркменами Халифы Кызыл Аяка и узбеками Ташкургана во главе с Касымханом.¹⁹⁶ Хазарейцы Набихана возвратились обратно в Афганистан в декабре 1929 г., уже после свержения Бачаи Сако.

Все это время Ибрагимбек находился в Алиабаде. А Саид Хусайн – а Ханабаде. Вскоре после ухода советского отряда, в начале июня Саид

¹⁹¹ Поллада и Навид также считают, что заигрывания Чархи с Советским Союзом принесли амануллистам больше вреда, чем пользы. Они выставили Аманулла в глазах народа другом «безбожного» СССР. См.: Senzil K. Navid. Op.cit. 182

¹⁹² Павел Аптекарь. Указ. соч.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Халили Х. Указ. соч. С.159.

¹⁹⁵ Губар М., Указ. соч. С.831.

¹⁹⁶ Файз Мухаммад. Указ. соч. С.165.

Хусайн пошел из Ханабата в Мазари Шариф. При нем был тысячный отряд эмигрантов во главе с Ибрагимбеком. По дороге они узнали, что в Мазаре идет бой между туркменами Ишана Халифы и узбеками Мирзы Касыма против афганцев и хазарейцев – сторонников Амануллы. К прибытию Саида Хусайна афганцы и хазарейцы были разбиты.¹⁹⁷

Принимали ли отряды эмигрантов участие в боях на стороне нового эмира? Ибрагимбек, Алимардан, Каюм Парвоначи и остальные эмигранты, допрошенные в ташкентской ЧК летом и осенью 1931 г. упоминали о боях с хазарейцами отряда Гуляма Наби. В августе 1929 г. хазарейцы напали на отряд сакоистов из кухистанцев, туркмен и арабов. По свидетельству Файз Мухаммада (который сам являлся хазарейцем и противником сакоистов), хазарейцы ...

«... многих туркмен убили и ранили, а отряд Сайид Хусейна блокировали в крепости, расположенной в Дехдади. Остальные спаслись бегством в родные степи и пустыни».¹⁹⁸

Саид Хусейн поручил эмигрантам занять крепость Дехдади и быть готовым отразить новое нападение хазарейцев. Когда воины Гулям Наби (вождь хазарейцев, не путать с Гулям Набиханом) напали на крепость, они были разгромлены эмигрантами. Хазарейцев гнали восемь часов без передышки до Буйнакара (Буйнасара).¹⁹⁹ Дело дошло до того, что хазарейцы взмолились и просили Саид Хусайна отозвать Ибрагимбека обратно в Дехдади. Борьба против про-амануллистских хазарейцев в Дехдади-Буйникара, без сомнения была наиболее яркой страницей военных успехов эмигрантов в Афганистане. Затем обстановка вновь нормализовалась и Саид Хусайн предложил Ибрагимбеку следовать с ним в Кабул, чтобы защитить его от пуштунов. Ибрагимбек и на этот раз не торопился с оказанием помощи сакоистам. Он отправился к старейшинам и ознакомил их с предложением Саид Хусайна. Он напомнил им, что в случае его отъезда, эмигрантские кишлаки останутся без охраны и хазарейцы постараются отомстить узбекам за поражение в Дехдади и Буйнакара. В конце-концов, Ибрагимбек не послушался сакоистов. Со своими людьми он поселился в Таликане, близ Алиабада, а Саид Хусайн отбыл в Кабул один.

Таким образом, считать Ибрагимбека последовательным сторонником сакоистов было бы неверно. Этот вольный лакаец не был надежным партнером политиков, какие бы цели те не преследовали. По сути, ему были чужды идеалы (если были таковые) сакоистов в Афганистане, также как и ранее джадидов в Бухаре. Его интересовали в первую очередь благополучие и безопасность своих земляков-эмигрантов, проживавших в Алиабаде, Таликане, Ак-тюбе и других населенных пунктах.

¹⁹⁷ Дело 123469. С. 49.

¹⁹⁸ Файз Мухаммад, Указ. соч. С. 244.

¹⁹⁹ Дело 123469. С.50.

Воевали ли эмигранты против отряда Примакова-Чархи под Мазари Шарифом? Судя по их ответам следователям ЧК, то нет, не воевали, а отсиживались в своих кишлаках. Так ли это на самом деле? Или заключенные боялись признаваться, чтобы не навести на себя дополнительный гнев Советской власти? Сегодня на этот вопрос вряд ли кто-нибудь может дать точный ответ. Если доводить историю с помощью сакоистам и борьбы против Примакова-Гулям Набихана до конца, то следует признать, что выступив в поддержку сакоистов, эмигранты защищали Афганистан - страну, давшую им приют. Помимо защиты крепости Дехдади и борьбы против хазарейцев, отряды Саид Хусайна, поддержанные эмигрантами охраняли границу и отбили атаку красного отряда готового придти на помощь отряду Примакова 6 мая. По данным командующего САВО Дыбенко на март 1929 г., «..вся афганская граница от Бешкапа до устья р. Вахш охраняется исключительно басмачами и бухарской эмиграцией».²⁰⁰

Что же двигало Сталиным, организовавшим «поход на Кабул»? Стоило ли жертвовать жизнями красноармейцев и престижем СССР ради восстановления монархического режима Амануллы, рухнувшего под натиском народного восстания? Не была ли экспедиция Примакова и последовавшая через год еще одна подобная, лишь прикрытием других, далеко идущих планов советского руководства в отношении Афганистана?

В самом деле, реалистично настроенные руководители, сосредоточенные главным образом в Народном Комиссариате Иностранных дел, рассматривали свержение Амануллы как удар по Советским планам и триумф Англии. Они выступали за восстановление хоть и монархического, но дружественного СССР режима. Они видели, что Аманулла пользуется поддержкой пуштунского юга и обладает столь близким сердцу пролетария антибританским, антиимпериалистическим потенциалом. В то время как Бачаи Сако, рассуждали они, будучи северянином, рано или поздно обратит свои агрессивные устремления против близкой ему Советской Средней Азии. При таком раскладе советские симпатии склонялись больше к коронованному пуштуну Аманулле, чем «пролетарскому» таджику Хабибулле.

В то же время, в советской политике в отношении Афганистана всегда находилось место для коминтерновской идеологии. Некоторые советские руководители (в первую очередь сотрудники ГПУ) полагали, что они на пороге столь желанной «народной» революции. Братья Чархи – Гулям Сиддик и Гулям Наби были в Москве почти 2 месяца. Все это время они убеждали советское руководство в том, что афганцы стонут от тирании и ждут возвращения Амануллы. Начальники ГПУ, конечно же, не думали о восстановлении монархии. Они полагали, что отряд Примакова-Набихана обрстет на афганской территории народными повстанцами и приведет к

²⁰⁰ АКРТ, ф.4511,оп.16, д.127, л. 4.

образованию марионеточной республики с дальнейшим присоединением ее к СССР. В этом свете совершенно неслучайно выглядит образование Таджикской ССР именно в 1929 г. Получилось так, что бедняк-таджик стал эмиром в ближайшем зарубежье вновь образованной союзной республики. Не зря придание статуса союзной республики Таджикистану в разгар гражданской войны в Афганистане рассматривалось англичанами и афганцами как вызов.²⁰¹ Оно содержало явный намек на угнетение таджиков и узбеков в Афганистане и расценивалось как лозунг: «делай как я».

Но можно ли допустить, что командование Красной Армии, затратившее огромные человеческие, военные и финансовые ресурсы для ликвидации басмачества все еще находилось под действием наивного и опасного коминтерновского романтизма, предполагавшего, что достаточно развязать «революционную» войну как «угнетенные народы Востока» с благодарностью бросятся на шею освободителям?

Как бы то ни было, в конце-концов СССР решил поддержать Аманулла.²⁰² Агабеков, который находился в гуще афганских событий, считал, что: «Наркоминдел в вопросах афганской политики не имел никакой твердой линии и следовал в хвосте событий. Сталин со своей обычной «прямой» решил разрубить узел внутренних афганских отношений ударом красноармейского кулака. Этим он окончательно скомпрометировал русское имя в Афганистане и социалистическую идею в СССР, красноречиво подтвердив обвинения СССР в красном империализме».²⁰³

Думается, все указанные выше мотивы имеют право на существование. Их невозможно не учитывать, но в то же время нельзя с уверенностью подтвердить, что какой-то один из них был главным. С уверенностью можно сказать только то, что Советское командование было настроено против эмигрантов, поддерживавших Хабибулла и совершавших вылазки на советскую территорию. Очевидно также, что СССР решил воспользоваться ситуацией и «наказать» эмигрантов, проживавших вблизи границы. И, наконец, красным командирам не терпелось испробовать новую технику, вооружение (включая ипритовые снаряды) и тактические приемы ведения войны на «индийском фронте». В частности СССР стремил-

²⁰¹ Fletcher, Arnold, *Afghanistan. Highway of Conquest*, Westport, Connecticut: Greenwood Press Publishers, 1965, 210.

²⁰² Позже, этот шаг будет волновать умы таджикских (в том числе афганских) авторов – сторонников идеи «Великого Хорасана», то есть объединения таджиков Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. Они считают, что «русские империалисты выступили против Бачаи Сако потому, что противились тому, чтобы таджики правили Афганистаном, потому что они не хотели объединения и усиления таджиков. Они не хотели, и сейчас не хотят, объединения таджиков Мовароуннахра (для них: северного Хорасана) и Афганистана (малого Хорасана)». Саиди Саъди *Мухтасари таърихи сиёсии тоҷикони Афғонистон*. Душанбе: Оли Сомон. С. 52.

²⁰³ Агабеков Г. Указ. соч. С.182

ся внедрить свою авиацию в Афганистане – «важном с точки зрения штаба Красной Армии, плацдарме для наступления на Индию».²⁰⁴ Боевую закалку в отряде Примакова прошли будущие командиры, прославившие Красную Армию в годы Великой Отечественной войны – Иван Ефимович Петров, Иван Васильевич Панфилов, Вячеслав Дмитриевич Цветаев и др. Опыт афганских экспедиций 1929 и 1932 гг. (о последней речь пойдет ниже) будет использован «Алтайской добровольческой армией», вторгшейся в Синьцзянь в начале 1934 г. для подавления мусульманского восстания (см. предыдущую главу). Это не были отдельные, не связанные между собой эпизоды, и тем более не досадные «ошибки», а тенденция, проявление целенаправленной политики. Все это время накапливался опыт, готовились кадры, совершенствовалось вооружение для последующих вторжений в приграничные СССР страны.

В целом, Советский Союз в период правления Бачаи Сако помогал свергнутому Аманулле и его сторонникам дальше в большей степени, чем последние просили. Экспедиция Примакова-Гулям Набихана была именно тем самым ненужным элементом. Не нужным как Аманулле, так как выставляла его инициатором иностранной интервенции, так и самому СССР, потому что инцидент был чреват вовлечением Советской стороны в афганскую гражданскую войну. Англичане, разумеется, были встревожены этим советским вторжением. Как указывалось выше, Англия воздержалась от официального заявления о немедленном прекращении вмешательства (*hands-off warning*), под предлогом того, что она не была готова ответить адекватным образом в случае отказа СССР от вмешательства в афганские дела.²⁰⁵ Стояло ли за этим действительное замешательство формального характера? Вернее было бы предположить, что англичане, вырази они такой протест, предстали бы перед всем миром как противники Амануллы и соответственно, сторонники Бачаи Сако. Тем самым они ограничили бы возможности для маневра в этой сложной для всех – и СССР и Англии - ситуации. Они в конце-концов, предпочли «не заметить» вылазку советского отряда, но взяли ситуацию под свой исключительный контроль после отступления советского отряда.

Антисоветские действия эмигрантов во время правления «сына водоноса»

Можно со всей уверенностью утверждать, что антисоветская деятельность Алим Хана (выпуск книги воспоминаний, публикации Меморандума в европейской прессе и пр.), действия вооруженных отрядов среднеазиатских эмигрантов, их вылазки на советскую территорию и другие враждебные СССР акции, имевшие место в 1929 г. были напрямую связа-

²⁰⁴ Агабеков Г. Указ. соч. С.87.

²⁰⁵ Adamec W. Ludwig. Op. cit, 161.

ны с падением афганского просоветского режима и реакцией сакоистов на поддержку Амануллы Советским Союзом.

Как указывалось выше, для Алим Хана восшествие Бачаи Сако означало триумф «истинной веры» и возобновление борьбы за освобождение Бухары и Туркестана от большевизма. В мае 1929 г. он выпустил воззвание к народам Средней Азии с призывом объявить священную борьбу неверным. Это письмо было опубликовано в белоэмигрантской газете «Руль» (Берлин).

«Джунайд хан, хивинский богатырь, храбрый воин туркменов признал мое руководство и объединил свои силы с моими, которыми руководит славный узбек - князь Ибрагимбек».

Далее Алим Хан уже мог не стесняться высказывать открыто свое отношение к свергнутому правителю Афганистана:

“. . . Афганский эмир Аманулла изменил обычаям предков и стал другом нашим поработителям . . . Я заключил союз с новым эмиром Хабибуллою. Мы верим, что вместе с нами поднимется против Советской власти и русский народ”.²⁰⁶

В том же, 1929 г., в Париже вышли воспоминания Алим Хана “Голос угнетенной Бухары” на французском и фарси языках. Ее выход следует воспринимать, на наш взгляд, именно в контексте активизации эмигрантских антисоветских сил, произошедшей под влиянием гражданской войны в Афганистане.

Вполне можно допустить и то, что Хабибулла-Бачаи Сако, по крайней мере морально, поощрял диверсионные вылазки басмаческой эмиграции против СССР. Практически одновременно с началом экспедиции Примакова – Набихана, которая началась 15 апреля, 12 апреля того же 1929 г. один из эмигрантских главарей - Фузайл Максум с 5-6 своими людьми, в числе которых был один русский (принявший ислам оренбургский казак Пименов), проник в Советский Дарваз. Заняв 13 апреля Калаи-Хумб, Фузайл в первую очередь подверг разграблению кооператив и имущество советских учреждений. Он заявил, что намерен свергнуть Советскую власть в Каратегине и Дарвазе и установить свою собственную, то есть стать беком Каратегина. Для этого он собирался, с помощью своих земляков, занять Гарм. Фузайл распространял слухи о том, что вскоре из Афганистана вслед за ним придут новые отряды. Ему удалось собрать отряд из 60 бойцов вооруженных винтовками. Кроме того, муллы набрали примерно 250 горцев, вооруженных палками. Затем фузайловцы совершили кровавый рейд вглубь Таджикистана. В Тавильдаре, Калаи-Лабиобе, Джиргитале, Хоите, Нимиче и других населенных пунктах от рук басмачей погибло 29 активистов и сторонников Советской власти, включая трех молодых таджичек и учителя Каримджона Хусейнзаде. По приближении банды, Каримджон, 28-

²⁰⁶ *Руль*, Берлин. 1929, 29 мая.

летний учитель, посланный в Каратегин из Канибадама работать заведующим отделом народного образования, с тревогой писал в Гарм, что никому кроме своих учителей он не доверяет, и просил вооруженную помощь. При наступлении банды он скрылся в горах, но был выдан кем-то из населения. С 21 апреля он содержался под стражей, а 27 апреля казнен. По свидетельству пленных, Каримджон Хусейнзаде «держался очень стойко, и смерть принял смело».²⁰⁷ В Хоите три девушки, которые сбросили паранджи и собирались отбыть в Гарм на учебу: Муаллимбиби Касымова, Олиябиби Гадоева и Сайрам Абдуллаева были повешены муллами. Перед смертью они также держались достойно.²⁰⁸

Небольшой советский состав советских работников в Гарме, оказавшись фактически один на один с басмачами, готовился сдать город. На что, от командующего САВО Павла Дыбенко²⁰⁹ последовал ответ, «что если они покинут Гарм и эвакуируют его, я объявляю их дезертирами и расправлюсь как с бандитами».

«Ибо, товарищи, недостаточно сидеть в кабинетах писать циркуляры и прочие канцелярские постановления, но нужно научиться защищать Советскую власть. Достаточно уже думать о том, что все время Узбекистан или Таджикистан будут защищать смоленские мужички-красноармейцы. Мне кажется за 12 лет пора научиться и самим защищаться и защищать Советскую власть»,

говорил он на Втором съезде Советов Таджикской АССР, проходившим в 20-х числах апреля, как раз в то время когда фузайловцы пробирались к Гарму.²¹⁰ Однако критика командира во многом оказалась несправедливой. Отряд из 18 человек во главе с советским служащим - заведующим агентством Госбанка в Гарме Ф. Ф. Гутовским - беспартийным, бывшим белым офицером из Семипалатинска²¹¹ - героически сдерживал наступление более многочисленного басмаческого отряда. Все 18 добровольцев, включая их командира Гутовского, учителей и советских работников погибли в бою у кишлака Нимич 21 апреля. Второй отряд под командованием Ф. А. Мокрицкого из 9 человек встретил басмачей у Гарма 22 апреля. Оба отряда (Гутовского и Мокрицкого) были интернациональными. Они состояли из учителей и советских служащих – таджиков, русских, персов, татаров, грузин. Басмачи на советской территории развязали настоящий

²⁰⁷ АКПТ, ф.1, оп. 1, д. 1225, л.54.

²⁰⁸ АКПТ, ф.1, оп. 1, д. 1225, л.56.

²⁰⁹ Дыбенко Павел Ефимович (1889-1938), советский военный деятель. Большевик с 1912 г. Активно участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С 26 октября (8 ноября) 1917 по март 1918 в составе СНК - член коллегии Наркомата по военным и морским делам, затем нарком по морским делам. В 1928-38 гг. командующий войсками Среднеазиатского, Приволжского и Ленинградского военных округов. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован посмертно.

²¹⁰ АКПТ, ф. 1, оп.1, д. 1192, л.32.

²¹¹ АКРТ, ф.1.оп.1, д. 1192, л. 54.

террор. Население Гарма, хоть и не поддержало в массовом порядке Фузайл Максума, но и не торопилось выступить против него. Оно предпочло покинуть город.

Командующий САВО – бывший матрос Балтийского флота Дыбенко взял инициативу борьбы с Фузайлом в свои руки. По его команде, 23 апреля в Гарм из Душанбе на пяти Юнкерах был переправлен небольшой красный отряд во главе с комбригом Т. Т. Шапкиным и комиссаром А. Т. Фединым. С ними было около десятка бойцов с 4 пулеметами и достаточным количеством боеприпасов. Это была первая в истории Красной Армии воздушно- десантная операция.²¹² Она состоялась ровно два месяца после завершения другой уникальной воздушной операции – первой в мире эвакуации иностранной миссии из охваченной войной страны. Тогда англичанами за два месяца было совершено 82 рейса и эвакуировано из Афганистана 586 человек. Результаты военного десанта в Гарм были также впечатляющими. За день самолеты совершили 17 рейсов, покрывая пространство между Душанбе и Гармом в 55 минут вместо 4-х дней езды верхом на лошадях.²¹³ В результате смелой атаки красного десанта, в течение часа отряд басмачей Фузайла был обращен в бегство. В тот же день Шапкин и Федин выясняли причины случившегося и обнаружили, что сами местные власти – исполкомы зачастую шли на сотрудничество с Фузайлом. На следующий день в Гарм прибыл П. Дыбенко, и к 1 мая операция была завершена. В целом, за время своего вторжения, Фузайл совершил 200 километровый рейд и увеличил свой отряд с 6 до 500 джигитов. Более сотни, а если быть точнее 107 человек, было немедленно арестовано и предано суду за сотрудничество с Фузайлом. Из них 41 были приговорены к расстрелу, 46 – к различным срокам лишения свободы, оправдано 19, приговорено условно -1.²¹⁴ Говоря о боевых потерях басмачей, назывались цифры от 6 до 60 человек убитыми. Позже правительство Таджикистана во главе с Шириншо Шотемором также тщательно проанализирует ситуацию. Главной причиной случившегося оно назовет слабую советизацию района и ошибки, допущенные Советской властью, такие как насильственное переселение горцев, извращения в области религии, «раскрепощение женщин» и пр. Важным следствием этой операции по ликвидации Фузайла было закрытие границы в связи с возможным переходом границы силами Ибрагимбека.²¹⁵

Необходимо напомнить, что победоносная десантная операция в Гарме совпала по времени с действиями отряда Примакова-Чархи в афганском Мазари Шарифе, которая, в отличие от гармской была покрыта заве-

²¹² АКРТ, ф.1.оп.1, д. 1192, л. 37.

²¹³ Василевский. Фазы басмаческого движения//Новый Восток, Научная Ассоциация востоковедения Союза ССР. 1930, №19. С.140

²¹⁴ АКРТ, ф.1.оп.1, д. 1192, л. 139.

²¹⁵ АКРТ, ф.1.оп.1, д. 1415, л. 18.

сой секретности. На случай возможного просачивания информации, были подготовлены «Тезисы по агитации в Гармском вилайете» выпущенные партийным бюро этой таджикской области 27 апреля 1929 г. – сразу после разгрома вылазки Фузайл Максума. В них, в частности говорилось.

« Необходимо разъяснить дехканству путем выступления на митингах, на базарах и т. д. следующее:

В Афганистане Аманулла взял Мазари Шариф, Ханабад (кто на самом деле взял эти города мы уже знаем-К.А.) и возвращается в Кабул. Наши басмачи-эмигранты, пользуясь гостеприимством Амануллы, сделались его врагами. Теперь они испугались его (Амануллы) наступления и мести за предательство и побежали. Файзулла (Фузайл) один из них. Ему некуда деться, вот он и пришел в Таджикистан».²¹⁶

Разбитый в Гарме Ф. Максум отступил в свой родной Калаи-Лабиоб, затем в Тавильдару. Третьего мая в районе Калаи-Хумба он вернулся обратно в Афганский Бадахшан с 9 своими сторонниками. Оттуда он ушел в Мазари Шариф к Саиду Хусайну, военному министру правительства Бачаи Сако. Немногим позже Фузайл Максум вернулся с Саид Хусайном в Кабул.²¹⁷ Свои впечатления о рейде Максум выразил следующим образом: «Хотел дело сделать, но каратегинцы пошли против меня, и я вынужден был уйти».²¹⁸

Несмотря на то, что группе Фузайла за короткий срок удалось пройти от приграничного Калаи-Хумба через перевал до крупного центра центрального Таджикистана, каким являлся Гарм, его постигла неудача. Она не была вызвана плохой организацией или наличием соперничества между курбашами, как в случае с Энвером. Фузайлу не противостояли многочисленные красные полки как в 1922 г. Несмотря на недовольство Дыбенко и Шапкина, для красных командиров не осталось незамеченным, что население в целом не поддержало басмачей. Это и явилось главным фактором поражения фузайловцев. Сам Шапкин говорил о перемене настроения населения и его нежелании возобновлять войну и поддерживать курбаши следующим образом:

«деханство, конечно за баями и муллами не пойдет, но поскольку оно не видит Советской власти, оно не знает за кем идти».²¹⁹

Историю с Фузайлом можно считать фактом истории гражданской войны в Таджикистане, имея ввиду, что основными противоположными силами в ней были не пришельцы-русские и мусульмане как в 1921-1922 гг., а сами народные массы – таджики, занявшие противоположные позиции. Достаточно упомянуть, что изъятие оружия у сторонников Фузайла в мае 1929 г. проводилось не военными частями, не подразделениями ГПУ, а специаль-

²¹⁶ АКПТ, ф. 1, оп.1, д.1225, л.13.

²¹⁷ Дело 123469. С.235.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ АКРТ, ф.1.оп.1, д. 1192, л. 38.

ной правительственной комиссией таджикского правительства числом 120-150 человек, в которую помимо членов правительства и милиционеров входили «красные муллы», местные сторонники Советской власти (в частности, рабочие-отходники). Последние особо не церемонились, и зачастую выбивали сведения из сторонников Фузайла при помощи плетки и палки.

Одновременно с Фузайлом, другой курбаши – ферганец Куршермат вторгся в советский Ванч 14 апреля. Ему повезло еще меньше чем Фузайлу. Покружив пару дней по горам и не получив поддержки таджиков-горцев, Куршермат удалился обратно в Афганистан. Более того, примерно в это время его брат Нурмат был схвачен Ибрагимбеком и находился почти месяц в заложниках у локайца. Это обстоятельство позднее зачтется Надир Шахом как свидетельство того, что братья Шермат и Нурмат пострадали от врага Афганистана – Ибрагимбека.²²⁰

Были ли какие-либо договоренности между Бачаи Сако, Фузайлом и Куршерматом? Следует согласиться с таджикским афганистом Назаровым Х., который отрицает такую вероятность. Он считает, что новое правительство Афганистана было занято борьбой против Амануллы, Надира и Гулям Наби Хана и «вряд ли было в состоянии еще помышлять о каких-то агрессивных акциях против своих соседей».²²¹ Вероятнее всего, басмачи просто воспользовались слабостью центрального правительства, осуществлявшего контроль за эмигрантами. Правительство Бачаи Сако стремилось добиться международного признания, в частности нормализации отношений с СССР и потому, никак не было заинтересовано в поддержке враждебных вылазок на советскую территорию.

Во время правления Бачаи Сако проявил активность и лидер туркмен-иомудов Джунайд Хан. Еще в июне 1928 г. он, сломив сопротивление иранских пограничников, благополучно пересек советско-иранскую границу. В Иране он заявил, что не намерен оставаться там, а имеет целью попасть в Афганистан. Избегая столкновений с иранскими и афганскими войсками, Джунайд перешел в Афганистан, в провинцию Герат. Вскоре Джунайд выступил в поддержку Бачаи Сако, о чем сообщил письмом Алим Хану.²²² Джунайд Хан, также как узбек Мирза Касым был в числе активных сторонников Бачаи Сако, воевавших против красноармейцев в Мазари Шарифе в 1929 г.

В советской печати того времени (апрель-май 1929 г.) встречается немало упоминаний о басмаческих рейдах на советскую территорию. Имеющиеся источники подтверждают эти сведения только отчасти. Масштабы такого рода действий эмиграции явно преувеличены советской стороной, пытавшейся косвенно оправдать свое вторжение в Афганистан, а также взять реванш за поражение Амануллы и экспедиции Примакова. И надо

²²⁰ Andican, Ahat. Op.cit., 188.

²²¹ Назаров Х. Указ. соч. С. 169.

²²² Дело 123469. С.177.

признать, что советская сторона, проиграв военную экспедицию, выиграла войну информационную. В этом свете, антисоветские манифесты Алим Хана, публиковавшиеся в западных и эмигрантских газетах, сыграли на руку Советской стороны. Не исключено, что они были организованы самими советскими агентами, в которых не было недостатка в эмигрантских кругах Берлина, Парижа и Риги. На эту мысль наводит факт оперативной перепечатки этих материалов советскими газетами.²²³ Советская печать помимо сводок о рейдах мелких отрядов басмачей помещала перепечатки западной и индийской прессы об участии англичан в афганской смуте, о вездесущем полковнике Лоуренсе, якобы сотрудничавшим с самим Ибрагимбеком и пр. Кроме того, в мае 1929 г., московские «Известия» опубликовали сенсационное открытое письмо сына Алим Хана - Шахмурада. Шахмурад был старшим из трех сыновей экс-эмира, оставшихся в Бухаре и вывезенных в Москву в 1923 г. В 1929 г. Шахмурад как раз собирался поступать в военную академию после завершения обучения на рабфаке. Вполне вероятно, написание письма и отречение от отца было важным условием его дальнейшей карьеры, а может и сохранения самой жизни. Письмо было составлено в духе непримиримой классовой борьбы и ненависти к эмиру. Оно содержало обвинения в преступлениях против Советской власти, включая организацию басмачества, и заключалось словами:

«Вот мои последние слова тебе, прощаемся с тобой навсегда. Если судьбой нам доведется встретиться, то мы встретимся врагами.

Твой бывший сын Шахмурад.»

Вряд ли это письмо было написано самим Шахмурадом, но оно помогло сыну эмира поступить, а затем закончить военно-инженерную Академию имени В. В. Куйбышева. Таким образом, эта, и другие публикации были частью пропагандистской кампании, предпринятой большевиками для прикрытия этого и последующих советских вторжений в Афганистан.²²⁴

В связи с активизацией антисоветских эмигрантских кругов в 1929 г., возникает вполне резонный вопрос: были ли у Ибрагимбека планы воспользоваться анархией в Афганистане и, подобно Ф. Максуму, вторгнуться в СССР? Сам Ибрагимбек позже, на следствии признавался советскому следователю:

“Во время Хабибуллы у меня было большое желание воевать с вами.”²²⁵

Действительно, если верить Ибрагимбеку, такой план перехода в СССР для борьбы против советской власти существовал. Тем более, появление советского отряда Примакова-Чархи в марте 1929 г. создало прецедент и могло служить оправданием для ответного хода со стороны Аф-

²²³ Fraser, Glenda, “Basmachi-II”, *Central Asian Survey*, Vol 6, no.2, 1987, 21.

²²⁴ Год спустя Красная Армия проведет аналогичную операцию на афганской территории, о которой речь пойдет ниже

²²⁵ Там же.

ганистана. Инициатором его был Алим Хан, который был убежден, что Лига Наций на его стороне и что все иностранные государства окажут ему помощь для воцарения бухарском престоле. Когда Ибрагимбек весной 1929 г. отправлялся на север, у него было 30 экземпляров воззвания, в которых за подписью Алим Хана сообщалось, что «эмир Бухары посылает Ибрагимбека для борьбы против Советской власти, населению предлагает оказывать Ибрагимбеку широкую поддержку и что сам Алим Хан с большим войском прибудет вслед и возьмет власть в свои руки».²²⁶

Что же помешало Ибрагимбеку сделать это? Ведь для этого случая муллами был написан текст листовки «К верующим всего мира, народам Туркестана, Татарстана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана». Думаем, ответ ясен. Ибрагимбек мало походил на харизматического религиозного лидера или милитариста. Он был племенным лидером, привязанным к определенной территории и народу с его традиционной культурой и кочевым, свободным образом жизни. Он не столько служил эмиру Бухары, сколько защищал свои дома, селения имущество и семьи мирных эмигрантов. Ибрагим не мог оставить их на произвол судьбы в чужой беспокойной стране, а сам отправиться защищать чьи-то интересы. Судьба Бачаи Сако и будущее Афганистана и даже Алим Хана интересовали узбеков меньше чем защита собственных общин. Лакайцы, как и пуштуны, были кочевниками и жили племенами. Они в меньшей мере были подвержены воздействию исламистской пропаганды, национализма и патриотизма. Они с недоверием относились к любым политикам. В этом главная причина непоследовательности эмигрантов в поддержке Алим Хана и Бачаи Сако. Что касается антисоветских листовок, в обилии фигурирующих в материалах следственного дела, то можно предположить, что они или были навязаны ему эмирастами или большевистскими провокаторами, пробравшимися в стан басмачей.

Конец правления Бачаи Сако и восшествие Надир Шаха

Наступила осень 1929 года. Ибрагимбек вспоминал:

“Положение в Катаганской провинции запуталось до невозможности. В чьих руках была провинция - понять трудно, хотя формально она управлялась Бачаи Сако. Начались беспорядки, один кишлак шел на другой, сводя старые счета”.²²⁷

Ослабление центральной власти оказало на Афганистан разрушительное действие. Кольцо абсолютизма, удерживавшее различные племенные, конфессиональные и этно-территориальные группы в едином пространстве, вдруг ослабло. Это привело к раздорам, всеобщей анархии, поставившим Афганистан на грань национальной катастрофы. Поддержка, оказанная

²²⁶ Дело 123469. С.257.

²²⁷ Дело 123469. С.53.

северянами (в том числе эмигрантами) новому режиму вызвала недовольство и возбудила национальные чувства на юге Афганистана. В то же время нельзя сказать, что северяне выступили единым фронтом в защиту Хабибуллы. В частности, хазарейцы выступили в защиту Амануллы и Гуляма Наби. Бачаи Сако, в свою очередь стремился перетянуть их на свою сторону. Он указывал на языковое единство таджиков и хазарейцев, апеллировал к их национальным и классовым чувствам, говоря:

«хазарейцы, которые длительное время находились под гнетом правительств пуштунов и были лишены своих законных прав, должны объединиться с таджиками во имя общих интересов, чтобы вновь не стать рабами пуштунов, которые постоянно издевались и угнетали хазарейцев».²²⁸

Однако старания Бачаи Сако разбудить национальные чувства непуштунских групп сводились на нет его политикой продвижения на руководящие посты своих непосредственных земляков из Кухдомана. Неудачными были и внешнеполитические действия Бачаи Сако. Несмотря на все усилия привлечь к себе внимание, сакоисты не получили международного признания.

В этой ситуации клан Муджаддеди, который в свое время привел Бачаи Сако к власти, обеспокоенный начавшейся анархией перешел на сторону Мусохибан. Члены этой семьи, а именно Надир Хан, а также его братья Хашим Хан, Шахвали Хан и Шахмахмуд Хан при поддержке южных и восточных племен начали наступление на Кабул. Англичане, несмотря на заявленный нейтралитет, фактически закрыли глаза на то, что братья Мусохибан для своих целей мобилизовывали племена приграничной индийской полосы. Затем наступает охлаждение и ссора между Бачаи Сако и могущественными хазратами из рода Муджаддеди. В июне Шер Ака собирает джиргу и объявляет Бачаи Сако неверным. Это означало, что нападение на эмира отныне не только позволительно, но и желательно. 13 октября Бачаи Сако и его сторонники, атакованные армией братьев Шахмахмуда и Шахвали, бежали из афганской столицы. 15 октября Надир Хан вступил в Кабул на белом коне и вскоре «согласился» с требованием племен стать королем – Надир Шахом. Это было ударом для Амануллы и его сторонников, веривших заявлениям Надира о том, что он не преследует цели занятия афганского престола. Пуштунская монархия была восстановлена, и в стране воцарилась новая династия семьи Мусохибан.

20 октября Бачаи Сако сдался в обмен на гарантии сохранения жизни. Но это не спасло его. Надир Шах никак не мог простить простолюдину то, что он осмелился претендовать на трон. Второго ноября 1929 г. Хабибулла - сын водоноса, единственный не-пуштун (таджик) бывший эмиром

²²⁸ Файз Мухаммад, Указ. соч. С. 255.

Афганистана, был повешен на кабульском аэродроме.²²⁹ Казнь произошла в присутствии пуштунов - вазиров, масудов, мангалов, дауров и джандранов. Тела казненных - Хабибуллы, Хамидуллы (брата Хабибуллы), Шер Джана (министра юстиции) и еще 14 сакоистов три дня висели на столбах. Вскоре появились вездесущие фотографии, и по прошествии скорого времени в Пешаваре шла бойкая торговля снимками убитого Бачаи Сако, стоимостью 5 пенни каждый.²³⁰

Придя к власти, Надир Шах сделал все возможное, чтобы избавиться не только от Бачаи Сако, но и от Амануллы и его сторонников. Среди них оказался и Мухаммад Вали Хан Бадахшани – таджик, сподвижник Амануллы, встречавшийся с Лениным в 1919 г. В тяжелом положении оказался Аманулла. Он не скопил больших сбережений, а Англия, которая обычно брала на себя заботу об афганских коронованных изгнанниках, не собиралась помогать ему.

«Жаль, что я не был уничтожен как русский царь. Теперь мне остается ничего, кроме как скитаться на чужбине»,²³¹

с горечью признавался Аманулла. До конца своей жизни он таил обиду на Надира, который не только не позволил ему вернуться в Афганистан, но даже не пригласил на коронацию. Если англичане и Надир не признавали Аманулла, то для короля Италии Виктора Эммануэля, Аманулла оставался коронованной особой и «кузеном». Он предоставил убежище изгнаннику. Аманулла и его жена Сурейя вместе с 6 детьми поселились в Вилла Орацио в Риме. В Италии у них родились еще двое детей, которых они учили не забывать персидский язык. Для Амануллы начались долгие годы забвения. Думал ли король-изгнанник о превратностях судьбы и схожих переживаниях бывшего эмира Бухары, которого он держал на положении домашнего арестанта в Кабуле? Вероятно да. Ведь наличие в Афганистане двух сотен тысяч беглецов с Советской стороны привело в действие т. н. «эмигрантский фактор», который привел к углублению противоречий между неокрепшим, дружественным СССР реформаторским режимом Амануллы и консервативным оппозиционным духовенством, относившимся к мухаджирам и басмачеству с симпатией. Как признавался Халили, этот фактор стал одной из причин, приведших в конце-концов к поражению Амануллы.²³²

Мать Амануллы – всесильная Улия Хазрат, которая так стремилась возвеличить своего коронованного сына и считала Алим Хана одним из своих сыновей, предпочла эмигрировать в Константинополь. Туда же отправился и тесть Амануллы Махмуд Тарзи. Незадачливый «трехдневный эмир» Иноятулла осел в Тегеране, где занимался разведением цветов.

²²⁹ Соколов-Страхов К. И. *Гражданская война в Афганистане 1928-1929 г.г.* М.: Госиздат, 1931. С.64. По другим сведениям Бачаи Сако и его соратники были расстреляны.

²³⁰ Stewart, Rhea Talley, Op. cit. 573.

²³¹ Stewart, Rhea Talley., Op. cit. 574.

²³² См.: Халили Х. Указ. соч..-С.С. 96-100.

Хазраты Шер Ака и Гуль Ака постепенно теряли свое влияние на нового короля. Что касается братьев Чархи, то они потеряли доверие Надира. Особое недовольство нового короля вызывал Гулям Набихан, который возглавил поход в поддержку Амануллы с территории СССР. Чархи платил Надиру тем же. До последнего дыхания он оставался горячим сторонником Амануллы, за что и поплатился жизнью. 8 ноября 1932 г. Надир вызвал к себе Гулям Набихана. Произошла резкая перепалка, во время которой Гулям Набихан обвинил Надира в узурпации власти. В ответ Надир дал знак стражникам и направился к выходу. Не успела закрыться за ним дверь, как охрана накинулись на Гулям Набихана и забила его до смерти ружейными прикладами. Цепь насилий начатых Надиром прекратилась ровно через год. Восьмого ноября 1933 г. в годовщину смерти Гулям Набихана Чархи, на церемонии вручения наград лучшим студентам, сын слуги Гуляма Набихана он же приемный сын выхватил пистолет и выпустил три пули в Надир Шаха. Смерть наступила того, кого Аманулла считал узурпатором.²³³

Месть Надира, или «джанги лакай»

Придя к власти, Надир, этот жестокий правитель мстил не только сторонникам Амануллы, но и северянам, в том числе эмигрантам из Бухары. Для Надира проблема была не в том, что эмигранты поддерживали сакоистов. Сторонников Бачаи Сако было немало не только на севере, но и на сугубо пуштунских территориях. Менять стороны и заключать союзы со вчерашними противниками в характере различных афганских партий. Проблема заключалась в том, что общая ситуация ослабления афганской власти на севере таила опасность развала страны. Речь шла о восстановлении государственного контроля внутри страны и сохранении целостности Афганистана. В первые годы правления, власть Надира распространялась, и то частично, только на южные и восточные провинции. Герат находился под властью Абдурахима – фактически независимого правителя. Немало беспокойства афганцам доставлял тот факт, что эмигранты фактически контролировали советскую границу и совершали рейды на соседнюю территорию, где проживали родственные им народы. Использование афганской территории для набегов на СССР, плюс слабость афганской власти могли спровоцировать советскую сторону на ответные действия, которые, в свою очередь вполне реально могли привести к отложению северных провинций.

Вскоре после падения правительства Бачаи Сако в ноябре 1929 г., в Ханабад был назначен новый наиб уль-хукума (губернатор) провинции Катаган-Бадахшан – Сафархан. Эмигранты называли его Назир Сафаром. Сафархан был хорошо известен Ибрагимбеку: с 1921 г. он был связ-

²³³ Stewart, Rhea Talley, Op. cit. 576-578. Аманулла умирает от цирроза печени в 1960 г. Его тело было предано земле на родине - в Джалалабаде.

ным между эмигрантами, в частности Алим Ханом и афганским правительством. Ибрагимбек, узнав о прибытии нового правителя, послал к нему 8 лакайцев с письмом, а чуть позже выступил сам, с отрядом в 300 бойцов. Осторожность оказалась излишней. Сафархана сопровождал отряд решительно настроенных афганцев (пуштунов). Прибывшая первой лакайская делегация была ими разоружена. Новые афганские власти поставили перед узбеками ультиматум - сдать оружие и вернуть деньги, полученные ими от прежнего правительства. Они также требовали выдать двух приверженцев Бачаи Сако – Мухаммад Хашимхана (командующего войсками провинции во время Бачаи Сако) и Гуляма Кадырхана, гундмышра²³⁴ - нашедших убежище в лагере эмигрантов. Беглецы просили Ибрагимбека выступить посредником в их примирении с новым правительством.²³⁵ По другой версии, сакоисты Хашимхан и Кадырхан склоняли Ибрагимбека и его лакайцев к совместным действиям против нового правительства. Согласно ей, Гулям Кадырхан, который при Бачаи Сако был биргидом²³⁶ в Ханабаде, был арестован Сафарханом. Просидев 3-4 месяца под стражей, Гулям Кадырхан бежал с небольшим отрядом в Алиабад и предложил Ибрагимбеку действовать совместно против афганцев. Сафархан и его сын и заместитель Анварджан – тот самый, который в 1922 г. лично привел отряд добровольцев к Энверу в Восточную Бухару - были настроены решительно против Ибрагимбека. Они даже снарядили отряды для его поимки. Но не так-то просто было поймать обладавшего большим военным опытом партизанской войны лакайского вождя. Незадачливый Анварджан был схвачен джигитами Ибрагимбека. Держа Анварджана «почетным пленником», Ибрагимбек склонил того к «мирному договору», суть которого сводилась к следующему:

1. Ибрагимбек сдаст оружие только тогда, когда посчитает нужным. Никакого принуждения здесь не должно быть.
2. В Кабул ли, в Ханабад ли, Ибрагимбек отправится только по собственному желанию, никто не смеет ему приказывать.
3. Без разрешения правителя Ханабада Ибрагимбек обещает не покидать пределы Афганистана.
4. Ибрагимбек не будет возвращать деньги, данные ему ранее Хабибуллой и Саид Хусайном.
5. Враги Надир Хана – враги Ибрагимбека. Его друзья – друзья Ибрагимбека.
6. Кухистанские таджики Мухаммад Хашимхан и Гулям Кадырхан не должны преследоваться Сафарханом.²³⁷

²³⁴ Гундмышр – командир полка, полковник (согласно реформе 1919 г.)

²³⁵ Дело 123469. С.54.

²³⁶ Биргид (баргит) – от английского brigade, военный чин афганской армии до 1919 г. Соответствовал чину генерал-майора.

²³⁷ Дело 123469. С.56.

Другими словами, это был прямой отказ разоружиться и выполнять другие условия, выдвинутые падишахом. Хотя Ибрагимбек поклялся не предпринимать действий, могущих принести вред Афганистану, он оставил за собой право самому принимать важные, с его точки зрения, решения. Подписав этот договор как «Мухаммад Ибрахимбек дивонбеги, тупчибоши, гази» лакайский вождь, одарив Анварджана лошадью и халатом, проводил его с почестями в Ханабад, к отцу. Ибрагимбек утверждал, что договор с Анварджаном был затем подписан Сафарханом и возвращен лакайцам через несколько дней.

Надир, надо полагать, пришел в ярость от несговорчивости бухарца. Однако он не мог предпринять жесткого наступления на север, в силу того, что не обладал необходимыми военными и материальными ресурсами. Обычно, кабульские правители делали это только в крайнем случае. Как правило, они предпочитали договариваться с местными авторитетами, главным образом с племенными лидерами, перетягивая их на свою сторону различными посулами и подарками. В этой ситуации Надир Шах продолжал попытки склонить Ибрагимбека на свою сторону. Узбекам были предложены новые земли для заселения, но они были отвергнуты Ибрагимбеком. Эмигранты не желали покидать приграничные районы, столь близкие по ландшафту их родному Гиссару и Кулябу. Находясь близ границы, они поддерживали связь с родиной и не теряли надежды на возвращение.

Весной 1930 г. Надир назначил воли (правителем) Мазари Шарифа Мухаммад Якубхана. Следуя примеру советской национальной политики, этот опытный политик, бывший министр правительства Амануллы, стал уделять подчеркнуто внимательное отношение к этническим группам (а не к племенам, религиозным и региональным группам) провинции. При этом каждой из них давалась возможность быть представленной в органах власти. (Примечательно, что губернатор Шен Шикай станет проводить схожую политику равноправия национальностей в соседней афганскому Хорасану китайском Синьцзяне тремя годами позже.²³⁸) Следующим своим решением, признав договор с Анварджаном заслуживающим признания, Якубхан назначил лакайца . . . своим заместителем, с тем, чтобы тот, как «друг» защищал Надира от кухистанцев, туркменов и прочих «общих врагов». Выдвижение Ибрагимбека было сродни назначениям восточнобухарских вождей «ревкома» и командирами добровольческих отрядов на советской стороне. Ибрагимбеку были оказаны причитающиеся по поводу назначения почести. Лакайские старики были чрезвычайно польщены.²³⁹ Они наверняка посчитали, что не Ибрагимбек один, а все племя удостоено высокой должности. Однако приступить к исполнению обязанностей мешало то, что в Алиабаде в это время находился от-

²³⁸ О ней см. предыдущую главу.

²³⁹ Дело 123469. С.61.

ряд из 500 мятежных туркмен и кухистанцев. Они искали помощи и покровительства эмигрантов. Надир и Якубхан приказали Ибрагимбеку как заместителю воли разоружить их. Таким образом, они хотели руками эмигрантов расправиться с сакоистами и туркменами.

Вокруг истории с Ибрагимбеком в афганской среде разгорелись нешуточные споры. В истории Афганистана этот период известен как «джанги лакай», то есть «лакайская война». Сафархан вполне резонно считал назначение беглого бухарского басмача на правительственную должность опрометчивым поступком, могущим как минимум вызвать раздражение СССР, а как максимум привести к образованию «узбекско-таджикского» государства на самом севере страны. С другой стороны, действия Надира по отношению к Ибрагимбеку не отличались последовательностью и доброжелательностью. Перед тем как позволить Ибрагимбеку приступить к исполнению обязанностей, Надир вдруг захотел поговорить лично с Ибрагимбеком. В Алиабад был послан Мир Фатта (полное имя – Мир-фаттох. В других документах он значится как Мир Ката, Мир Паттабек, Пир-Катта.) -сын Усмана Парвоначи, последнего премьер-министра Бухарского эмирата. Читатель наверняка помнит, что этот чиновник был назначен Салим Пашой беком Балджувона в 1923 г. и что его жадность вызвала тогда острое недовольство кулябцев. Вместе с Мир Фаттой прибыл Агзам Ходжа – еще один приближенный Алим Хана из Кала-и Фату. Они привезли два фирмана, в которых содержался приказ следовать в Кабул.²⁴⁰ Это было против договоренности, достигнутой с Анварджаном, согласно которой Ибрагимбек сам должен быть решать, куда и когда ему ехать. Но с другой стороны, должность заместителя правителя предполагала подчинение начальству. До конца года Надир и Алим Хан несколько раз посылали в Алиабад делегатов с письмами. Ибрагимбек, у которого за долгие годы постоянного напряжения и риска выработалась прекрасная интуиция, догадывался, что разговор с падишахом может закончиться самым плачевным для лакайца образом. Ибрагимбек отправился за советом к Халифе Кызыл Аяку в Шиберган, который подтвердил его подозрения. Как вспоминал Каюм Парвоначи (тесть Ибрагимбека), Ишан Халифа и Ибрагимбек три дня сидели взаперти, о чем-то беседуя наедине. Говорили ли они об объединении своих сил для захвата власти на всем севере? Не было ли у них плана идти дальше, за реку? Или они просто обсуждали возможные варианты выхода из ситуации, а именно стоит ли мириться с Надиром или продолжать конфронтацию?

В конце-концов, следуя совету туркменского вождя, Ибрагимбек решил от поездки в Кабул отказаться, ограничившись нанесением визита своему начальнику – воли Мазари Шарифа Якубхану. Порядок поездки из Шибергана в Мазари Шариф был следующий: сначала выезжает Халифа

²⁴⁰ Дело 123469. С.23.

Кызыл Аяк с сотней видных суфиев, а на следующий день, в зависимости от приема оказанного суфиям, направляется Ибрагимбек со своими курбаши и двухтысячным войском узбеков и туркмен. Марш эмигрантского воинства размером в пехотную дивизию во главе с туркменскими сардарами и лакайским «генералом» мало походил на вступление в должность гражданского лица. Вероятно, эмигранты готовили, как могли, нечто вроде военного переворота или захвата власти в северных провинциях. Понятное дело, афганцы начали догадываться, что эмигранты затеяли неладное и выставили охрану у прибывшей первой делегации суфиев во главе с Халифой Кызыл Аяком. Затем, воли послал письмо Ибрагимбеку с требованием оставить людей и оружие в Балхе, а самому налегке прибыть в Мазари Шариф. К тому времени эмигранты узнали, что Ишан Халифа взят в кольцо, и что хазарейцы настроены против туркмен. После бурных и эмоциональных совещаний было решено, что Ибрагимбек поедет в Мазар, но не один, а с отрядом из 400 вооруженных джигитов. Первого мая 1930 г. ибрагимовцы подошли к Мазари Шарифу, но в город для встречи с Якубханом войти не решились. Прибытие Ибрагимбека во главе внушительного отряда басмачей до крайней степени встревожило советское консульство в Мазари Шарифе. Ибрагимбек с отрядом остановился на окраине города. Ему, по его словам, не понравилось, что ему (фактически вице-мэру Мазари Шарифа, северной столицы страны) не уделили должного внимания. Прибывшие обнаружили, что город почти пуст и их никто не встречает. Они остановились в частном доме на окраине. Узбеков и туркменов особенно расстроило то, что для них был приготовлен только один котел плова. По всей видимости, что-то спугнуло или насторожило Ибрагимбека, и он не решился пойти на обострение и решил отступить, чтобы выиграть время. На следующий день, после сильного дождя, он повернул и ушел в Сиягирд. Туда вскоре позвонил Якубхан. Состоялся телефонный разговор, в ходе которого Ибрагимбек высказал свою обиду. В ответ, воли повторил свое требование прибыть на службу в Мазари Шариф одному и на экипаже. Ибрагимбеку перспектива именно такой службы не понравилась.

Таким образом, попытка эмигрантов занять Мазари Шариф и навязать Якубхану свои правила игры провалилась. Афганцы были начеку. Они отделили Ишана Халифа от узбеков и начали успешные переговоры с туркменами на предмет их нейтрализации. Ибрагимбеку не оставалось ничего кроме как предложить сопровождавшим его туркменам вернуться в Балх, а самому отправиться к своим лакайцам в Алиабад. Через день после этого от воли к лакайцам пришла новая делегация. В нее входили представители различных этнических групп провинции. Они еще раз заверили эмигрантов в дружелюбном отношении к ним афганской власти и Якубхана, и пригласили Ибрагимбека в Мазар. К предыдущим условиям (сдать кухистанцев и вернуть оружие), делегация добавила предложение

всем эмигрантам переселиться из Алиабада и Ак-тюбе в другие места, подальше от границы.

Гипотеза о том, что в 1929-1931 гг. Ибрагимбек был вовлечен в межафганские распри, в ходе которой каждая из партий стремилась использовать силу узбекских отрядов в своих целях, видится нам более вероятной, чем те, в которых утверждается, что эмигранты преследовали какие-то свои, «наполеоновские» цели (борьба против пуштунов, строительство своего государства и пр.). В 1930 г. различные феодально-клерикальные группы боролись за влияние в северных провинциях. Странники крупного узбекского феодала Мирза Касыма (из Мазари Шарифа) и таджики из лагеря сакоилов пытались переманить на свою сторону эмигрантов. Они – в отличие от эмигрантов – не рисковали, так как оперировали на своей, афганской территории. Эмигранты же были гостями и для них поддержка той или иной стороны была чревата большими осложнениями. Их могли обвинить в причинении вреда стране, предоставившей им убежище. Имеющиеся источники позволяют сделать вывод, что эмигрантов все это время беспокоили в первую очередь собственная безопасность и выживание перед лицом смертельной опасности, исходившей от жаждавшего мести Надира. Ибрагимбек и Ишан Халифа не были искушенными политиками, но в отсутствии чутья им не откажешь. В этом смысле история Ибрагимбека сходна с рассказом о белоказаках Паппенгута, которые были вовлечены помимо своей воли в чужую для них войну в Китае. Интересно, что в легенде мухаджиров, изложенной автору Баширом Баглани, Ибрагимбек также предстает жертвой интриг:

«В тот момент, один местный узбек сказал мухаджиром: вы – таджики и узбеки – рабы афганцев. Давайте, сообща образуем свое государство. Ибрагимбек ответил отказом и Халифа Кызыл Аяк тоже отказался. Местные (афганские) таджики и узбеки при встречах провоцировали Ибрагимбека, говоря: ты – гази, делай, что считаешь нужным, не слушай эмира Хашим Хана.²⁴¹ «Бинни-и пойзори афгон кач аст».²⁴² В то же время, они жаловались эмиру Надир Хану на Ибрагимбека и утверждали, что последний собирается претендовать на афганский престол. Поэтому эмир потребовал, чтобы мухаджиры сложили оружие.»

Баглани, этот яркий представитель среднеазиатской эмиграции второго поколения, считает Ибрагимбека гордым вождем, хорошим воином, но отсталым, неграмотным человеком и неискушенным политиком. Он оценивает деятельность Ибрагимбека в Афганистане положительно в том смысле, что он объективно защищал тамошние меньшинства от пуштунского шовинизма.

²⁴¹ Здесь Баглани оговорился. Эмиром в это время был Надир, которого сменил Захир Шах в 1933 г. Хашим Хан был премьер министром при Захире.

²⁴² «У недостойного афганца нос кривой» (то есть не стоит им доверять).

Так завершилась попытка примирения с лакайцами и привлечения Ибрагимбека на службу к Надиру в качестве заместителя воли. Ситуация оставалась напряженной, хотя открытой конфронтации удавалось избежать. Ибрагимбек со своим отрядом по-прежнему считался находящимся на афганской службе.

Неожиданно, в конце июня 1930 г. происходит событие, прямых указаний о котором не встречается в доступных советских источниках. В северный Афганистан снова вошли красные войска. Не встречая сопротивления со стороны афганских войск, они совершили карательный рейд по селениям наиболее беспокойных эмигрантов - Алиабаду и Ак-тюбе.²⁴³ Это были части кавалерийской бригады САВО под командованием известного в Таджикистане комбрига Якова Мелькумова.²⁴⁴ Они должны были уничтожить гнезда басмачей на афганской территории. По словам участников этой – третьей по счету советской военной интервенции. . . ,

“перед переходом границы у поста Айвадж бойцам было произведено разъяснение о вторжении на территорию соседнего государства. Вторжение объяснялось необходимостью обеспечить социалистическое строительство в СССР и в частности Таджикистана и Узбекистана, необходимостью лишить басмачество экономической базы, истребить басмаческие кадры, причем все это должно явиться нашим подарком XVI съезду партии”.²⁴⁵

Ибрагимбек сообщил Сафархану о нападении, а сам с отрядом предусмотрительно ушел от прямой встречи с Красной Армией. На следующий день пришел приказ от Сафархана – вступить в бой с красными. Лаккайцы обсудили ситуацию на совете. Они видели, что местные власти не препятствуют русским и подозревали, что афганцы намеренно спровоцировали это вторжение, чтобы столкнуть их с Красной Армией. Советские источники подтверждают, что ибрагимбековцы избежали столкновения, но, тем не менее, утверждают, что красноармейцами. . .

«всего уничтожено 839 человек басмачей, эмигрантов, активных пособников. Из главарей убиты глава религиозной секты Пир-Ишан, идейный вдохновитель басмачества, курбаши Ишан Палван, Домулло-Донахан».²⁴⁶

Произведя опустошения в полупустых кишлаках, через день войска вернулись на советскую территорию. По признанию командования отряда были. . .

«. . . сожжены и разрушены кишлаки Ак-Тепе, полностью уничтожен Алиабад за исключением части кишлака, населенной афганцами, унич-

²⁴³ Дело 123469. С.65.

²⁴⁴ Мелькумов был хорошо известен среди басмачей и эмигрантов как Якуб Тура.

²⁴⁵ Аптекарь П. «Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы» <http://www.rkka.ru/ibib11.htm>

²⁴⁶ Там же.

тожены все кишлаки и кибитки в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 км и населенными конгратами, лакайцами, дурменами и казаками (речь идет об узбекском племени «казак»- К.А.). Взорвано до 17 тыс. патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот... Коренное население тронуто не было. Местное афганское население отнеслось к Красной Армии хорошо, не покинуло ни одной кибитки...»²⁴⁷

Ибрагимбек также подтверждает, что «русские войска наше становище в Алиабаде и Ак-тюбе разрушили до основания».²⁴⁸

Подобные акции устрашения «контрреволюционных отрядов» и населенных пунктов, расположенных на приграничных СССР территориях предпринимались Советами не в первый, и не в последний раз. Они проводились во время гражданской войны в 1918-1920 гг. в Эстонии и Латвии. В Западном Китае вторжения по предварительному соглашению с китайскими властями против белогвардейцев Бакича и дунган Ма Джунина осуществлялись в 1921 и 1934 гг. На Дальнем Востоке красный отряд вторгся на китайскую территорию и подверг разгрому русский поселок Тенехэ в 1929 г.²⁴⁹ Во всех подобных случаях основными жертвами нападения были мирные жители-эмигранты.

По мнению англичан, с тревогой следившими за происходящим, причиной вторжения было то, что Советы, раздраженные бездействием афганского правительства, и потеряв терпение, решили предпринять эту акцию не столько для того чтобы поймать Ибрагимбека, сколько для того чтобы заставить афганцев предпринять хоть что-нибудь в отношении эмигрантов. В то же время, как отмечают англичане, афганская сторона здесь показала себя абсолютно беспомощной. В этой ситуации Ибрагимбек в глазах афганцев предстал противником короля, который неспособен защитить свою собственную страну.²⁵⁰ Другими словами, эта очередная советская операция вторжения на афганскую территорию, как и все предыдущие, популярности СССР не прибавила. Данные о числе уничтоженных (до тысячи!) «басмачей» выглядят неубедительными и преувеличенными, хотя, по словам Ибрагимбека «в Алиабаде и Ак-тюбе были проведены большие разрушения».²⁵¹ Видимо, Ибрагимбеку было нелегко чувствовать себя беспомощным и неспособным защитить односельчан от нападения отряда Красной Армии.

Вскоре после ухода красного отряда, в Алиабад от Алим Хана и Надир Шаха прибыл очередной гонец – Агзам Ходжа с приказом прибыть в Кабул. Тон письма был резкий и категоричный. Алим Хан пригрозил, что

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Дело 123469. С.76.

²⁴⁹ См.: *Дни* (Париж), 1929, 17 ноября, *Комсомольская правда*, 1991, 2 октября.

²⁵⁰ IOR: R/12/LIV/108.

²⁵¹ Дело 123469. С.72.

если его приказание не будет выполнено, то между ними будет прекращена всякая связь. Ибрагимбек, по его собственным словам ответил следующим образом:

«Семь лет по вашему приказу я воевал против Советской власти своими средствами и силами. Я постоянно получал всякого рода обещания о помощи, но так и не дождался их выполнения. Были поражения, были и победы, но в результате - поражение. Разве я могу ждать от Алим Хана помощи? Нет, в Кабул я не поеду. ...Если падишах разрешит мне остаться со своим народом в Афганистане, то я буду вести мирную жизнь и заниматься хозяйством».²⁵²

Это было последнее письмо Алим Хана своему лакайскому вассалу. Отказавшись подчиниться приказу, Ибрагимбек поставил своего патрона - Алим Хана в трудное положение. Несмотря на то, что бухарский монарх-изгнанник имел теплые отношения с Бачаи Сако, тем не менее, его нельзя было причислять к принципиальным сторонникам последнего. Все «смутное» время свергнутый бухарский правитель оставался в Кабуле и отличился разве что тем, что остро критиковал политику Амануллы в своих воззваниях и книжке воспоминаний. Его связь с севером осуществлялась эпизодически и большого влияния на принимаемые в общинах эмигрантов решения, он не оказывал. По большому счету Алим Хан все больше находился в хвосте событий, извлекая выгоду из сложившегося статус-кво. Так и теперь, после восшествия Надира он решил восстановить доверие афганцев, вернув эмигрантов в подчинение падишаху. Тем более что Надир Шах, в отличие от Амануллы был настроен против СССР и пользовался поддержкой Англии, на помощь которой всегда уповал Алим Хан. В такой ситуации, Алим Хану, если он хотел сохранить расположение двора, не оставалось ничего другого как осудить оппортунистически настроенного Ибрагимбека и встать на сторону Надира.

Отправив гонцов Алим Хана обратно в Кабул, Ибрагимбек и аксакалы решили переселиться из разрушенного и небезопасного Алиабада в Таликан. Переехали лакайцы, казаки и дурмены. В Алиабаде и Ак-тюбе остались конграты и туркмены, которые ждали команды лакайцев, чтобы присоединиться к ним в Таликане или другом месте. Подвергшиеся атаке советских войск и не поддержанные афганским правительством, эмигранты были фактически согнаны со своих мест.

В июне 1930 г. Надир Шах назначил на должность «раиси танзимия» (председателя по поддержанию порядка) провинции Катаган-Бадахшан Ахмад Алихана, который прежде работал в администрации Амануллы.²⁵³ Раиси танзимия встречался с Ибрагимбеком близ Ханабада, но ему не удалось растопить лед недоверия. Стороны обменялись предъявлением

²⁵² Дело 123469. С.72-73.

²⁵³ IOR:R/12/LIB/108

взаимных претензий и обид и разошлись. Ибрагимбек определенного ответа не дал, обещав ответить позже, письмом. Сахибназар Рахимов, каратегинский таджик, один из редких грамотных людей бывших рядом с Ибрагимбеком в то время, на допросе в ташкентской ЧК сообщал, что через несколько дней Ибрагимбек, посоветовавшись с курбаши и аксакалами ответил Надир Шаху примерно следующим образом:

«Вашему предложению не верю, считаю его неискренним, Если вы хотите действительно меня, с моими людьми оставить у себя, то почему не приняли никаких мер против прихода русских? (Имелось в виду вторжение отряда Мелькумова-К.А.) По-видимому, мое обезоружение связано с выдачей меня Советской власти».

Далее он отметил, что лучше сам пойдет на советскую территорию и там сдаст как афганское оружие, так и взятое ранее в Таджикистане, чем согласится на этот обман.²⁵⁴

Получив такой резкий ответ, раиси танзимия приказал прекратить отпуск продуктов отрядам Ибрагимбека и повторил свой приказ немедленно сдать оружие. Тогда Ибрагимбек отступил в горы, затем спустился к Аму Дарье, где столкнулся с отрядом афганцев.

Весь июнь-июль 1930 г прошел в мелких стычках с отрядами Сафархана. Тем временем, в июле в Кухдомане вспыхнуло восстание, на подавление которого ушли все ресурсы и без того слабого правительства Надира.²⁵⁵ Примерно тогда же состоялся первый бой между надировцами и эмигрантами в Хазарбаге. Там, афганцы числом 500 человек при двух орудиях устроили засаду. Ибрагимбек с отрядом из 200 джигитов принял бой, в результате которого, афганцы, потеряв 70 человек убитыми, оказались запертыми в крепости. Было взято 100 пленных, 2 пулемета, 100 винтовок.²⁵⁶ Победенные афганские отряды отступая, грабили селения эмигрантов. После этого столкновения Ибрагимбек собрал своих джигитов и принял меры для отражения возможного нападения афганцев. По сути, это было началом войны. С июля по октябрь 1930 г., когда Надир был занят подавлением кухдоманцев, «лакайская война» охватила весь пограничный район от Меймене до Бадахшана. Весь этот район с его важнейшими коммуникациями (дорогами и переправами) был взят под контроль эмигрантов. Все переходы на советскую территорию также охранялись ими.²⁵⁷ Беками населенных пунктов были назначены курбаши. Небольшие афганские гарнизоны были загнаны эмигрантами в крепости. Мирное эмигрантское население пыталось избежать войны и укрыться в Мазари Шарифе, но басмачи делали все возможное, чтобы вернуть их.

²⁵⁴ Дело 123469. С.347. Интересно, что Рахимов не значится в списке приговоренных. Видимо он допрашивался как свидетель.

²⁵⁵ IOR:R/12/LIB/108.

²⁵⁶ Дело 123469. С.26.

²⁵⁷ Дело 123469. С.28.

Как племена нуждались в вооруженной защите, так и джигиты нуждались в поддержке населения продовольствием, одеждой. Общины поставляли рекрутов, лечили раненых, давали кров и убежище бойцам. Гражданские лидеры общин - аксакалы, влиятельные племенные вожди и религиозные авторитеты выступали регуляторами как межплеменных отношений, так и связей с афганцами, включая правительство. Они, совместно с курбаши, решали вопросы мира и войны. Как признавался на следствии Ибрагимбек: «такой уж у нас порядок, что миновать население нельзя».²⁵⁸ Старейшины могли всегда вмешаться и остановить кровопролитие. Без связи с народом и поддержки традиционных общинных лидеров, джигиты превращались в бандитов и разбойников, то есть в басмачей в прямом значении этого слова. Племена морально оправдывали сопротивление, придавали ему глубокий смысл, непоколебимость и стойкость. Разрыв с общиной и предательство ее идеалов были чреваты неминуемой дегероизацией, криминализацией и делегитимизацией вооруженной освободительной борьбы. Поэтому, Ибрагимбек и его сторонники придерживали около себя мирное население, которое, порой, в пылу войны пыталось отстраниться от сражений и укрыться в городах.

Близ Мазари Шарифа джигиты Утанбека отняли у афганцев богатый военный арсенал, включая английские винтовки. Тогда, из-за дележа трофейного оружия произошел спор. В ходе его, Ибрагимбек ударил камчой Ашира - брата Утанбека. Взбешенный Утанбек хотел застрелить обидчика, но присутствующие этого не допустили.²⁵⁹ Этот эпизод разграбления имущества страны, в которой мухаджиры были гостями, характерен как пример спонтанного коррумпирования «джихада» и эрозии идеалов общинной самообороны. Разумеется, община не идеальное сообщество, особенно в периоды перехода от традиционализма к современности. Племя, региональная, конфессиональная или этнолингвистическая группа, в которых не было недостатка в регионе, всегда сопротивлялись попыткам включения в более широкие – государственные – рамки. Отгораживаясь от внешнего мира, община была нацелена на защиту исключительно своих членов и признавала приоритет общинных ценностей над всеми остальными. Для племенного отряда, афганское имущество – военный трофей, «ничье» добро. Хотя с позиций афганцев это было форменным грабежом. Есть и другая причина спонтанной криминализации «джихада». По мере преобладающего развития его военной составляющей, в руководстве происходила важная трансформация. Босые и бедные – идейные - муджахиды, осознав возможность быстрого (личного) обогащения, изменяли идеям джихада и идеалам защиты населения. На смену белобородым вождям и экклезиастам приходили жаждущие крови и несправедливой добычи

²⁵⁸ Дело 123469. С.271.

²⁵⁹ Дело 123469. С.327.

«лорды войны», вооруженные современным оружием. Они начинали действовать за пределами принятых в общинах правил и гражданских законов страны, в которой они находятся. Так, милитаризируясь, муджахид постепенно превращался из героя в бандита и насильника.

К узбекам Ибрагимбека, Утанбека и к другим эмигрантам присоединяются беглецы из кухдоманского лагеря, в частности Хан Мухаммадхан.²⁶⁰ В октябре 1930 г., после подавления кухдоманского восстания, примерно 5 тысяч ополченцев с пулеметами и пушками были посланы из Кабула в Ханабад под командованием Мухаммад Гаусхана.²⁶¹ Это были не регулярные войска, а вооруженные племена приграничных провинций, многие из которых даже не являлись афганскими гражданами (то есть происходили из зоны пуштунских племен на границе Афганистана и Британской Индии). Они нападали на мирных эмигрантов, грабили их семьи. Из допросов плененных им пуштунов Ибрагимбек выяснил, что...

«племена действовали по такой договоренности с Надир Ханом: за убитых и потерянных Надир не компенсирует. Кто останется жив, тот волен распоряжаться имуществом противника, как ему угодно. Поэтому, так называемые афганские войска грабили беспощадно, забирали все до нитки, насилывали женщин. Никакого организованного снабжения этих отрядов довольствием не было, все было построено на системе грабежа. Именно поэтому я постоянно имел население на своей стороне и успешно бил афганцев.»²⁶²

Примерно такую же оценку действиям племен на севере Афганистана осенью 1930 г. дает афганский священник по имени Миешох-и Хайрхох из Имам Саиба в своем письме, адресованном Надир Хану. Интересно, что хотя автор письма не скрывает своей антипатии к Ибрагимбеку (“да будет проклят отец этой свиньи”), тем не менее, подтверждает его оценку афганских племен.

«Народ начал опасаться за свою жизнь, Люди из племен вазир, масуд, джадран занимаются только грабежами и не сделали ни одного выстрела . . . Они ограбили весь Катаган и половину Бадахшана и овладели тысячами рупий, но никак не могут насытиться. Они заходят в жилища ни о чем не подозревающих людей. Потеряв стыд и совесть, позабыв бога, ходят они по кишлакам, делают все, что им взблагорассудится . . . Люди ждут своей смерти, люди покидают свои земли».

В конце письма автор обращается к Надир Хану:

«Да стану я твоей жертвой. Или спроси у племен вазиров и других в последний раз, есть ли от них польза кроме вреда или прикажи, чтобы они не вредили. Неужели не сыты они милостью божьей и щедро-

²⁶⁰ PRO: FO 402/13: No. 6

²⁶¹ Там же.

²⁶² Дело 123469. С.171-172.

стью падишаха? Пусть постыдятся, и тогда закончатся распри между узбеками и всеми остальными».²⁶³

Приведенные цитаты важны для понимания истинных мотивов поведения Ибрагимбека, возглавлявшего отряды эмигрантов. В самом деле, что им двигало? В имеющейся литературе встречаются различные варианты. Утверждается, например, что им двигали личные амбиции, желание, воспользовавшись тяжелым положением страны, отторгнуть от Афганистана (страны, давший ему приют) северные провинции и образовать там «узбекско-таджикское» государство во главе с ним самим. В самом деле, если Бачаи Сако, такой же неграмотный полу-бандит стал эмиром, то почему Ибрагимбеку не по силам сделать нечто похожее? Советские авторы, в том числе один из бывших разведчиков называли Ибрагимбека - «Бонапарт из Локая».²⁶⁴ Другие пишут, что Ибрагимбек и другие басмаческие лидеры не были самостоятельными, а лишь слепым орудием в руках самых темных сил (англичан, Алим Хана, афганцев, большевиков и др.) Договариваются даже до того что, мол, никто иной, как советская разведка стимулировала межэтнические трения в Афганском Туркестане, чтобы показать, «кто в Афганистане хозяин» и натравила на лакайцев 4 тысячи туркмен, которые разбили узбеков 7 марта 1931 г., и что расстроенный расколом «движения» Ибрагимбек ушел в СССР. Этот же автор (Бойко) считает, что Алим Хан и Ибрагимбек даже спорили: кому править в новом государстве.²⁶⁵

Ибрагимбек, будучи прекрасным воином, оказался беспомощным в том, что касалось дипломатии и интриг, развернувшихся вокруг него после падения Бачаи Сако. Им пытались манипулировать все, включая Алим Хана, бывших сторонников Бачаи Сако, чиновников новой администрации и, наконец, местных лидеров северных общин, преследовавших сепаратистские цели. Его ответом был крайний оппортунизм, тотальное недоверие и отказ идти на компромиссы. В основе такого поведения была защита племенной автономии и коллективной чести. Одновременно, Ибрагимбек поддерживал связь с советской стороной, рассчитывая на мирный переход в СССР. Разумеется, он имел в виду не капитуляцию, а достижение соглашения и перемирия. Советская сторона шла на переговоры. Она стремилась представить сдачу лакайцев как заключительный этап ликвидации контрреволюционного басмачества, связанного с афганскими реакционерами и британским империализмом.

Итак, осенью 1930 г. «джанги лакай» возобновилась с новой силой. На этот раз война развернулась между отрядами мухаджиров и их афган-

²⁶³ Национальный архив Афганистана. Коллекция отдельных документов, No.435 (Из личного архива С. Шохуморова)

²⁶⁴ Валишев А. *Чекистские были*. Душанбе: Ирфон, 1988. С.274.

²⁶⁵ Vladimir Boyko «The Ibrahim Bek Movement in the Context of the Afghan Civil War of 1929-31» http://www.bspu.secna.ru/Faculty/History/orient/eng/research/Ibrahim_Bek.html

ских сторонников с пришлыми отрядами проправительственных пуштунских наемников, поддерживавших Надир Шаха. Здесь Ибрагимбеку пригодился опыт боевых действий с регулярными войсками Красной Армии, который он приобрел в Бухаре. Он уклонялся от прямых столкновений с крупными подразделениями и неожиданно контратаковал отдельные отряды. Например, в местечке Хазарбаг состоялся бой, о котором говорилось выше. Тогда отряд в 200 лакайцев стремительно атаковал 500 афганцев с двумя артиллерийскими орудиями и пулеметами. После короткого боя афганцы бежали, оставив много оружия.²⁶⁶ Местные афганские узбеки и таджики (иначе, ирредента) по причине этнической общности находились с эмигрантами в хороших отношениях и, в целом, поддерживали мухаджиров в борьбе с афганскими войсками, состоявшими из пуштунов. По словам Ибрагимбека, они послали в поддержку эмигрантам 25 отрядов численностью 2, 5 тысяч человек.²⁶⁷ Им раздавалось оружие, добытое в боях с афганцами. Местное население помогало и в снабжении отрядов. Наибольшую помощь эмигрантам оказало узбекское племя катаган. Их антипатию к афганцам Ибрагимбек объяснял тем, что “примерно 60 лет назад они были жестоко покорены афганцами”.²⁶⁸

В военные действия вовлекались все новые эмигрантские группы, проживавшие вдоль границы. В Бадахшане сын бывшего правителя Дарваза Гулом Хасан создал отряд с целью объединить афганский и советский Дарваз. В конце марта 1931 г. афганские дарвазцы захватили власть в свои руки. Пятого мая отряд из 58 человек переправился на советскую сторону и, совершив ряд террористических актов в отношении представителей Советской власти, ушел в горы. Состав группы увеличился за счет местного населения до 80 человек. В дальнейшем, этот отряд был разбит силами Красной Армии.²⁶⁹

На участке Ибрагимбека - в Катагане, тем временем продолжались бои лакайцев с превосходящими силами противника. Общее число потерянных в отрядах эмигрантов составляло 70 человек. Потери афганцев, по словам самого Ибрагимбека исчислялись в 2-2,5 тысячи.²⁷⁰ Одновременно, другие вожаки: Куганбек, Мулло Холдор, Мулло Джура Дахан оперировали на рустакском направлении. Они заняли Янги Кала и Джульчу, осадили в крепости рустакский гарнизон, захватили много трофеев, в том числе оружие.²⁷¹ В селении Банги к Ибрагимбеку присоединились еще 300-400 местных узбеков и таджиков. Объединенный отряд составил 1, 5 тысячи конных всадников. Им противостояли отряды племени мангал.

²⁶⁶ Дело 123469. С.79.

²⁶⁷ Дело 123469. С.197.

²⁶⁸ Дело 123469. С.202.

²⁶⁹ АКПТ, ф.3, оп.1, д.205, л.64.

²⁷⁰ Дело 123469. С.172.

²⁷¹ Там же.

Афганцы были смяты и бежали. Преследуя их, нападающие ворвались в Ханабад с разных сторон. “Переполох здесь был исключительный”, с удовольствием вспоминал Ибрагимбек.²⁷² Несколько дней отряды эмигрантов держали под страхом нападения Таликан.

Тем временем, басмаческие лидеры - курбаши стали оседать в разных районах в качестве беков. По признанию Алимардана, они отъелись, стали бесчинствовать, отбирать у населения лошадей, продукты. Это стало причиной того, что местные таджики и узбеки стали отходить от Ибрагимбека.²⁷³ Тогда узбеки-эмигранты решили заручиться поддержкой туркмен. Утанбек направился в Шиберган для переговоров с Ишан Халифой.

Для афганцев стала очевидной неудача их операции по умиротворению севера силой наемников из приграничных территорий. Надир Шах оказался перед необходимостью организации новой, более масштабной экспедиции. Средств для ее организации у него не было. Помимо севера, у него были проблемы и в перманентно мятежной приграничной зоне пуштунских племен. Поэтому, он вступил в переговоры с англичанами на предмет оказания военной помощи. При этом Надир Хан рисковал, так как афганцы, а также Советская сторона могли выдвинуть против него обвинения в заключении секретного сговора с англичанами. Переговоры начались 16 июня 1930 г. Англичане проявили понимание и оказали услугу Надиру в такой щепетильной ситуации. К 14 октября 1930 г. доставка в Кабул 10 тысяч ружей и 10 000 фунтов была завершена.²⁷⁴ Это был грант английского правительства, часть которого была израсходована на подавление восстания эмигрантов из Средней Азии. Фактически, англичане спасли Надира, так как СССР ни под каким предлогом не стал бы помогать противнику Амануллы. Ведь это был тот самый Надир, противник Амануллы, который поддерживал Энвера Пашу и присылал отряды афганских добровольцев в Восточную Бухару в 1922 г.

Итак, получив помощь от Англии, Надир Хан решил положить конец беспорядкам в северных провинциях, которые не прекращались с момента падения правительства Амануллы. Для этой цели 4 декабря он направил на север своего брата и военного министра Шахмахмуда.²⁷⁵ В феврале 1931 г. «лакайская война» вступила в свою заключительную фазу. Шахмахмуд повел крупные отряды на скопление эмигрантов в Ак-тюбе. К тому времени в этом кишлаке осталось только 200 семейств. Конгратский вождь Ишан Палван (Бахадурзаде) из Кобадияна вспоминал, что к конгратам и лакайцам пришли представители Шахмахмуда и пригласили всех старейшин в Ханабад.

²⁷² Дело 123469. С.88.

²⁷³ Дело 123469. С.37.

²⁷⁴ IOR:R/12/LIB/108.

²⁷⁵ Марват Ф. *Дар мукобили коммунизми рус*. С.130.

В это время Ибрагимбек, по его словам, сильно заболел и послал в бой своего молодого командира Утанбека с конгратами и дурменами, который занял позицию в 2 километрах от афганцев и устроил перестрелку, которая продолжалась 12 дней. Семьи эмигрантов, видя что конфронтация с афганцами зашла слишком далеко, пытались призвать курбаши пойти на мир. Но последние не отпускали племена от себя. Утанбек, например, насильно вернул семьи, которые пытались уйти в Мазари Шариф. Он приказал даже отобрать у них хороших лошадей, чтобы не допустить повторного побега. В дальнейшем, племена разделились. Часть пошла за отрядами к границе, другая решила остаться.

Положение эмигрантов ухудшалось:

«Я видел, что обстановка сгущается и складывается явно не мою пользу. . . Поэтому я предложил своему аксакалу мулле Джуракулу поехать в Сарай Камар (современный поселок Пяндж Таджикистана-К.А.) и договориться с представителями Советской власти о том, чтобы нас приняли и дали возможность жить мирно. Мулла Джуракул съездил и вернулся. Он сообщил, что его выслушали и обещали снести по этому поводу со Сталинабадом и Москвой»,²⁷⁶

вспоминал Ибрагимбек. Вскоре он послал в СССР другого эмиссара - Муллу Юсуфа договариваться о переходе. Тем не менее, внятного ответа от советских пограничников не последовало. Именно тогда, в начале декабря 1930 г., афганцы во главе с Шахмахмудом начали преследование ибрагимовцев. Не давая им опомниться, афганцы гнали эмигрантов к границе. В конце февраля 1931 г. Ибрагимбек получил письмо от Ишана Халифы, руководителя туркмен и главного авторитета среди эмигрантов, смысл которого сводился к тому, что оставаться в Афганистане нельзя и необходимо уходить в Иран.

«Я ответил ему», вспоминал Ибрагимбек, «что куда бы мы ни поехали, от нас везде потребуют сдать оружие, и что лучшее направление - советская территория. Там, в родных местах сдадим оружие советской власти».²⁷⁷

Туркмены обсудили и отказались от предложения узбеков. Так, пути лакайцев и туркменов разошлись. При этом отношения между ними не изменились. Поддержать или не поддержать «братьев» в том или ином межплеменном конфликте зависело от решения самого племени, главной заботой которого было отстоять собственную автономию и поддерживать межплеменный баланс, обеспечивающий мир неопределенной продолжительности при обязательном сохранении сегментации всего племенного сообщества. Последнее, то есть сегментация всего сообщества, в глазах эмигрантов выглядело надежным препятствием для установления единоличного

²⁷⁶ Дело 123469. С.79.

²⁷⁷ Дело 123469. С.91.

доминирования той или иной устойчивой группы. То есть, поддержать можно, но с оглядкой, с тем чтобы усилившийся с твоей помощью сосед не обратил свою силу против тебя самого. Потому, народы Бухары были глухи к призывам джаидов объединить усилия для совместной борьбы на общенациональной основе. Тюрки, марка, конграты, карлюки, симизы, а также таджики из различных регионов, туркмены, киргизы и прочие группы не чувствовали себя обязанными придерживаться устойчивых и неизменных (политических, религиозных, этнических, сектанских и пр.) привязанностей и симпатий. В сегментированном племенном сообществе такие культурные категории как честь, индивидуальность, лояльность зависели от имеющихся возможностей в той или иной ситуации. Единение эмигрантских групп, их преклонение перед общим эклезиастом (Ишан Халифой) скрывало их фактическое неравенство и «сбалансированное» оппозиционное отношение друг к другу.²⁷⁸ Марксистское прочтение событий того времени как «подготовки всеобщего восстания афганского Туркестана под лозунгами самоуправления» представляются неубедительными.

Туркмены повернули своих лошадей на юг. Они покинули узбеков, которые отступали под ударами афганцев к границе. Вскоре туркмены отказываются от заявленного ранее намерения бежать в Иран. Халифе Кызыл Аяку – главе сплоченного и многочисленного сообщества туркмен, в отличие от Ибрагимбека, удалось договориться с афганцами и сохранить нормальные отношения с Алим Ханом. Благодаря своему политическому опыту и умению находить компромиссы, он сохранил целостность среднеазиатской эмиграции в Афганистане, с тем, чтобы не прекращать своих усилий по борьбе против СССР вплоть до конца Второй мировой войны.²⁷⁹ Ибрагимбек же остался упрямым нонконформистом, свободолюбивым бандитом, вождем маргинализованного и проклятого племени, запутавшимся в хитросплетениях советской и афганской политики первой трети XX века. Жизнь в Афганистане тяготила его. Он не мог и не хотел вести более сложную - политическую борьбу против своих врагов. Равным образом, он был далек от нескончаемого «сбалансированного» конфликта между различными этнолингвистическими, конфессиональными и региональными афганскими группами.

О своих переживаниях, связанных с уходом туркменом и военными неудачами в войне с афганцами в феврале-марте 1931 г., Ибрагимбек вспоминал:

«У меня тому времени созрело твердое решение вырваться на советскую территорию во что бы то ни стало, но перед этим раз-

²⁷⁸ О сегментации как культурном принципе и «сбалансированной оппозиции» (balanced opposition) в племенных сообществах см: Dale F. Eickelman, *The Middle East and Central Asia: an anthropological approach*, New Jersey: Prentice Hall, 2002, 120-126.

²⁷⁹ О деятельности Джунайда Хана, который с 1931 г. находился в Афганистане ничего не известно, кроме того, что он умер в афганском изгнании в 1938 г.

делаться с афганцами, которые все время находились у меня на хвосте». ²⁸⁰

Итак, афганская война Ибрагимбека, прозванного англичанами афганским Робин Гудом ²⁸¹, закончилась после окончания празднования Навруза, в конце марта 1931 г. Неспособный разобраться в премудростях немилитаристской политики, павший жертвой интриг афганских наушников, разочарованный предательством бывших друзей он, повинуясь скорее первобытному инстинкту, чем трезвому расчету, делает единственно правильное с его точки зрения решение – уйти в Советский Таджикистан. При этом он сказал: «пусть лучше меня убьют большевики, чем афганцы».

О настроении Ибрагимбека и отношении к нему афганцев Баглани повествовал следующим образом:

«На Навруз, (вероятно 22 марта 1931 г.-К.А.) Ибрагимбек прибыл в Кундуз на собрание влиятельных людей. Никто из присутствовавших не встал, чтобы поприветствовать вошедшего. Воли (правитель) не хотя поздоровался с Ибрагимбеком. Воли сказал:

- Бек бобо, я говорю в присутствии старейшин – сдайте оружие. Государство вас, если понадобится, защитит.

Ибрагимбек ответил:

-Мое оружие не направлено против Афганистана. Оно наше, мы его добыли в бою.

Затем, Ибрагимбек сел на коня и отправился к мухаджирам. Он сказал семьям: уходим».

Такова общая канва истории заключительного этапа пребывания Ибрагимбека в Афганистане. Ее можно считать ясной только после того как выяснится: откуда Ибрагимбек брал оружие для противостояния с афганцами весь 1930 и начало 1931 гг.? Не получал ли он поддержки и гарантий от какого-то внешнего агентства? Чем был уход эмигрантов в советские пределы: бегством от афганцев, реэмиграцией или вторжением с целью поднять восстание против Советской власти? Не было ли результатом усилий советской и афганской дипломатии то, что афганцы гнали эмигрантов не куда-то во внутрь страны, а именно к советской границе? На первый вопрос (об оружии) частично проливает свет информация о том, что эмигранты получили некую сумму от правительства Бачаи Сако. Эта сумма была выдана эмигрантам на войну против сторонников Амануллы. Вероятно, ее хватило и на ведение военных действий в 1930 и 1931 гг. Теперь насчет того, что афганская и советская стороны заманили Ибрагимбека в заранее подготовленную ловушку на переправе Чубек.

Действительно, версия с ловушкой выглядит правдоподобной. Однако остается много неясностей в вопросе о взаимоотношениях Ибрагимбе-

²⁸⁰ Дело 123469. С.91.

²⁸¹ «Sunday Times», December 7 1930.

ка с Советской властью накануне перехода. Мог ли Ибрагимбек уйти вместе с женщинами и детьми, не имея гарантий с советской стороны? Вероятно, какие-то гарантии были все-таки получены и он действительно рассчитывал на амнистию себе и эмигрантам. Но для этого ему надо было продемонстрировать свое миролюбие и сдать немедленно во время перехода границы. Однако мысль о сдаче ему – непобедимому гази – была противна. Упрямый лакаец надеялся на заключение соглашения без нанесения ущерба своему престижу. Он, разумеется, не исключал возможности повоевать перед сдачей и на советской стороне.

По признаниям самого Ибрагимбека, он был склонен к тому, чтобы сложить оружие, но прибывавшие нескончаемым потоком беглецы из СССР говорили ему «что весь народ угнетен советской властью и стонет от нее». В самом деле, в 1930 г. правительством СССР было принято постановление об орошении Вахшской долины Таджикистана. Советскими партийными органами в северных районах Таджикистана (Канибадам, Ашт, Ходжент, Ура-Тюбе) и, в меньшей мере, в различных районах Узбекистана вербовались опытные хлопкоробы и переселялись в Вахшскую долину. Вновь прибывшим выдавались стройматериалы, и оказывалась помощь. Начали создаваться колхозы, возникали новые населенные пункты, переименовывались старые. На карте вновь образованной таджикской республики появились города с необычными названиями: Сталинабад, Орджоникидзебад, Кагановичобада, Бауманабад, Куйбышев и другие, прославляющие новых вождей и героев. К 1935 г. на юг Таджикистана переселилось 10 883 хозяйств, из которых осело 8 448 хозяйств. То есть, потери составили 2 325 хозяйств (примерно 12 тысяч человек). Значительная их часть ушла в Афганистан. Секретарь ЦК КП Таджикистана Ашуров объяснял это «недостаточно тщательным отбором переселенцев, выразившимся в вербовке значительного количества ходжентских и ферганских кулаков и спекулятивных элементов».²⁸² Помимо «кулаков» бежали за границу и последние басмачи. Только на протяжении 1930 г. и начала 1931 г. к Ибрагимбеку из Таджикистана прибыло несколько групп противников Советской власти, включая Мирназара, Усманкула (сына Давлатмандбия – «шахида», похороненного рядом с Энвер Пашой), Азима Марка, Кугана Токсабо, Шохасана и многих других. Эмигранты первой волны, к которым принадлежал Ибрагимбек, были поражены масштабами второй волны эмиграции. Помимо собственно басмачей, в Афганистан на рубеже 1920-х и 1930-х гг. бежали массы тех, кто уже имел опыт жизни в СССР.

Насильно согнанные из различных частей СССР на юг Таджикистана для освоения Вахшской долины и развития хлопководства, они ожидали осени, когда в Аму Дарье спадет вода и ночи станут длиннее чтобы без проблем уйти на афганский берег. Среди бежавших были люди разных

²⁸² ГАРФ, ф.5446, оп. 16, д.1248, л. 6.

национальностей, включая русских (в том числе казаков), татар, евреев, выходцев Кавказа. В отряде самого Ибрагимбека был русский врач несколько бойцов осетинов. По словам Ибрагимбека, когда он ездил к Ишану Халифе Кызыл Аяку «договариваться о совместном переходе на советскую территорию, то он (Ишан Халифа –К. А.) говорил мне (Ибрагимбеку – К.А.), что в течение января и февраля 1931 г. в Афганистан перешло до 20 тысячи хозяйств».²⁸³ Вновь прибывшие составили ядро наиболее боеспособных эмигрантских отрядов во время войны с афганцами в 1930-1931 гг. За плечами многих из них были долгие годы упорного сопротивления большевикам. Большинство беженцев шли именно к Ибрагимбеку. Для них он был символом бескомпромиссной борьбы с большевиками. Беженцы рассказывали, что власть отбирает имущество, преследует религию, производит аресты и репрессии, и потому они вынуждены были бежать. Эти люди не питали никаких иллюзий относительно Советской власти и были настроены самым решительным образом. Эмигранты убеждали Ибрагимбека, что если он перейдет границу и начнет борьбу, то все население поддержит басмачей и выступит против Советской власти. Перебежчики рассказывали также, что многие сторонники Советской власти, в том числе руководители республики Файзулла Ходжаев,²⁸⁴ Нусратулло Максум,²⁸⁵ Азиз «Ревком»,²⁸⁶ Гул Максум,²⁸⁷ Кызыл Карши²⁸⁸ и другие недовольны Советской властью и готовы к восстанию. Надо сказать, что большинство из перечисленных, в самом деле, признавало, что «состояние республики катастрофично». Нусратулло Максум в частности говорил, что «уходит вся республика в Афганистан». Понятно, что эти высказывания ОГПУ считала неправильными.²⁸⁹

Вполне вероятно, что в числе тех, кто склонял Ибрагимбека к переходу с целью восстания, были и засланные большевистские агенты. Их целью было заманить басмачей на советскую территорию. В «Деле № 123469» содержатся упоминания, например, о «представителе таджиков» Муллошарифе и посланце племени «джуз» Мулла Норбае (Норбай Чулак), посетив-

²⁸³ Дело 123469. С.177.

²⁸⁴ Файзулла Ходжаев с 1925 до 1937 гг. возглавлял правительство Узбекистана. В 1920-х гг. протестовал против «перегибов земельно-водной реформы». Репрессирован в 1937. Реабилитирован посмертно.

²⁸⁵ Нусратулло Максум (Лутфуллаев) (1881-1937), родом из Каратегина. С 1924 г. председатель Таджикского ревкома. С 1926 г. председатель ЦИК Таджикской АССР, в 1929-1933 гг. - Таджикской ССР, в 1931-33 гг. один из председателей ЦИК СССР в 1933 г. Н. Максум был репрессирован в 1937 г. Реабилитирован посмертно.

²⁸⁶ Абдул Азиз – лакаец, вождь рода бадракли. С 1921 г. служил проводником Красной Армии. С 1923 г. – председатель яванского ревкома. Яван - район на юго-восток от Душанбе.

²⁸⁷ Гул Максум – государственный деятель Таджикистана был арестован ОГПУ в мае 1933 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности.

²⁸⁸ Карши Аксакал (Одинаев Каршиаксакал)– карлукский вождь, сторонник Советской власти. С 1923 г. – заместитель председателя яванского ревкома.

²⁸⁹ АКПТ, ф. 3, оп. 165, д.3, л 59.

ших эмигрантов в 1930 г. Они представились «послами мусульман, занимающих посты в Советской власти» и просили эмигрантов приехать и бороться с Советской властью. Норбай Чулак (то есть «хромой») предложил свои услуги для написания антисоветских воззваний и предлагал поставить под ними подпись Ибрагимбека. Со своей стороны, Норбай обещал отвезти воззвания в СССР и распространить их там.²⁹⁰ Посовещавшись, лакайцы отказались возвращаться к басмачеству, ссылаясь на тяжелое материальное положение, нехватку оружия и припасов.²⁹¹ Одним из упомянутых выше как Муллошариф, склонявший Ибрагимбека к переходу на советскую территорию, мог быть Муллошариф Рахимов, известный в Таджикистане героем борьбы против басмачества. Участники гражданской войны в Таджикистане знают, что до того как стать командиром доброотряда и выполнять самые сложные поручения ГПУ по разложению басмаческих шаяк, Муллошариф Рахимов пережил много трагических событий. Если не Муллошариф, то наверняка были другие, у которых, как в случае с убийцей Дутова Касымханом Чанышевым, перед тем как отправить за кордон, чекисты брали в заложники всех членов семьи. По признанию Агабекова, советская агентура в Афганистане была готова на все, чтобы заполучить документальные подтверждения того, что басмачи и эмигранты – это слуги Алим Хана и агенты Англии. Как уже указывалось выше, с этой целью она посылала агентов к Куршермату в Кабул.²⁹² Было бы странно, если она не делала бы того же в отношении Ибрагимбека. Она могла бы просто уничтожить его как Дутова. Но убить Ибрагимбека означало обречь его на бессмертие как героя-шахида. Важнее было разоблачить его как преступника и наемника английских империалистов. Поэтому, автор с осторожностью относится к многочисленным упоминаниям об антисоветских воззваниях, в обилии встречающихся в «Деле Ибрагимбека». Хотя он не может исключить того, что эти воззвания действительно были написаны эмигрантами. Таким образом, версия с подготовленной афганцами и СССР «ловушкой» для эмигрантов выглядит более правдоподобной, чем озвученная позже СССР официальная версия о запланированном вторжении с целью свержения Советской власти.

Наш рассказ будет неполным, если не упомянуть о том, что, Ибрагимбеку было сделано, как минимум два предложения уйти на английскую территорию, в Индию. Первое исходило от Юсуфбая Мукимбаева. Весной 1930 г., с целью заманить лакайца в Кабул, он обещал направить его далее в Дакку для встречи с англичанами «по поводу похода войной против большевиков». По прочтении письма Мукимбаева, Ибрагимбек, по словам Ишан Судура, засмеявшись, сказал:

²⁹⁰ Дело 123469. С.298.

²⁹¹ Дело 123469. С.327.

²⁹² Агабеков Г. *ЧК за работой*. С.123

"Ну что же, если надо, поедем, но тут же серьезно заявил, что живым он в Кабул не поедет, если вообще поедет, только мертвым".²⁹³

Другими словами, Ибрагимбек считал это предложение лишь хитрым ходом для заманивания его в Кабул и последующей ликвидации. Второе – чисто коммерческое – предложение поступило от некоего Муллы Юсуфа из Сарай Камара. Он просил 2-3 тысячи рупий «на дорожные расходы» и взамен обещал организовать переправку Ибрагимбека в Пешавар. Вероятно, Мулла Юсуф был аполитичным контрабандистом, занимавшимся незаконной перевозкой людей и оружия. В такую поездку Ибрагимбек должен был отправиться как частное лицо, тайком, с небольшой группой последователей. Естественно, Ибрагимбек отказался бросить своих соплеменников.²⁹⁴ Для него, племенного вождя, это было немыслимо. В этом его отличие от Куршермата и Фузайл Максума – авантюристов, сновавших между Кабулом, северными провинциями Афганистана и Индией, а то и Китаем в поисках богатых покровителей.

Решающим фактором, определившим судьбу Ибрагимбека, были дипломатические маневры афганского правительства. Приближенный Алим Хана Юсуфбай Мукимбаев оказался близким человеком нового короля Афганистана Надир Шаха, с которым они не раз встречались во Франции и Швейцарии. По словам Алимардана Додхо (одного из курбаши Ибрагимбека попавшего вместе с ним в плен), взойдя на престол, Надир пригласил Мукимбаева в Кабул и предложил стать посредником для переманивания на свою сторону Алим Хана и Ибрагимбека. Именно по совету Мукимбаева Алим Хан настаивал на том, чтобы Ибрагимбек прибыл в Кабул.²⁹⁵ Как указывалось выше, Ибрагимбек почуял неладное и отказался выполнить приказ своего патрона и Надира. Одновременно с лакайским, Надир самым решительным образом решил «туркменский вопрос». Он разоружил находившихся в Кабуле еще со времен Бачаи Сако туркменов Клыч Сардара и Пашу Сардара с их 90 джигитами. Последним не оставалось ничего другого как засвидетельствовать свою покорность новому королю. Надир, в свою очередь, поступил как великодушный правитель. Удостоив сардаров чином «корнейл», он отправил их с щедрым подарком - 100 000 рупиями - обратно к Халифе Кызыл Аяку.²⁹⁶ Кызыл Аяк примирился с афганцами, но не выступал против Ибрагимбека. Он просто не поддержал его и оставил один на один с афганцами в марте 1931 г. Будучи умным политиком, духовный лидер среднеазиатских эмигрантов не мог не догадываться что разойдясь с Ибрагимбеком, он обрекает последнего на явную гибель.

²⁹³ Дело 123469. С.165.

²⁹⁴ Дело 123469. С. 66.

²⁹⁵ Дело 123469. С.164-165.

²⁹⁶ Дело 123469. С. 197.

Таким образом, афганцы, задоблив заранее туркмен, начали операцию ликвидации Ибрагимбека и его басмачей. Они прижали эмигрантов к самой границе. Ибрагимбек остался совершенно один. Туркмены и Алим Хан отвернулись от него, а Надир считал его своим смертельным врагом. В Афганистане его ничего больше не удерживало. Выйдя на пологий берег Аму Дарьи, Ибрагимбек оказался перед трудным выбором. Сдаться Советской власти без боя для него означало спасти себя и своих близких, но «потерять лицо». Для гордого лакайца было немыслимо лишиться доверия отрядов и поддержки части населения, которое продолжало видеть в нем бескомпромиссного и непобедимого героя и «гази». С другой стороны, воевать с Красной Армией на советской территории имея в своем тылу недружественный Афганистан, означало неминуемую гибель. В конце марта Ибрагимбек собрал своих курбаши в местечке Каптарали. Было решено:

«уйти на советскую территорию, а там будет видно: если население поддержит, то начнем широкую борьбу с Советами, если нет – заведем с властью переговоры о сдаче».²⁹⁷

Приняв такое решение, эмигранты подошли к реке.

Возвращение

Итак, преследуемые афганцами семьи эмигрантов стягивались к переправе Чубек, что напротив современного Хамадонийского района Хатлонской области. Вооруженные отряды лакайцев прикрывали их отход. По свидетельству Ибрагимбека, Советская сторона была предупреждена о готовящейся переброске. Советские пограничники поставили предварительным условием сдачу оружия. Как утверждал Ибрагимбек, несколько винтовок было сдано Чубекскому погранотряду еще до переправы.²⁹⁸ Утром 30 марта 1931 г. семьи были переправлены на гупсарах на советский берег. Об этом писал в своей книге американский писатель Джошуа Кьюниц, который посетил Таджикистан в середине 1930-х гг. и написал свою книгу «Восход над Самаркандом» буквально по следам событий 1931-1932 гг. Итак, он пишет:

«В начале апреля 1931 г. в ожесточенной схватке на берегу Пянджа войска Ибрагим Бека были подвергнуты разгрому. Когда его бойцы, их семьи и принадлежащий им скот пытались перейти на Советскую сторону, на середине реки они были атакованы афганцами. Погибли сотни людей. В холодной воде тонули дети, женщины, скот. Те, кому посчастливилось добраться до берега, были враждебно встречены советскими властями».²⁹⁹

²⁹⁷ Дело 123469. С.36.

²⁹⁸ Дело 123469. С.101.

²⁹⁹ Kunitz, Joshua. *Dawn Over Samarkand. The Rebirth of Central Asia*. New York: International Publishers, 230. Джошуа Кьюниц несколько раз посещал Советскую Среднюю Азию. Он был одним из западных писателей, увлекшихся в годы американской депрессии социалистическим экспериментом СССР.

Это был, без сомнения, кульминационный и один из самых драматичных эпизодов гражданской войны в Средней Азии. Он означал критический момент противостояния, завершившийся двумя месяцами позже полным поражением басмачества. Всего перешло более 5 000 человек (1 тысяча семейств), хотя готовились к переходу 9 000. По другим источникам переход происходил 25 марта и число репатриантов (беженцев?) достигало 6 000.³⁰⁰ На советской территории беженцы были немедленно интернированы пограничниками и войсками ОГПУ и направлены по маршруту Курган-Тюбе - Янги-Базар - Каратаг.³⁰¹

Ибрагимбек вручил семьи эмигрантов советской стороне, но сам не спешил сдаваться. Оставшиеся на афганской стороне отряды, после ряда стычек выбрались из окружения и через несколько дней также перешли на советскую территорию. Их переход состоялся в середине апреля на той же переправе Чубек, где десять лет назад переправлялся Алим Хан и две недели назад перешли эмигрантские семьи, спасаясь от афганцев. Во время переправы отряда Ибрагимбека из 400 человек, завязалась перестрелка с советскими пограничниками. После короткого боя пограничники отступили. Вскоре, в небе показались три самолета с красными звездами. Они произвели бомбометание, от которого погибло 10 человек, и удалились.³⁰² Если до того как началась перестрелка с пограничниками, у Ибрагимбека и была надежда на мирный исход, то теперь, с появлением первых жертв стало ясно: это война.

Большинство перешедших были из лакайских родов - ишанходжа (род Ибрагимбека), бадракли, туртуул и байрам. К ним присоединились казаки (узбекский род) и дурмены. Кроме того, перешли отряды таджиков Ибрагим-Командира, Бабаджана, Шохасана (из Газималика), и несколько афганских таджиков из числа сторонников Бачаи Сако - Гулям Хасанхан, Гулям Кадырхан и Мухаммад Хашимхан. Позже на советскую территорию перебрались еще несколько групп вооруженных эмигрантов - узбеков конграт, катаган, а также таджиков.³⁰³ В числе перешедших были различные группы, в том числе небольшой «интернациональный» отряд из русских, осетин, евреев, который при переходе присоединился к группе Муллы Закира, Хайдара, Садот Максума (брата Фузайл Максума) и Усманкула (сына Давлатмандбия).³⁰⁴ Садот Максум, Мирзоназар, Чува Марка и другие курбаши были убиты во время переправы.

Итак, основные (но не все) силы Ибрагимбека перешли в СССР. В Афганистане остались Утанбек (конграт) с 400 джигитами, Мулла Куляб

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ АКПТ, ф. 4511, оп.16, д.127, л. 27. О обстоятельствах интернирования, и дальнейшей судьбе семей реэмигрантов точных сведений не имеется.

³⁰² Дело 123469. С.100.

³⁰³ Дело 123469. СС. 97-98.

³⁰⁴ Дело 123469. СС. 221-222.

(катаган) с 300 джигитами, Кокан (200 бойцов-катаганов) и др. Как потом удалось узнать, они в конце-концов примирились с афганцами и были амнистированы.³⁰⁵

Каковы же были намерения Ибрагимбека на советской стороне? Вероятно, он надеялся укрепить свое положение в Восточной Бухаре и далее навязать Советам незначительную по накалу и расходам, но вязкую и латентную партизанскую войну, в то же время не расставаясь с вариантом достижения выгодного для себя мира. То есть, делать почти то же, чем он занимался перед этим в Афганистане. Он надеялся перевести конфликт в русло столь знакомой ему племенной войны.

Однако, Ибрагимбек встретил совсем другую страну. За время его отсутствия, на родине произошли разительные перемены. Если пять лет назад лакайский вождь покинул Восточную Бухару, которая хоть и входила в состав вновь образованной Таджикской республики, но все еще напоминала окраину эмирата. Теперь же, в 1931 г. его взору открылась Таджикская ССР. Страна пережила войну и люди, несмотря на трудности, не желали возобновления конфликта. Повсюду были видны следы мирной жизни и восстанавливающегося порядка. Вполне отчетливо оформилась советская государственность, страна пережила НЭП, завершившую правовую реформу и добившуюся относительной демилитаризации общества. От остатков былой независимости бухарских руководителей-джадидов ни осталось и следа. Не было больше ненавистных басмачам джадидов и их правительства. К власти в Средней Азии пришли национальные организации большевиков, входившие в единую РКП (б). Подрастало новое поколение, для которого эмир и эмират были олицетворением отсталости и мракобесия. Конечно, власть была репрессивна, но в пережившем шок революции и гражданской войны среднеазиатском обществе порог восприимчивости насилия и несправедливости был низок. Репрессии, исходившие от государства, воспринимались как неизбежное зло. В корне изменилась и Красная Армия. Ибрагимовцев встретили не отряды отчаянных, почти босоногих революционных красноармейцев, азартно бросавшихся в конную атаку при виде басмачей, а хорошо вооруженные, обученные, сытые и дисциплинированные полки. При встрече с конниками Ибрагимбека они спешили, разворачивались в цепь, залегали и навязывали перестрелку. Большую роль в борьбе против басмачей сыграла авиация, базировавшаяся в столице – городе Сталинабаде. Помимо самолетов, эмигрантов поразило невиданное чудо - железная дорога. Ибрагимбек не мог не видеть, что народ устал от войны и желал мира любой ценой. Басмачество потеряло свою былую силу – как физическую, так и идейную. Никто, кроме ближайших родственников и односельчан, не желал более добровольно платить налоги на содержание басмачей. Ибрагим, которому беглецы внушали, что население готово его

³⁰⁵ Дело 123469. С.196.

поддержать, не знал, что большевики разгромили оппозиционные политические партии, подчинили себе органы госбезопасности, которым вменялось борьба с остатками контрреволюции. В таких условиях, надежды басмаческих лидеров возобновить «джихад» образца 1920-х гг. против большевиков были обречены на провал. Да и сама власть укрепилась настолько, что могла позволить себе не вступать в переговоры и идти на уступки. Она была готова покончить с остатками басмачества самым решительным образом, без опаски вызвать нежелательную реакцию населения и международного сообщества.

Отряды были скованны тем, что им приходилось заботиться о своих семьях, которые числом 6 тысяч под сильным красноармейским конвоем двигались в сторону Сталинабада.³⁰⁶ Однако затем они отстали от семей и, разбившись на мелкие группы, отправились в родные места с тем, чтобы там – в Дангаре, Балджуване, Гиссаре – добиться поддержки. Ибрагимбек полагал, что земляки-односельчане, которые перешли на сторону Советской власти накормят и укроют его бойцов, а если удастся – станут посредниками между ними и Советской властью. Вместе с тем, Ибрагимбек, конечно же, не терял надежды на то, что земляки признают в нем лидера и восстанут против Советской власти. Он ждал также, что недовольные Советской властью Нусратулло Максум, Файзулла Ходжаев и другие постараются связаться с ним с тем, чтобы выступить совместно против СССР, или стать посредниками на переговорах с русскими.³⁰⁷ Надежды на массовую поддержку населения, однако, таяли день ото дня. Несмотря на запрет Ибрагимбека, по мере продвижения по советской территории «афганцы» грабили магазины, совершали насилия и убийства мирных жителей. Им приходилось вступать в вооруженные столкновения с частями Красной Армии. Близ Сталинабада они убили летчика потерпевшего крушение самолета. Надо сказать, что власть была особенно чувствительна к жертвам среди русского населения. Во время расследования все факты убийств эмигрантами русских тщательно уточнялись: кто именно убил, при каких обстоятельствах и т. д. Все это делало надежду на мирный исход все более призрачной.

К тому времени, у советского руководства был готов план, согласно которому предполагалось представить появление Ибрагимбека с эмигрантскими семьями как спровоцированное англичанами и “реакционерами-афганцами” вторжение с целью организации всенародного восстания и свержения Советской власти в Таджикистане и во всей Средней Азии. Исследователь истории гражданской войны в Таджикистане Мулло Иркаев писал:

«Английские империалисты на основе заблаговременно подготовлен-

³⁰⁶ АКПТ, ф. 1, оп. 4511, оп.16, д. 127, л. 86.

³⁰⁷ Дело 123469. С. 271.

ного плана поручили Надир Хану для маскировки перед мировой общественностью создать видимость, что афганское правительство преследует басмаческие шайки на территории Афганистана . . . Партийная организация и правительство республики, вовремя разгадав план басмачей, дало указание частям Красной Армии, принявшим и конвоировавшим семьи басмачей не дать возможность соединиться с бандами и по заранее намеченному плану, конвоировать их в направлении Шахринау». ³⁰⁸

“Заранее намеченный план”, состоял, на наш взгляд, в скорейшей изоляции и депортации семей эмигрантов, а затем в организации “всенародной борьбы” с вооруженными группами с целью окончательной дискредитации басмачества. Борьба с “английским агентом” Ибрагимбеком нужна была для морального и юридического оправдания чрезвычайных, насильственных мер, широко применявшихся в стране для укрепления сталинского репрессивного режима. Естественно, советскую сторону не устраивал мирный исход завершающей страницы “ликвидации басмачества и зарубежной контрреволюции”. Поэтому она проигнорировала два предложения добровольной сдачи, сделанных Ибрагимбеком. В советской историографии циркулируют тексты листовок антисоветского содержания, выпущенных, якобы Ибрагимбеком. Подтвердить их подлинность невозможно. Однако настораживает тот факт, что они уж очень хорошо укладываются в сталинскую теорию обострения классовой борьбы по мере расширения строительства социализма. Советской пропагандой Ибрагимбек был объявлен не только сторонником эмира бухарского и кулаков, сопротивлявшихся коллективизации сельского хозяйства, но и орудием «международного империализма». Во всяком случае, история с возвращением Ибрагимбека стала ценным подарком для сталинского режима. В конце 1929 г. партия и правительство перешли к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В этом свете, обвинения в стремлении организации кулацкого мятежа и английского вооруженного вмешательства, для того чтобы через Афганистан свергнуть советскую власть в Средней Азии и создать буржуазное государство под протекторатом Англии, были как никогда кстати. Основанием для антибританской и антиафганской риторики было значительное охлаждение советско-афганских отношений, и наоборот сближение Кабула и Лондона при Надире (1929-1933 гг.)

Разумеется, слухи об «английском следе» в действиях Ибрагимбека абсолютно не обоснованы. Английские власти и Надир были заинтересованы в ликвидации Ибрагимбека в такой же мере, как и советская сторона. До самого момента пленения Ибрагимбека советскими властями, англича-

³⁰⁸ Иркаев М.И. Разгром последней басмаческой авантюры в Таджикистане в 1931 году//Ученые записки Таджикского Государственного Университета.-Т.2. Серия гуманитарных наук.-Сталинабад, 1954. С.55.

не и афганцы опасались, что преследуемый Красной Армией на советской территории Ибрагимбек вернется обратно в Катаган и вслед за ним очередная (четвертая за предыдущие семь лет) советская военная экспедиция вторгнется в афганские пределы.³⁰⁹ Случись такое (бегство Ибрагимбека назад в Афганистан) Надир Хан наверняка бы снова обратился за помощью к Англии. Тем самым, англичане попали бы опять, как в 1925, 1929 и в 1930 гг. в щекотливое положение. И все же, англичане верили, что им удастся избежать прямого вмешательства в афганские дела. Хотя к тому времени СССР построил стратегическую железную дорогу Термез – Душанбе, по которой можно было доставить войска и тяжелое оружие прямо к афганской границе, Англия считала, что Советский Союз не готов идти на риск и еще раз нарушить территориальную целостность Афганистана. Английские чиновники полагали, что для Советов ввязываться в войну означало поставить под удар судьбу пятилетнего плана ради улучшения своих позиций в Афганистане. Поэтому, вполне резонно полагали они, СССР предпочтет военной интервенции мирное – дипломатическое и экономическое – проникновение в Афганистан. В конце-концов они пришли к выводу, что восстановление Советской властью порядка, нарушенного приходом Ибрагимбека в Таджикистан «не будет представлять угрозы целостности северной провинции Афганистана».³¹⁰ Другими словами, они желали Ибрагимбеку быть пойманным Красной Армией как можно быстрее. Если же этого не произойдет и лакаец все же вернется на левый берег, то, считали они, «немедленный арест Ибрагимбека афганскими властями и уведомление об этом советской стороны должно считаться правильным шагом, для того чтобы не давать повода для нарушения (советской стороной) афганской территории».³¹¹ В этом свете, можно считать позицию Англии в этом эпизоде почти безупречной и наоборот, обвинения Советской стороны в адрес англичан необоснованными.

На этом неясности, связанные с финальным эпизодом истории с Ибрагимом не кончаются. Дотошные англичане допускали, что ссоры Ибрагимбека и афганцев на самом деле не было. Они подозревали, что Ибрагимбек помирился с афганцами, и что афганцы сами способствовали уходу Ибрагимбека на советскую сторону. В этом случае уход выглядел как недружественная по отношению к СССР афганская акция. Если это так, рассуждали англичане, то подозрения советской стороны об агрессии Надира против СССР не лишены основания и следует ожидать ответной военной демонстрации со стороны СССР. Для англичан такая сделка, заключенная Надиром и Ибрагимбеком за спиной англичан была малоприятна. Впрочем, это была всего лишь гипотеза и сами англичане не верили в

³⁰⁹ IOR/P&S/12/1551 P: 2884

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же.

³¹² IOR./P7S/12/1551: P: 3262

ее правдивость.³¹² На самом деле, как было указано выше, именно англичане фактически финансировали поход Шахмахмуда на север против эмигрантов. Другое дело, что они ограничились только оказанием помощи и не были посвящены в детали происходящей операции на севере.

В официальных источниках бытует версия о пленении Ибрагимбека силами ОГПУ при поддержке отряда местной самообороны во главе с Мукум Султаном. В самом деле, весь апрель, май и июнь 1931 г. отряды Красной Армии буквально по пятам преследовали Ибрагимбека. Сам Ибрагимбек на следствии признавался, что принял решение сдаться, причем сделать на своей родине, о чем и сообщил в своем письме командиру кокташского доброотряда. Утром 23 июня 1931 г., спустя почти 3 месяца после перехода, Ибрагимбек и его соратники были взяты без единого выстрела на берегу реки Кафирниган вблизи кишлака Исанбай, что на границе с Узбекистаном, примерно в 60 километрах на юго-запад от таджикской столицы. К тому моменту, остальные приближенные Ибрагимбека – Абдукаюм Парвоначи, Юзбай Аксакал, Мулла Джуракул, Мулла Ахмад, Абдурашидбий, Мулла Эшонкул, Эшон Токсабо и Хамбетали уже сдались Советской власти. Официальная военная сводка сообщала:

«23.6.31 в 13.30 во время переправы на бурдюках на левый берег р. Кафирниган в районе Ходжа Бул Булак 2-м дивизионом 10 кавполка ОГПУ совместно с доброотрядом Мукума Султанова³¹³ был захвачен Ибрагимбек, Саиб командир и джигит Рахмат».³¹⁴

С самого начала эта версия о «захвате» оспаривалась современниками-свидетелями этой истории. Они делали это в частных беседах, но не в открытую. В Таджикистане, вплоть до 1970-х гг. (когда еще были живы свидетели события) в неофициальном обиходе циркулировала версия не о захвате, а о добровольной сдаче Ибрагимбека. Как бы то ни было, Ибрагимбек был наконец, взят под стражу. На следующий же день он и его соратники были отправлены самолетом из Сталинабада в Ташкент, в особый (4-й) отдел Среднеазиатского Военного Округа (САВО).

Фабрикация официальной версии продолжалась во время так называемого «следствия». Ибрагимбеку и его соратникам было предъявлено обвинение по следующим статьям Уголовного кодекса УзССР: 58-й (вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд); 59-й (связь с иностранными государствами в контрреволюционных целях); 60-й (оказание помощи мировой буржуазии).³¹⁵ Аналогичные статьи под номерами 58-2, 58-4 были в Уголовном кодексе РСФСР. По этой пресловутой 58-й статье в 1930-х гг. были незаконно осуждены миллионы советских граждан. Бросается в гла-

³¹³ Мукум Султанов (1894-1975) – из туркмен. Участник установления Советской власти, командовал добровольческим отрядом в Кокташе.

³¹⁴ РГВА, ф.25895, оп.1, д.418, л. 220.

³¹⁵ Дело 123469. С.1.

за и следующее несоответствие. Всю свою жизнь Ибрагимбек жил в Таджикистане, и должен был считаться гражданином этой союзной республики, но был судим почему-то в Узбекистане. Вероятно, власти опасались содержать Ибрагимбека в приграничном Таджикистане и потому срочно перевезли его в Узбекистан.

Следствие было закрытым и скорым. Где-то в середине следствия (примерно с 10 по 19 октября 1931 г.) допросы прервались. После их возобновления, тон показаний Ибрагимбека и его приближенных изменился. Они стали явно оговаривать себя, каяться, превозносить Советскую власть, делать оценки и расставлять акценты в «нужном» направлении. Их последующие показания войдут в обвинительное заключение и, дальше, в официальный обиход. Наверняка, в это время (во второй декаде октября) к ним применяли методы физического воздействия (пытки). Следствие завершилось «признанием» Ибрагимбека, его раскаянием в совершенных преступлениях. В заключении следствия и в приговоре сдержатся обвинения, которые не имеют подтверждения в следственных материалах. Особенно бездоказательны обвинения в связи с Англией.

Следствие длилось чуть более года. Оно закончилось 13 апреля 1932 г. Пятнадцать ближайших сподвижников Ибрагимбека были расстреляны 10 августа, а сам он был казнен 31 августа 1932 г.³¹⁶ Из проходивших по делу Ибрагимбека не был пощажён никто.

В июле 1931 г. на Второй чрезвычайной сессии ЦИК Таджикской ССР были подведены итоги борьбы с басмачеством. В специальном обращении, сессия, отметив, что одержана историческая победа над бандами Ибрагимбека, предупреждала:

«Но, товарищи, классовая борьба еще не окончена. Мы работаем в обстановке ожесточенной классовой борьбы, перед нами новые ожесточенные классовые бои».

Во время следствия над басмачами, по всему Таджикистану проходили массовые изъятия антисоветских элементов. В начале 1932 г. в ГПУ был составлен список из 380 человек. Нусратулло Максум и председатель СНК Таджикистана Хаджибаев были сняты с работы за то, что они «срывали ленинскую национальную политику, проводили буржуазно-националистическую линию в работе». В республике свирепствовали шесть отрядов Особого назначения.³¹⁷ Маховик сталинских репрессий набирал обороты.

Вместе с ликвидацией Ибрагимбека басмачество фактически прекратило свое существование. Несмотря на свою силу и продолжительность, оно так и не стало массовым движением за свободу от правления иностранцев. Все 1920-е гг. в регионе было два не связанных между собой центра сопротивления: туркестанское движение националистов-пан-

³¹⁶ Дело 123469. С.2.

³¹⁷ АКРТ, ф. 3, оп.165, д.2, лл. 39-40.

тюркистов и религиозно-эмиристское повстанчество Бухары. Первое оказалось элитистским, замкнутым феноменом, неспособным вдохнуть свой реформаторский дух в народные массы. Оно было вынуждено бежать за границу, в то время как второе, лишенное надлежащего культурного руководства, к началу 1930-х гг. превратилось в деструктивную силу, вставшую на пути инициированной извне модернизации общества.

В религиозно-эмиристском повстанчестве Восточной Бухары центральную роль играл Ибрагимбек. Он был мало похож на лидера военно-политического движения. Как и другие «робингуды» в которых не было недостатка у различных народов и культур, он явился, по выражению замечательного неомарксистского историка Эрика Хобсбаума, «социальным бандитом»,³¹⁸ в котором воплотилось вековое стремление бедного, подавленного и обманутого аграрного населения к свободе, героизму и справедливости. Конечно «социальный бандитизм» Ибрагимбека не был направлен против богачей как в случае с его современником мексиканцем Панчо Вилла, или более старшим земляком таджиком Восеъ. Возвращал Ибрагимбек не имущество, а иллюзию восстановленного достоинства и справедливого наказания агрессоров и поработителей. Подобно Панчо Вилле, Ибрагимбек был повстанцем, в том смысле что он, поднявшись на волне массовой мобилизации, бросил вызов рутинной крестьянской пассивности, покорности и бездействию. Он был не столько лидером, сколько симптомом народного недовольства и массового неприятия новой власти. Как указывалось выше, басмачи сыграли важную роль в мировой истории остановив продвижение большевистской «мировой революции» на восток – в Афганистан и далее в Индию. Однако реальный вклад басмачей в освобождение Средней Азии ничтожен. Басмачество лишь указывало на наличие таких ценностей как свобода, равенство и справедливость, но оно не знало как их достичь.

³¹⁸ See: Eric Hobsbawm *Bandits*. Weidenfeld & Nicolson, 2000.

Глава VI: ДОЛГИЕ ГОДЫ ИЗГНАНИЯ

История среднеазиатской эмиграции раннего советского периода окажется неполной без ее заключающей части, в которой мы постараемся довести судьбу персонажей нашего исследования до наших дней, то есть до начала XXI века.

Пори дарье (за рекой)

В 1929-1932 гг. в Кулябе начальником ГПУ был некто по фамилии Куфельд. Это был тот самый Куфельд, к которому пришел сдаваться Ибрагимбек в Ходжа Бул Булак¹ в июне 1931 г. Кулябцы, многие из которых стали мухаджирами именно из-за этого человека, вспоминали, что в жаркую погоду Куфельд (как впрочем многие красноармейцы) любил ездить верхом в нижнем белье по окрестным кишлакам. Его главной заботой было выявлять врагов Советской власти. Как-то он вызвал на допрос председателя одного из вновь образованных колхозов по имени Мухаммад Касир. Причина, вызвавшая настороженность бдительного чекиста была в том, что Мухаммад Касир читал намаз в рабочее время. После первого разговора, закончившегося ссорой, председатель счел необходимым бежать – благо граница рядом. Что он и сделал в 1931 г. В Афганистане Мухаммад Касир обосновался сначала в приграничном Чаябе (Чахи-и Абе), а затем был отправлен вглубь, в Баглан, где в 1941 г. у него родился сын – Башир. Господин Башир Баглани был в 1980-х гг. министром юстиции прокоммунистического Афганистана. Он был единственным выходцем Таджикистана, добившимся высокой правительственной должности в Афганистане. В 1990 г. он вышел в отставку, а после вывода Советских войск, в 1991 г. был вынужден бежать (или вернуться?) в Таджикистан, где он образовал свою фирму «Хатлон». Автору посчастливилось провести несколько встреч с господином Баглани в 1991 и 2006 гг. и восстановить с его помощью некоторые моменты истории среднеазиатских эмигрантов периода с 1930-х до 1990-х гг.² Другим важным источником истории эмиграции этого периода явилось исследование Одри Шалински, основанное на полевых исследованиях 1975-1977 гг., проведенных в общинах ферганцев (выходцев из Касана) в афганском Кундузе и в 1990 г. в пакистанском Карачи.³

¹ В некоторых источниках это место упоминается как Ходжа Булбулон

² Во время второй гражданской войны в Таджикистане, в середине 1990-х, Баглани снова становится эмигрантом - переселяется в Германию где находится по настоящее время. Время от времени он навещает своих родственников в Душанбе.

³ Shalinsky A., *Long Years of Exile: Central Asian Refugees in Afghanistan and Pakistan*. Lanham-New-York-London: University Press of America, 1994.

По словам Башира Баглани, на момент советского вторжения 1979 г., среднеазиатская эмиграция была компактно расселена в 11 (из 23) провинциях Афганистана включая Кундуз, Джузджан, Баглан, Бадахшан, Тахар, Саманган и др. Он считает, что большинство эмигрантов составляли именно таджики, а не туркмены и узбеки.⁴ Шалински пишет, что Кундуз, который до 1930-х гг. имел репутацию заброшенного угла, стал своего рода афганской Калифорнией именно благодаря эмигрантам из советской Средней Азии. Эмигранты составляли около половины жителей этой провинции. По традиции, эмигранты определялись скорее по месту происхождения, чем национальности. Они называли себя бухарцами, ходжентцами, каратегинцами, самаркандцами, ташкентцами, наманганцами, касанцами, кокандцами, кулябцами, гиссарцами, катта-курбанцами и т. д. В Афганистане, эмигранты из советской Средней Азии выделяли себя и были выделяемы другими. Они сохранили свою - отличную от местных соплеменников - идентичность. Эти люди (таджики, узбеки, туркмены и казахи) стали обозначаться общим названием «мухаджиры». Помимо этого, они продолжали именоваться по месту происхождения, главным образом как «фаргоначи» и «бухорои». Интересно, что название «туркистони» (то есть «туркестанец») ими почти не употреблялось. Название «бухорои», то есть «бухарец» было предпочтительней всех других, так как репутация Бухары в мусульманском мире всегда ставилась очень высоко. В частности, паломники в Мекку, а также те, кто перебрался в Саудовскую Аравию на постоянное место жительства, предпочитали называть себя «бухорои», даже если они были родом из других местностей Средней Азии.⁵

Мухаджиры в Афганистане образовывали новые селения или присоединялись к уже существующим. Горожане предпочитали жить в Герате, Кабуле, Мазари Шарифе и других крупных городах. Живя рядом афганцами, мухаджиры выработали общий с ними диалект, образ жизни, не теряя впрочем, своих более глубоких, не-афганских культурных корней и традиций. Следуя исламской традиции, местное население в целом положительно воспринимало мухаджиров, в то время как официальные власти, особенно после событий 1929-1931 гг. относились к выходцам из советской Средней Азии, особенно узбекам, настороженно.⁶ Несмотря на тот факт, что большинство населения северного Афганистана составляли такие же переселенцы – эмигранты и беженцы покинувшие северный берег Аму в XVII - XIX веках, только жертвы коммунистического режима считали себя кораническими мухаджирами. В известной мере о них можно

⁴ Вероятно, он считал таджиками всех, кто говорил на дари, включая узбеков.

⁵ Shalinski A., Op. cit.13. Исход ферганцев и бухарцев из Афганистана в Саудовскую Аравию усилился сразу после прихода к власти коммунистического правительства в 1978 г.

⁶ Shahrani M. N., "Resisting The Taliban And Talibanism in Afghanistan: Legacies Of A Century of Internal Colonialism And Cold War Politics in a Buffer State" *Journal of International Affairs* December 2000-February 2001 Volume V - Number 4. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/grupa/percept/V-4/shahrani.10.htm>

говорить и как об афганцах и как об отдельной, специальной группе (или группах), не имеющей своей родины и национального государства. В целом ряде случаев, пришельцы 1920-х и 1930-х гг. имели общие племенные названия с теми, кто уже жил к тому времени в Афганистане. Узбеки например нашли на афганской территории племена родственных им мангытов, кипчаков, дурменов, катаганов и пр. Однако, последние (афганские узбеки) всегда отмечали «неафганское» происхождение пришлых узбеков. Не всегда отношения между ними складывались дружелюбно. Баглани указывал, что в быту, афганцы иногда пытались дискриминировать мухаджиров, обвиняли их, говоря: «шумо оби дахони рус хурдед» («вы пили из одной чаши с русскими»). В ответ, мухаджиры подчеркивали свое превосходство в культуре земледелия, отчасти заимствованной, кстати, у русских. В частности, они посмеивались над афганцами из-за их незнакомства с «селками» (сеялками)⁷. Шалински также добавляет, что в соревновании с другими этнополитическим и культурными группами, мухаджиры Средней Азии старались подчеркивать свою безупречную религиозную репутацию, подразумевая, что они действовали согласно предписаниям религии.

Мухаджиры внесли заметный вклад в развитие экономики, культуры и окружающей среды Афганистана. Начать надо с того, что Аманулла Хан нуждался в образованных людях, на которых он мог бы опираться в своей реформаторской политике. Многие бухарцы нашли себя в образовании, администрации, науке и культуре страны, давшей им приют. Взять, к примеру, Хашима Шаика (1882-1954). Он известен также как Шаик Афанди, Мухлисзаде, Мухаммадхошим Шоик. В Бухаре и позднее в Афганистане он был известен как дипломат, писатель и ученый. Х. Шаик родился в Маргелане в семье писателя Мухаммад Якуба Мухлиса. Он был в числе первых бухарцев, получивших образование в Дорулмуаллимин (педагогическом университете) в Анкаре. Закончив курсы педагогики, арабского языка, экономики и литературы, Шаик вернулся в родную Бухару в 1919 г. Хашим Шаик являлся глубоким знатоком поэзии и ислама. Он был последователем ордена Накшбандия. В январе 1922 г. Шаик был назначен послом Бухары в Афганистане, но уже в июне следующего года принял решение не возвращаться в Бухару. В 1922-1923 гг. он сотрудничал с Осман Ходжаевым и Тоганом, когда те находились в Афганистане. Однако в дальнейшем он расходится с «туркестанцами» из ТНО и остается в Афганистане. С 1923 г. Шаик, по просьбе Амануллы работал на руководящих должностях в университетах Дорултаълиф, Дорулмуаллимин, Кабульском университете и в различных лицеях. С 1924 по 1934 гг. он издавал литературный журнал «Оинаи ирфон». В 1929 г. Шаик женился на родственнице

⁷ Из личной беседы автора с таджикским журналистом С. Саидовым, встречавшимся с мухаджирами в Афганистане в 1970-х гг. Встреча с Саидовым происходила в январе 2007 г.

Амануллы Хана, внучке афганского сардара Насруллахана Наибусалтана, дочери сардара Азизуллахана, который служил послом Афганистана в Иране. В Афганистане Шаик известен как автор многочисленных статей и книг о персидской литературе, переводов с французского, турецкого, арабского.⁸ Он был одним из лучших знатоков мистической поэзии Бедиля. Сам Хашим Шаик писал стихи, подражая своему кумиру в стиле «сабхи хинди». Каждый год, в день четвертого сафара, в день именин (мавлуд) Абдулкадира Бедиля, в доме Шаика устраивались поэтические вечера и чтения произведений этого персоязычного поэта Индии. В истории Афганистана бухарец Хашим Шаик прославился как первый ученый-педагог, который поднял дело преподавания педагогики в Афганистане на современный уровень. Автор книги по истории афганской журналистики Мухаммадхайдар Жубал писал, что бывший джадид Шаик был ведущим афганским специалистом области образования. Помимо преподавания педагогики и психологии, Шаик заложил основы изучения истории афганской литературы.⁹ Славный сын Бухары скончался 20 октября 1954 г. (по другим сведениям в 1961 г.) Хашим Шаик похоронен в центре Кабула, у подножья горы Осамой. Как упоминалось выше, его племянник, Атаджан (Пайрав) Сулаймони возвратился в Таджикистан и стал известным поэтом – «таджикским Маяковским». Дочь Пайрава – Гулчехра Сулаймонова (р. 1928) стала известной таджикской поэтессой, автором стихов для детей. Ее афганская тетка - дочь Шаика Нафиса Мубариз - также стала поэтессой, главным редактором журнала для женщин Афганистана. Нафиса, как и дочь бывшего эмира Бухары Алим Хана Шукрия, была одной из самых образованных афганских женщин.¹⁰ Так, без всякого преувеличения можно сказать, что верхушка бухарской (таджикской) эмиграции составила цвет культурной элиты Афганистана.

Выходцы из Мовароуннахра внесли достойный вклад и в развитие сельского хозяйства Афганистана. Каракулеводство Афганистана целиком обязано эмигрантам первой волны. Начало ему дали великолепные стада, принадлежавшие Алим Хану. Афганское хлопководство также развивалось под влиянием успехов этой отрасли в Ферганской и Вахшской долинах. Эмигранты второй волны особенно ферганцы были в целом более образованны и модернизированы, чем местные афганцы. Достаточно упомянуть, что они дали начало выращиванию кукурузы, свеклы, развили шелководство, значительно увеличили поголовье знаменитых гиссарских овец, улучшили каракулеводство и производство ковров. Знакомые с более передовыми способами ведения сельского хозяйства, мухаджиры зна-

⁸ См.: Сайфулло Саиди «Хошим Шоик аз Бухоро буд» *Адабиет ва Санъат*, №3, 1992, 16 января.

⁹ Саидов С. «Роҳе аз Бухоро то Кобул» *Садои Мардум*, 21 августа 2002 г.

¹⁰ При талибах (1996-2001) Нафиса Мубариз уехала с семьей во Францию где и скончалась. С. Саидов «Соединяющий сердца...» *Asia-Plus*, №49 (359). 2006, 7 декабря.

чительно укрепили экономическое положение севера Афганистана. Именно под влиянием развития хлопководства в Таджикистане и Узбекистане, северный Афганистан стал возделывать «Спинзар» (белое золото) на экспорт. В Баглане до сих пор помнят крепкого хозяина, богатого и неутомимого Эшона Пиллу – узбека из Ферганской долины. «Пилла» - значит «шелкопряда». В самом начале 1930-х гг. молодой Эшон перебрался на афганский берег с небольшим стадом знаменитых гиссарских овец и несколькими мешками коконов шелкопряда. Именно он наладил производство знаменитых шелковых тканей на своей новой родине. Его зятем стал афганский узбек Абдурауф Максуди, бежавший в США в 1980-х гг. во время советского вторжения в Афганистан. После развала СССР гражданин США Максуди стал председателем правления Общества зарубежных узбеков. В 1990-х гг. А. Максуди стал частым гостем в Узбекистане. Его сын Мансур (внук Эшона Пиллы) вскоре женился на дочери Президента Узбекистана Ислама Каримова Гульнаре. В настоящее время в Ташкенте, в семье президента Узбекистана подрастают правнуки Эшона Пиллы.

Жизнь эмигрантов «пори даръеи» (тех, кто из-за реки) в северном Афганистане осложняли взаимоотношения с крупнейшей этнической группой этой страны – пуштунами. Этот народ традиционно преобладал в южных и восточных провинциях. Массовое переселение пуштунов в Афганский Туркестан началось еще в правление Абдурахмана (1880-1901 гг.). Причем, переселялись в первую очередь пуштунские бунтари из непокойных южных провинций и платой за лояльность им служили лучшие земли северян. Эта политика продолжалась во время Надир Шаха и Захир Шаха с 1930-х до 1970-х гг. При этом, вновь прибывшим (или как их называли: «накилин») отводились тысячи гектаров земли, которые конфисковывались у таджиков и узбеков.¹¹ Пуштунизация сопровождалась уничтожением местных памятников архитектуры, письменных источников. Менялись и географические названия, связанные с местной культурой. С карт страны исчезла, например провинция Катаган. Из обихода также было выведено и название «Афганский Туркестан». Взамен тюркских, водились новые названия на языке пушту. В такой ситуации насильственной пуштунизации, эмигранты были вынуждены скрывать свое неафганское происхождение.¹²

Язык дари (таджикский) был и остается наиболее распространенным в Афганистане. По этой причине пришлым таджикам и двуязычным ферганцам, бухарцам удавалось легче приспособиться к новым условиям. Самые образованные из них служили чиновниками, учителями. Узбеки

¹¹ Shahrani M. N., *Resisting "The Taliban And Talibanism In Afghanistan: Legacies Of A Century of Internal Colonialism And Cold War Politics in a Buffer State" Perceptions. Journal Of International Affairs* December 2000-February 2001 Volume V - Number 4 <http://www.mfa.gov.tr/grupa/percept/V-4/shahrani.10.htm>

¹² Ibid.

же должны были учить дари и пушту, чтобы общаться с соседями и выжить. Они адаптировались в Хорасане гораздо труднее из-за своего иранского происхождения. Узбекский язык в Афганистане вплоть до 1960-х гг. был под фактическим запретом. По мнению Рузи Назара, культурная часть узбекской эмиграции очень скоро поняла, что пуштунский шовинизм много хуже русского. По этой причине, узбекская интеллигенция не задерживалась в Афганистане. Постепенно, она начала выезжать из Афганистана в Турцию, Саудовскую Аравию, Индию. Один из лидеров узбекской эмиграции Усман Ходжаев пытался образовать эмигрантский центр в Индии, но без особого успеха. Разочарованный, он покинул Афганистан в 1926 г. Усман Ходжаев, впрочем прекрасно говорил по-таджикски. Его отъезд был связан с тем, что городская, образованная часть среднеазиатской эмиграции считала Афганистан недостаточно развитой страной. Отток из Афганистана в Европу до Второй мировой войны был крайне ограниченным.

В целом, эмигранты были склонны отождествлять себя скорее с мусульманством, чем с афганской национальностью или таджикской или узбекской этничностью или пантюркизмом либералов из ТНУ. Со временем, они установили устойчивые преемственные связи между поколениями, сохранили коллективную память о стране своего происхождения, передавая из уст в уста рассказы, легенды и предания о жизни «пори дарье» и борьбе своих отцов и дедов против большевиков. Эти истории были окрашены мученическим ореолом. Неудивительно, что в этих легендах особой приязни к русским не выражалось. Указанные особенности отличали эмигрантов от их собратьев по ту сторону реки, для которых религия была объявлена «опиумом для народа» и взамен ее предлагалась другая – коммунистическая. Главным проводником новой религии явилось мощное государство – Советский Союз, занимавший одну шестую часть планеты. При этом, новое социалистическое государство дало мощный толчок к стремительному экономическому росту. Повсеместно в Советской Средней Азии росли промышленные предприятия, строились города, дороги, больницы, школы. Заслуга в модернизации края принадлежала русскому народу. Забыть об этом было невозможно.

Неудивительно, что жители Советской Средней Азии и их собратья по другую сторону реки постепенно отделялись друг от друга. Они стали по-разному понимать и интерпретировать историю. Видимо по этой причине, несмотря на снятие российского контроля и обретенную независимость в 1991 г., таджики, туркмены и узбеки по обе стороны реки не выработали совместного объединяющего национализма.

Большинство эмигрантов занималось мирной жизнью, стараясь не нарушать предписаний Корана, сохранять и развивать свою религию. Эмиграция, в целом, предпочитала молитву политическому действию. Наряду с политически пассивным и нейтральным большинством в Афганистане

были и непримиримые, к которым относились бывшие эмирские чиновники, приверженцы Ибрагимбека, а также более светские, мобильные и политически активные лидеры типа Фузайл Максума, Шермухаммада, Ачила, Хамракула и некоторых других курбаши. Они ждали удобного случая, чтобы взяться за оружие и возобновить борьбу против Советской власти. Антисоветские эмигрантские структуры в Афганистане дали о себе знать во время Второй мировой войны.¹³

Еще со второй половины 1930-х гг. гитлеровцы и японские милитаристы начали проникать в Иран и Афганистан с намерением потеснить СССР и Англию, традиционно главенствовавших в этом регионе. Афганистан, в свою очередь, надеялся на помощь Германии в деле модернизации своей армии и восстановления экономики. В 1936-1938 гг. Германия предоставила Афганистану несколько крупных кредитов, а 3 августа 1939 г. стороны подписали торговое соглашение. В предвоенные годы немцы построили для афганцев несколько крупных промышленных предприятий. К началу войны Кабул был должен Берлину не менее 125 миллионов марок.¹⁴ Поначалу Германия и СССР мирно уживались в Афганистане. После заключения пакта Риббентропа-Молотова в августе 1939 г. обе страны оказались не просто партнерами, но и друзьями. Общим их врагом был назван «англофранцузский империализм». Именно тогда агенты абвера, желая отомстить англичанам за поражение в Первой мировой войне стали подбираться к Индии. В частности, вермахт приступил к созданию добровольческого Индийского легиона. Легион задумывался как ядро будущей Индийской национальной армии, которая, как полагали немцы, будет сформирована после начала наступления вермахта на Ближний Восток и Индию. В это индийское добровольческое подразделение вошли военнопленные индусы, захваченные во время боев в Северной Африке. Руководил созданием легиона бывший адвокат из Калькутты Субхас Чандра Бос.¹⁵ В начале 1941 г. при помощи абвера и советской разведки Бос бежал из Индии через Афганистан и Москву в Берлин. В фашистской Германии он называл себя «лидером индийского правительства в изгнании» и «президентом Индийского национального конгресса».

27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали акт об образовании «оси» Берлин-Рим-Токио, согласно которому Японии предос-

¹³ См. напр.: Кузнец Ю. Л. *«Мародеры» выходят из игры*. Москва: Интерпракс, 1992; Тихонов Ю. «Михаил Алахвердов резидент советской разведки в Афганистане в годы Великой Отечественной войны» <http://www.whoiswho.ru/russian/Password/journals/31999/allahverdov.htm>

¹⁴ Кузнец Ю. Л. *«Мародеры» выходят из игры*. С.125.

¹⁵ Субхас Чандра Бос (1897-1945). Немцы при помощи советского посольства в Кабуле через территорию СССР весной 1941 г. перевезли Чандра Боса в Германию. С их помощью Бос создал в оккупированной Японией Бирме «Индийскую национальную армию», воевавшую против Великобритании на стороне Японии. Тем не менее, Бос, как ярый противник Англии, продолжал находиться в поле зрения советской разведки вплоть до своей загадочной смерти в 1945 г.

тавлялась свобода действий в Азии. Однако через полгода, в апреле 1941 г. Токио подписал акт о ненападении с Москвой, не согласуя его с мнением Германии. В результате, между двумя союзническими государствами возникло напряжение. Япония не проявляла антисоветской активности в Афганистане и Иране и не делилась с немцами имеющейся у нее секретной информацией. После нападения Германии на СССР в июне 1941 г., ситуация изменилась и СССР и Англия из врагов превратились в союзников. Для Японии германская агрессия была неожиданностью. Она решила отказаться от планов немедленного нападения на восточные территории СССР и сосредоточилась на юго-восточном и тихоокеанском фронтах. В Средней Азии она интересовалась только Восточным Туркестаном и только потому, что он был частью Китая. В результате, Германия оказалась единственным игроком из «оси» в Афганистане.¹⁶ Объективно, она была куда слабее Англии и СССР, которые имели прочные позиции в этом регионе. Это предопределило весь ход дальнейших событий. В июле 1941 г. агенты абвера Обердорфер и Брандт были ликвидированы афганской полицией, которой оказывали помощь спецслужбы Англии. После этого инцидента последовали аресты афганцев, заподозренных в сотрудничестве с немцами. В результате, абверу не удалось перебросить своих агентов в Вазиристан и поднять там восстание пуштунов.¹⁷

После расторжения пакта Риббентропа-Молотова Германия стала рассматривать Афганистан не только как плацдарм для возможного проникновения в Индию, но и как базу для подрывных действий против СССР. Вдобавок, фашисты Италии и Германии заключили соглашение с бывшим королем Афганистана Амануллоем. Живший в изгнании в фашистской Италии экс-король обязался помочь странам «оси» спровоцировать всеобщее восстание пуштунов на индо-афганской границе в надежде вернуть себе трон.

В годы Второй мировой войны Англия и СССР активно сотрудничали в Иране и в Афганистане.¹⁸ Стремление противостоять общему врагу (Германии и Японии) привело к тому, что 25 августа 1941 г. СССР и Англия ввели свои войска в Иран. При этом, СССР ссылался на советско-иранский договор 1921 г. Согласно этому соглашению, Иран обязался не допускать превращения своей территории в базу для военных выступлений против РСФСР и предоставлял советскому правительству право ввести в Иран свои войска, если это условие будет нарушено. Ввод советских и английских войск в Иран привел к тому, что 16 сентября 1941 г. прогер-

¹⁶ Andican, Ahat. Op. cit., 544.

¹⁷ См. Тихонов, Юрий. Тайная война со странами фашистской «оси» // Азия и Африка сегодня. 2002, N 12. С.44-52. <http://www.agentura.ru/forum/archive2004/10358.html>

¹⁸ Оришев А. Б. *Политика фашистской Германии в Афганистане накануне и в годы второй мировой войны (1933-1943 гг.)* Автореферат канд. ист. Наук. Воронеж-1998 <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref106.htm>

манский Реза Шах отрекся от престола в пользу своего сына Мухаммада Реза Пехлеви, а в конце 1942 г. в Иран были введены войска США. Оккупация Ирана затрудняла положение немцев в Афганистане.

Согласно плана «Барбаросса» Германия не рассматривала советскую Среднюю Азию как объект немедленного захвата и потому предпочла ограничиться подрывной деятельностью и сотрудничеством с потенциальной «пятой колонной», которую она видела в эмигрантах. При этом, имея ввиду возможность, в будущем, ведения боевых действий и выброску десанта на территории к северу от Аму Дарьи, немцы предпочитали действовать в одиночку, без использования каналов, которыми пользовались японцы и турки. С августа 1937 г. до самого окончания войны 9 мая 1945 г. послом Германии в Кабуле был Ганс Пильгер, в штате которого был резидент абвера Расмус.¹⁹ 18 июля 1941 г. Пильгер в рапорте своему начальству предупреждал о трудностях, которые ожидали немцев. Во-первых, это надежная охрана афганской границы с советской стороны, которая ставила непроходимый заслон для проникновения диверсионных групп на советскую территорию. Вторая проблема заключалась в строгом контроле афганским правительством своих северных территорий с целью пресечения антисоветской деятельности. Он писал, что узбеки и туркмены находятся под неусыпным наблюдением афганской полиции.²⁰

Уже после войны, в 1945 г., бывший посол Германии в Кабуле подробно рассказал советским следователям в Москве о своей среднеазиатской агентуре. Его признания, а также материалы советской военной разведки затем легли в основу книги Юрия Кузнецова «Мародеры» выходят из игры», вышедшей в 1992 г. Откровения Пильгера не были новостью для советских чекистов, так как они заранее внедрили своего агента германскую резидентуру. Этот человек упоминается Кузнецовым как Саид Акбархан Махмудбек или «Язучи» (с узбекского: писатель). Не подозревая об этом, в августе 1941 г. немецкая разведка завербовала его, памятуя о том, что он еще до войны имел связь с абверовцами и слыл ярим антисоветчиком.²¹ Ахат Андижан, в свою очередь, упоминает человека с именем Махмуд Айкарлы, который первым вошел в контакт в немцами в октябре 1941 г.²² Есть все основания предположить, что речь идет об одном и том же человеке. В книге Андижана он упоминается также как Махмуд Садыков, Бахрам Ибрагимов, Махмуд Ализаде и Йоксул. Турецкий паспорт на имя Айкарлы он получил в турецком посольстве в 1934 г. в Кабуле. Выходец из Самарканда, он был образован, прекрасно владел, кроме родных таджикского и узбекского, еще и русским и немецким языками. Он

¹⁹ Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры, сс. 11, 84.

²⁰ Andican, Ahat. Op. cit., 545.

²¹ Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры, с.78.

²² Ibid.

«бежал» из СССР в Иран в 1932 г. и сразу был письменно представлен Чокаеву, Тогану и Усман Ходжаеву Муфтием Садриддинханом - авторитетным лидером эмигрантов в Мешхеде. Андижан считает с 1932 до 1954 гг. этот человек был советским агентом внедренным в эмигрантскую среду в Иране, Афганистане и в Северной Индии.²³ В 1934 г. Айкарлы (будем его впредь называть именно этим именем) вместе с Муфтием Садриддинханом перебирается в Афганистан. Вскоре он женится на дочери самаркандского курбаши Хамракула.²⁴ Постепенно ему удается оттеснить Муфтия Садриддинхана и стать главной фигурой либеральной эмиграции в Афганистане и Иране. В Турции он не был, ограничиваясь перепиской с Чокаевым и другими лидерами ТНО.

Айкарлы не ограничивался деятельностью на территории Афганистана. По соглашению с японцами, которые в переписке ТНО значились как «узакбай», а их военный атташе при посольстве как «кишлакбай», Айкарлы стремился внедрить агентов ТНО в китайский Синьцзянь. На самом деле он был «карающей рукой Москвы», устраняющей опасных врагов Советской власти. В июне 1936 г., после встречи с «кишлакбаем» Айкарлы имел беседу с неким Шайхом Абдурахимом, снабдил его деньгами и оправил в Кашгар «бороться против китайцев». На самом деле этот шайх был никем иным как таджикским басмачом Фузайл Максумом. Айкарлы предупредил советского консула в Кашгаре, а тот – китайские власти. При пересечении границы Фузайл был схвачен дунганскими солдатами и передан советскому консулу. В дальнейшем Фузайл Максум из Метаниона, мечтавший о создании независимого Каратегинского бекства, был переправлен в Советский Союз, допрошен, и казнен.²⁵ Кузнец пишет, что благодаря Махмудбеку (Айкарлы) диверсионные группы своевременно засекались, а содержание переговоров в немецком посольстве немедленно передавалось советскому резиденту под псевдонимом Заман.²⁶ Язучи-Айкарлы помог выявить и арестовать десятки афганцев, узбеков и таджиков, работавших на немцев. Среди них были, помимо упомянутого выше Фузайл Максума и члены семьи Алим Хана, включая одного из его сыновей.

Летом 1937 г. Айкарлы был арестован кабульским правительством по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Гулам Хайдар, пасынок Куршермата, который приехал в Кабул из Стамбула навестить родственни-

²³ По возвращении в СССР в 1954 г. Махмуд Айкарлы- Саид Акбархан Махмудбек написал и издал несколько книг и статей. Именно Айкарлы способствовал разоблачению «Туркестанского легиона» и распространению слухов о том, что Чокаев был отравлен Каюмханом.

²⁴ Andican, Ahat. Op. cit.,347.

²⁵ Andican, Ahat. Op. cit.,348.

²⁶ На самом деле это был Михал Андреевич Алахвердов (1990-1968), генерал-майор КГБ, похороненный на Новодевичьем кладбище в Москве. Кузнец Ю. Л. *«Мародеры» выходят из игры*, с. 76.

ков, узнал в нем Махмуда Садыкова, студента «комсомольской школы» в Узбекистане.²⁷ Однако вскоре он был отпущен. Андижан считает что не обошлось без вмешательства советской стороны. В середине 1942 г. Айкарлы арестовывался еще раз, но был отпущен после того как были произведены массовые аресты эмигрантского подполья, о которых речь пойдет ниже.

В октябре 1941 г. правительства СССР и Англии потребовали от афганского правительства пресечь подрывную деятельность разведок Германии и Японии. Угроза повторения иранского варианта (с вводом войск СССР и Англии) заставила афганские правящие круги согласиться с этими требованиями. 5-6 ноября 1941 г. в Кабуле состоялась Лоя Джирга (Великое собрание племенных вождей и других знатных афганцев), на которой было объявлено, что страна занимает нейтральную позицию во Второй мировой войне. Было также принято решение выдворить из страны всех итальянцев и немцев, кроме официальных дипломатических представительств.²⁸

Туркестанцы из Турции не были частыми гостями Афганистана. Они чувствовали себя неудобно в этой стране, так как в здешней эмигрантской среде доминировали эмиристы, для которых джаиды были главными противниками. Наезжавшие изредка вожди туркестанцев, в том числе Усман Ходжаев, особых успехов в деле распространения пантюркизма не достигли. Их журналы, без обязательного для мусульман «бисмиллаху рахман ур-рахим» на первой странице, игнорировались. В свою очередь, туркестанцы считали афганцев фанатиками-консерваторами. Это было, по сути, продолжением противостояния бухарских кадимистов и джаидов. Кадимистов Кабула возглавлял Мубаширхан Тарази,²⁹ чей сын Насрулла был женат на дочери Алим Хана. Тарази находился на службе правительства Афганистана и ведал надзором над делами эмигрантов из Средней Азии.³⁰ По словам Рузи Назара, Тарази был родом из Намангана, долго проживал в Ташкенте. В Афганистане он был близок к правящей династии и вроде преподавал какие-то науки членам королевской семьи. Рузи Назар считал его религиозным фанатиком, не разделявшим идей пантюркизма.

Баглани, Ахат Андижан, Рузи Назар и Кузнец свидетельствуют, что эмиристы во главе с Тарази сотрудничали с немцами и готовили возвраще-

²⁷ Andican, Ahat. Op. cit.,349-380.

²⁸ Оришев А. Б. *Политика фашистской Германии в Афганистане накануне и в годы второй мировой войны (1933-1943 гг.)*

²⁹ Судя по имени (нисбе), он был из Тараза (бывший Аули-Ата, затем Джамбул - современный южный Казахстан). Рузи Назар считает его наманганцем. Вероятно он был таразцем, но наманганцем по происхождению, так как город (крепость) Тараз был основан кокандцами в XVIII веке и населен преимущественно наманганцами.

³⁰ Andican, Ahat. Op. cit.,376.

ние в Бухару. Кузнец пишет, что из героев нашего исследования в списке германской резидентуры оказались Куршермат (кличка «Ханза»)³¹ и Халифа Кызыл Аяк («Мерседес»). Кроме них были завербованы Абдусатторбай («Неу»), Мавлави Абдулрауф («БМВ»), Абдул Ахад («Хорьх»), Джилавбой («Виктория») и другие. Алим Хан значился в немецкой переписке как «Ауди». Куршермат-Ханза был центральным германским агентом. По другим источникам главным агентом был Тарази. Вероятно, Тарази, как «саид» был вроде официального «хана», а конкретную деятельность осуществлял Шермухаммад. Именно через них немцы выходили на эмигрантов, проживавших на севере. Они называли неутомимого ферганца «гауляйтером северных провинций»³², а его агентов, в том числе Халифу Кызыл Аяка – «унтерфюрерами».³³ Туркменский «унтерфюрер» Кызыл Аяк утверждал, что многотысячный вооруженный отряд туркменов готов по призыву правительства Афганистана «освободить» Туркмению.

Баглани дает похожую картину. По его словам, в Кабуле и на севере был создана эмигрантская прогерманская организация. Его возглавлял приближенный Алим Хана Саид Мубашир Тарази.³⁴ Ему подчинялись Бадриддинхон Тура, Джобир Букка, Шамсиддин Толиб (последний – бывший сторонник Ибрагимбека, родом из балджувонских тюрок) и еще пара десятков видных эмигрантов. Группа Мубашира Тарази в немецких документах обозначалась как организация «Фаал» или «Унион». Баглани говорил, что целью эмиристов было восстановление эмирата Бухары, но на престол предполагалось посадить не Алим Хана, которого не посвящали в подробности плана, а Тарази, который был помолвлен с одной из дочерей бывшего эмира. Ахат Андижан приводит несколько другие сведения. Он называет эту организацию «Ла марказия-и хукумат-и Туркистон» («Центральное правительство Туркистана»). Хотя автор сомневается, что эмиристы-бухарцы стали бы называть организацию именно таким образом (то есть Туркестаном). Однако остальные сведения, приведенные Андижаном заслуживают доверия. По его словам, правителем «Туркестана» должен был стать сын Алим Хана принц Умар Хан, премьером – Насрулла – сын Тарази и зять Алим Хана, а военным министром – Шермухаммад (Куршермат). Акраму Кари обещали портфель министра финансов, а Хабибуллахану Туре – должность министра образования.³⁵ Сам Тарази,

³¹ По другим сведениям, под кличкой «Ханза» скрывался Саид Мубашир Тарази, о котором речь пойдет ниже.

³² Гауляйтер: должностное лицо в нацистской Германии, осуществлявшее всю полноту власти на вверенной ему административно-территориальной единице.

³³ Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры, с. 78-80. Унтерфюрер: собирательное название командиров отделений, численностью 7-15 человек.

³⁴ Приставка «саид» означает принадлежность к потомкам Пророка Мухаммада. Однако, в данном контексте имеются ввиду родственники Саида Алим Хана. Как было указано, Тарази и Алим Хан были сватьями.

³⁵ Andican, Ahat. Op. cit., 547.

как официальный представитель афганского правительства не стал включать себя в это «правительство в изгнании». Упоминались и другие имена эмигрантов, вошедших в «правительство»: Тага Хан, Кудратуллахан, Шамсиддин Вакил-бывший помошник Ибрагимбека (у Баглани он означен как Шамсиддин Толиб, см. выше), памирский киргиз Камчибек, туркмен Кызыл Аяк и др. Андижан подчеркивает, что эта организация не имела ничего общего с ТНО и действовала отдельно.³⁶ Он также пишет, что немцы связались с Тарази и его группой только после того как был арестован Айкарли в мае 1942 г. Баглани говорит примерно о том же. Это могло означать, что именно Айкарлы вывел группу Тарази- Куршермата на немцев, с тем, чтобы сдать потом все эмириско-басмаческое подполье афганцам и СССР. Баглани утверждал, что Тарази получал деньги и инструкции от германской миссии и должен был наладить связь с советской Средней Азией и готовить вступление германских войск в Таджикистан, Узбекистан и Туркмению. Ганс Пильгер писал, что только в Баглане у эмигрантов было всего 1000 бойцов. Из них 800 конников, вооруженных - 500. Андижан оценивал общую военную силу труппы Тарази в 10-15 тысяч.³⁷ По мнению Баглани, вторжение планировалось осуществить по трем направлениям: Фархор, Сарай Камар и Дашти Джум (современный Куляб). Это направление было излюбленным у басмачей 1920-х гг.

Разумеется, практическая реализация этого плана была маловероятна, так как доставка средств и оружия были затруднены в силу отдаленности немецкого фронта и наличия войск союзников в Иране. Речь, скорее всего, могла идти лишь об организации беспорядков вдоль границы с СССР, с целью дестабилизации ситуации в Средней Азии, которая в годы войны стала глубоким советским тылом. В целом, деятельность немецко-фашистского командования в эмигрантской среде Афганистана была сродни той, которую оно проводило в это же время в других частях света – в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Европе. Ее целью было создание «пятой колонны» среди тех, кто ненавидит Англию и СССР.

Все свидетели едины во мнении, что Алим Хан не принимал активного участия во всех этих приготовлениях. В августе 1941 г. британский посол сообщал, что какой-то немец пытался войти с бывшим эмиром в контакт. «Ответ, полученный им гласил, что экс-эмир слеп, стар и не интересуется политикой».³⁸ В самом деле, Алим Хан к тому времени потерял всякую волю и почти отстранился от активной политической деятельности. До войны, через международное общество Красного Креста и Красного Полумесяца ему удалось вывезти из СССР часть своего семейства – мать Эшоноим и четырех жен. В Кабуле, примерно в 1932 г. в возрасте

³⁶ Andican, Ahat. Op. cit., 548.

³⁷ Ibid.

³⁸ Айзенер, Р. *Некоторые предварительные заметки о проживании эмира бухарского в эмиграции в Афганистане*. Рукопись, с 10.

52 года он женится в пятый раз – на 16 летней дочери знатного гиссарца. Подозревал ли он тогда, что старший из его трех сыновей, оставшихся в Бухаре и вывезенных в Москву в 1923 г. – Шахмурад, который получил советскую фамилию Алимов – в качестве офицера Рабоче-Крестьянской Красной Армии сражался с фашистами? Тот самый Шахмурад, который в мае 1929 г., через московские «Известия» заклеил отца и отказался от него? Тогда, это публичное отречение позволило Шахмураду поступить в Военно-инженерную академию.³⁹ По иронии судьбы, академия носила имя Валериана Куйбышева – того самого, руководившего т. н. «бухарской революцией». С самого начала войны офицер Красной Армии Шахмурад Алимов отправился на фронт. Он строил переправы, возводил фортификационные сооружения, руководил установкой минных заграждений. Во время наступления в Крыму Шахмурад Алимов подорвался на mine и лишился ноги, но не покинул строя.⁴⁰

Возвращаясь к нашему рассказу об Афганистане периода Второй мировой войны, отметим, что в целом, правительство короля Захир Шаха, как и турецкое правительство Исмета Иненю, войны придерживалось политики нейтралитета. Тем не менее, афганцы не упускали из вида немцев и внимательно следили за сводками с фронта. Юрий Кузнец утверждает, что в сентябре 1942 г. афганцы предложили Германии выставить хорошо вооруженную армию, в 100-150 тысяч штыков, чтобы при помощи вермахта «ударить в тыл Красной Армии».⁴¹ Заодно, афганцы намеревались войти в Индию и прибрать к себе пуштунские территории к западу от линии Дюранда, а также, изгнав англичан, изменить строй в бывшей британской колонии на исламский. Афганистан предлагал создать «цепь свободных исламских государств» на Ближнем и Среднем Востоке включая территории к северу от Аму Дарьи. Однако, Берлин не доверял Кабулу; он не мог забыть прошлые просоветские и пробританские шаги Захир Шаха и догадывался, что афганский король просто хочет подстраховаться на случай возможного поражения СССР. Берлин продолжал рассматривать два возможных варианта. Первый – поддержать Захир Шаха с его предложением (и тем самым спасти его режим). Второй – обойтись собствен-

³⁹ Судьба его младших братьев – Султана и Рахима сложилась более трагически. Рахим в 1929 г. в возрасте 12 лет был похищен из советского интерната и исчез, предположительно убит при попытке перехода афганской границы. Султан работал на заводе и пал жертвой сталинских репрессий во время Великой Отечественной войны. Он умер в тюрьме, после того как объявил голодовку в знак протеста против ареста. Жена Султана узнав о смерти мужа покончила жизнь самоубийством. «Советский патриот». № 3, 1990.

⁴⁰ После войны немногословный и хмурый начальник кафедры, полковник Алимов служил в ставшей ему родной Военно-инженерной академии. Несмотря на инвалидность (хромоту), он остался в рядах армии и дослужился до чина генерала. Всю свою жизнь Шахмурад Алимов скрывал свое происхождение и сторонился родственников, особенно афганских. «Советский патриот». № 3, 1990. Предположительная дата кончины Шахмурада Алимова – середина 1980-х гг.

⁴¹ Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры, с.41.

ными силами, свергнув нынешнее правительство и приведя к власти Аманулла, который находился в итальянской ссылке. С осени 1942 до весны 1943 гг. обе стороны «перебрасывая мяч друг другу», тянули с принятием окончательного решения.⁴²

Политика фашистской Германии окончательно провалилась после победы Советской Армии под Сталинградом и на Кавказе, в результате которых были полностью похоронены планы фашистской агрессии на Ближнем и Дальнем Востоке. Под давлением Англии и СССР, весной 1943 г. афганское правительство было вынуждено провести массовые аресты агентов Германии. Баглани утверждает, что накануне этого события премьер Хашим Хан получил угрожающую телеграмму от Сталина. 4 апреля 1943 г. арестовали Тарази, «гауляйтера» Шермухаммада (Куршермата), Кудратуллахана Туру и около двух десятков других лидеров «Фаала».⁴³ Баглани подтверждает сведения, приведенные Андижаном. Он сообщает, что арестам подверглись Тарази и еще 23 влиятельных эмигранта. Юрий Кузнец, в свою очередь, пишет еще об одной организации, под названием «Союз молодого Туркестана» во главе с сыном Алим Хана, которая в том же 1943 г. также была уличена в сотрудничестве с германской разведкой и была немедленно арестована, даже не начав действовать.⁴⁴ Вероятно речь шла об одной и той же группе, которая у различных информаторов шла под разными названиями.

После ареста вожаков эмиграции последовало событие, которое долгие годы оставалось вне внимания историков и более широкой публики. Речь идет о массовой депортации мухаджиров - узбеков, таджиков, туркмен, киргизов и казахов из приграничной полосы. Примерно в то же время, в феврале 1944 г. подобной, но еще более жестокой, высылке подверглись «неблагонадежные» народы СССР - чеченцы, карачаевцы, калмыки и пр. за их «пособничество фашистам». Уступая нажиму советского правительства, афганские власти насильно выселили эмигрантов из приграничных районов вглубь страны. Дело происходило холодной зимой начала 1944 г. Семья Баглани (самому Баширу тогда было два-три года от роду) была в числе депортированных. Баглани рассказывал, что афганские военные предварительно отделили женщин от мужчин. Затем, под вооруженным конвоем мухаджиры были отправлены в пешем порядке на юг. Много людей погибло в пути, беременные женщины рожали на обочинах дорог.

В этой депортации виден зловещий след советской, вернее сталинской политики. Хоть на сегодняшний день недоступны другие свидетельства об этом эпизоде, кроме рассказа Баглани, все же есть определенные основания предполагать, что это был акт геноцида афганского народа,

⁴² Там же.

⁴³ Andican, Ahat. Op. cit., 549.

⁴⁴ Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры, с.79.

проведенного по приказу Сталина. Уж очень много прослеживается параллелей и точных совпадений с бериевской операцией, которая проходила в то же время на Кавказе и в Средней Азии. Следуя сталинскому принципу, вину отдельных личностей перенесли на весь народ, который подвергли коллективному наказанию, включая женщин, стариков и детей. Как и чеченская депортация, афганская была проведена зимой, в трудных условиях, чтобы увеличить возможные потери. Так же как и в случае с чеченцами, эмигрантов-афганцев расселяли в различные районы, чтобы семьи, соседи и соплеменники испытывали дополнительные страдания и гибли еще больше. Это был акт сознательного убийства людей, стремление уничтожить народ полностью, одним махом. Семью Баглани поселили в Нахри Сиродж (Кандагар). В другой южной провинции - Гильменд поселилась семья Алим Хана. Сам Алим Хан оставался в Кабуле. Его арестовывать не стали, а ограничились строгим предупреждением и установлением строгого контроля. Немногим ранее этой депортации, около 700 эмигрантов, заподозренных в сотрудничестве с немцами, со скованными цепями руками и ногами были привезены из северных провинций в открытых грузовиках в Кабул и брошены в тюрьму Демазанг.⁴⁵

Афганский режим, конечно, же не шел ни в какое сравнение со сталинским. Равным образом, условия содержания в Демазанге были куда более человечные, чем в ГУЛАГе. Все арестованные эмигранты, в том числе Куршермат, были благополучно выпущены на свободу после войны. По выходу из заключения Шермухаммад поспешил покинуть Афганистан, в котором никто из эмигрантов не чувствовал себя в безопасности из-за соседства с СССР. Что касается Тарази, то после тюремной отсидки он отправился в Египет. Там ему была назначена пенсия как «саиду».

Арест и суд над родственниками и соратниками, высылка семьи в Кандагар, а также поражение фашистской Германии, произвели на Алим Хана очень сильное впечатление. Это было окончательное крушение его планов реставрации «Бухорои Шариф». В июле 1943 г. семья экс-эмира устроила консилиум по поводу пошатнувшегося здоровья Алим Хана. Было отмечено, что он стал страдать слабоумием, а на прогулки его приходится возить на коляске. Было составлено прошение правительству от имени самого экс-эмира, с просьбой предоставить ему автомобиль. Правительство Хашим Хана ответило отказом, так как знало, что подобное действие может быть расценено СССР так недружелюбный акт. Престарелый эмир не смог перенести этого потрясения и 29 апреля 1944 г. скончался.

Конечно, не в Афганистане определялся ход Второй мировой войны. Регион Средней Азии, включая Иран и Афганистан был, в целом, надежным тылом СССР. Силу и влияние антисоветских эмигрантских организаций и германской резидентуры в Афганистане в 1941-1943 гг, не следует

⁴⁵ Ibid.

преувеличивать, так как немецкие агенты (в отличие русских и англичан) в силу незнания языков и местных условий, не имели возможности прямого проникновения в эмигрантские общины. Кроме того, афганское правительство, соблюдая свои обязательства перед СССР, не допускало широкой антисоветской деятельности мухаджиров, расселенных в северных провинциях. Советская резидентура в Афганистане была фактически много сильнее и обладала большими возможностями, чем немецкая. Диверсионных актов против СССР с афганской территории, не говоря о наличии повстанческого (басмаческого) движения на территории Советской Средней Азии в годы войны, не было.

Главной причиной поражения антисоветской эмиграции и крушения планов реставрации эмирата явились победы Советской Армии, одержанные на советско-германском фронте. Именно сила и мощь СССР, а также страх перед Сталиным стали причиной того, что Турция, Иран и Афганистан воздержались от враждебных действий в отношении Советской страны и жестко пресекали антисоветскую деятельность эмигрантских группировок. Достоянный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков внесли и народы Советской Средней Азии. С сентября 1939 г. все военнообязанные мужчины - граждане СССР без различия расы, национальности и вероисповедания подлежали обязательному призыву в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В годы Второй мировой войны в рядах этой армии сражались сотни тысяч казахов, таджиков, узбеков, киргизов, туркмен и каракалпаков. Одним из тех, кому было присвоено высокое звание Героя Советского Союза был уроженец Балджувана Сафар Амиршоев, близкий родственник которого Усто Джура был муджахидом-басмачом, а затем мухаджиром в Афганистане. И в Красной Армии и в тылу, народы Средней Азии воевали и трудились вместе с русским, и другими народами СССР. Они защищали страну, которая была их общей родиной. За военные подвиги в годы войны были награждены орденами и медалями 120 тыс. воинов из Узбекистана, свыше 42 тыс. - из Киргизии, 78 тыс. из Туркмении, около 50 тыс. - из Таджикистана. 209 представителей коренных национальностей Центральной Азии были удостоены звания Героя Советского Союза.⁴⁶ Кроме того, народы Советской Средней Азии принимали эвакуированные предприятия из центральной России, Украины и Белоруссии. В конце войны в различные части региона Средней Азии были переселены чеченцы, ингуши, татары, греки, болгары, армяне и другие народы Кавказа и Крыма, заподозренные в сотрудничестве с немецко-фашистскими властями во время оккупации части Кавказа и Крыма в 1943-1944 гг.

Как было указано, последний эмир Бухары Алим Хан умер на руках своих жен и детей 29 апреля 1944 г. в возрасте неполных 64 лет. Тяжело-

⁴⁶ См.: Каракеев К.К. Вклад трудящихся Средней Азии в победу. *Советский тыл в Великой Отечественной войне*. М., 1974. Кн. 2. С.300 – 301.

больной и почти ослепший, он в последние годы своей жизни превратился в заурядного афганского пенсионера и торговца каракулем. О своих несметных богатствах он почти перестал мечтать, так как благодаря стараниям СССР на его банковские счета был наложен запрет. По рассказам современников он любил сидеть на берегу Кабул реки и декламировать стихи о Благородной Бухаре.⁴⁷ Алим Хан на самом деле был тонким знатоком персидско-таджикской поэзии и сам писал стихи. Английская разведывательная сводка сообщает, что на джаноза (отпевание) бывшего эмира в кабульской мечети Шахи Душамшера присутствовал премьер-министр Хашим Хан с несколькими министрами своего правительства. Король Захир Шах распорядился поминать покойного в этой мечети все сорок дней после кончины. Впрочем, со стороны короля это было не более чем вежливость и соблюдение этикета. Наверняка, он вздохнул с облегчением, узнав о кончине Алим Хана, принесшего немало беспокойства правительству Афганистана. Все долгие 23 года эмиграции от имени Алим Хана из Афганистана совершались нападения на советскую территорию. К последнему эмиру Бухары устремлялись все, кто – по разным причинам – желал навредить Советской власти. Среди них были басмачи Восточной Бухары и Ферганы, афганские клерикальные круги, немцы, турки, японцы и многие другие. Надо ли говорить, что эти действия приносили немало хлопот афганцам, которые были вынуждены считаться с интересами СССР и Англии в своей стране? Теперь же ушел из жизни последний мангыт, считавший себя потомком Чингиз Хана, Тимура и Пророка Мухаммада. Ушел побежденный, покинутый своими приближенными и частью многочисленной родни. Последним актом внимания афганского правительства к экс-эмиру была пенсия, назначенная его вдовам, сыновьям, дочерям и тещам (всего 50 человек).⁴⁸ По советским сведениям, после смерти Алим Хана в его резиденции состоялась церемония принятия присяги наследником Саид Умар Ханом.⁴⁹ Однако, ни афганские, ни турецкие, ни британские источники не содержат указания об Умар Хане как об официальном наследнике утеряннного престола.

Алим Хан, в отличие от Энвер Паши и Ибрагимбека не стал героем. Он не вызвал и не вызывает сочувствия ни у эмигрантов ни, тем более, у более широкой массы среднеазиатов. Сегодня в регионе никто не заикается ни о его реабилитации, ни, тем более, о реставрации эмирата. Публикация его воспоминаний в поздний советский период явилась заурядным со-

⁴⁷ Из беседы автора с американским исследователем Ричардом Фраем (Гарвард), который посетил Афганистан в годы войны и видел Алим Хана. Беседа проходила в 1989 г.

⁴⁸ IOR: L/PS/12/918.

⁴⁹ Лев Соцков «Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера <http://www.erlib.com/>. С учетом того, что Умар Хан, по нашим предположениям, был сыном последней жены Саид Алима, то он должен был быть к тому времени в подростковом возрасте. Если наши предположения верны, то Саид Умар Хан должен проживать в настоящее время в США. Впрочем, этот вопрос нуждается в уточнении.

бытием и сочувствия к их автору не прибавила. Корень его непопулярности не только в том, что Алим Хан – ленивый, эгоистичный и ничем не выдающийся правитель, который не был любим, когда находился у власти. Он нелюбим даже не потому, что повинен в падении Бухарского эмирата. Не в этом дело, а в том, что за ним нет ничего такого, что бы могло «зацепить» нас сегодня. За Энвером была популярная и романтическая идея вооруженной борьбы во имя единения на религиозной и национальной основе, в то время как Ибрагимбек являлся олицетворением идеи общинной целостности и племенной защиты. Первый заслуживает обожания турецких патриотов и пантюркистов, а второй – соплеменников-лакайцев и остальных узбеков. В то время как Алим Хан не обрел почитателей в современной Средней Азии. У него даже не было семьи в нормальном понимании этого слова. Такой, как у Николая Романова, который вызывает вполне понятную жалость и симпатию за приверженность к семейным ценностям. Наш герой – последний из степной узбекской династии, приведшей Бухару к коллапсу, представлял себя самого, некую опосредствованную идею абсолютной, тиранической, ханской власти, с ее выдуманной связью с Пророком Мухаммадом и амиром Тимуром – жестоким подражателем Чингиз Хана. На фоне общего политического пробуждения Среднего Востока и его сопротивления западному экспансионизму, Алим Хан являлся одиозным мусульманским лидером, целиком поддерживавшим англичан, вернее короля империи, стоявшей на грани своего исчезновения. В этом отношении он напоминал индийских султанов середины XIX века, желавших любой ценой сохранить свою власть под сенью английского флага.

И все же, будем снисходительны. Быть властелином «Садика Вселенной» и в одночасье потерять все свое могущество, власть, друзей и союзников означает быть подвергнутым жесточайшему удару. Только личность, обладающая недюжинной силой духа, способна в таком состоянии посмотреть на себя со стороны, признать неизбежность поражения и сделать что-то в свое оправдание перед потомками. Личности такого масштаба – большая редкость.

Алим Хана похоронили на кабульском кладбище «Шухадои солихин» - «Кладбище святых мучеников». Говорят, в последние годы своей жизни он часто повторял следующее двустишие:

«Амири беватан зору хакир аст
Гадо гар дар ватан мирад – амир аст»

Перевод:

«Эмир без родины – жалок и ничтожен
Нищий, умерший на родине – воистину эмир».⁵⁰

Однако, рассказ об Алим Хане хотелось бы завершить другим его стихотворением. Оно было нечертано золотом на государственном табл-

⁵⁰ См.: Назаров Насриддин. *Мухаммад Иброхимбек Лакай*. С. 14-15.

барабана, служившим подобием вечаевого колокола эмирата. Под его удары народ «Бухорои Шариф» собирался на огромной площади перед Арком. Собравшиеся могли прочитать следующее:

«Оинасон он чи бидиди, магу,
Обсифат он чи шуниди, бишу.
Гар ту дар ин варта адаб дидаи,
Субх магу он чи ба шаб дидаи.
Лочарам ин гумбади анчумфуруз,
Он чи ба шаб дид, нагуяд ба руз».

Перевод:

«Подобно зеркалу не рассказывай об увиденном,
Подобно воде смывай все, что услышал.
Если ты в этом трудном мире чему-либо обучился,
Не рассказывай поутру о том, что видел ночью
Ведь этот небосвод, зажигающий мириады звезд,
Никогда не рассказывает светлomu дню то, что видел ночью».⁵¹

Это прекрасное стихотворение можно смело считать назиданием Саид Алим Хана народу Бухары.

Снова беженцы?

Когда умер Алим Хан, его самой младшей дочке с красивым именем Шукрия (Благодарение) был всего год. Ее мать – последняя жена эмира - была из эмигрантской таджикской семьи, родом из Гиссара. Она родилась примерно в 1916 г. От Алим Хана она родила, помимо Шукрии, двух сыновей - Саид Умар Хана и Саид Акбара. Поначалу жизнь Шукрии складывалась успешно. Она вышла замуж за известного адвоката и поэта Азима Раада и, первой из афганских женщин, окончила Кабульский университет (открытый с помощью французов в 1946 г.) по специальности журналистика в 1960 г. У нее родились двое детей – сын Азиз и дочь Хоида. В 1960-х и 1970-х гг. Шукрия работала на афганском национальном радио. Это было время больших перемен и надежд. Постепенно, афганское общество начало двигаться к открытости и современности. Молодежь, в том числе непуштунская, получила возможность получать высшее образование. В 1964 г., с принятием новой конституции начали прорастать первые ростки демократии на афганской земле. Молодежь увлекалась идеями коммунизма, исламизма, светского национализма.

Так продолжалось до 1978 г., когда в стране утвердился прокоммунистический режим. А в самом конце 1979 г. всех афганцев поразила страшная весть: СССР ввел свои войска в поддержку правительства, которое для большинства афганцев и мухаджиров было не более чем коммунистическим.

⁵¹ Стихотворение было сохранено академиком АН Таджикистана Мухаммаджоном Шакури (р.1926), сыном Шарифджона Макдума, известного библиофила, козикалона Бухары в 1918-1919 г. Перевод с таджикского кандидата филологических наук Азима Аминова.

тическим режимом, в котором доминировали пуштуны гильзаи. Многие пуштуны в срочном порядке отправлялись из северных территорий на родной им юг. Но наибольшее беспокойство ввод войск вызвал у тех, кто 50 и более лет назад уже бежал от ужасов советской политики, а именно эмигрантов первой и второй волн 1918-1934 гг. Жители всей приграничной полосы в страхе смотрели на пролетающие над ними советские военные самолеты. Танковые колонны проходили через крупные населенные пункты. Реакция мухаджиров была похожа на ту, которую они продемонстрировали 50 лет назад. Они присоединились к джихаду и хиджрату.

Советская оккупация (1979-1989 гг.) выявила неготовность афганского общества организовать общенародное, объединенное движение. Сопrotивление советским войскам возникло в виде спонтанного, разрозненного движения вооруженных формирований, созданный неформальными лидерами афганской периферии. Разумеется, были сделаны попытки объединить эти группы муджахидов⁵² под исламским лозунгами. Однако эти усилия не увенчались успехом. Как всегда в афганской истории, сопротивление разделилось на региональные и этно-религиозные группы. Афганское общество оказалось недостаточно гомогенным для того, чтобы люди оказывали доверие кому-то за пределами деревни, племени или этнической группы. В ситуации, характеризующейся отсутствием надежной центральной власти, племена заботились об усилении местных общин и групповых этноструктур, которые бы смогли обеспечить минимум стабильности и защитить общины от внутренних и внешних угроз. В этом афганское сопротивление напоминало бухарско-туркестанское басмачество шестидесятилетней давности.

Среди тех, кто боролся против Советской Армии, были и потомки мухаджиров из Советской Средней Азии. Большая часть из них входила в партию «Джамият-и Ислами» Бурхануддина Раббани из Бадахшана. При этом они представляли афганское общество, а не группу мухаджиров-выходцев СССР. Наряду со смешанными, таджикско-узбекскими отрядами муджахидов, были и сугубо «тюркские», то есть узбекско-туркменские части. Наиболее известным из тюркских муджахидов являлись туркмен Абдулкарим Макдум – внук халифы Кызыл Аяка⁵³ и Азадбек (Азад Бег) – потомок кокандских ханов.⁵⁴ Именно тюрки создали собственно мухаджиро-басмаческие группы. Они входили в «Иттиходия-и исломи-и вилоят-и самт-и шимол-и Афғонистон» (с персидского: «Исламский союз север-

⁵² Термин «муджахид» («моджахед») был повсеместно введен в научный оборот именно в контексте советско-афганской войны. В то время он нес положительную окраску.

⁵³ Абдулкарим Макдум родился в 1943 г. в Шибегане. В 1970-х гг. представлял туркмен провинции Джузджан в парламенте. Провел 14 месяцев в заключении в период Дауд Хана. После амнистирования во время войны с СССР отбыл в Пакистан, где и основал указанный союз тюрков Афганистана. С 1982 г. проживает в Турции. См.: Andican, Ahat. Op. cit., 634.

⁵⁴ Азадбек Карими родился в Исламабаде (Пакистан) в 1952 г. По матери он являлся внуком Худояр Хана (по другим сведениям: Насреддин Хана) – властителя Коканда. Погиб при крушении вертолета близ Мазари Шарифа в 1997 г. Andican, Ahat. Op. cit., 635, 654.

ных провинций Афганистана»). В феврале 1981 г. в Пакистане Макдум и Азадбек получили первую партию из 350 автоматов Калашникова. Азадбек был еще одним, после Энвер Паши тюркским милитаристом, стремившимся к укреплению «тюркского единства» и освобождению «республик Советского Туркестана от русского ига». По словам индийского исследователя К. Варикку, люди Азадебка помимо ведения боевых действий против Советской Армии, доставляли оружие, боеприпасы и подрывную литературу «заречным» исламистам, которые в годы перестройки набирали силу в Советском Узбекистане и Таджикистане. Финансировали и направляли эти операции Пакистан и Саудовская Аравия (при попустительстве США), а куратором среднеазиатского направления пакистанской политики был генерал Мирза Асламбек, также потомок среднеазиатских мухаджиров и родственник Азадебка.⁵⁵

Как и Туркестанское национальное общество (ТНО) в Турции и Германии 1930-х гг., тюркский союз Афганистана 1980-х гг. раздирали внутренние противоречия. Туркмен Макдум и узбек Азадбек вступили в соперничество. Тем временем, после визита турецкого президента Кенана Еврена в Пакистан, Турция предоставила квоту 4 500 тюркам Афганистана. Макдум решил воспользоваться этим шансом и эмигрировал в Турцию в середине 1982 г.⁵⁶ Фактически, внук Кызыл Аяка вышел из игры. Единоличным руководителем «Исламского союза» стал Азадбек, который, подобно лидерам «Туркестанского легиона» 1941-1945 гг., набирал тюрков в мухаджирских общинах и отправлял на свою базу и тренировочный лагерь в Мираншахе (Пакистан). Азадбек был гражданином Пакистана, связанным с разведывательной службой армии этой страны, известной как Межведомственная разведка или *Inter-Services Intelligence (ISI)*. *ISI* являлась влиятельным и почти бесконтрольным агентством, руководившим муджахидскими партиями в Афганистане, а также участвовавшим в незаконном трафике людей, нелегальной торговле оружием, наркотиками и пр. С 1983 по 1997 гг. *ISI* обучила и отправила в Афганистан примерно 83 000 муджахидов. Азадебка впрочем интересовал не столько джихад как таковой, сколько борьба за «Туркестан». Он отбирал тюрков, обучал, снабжал оружием и отправлял их на север Афганистана, где они сражались под руководством командиров, входивших в его «Исламский союз». Наиболее известными среди тюркских муджахидов были Мавлави Абдулқуддус, Татар Мавлави Ислам⁵⁷ и др. Халуддин – племянник

⁵⁵ Warikoo, K. "Cockpit of Central Asia: Afghanistan Factor in Tajikistan's Crisis". Available at: <http://www.kashmir-information.com/Afghanistan/Warikoo.html>

⁵⁶ Andican, Ahat. Op. cit., 636.

⁵⁷ Здесь: татары – персоязычная группа Дуоби Руй (Саманган), которая несмотря на свое тюркское название была почти полностью таджикизирована. См.: Roy, Oliver. "Ethnic Identity and Political Expression in Northern Afghanistan" Jo-Ann Gross (ed.). *Muslims in Central Asia. Expression of Identity and Change*, Durham & London: Duke University, 1992, 76.

легендарного басмача Ибрагимбека Лакая, со своим отрядом воевал в Кундузе. Аитмурад командовал отрядом в Баглане, Ашур Пахлаван (туркмен) – в Джузджане.⁵⁸ Тюркский национализм и стремление тюрков к освобождению «Туркестана» настораживали всех – и советскую сторону и самих афганцев, включая таджиков и пуштунов. Обычно, тюрки и таджики севера Афганистана объединялись и совместно противостояли пуштунам и «неверным», в то время как Азадбек отбирал в свои отряды исключительно тюрков, а также любые другие группы, которые, по его мнению, могли быть отнесены к тюркам (хазарейцы из-за их внешнего вида, татары и аймаки по причине тюркского произношения их названий). Поскольку у Азадбека водились немалые деньги, получаемые от пакистанцев и турков, то к нему шли с охотой. Чтобы быть принятым, достаточно было предъявить доказательство своего «тюркского происхождения».⁵⁹ Этот этнический эксклюзивизм был чужд большинству афганцев и противоречил распространенному в Афганистане понятию мусульманской уммы и джихада.

После вывода Советской Армии из Афганистана в феврале 1989 г. Азадбек не признал временного коалиционного правительства муджахидов, сформированного в Пакистане. Он занял оппортунистическую позицию по отношению к муджахидам и начал сотрудничество с просоветским правительством Наджибуллы (1986-1992), которое взяло курс на национальное примирение и объявило автономию тюрков Афганистана. Французский исследователь Оливье Руа утверждает, что партия Азадбека на самом деле была «тройным конем», внедренным кабульским режимом Наджибуллы (1986-1992) для внесения раскола в ряды муджахидов. В отличие от Ахата Андижана, Оливье Руа считает, что реальный вклад узбеков в афганский джихад был незначителен, потому что узбекская интеллигенция была в большой мере подвержена секуляризму и национализму и не интересовалась политическим исламом. Он также считает, что основная часть неграмотных в своей массе узбекских и туркменских мухаджирских групп, подобно их дедам-басмачам, не интересовалась тюркским национализмом и охотней присоединялись к умеренным традиционалистским и фундаменталистским группам, таким как «Харакати инкилоб», «Джамияти Ислами» и даже «Хизби Ислами» пуштуна Гульбедин Хикамьяра, чем к движению, возглавлявшемуся Азадбеком.⁶⁰ Когда узбекский генерал Абдулрашид Достум образовал в начале 1992 г. свою партию «Джунбиши Милли-и Исломи-и Афгонистон»,⁶¹ Азадбек не

⁵⁸ Andican, Ahat. Op. cit., 637.

⁵⁹ Roy, Oliver. "Ethnic Identity and Political Expression in Northern Afghanistan," 80.

⁶⁰ Roy, Oliver. Op.cit., 79-81.

⁶¹ Giustozzi, Antonio. "The ethnicisation of an Afghan faction: Junbesh-i Milli from its origins to the Presidential elections (2004)" Crisis States Research Centre, Working Paper no.67. September 2005, 2.

скрывал своего недовольствия тем, что в руководство этой партии попали не только тюрки, но и представители других этнических групп. Он стал настойчиво советовать Достуму усилить тюркские элементы в рядах «Джунбиша». Его пантюркистские заявления, не встретили понимания среди муджахидов севера, включая узбеков, таджиков, хазарейцев и туркменов. Вскоре все командиры, которые ранее поддерживали Азадбека, перешли к Достуму, которому удалось укрепить свою власть на севере. Достум был не просто узбеком, а афганским узбеком. В его партии был представлен широкий спектр политических сил и этнических групп севера страны (кроме пуштунов). Итальянский исследователь Антонио Густоцци придерживается мнения, что «Джунбиш» был не столько узбекской или тюркской партией, сколько коалицией всех народов севера, в которой узбеки занимали «особенное положение». В 1992 г. узбеки составляли всего 14 % его руководящего органа «Джунбиша». Более того, Достум никогда не предпринимал шагов по продвижению узбеков за счет притеснения представителей других этнических групп.⁶² И узбекская «Джунбиш», и таджикская «Джамияти Ислами», будучи исламистскими партиями, избегали этнического партикуляризма. Они стремились привлечь в свои ряды как можно больше сторонников из различных этнических групп. Единственный национальный элемент в их программе заключался в стремлении противостоять пуштунскому гегемонизму.

Пакистанец Азадбек, интересовавшийся исключительно борьбой за «Туркистан», большая часть которого находилась за пределами Афганистана, оказался в изоляции. Он имел хорошие связи с Пакистаном, Турцией, даже с Узбекистаном и ему удавалось привлечь немалые средства на нужды «Джунбиш». Однако, в смысле военной мощи он не шел ни в какое сравнение с Достумом.⁶³ Фактическая сила и влияние группы Азадбека убывали, и к 1994 г. он вышел из «Джунбиша» и вернулся в Пакистан. Тем временем, на политическую арену вышли талибы, которые без особых усилий начали завоевывать одну провинцию за другой. В 1997 г. во время приближения талибов к Кундузу, Достум ушел в Иран и место лидера афганских узбеков занял генерал Абдулмалик. Азадбек в качестве офицера ISI хотел еще раз включиться в борьбу за лидерство на севере. Его интриги прекратила таинственная катастрофа вертолета близ Мазари Шарифа 29 мая 1997 г., которая оборвала жизнь потомка кокандского хана. Ахат Андижан считает, что его убили иранцы, в том время как Густоцци утверждает, что это дело рук талибов. Вторая точка зрения нам представляется более вероятной, так как пуштуны-талибы конечно, не потерпели бы никакого «Туркистана» в Афганистане.

⁶² Giustozzi, Antonio. "The ethnicisation of an Afghan faction: Junbesh-i Milli from its origins to the Presidential elections (2004)", 4.

⁶³ Ibid.

Пантюркизм не нашел питательной почвы в Афганистане. Туркмены – вторая по численности тюркская группа Афганистана - во время войны с СССР были всецело на стороне муджахидов севера, а не узбеков Азадбека. В результате, «туркестанец» Азадбек в конце-концов оказался в одном строю с теми, кто тренировал и поддерживал талибов, то есть с пакистанцами. Естественно, Ахат Андижан, отвергает все обвинения в адрес Азадбека. Он пытается представить «Исламский союз» своего рода продолжением туркестанской политической организации ТНО, у истоков которого стояли Тоган, Вали Каюмхан и Баймирза Хаит (о ТНО см. следующий раздел).

Таким образом, большое количество узбеков, туркмен и таджиков Афганистана присоединилось к массовому афганскому джихаду. Кроме того, десятки тысяч ферганцев, бухарцев, туркмен, киргизов и казахов присоединились к миллионам афганцев, бежавшим в Пакистан, Иран, Саудовскую Аравию, Турцию. Стоит ли после этого удивляться популярности рассказов о славных муджахидах-басмачах - Давлатманде и Энвер Паше среди эмигрантов и участников джихада против Советской Армии? Рассказы и воспоминания о басмачестве выходили на страницах журналов, выходивших в Пакистане и Иране. В частности, воспоминания Алим Хана «Таърихи хузн ал-миллали Бухоро» издавались несколько раз и пользовались успехом у афганских муджахидов. Издания о басмачах распространялись в Афганистане и вдохновляли тех, кто вел войну против Советской Армии.

В начале 1980 г. бежит и дочь Алим Хана Шукрия Алими Раад. В возрасте 37 лет она вместе с семьей оставляет Афганистан, чтобы начать жизнь сызнова. Семья Раад перебирается в Пакистан, затем в Германию, а оттуда – в США. В Америку бежали также ее мать и братья - Саид Акбар и Саид Умар Хан. В общем, судьба семьи бывшего эмира Алим Хана мало чем отличалась от судьбы остальных афганцев. Например, один из внуков Алим Хана - Саид Тимур стал коммунистом - членом Народно-Демократической партии Афганистана и закончил философский факультет Киевского Госуниверситета. В 1980-х гг., в Москве Саид Тимур нашел своего дядю, генерала Шахмурада Алимова, но тот не пожелал поддерживать отношений со своей афганской родней.

Почти сразу по приезду в США, Шукрия теряет мужа. По этому поводу она написала печальную историю:

«Долгое время я была в Индии, в то время как муж оставался в Афганистане, а дети находились одни в Пакистане. Это были очень тяжелые дни для всех нас. Мы не были уверены, увидимся ли когда-нибудь? Когда наконец мы объединились, то поняли что мы среди самых счастливых афганских семей, так как нам удалось достичь Америки целыми и невредимыми.

Мы оставили все, что имели. Можете ли вы вообразить всю тяжесть

испытаний выпавших на нашу долю, после того как мы решились покинуть нашу родину? Мы похоронили все наши воспоминания и пошли на то, чтобы жить в стране, где нас никто не знает, и где нам предстоит говорить на языке, разительно отличающемся от нашего, оторванными от нашей истории, литературы и традиций. Мы не можем взять ничего из Афганистана кроме нашей религии и любви».⁶⁴

Шукрия и ее семья отождествляют себя с афганским народом. Когда автор встречался с госпожой Шукрией Алими Раад (внешне удивительно похожей на своего отца и старшего брата Шахмурада) в 2000 г., жена последнего эмира Бухары проживала в доме для престарелых в живописных окрестностях Вашингтона. Она никогда не рассказывала и не любила вспоминать о жизни с бывшим эмиром. Семья Алими не имеет никаких связей с Таджикистаном и Узбекистаном, а также со своими родственниками, проживающими в России. Госпожа Шукрия Алими Раад работала в фарси-дари-таджикской секции «Голоса Америки» пока не вышла на пенсию в 2007. Мать Шукрии – последняя вдова Саид Алим Хана скончалась в 2006 г. в возрасте 90 лет.

Одиссея киргизов Малого Памира

Малый Памир – это узкая горная долина на высоте 4500 метров в северной оконечности Ваханского коридора. Это – крайняя северо-восточная точка Афганистана, палец, указывающий на восток и проникающий на таджикскую (советскую), китайскую и индийскую (пакистанскую) территорию. Он находится на безлюдном высокогорье, где соприкасаются Гиндукуш, Памир, Каракорум и Гималаи и когда-то сходились три мировые империи — Англия, Россия и Китай. Караванный путь из Малого Памира в Китай лежал через перевал Кулик (4709 метров), а в Пакистан – через перевал Минтака. Аборигены этого региона, киргизы (кипчаки, тейиты и найманы) традиционно занимались приспособленным к большим высотам скотоводством. Они разводили овец, коз, яков, бактрийских верблюдов и коней. Зима там длится 9 месяцев, а температура редко поднимается до плюсовых значений. Для спасения от яркого и обжигающего света и солнечной радиации большинство киргизов носят темные очки. До начала XX века киргизы задерживались на Малом Памире всего на 2-3 летних месяца, предпочитая проводить лето на Большом Памире (современный Восточный Памир, что в Таджикистане). Основной путь перехода в Таджикистан проходил через долину реки Оксу, что в крайней северо-восточной точке Вахана.

Как уже упоминалось, ханом памирских киргизов был Джапаркул (1862-1943) и его сын Рахманкул (1913-1990). После революции 1917 г. до

⁶⁴ Alimi Raad, Shurkia. *Grief: A Muslim Perspective*. www.hospicefoundation.org/hfaPublications/books/lwg1998/raad.pdf

40 семейств под руководством Джапаркулхана были вынуждены избрать этот недоступный уголок афганского Памира местом своего постоянного проживания. Главной причиной их конфликта с афганскими, китайскими и, в первую очередь, с советскими властями было исключительно стремление сохранить свой пастушеский и кочевой образ жизни на привычных для них больших высотах. До шариата или национализма киргизам не было никакого дела. До 1934 г. Советы разрешали им, за небольшую плату, пользоваться пастбищами Большого Памира. Но в середине 1930-х гг. границу обнесли колючей проволокой.⁶⁵ Закрытие советско-афганской границы привело не просто к разрыву прежних социально-экономических и культурных связей с родственными народами китайского и советского Памира. Оно повлекло потерю лучших территорий, которые остались в пределах СССР. Ведь пастбища советского Восточного Памира находились на меньшей высоте и имели более мягкий - по сравнению с исключительно суровым афганским Памиром - климат. В сложившихся условиях афганские киргизы не были в состоянии увеличивать поголовье своего скота. Несогласные с установлением закрытой границы на путях традиционных перекочевков, киргизы совершали набеги на советскую территорию и атаковали пограничников. В свою очередь, оперативные полки ОГПУ эпизодически проводили военные операции против хана киргизов афганского Вахана Джапаркула (сына Рахманкула) совершавшего набеги на советскую территорию. Киргизы же считали, что русские хотят их запугать и отнять земли, принадлежащие им по праву. Особый антагонизм отношениям Советской власти и памирских киргизов придавала политика насильственного перевода кочевников на оседлый образ жизни, проводившаяся в Киргизии и Таджикистане. Еще более напряженные отношения сложились во время Второй мировой войны и советского вторжения в Афганистан в 1979-1989 гг. В первом случае они были вызваны необходимостью противостояния возможному враждебному проникновению в СССР в годы Великой Отечественной войны. В то время Советская власть опасалась возрождения басмачества в своем глубоком среднеазиатском тылу. Власти охотились за Джапаркулом и даже брали на полгода в заложники его сына – Рахманкула. В ходе этих операций погибли десятки киргиз как Малого, так и Большого Памира.⁶⁶ После смерти Джапаркула в 1943 г., ханом памирских киргизов стал его 30-летний сын Хаджи Рахманкул. Во время войны рахманкуловцы участвовали в своих набегах на советские посты. После войны советские войска усилили прессинг, направленный против афганских киргизов. Это вынудило Рахманкула покинуть Малый Памир. В 1946 г. он вместе с 2000 своих последователей отправляется на восток – в Ки-

⁶⁵ Автору этих строк приходилось со второй половины 1950-х гг. не раз бывать в Мургабе, центре Восточного Памира. Его поразили огромные мотки колючей проволоки, сваленные на окраине поселка.

⁶⁶ Shahrani M.N., *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan*, 42.

тай. Но и тут ему не повезло. В 1949 г. в Китае устанавливается жестокий коммунистический режим. Тогда Рахманкул решает, предварительно вырезав китайский пограничный пост и овладев его оружием, перебраться обратно в афганский Вахан. Китайские коммунисты ответили установлением колочей проволоки и закрытием древней караванной торговли из Сарыкола в Вахан. Для киргизов Вахана и Памира начались долгие годы изоляции.

В Афганистане Рахманкулу удается приспособиться к жизни условиях закрытой границы и даже добиться некоторого экономического процветания для своих соплеменников. Умудряясь совершать годичные откочевки на небольших пространствах Малого Памира, афганские киргизы стали постепенно сочетать традиционное кочевое скотоводства с торговлей и другими видами хозяйственной деятельности. Они упорно отказывались от предложений переселиться в более обжитые места афганского севера. Рахманкул становится общепризнанным и уважаемым лидером киргизов Афганского Памира. Его киргизы влились в административный округ Вахан провинции Бадахшан. Среди афганских таджиков и узбеков, в том числе мухаджиров, они пользовались репутацией стойких мусульман, защитников веры от китайских и русских коммунистов.⁶⁷ Путники, которые оказывались на Малом Памире, восхищались гостеприимством, щедростью, стойкостью духа и храбростью тамошних киргизов. Из-за отдаленности, сурового климата, отсутствия инфраструктуры, афганские власти не могли установить на Афганском Памире органы своей власти и разместить воинские гарнизоны для охраны границы. Тогда Кабул решил просто перепоручить Рахманкулу функции центрального правительства, в том числе по охране границ. Именно тогда Рахманкул был удостоен звания «Посбони Помир» («Страж Памира»). Король Мухаммад Захир Шах (правил в 1933-1973 гг.) освободил памирских киргизов от воинской повинности взамен их обещания охранять границу. В 1965 г. Захир Шах наградил Рахманкула золотой медалью. Рахманкул также являлся членом Лоя Джирги Афганистана. Тем не менее, по причине почти полной изоляции от остального мира, киргизы Малого Памира до сих пор представляют собой наименее интегрированную в афганское общество этническую группу.

В первой половине 1970-х гг. в Ваханском коридоре насчитывалось немногим более 1800 киргизов. Они жили на положении национального меньшинства Афганистана по соседству с таджиками Вахана (6000 человек). В целом, их положение было сносным, если не считать отсутствия культурных контактов с киргизами советского Памиро-Алая.⁶⁸ Постепенно, современность начала проникать и в этот заоблачный и заброшенный уголок планеты. Появились частные пастбища, усилилась социальная диф-

⁶⁷ Shahrani M.N., "The Kirghiz Odyssey", *Odyssey. The Human Adventure*, 16.

⁶⁸ Shahrani M.N., *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan*, XIX.

ференциация. Самым богатым на Афганском Памире стал сам Рахманкул, владевший почти половиной поголовья скота афганских киргизов.⁶⁹ Так продолжалась до апреля 1978 г. когда в Афганистане после свержения режима Дауда был установлен невыносимый киргизам и другим афганцам прокоммунистический режим. Летом того года Рахманкул и его 1300 последователей (280 семей) покидают Малый Памир. Главным мотивом их стремления покинуть родину было неверие в то, что правительство Афганистана сможет их защитить от Советов, политика которых угрожала их целостности.⁷⁰ Это была третья – за предыдущие 60 лет – киргизская эмиграция. Итак, в 1979 г. киргизы Рахманкула отправляются в трудный переход через Гиндукуш. В начале августа 1979 г. они достигают пунктов Ясин и Ишкунан что в Северном Пакистане. При переходе через ледники и перевалы киргизы потеряли множество скота. Условия на новом месте были неподходящими для занятия скотоводством и потому немало скота было продано. Летом 1979 г. 100 женщин, детей и стариков погибли от болезней, вызванных непривычной для горцев жарой, болезнями и антисанитарией. Оккупированная пакистанцами индийская территория Кашмира, разумеется, не была подходящим прибежищем для киргизов. Киргизы селились, в основном в палаточных городках, на окраинах пакистанских населенных пунктов.

С августа 1978 г. правительство Пакистана начинает переселять киргизов от афганской границы вглубь страны - в Гильгит. Было переселено таким образом 249 семейств (1000 чел.). В качестве беженцев, они были расселены в 4 специально отведенных зонах северного Пакистана. Власти Исламабада относились к памирским киргизам с большим подозрением и затрудняли их передвижение. Пакистанцы просто не могли определить, уроженцами какой страны являются пришельцы из заснеженного Памира: СССР, Китая или Афганистана?

Подобные условия вызывали нарастающее недовольство киргизов. В их среде начались разногласия. От основной группы откалывается небольшая группа в 39 семейств (100 человек) во главе с Абдурашидханом. Договорившись предварительно с советскими властями на таджикском Памире, группа Абдурашидхана в октябре 1979 г. отправляется назад на афганский Памир. Там она получает значительную помощь от СССР. Вскоре, в самом конце 1979 г. в Афганистан вторгается Советская Армия, воспоминания об атаках которой еще не стерлись из памяти киргизских стариков.

С началом войны, в Пакистан прибывают сотни тысяч афганских беженцев – пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков. Следом за ними страну наполняют десятки международных организаций. Однако международная гуманитарная помощь редко доходила до северных пакистанс-

⁶⁹ Shahrani M.N., "The Kirghiz Odyssey", *Odyssey. The Human Adventure*, 17.

⁷⁰ Shahrani M.N., "The Kirghiz, Now of Pakistan" <http://www.indiana.edu/~afghan/>

ких территорий. Киргизские лагеря в северном Пакистане посещал профессор Шахрани. По его свидетельству, летом 1980 г. каждая киргизская семья получила по мешку одежды от немецкой гуманитарной организации. Немногим позже два человека, по происхождению эмигранты из Синьцзяня и СССР, раздали деньги – по 70 долларов США на человека. По сведениям Шахрани, эти деньги были собраны общинами среднеазиатских эмигрантов в Саудовской Аравии и Турции. Главная же помощь киргизам оказывалась пакистанским правительством. Оно снабдило киргизов палатками и выдавало по 40 рупий (40 центов) на человека в день. В отличие от других афганских беженцев, киргизы не получали продовольствие.

Жизнь в Пакистане стала невыносимой для беглых киргизов. В апреле 1980 г. Рахманкул от имени своих людей просит убежища у правительства США. Были предположения, что киргизов могут поселить на ... Аляске. Однако правительство США оставило эту просьбу без ответа. Тогда, по совету Шахрани, Рахманкул просит убежища у правительства Турции. В марте 1982 г. после тяжелых четырех лет пакистанского изгнания, состоялась самая необычная откочевка в жизни киргизов. На нескольких «Боингах» Турция переправляет 1130 киргизов Рахманкулхана из Пакистана в Восточную Анатолию.⁷¹

Похожим образом сложилась судьба казахов северной оконечности Синьцзяня. В 1951 г., после установления в Китае коммунистического режима, они решили уйти – через суровую пустыню Такла Макан и горы северного Тибета - в Кашмир. В 1953-54 гг. эта глобальная перекочевка казахов завершилась авиаперелетом и транспортировкой морем из Кашмира в Турцию.⁷² Нет надобности, рассказывать в настоящей книге об этом эпизоде. История казахов Синьцзяня представлена в захватывающем исследовании Гульнары Мендикуловой.⁷³

Возвращаясь к киргизам, укажем, что в Турции в селении Каракундуз провинции Ван, они жили по соседству с нетюрским – курдским - меньшинством, что создавало известные проблемы. Киргизская молодежь была вынуждена создавать отряды для обеспечения собственной безопасности. Все это время киргизы не оставляли надежды вернуться на Памир. После вывода советских войск, в 1989 г., афганское правительство пригласило Рахманкула в Афганистан для участия в выборах. Однако, разгоревшийся в 1990-х гг. межафганский конфликт, сделал возвращение невозможным.

Говоря о киргизах и Малом Памире нельзя обойти вниманием позицию Китая, которая хоть и не столь заметна, как российская и афганская, но не менее может оказаться решающей в любой подходящий для этого

⁷¹ Denkee, Debra. "The Last Migration of the Kirgiz of Afghanistan", *Central Asian Survey*. Vol 2, #1, 1983, 89.

⁷² Lias, Godfrey, *Kazak Exodus*, London: Evans Brothers Ltd, 11, 14.

⁷³ Мендикулова Г. *Казахская диаспора: история и современность*. Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006.

момент. В 1970-х гг., осознавая важность этого региона, и будучи обеспокоенным индо-пакистанским конфликтом из-за Кашмира, Китай прокладывает стратегическое Каракорумское шоссе через населенный таджиками и киргизами Сарыкол, и далее к пакистанской и афганской границе. В 1979-1989 гг. по этой дороге китайцы подвозили оружие и гуманитарную помощь афганским муджахидам.

Со своей стороны, Советский Союз не зря не давал покоя киргизам, свободно кочевавшим по Малому Памиру. Он придавал этой уникальной высокогорной точке между Китаем, Афганистаном, Пакистаном и Индией большое стратегическое значение. В поздний советский период в местечке Джартыгумбес, что в 50 км от границы афганского Малого Памира, СССР начал строительство секретного оборонного объекта. Во время советской оккупации Афганского Вахана, на Малом Памире была также построена шахта для размещения ядерного заряда малой мощности на случай неожиданного китайского наступления.⁷⁴ В 1993 г., во время второй таджикской гражданской войны, строительство было приостановлено. О шахтах в Джартыгумбесе и Афганском Вахане, этих памятниках ушедшей в прошлое «холодной войны», вспомнили осенью 2001 г. Тогда, после террористического акта Осамы бин Ладена против США, началась охота против «международного террориста номер 1» и среднеазиатские страны предложили свое сотрудничество США в «войне с терроризмом». В печати появились слухи, что Осаме решил воспользоваться неким инженерным объектом советского происхождения, а именно недостроенной советской шахтой в качестве убежища. Пятого октября 2001 г. все мировые агентства обошла весть о том, что американские карательные отряды «Силс» и «Дельта», снабженные советскими картами Малого Памира, с помощью российских разведчиков разместили свою антитеррористическую базу в Джартыгумбесе. План был, предварительно отрезав путь возможного отступления Осамы в Таджикистан, повести наступление на его предполагаемое логово на Малом Памире с афганской и таджикской территории. Одновременно с этой российско-американской акцией, с китайской стороны к перевалу Килик, якобы подошли несколько тысяч китайских мусульман, конвоируемых китайцами, для того чтобы противостоять возможному проникновению российско-американских войск на китайскую территорию. Журналисты ожидали, что станут свидетелями поимки Осамы бин Ладена или, на крайний случай, вооруженного конфликта между китайцами и американо-российской коалицией. К счастью или к несчастью, этот инцидент не нашел своего продолжения.

⁷⁴ По словам таджикистанского историка Виктора Дубовицкого на Малом Памире в 1982 г. был размещен ядерный заряд малой мощности, в случае подрыва которого могла быть разрушена значительная часть проходящего поблизости Каракорумского шоссе. Дубовицкий В.В. «Памир в системах региональной безопасности Среднего Востока (середина XIX – нач. XXI вв.)» <http://pyanj.freenet.tj/pamir-v-sisteme.htm>

С середины 1990-х гг. Памирский тракт, включающий в себя и Ваханский коридор, стал объектом повышенного внимания международных наркоструктур и сросшихся с ними террористическими организаций. Проходящий через Мургаб и Ош, он представлял собой оптимальную транспортную артерию, по которой можно доставлять наркотики, оружие и экстремистов в Ферганскую долину. Неизбежно, население Памира вовлекалось в незаконные транспортировки. Киргизская и памирская молодежь начала сама употреблять наркотики. Ослабление международного контроля в этом стратегическом регионе вызвало и оживление трафика людей и оружия. Во второй половине 1990-х гг. из КНР через Малый Памир в Афганистан, в помощь талибам переправлялись отряды уйгурских вооруженных группировок. Российские пограничники на Восточном Памире наблюдали, как после разгрома талибов в конце 2001 г., боевики-неафганцы возвращались домой – в китайский Кашгар.

Будущее киргизов, проживающих ныне в Афганистане и Турции неясно. В связи с завершением военной операции войск международной коалиции против талибов в 2001-2002 гг., киргизы, проживающие в Турции, изъявили желание вернуться на родину.⁷⁵ С другой стороны, киргизы Абдурашидхана (которые отделились от рахманкуловцев и остались в Вахане), остаются недовольными политикой афганского правительства и помышляют о том, чтобы отправиться в независимый Таджикистан или Киргизстан. Со своей стороны Киргизия, предпринимала практические меры для их возвращения.⁷⁶ С 29 августа 2001 г. вошел в силу указ президента Киргизии о принятии мер по оказанию поддержки этническим киргизам, которые возвращаются и намерены возвратиться на историческую родину. Эксперты, защищающие российские интересы в Центральной Азии не скрывают своего недовольства по поводу возможного появления афганских киргизов в Киргизии. Они утверждают, что последние якобы, поддерживали талибов и вовлечены в приграничную торговлю наркотиками⁷⁷.

В настоящее время (середина 2009 г.) общая военно-политическая обстановка в Афганистане остается напряженной. Талибы, о которых в 2002 г. говорили в прошедшем времени, возвратились. Более того, они появились и в Пакистане. Военная операция лета 2009 г. в Вазирстане заставила примкнувших к талибам таджикских, узбекских и чеченских джихадистов вернуться через Памир в Таджикистан и Киргизию.

⁷⁵ "Ethnic Kyrgyz in Turkey want to return in Afghanistan"

<http://www.eurasianet.org/resource/kyrgyzstan/hypermail/200110/0023.html>

⁷⁶ Отунчу, Ники «Афганские киргизы Некоторые исторические сведения о киргизах Афганского Бадахшана» <http://elbilge.host.net.kg/red/afgp.html>

⁷⁷ См.: Князев Александр. «Смутные времена на «Крыше Мира». вернутся ли афганские киргизы на историческую родину?» *Независимая газета*, № 229 (2291). – 2000. – 2 декабря. <http://ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a023.htm>.

Возвращаясь к киргизам Малого Памира, отметим, что сами киргизы хотели бы жить как до 1895 г., то есть свободно перемещаясь по афганской (летом) и таджикской (зимой) территориям. Похожий режим свободного передвижения создан для некоторых приграничных племен Ирана и Пакистана.⁷⁸ Подобным образом передвигались туркмены между Ираном, Афганистаном и Советской Туркменией в 1920-х гг. На самом Памире режим свободного передвижения действовал до 1934 г. В настоящее время общее число киргизов Малого Памира – примерно полторы тысячи. Их численность уменьшается из-за высокой детской и женской смертности. Есть ли шанс сохранить в начале XXI века кочевое отгонное животноводство на заповедных высотах, на которых пролегают маршруты международного незаконного трафика? На время написания этих строк, киргизы-последователи Рахманкула оставались в Турции, а Абдурашида – в Афганистане. Совершенно очевидно, что их традиционный уклад жизни ушел в прошлое и вряд ли подлежит восстановлению. Новое поколение киргизов, равно как и других эмигрантских групп, живет по законам посттрадиционного общества. Современная среднеазиатская молодежь, где бы она не находилась – в Алматы, Душанбе, Каракундузе, или Вахане ищет спасения именно в социальной мобильности и шанс использовать новые возможности глобализации. Романтический высокогорный пасторализм киргизов Малого и Большого Памира уходит в прошлое.

Туркестанцы в Европе

Если в Афганистане была сосредоточена массовая аграрная и религиозная эмиграция, то главным центром политического движения «продвинутых» эмигрантов – выходцев больших городов Средней Азии, стала Европа вместе с Турцией. Если для первых, идеалом родины была Бухара как религиозная и духовная святыня, родина и «дар ул-ислам», не имеющий отношения к отдельной национальной культуре и языку, то для вторых – это Туркестан как этническая (тюркская) субстанция и политический проект, который предстоит воплотить в жизнь на месте разрушенной советской империи. Как уже указывалось, мухаджиры Афганистана редко называли свою родину «Туркестаном», предпочитая называть себя по месту рождения или «бухарцами».⁷⁹

Главным получателем образованной части среднеазиатской, а если быть точнее, туркестанской (как она сама себя называла), эмиграции стала Турецкая республика. Притягательность Турции в глазах туркестанцев объясняется в первую очередь тем, что она всегда оставалась независимой и относительно развитой мусульманской страной, расположенной в

⁷⁸ См.: Отунчу, Ники «Афганские киргизы Некоторые исторические сведения о киргизах Афганского Бадахшана» <http://elbilge.host.net.kg/red/afgp.html>

⁷⁹ См.: Shalinsky A., op. cit.104.

непосредственной близости к Европе. Либеральная атмосфера Стамбула не шла в сравнение с более депрессивными настроением Тегерана и Кабула. Еще с конца XIX века эта страна была желанным местом, куда стремились большинство прозападно настроенных среднеазиатов. Турция рассматривалась также как перевалочный пункт, так как из этой страны эмигранты могли переселяться далее – в Европу. В Турции тюрок бывшей Российской империи причисляли к «диш тюрклер» (внешним тюркам). Эта страна стала вторым домом для миллионов тюрок всего мира. Не владеющие европейскими языками, они могли общаться с турками на их языке. В Турции они чувствовали себя уверенно и не боялись сегрегации как в Оттоманский период, так и в республиканскую эру. После революции 1917 г. в этой стране, помимо туркестанцев, нашли прибежище лидеры азербайджанской партии Мусават, татаро-башкирского движения Идель-Урал, руководители крымских татар, народов Северного Кавказа, Грузии. В Турцию из Афганистана и Индии переселялись и те из эмигрантов (главным образом татаро-башкиры, ферганские и ташкентские узбеки), кто не знал, или плохо знал фарси-таджикский язык, распространенный в Хорасане. Прибыв в Турцию, они становились сторонниками тюркизма. Свою родину они иначе как «Туркестан» они не называли. Это было необходимым условием проживания в Турции, так как ее правительство оказывало гостеприимство только тем, кто называл себя тюрком. Разумеется, среди них были и те, кто при иных обстоятельствах, мог бы причислить себя к таджикам или персам. Например, Усман Ходжаев – двуязычный бухарец,⁸⁰ в противоположность башкиру Ахмедзаки Валидову (Тогану) чувствовал себя одинаково уверенно в Персии, Афганистане, Турции и даже в Индии.

Турецкое национальное правительство в 1925 г. начало программу обустройства эмигрантов из «диш тюрклер» бывшей Российской империи. В 1925 г. все руководство «Туркестанского национального общества» (ТНО), кроме Чокаева, переехало в Стамбул. В их числе был Заки Велиди Тоган. Он получает должность в Министерстве образования, в отделе переводов.⁸¹ Тогда же, в 1925 г. он восстанавливает связи с Мустафой Чокаем, Османом Ходжой и другими «туркестанцами». В начале 1927 г. В. Тоган оставляет работу в Министерстве и отбывает из Анкары в Стамбул, чтобы вплотную заняться литературной деятельностью - редактированием журнала «Ени Туркистан». В качестве профессора, он начинает читать в университете лекции по тюркской истории. Эмигранты чувствовали себя комфортно, покуда занимались своими внутренними делами, не вмешиваясь в политику и сугубо турецкие проблемы. В этом смысле больше всех турецкому правительству доставлял хлопот ярый сторонник пан-

⁸⁰ По словам Тимура Ходжаоглу, сам Осман Ходжаев называл себя туркестанцем и бухарцем, но никак не узбеком. Из беседы автора с Т. Ходжаоглу в июле 2008 г. в Стамбуле.

⁸¹ Хусаинов Г. А.-З.Валиди Тоган // Ватандаш, N 11, 2000. – Уфа, http://www.rbt1.ru/vatandash_www/11_00/131.htm (2005)

тюркизма Заки Валидов. Президент Турции Мустафа Кемаль, хоть и отдавал дань его заслугам, но присматривал за политической деятельностью башкирского вождя, имея в виду его настойчивые усилия по созданию Тюркской федерации и организации антисоветского блока из государств Среднего Востока. Соответственно, многие туркестанцы, боясь вызвать недовольство турецкого правительства, противились стараниям Тогана претендовать на лидирующие позиции в эмигрантской среде. Советская сторона была крайне недовольна деятельностью пантюркистов в Турции. Мустафа Кемаль, тем не менее, не обращал внимания на протесты СССР и оставил Тогана и Османа Ходжу в Турции.

В Турции эмигранты приняли самое активное участие в государственной, культурной и общественной деятельности. Они, например, внесли свой вклад в создание университета в Анкаре, в частности его сельскохозяйственного факультета. Не всем однако удалось адаптироваться в новых условиях. Один из бухарцев, Миян Бузрук (Салихов) например, не выдержал лишения и вернулся в СССР в 1927 г. До 1937 г. он преподавал в Таджикском учительском институте (Ташкент) пока не был арестован по обвинению в шпионаже. Он умер в тюрьме в 1939 г.⁸²

В марте 1927 г. в Стамбуле, в обстановке секретности, состоялся очередной съезд ТНО. Сами туркестанцы утверждали, что в их рядах было два крыла. Первое, представленное партией «Эрк» во главе в Тоганом, и второе, в которое вошла фракция джадидов «Тараккипарвар» Чокаева. На самом деле, ТНО раздирали скорее национальные, чем политические противоречия. В нем были европейски образованные казахи, башкиры, татары и более традиционные «тюрко-таджикские» бухарцы. По воспоминаниям Рузи Назара, Усман Ходжаев (Осман Ходжаоглы) был «восточный человек» прекрасно говоривший на таджикском, узбекском и урду, далекий от русской и западной культур. Узбеки, в том числе ташкентские, занимали промежуточную позицию. Бухарцы и ташкентцы считали себя «чистыми» туркестанцами и противились татарам и башкирам, считая их слишком обрусевшими. В ЦК ТНО вошли бухарец Осман Ходжаоглы (председатель), башкир Тоган и казах Чокаев (он же председатель европейского бюро ТНО).⁸³ Однако в июне того же года Тоган добивается смещения Османа Ходжаева и сам становится во главе ТНО. Помимо национальных разногласий, ТНО ослабляли личные амбиции и соперничество «вождей». Тоган стремился к единоличному лидерству, в то время как Чокаев предпочитал находиться в стороне от скандалов – в Европе, где он печатал статьи, выступал с лекциями. Его раздражали постоянные наскоки Тогана, его стремление к единоначалию. Чокаеву также были чужды нескончаемая тяжба между «стамбульцами» - бухарцем Усман

⁸² Andican, Ahat. Op. cit. 263.

⁸³ Andican, Ahat. Op. cit., 266-267.

Ходжаоглу и башкиром Тоганом. В свою очередь, независимость Чокаева и его популярность в Европе, в частности среди туркестанского и бухарского студенчества в Германии, раздражали Тогана. В 1928 г. Тоган обвинил Чокаева в нарушении «партийной линии» выразившегося в сотрудничестве с эсерами, а именно группой Милюкова. Здесь поведение Тогана напоминало сталинскую борьбу с различными «уклонами», которая разворачивалась в это время в Политбюро ЦК РКП (б). В ответ на критику Тогана Чокаев ответил выходом из ЦК, а позже вообще покинул ТНО. Через год Чокаев вернулся в ТНО, но одновременно с этим, уже сам Тоган покинул эту вконец расшатавшуюся организацию. Обвинения Чокаева в симпатиях к Советам, конечно, были надуманными. Достаточно ознакомиться с его работами вышедшими в тот период, чтобы убедиться в этом.⁸⁴ В отличие от «прогрессиста» Мустафы Чокаева, принципиально отрицавшего любые формы сотрудничества с СССР, «социалист» Заки Валиди Тоган не был последовательным в своих политических пристрастиях. Находясь в рядах эмиграции, он не переставал переписываться с большевиками, в том числе Сталиным, называя их «глубокоуважаемыми товарищами». Некоторые из современников Валидова даже считали его тайным агентом ОГПУ, хотя Чокаев не верил этому.

Не секрет, что находясь в эмиграции Чокаев и Тоган и другие лидеры туркестанцев являлись объектом особого внимания польской разведки и других спецслужб.⁸⁵ По словам современного российского исследователя С. М. Исхакова, ТНО работало при поддержке польской разведки, точнее экспозитуры № 2, созданной в 1929 г. при генштабе Польши для ведения разведывательной деятельности против СССР. Поляки хотели видеть туркестанцев частью своей антисоветской лиги «Прометей» (Варшава), куда вошли практически все эмигрантские группы, включая кавказцев, украинцев и туркестанцев (кроме русских и армян). Лига «Прометей» существовала с 1926 по 1938 гг. и выпускала журнал с аналогичным названием. Туркестанцы имели своего представителя при редакции этого журнала. В 1926 г. в Париже Чокаев встретился с главным идеологом «Прометей» Тадеушем Голувко, которого знал со школьных лет по Туркестану.⁸⁶ В результате этой встречи Чокаев получил средства на издание журнала «Ени Туркистан».⁸⁷ Собственно, и сам Чокаев не отрицал своей

⁸⁴ См. например: Chokaev, Mustafa. "The Basmachi Movement in Turkestan", *Asiatic Review*/ Vol. 24, 1928.

⁸⁵ Польский псевдоним Чокаева – «Чоп», Валидова – «Зеу». Оба получали ежемесячное жалование из рук польской разведки. *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932гг.)*. С. 18.

⁸⁶ Голувко, Тадеуш Людвиг, родился в Семипалатинске в 1889 г. в семье сосланного участника польского восстания 1863 г. В 1927-1930 гг. он был руководителем Восточного Отдела МИД Польши. Убит в Трускавце украинскими националистами в 1931 г. *Из истории Российской эмиграции*. С. 19.

⁸⁷ *Из истории Российской эмиграции*. С. 42.

связи с кругами, заинтересованными в расколе России. Он указывал, что туркестанская эмиграция была слишком слабой и незначительной, чтобы позволить себе иметь собственное мнение. Она не имела никакого представительства, не говоря о влиянии, в СССР. Чокай оглы писал, что эмиграция еще могла бы сыграть весомую роль в решении будущего Туркестана «если бы состав ее был более полновесен, если бы она была в обладании материальных сил и сил интеллектуально-технических в масштабе, более значительном, чем теперь». В эмиграции среднеазиатам, по словам Чокаева, приходилось «весьма часто испытывать на себе взгляды европейцев, как на народ, и на страну, еще нуждающуюся в чьей-то опеке». В 1929 г. Чокаев горько признавал:

«Европа не признает нас способными к самоосвобождению. И мы это показали и доказали. Скрывать это было бы глупо. Ничего стыдного и позорного в этом нет. Против нас стоит почти стомиллионный русский народ. Борьбу против его национальной гегемонии мы должны вести только в самом тесном контакте со всеми остальными «окраинами» - Кавказом, Украиной и пр.⁸⁸»

Мустафа Чокай (или как его называют сегодня в Казахстане: Шокай) в 1929 г. определил основное политическое направление представляемой им эмиграции следующим образом: «мы ныне (в эмиграции-К.А.) самостийники. Ни о Российской федерации, ни о Всероссийском Учредительном собрании сейчас у нас речи нет.»⁸⁹ Неудивительно поэтому, что туркестанцы нашли в конце-концов опору в лице Польши, всегда опасавшейся российского гегемонизма и экспансионизма. При финансовой помощи правительства маршала Пилсудского, с 1926 по 1939 гг., ТНО, которая являлась членом лиги «Прометей» содержала два центра – в Турции и Европе, выпускавшие два ежемесячных журнала. «Ени Туркистан» издавался Тоганом в Стамбуле с 1927 по 1932 гг. (всего 32 выпуска) и «Яш Туркестан» с декабря 1929 по 1939 гг. Чокаевым в Париже (117 выпусков).⁹⁰ Оба имели антисоветскую и пантюркистскую направленность. Все члены ТНО получали жалованье из фондов правительства Польши.

В Старом Свете туркестанские эмигранты оказались подвержены мощному антирусскому влиянию. Чтобы лучше понять суть взаимоотношений русской и “национальной” эмиграции, к которой помимо «туркестанцев» относились украинские и польские националисты, приведем цитату А. Керенского из передовой статьи парижской «Дни» от 16 июня 1929 г.:

«М. Чокаева я давно знаю, (они учились вместе в ташкентской гим-

⁸⁸ Из истории Российской эмиграции. С. 93.

⁸⁹ Из истории Российской эмиграции. С. 116.

⁹⁰ Kocaoglu, Timur. “Turkistan Abroad: The Political Migration. From Soviet & Chinese Central Asia (1918-1997). Hisao Komatsu, Obiya Chika, John Schoeberlein, eds. *Migration in Central Asia: Its History and Current Problems* (JSAS Symposium Series: 9). Osaka: The Japan Center for Area Studies, 2000, 117.

назии и петербургском университете - К. А.) и история его превращения из российского федералиста в противорусского сепаратиста (здесь и далее подчеркнуто Керенским –К.А.) поучительна для всех нас, российских людей ... Родился М. Чокаев вольным степным киргизом. Не будь тогда в Туркестане российской “варварской оккупации” так бы и остался он всю жизнь кочующим со своими юртами и верблюдами первобытным сыном степей. Но в Туркестане были русские. У русских были школы, в которых, не нарушая своих религиозных верований и не изменяя своим народным преданиям, любой “туземец” мог, по стопам Ломоносова, достигать любых степеней известных... М. Чокаев и вырос в этой культурной обстановке российской “оккупации”. Он стал, сохраняя свои кровные и душевные связи с Туркестаном, европейцем, потому, что стал человеком российской культуры. Так продолжалось до революции. И в изгнании долго еще не рвал своих связей с Россией Чокаев, не убивая в себе большое, всероссийское во имя малого, сепаратистского. В нем убили имперское и насадили уездное сами большевики и только большевики ... Я хорошо помню, как пришел ко мне Чокаев и без всякого воодушевления и восторга заявил, что насилия большевиков над населением Туркестана зажгли в нем ненависть не только к большевикам, а ко всей России, ко всему русскому» .

Свое мнение о Чокаеве Керенский заключает следующим пассажем: «Борьба Туркестана за свою «независимость» входит в общий план расчленения России, который вынашивается и выполняется разными татарскими, грузинскими, украинскими и кубанскими Чокаевыми под высоким покровительством самого «первого маршала» (Пилсудского- К.А.).⁹¹

Приведенная цитата свидетельствует об эволюции взглядов среднеазиатов, оказавшихся на Западе и освободившихся там от русского политического и культурного влияния. Русские эмигранты были крайне раздражены поведением тюркской интеллигенции за границей, которая вместо ожидавшихся от нее лояльности и признательности России, придерживалась антироссийской идеологии тюркизма.

Имели ли туркестанские вожди связь с эмигрантами за пределами Турции и Европы? Разумеется ТНО не расставалось с мыслью иметь свои филиалы в Иране и Афганистане. Это придавало бы ему вес в глазах поляков и немцев. Известно, например, что в конце 1920-х гг. Заки Валиди предлагал полякам и немцам использовать бухарских эмигрантов, говорящих на персидском, для работы в Афганистане. В конце 1920-х гг. центр лиги «Прометей» и военный атташе посольства Польши в Стамбуле Дубич установили связь с агентами ТНО в Иране и Афганистане. Среди них

⁹¹ Дни (Париж), 1929, 16 июня.

был ташкентский узбек Абдулла Таваккул Бабур (кличка «Турсун») и ферганец Куршермат («Шахрух»). Вероятно, поляки имели намерение поддержать усилия туркестанцев распространить свое влияние в Европе и Средней Азии включая Иран и Афганистан, но они опасались обвинений Кремля в подготовке антисоветского восстания в СССР и отказались от использования указанных агентов.⁹² Тем не менее, некоторая связь ТНО с частью бывших басмачей, осевших в Афганистане, существовала. О них шла речь выше, в разделе «Афганистан: долгие годы изгнания». По инициативе ТНО, бывшие басмачи и члены их семей переправлялись из Кабула в Турцию и Германию для обучения военному делу.⁹³ Впрочем, возможности туркестанцев в Афганистане были ограничены. Их лидеру – бывшему председателю Бух ЦИК джадиду Осману Ходжаеву приходилось соперничать в Афганистане с другим бывшим правителем Бухары – Алим Ханом и его фаворитом и сватом Мубаширханом Тарази. Бухарские мухаджиры с подозрением относились к светским националистам-туркестанцам наезжавшим время от времени в Кабул. Их журналы, изданные в Стамбуле и Берлине на тюркском казались им чересчур либеральными.⁹⁴ В свою очередь, туркестанцы противопоставляли себя экс-эмиру и его сторонникам в Афганистане. Их также раздражали знаки внимания, оказываемые в Европе представителям Алим Хана. Во всех своих резолюциях ТНО подчеркивало, что оно ни при каких условиях не будет сотрудничать с эмирстами. Туркестанцы считали экс-эмира эгоистичным агентом русских монархистов. Они настаивали на том, что именно ТНО является законным представителем региона Средней Азии, который они упорно называли Туркестаном, не признавая национального размежевания 1924 г. В 1927 г., когда ТНО вошло в лигу «Прометей» и начало заявлять о себе в полный голос, в Париж прибыл Мукумбаев. С собой он привез рукопись книги Алим Хана «Таърихи хузн ал-миллалаи Бухоро» и меморандум Лиге Наций. Джозеф Кастанье, прекрасный знаток Средней Азии,⁹⁵ сотрудник журнала «Прометей», помог Мукумбаеву встретиться с важными персонами в Париже. Именно Кастанье перевел с фарси-таджикского на французский язык книгу Алим Хана и приложенный к ней «меморандум» и способствовал ее публикации в Париже в 1929 г. Соли на раны туркестанцев подсыпал редактор «Прометей», один из бывших руководителей Грузинской республики (1919-1920 гг.) Георгий Гвазава, который устроил торжественный прием и ужин в честь представителя эмира Мукумбаева.

⁹² Ahdican, Ahat. Op.cit., 307-310.

⁹³ *Из истории российской эмиграции*. С. 31.

⁹⁴ Ahdican, Ahat. Op.cit., 375.

⁹⁵ Джозеф Кастанье известный в России как Иосиф Антонович Кастанье - археолог, преподаватель, жил в Оренбурге и Ташкенте в 1912-1919 гг. Бежал от большевиков в 1919 г. на свою родину – Францию. Сотрудничал в журнале «Прометей» в 1920-х гг. Среди прочих, написал книгу о басмачестве: Castagne, Joseph. *Les Basmachis*, Paris, 1925.

«Как может социал-демократ, редактор демократического журнала общаться с политическим представителем ушедшего в небытие деспотического монархического режима?», возмутился Тоган. В октябре 1927 г. ТНО наказало своим представителям в Париже Чокаеву и Ахмад Наиму Уктаму заблокировать публикацию не только эмирского «меморандума», но и любого материала в поддержку Алим Хана в «Прометее».⁹⁶ Конфликт туркестанцев с «Прометеем» имел своим продолжением то, что Кастанье отказывался печатать ряд статей Чокаева и Наима Уктам.⁹⁷

Введение латинского шрифта обескуражило «диш тюрклер». Использование арабицы в Турции с ноября 1928 г. было запрещено законом. Имея ввиду что читателями «Ени Туркистан» была широкая аудитория тюрков, расселенных по всему миру и пользовавшихся арабским шрифтом, количество читателей этого журнала, который стал издаваться на новом (латинском) шрифте, снизилось. Издание журнала на латинице требовало больше средств, так как на латинском шрифте текст на бумаге занимал вдвое больше места чем на арабском, в котором опускались безударные гласные. Читателями журнала на латинице стали исключительно турки и тюрки, проживающие в Турции. Его не могли читать жители Афганистана, Ирана, Индии, арабских стран, в том числе эмигранты из Средней Азии. По словам Тогана, латинский шрифт в Афганистане, Персии и Туркестане «вызывает лишь отвращение».⁹⁸ Чтобы не прерывать работу журнала и не потерять читателя, на съезде ТНО в Стамбуле в сентябре 1929 г. было решено перенести журнал «Яш Туркистан» в Берлин и издавать его на чагатаи-узбекском с использованием арабского шрифта.⁹⁹ Разумеется, разрешение на это было получено от Восточного отдела МИД Польши, финансировавшего издание. Редактором этого журнала, предназначенного для тюрков, проживающих за пределами Турции, стал Чокаев. В своих публикациях туркестанцы старались избегать пантюркистской риторики, понимая что это не понравится правительству Турции и может нанести вред самому ТНО. Они старались представить Турцию и ее лидеров как силу, поддерживающую освобождение Туркестана, а не как освободителя их родины.

Турецко-советские отношения с 1930 г. значительно потеплели, что имело своим следствием усиление прессинга на среднеазиатскую диаспору в Турции. Именно в 1931 г. правительство запрещает выпуск антисоветской эмигрантской прессы, в том числе «Ени Туркистан». Тремя годами позже Турция запретит ввоз в страну журнала «Яш Туркистан» из Берлина. В этот же, 1934 г. СССР становится членом Лиги Наций. Это означало международное признание Советского Союза.

⁹⁶ *Из истории Российской эмиграции.* С.36.

⁹⁷ Наим Уктам был представителем ТНО при «Прометее». См.: Andican, Ahat. Op.cit., 272-273.

⁹⁸ *Из истории Российской эмиграции.* С.48.

⁹⁹ Andican, Ahat. Op.cit., 285, 290.

Рассказ о бухарцах и туркестанцах на Западе будет неполным без упоминания о бухарских студентах, обучавшихся в Европе 1920-х гг. Правительство Бухары, в частности, министр просвещения Абдурауф Фитрат, а также некоторые организации Туркестанской АССР посылали талантливую молодежь в Германию и Турцию. Всего было послано около 100 юношей и девушек. Это было воплощение джадидского идеала – посылать молодежь для обучения на Запад с тем, чтобы она, вернувшись оттуда развивала экономику, культуру и науку у себя на родине. Студентам платили стипендию за счет золота Бухарской республики, оставленного на хранение в Рейхсбанк. Так продолжалось до тех пор, пока Германия не признала СССР де-факто и де-юре в середине 1920-х гг. С тех пор Бухара перестала быть легитимным, признанным государством. Она была поглощена СССР. После этого, под нажимом Москвы, Германия заблокировала счета бухарцев и в 1930 г. студентам перестали платить. Им было предложено вернуться в Советский Союз. Почти все бухарцы отказались возвращаться в СССР. Расходы по обучению части бухарцев в Германии взял на себя Фонд Гумбольдта.¹⁰⁰ Те, кто обучались в Турции примкнули к Осману Ходже, издававшему «Ени Туркистан» в Стамбуле, а берлинские студенты поддержали Мустафу Чокаева и его «Яш Туркистан». Тем не менее, часть молодежи, уступая нажиму Советского правительства, вынуждена была возвратиться. В конце-концов практически все те, кто учился в Германии и возвратился в Советский Узбекистан, были расстреляны в 1937-1938 гг.¹⁰¹

Значение туркестанских эмигрантских организаций не следует преувеличивать. Их пантюркизм получил лишь ограниченную поддержку среди турецких кругов. В Турции набирала силу проевропейская ориентация. С точки зрения прозападных турецких националистов, Средняя Азия представляла собой неудобный для проживания регион, покинутый турками в глубокой древности для того, чтобы переселиться в Малую Азию. Мустафе Ататюрку было важнее доказать Европе и самим туркам, среди которых было немало выходцев из Балкан, Армении и Греции, историческое право турков на владение Анатолией, чем вспоминать о связи с отдаленными от Малой Азии азиатскими народами, вошедшими в СССР. К тому же, молодая Турецкая республика помнила о той поддержке, которую ей оказывала СССР и потому придерживала политическую активность «внешних тюрков». После смерти Ататюрка в 1938 г., новый турецкий президент Исмет Иненю все-таки отступил перед паранойей Москвы, вызванной боязнью «буржуазного национализма» и в 1939 г. выдворил Османа Ходжу.¹⁰²

¹⁰⁰ Andican, Ahat. Op.cit., 244.

¹⁰¹ См.: Турдиев Шерали. *Улар Германияда укиган эдилар...* Тошкент: Фан, 1991.

¹⁰² Из Турции Осман Ходжа отправился в Польшу, а затем в Иран. Он смог вернуться в Турцию только после Второй мировой войны. Между 1951 и 1957 гг. он жил в Пакистане. Затем он вернулся в Турцию и больше не покидал ее до своей кончины 28 июля 1968 г. См.: Kocaogly, Timur (ed.) *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. 45.

Вторую мировую войну туркестанцы в Европе и Турции застали, находясь в состоянии разброда. Война на какое-то время их сплотила. Фашистов, готовивших нападение на СССР, интересовал антисоветский, «освободительный» потенциал народов Советского Союза и возможность создания «пятой колонны» в регионе Средней Азии. Необходимой предпосылкой сотрудничества с фашистами был полный разрыв с СССР и решимость бороться против «большевистской опасности» на всем Востоке. Тоган, с его большевистским прошлым и связями со Сталиным подходил для гитлеровцев меньше, чем последовательно антисоветский Чокаев. Таким, самым трагическим образом, некоторые из туркестанцев оказались на стороне фашистов в годы Второй мировой войны.

Мустафе Чокаеву вместе с Вели Каюмханом, бывшим студентом из Туркестана, который безвыездно проживал в Германии с 1925 г., в июле 1941 г. было поручено германским командованием составить списки военнопленных узбеков, казахов, киргизов, таджиков, уйгуров и каракалпалков. Речь тогда шла лишь о возможном отделении среднеазиатов от остальных военнопленных, а также выяснении их настроений. Конкретные вопросы, касающиеся «Туркестанского легиона» с Чокаевым не обсуждались. На протяжении трех месяцев Чокаев со своими помощниками посетил 15 лагерей для военнопленных. Узники лагерей находились в ужасающих, нечеловеческих условиях. Многие болели эпидемическими заболеваниями. Во время одной из поездок в декабре 1941 г. Чокаев заразился тифом и 27 декабря 1941 г. признанного вождя среднеазиатской эмиграции не стало.¹⁰³

Тем временем, положение на фронтах складывалось не в пользу СССР. Только в первые месяцы войны в плен попало до четырех миллионов советских солдат. Уже в декабре 1941 г. было принято решение образовать полки из советских военнопленных – выходцев России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Крыма, Кавказа, Поволжья и Средней Азии. В январе 1942 г. в местечке Легионово близ Варшавы был создан учебный лагерь Туркестанского легиона. В этот легион отправлялись отобранные для прохождения службы военнопленные из пяти среднеазиатских республик. После прохождения обучения и тренировок, легионеры-туркестанцы отправлялись в различные боевые части. Уже весной 1942 г. первые батальоны туркестанцев, были облачены в немецкую форму и отправлены на фронт. Национальные части из военнопленных вошли, в частности, в отдельную 162 пехотную дивизию (создана в мае 1943 г.), в которой выходцы из Средней Азии, Азербайджана, Крыма, Кавказа, Поволжья служили вместе с немцами. Командовал ею генерал

¹⁰³ В литературе, с подачи Айкарлы до сих пор циркулируют слухи, что Чокаев был отравлен Каюмханом. Во всяком случае, совершенно очевидно, карьера Каюмхана, никому неизвестного эмигранта, исполнявшего роль переводчика и помощника Чокаева, резко пошла вверх с самого начала 1942 г.

Оскар фон Нидермайер, бывший военный атташе в Иране.¹⁰⁴ Нидермайер был известен как немецкий «Лоуренс Аравийский». Последний прославился тем, что склонял арабов на сторону англичан во время Первой мировой войны. С середины 1942 г. до самого конца войны легионеры «туркестанцы», кавказцы и татары воевали против партизан Белоруссии, Крыма, Югославии, Франции и Италии.

Разумеется, инициатива создания легиона принадлежала Германии, а не эмигрантам, и тем более не военнопленным. Подобные, хотя и меньшие по размеру, легионы были созданы для боснийцев, арабов, индусов, грузин, армян. Главной военной целью создания подобных подразделений было восполнение потерь, которые несла немецко-фашистская армия. Политическая составляющая привлечения выходцев СССР на сторону фашистов носила ярко выраженный пропагандистский характер. Германскому командованию надо было доказать, что они возглавляли «крестовый поход» всех народов мира против большевизма.

Были и геополитические причины создания иностранных добровольческих формирований в германских вооруженных силах. В случае с Кавказом, Поволжьем и Средней Азией, стратегической целью Гитлера было перетягивание с их помощью на свою сторону нейтральной Турции, и установление своего контроля над кавказской и ближневосточной нефтью. Туркам предлагалась перспектива стать посредниками между Германией и мусульманскими народами СССР.

Поначалу, пленным мусульманам гитлеровцы обещали широкие права, отмену колхозов, открытие мечетей и пр. Такая «промусульманская» политика приносила ожидаемые фашистами результаты. Когда гитлеровские войска заняли часть Северного Кавказа и Крыма осенью 1942 г., то в их рядах были бойцы Кавказско-мусульманского легиона (Kaukasisch-Mohammedan Legion). Создавалось впечатление, что немцы не являются захватчиками, а помогают местным народам добиться национальной независимости. Следом начали создаваться национальные комитеты, руководимые местными лидерами. В Крыму и на Кавказе, по приглашению МИДа рейха начали появляться турецкие советники. Немецким командованием делались откровенные знаки поощрения пантуранизма. Тем самым, немцы хотели склонить к сотрудничеству Турцию, которая всеми силами старалась сохранить нейтралитет. Но Турция устояла. В отличие от 1914 г., она не стала ввязываться в мировую войну на стороне Германии. В годы Второй мировой войны Турция всячески показывала СССР, что она не поддерживает фашистов. Она хоть и оказывала гостеприимство «внешним тюркам» из бывшей Российской империи, но внимательно следила за их политической активностью. Со времен Мустафы Кемаля Ататюрка, турецкий на-

¹⁰⁴ Waffen-SS im Einsatz Hitler's Soviet Muslim Legions
<http://stosstruppen39-45.tripod.com/id10.html>

ционализм или «туркчилик» ограничивался территорией Турецкого государства. Сам факт того, что турки делили турков на «внешних» и «внутренних» говорит о многом. В сороковых годах пантюркизм и туранизм всячески подавлялся в Турции из-за опасения, что эти движения могут испортить отношения с СССР. Президент Исмет Иненю (находился у власти с 1938 по 1950), в отличие от своего великого предшественника, был нетерпим к пантюркистам. Он считал что «расисты и туранисты имеют своей целью разрушить Турцию». Он же указывал на наличие связи между туранистами и внешними силами, в первую очередь Германией.

Какую роль играли эмигранты в реализации фашистских планов создания третьего рейха? Высшие чины Министерства по делам восточных территорий (Ostministerium) и МИД нацистской Германии считали, что необходимо вести наступление на Советский Союз не только в Европе, но и в Азии, путем привлечения к сотрудничеству мусульман СССР. Они также были уверены, что в этом им должны помогать среднеазиатские эмигранты и правительство республики Турция. С этой целью в Берлине, в отеле Адлон в мае 1942 г. была проведена конференция, на которую были приглашены лидеры эмиграции из азиатской России. Туркестан был представлен Вели Каюмханом.¹⁰⁵ Надежды старых лидеров эмиграции, что их чаяния о предоставлении независимости будут услышаны, а сами они оценены как равноправные политические партнеры немецкого командования, не оправдались. Нацисты не собирались торговаться с представителями «низших рас». Им нужны были только легионы для войны против СССР, и потому эмигрантам предлагалось заниматься исключительно вербовкой и подготовкой военнопленных. Это было не совсем то, чего добивались туркестанцы. В результате, многие эмигранты отвернулись от фашизма. Они покинули Германию и переселились в Турцию. Все же, несмотря на неудачу адлонской конференции, сотрудничество эмигрантов и нацистов не прекращалось. Немцы не стали утруждать себя налаживанием контактов с ТНО. Они стали открыто продвигать тех эмигрантских лидеров, которые безоговорочно поддерживали нацистскую идеологию и политику. Так на политической сцене появился Каюмхан, ставший главной фигурой профашистской туркестанской эмиграции. Каюмхан не был членом ТНО и не принимал участия в публикации «Яш Туркестан» (Берлин), хотя и жил постоянно в Германии с 1925 г. Рузи Назар отзывался о нем как о человеке, не отличавшимся особыми талантами, «ташкентском мещанине». До прихода к власти фашистов, он не был знаком большинству эмигрантов и никак себя не проявлял. Ахат Андижан полагает, что Каюмхану национал-социализм и нацизм были ближе чем идеи освобождения Туркестана.¹⁰⁶ В начале 1942 г., сразу после смерти Мустафы Чокая, Каюмхан

¹⁰⁵ Andican, Ahat. Op. cit., 450-454.

¹⁰⁶ Andican, Ahat. Op. cit., 463.

создает свою организацию «Милли Туркистан Бирлик Комитаси» (Национальный комитет объединения Туркестана или НКОТ), целью которой было осуществлять связь между легионерами и германским командованием. Для того, чтобы просвещать легионеров и поддерживать антисоветские настроения среди своих туркестанских союзников, немцы издавали периодику в том числе журнал «Милли Туркистан» с июня 1942 г. Его аудиторией являлись бойцы Туркестанского легиона. В марте 1943 г. начала выходить еженедельная газета Туркестанского легиона «Янги Туркистан», которая печаталась до самого конца войны. Каюмхан хотел навязать легионерам единый – «чагатайско-тюркский» язык – обязательный для всех туркестанцев, что вызывало несогласие казахов, татар и других не-узбекских групп читателей журнала. Каюмхана окружали в основном военнопленные (в том числе Баймирза Хаит), а не представители «старой» туркестанской эмиграции.¹⁰⁷ С возникновением профашистского НКОТ возглавляемого Каюмханом, начинается его конфликт с пантюркистским ТНО, многие члены которого после кончины Чокаева перебрались в Турцию.

Распространенный в советской литературе тезис о прямой связи эмигрантских кругов и фашизма не выдерживает критики. Азербайджанские, кавказские, украинские, татарские, туркестанские и прочие эмигрантские группы были разочарованы политикой фашистской Германии в Украине, на Кавказе и в Крыму. Они видели, что нацисты не думают предоставлять независимость оккупированным ими территориям. Поэтому они отстранились от прямой кооперации с нацистами. В профашистскую деятельность были вовлечены, в основном, бывшие военнопленные, которых собрал НКОТ во главе с Каюмханом.

Трудно сказать, сколько человек состояло в Туркестанском легионе, рассредоточенном в различных частях вермахта. Принято считать, что всего в войсках вермахта и СС в 1942-1944 г. служили 70 000 туркестанских добровольцев. Среди них, собственно бойцов было 40 000.¹⁰⁸ Хотя в историографии получила хождение явно преувеличенная цифра, впервые приведенная Баймирзой Хаитом – 180 000 бойцов и 85 000 обслуживающего персонала.¹⁰⁹ Это были самостоятельные единицы, входившие в немецкие дивизии.

Коллаборационисты из числа советских мусульман привлекли внимание рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. Гимmlер был главным архитектором политики нацизма, генератором его идей. Его трактовка ислама как воинственной религии, контрастирующей с «мягким христианством» привела его к решению образовать свое собственное мусульманское войско. В декабре 1943 г., по поручению Гимmlера и с благословения велико-

¹⁰⁷ Andican, Ahat. Op.cit., 467.

¹⁰⁸ Waffen-SS im Einsatz Hitler's Soviet Muslim Legions
<http://stosstruppen39-45.tripod.com/id10.html>

¹⁰⁹ Мендикулова Г. Указ соч. С. 147.

го муфтия Иерусалима аль-Хусейни, в Травниках (Польша) был образована Восточно-тюркская дивизия ваффен СС¹¹⁰ (Osttürkischen Waffen-Verbdnde der SS). Командовал ею оберштурмбанфюрер СС Андреас Мейер-Мадер.¹¹¹ В эту дивизию входили туркестанский полк СС, а также туркестанские, азербайджанский и волжско-татарский батальоны. В начале 1944 г. Восточно-тюркская дивизия была послана в Белоруссию для борьбы с партизанами. В Белоруссии туркестанцы прославились своей слабой дисциплиной, низким моральным духом и многочисленными преступлениями против мирного населения. В июле 1944 г. Восточно-тюркская дивизия СС вернулась в Польшу уже без своего командира, которого убили партизаны близ Минска в марте 1944 г. Новым командующим стал гауптштурмфюрер СС Биллиг (Billig), командование которого вызвало немало нареканий со стороны Гиммлера. После этого, все мусульманские подразделения армии и ваффен СС были переброшены с Восточного, на Западный фронт. Новым командующим был назначен штандартенфюрер СС Гарун ал-Рашид Бей – австриец, принявший ислам.¹¹² Туркестанцы принимали участие в подавлении восстания в Варшаве в августе-сентябре 1944 г. Тогда немецкие войска убили 200 000 мирных поляков. Легионеры из Средней Азии были среди тех, кто первым принял бой с англо-американскими войсками, осуществившими высадку войск в Нормандии. Однако, было видно, что туркестанцы тяготились службой в чужой для них армии, отступающей вглубь Европы, в противоположном направлении от их родной Средней Азии. Случаи перехода обратно на советскую сторону или к партизанам были достаточно массовым явлением. Накануне нового 1945 г., туркестанцы подняли восстание под руководством оберштурмфюрера Гуляма Алиева (Алимова) и ваффен-унтерштурмфюрера Асад Палвана. Убив несколько немецких офицеров, они сбежали к партизанам. После этого, Гарун ал-Рашид был смещен и Восточно-тюркская дивизия переформированна. Советские партизаны, правда не были склонны доверять перебежчикам и расстреляли Алиева. Это обстоятельство заставило легионеров вернуться к немцам. Тем не менее, многие легионеры бежали и становились в ряды партизан, боровшихся против фашистов. Туркестанцы решительно отклоняли попытки Гиммлера создать объединенный антибольшевистский фронт из бывших советских военнопленных под командованием генерала Андрея Власова. Они отказывались воевать под командованием русских в «Русской освободительной армии». Конец войны Восточно-тюркская дивизия ваффен СС, в которой служили Саид Карими, Хусейн Икрам, Рузи Назар и другие узбеки, туркмены, татары,

¹¹⁰ То есть войска в распоряжении СС.

¹¹¹ Waffen-SS im Einsatz Hitler's Soviet Muslim Legions
<http://stosstruppen39-45.tripod.com/id10.html>

¹¹² Ibid.

азербайджанцы, киргизы, таджики и казахи, встретила на границе Италии и Словении, где она действовала против партизан.

Что касается Тогана, то он во время Второй мировой войны стремился пойти на прямой контакт с немцами. Видимо ему, как бывшему командующему Башкирской армии хотелось принять участие в Туркестанском легионе. Сразу после начала войны, во второй половине 1941 г. он попытался отправиться в Германию, но турецкое правительство, опасаясь осложнений с СССР отказало в выдаче ему выездной визы.¹¹³ В 1942 г. в Стамбул из Берлина прибыл Каюмхан. Он хотел наладить связь с лидерами пост-чокаевского ТНО. Однако, большинство старых туркестанцев не горели желанием сотрудничать с НКОТ. Посредником между профашистским Каюмханом и пантюркистами из ТНО (Делилом, Яркином, Чагатаем, Октаем и пр.) выступил Тоган. ТНО все же воздержалось от сотрудничества с Каюмханом и его НКОТ. После этого, ТНО, к которому потеряли интерес как нацисты так и нейтральная Турция, фактически свернуло свою политическую деятельность. В 1943 г. Тогану удается все же побывать в Германии и встретиться с чиновниками МИД Германии, в том числе с фон Хентигом. Ахат Андижан предполагает, что Каюмхан и Тоган встречались в Берлине в 1943 г., но профашистский узбек и башкирский националист претендующие на роль лидера «тюрков России» не смогли придти к соглашению.¹¹⁴ Вполне можно предположить, что разговор не заладился еще из-за того, что до них дошли известия о разгроме фашистов под Сталинградом. Кроме того, нацисты имели все основания не доверять Тогану, памятуя его политическую неустойчивость и соглашения с большевиками, белогвардейцами и пантюркистами. Этот визит в Берлин в разгар войны против СССР будет стоить Тогану заключением в турецкой тюрьме. Примерно через год, в мае 1944 г. Тоган был арестован стамбульской полицией по подозрению в пантюркизме и туранизме. Исмет Иненю считал, что эти движения, подогреваемые «внешними тюрками» угрожают республике и ее отношениям с Советским Союзом. Тоган предстал перед судом в сентябре 1944 г. В вину ему вменялось то, что он не только склонял Турцию к участию в войне на стороне Германии, но и пытался свергнуть ее (Турции) правительство за то, что оно не помогло Германии и упустило шанс создать «Тюркский Союз». Суд продолжался до 24 марта 1945. Тоган был приговорен с 10 годам лишения свободы. Война, тем временем завершилась, сняв остроту вопроса. 26 октября 1945 г. после 15 месяцев отсидки, Тоган был выпущен на свободу.¹¹⁵ Андижан полагает, что столь суровые, и незаслу-

¹¹³ По другой версии ему было отказано в выдаче германской визы по причине его неблагонадежности, а именно связи с большевиками. *Из истории Российской эмиграции. Письма А. З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932гг С. 13.*

¹¹⁴ Andican, Ahat. Op. cit., 522-523.

¹¹⁵ Andican, Ahat. Op. cit., 535-537; Борисенко Ю. «Заки Валидов. степной волк, отец русского федерализма» <http://www.profile.ru/forum/forum.php?item=2067#msg>

женные по его мнению, меры по отношению к Тогану были продиктованы опасением, что СССР, недовольный прогерманской политикой Стамбула, мог пойти если не на оккупацию всей Турции, то на аннексию ее восточных областей. Президент Иненю, как и афганский король Захир Шах действительно страшно боялся Сталина. В конце победоносной войны престиж Сталина достиг своего пика. Принеся в жертву старого сталинского недруга Тогана, Иненю рассчитывал отвести от себя удар.

Победа над фашизмом, конечно была одержана не Сталиным, а героическим советским народом, который переломил хребет фашистской Германии вместе с ее союзниками. Гитлер покончил собой 30 апреля, а тремя неделями позже отравился цианистым калием рейхсфюрер СС. Вели Каюмхан сдался американцам 22 мая и был предан Нюрнберскому суду.¹¹⁶ Подавляющее большинство легионеров, которые сдались союзникам в Европе в первые послевоенные месяцы, были переданы советскому командованию, которое, погрузив их в телячьи вагоны, отправило на восток. В СССР они не избежали сурового наказания. Как предатели родины они были расстреляны или отправлены гнить в ГУЛАГ. Около тысячи бывших бойцов Туркестанского легиона избежали наказания и остались на Западе.

Относительно участия среднеазиатских эмигрантов в антисоветских действиях во время Второй мировой войны, на наш взгляд, принципиальных споров не должно возникать. Главным побудительным мотивом, приведшим эмигрантов первой и второй волн к немцам, была непримиримая враждебность к СССР. Они пострадали от большевиков и никогда не скрывали своего неприятия Советской власти. Вполне понятно, что некоторые из них (может даже большинство) могли желать поражения СССР. Второй причиной терпимого отношения к фашизму было стремление участвовать в самоопределении своих наций в случае краха СССР. Среди туркестанской эмиграции циркулировали слухи, что Средняя Азия не входит в число территорий прямой военной экспансии и что ей будет дарован статус буфера или протектората с широкими правами. Позднее выяснилось, что слухи эти неоправданны, но они, тем не менее, взбудоражили эмигрантов и вселяли в них надежду.

Что касается военнопленных Красной Армии, вошедших в состав добровольческих соединений и воевавших на стороне фашистской Германии, то тут все гораздо сложнее. В последние годы вышло немало литературы, в которой оправдываются те, кто не будучи немцем или гражданином Германии, служил Гитлеру. Некоторые строят свою реабилитацию на демонизации Советской власти и на тезисе о «двух тоталитарных идеологиях» - нацизме и коммунизме, между которыми, якобы, нет принципиальных различий. В самом деле, переход на сторону врага части военнопленных был реакцией на террор, жестокости и несправедливости сталинского

¹¹⁶ Andican, Ahat. Op. cit., 501. Каюмхан был осужден на два года и отпущен в 1947 г.

режима. Помимо этого, на советских военнослужащих большое воздействие оказали катастрофические поражения Красной Армии в первые месяцы войны, которые создали впечатление скорой победы гитлеровской Германии.

Много еще предстоит узнать о деятельности «туркестанцев» в годы Второй Мировой войны. Историкам остается искать новые источники, предлагать новые интерпретации, чтобы понять тех, кто оказался по другую сторону фронта. Можно понять искренне заблуждавшихся, доведенных до отчаяния голодом, болезнями и издевательствами людей, вынужденных волей обстоятельств пойти на союз с фашистами. Понять, однако не значит простить. Нет ничего хорошего в том, что человек, присягнувший на верность родине, поворачивает свое оружие, клянется в верности Гитлеру и идет на осознанное сотрудничество с нацизмом – величайшим в истории преступлением против человечности. Другое дело – эмигранты, которые к моменту начала войны уже проживали за пределами СССР и никогда не присягали на верность Советскому строю. Среди эмигрантов, которые все же сотрудничали с нацистами было немало тех, кто делал это из желания помочь землякам-военнопленным и хоть как-то облегчить нечеловеческие условия существования в гитлеровских лагерях. Они хотели выступить адвокатами своих соотечественников, попавших в плен. За это они заслуживают благодарность от всего народа Центральной Азии. Этот мотив – защита военнопленных – был центральным в действиях Мустафы Чокаева. Давая оценку политическим действиям эмигрантов во время Второй мировой войны, не следует упускать этот человеческий и гуманистический фактор, который мог быть решающим в определении линии их поведения. Конечно, нельзя огульно называть эмигрантов и военнопленных нацистами и предателями-коллорационистами. Каждый случай требует отдельного рассмотрения. Как было указано выше, большинство эмигрантов первой и второй волн, не пошло на сотрудничество с Германией, которая не собиралась предоставлять независимость «освобожденным» ею народам СССР. Фашистам удалось склонить на свою сторону большей частью военнопленных и тех эмигрантов, которые пытались облегчить участь узников лагерей. Определение «предатель» может быть юридически применимо к пленным, изменившим воинской присяге, а не к эмигрантам, даже к тем из них, кто сотрудничал с немцами.

В целом, историю с «Туркестанским легионом», равно как и с мобилизацией эмигрантского подполья в Европе и на Среднем Востоке в 1941-1943 гг., следует воспринимать как эпизод Второй мировой войны, а не как попытку эмигрантов «освободить Туркестан и Бухару» как на этом настаивают Рузи Назар и Ахат Андижан. Это была крупнейшая в мировой истории война, в которую было вовлечено 61 государство. Случаев привлечения к сотрудничеству с фашистской Германией, подобных тем, которые имели место в среде эмигрантов и военнопленных – выходцев Средней

Азии - не счесть. Нет оснований полагать, что фашисты рассматривали антисоветских националистов (украинских, кавказских, туркестанских) в качестве равноправных союзников. Нелепо предполагать, что эмигранты и военнопленные могли ставить условия Гитлеру и торговаться с ним. Для фашистов мусульмане Средней Азии были низшей расой, призванной служить «арийцам Третьего рейха». Коллаборационисты из числа военнопленных и эмигрантов оказались инструментом в руках фашистской Германии и ее союзников, стремившихся мобилизовать антисоветские и антибританские круги для реализации своих планов. Надо быть слепым или очень наивным, чтобы предполагать, что Германия стремилась помочь народам Средней Азии, Кавказа и Поволжья освободиться от «советского ига». На наш взгляд эта интерпретация появилась уже после того как Германия капитулировала в мае 1945 г. Ее авторами явились легионеры, включая Вали Каюма и Б. Хаита, которые придумали ее для того чтобы избежать наказания или смягчить его.

В конце 1945 г. союзники (США и Англия) прекратили ловить туркестанских легионеров и отправлять их в СССР. Определенная часть из них, в том числе Рузи Назар сошлась с украинскими националистами, образовавшими в 1946 г. «Антибольшевистский блок народов» Ярослава Стецько, объединявший представителей 14-ти народов, живущих на территории Социалистического блока.¹¹⁷ Украинские националисты поддерживали туркестанцев, которые входили в их организации.

В конце 1940-х гг. началась «холодная война». СССР приступил к созданию коммунистических режимов в Восточной Европе. Именно тогда США и Англия, которые традиционно придерживались изоляционистской политики по отношению Средней Азии и Ближнего Востока, стали поддерживать антисоветские силы и организации для того, чтобы противостоять коммунистической угрозе. Они стали проявлять интерес к выходцам Средней Азии. В 1947 г. американцы установили контакты с только что вышедшим на свободу Вели Каюмханом, председателем НКОТ. Каюмхан заявил, что его организация войдет в общий антикоммунистический фронт, только если Америка пообещает предоставить независимость Туркестану и признает НКОТ единственным представителем Туркестана. На это предложение американцы ответили отказом. Каюмхан, по его словам, в конце-концов заключил соглашение с британским Форин Оффисом. Англичане, якобы, согласились считать Туркестан единым целым и признали за ним право на независимость. Одновременно, они стали оказывать материальную помощь НКОТ в обмен на действия туркестанцев

¹¹⁷ С 1941 г. Стецько был премьером Украинского правительства и первым заместителем руководителя «Организации Украинских Националистов» (ОУН) Степана Бандеры. Бандеровцы надеялись, что немцы поддержат их стремление к самоопределению, но ошиблись. Стецько был заключен в концлагерь. Выйдя оттуда в сентябре 1944 г. он пошел на прямое сотрудничество с фашистами.

против СССР и ведение антикоммунистической пропаганды на Востоке. Местом расположения НКОТ была выбрана Германия (г. Минден в Вестфалии). Кроме Каюмхана в этом центре работали Баймирза Хаит, Иргаш Шермат, Хусейн Икрам и другие бывшие легионеры. Их усилиями, в 1949 г. был возобновлен выпуск журнала «Милли Туркистан».¹¹⁸

Тем временем, после долгих переговоров в октябре 1952 г. в США был образован «Американский комитет освобождения народов России» (АКОНР) который объединил несколько русских эмигрантских групп (группа Николаевского-Зензинова, Мельгунова-Соловьева, Керенского, Байдалакова, Яковлева). К ним присоединились также азербайджанская, армянская, северокавказская и грузинская группы. Задачей этого комитета, во главе которого стояли Евгений Лайонс, Исаак Дон Левин, писатель Вильям Вайт, профессор Вильям Эллиот, ученый Вильям Чемберлен, бывший посол США в Москве адмирал Алан Керк и другие, было «освобождение народов, живущих на территории СССР от коммунистической диктатуры и установление демократического строя, согласно воле и желанию этих народов».¹¹⁹ НКОТ Каюмхана идейно разошлась с АКОНР, усмотрев в нем попытку воссоздания Российской империи.¹²⁰ ТНО, во главе которого находился Тахир Чагатай также отвернулись от АКОНР. Годом раньше, в 1951 г. в Мюнхене бывший легионер казах Канатбай, давний соперник Каюмхана, который со своими сторонниками еще раньше откололся от НКОТ, при помощи Тогана создал «Комитет Тюркели», известный также как «Туркестан азадлик комитеси» («Комитет освобождения Туркестана»). Тюркели пошел на сотрудничество АКОНР, что вызвало гнев НКОТ и его руководителя Каюмхана, назвавшего Канатбая «белогвардейцем и предателем».¹²¹ В результате, в условиях отсутствия ясной перспективы и авторитетного лидера масштаба Мустафы Чокаева, туркестанская послевоенная эмиграция развалилась на три части: узбекскую, татаро-башкирскую и казахскую. Казахская Тюркели, поддержанная туркменами и башкиром Тоганом и узбекская НКОТ Каюмхана вступили в противоборство за право быть призванным основной организацией Туркестана и замкнуть на себя тем самым, все финансовые каналы. Обе организации располагались в оккупированной союзниками Германии.

Большая часть туркестанцев, будучи шепетильной относительно национального самоопределения, не хотела становиться в единый антибольшевистский блок с Тюркели и АКОНР. Им не было дела до освобождения России и тем более восстановления империи. Американцы же не хотели вникать в сложности взаимоотношений между русскими и среднеазиатски-

¹¹⁸ Andican, Ahat. Op. cit., 557-558.

¹¹⁹ Мырат Тачмырат. *Воспоминания* <http://turkmeny.h1.ru/memuar/m2.html>

¹²⁰ Andican, Ahat. Op. cit., 560.

¹²¹ Andican, Ahat. Op. cit., 562.

ми эмигрантами. Им нужна была сила, способная противостоять коммунизму и СССР. Дразги между эмигрантами стали их раздражать и американцы с англичанами постепенно свернули поддержку и НКОТ и Тюркели. Попытки туркестанцев (Хаита в 1953 и Каюмхана в 1956 гг.) самим найти поддержку, в частности среди богатых шейхов Аравии, результата не дали.¹²² С одной стороны арабы не хотели вступать в «холодную войну» на стороне Запада, с другой они не могли не считаться с мнением религиозной элиты Средней Азии в Пакистане, Индии, Саудовской Аравии, которая не разделяла светских и националистических взглядов туркестанцев.

Разумеется, в годы «холодной войны» туркестанцы сотрудничали с американцами и англичанами, но в индивидуальном порядке. Их, по мере необходимости, использовали отдельные антикоммунистические агентства возникшие под эгидой АКОНР,¹²³ такие как «Радио Свобода» и «Голос Америки». Директором туркменской студии «Радио Свобода» был бывший легионер Мурат Тачмурат. Среди тех, кому удалось уцелеть и найти себе применение был другой легионер - Баймирза Хаит, родом из Джаркургана (Наманган). Он родился в год Октябрьской революции и получил хорошее, для простого узбека, образование. Сразу по окончании исторического факультета Ташкентского Госуниверситета в 1939 г., Баймирза был призван в РККА. Он попал в плен на территории Белоруссии на 10-й день войны. Из лагеря для военнопленных, по словам самого Хаита, его забрал Мустафа Чокаев, которой стал для Хаита идеалом на всю жизнь. В НКОТ гауптштурмфюрер Баймирза Хаит заведывал наиболее важным – военным отделом. Кроме него, в руководстве НКОТ были гауптштурмфюрер Баки Абдуразак, оберштурмфюрер Алим Гулям (Гулям Алиев), унтерштурмфюрер Анаяв Кодшам и другие. В 1944 г. Баймирза Хаит избирается заместителем председателя НКОТ. После войны Хаиту, как и его земляку Рузи Назару удалось избежать возмездия и поселиться в ФРГ. Там, после окончания Мюнстерского университета, в 1950 г. Хаит защищает докторскую диссертацию о Кокандской автономии и Алаш Орде. С 1953 по 1960 гг. он занимался координацией действий эмигрантских организаций в Турции, Египте, Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Пакистане и Индии. Больших успехов он не добился, и к 1960-х гг. НКОТ и ТНО зашли в тупик и фактически прекратили свою деятельность.

С середины 1950-х гг. туркестанцы, в том числе Хаит занимались почти исключительно культурной и научной деятельностью, связанной с противостоянием с СССР. В годы «холодной войны» Хаит становится радикальным представителем научного направления, известного как советология. По своим взглядам и позициям, Хаит был «туркестанцем», то

¹²² Andican, Ahat. Op. cit.571.

¹²³ АНКОНР просуществовал всего лишь год. В 1953 г. он развалился из-за противоречий по национальным вопросам. Мырат Тачмырат. *Воспоминания* <http://turkmeny.h1.ru/memuar/m2.html>

есть не признавал деления на республики и отстаивал идею Туркестана как общей родины всех «туркестанцев», в число которых он включал все народы постсоветской Центральной Азии и Синьцзяня. Помимо пантюркизма, ему была близка идея о принципиальной несовместимости мусульманства и советского строя. Хаит был ярким пропагандистом и сторонником басмачества. Для него басмачество – это всенародная борьба за «Туркестан». Он считал, что туркестанцы все годы Советской власти были угнетаемы и вплоть до развала СССР боролись за свою независимость. Его радикальные, даже на западный взгляд, идеи вызывали и вызывают сомнения большинства объективных историков. Трудно согласиться с утверждением, что народы региона все 72 года ненавидели СССР и неустанно боролись против Советской власти.

Что касается Тогана, то его старания представить Башкирию и Туркестан как «Тюркели» вызывали неприятие большинства туркестанцев. Кроме того, татары противились педалированию башкирского партикуляризма и обвиняли Тогана в попытках расколоть единство тюрков. Различные тюркские группы включая узбеков, казахов, татар и башкир не доверяли друг другу и не имели перед собой ясных перспектив. Их этническое сознание явно превалировало над гражданским. Незначительные отличия от близкородственных групп для «туркестанцев» зачастую значили больше, чем более принципиальные отличия тюрков от русских, немцев или американцев. Конкурирующие тюркские группы на глазах немцев, англичан и американцев вступали в непримиримые схватки между собой. Туркестанцам не давали покоя многие вопросы. Как именно бороться за Туркестан в условиях «холодной войны»? Ограничиться легальными способами для пропаганды своих идей через прессу и издательства, или примкнуть к радикальным, организациям, действующим тайно против СССР? Кого и как следует объединять в «Великий Туркистан»? Только области, входившие в Туркестанский край или все регионы мусульманской России, включая казахские степи, Волгу и Урал? Как объединить Восточный и Западный Туркестан? Как предотвратить «расползание» тюрков, в частности намечающийся дрейф казахов в сторону обрусевших татар и башкир? Как примирить ферганских и ташкентских узбеков с бухарцами? Как относиться к русским эмигрантам и русским вообще? Признавать ли национальное размежевание 1924 г. и считать себя узбеками, или настаивать на наличии объединяющей тюркской национальности? Как быть с культурными различиями между «тюркскими племенами»: следует ли называть это пережитками трайбализма, или тут скрываются более принципиальные различия? Следует ли внедрять единый язык для всех тюрков? Если «да», то какой именно? Почему именно узбекский должен стать общим языком? Это только некоторые из вопросов, по которым туркестанцы не могли найти согласия.

После войны туркестанцы, в том числе бывшие военнопленные, проживали небольшими группами на Ближнем и Среднем Востоке, Южной

Азии, а также в Западной Германии, Франции, Италии, Англии. С 1948 г. Турция стала принимать эмигрантов тюркского (преимущественно узбекского) происхождения из Афганистана, Пакистана и Индии. Наибольший наплыв эмигрантов в Турцию пришелся на период с 1952 по 1954 гг. Только в 1952 г. туда прибыли около 2 000 эмигрантов. Их проезд оплачивался, они получали государственные пособия, земельные наделы, ссуды и кредиты.¹²⁴ Вновь прибывшие создавали общественные организации, издавали свои газеты и журналы. Среди них были также тюрки Восточного Туркестана (казахи, уйгуры, узбеки), бежавшие из коммунистического Китая. Большинство узбекских эмигрантов с 1953 г. поселились в городе Адана на юге Турции. Среди них был и курбаши Шермухаммад. До этого он проживал в Пешаваре, куда он подался после того, как его выпустили из кабульской тюрьмы после войны. В Карачи туркестанские эмигранты, объединенные в «Туркистон турк муходжирлар бирлиги» («Общество тюркских эмигрантов Туркистана»)¹²⁵ открыли свою чайхану. В этом уголке Средней Азии, посреди людного города, встречались бывшие ферганские и бухарские басмачи, ветераны Туркестанского легиона и рядовые эмигранты. Среди посетителей чайханы были Куршермат, Усман Ходжаев (прибыл в из Турции в 1951 г.), Рузи Назар, Халифа Кызыл Аяк с сыном, тюрки Кашгара и многие другие персонажи нашего исследования. Эмигранты в Пакистане издавали свой журнал «Тарджуман». Как указывалось выше, Шерматбек (Куршермат), его брат Нурматбек и их приближенные в 1953 г. переселились в турецкую Адану. Там, бывшему протезе английского консула и лидеру ферганских басмачей, замешанному в убийство Мадаминбека и сотрудничавшему с фашистами, турецкие власти предоставили квартиру, дали пенсию. В Адане, в 1970 г., в кругу семьи заканчивается жизненный путь беспокойного ферганского курбаши Шерматбека. Нурматбек пережил своего брата на 14 лет. Их дети позже переехали в США.¹²⁶ Что касается Тогана, то он с 1953 г. до конца жизни в 1970 г. возглавлял стамбульский Институт исламских исследований. Туркестанский «хан» и «фюрер» Вели Каюмхан скончался в Германии 13 августа 1993 г. в возрасте 89 лет.¹²⁷ Усман Ходжаев оказался самым большим долгожителем из эмигрантов. Он закончил свой жизненный путь в Анкаре в 28 июля 1968 г. в возрасте 90 лет.¹²⁸

¹²⁴ Andican, Ahat, Op.cit., 589.

¹²⁵ Эта организация возникла в 1948 г. под руководством Мавлоно Саид Касыма Енджани, которого вскоре сменил бывший басмаческий лидер Ферганы Хаджи Парли. См. Andican, Ahat, Op.cit., 599.

¹²⁶ Шахназаров, Бахтияр. *Узбеки Турции (часть III). «Басмачи» или участники национально-освободительного движения?* <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5725>

¹²⁷ Мырат Тачмырат. *Воспоминания* <http://turkmeny.h1.ru/memuar/m2.html>

¹²⁸ Усман Ходжаев пережил своего выдающегося кузена Файзуллу на 30 лет. За всю долгую жизнь у первого президента Бухарской народной республики было 4 жены. Его сын – Тимур родился когда его отцу было 70 лет от роду.

Как было указано выше, в 1982 г., в разгар войны в Афганистане, турецкий президент посетил Пакистан. Во время визита была достигнута договоренность об эвакуации в Турцию 4 500 беженцев турецкого происхождения, проживающих в Пакистане. В числе «внешних тюрков», кто нашел прибежище в Турции, был вождь киргизов Малого Памира Рахманкул вместе с 1137 соплеменниками. Другая группа состояла из 1000 афганских туркмен во главе с Абдулкаримом Макдумом – сыном Халифы Кызыл Аяка. Остальные иммигранты были узбеками Афганистана и Пакистана. Помимо этих 4 500 человек, тысячи других среднеазиатов бежали из Афганистана и Ирана в Турцию на рубеже 1970-х и 1980-х гг.¹²⁹ Несмотря на известную политическую неустойчивость и временные ограничения демократических свобод, Турция отличалась относительной стабильностью, открытостью и плюрализмом на фоне прокоммунистического Афганистана и исламского Ирана. Этим она привлекала эмигрантов турецкого происхождения.

В 1950 г., в самый разгар «холодной войны» и разгула маккартизма, эмигрантам-выходцам Средней Азии удастся убедить американских конгрессменов, что они жертвы коммунизма и получить небольшую эмигрантскую квоту.¹³⁰ В числе первых среднеазиатов, получивших американское гражданство в 1951 г. был сын Куршермата (имя неизвестно, проживает в Нью Джерси), бывший активист «Туркестанского легиона» Рузи Назар и другие. С начала 80-х годов, в связи с советским вторжением в Афганистан, тамошние этнические узбеки и таджики стали иммигрировать в США.

Во время «холодной войны» организации среднеазиатских эмигрантов сотрудничали с теми, кто боролся против СССР. Рузи Назар (Умурзаров, Назаров), бывший наманганский учитель, перешедший на сторону фашистской Германии и дослужившийся до чина обер-лейтенанта, например, находясь на американской дипломатической службе, состоял в т. н. Антибольшевистском блоке наций, сотрудничавшем с профашистскими «серыми волками» и ЦРУ.¹³¹ В 1950-х – 1970-х гг. Рузи Назар работал в «Голосе Америке», затем в посольстве США в Турции и Германии.¹³² Его дочь (от жены-немки) Сильвия Назар пошла по своему собственному пути. Она достигла выдаю-

¹²⁹ Andican, Ahat, Op.cit., 614.

¹³⁰ Из беседы с г-ном Рузи Назаром 17 мая 1995 г

¹³¹ Martin A. Lee “On the Trail of Turkey”s Terrorist Grey Wolves”, *The Consortium* <http://www.consortiumnews.com/archive/story33.html>. О Рузи Назаре, его связи с ЦРУ см также: Desmond Fernandes and Iskender Ozdan, “United States and NATO Inspired ‘Psychological Warfare Operations’ Against the ‘Kurdish Communist Threat’ in Turkey: Part One”. *Variant* #12, spring 2001 <http://www.ndirect.co.uk/~variant/> См. также <http://www.epizody.ru/terrorism1989.html>

¹³² “The CIA and the Gray Wolves” http://www.xs4all.nl/~afa/alert2_7/henze.html

щихся успехов и добилась международного признания как ученый, журналист и писатель.¹³³

В странах арабского Востока также проживали небольшие группы эмигрантов. В начале 1950-х гг. Египет предоставил им даже право издавать журнал. Он назывался «Савт-и Туркистан» («Голос Туркистана») и выходил на арабском. Редактор - Ибрахим Васили из Кашгара. На обложке его красовалась карта «Туркистана», простирающегося от Каспия до Китая. Там же, в Египте в 1954 г. начал издаваться журнал «Азад Туркистан» («Свободный Туркистан») на тюркском. В нем сотрудничал Мубаширхан Тарази, который перебрался в Каир после отсидки в кабульской тюрьме за связь с фашистами. В 1950-х гг. в Египте проживало около 1000 эмигрантов из Средней Азии, которые занимали достойное место в торговых и научно-культурных кругах этой страны. По своему влиянию египетская колония эмигрантов из Средней Азии была более значима и многочисленна, чем та, которая обосновалась в Саудовской Аравии (примерно 100 человек).¹³⁴ Арабы, впрочем, как турки и афганцы, время от времени ограничивали политическую активность эмигрантов из-за боязни осложнений с СССР. Это способствовало постепенной деполитизации и дальнейшей интеграции эмигрантов в арабское общество.

В годы «холодной войны» какая-то часть эмигрантов, не связанная с антисоветскими подрывными центрами, интересовалась событиями, происходившими на родине, организовывала митинги, направляла в различные инстанции протесты по поводу советской политики с Средней Азии. Назвать эту деятельность подрывной, нельзя. Наиболее сплоченная община эмигрантов – турецкая - после затишья, связанного с обострением политической обстановки в этой стране, возобновила свою деятельность в 1984 г., основав «Туркистанлилар култур ве сиесат ердим дернеги» – «Общество культуры и социальной помощи Туркестану» во главе с Ахатом Андижаном (родился в Турции в 1950 г.). Это было время возрождения парламентаризма в Турции, когда изживался страх эмигрантов перед политической деятельностью. Костяк нового общества составили эмигранты третьего поколения, которые никогда не жили в Средней Азии и знали о ней лишь по рассказам своих отцов и дедов. Они считали, что недостаточно просто выживать, сохраняя общинную солидарность в культурных гетто. Туркестанцы купили трехэтажное здание в Стамбуле (Ак-

¹³³ Сильвия Назар (Sylvia Nasar), родившаяся в Германии в 1947 г., стала известной американской журналисткой, профессором Колумбийского университета. В 1970- гг. она работала с известным экономистом, нобелевским лауреатом Василием Леонтьевым. Доктор С. Назар написала биографическую книгу о гениальном математике Джоне Нэше «Красивый разум» («Beautiful mind»). Эта книга, ставшая бестселлером, получила премию Пулитцер и по ней был снят одноименный фильм, получивший премию «Оскар» в 2002 г.

¹³⁴ Andican, Ahat. Op. cit., 607-608.

сарай) в 1986 г. Задача «Общества» была сформулирована Андижаном следующим образом:

«Туркестанские эмигранты должны стремиться быть полезными членами турецкого общества и в то же время прилагать усилия к формированию (отдельной) ответственной социально-политической группы... путем проведения культурных мероприятий и социально-политического диалога ... и отказываясь от психологии отстранения от участия в разрешенных законодательством социально-политических мероприятиях из-за боязни причинения личных неудобств и лишних переживаний».

С 1988 по 1994 гг. «Общество» выпускало журнал «Туркестан Дергиси» на турецком языке (всего вышло 22 выпусков, редактор – А. Андижан, члены редколлегии – Б. Хаит, Т. Ходжаоглу, и др.).¹³⁵ Всего же с 1927 по 1998 гг. среднеазиатские эмигранты, проживавшие в восьми странах Европы, Азии и Америки печатали около 50 наименований газет, журналов, сборников.¹³⁶ В годы советско-афганской войны «Общество» собирало деньги в помощь афганцам тюркского происхождения.

По мнению Назара, распад СССР в 1991 г. привел эмигрантов к решению прекратить политическую деятельность и считать миссию выполненной.¹³⁷ В 1992 г. Баймирза Хаит приезжал в Узбекистан. Он ожидал официального признания на национальном уровне, но ошибся. На третий день своего визита, по требованию узбекских властей он был вынужден покинуть Узбекистан, якобы, из-за протестов ветеранов Великой Отечественной войны. Официальный Ташкент проявлял сдержанность, если не холодность в отношении личности Хаита и его книги почти не издавались на родине. Ирония однако, заключалась в том, что радикальные взгляды Б. Хаита, в частности на басмачество и на репрессивный характер Советской власти были приняты на вооружение официальной узбекской историографией 1990-х гг.¹³⁸ Баймирза Хаит пережил многих участников Великой Отечественной войны. Он умер в окружении родных в глубокой старости - 31 октября 2006 г., в возрасте 88 лет.

Сегодня «туркестанцы» находятся на перепутье. По признанию одного из последних энтузиастов идеи Туркестана как общей родины и куль-

¹³⁵ Andican, Ahat. Op. cit., 616-618.

¹³⁶ Timur Kocaoglu "Turkistan Abroad: The Political Migration From the Soviet & Chinese Central Asia (1918-1997)" *Migration in Central Asia: Its History and Current Problems*, edit. By Hisao Komatsu, Obiya Chika, John S. Schoeberlein (JSAS Symposium Series: 9). Osaka: The Japan Center for Area Studies, 2000, 122.

¹³⁷ Из беседы с Р. Назаром в мае 1995 г.

¹³⁸ См. например: Хидоятов Г. А. «Сто лет борьбы народов Центральной Азии за свободу и независимость». *Независимость и история: новые подходы к изучению истории Узбекистана*. Ташкентский университет, 1997. Название статьи говорит само за себя.

турного символа тюрков - Тимура Ходжаоглу,¹³⁹ первое поколение эмигрантов стремилось возродить одно государство – Туркестан, в то время, как их внуки и правнуки вынуждены считаться с тем фактом, что в настоящее время на месте «Западного Туркестана» существуют отдельные независимые государства Средней Азии, а «Восточный Туркестан» находится под надежной властью Китая. Ходжаоглу сетует, что ориентация жителей региона на супра-национальную – туркестанскую идентичность уступает все возрастающему чувству национальной принадлежности – узбекской, казахской, туркменской, киргизской, каракалпакской. Несколько другого мнения придерживается Ахат Андижан, который считает, что борьбу за Туркестан следует продолжить. Он пишет:

«Ответ на вопрос о том, будет ли продолжена за рубежом борьба за Туркестан, напрямую зависит от того, будет ли создана Федерация государств Туркестана, или нет. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока федерация не образуется».

То есть, туркестанцы остаются верны своей идее создания Туркестана и после 1991 г. Андижан пишет, что «к данной федерации могут присоединиться и Таджикистан, и даже Монголия». Андижан уверен, что «пока не появится федерация, страны Центральной Азии будут оставаться все теми же маленькими государствами, которые будут делать то, что им прикажут крупные державы», имея ввиду Россию и Китай.¹⁴⁰

На наш взгляд, в этом заочном споре прав профессор Тимур Ходжаоглу. Пантюранизм и пантюркизм были популярны в среде образованной части «туркестанцев». Было бы неправильным преувеличивать их влияние на всю массу тюркоязычного населения Центральной Азии. Эта идея не была подкреплена ни экономической, ни культурной базой для того чтобы овладеть умами и сердцами всех жителей региона. Она скомпрометировала себя сотрудничеством с фашистами в годы Второй мировой войны. После развала Союза, число сторонников этой идеи несколько увеличилось. Тем не менее, на начало XXI века, надежды на успех пантюркизма как политического проекта остаются призрачными. США и Европа не

¹³⁹ Сведения о семье своего отца, Османа Ходжи дает Тимур Ходжаоглу. Имя первой жены Усмана Ходжаева неизвестно. Известно только, что отправляясь в Восточную Бухару в 1921 г., он оставил в Бухаре сына - Хади Ходжу. Потерпев поражение от русского гарнизона в Душанбе, Осман Ходжа бежит в Афганистан. В Кабуле в 1923 г. он женится на Хакиме Ханум, узбечке из эмигрантской семьи. Отец Хакиме, Саид Акрам Хан Тюра происходил из потомков племянника хана Коканда Худояра. Согласно сведениям родственников, проживающих в Ташкенте, сын от первого брака Хади Ходжа был в Тегеране в 1941-1942 гг., в составе оккупационной Красной Армии. В то же время в Тегеране находился Усман Ходжа. По свидетельству Хакиме Ханум, Хади встречался с Усман Ходжой в Тегеране, но не узнал отца. Сам Усман Ходжа, по политическим причинам не открылся своему сыну. Хади Ходжа, в дальнейшем становится ученым, защищает диссертацию в Москве. В 1950-х гг. Хади отправляется в Восточный Туркестан (Синьцзянь- К. А.) где женится и становится отцом двух детей.

¹⁴⁰ Бахтияр Шахназаров *Узбеки Турции (часть V). Человек, ставший государственным министром.* <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5762>

жалуют пантюркизм, так как заинтересованы в сохранении прозападной, светской Турции. Сама Турция больше занята собственными проблемами, в частности вхождением в Европу и спору с Грецией, и не испытывает особого желания интегрироваться с Центральной Азией. Россия и Китай, имеющие значительные тюркские меньшинства и делающие все возможное для нейтрализации этой разрушительной для них идеологии, также не жалуют пантюркизм. Афганистан, который остро критиковал тюркский партикуляризм во время джихада против СССР, ни за что не допустит создания «Туркестана» на своей территории. Однако, главным оппонентом пантуранизма и пантюркизма как сугубо политических проектов, стали сами элиты тюркских стран Центральной Азии. Конечно, они отдают должное пантюркизму, но главным образом на уровне риторики, для укрепления собственной власти. Никто не собирается всерьез воплощать его в жизнь. Для тюркских элит Центральной Азии пантюркизм чреват лишением их исключительной власти в пределах отдельных независимых стран, навязыванием внешнего (турецкого, узбекского, казахского и т. д.) политического доминирования и потерей части национального суверенитета. Народы Центральной Азии рассматривают этнонациональное государство принципиальным агентом укрепления нации, преодоления этноконфессиональной фрагментации своих молодых и неокрепших государств. Современные историки тюркских государств Центральной Азии отступают от взглядов, рассматривающих тюркские народы как одну нацию, имеющую общую прародину (Туран), а многочисленные тюркские языки как диалекты одного наречия. Они близки к признанию того, что тюркское этническое единство и единый язык – миф. Будучи адептами этнического, государственного национализма, они считают, что их народы обладают своими неповторимыми культурными ценностями, отличающими их от соседей. Историки современных независимых государств региона увязывают свою идентичность не с мифическим «Тураном», а с территориями нынешнего проживания узбеков, казахов, киргизов и туркмен. Включение «пантюркизма» в политический обиход создает настороженность, если не враждебность во взаимоотношениях между странами. Совершенно очевидно, что эта идеология не пригодна в качестве основы регионального сотрудничества.

Наконец, пантюркизм вызывает негативную реакцию и неприятие нетюрков региона Центральной Азии. В Таджикистане борьба против реальных и мнимых проявлений пантюркизма поднимается до уровня национальной идеологии, граничащей с ксенофобией. Таджикистан абсолютно нетерпим к пантюркизму в любой его форме. Вместе с тем, этому беднейшему государству региона, к тому отрезанному от своих культурных центров – Самарканды и Бухары, совершенно ни к чему противостояние с окружающими его тюркскими соседями.

Что касается пантюркизма в Турции, то он выступил в новой, националистической интерпретации в первой половине 1990-х гг., когда там

вспомнили о лидерах «Иттихад ва Тараки». «Энвер Паша со всеми его достоинствами и недостатками является важным символом нашей истории», говорил тогдашний Президент Турции Сулейман Демирель. По договоренности с таджикским правительством, жарким летом 1996 г. местные археологи в присутствии представителей Турции вскрыли могилу Энвера. В захоронении были найдены останки двух трупов. В челюсти одного из них были обнаружены две зубные железные коронки. На этом основании, и по ряду других признаков он был идентифицирован как Энвер Паша. 4 августа 1996 г, ровно через 72 года после его вступления на российскую землю и 74 года после памятного боя в Оби Дара, прах Энвера был перевезен из Таджикистана в Турцию, поближе с родственникам и соотечественникам.¹⁴¹

В настоящее время в Стамбуле на мемориальном холме Хуррият-е Эбедие возвышается 12-метровый монумент в память героев младотурецкой революции 1908 года. У его подножия, рядом с могилой Талат Паши покоятся останки Энвера. По слухам, новое захоронение иттихадистов не вызывает особого интереса жителей сегодняшней Турции и многочисленных гостей Стамбула.

Русские в Синьцзяне: эпилог

Русские эмигранты 1918 – 1934 гг. обитали, в основном, в трех приграничных районах Синьцзяня – Или, Тарбагатае и Алтае. Вообще-то они начали появляться там раньше – еще с середины XIX века. Собственно эмигранты и беженцы появляются в начале 1920 г., с поражением белой гвардии и казачества на Урале, в Западной и Южной Сибири, Семиречье. Основу русской колонии второго этапа составили военные и их семьи. И, наконец, с конца 1920-х гг. и на протяжении всех 1930-х гг. в Синьцзянь начали бежать русские от ужасов коллективизации и голода в СССР.

Во время правления Ян Цзен-синя (1918-1928) китайцы стремились отправить русских обратно в Россию, добившись предварительно объявления амнистии со стороны Советского правительства. Советская власть неоднократно делала заявления подобного рода, но специальное постановление ВЦИК об амнистии бывших военнослужащих белых армий со званием не выше унтер-офицера было выпущено только 9 июня 1924 г. В целом, по сведениям, приведенным барнаульской исследовательницей Еленой Комиссаровой, за период с 1921 по 1927 год, из Синьцзяня в Россию официальным путем возвратилось 17 373 человека, и примерно столько же прибыло без оформления необходи-

¹⁴¹ Как отмечалось, жену Энвера звали Эмине Неджие Султан. У нее от Энвера осталось две дочери – Махпайкар Энвер Ханум Султан (1917-2000) и Тюркан Энвер Ханум Султан (1919-1989). После смерти Энвера, Эмине Неджие Султан вышла замуж за Мехмеда Камила Киллигил бея (1898-1962) – брата ее первого мужа Энвера Паши. См: <http://www.almanach.be/search/t/turkey.html>

мых процедур.¹⁴² Это примерно половина от общего числа россиян, бежавших в Синьцзянь в 1920 г.

С 1934 г., после разгрома Восточно-Туркестанской Республики русское белое движение в Синьцзяне начинает угасать. Некоторые бывшие белогвардейцы, будучи завербованы Советской властью, остались в провинции в качестве военных советников китайской армии.¹⁴³ Они принимали активное участие в подавлении местных восстаний в Синьцзяне в 1930-х и далее в 1940-х гг. Так, бывший белогвардеец Николай Александрович Студенков был среди тех, кто умирал казахское восстание в районе Джеменей в 1940-х гг. Позже Студенков вернулся в СССР и вступил в ряды КПСС. Долгое время он работал в колхозе «Самарский» Восточно-Казахстанской области.¹⁴⁴ Усмирение местных повстанцев не всегда было результатом сознательного выбора белоэмигрантов. Им, как и бухарцам в Афганистане, приходилось поступать как диктовала ситуация, которая порой не оставляла им выбора.

С окончанием Второй мировой войны отток русских из Синьцзяня усилился. Он продолжался до начала хрущевской «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х гг. Русские Синьцзяня к тому времени создали «Общество граждан СССР». Многие члены этого общества вернулись на родину, в частности для освоения целинных земель в Казахстане. Те же, кто не решился или опасался вернуться в коммунистический СССР, выехали в Юго-Восточную Азию, а оттуда в различные страны мира, в основном - в Австралию, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Канаду. В 1966 г. произошло резкое обострение советско-китайских отношений, а три года спустя дошло до прямых столкновений на границе – на острове Даманском (Дальний Восток) и на озере Джаланашколь в Семипалатинской области Казахстана. В том же, 1969 г., из Туркестанского военного округа выделился Среднеазиатский военный округ (САВО) со штабом в Алма-Ате. В 1970-х гг. для СССР Китай был наиболее вероятным противником. Разрушительная китайская «культурная революция» во второй половине 1960-х гг. окончательно уничтожила культурные знаки пребывания русских в Синьцзяне. Именно тогда была разрушена церковь в Кульдже и исчезла Табынская икона Божией Матери. Напомним, что туда она была доставлена походной церковью главной ставки атамана Александра Ильича Дутова. В результате, к середине 1970-х гг. в Кульдже и ее окрестностях остались единицы русских.¹⁴⁵

¹⁴² *Алтайская правда* № 274 - 276, пятница, 23 сентября 2005г. <http://www.gorno-altaisk.ru/archive/2005/40/009.htm>

¹⁴³ Lias, Godfrey, *Kazak Exodus*. London: Evans Brothers Ltd, 68.

¹⁴⁴ Merhat Sharipzhan, "Kazakhs of Eastern Turkestan in Threshold of 21 century", *BITIG Journal of the Turkish World* 12 (January 1997), 19.

¹⁴⁵ Чванов Михаил «...Всего мира надежда и утешение»Бельские Просторы», 2003 http://www.hrono.ru/text/2003/chvan09_03.html

От Восточно-Туркестанской Республики к Синьцзянь-Уйгурскому Автономному району

Что касается дунган, чьими руками была разгромлена ТИВТР, то они были вознаграждены. Губернатор Шен Шикай заключил с ними мир в сентябре 1934 г. Ма Ху-Шан (сводный брат Ма Джунина) получил от китайцев власть над южным Синьцзянем. Бывший некогда центром уйгурского национализма Хотан стал столицей «Дунганистана» - лояльной Нанкину сатрапии, существовавшей вплоть до 1937 г.¹⁴⁶

Говоря о дунганском генерале Ма Джуине, то, как было указано, его повстанцы были разбиты двумя советскими бригадами, бойцы которых были одеты в форму без опознавательных знаков. После того как он – к изумлению китайских властей - таинственно исчез в июле 1934 г., Ма благополучно всплыл... в СССР. На первый взгляд выглядит крайне странным: почему Советы, которые помогли китайцам расправиться с дунганским генералом, протянули ему руку помощи, и почему эта помощь была принята? Исчезновение Ма, однако, вполне логично вписывается в советскую концепцию национального движения. СССР обычно поддерживал мусульманские восстания в Китае, поставляя им оружие и готовя кадры. Лидеры Восточно-Туркестанской республики (1944-1949 гг.), о которой речь пойдет ниже - Ахмед Касими (уйгур), Делелхан Сугунбай (казак), Исхакбек Момон (киргиз), например, некоторое время жили и учились в СССР.¹⁴⁷ Вероятно, молодой Ма также был отправлен «на учебу» в СССР как потенциальный вожак для будущих операций большевиков в Синьцзяне. По некоторым сведениям, честолюбивому дунгану в 1936 г. было обещано место губернатора Синьцзяня в случае перехода власти к коммунистам. Однако, Ма Джуин так и не показался ни в Синьцзяне, ни где-либо в другом месте. Его след затерялся где-то в СССР. Скорее всего, он был казнен во время репрессий против военных кадров в 1937-1938 гг. Были слухи о том, что неудавшийся объединитель Средней Азии и Синьцзяня Ма Джуин закончил летную школу, стал пилотом и служил в советской авиации в годы войны. Маршал Константин Рокоссовский, якобы, утверждал, что Ма Джуин был арестован, но затем отпущен, воевал против фашистов и погиб на фронте.¹⁴⁸

Что касается окончательного уничтожения мятежной дунганской дивизии и уйгурских сил на юге Синьцзяня, то оно произошло в сентябре – декабре 1937 г. Тогда войска Ма Ху-Шана, при поддержке ряда уйгурских воинских подразделений, воспользовавшись тем, что Чан Кайши был занят войной с японцами, захотели отобрать власть у Шена и вновь провозгласить ВТР. По просьбе Урумчинского правительства, советская пехота

¹⁴⁶ См.: Dickens, Mark, «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ *Ma-Chung-ying*, Wikipedia <http://www.answers.com/topic/ma-chung-ying>

и авиация провели еще одну экспедицию силами пятитысячной «киргизской бригады», завершившуюся сокрушительным разгромом повстанцев.¹⁴⁹ Советскими войсками было уничтожено 8 тысяч уйгуров и 6 тысяч дунган. Одновременно, в Ташкенте в одну ночь были перебиты 400 студентов-уйгуров из Синьцзяня. Следом, по всей Средней Азии прокатилась волна репрессий против буржуазных националистов и «агентов японского империализма».¹⁵⁰ Таким образом Шен снова удержался у власти, благодаря советской помощи. В 1938 г. Шен Шикай посетил СССР, где тайно вступил в ... ВКП (б) и добился увеличения советских военных поставок. Постепенно, через свою марионетку Шен Шикая, Москва распространила свое влияние во всем Синьцзяне - от Алтая и приграничного Чугучака на севере, до Кашгара и Яркенда, считавшимися «воротами в Индию» на юго-западе. Последнее обстоятельство, то есть проникновение русских к важным перевалам, ведущим в северную Индию, встревожило Британию. Их главное опасение, известное как «русская угроза» стало приобретать ясные контуры.¹⁵¹

В конце 1930-х гг., как говорилось выше, явный интерес к региону стали проявлять японцы. Накануне Второй мировой войны они стремились расширить свое влияние от Мукдена до Кашгара чтобы, соединившись в Афганистане со своими немецкими союзниками по «оси» Берлин-Рим-Токио, угрожать Советской Средней Азии. Хотя попытки японцев создать антисоветское, прояпонское мусульманское движение, не увенчались успехом, сам факт проникновения японцев к границам Средней Азии не мог не вызвать озабоченности русских, китайцев и самих народов региона.

В 1937 г. провинция была фактически превращена в полицейское государство, управлявшееся по сталинскому, репрессивному образцу. Так продолжалось до 1942 г., когда член ВКП (б) губернатор Шен Шикай порвал с СССР в самый трудный для советского народа момент Великой Отечественной войны. Он вступил в переговоры с Гоминьданом в марте 1942 г. Чан Кайши со своей стороны понимал, что столкновение с ВКП (б) и КПК неизбежно, и потому решил взять провинцию под свой контроль.¹⁵² В сентябре 1942 г. Шен Шикай потребовал вывести советский военный и технический персонал из провинции. На смену советским дипломатам и военным в провинцию пришли американцы и англичане: в Урумчи открылись консульства США и Великобритании. Шен обрушил репрессии на коммунистов и их сторонников. В июне 1943 г. в провинции появились войска националистического Китая. Они щеголяли

¹⁴⁹ Dickens Mark «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

¹⁵⁰ По свидетельству узбекских ученых, «тройками» НКВД Узбекистана только за период 1937-1939 гг. было арестовано более 41 000 человек, из них более 37 000 привлечены к суду, а 6 920 – расстреляны. *Penpeccuu*. С. 8.

¹⁵¹ Hopkirk P., *Setting the East Ablaze*, 229.

¹⁵² Dickens Mark «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

в европейской одежде, летчики говорили на английском и разительно отличались от русских и местного, преимущественно мусульманского населения.¹⁵³ В августе 1944 г. Шен испытал еще одно искушение избавиться от внешней опеки и начал преследовать гоминьдановцев, используя заимствованные из сталинской практики репрессивные методы. Чаша терпения Чан Кайши переполнилась и он отозвал Шен Шикая в Чаньчунь, новую столицу националистического правительства.¹⁵⁴ В сентябре 1944 г., завершив свое 10-летнее правление, Шен Шикай покинул провинцию. Пост губернатора занял член ЦК Гоминьдана У Чжун-синь. Он относил себя последователем т. н. «великоханьской школы», которая считала, что «все жители Китая принадлежат к общей (китайской) семье, а встречающиеся различия в культуре, религии и языке, являются вызывающими сожаления отклонениями, которые обречены быть поглощенными великоханьским китайским общим».¹⁵⁵ Он всячески поощрял ханьскую колонизацию, чем вызвал недовольство населения.

К 1944 г. ситуация в мире изменилась. Сталин продолжал диалог с Чан Кайши, англо-американские союзники высадились в Нормандии и открыли второй фронт. Советы начали свою подрывную деятельность против правительства Урумчи. К тому времени все русское эмигрантское общество было взято под надежный контроль НКВД. В это время под руководством НКВД в Синьцзяне началось восстание трех районов, которые Россия традиционно считала своими - Илийского, Тарбагатайского и Алтайского. Восстание началось в самой северной точке провинции - на стыке Китая, Монголии и Казахстана. Сами тюрки называли его «революцией трех округов». Оно началось еще при Шен Шикае в 1943 г. Представители Казахской ССР и просоветской Монголии встретились в октябре 1943 г. с казахским вождем Оспаном (Османом) и договорились о совместной борьбе против ханьской администрации в Алтайском регионе. Постепенно, восстание охватило Джунгарию. После ухода Шена восстание перекинулось в Илийский край. Этот регион, бывший когда-то российской территорией пострадал больше других от разрыва отношений с СССР. Бежавшие от преследования Шена в СССР тюрки (казахи, уйгуры, узбеки, киргизы) образовали под контролем ВКП (б) в 1943 г. т. н. «Комитет национального освобождения тюркских народов» (КНОТР). Иногда его именуют Комитетом Восточно-Туркестанской республики. В восстании, наряду с уйгурами и казахами, принимали участие и русские. СССР помог восставшим оружием и кадрами. Синьцзянские события 1944-1949 гг. получают различную оценку. Мендикулова поддерживает тех, кто считает их национально-освободительным движением, в котором решающая

¹⁵³ Петров В. И. Указ. соч. С. 445.

¹⁵⁴ Dickens Mark «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

¹⁵⁵ Ibid.

роль принадлежала мусульманам региона, в том числе казахам.¹⁵⁶ Другие считают, что эти восстания, в частности илийское, были не только поддержаны, но и инспирированы Советским Союзом.¹⁵⁷

Как бы то ни было, в результате восстания, в ноябре 1944 г. в северном Синьцзяне была провозглашена Восточно-Туркестанская республика (ВТР) с центром в Кульдже (Инин). Возглавили ВТР Ахмаджан Касими (уйгур) и Алихан Тура (узбек). Советский Союз, который стоял за этим восстанием, основной упор делал на районы Или, Джунгарии и Алтай, богатые, кстати, ураном, нефтью и прочими полезными ископаемыми. Из фронта, советских тюрем, лагерей, советской Средней Азии отбирались для посылки в Синьцзянь не только уйгуры, но и узбеки, казахи, киргизы и даже таджики. Отозванные с фронта представители советской Средней Азии, составили ядро так называемой «Дикой Дивизии», образованной в 1944 г. Со всех них брались подписки о неразглашении и потому этот эпизод остался не до конца проясненным.¹⁵⁸ Об этом, «советском следе» абсолютно умалчивает В. И. Петров в своей книге «Мятежное сердце Азии», который утверждает, что он был активным участником Илийского восстания 1944-1949 гг. На самом деле, выходцы из СССР вошли в органы власти и национальную армию Восточного Туркестана, которая к лету 1945 г. заняла почти 20% территории провинции, вплотную подойдя к Урумчи. Правительство ВРТ возглавил ферганский узбек Алихан Тура. В его кабинет вошли и бывшие русские офицеры Ф. И. Лескин и И. Г. Полинов. Иван Полинов появился в Синьцзяне во главе большого отряда Алтайских «добровольцев». Это были те самые бойцы полков Паппенгута, которые после подавления дунганского восстания Ма Джунина в 1934 г. бежали в Советский Союз. Там они прямиком были направлены в сталинские лагеря. О беглых белоказаках – усмирителях восставших мусульман вспомнили, когда началось «восстание трех округов». Советская власть дала им шанс пойти добровольцами в Алтайский отряд.¹⁵⁹ Все эти русские эмигранты были завербованы НКВД и работали под его надежным контролем. Иван Георгиевич Полинов стал главнокомандующим армии ВТР.

Если ТИВТР (1933-1934 гг.) была была сугубо национальным, тюркско-исламским антисоветским образованием, то в ВТР «прогрессисты», то

¹⁵⁶ Мендикулова Г., *Казахская диаспора: История и современность*. С. 187

¹⁵⁷ Forbes E. D. W., *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang 1911-1949*, 233. См. также: «Уроки и выводы национально-освободительного движения 1944-1949 годов (в сравнительном плане прошедших событий с сегодняшними)» ИТТИПАК-Единство, № 5 (12), октябрь 1995 г. http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_pr10.htm

¹⁵⁸ Автор этих строк в начале 1980-х гг. в Таджикистане имел возможность встречаться с ветераном Великой Отечественной войны, выполнявшим «специальное задание» в Синьцзяне, куда он был направлен в самом конце войны.

¹⁵⁹ Петров В. И., «участие советских войск в боевых действиях в составе республиканской армии» считает «злонамеренной ложью». См. Петров В. И. Указ соч. С. 478-479.

есть сторонники СССР боролись с «консерваторами», настаивавшими на мусульманском и тюркском национализме. Были и независимые от указанных двух групп, этно-племенные отряды казахов Оспана, не признававшие ни русских ни китайцев, а защищавшие определенную территорию, общины и привычный кочевой образ жизни. И наконец, в лагере ВРТ находились и сторонники китайских коммунистов, которые не разделяли антиханьского пафоса «прогрессистов», исламизма «консерваторов» и национализма казахов. В конце-концов просоветские элементы из КНОТН, в числе которых были советские агенты и этнические русские, взяли верх. Их позиции были сильны в Народной армии ВТР и в Илийском округе.¹⁶⁰ Казалось – вот оно, материальное воплощение давней большевистской идеи «Красного Кашгара»! Но оно мало походило на попытку помочь местным народам обрести долгожданную независимость. В Народной армии ВТР, командные позиции занимали эмигранты - полковник Ф. И. Лескин и генерал И. Г. Полинов. Большинство полков и батальонов возглавлялись русскими – Могутновым (бывшим царским офицером), капитаном Федяевым и др. Команды в армии ВТР подавались на русском языке.¹⁶¹ Войска ВТР, начавшие было свое победоносное движение, были неожиданно, по приказу из Москвы, остановлены у самого подхода к столице, на реке Манас. Это произошло в августе, после успешного завершения Второй мировой войны, когда Япония была повержена и у окрепшего центрального правительства появилась возможность удержать Синьцзянь в составе Китая. Учитывая это, Сталин решил оказать услугу Чан Кайши и остановить продвижение армии ВТР. Советские стратеги видимо не были уверены, что смогут контролировать ситуацию в случае распространения восстания на Кашгарию. Короткая биография ВТР, имела прямое отношение к деятельности Сталина и первого секретера Узбекской ССР Усмана Юсупова. «Самоликвидация» этой республики произошла согласно договоренностей, достигнутых на Крымской конференции и на последующих встречах с правительством Китая в 1945 г. Чан Кайши, узнав о приказе Сталина остановить наступление армии ВТР, вздохнул с облегчением. В сентябре 1945 г. он признал право трех округов на автономию и призвал провинциальное правительство вступить в переговоры с восставшими. Начались переговоры, в результате которых ВТР отказалась от сепаратистских намерений в ответ на обещание включить ее представителей в коалиционное правительство Синьцзяня.¹⁶² К тому времени «белые» и «красные» русские Илийского округа (в том числе Петров В. И.) позабыв о гражданской войне, составляли единый лагерь. Немногим ранее, в январе 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом реабилитировал русских эмигрантов Синьцзяня и предоставил им право на месте,

¹⁶⁰ Dickens Mark «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

¹⁶¹ Петров В. И. Указ. соч. С. 481-482.

¹⁶² Петров В. И. Указ.соч. С. 492.

через консульство СССР, получить документы о гражданстве и при желании выехать в СССР. На него откликнулась лишь небольшая часть русских. Они все еще боялись сталинских репрессий. Большинство оставалось в Синьцзяне еще 10 послевоенных лет.¹⁶³ Отношение эмигрантов к Советской России было далеко не однозначным. Одни продолжали ее ненавидеть, другие, несмотря ни на что, любили ее и надеялись на возвращение.

Подробное изучение событий тех лет не является предметом настоящего исследования. Многие еще предстоит выяснить, в частности найти документы и свидетельства о роли СССР. Ограничимся лишь тем, что скажем, что на деле ВТР обернулась двойным предательством, допущенным Сталиным по отношению к (гоминдановскому) Китаю, который был союзником СССР во Второй мировой войне¹⁶⁴ и к восставшим против китайцев уйгурам, казахам и узбекам, чуть было не поверившим в искренность намерений Советского Союза. Впрочем, «Красного Кашгара» не получилось бы при любом раскладе, потому что собственно кашгарцы (то есть жители южного Синьцзяня) еще с 1934 г. помнили о роли СССР в подавлении их восстания и ТИВТР. Маловероятно, что они стали бы послушными клиентами Сталина.

После заключения мира между ВТР и Гоминьданом в июне 1946 г., было сформировано коалиционное правительство. Чжан Чжичжун (Zhang Zhizhong) стал его председателем, а Ахмаджан Касими – заместителем. В правительство вошли представители пестрого спектра политических сил провинции, включая руководство ВРТ, а также антисоветски настроенных националистов Мухаммада Амина Бугру, Ису Юсуфа Альптекина, кульджинского уйгура Максуд Сабри, татарина Бурхана Шахиди и др. Несмотря на кажущуюся широкую платформу, правительство оказалось неэффективным и руководство ВТР продолжало контролировать северные округа. Именно в этот момент лидер казахов Оспан, который не желал никакого подданства, в первую очередь китайского, отделился от ВТР и начал дрейф в сторону Гоминьдана. В результате создалось такое положение, в котором ни одна партия не была довольна сложившейся ситуацией. В 1947 г. волнения охватили Урумчи и в мае Максуд Сабри заменил Чжана.¹⁶⁵ Сабри стал первым не-китайцем, возглавившим провинцию. Однако он оказался просто марионеткой в руках Гоминьдана. Недовольные продолжающимся великоханьским правлением, восточнотуркестанцы и русские покинули Урумчи и отправились к себе в Кульджу. Именно в ситуации, когда в провинции было два Синьцзяня – в Урумчи и Кульдже, в западный Китай вступила Народно-освободительная армия Китая (НОАК) Мао Цзедунa. Сталину, который иг-

¹⁶³ Петров В. И. Указ. соч. С. 493.

¹⁶⁴ Имеется ввиду поддержка сепаратистского восстания.

¹⁶⁵ Dickens Mark «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>

рал на противоречиях между КПК и Гоминьданом, не была выгодна абсолютная победа какой-либо из сторон. Несмотря на общность коммунистических идеалов, Сталин не доверял Мао, подозревая в нем китайского националиста и отступника от принципов Коминтерна. Он не торопился становиться на сторону КПК и продолжал сотрудничать с Чан Кайши. В октябре 1947 г. Чжан Чжичжун и Бурхан Шахиди вели тайные переговоры с советскими представителями в Нанкине. Шахиди – российский татарин, служивший в правительстве Шен Шикая в качестве консула в Казахстане и Узбекистане, сменил Максуда Сабри на посту председателя Синьцзяня в декабре 1948 г. Вероятно, Чан Кайши стремился этим шагом заручиться поддержкой СССР в противостоянии с китайскими коммунистами. В начале 1949 г. Гоминьдан и СССР начали переговоры. Они продолжались до середины 1949 г., когда стало ясно что ничто не может остановить НОАК.

Тогда Сталин решил оказать услугу китайским коммунистам. Лидеры ВТР, в том числе Ахмаджан Касими (уйгур), генерал Исхакбек Момон (киргиз), Абдукарим Аббасов (уйгур) и генерал Далелхан Сугунбай (казах) были приглашены в Пекин для подготовки созыва Народного политического консультативного совета с целью провозглашения Китайской Народной Республики. СССР предоставил самолет и делегация не замедлила вылететь в Алма-Ату. 27 августа 1949 г. было объявлено, что делегация правительства ВТР погибла в авиационной катастрофе в районе Иркутска. По версии уйгурских патриотов, восточнотуркестанцы, упорно настаивавшие на самоопределении Синьцзяня, были перевезены из Алма-Аты в Москву и забиты до смерти на Лубянке за отказ признать китайское господство.¹⁶⁶ Официальная версия озвученная агентством Синьхуа гласила, что делегация ВТР вылетела из Кульджи в Пекин через Алма-Ату и разбилась на полпути между казахской столицей и Пекином. Обе версии указывают на зловещую – закулисную - роль руководства СССР в ликвидации своего детища - ВТР. Поразительно, что Петров В. И., считающий себя знатоком тех событий, почему-то считает приведенную выше официальную китайскую версию о авикатастрофе на советской территории выдумкой исследовательницы Линды Бенсон. Сам он, ссылаясь на данные САВО считает, что самолет летел из Кульджи в Пекин и разбился в пустыне Гоби, то есть в Китае. При этом он, правда оговаривается, что «причины катастрофы не выяснены».¹⁶⁷

Войска генерала-коммуниста Ван Жена (Wang Zhen) вошли в Синьцзянь в 1949 г. Войска ВТР, поверив обещаниям китайских коммунистов предоставить уйгурам автономию или независимость не стали препят-

¹⁶⁶ «Уроки и выводы национально-освободительного движения 1944-1949 годов (в сравнительном плане прошедших событий с сегодняшними)» ИТТИПАК-Единство, № 5 (12), октябрь 1995 г. http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_pr10.htm

¹⁶⁷ Петров В. И. Указ. соч. С. 500.

ствовать наступлению войск Мао на провинцию.¹⁶⁸ Советские военнослужащие – узбеки, казахи, русские, киргизы, таджики были отправлены назад в СССР. Армия ВТР была разоружена и превращена в строительный корпус НОАК и вскоре была распущена совсем. Тогда же войска Гомиьндана сдались НОАК, а днем позже губернатор провинции, волжский татарин Бурхан Шахиди присягнул на верность Мао Цзедуну. Впоследствии он стал одним из высших функционеров в Китае. 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная республика.

КПК отказалась от политики лавирования, дипломатических маневров и заигрывания с СССР. Она решительно отказалась от федеративного устройства и выступила сторонником единого и сильного Китая, пусть даже вопреки желанию неханьских народов. Коммунисты Китая ударили одновременно по «правому крылу оппозиции» - мусульманам юга и востока, а также «левым» - всем просоветским элементам края. Весь Синьцзянь пришел в движение. Западные миссии, русские белогвардейцы, мусульмане стремились покинуть регион через Ганьсу на Дальний Восток или через долину Лех - в Индию. Советская разведка, опасаясь обвинений во вмешательстве, срочно прекратила свою деятельность в провинции. Именно тогда киргизы Рахманкула вернулись из Ташкуртана-Сарыкола обратно на Малый Памир (Афганистан). Мухаммад Эмин Бугра, Иса Юсуф Алптекин и другие члены правительства независимого Синьцзяня бежали в Индию. Из Индии, в середине 1950-х гг. они перебрались в Турцию и Саудовскую Аравию, где занимались литературной и научной деятельностью. Они стали знаменем уйгурских националистов, мечтающих о свободном Восточном Туркестане. Как уже указывалось, китайские коммунисты обрушили репрессии не только на мусульман, но и на националистов севера и запада, а также на всех сторонников СССР. В феврале 1951 г. упрямый Оспан Батыр с его «кююрчуками» был схвачен и казнен в апреле того же года. Максуд Сабри был посажен в тюрьму, где и умер.

Коммунисты Мао сделали то, чего не могли добиться прежние китайские правители Синьцзяня с 1918 г.: они решительно и бесповоротно уничтожили советское влияние во всей провинции. Мало того, изгнав заодно американцев, англичан и наладив тесное сотрудничество с Исламабадом, ставшим главным союзником Пекина на Индийском субконтиненте, они подавили и надежно изолировали сепаратистские элементы Кашгара и Хотана.¹⁶⁹ В коммунистическом Китае уйгурские сепаратисты уже не могли рассчитывать на получение помощи из-за рубежа – Кашмира, Тибета, Советской Средней Азии, Афганистана. Советско-китайское охлаждение наступившее в середине 1960-х гг. и бегство почти 60 000 каза-

¹⁶⁸ Cao Chang-ching «The quest for an eight Turkic nation» *Taipei Times* 12.10.1999

¹⁶⁹ Forbes E. D. W., *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang 1911-1949*, 233.

хов из Или в Казахстан лишило СССР важного рычага воздействия на своих потенциальных клиентов в тюрко-мусульманской среде Синьцзяня.¹⁷⁰ С тех пор СССР оставил все надежды поднимать народные восстания, чтобы добиваться привилегий, и затем предавать своих союзников в Синьцзяне. 13 сентября 1955 г. было принято постановление об упразднении независимости региона и создании на его территории Синьцзянь-Уйгурского автономного района (СУАР). Последним шагом в надежном включении Синьцзяня в состав сильного и неделимого Китая было полное закрытие границы. Только тогда СССР понял, что граничит с поистине великим и грозным соседом, который не потерпит более вмешательства в свои дела и будет самым решительным образом подавлять всякие проявления сепаратизма. Мао Цзедун объединил страну и превратил ее в силу, с которой нельзя было не считаться на международной арене. Затем китайские коммунисты инициировали невиданную в истории ханьскую миграцию в северо-западные провинции, которая сделала надежды на независимость «Восточного Туркестана» еще более призрачными. В начале XXI века ханьцы составляли примерно половину населения края. Сегодня от ТИВТР и ВТР не осталось ни следа, ни в самом Китае, ни за его пределами. Идея «Восточного Туркестана» и «Уйгуристана» витает главным образом в уйгурских эмигрантских кругах и виртуальном веб-пространстве. Заинтересованные в сотрудничестве со своим могущественным восточным соседом, власти стран Центральной Азии выступают против уйгурского сепаратизма и отождествляют его с международным терроризмом.

¹⁷⁰ Там же.

Заклучение

Если тебе нечего сказать кроме того, что один варвар одержал верх над другим на берегах Оксуса и Яксарта - какой в том для нас толк?
Вольтер¹

На каждом историческом промежутке среднеазиатская эмиграция была вызвана конкретными причинами внутреннего и внешнеполитического порядка. Какими были ее основные этапы?

Среднеазиаты веками передвигались свободно в пределах своих племенных и этнокультурных зон, пока англо-российское разграничение конца позапрошлого века, и особенно большевистская революция 1917 г. не воздвигли непроходимые барьеры на пути их массовых миграций. Вторжение Красной Армии, ломка старого строя и появление закрытых государственных границ положили начало проблеме мухаджиров Средней Азии. К 1920-м гг. феномен политического убежища заявил о себе в полную силу из-за эскалации насилия и увеличения числа человеческих жертв. Он привел к появлению беспрецедентного числа беженцев.

Можно спорить о последствиях русской колонизации и установления власти большевиков Средней Азии, но одно остается неоспоримым. Новая власть пришла с оружием и была насаждена в регионе насильно. Ее принесли люди иного уровня развития, другой культуры и религии. Они были уверены в своем моральном праве повелевать народами региона и были обуруемаемы не столько прагматическими соображениями геополитического характера, сколько имперской гордостью, исламофобией и уверенностью в собственном культурном и военном превосходстве. Разумеется, имела место контракция местных элит, согласие части населения, по причинам материальной выгоды и практической целесообразности одобрявших или даже просивших русского покровительства. Но факт остается фактом, что именно колонизация и последовавшая затем революция «взбунтовавшейся России» вызвали политически мотивированную эмиграцию. Среднеазиаты были изгнаны Советской властью, старавшейся подавить несогласное с ней мусульманское население региона. В последовавшие после революции 17 лет, имели место две волны эмиграции.

Первая фаза бегства началась вместе с установлением большевистского руководства в Ташкенте в конце 1917 г., падением националистического Коканда в начале 1918 г. и поражением колчаковских белых армий в Сибири в конце 1919 г. Она завершилась вместе с «ликвидацией басмачества» в Таджикистане и бегством Ибрагимбека в середине 1926 г. Пер-

¹ Цит. по: Carr, Edward Hallett, *What Is History?* New York:Vintage Books, 1961. 114-115.

вая волна (1917-1926) была вызвана революционной войной, развязанной большевиками на захваченных ими территориях. Она включила эмира и его окружение, а также прошла по приграничным регионам, захватив, главным образом, кочевые и полукочевые узбекские и туркменские племена. Они бежали, спасаясь от непосредственной угрозы, вызванной наступлением красных отрядов. Это были скорее беженцы, чем эмигранты и мухаджеры. Как говорил Баглани, это были свободолюбивые и воинственные люди, не знакомые ни с национализмом, ни с исламизмом. Они были движимы вековым инстинктом самосохранения, приобретенным в результате бесчисленных вторжений, войн, происходивших в регионе на протяжении всего средневековья. Война, начавшаяся на рубеже второго и третьего десятилетия XX века, конечно же, была куда страшней всех средневековых войн, не только потому, что красноармейцы были вооружены современными видами оружия, но и потому, что новая власть обладала огромной силой восставшей России. Она жестоко карала несогласных, беспощадно ломала старые, и вводила новые, порядки. Бегство русских казаков в Китай, конечно, не было связано с туркестано-бухарским исходом, но также было вызвано победоносным наступлением большевиков. Помимо собственно остатков белых армий, оно включило членов их семей и гражданских беженцев. Белогвардейцы, бежавшие в Синьцзянь явили собой скорее среднеазиатский отряд российской белоэмиграции, чем русский отряд среднеазиатской эмиграции. Русская эмиграция Синьцзяня тяготела больше к русской Фергане и Семиречью, южной и западной Сибири и Дальнему Востоку, чем к собственно мусульманской Средней Азии. Афганистан, ставший домом для сотен тысяч бухарцев и ферганцев, не стал таковым для русских.

Вторая волна эмиграции (1926-1934) началась почти немедленно после предыдущей, во второй половине 1920-х гг. и достигла своего пика в период с 1929 по 1932 гг., во время масштабных экономических, политических, социальных и экономических мероприятий Советской власти, направленных на ломку традиционного общества Средней Азии. Вместе с первой волной она образовала почти миллионный отряд среднеазиатской эмиграции Афганистана и Западного Китая. Исход резко сократился в середине 1930-х гг., когда Советская власть значительно укрепила свои позиции в регионе и – что более важно – надежно закрыла границы с Афганистаном и другим южными соседями. Закрытие границ приходится на 1934 г. С тех пор община эмигрантов в сопредельных с советской Средней Азией странах уже не пополнялась, а связи с родиной «за рекой» – прекратились. Если первая волна эмиграции стала итогом революции и гражданской войны, то вторая была вызвана конкретной политикой Советской власти. Это была эмиграция из СССР, а не из Бухары, Хивы и Туркестана. Во время второй волны за границу бежали представители различных классов, включая образованных горожан из самых разных районов региона.

Это не было бегством побежденной армии или шагом, вызванным непосредственной опасностью для чьей-либо жизни. Это была продуманная акция, «голосование ногами», манифестация принципиального несогласия с репрессивной и атеистической политикой Советской власти. Именно представителей второй волны следует относить к эмигрантам и мухаджирам.

Следствием эмиграции, вызванной революцией 1917 г. явилось образование диаспор народов Центральной Азии. Диаспора, это группа людей единого происхождения, которая сложилась за пределами своей исторической родины. Как правило, диаспора - категория неустойчивая и ограниченная во времени. Ее ожидает либо интеграция в общество страны-получателя, либо возвращение в страну-отправитель (то есть реэмиграция). Интеграция облегчена если географическая среда, язык, обычаи и религия страны-получателя мало чем отличаются от оригинальной. Так, таджики и турки интегрировались в афганское и турецкое общества без особой угрозы для своей национально-культурной идентичности. В то время как интеграция русских в Синьцзяне была редкостью, так как была чревата потерей базовых культурных ценностей, таких как язык, православие, образ жизни и пр. Именно поэтому таджики, узбеки, туркмены, казахи и киргизы продолжают проживать в Афганистане, Китае и Турции, в то время как в Синьцзяне русских практически не осталось. Они или вернулись в Россию или отправились на Запад.

Интеграция не означает неизбежного растворения в новой среде, аккультурации (то есть освоения чужой культуры и языка) и ассимиляции. В отрыве от своей родины диаспора имеет тенденцию к сохранению родной культуры, языка и коллективной памяти. Вместе с тем она приобретает черты, не характерные для общества, которое она оставила. Чаще всего, жизнь на чужбине делает эмигрантов более мобильными, сплоченными, коммуникабельными, а порой - агрессивными. Эти качества, призванные облегчить жизнь в стране изгнания, имеют своей целью отнюдь не ассимиляцию, а нечто противоположное, а именно стремление сохранить свою оригинальную культуру и национальную идентичность. Именно эта корпоративность и известная замкнутость делают среднеазиатскую диаспору схожей с другими эмигрантскими общинами, разбросанными по всему миру. Религия – ислам и русское православие – играла и играет важнейшую роль в сохранении культурных традиций и передаче коллективной памяти от одного поколения эмигрантов к другому.

В середине 1930-х гг. СССР укрепил свои позиции в регионе и установил надежно охраняемые и закрытые границы со своими южными соседями. Ослабление «эмигрантского фактора» во второй половине 1930-х гг. совпало с серьезной трансформацией политического пространства Центральной Азии. В Афганистане активность неправительственной уламо, традиционных (фундаменталистских) лидеров, а также противостоящих им реформаторов-идеалистов типа Амануллы и сторонников па-

нисламизма потеряли свою былую силу и бунтарский дух. Эта страна вошла в более стабильный период своего развития, ставшего итогом достигнутого *modus vivendi* между государством и обществом. В советской Средней Азии национальное размежевание 1924-1936 гг., стремительное экономическое развитие, урбанизация, внедрение массового светского образования, развитие здравоохранения, изменение положения женщин также резко изменили идеологический и политический климат. Модернизация традиционалистского общества Средней Азии привела к фактическому отделению религии от политики и вытеснению коранического концепта «муджахид» и «мухаджир» из политического обихода. Басмачи лишились прежнего ореола «защитника веры» и, в глазах общества, превратились в досадное препятствие для достижения прогресса. Для Средней Азии катастрофические потрясения закончились, когда потерпевший поражение Аманулла отбыл в ссылку в Вилла Орцио, Надир Шах казнил Бачаи Сако, а Ибрагимбека расстреляли сотрудники ОГПУ. В регион пришла относительная стабильность, вызванная тем, что мусульманские общины отстранились от политического участия и демонстрировали подчинение существующей политической власти, не обращая внимания на ее «неисламский» характер. Образование советских республик Средней Азии и стабилизация Афганистана в начале 1930-х гг. сопровождалось ростом национализма, появлением официальных про-правительственных религиозных институтов и кооптацией религиозного класса в государственные структуры.

Развязанная большевиками в 1917-1920 гг. революционная война не прошла бесследно для Средней Азии, России и всего остального мира. Предпринятая Советами «красноармейская атака на феодальный Восток» захлебнулась на берегах Аму Дарьи и у подножий Гиндукуша. Не дождавшись действенной материальной поддержки со стороны соседних стран и «великих держав», басмачи, тем не менее, не дали огню революционной войны распространиться на соседние Афганистан, Индию, Китай и Иран. Столкнувшись с массовым хиджратом и отчаянным джихадом, большевики отказались от планов немедленного продвижения в Хорасан, Южную Азию и Западный Китай. Советский эксперимент, который задумывался как глобальная альтернатива капитализму провалился. Советы решили сосредоточиться на укреплении уже завоеванных позиций в Центральной Азии. В этом одна из главнейших заслуг среднеазиатских мухаджиров и муджахидов в мировой истории. Басмаческое сопротивление сыграло не последнюю роль в переориентации советского руководства с первоначально заявленных «интернациональных», классовых позиций на национальные и державные, набиравшие свою силу в течение 1920-х гг. Именно в это время марксизм-ленинизм стал приобретать окраску русского государственного национализма. И наконец, басмачество, несмотря на свой радикализм и склонность к насилию (а может, именно благодаря им), способ-

ствовало политическому развитию отсталого среднеазиатского общества, расколов его на противников и сторонников Советской власти.

Местью за оказание сопротивления и развенчание идеи «мировой революции» стала полная изоляция Средней Азии с юга и превращение ее в самую отсталую и заброшенную окраину СССР. С середины 1930-х гг. Аму Дарья стала, по сути, границей между двумя различными и враждебными мирами. В связи с обострением «холодной войны» и последующим развалом СССР, с 1980-х гг. граница с Афганистаном стала одним из самых беспокойных и опасных рубежей в мире. Поистине, она стала настоящим проклятием для проживающих там народов. За весь XX век Аму Дарья пережила, по меньшей мере, пять крупных войн, а именно: среднеазиатскую гражданскую 1918-1932 гг., афганскую гражданскую 1929 г., советско-афганскую 1979-1989 гг., таджикскую гражданскую 1992-2000 гг. и афганскую гражданскую 1989-2002 гг., унесших сотни тысяч жизней и сопровождавшихся миллионными потоками беженцев, незаконными перевозками людей, оружия, а с конца XX века - наркотиков.

Помимо двух послереволюционных волн эмиграции, Средняя Азия пережила еще, как минимум, две фазы эмиграции – военную (1939-1945) и постсоветскую (1991-по настоящее время).

Военную эмиграцию составили в первую очередь военнопленные. Они не думали бежать из СССР, а оказались за рубежом (в основном в Европе и США) волей обстоятельств. Часть из них пошла в Туркестанский легион, другая была призвана работать «остарбайтерами» на территории Германии и ее союзников в 1941-1945 гг. По подсчетам одного из военнопленных - Иргаша Шермата, с 1941 г. около 400 тысяч уроженцев Средней Азии оказались, по разным причинам, в Германии. От 90 до 100 тысяч из них умерли от голода и болезней или были уничтожены фашистами, по словам Шермата «будучи принятыми за евреев и коммунистов». Из выживших, примерно 100 тысяч оказались в Туркестанском легионе и воевали против СССР. Остальные 200 тысяч использовались нацистами в качестве рабочей силы – «остарбайтеров». После войны многие легионеры и «остарбайтеры» были выявлены и отправлены на родину. Из числа легионеров только 1000 человек смогли уцелеть и остаться в Западной Европе. Проверить эти данные на данный момент невозможно. Для этого надо предпринять отдельное исследование.

Изучение эмиграции показывает, что она не всегда была разделена по национальному принципу. В беседах с Рузи Назаром, Баширом Баглами, Тимуром Ходжаоглу автору приходилось интересоваться, к какой национальности принадлежал тот или иной персонаж их рассказа? По их реакции было видно, что чаще всего готового ответа на мой вопрос у них не было. Зачастую, моим собеседникам приходилось самим – гипотетически и задним числом - определять национальность того или иного персонажа. В большинстве случаев они просто называли происхождение челове-

ка (место его проживания). Видно было, что национальное размежевание и «нациестроительство» по-советски не было принято и понято среднеазиатской эмиграцией. Наиболее устойчивой группой эмигрантов, сохранившейся до начала XXI века были городские жители Мовароуннахра – Самарканда, Бухары, Ташкента, Ферганской долины, говорившие на тюркском и таджикском языках. Рузи Назар рассказывал, что к 1990-м гг., основу более или менее сплоченной среднеазиатской эмиграции составляли узбеки и таджики, при численном доминировании первых. Казахи, киргизы, туркмены и прочие постепенно отошли от «турку-точик», сформировав свои группы (например, казахи Китая и Турции, киргизы Афганистана и Китая) или примкнув к другим эмигрантам (русским, например). Собственно таджикский и узбекский этнические национализмы как два противостоящих друг другу движения, проникли в эмигрантскую среду из СССР в годы перестройки. В то время на Запад стали приезжать представители интеллигенции из Душанбе и Ташкента, которые и заразили этим «вирусом» определенную часть эмигрантов. Именно тогда эмигрантская община туркестанцев и бухарцев разделилась на узбеков и таджиков.²

Размежевание в эмигрантской среде происходило не по национальному, а по мировоззренческому и политическому принципам. Узбеки и таджики были представлены в двух противостоящих друг другу группах эмиграции: эмиристско-басмаческой и национал-туркестанской.

Первую составляли сторонники шариата, верховенства религии, противники секуляризма. Сегодня они проживают в традиционных мусульманских общинах Афганистана, Индии, Пакистана и некоторых арабских стран. Их деды-мухаджиры были простыми мусульманами, преданными, а порой фанатичными защитниками веры. Пантеон их героев состоял из харизматичных героев джихада - Ибрагимбека, Энвера Паши, Давлатмандбия, Бачаи Сако, позже Ахмад Шаха Масуда. Себя они считали прежде всего мусульманами (а не таджиками или узбеками) и предпочитали говорить на языке большинства территории проживания. Какой-либо идеологии и связанной с ней политики, которой они бы отдавали предпочтение, у них не было. Ее место занимали абстрактные идеалы величия веры и стойкое стремление отстаивать ценности ислама.

Вторая группа эмигрантов, это выходцы оазисов и городов Средней Азии, люди более широких, либеральных и светских взглядов. Они вышли из джадидов, студентов обучавшихся в Германии в 1920-х гг., военнопленных Второй мировой войны. Оказавшись за границей, они предпочли открытую и многоконфессиональную атмосферу Стамбула, Варшавы и Берлина закрытым и монокультурным Кабулу и Пешавару. Представляя собой интеллектуальную элиту зарубежной Средней Азии (для них: Туркестана), они не настаивали на приоритете джихада, как это делали басмачи,

² Из разговора с Рузи Назаром в США в 1995 г.

а отдавали предпочтение дозволенным действиям, включая литературно-научную работу и легальную политическую борьбу. Их герои это не беззаветные шахиды, а национальные лидеры, политические деятели и ученые либерального направления, такие как Мустафа Чокаев, Зеки Велиди Тоган, Усман Ходжа, Баймирза Хаит. Они никогда не сочувствовали фундаменталистам-басмачам и эмиристской эмиграции. Алим Хан для них – предатель и эгоистичный тиран. У них была своя идеология тюркизма, которая оказалась чуждой и непонятной основной массе эмигрантов. В глазах почти поголовно неграмотных мухаджиров, национализм казался светским, западным явлением, лишенным оригинальности.

Развал СССР в конце 1991 г. вызвал к жизни новые передвижения больших масс населения как внутри региона, так и за его пределами. Именно тогда началась четвертая (после двух послереволюционных и военной) волна эмиграции. Центральную Азию покинула основная часть не-коренного, русского (или русскоязычного) населения. Помимо них, в последние два десятилетия свою родину были вынуждены покинуть и те, над кем нависла угроза из-за их политических убеждений. Так, в конце XX века, в регионе вновь появились политические эмигранты. Члены запрещенных националистических организаций «Эрк», «Бирлик» и некоторых других, были вынуждены в 1990-х гг. бежать за границу, в том числе в Европу и США для того, чтобы присоединиться к тамошней общине туркестанцев первых трех волн. По подсчетам Тимура Ходжаоглу, в начале XXI века общины туркестанцев были распределены следующим образом: Турция – 150 000 человек, Саудовская Аравия – 60 000, Германия – 5 000, Франция – 800, США – 150 000 человек. Кроме того, небольшие группы выходцев из Центральной Азии числом менее 100 человек каждая, проживают в Голландии, Австрии, Норвегии, Бельгии, Швейцарии, а также в Индии, странах Юго-Восточной Азии, на Тайване и в Австралии.

Идеологи и боевики «Исламского Движения Узбекистана» и некоторые элементы непримиримой таджикской оппозиции также бежали из Средней Азии и присоединились международному джихадистскому движению. Без сомнения, современный радикальный исламизм в какой-то мере является продолжением традиций мусульманских движений 1920-х гг. Однако, было бы заблуждением приравнивать современных «муджахидов» к басмачам. Первые явились, главным образом, продуктом «холодной войны» и пользовались поддержкой внешних сил (США, СССР, Пакистана, Ирана). Они входили в более обширную – супранациональную сеть мировых джихадистов-террористов (включающую Среднюю Азию, Чечню, Афганистан, Кашмир, Восточный Туркестан). В то время как басмачество было одним из последних проявлений чисто внутренних мусульманских движений, испытывавших минимальное внешнее воздействие. Джихад и хиджрат Средней Азии 1920-х гг. явился скорее выражением консервативного

фундаментализма, традиционализма и религиозности, нежели политической идеологии, основанной на исламе.

Кардинальные вопросы, поднятые в ходе гражданских войн первой трети XX века имеют непреходящее значение для среднеазиатов. Это вопросы о власти, религии, нации, собственности и многие другие. Они все еще не решены окончательно. Современное среднеазиатское общество так и не определилось – за кого оно: за «белых» или за «красных», за басмачей или за Красную Армию, за джадидов или исламских ортодоксов? Как быть с идеей Туркестана как единого дома для всех среднеазиатов? Кем были Энвер Паша, Чокаев, Дутов, Анненков, Оспан Батыр, Ибрагимбек, Давлатмандбий, Нусратулла Максум, Фузайл Максум, Усман Ходжаев, Файзулла Ходжаев и Ма Джунин? Героями или преступниками? Имея ввиду недавнюю, вторую, гражданскую войну таджиков (1992-2000 гг.), уместно задать и такой вопрос: а закончилась ли та война или она все еще продолжается?

Настоящая книга так и не дала однозначные ответы на эти вопросы. Дебаты по ним будут продолжаться еще долго, и в этом нет ничего страшного. Автор основное внимание в настоящей книге уделил сбору и трактовке исторических фактов, так как уверен в том, что новые идеи, убеждения и идеалы должны быть основаны на максимально точном знании о прошлом. Для нас чрезвычайно важно знать, что именно было и чего точно не было. Тут без точных фактов не обойтись. Они необходимы для того, чтобы минимизировать - если не удастся избавиться совсем – заблуждения и противостоять намеренной фальсификации.

Государства Центральной Азии выросли из советского прошлого и большевизма. Советское наследие все еще удерживает свои позиции в сознании, поведении, культуре среднеазиатов. Автор уверен, что без осуждения и внятного отказа от коммунистической идеологии и политики, невозможно движение вперед. Конечно, трудно отделить «русское», от «советского» в истории Советского Союза. СССР был и коммунистической страной и субъектом, проводившим имперскую политику одновременно. Однако, было бы вопиющей несправедливостью возлагать вину за бесчисленные жертвы XX века исключительно на советскую власть и русских. Говоря о русской политике в Средней Азии последних 150 лет, конечно следует согласиться с тем, что она проводилась в интересах России. Одним из главных ее направлений было подавление стремления народов региона к достижению независимости. Войны, развязанные россиянами в Средней Азии превратили сотни тысяч жителей региона в беженцев и эмигрантов. Вместе с тем, народам современной Центральной Азии надо признать, что последствия русского господства были неоднозначными. Во-первых, русские большевики сделали то, что было не по плечу ни царизму, ни самим народам региона – они самым жестоким образом, но бесповоротно расправились с деспотическим монархическим правлени-

ем и засилием клерикалов в Хиве и Бухаре, расчистив тем самым путь для дальнейших прогрессивных преобразований, в том числе национально-государственного развития и модернизации. Они также удержали Туркестан и Бухару под своим контролем во время басмачества и авантюристской деятельности турецких офицеров и их сторонников из числа местных пантюркистов в 1921-1923 гг.; отразили все попытки аннексии бухарской (сегодня: туркменской, узбекской, таджикской) территории афганцами в 1919-1929 гг. Вплоть до конца Второй мировой войны большевики проводили наступательную политику в Западном Китае, поддерживая там китайское правление и отбивая всякую охоту японцев, турков и англичан даже думать о претензиях на среднеазиатские территории (в первую очередь на Синьцзянь). В годы войны героическая Советская Армия разбила войска вермахта перечеркнув надежды тех, кто хотел при помощи фашистов восстановить старые эмирские порядки и создать «Туркестанское ханство». В 1991 г. народы региона получили наконец полную независимость, не сделав для этого ни одного выстрела. За это, и за многое другое, русский народ и власть Советов, несомненно, заслужили благодарность независимых среднеазиатских государств. При этом, разумеется нельзя забывать о той высокой цене, которую пришлось заплатить народам Средней Азии за обеспечение благополучия Российской империи и поддержание ее статуса мировой державы. Не следует также забывать о том, что развал СССР был закономерен. Россия, принеся свою власть на штыках, была обречена на поражение в Центральной Азии по той простой причине, что нельзя заставить себя любить силой.

Кто же победил и кто проиграл в нашей истории? На наш взгляд, в жестоком противостоянии драматических 1920-1930-х гг. не было ни победителей, ни побежденных. За то, что произошло в те годы ответственные не только большевики, но все общество, включая тех, кто бежал и кто остался, кто пришел с оружием и кто оборонялся. Чтобы извлечь уроки истории, необходимо помнить об общем прошлом, не только отмечая достижения, но и не забывая о преступлениях. Понимание – первый шаг к примирению и покаянию.

Приложения

1

Выдержки из «Меморандума Министерству иностранных дел священного Государства Афганистан, признавшего независимость Бухары» (перевод с таджикского-фарси).

Кабул, 29 апреля 1922 г.

....Люди, входящие в бухарское правительство находятся под нажимом вторгшейся русской армии. Их жизни угрожает опасность. Подобно рабам, они соглашаются на любое требование русских. Из всего вышесказанного становится ясно, что бухарское правительство не является свободным и независимым. Даже экономически оно несвободно Целью продолжающейся национальной борьбы является вывод русских военных из бухарской земли и признание свободы и независимости Бухары российским правительством. Народ полон решимости бороться, пока не добьется своего. Для меня большая честь вручить настоящий меморандум Министерству иностранных дел божественного Государства Афганистан, признавшего независимость Бухары.

29 апреля 1922 г.

Осман Ходжа, Президент Бухары и Главнокомандующий сил, обороняющих независимость.

Timur Kocaogly “Osman Khoja (Kocaogly) Between Reform Movements and Revolutions” *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. ed. Timur Kocaogly Haarlem: SOTA, 2001. P. 43-44

2

Петиция, датированная 29 кауса 1341 г. (22 декабря 1922 г.) Мирзы Мухаммада Таги Бека, сына Джан Мирзы (ныне покойного), бывшего кушбеги (премьер министра) Бухары Генеральному Консулу Его Высочества, Мешхед (перевод с английского).

После комплиментов.

Поскольку Британское правительство является защитником различных наций, заступником всех слабых народов, дарующим независимость каждой стране, народ Бухары также надеется получить свою независимость и освободиться от власти вероотступников и России.

Положение, в которое попала Бухара в результате вторжения ее врагов и бегства эмира через Афганистан в направлении британской территории, хорошо известно. Его Высочество намеревался найти убежище в Великобритании, но различные препятствия возникли в Афганистане, которые помешали ему осуществить свои планы. Автор настоящей петиции также, в сопровождении семьи и родственников, покинул Бухару для того, чтобы найти

убежище в Великобритании. Его Высочество эмир и я надеемся на то, что с помощью правительства Британии, Бухара станет независимой.

Настоящим, я, в согласии с международными законами, официально представляю себя получившим убежище под сенью Британского флага.

Что касается будущего, я надеюсь получить помощь в освобождении моей страны. В настоящее же время, я прошу оказать помощь мне.

Я прошу Вас оказать мне любезность и отправить оригинал настоящей петиции и представить меня Кабинету министров Великобритании и министру иностранных дел в Лондоне. Я также прошу дать мне инструкции относительно Бухары, для того чтобы я был готов для дальнейших необходимых действий. Я готов служить вам всей своей жизнью

Обычное заключение

(печать) Мухаммад Таги Бек, Бей (генерал-майор),

Сын Муллы Джан Мирзы, Бея (генерал-майора), премьер-министра

L/P&S/10/950

3

Копия письма (перевод с английского)

Х. Х. Мирбадалев – Бэйли

31 декабря 1926 г. Пешавар.

Дорогой Господин Бэйли,

Я хотел бы встретиться, чтобы просить вашего совета по очень деликатному вопросу.

Некоторые влиятельные люди из Европы желают войти в контакт с бухарскими повстанцами, воюющими против большевиков. Их целью является довести восстание до высокой степени напряжения и, по мере возможности, снабдить восставших оружием и припасами. Все это будет делаться с согласия и одобрения эмира Бухары, проживающего в Кабуле. Мне известно, что некоторые англичане также заинтересованы в этом деле.

Поскольку я крайне враждебен большевизму и большевикам, я был рад сделать все что в моих силах, чтобы освободить мою страну от их ига. Однако, будучи беженцем нашедшим прибежище в Индии, я не хочу нарушать законы этой страны. По этой причине я бы хотел, прежде всего, услышать ваше мнение по этому поводу.

Я абсолютно убежден, что наша работа в этом направлении ни в коей мере не нанесет ущерба Британии или индийским поданным. Напротив, подрыв устоев большевистского ига в России приведет к умиротворению всех восточных наций.

Было бы излишним напоминать вам, что все это будет делаться в строжайшем секрете, имея в виду что моя семья, от которой я не получаю писем с 18 октября, находится в руках большевиков в качестве заложников.

Вы окажете мне величайшую услугу, если выскажитесь со всей откровенностью о моем участии в этой работе. Почти все лето я был болен

и оставался в Пешаваре. С октября я чувствую себя лучше.
С наилучшими пожеланиями
Искренне Ваш
IOR: L/PS/10/950

4

Ext. 2344/44 (перевод с английского)

Секретно

Британское посольство, Кабул

Выдержка из секретной сводки № 18.

Относительно недели, закончившейся пятого мая 1944 г.

Кабул

Кончина бывшего Эмира Бухары

Саид Алам Хан (W.W. 191), бывший эмир Бухары скончался в Кабуле 29 апреля. На его похороны присутствовали премьер-министр, министр двора, министр образования и другие высокопоставленные гражданские и военные чины. Король Захир Шах, министр двора и министр образования посетили мечеть Шах-и Душамшера и вознесли молитву за упокой души усопшего эмира. Как стало известно, премьер-министр пожертвовал 5 000 афганских рупий на похороны, а Король Захир Шах распорядился провести 40-дневные моления в честь скончавшегося бывшего эмира. Бывший эмир жил в Кабуле на протяжении последних 23 лет. Хотя последние годы он был нездоров и почти полностью слеп, он и его семья вызвали неустанный интерес панисламистских движений и обществ, а также немецких, японских и турецких агентов. Афганское правительство, стараясь угодить своим могущественным соседям, было очень осторожным и не одобряло неумелые попытки покойного эмира и членов его семьи вернуть трон. В 1932 г. оно даже направило свои войска на северо-восток Афганистана против басмачей, которые могли своими действиями вовлечь Афганистан в серьезное столкновение с Советским правительством. Вероятно, афганское правительство не станет сожалеть о кончине бывшего эмира. Но оно готово оказать уважение его памяти и воздать полагающиеся почести бывшему мусульманскому правителю, который был изгнан из своей страны и был вынужден проживать в Афганистане. Покойный бывший эмир получал пенсию от афганского правительства, но пока неизвестно будут ли его сыновья получать пенсию в том же размере.

IOR: L/PS/12/918

5

Секретно (перевод с английского)

Выдержка из секретной сводки № 35.

Относительно недели, закончившейся 1 сентября 1944 г.

Кабул

4. Семья покойного эмира Бухары

Отмечено, что афганское правительство одобрило следующее месячное содержание 50 членам семьи покойного бывшего эмира Бухары:

А. женатым сыновьям	290 афганских рупий каждому,
В. холостым сыновьям	240 афганских рупий каждому,
С. дочерям	140 афганских рупий каждой,
Д. вдовам	140 афганских рупий каждой,
Е. мачехам	140 афганских рупий каждой,
Ф. сестрам	140 афганских рупий каждой.

Всего будет выплачиваться ежемесячно 9300 афганских рупий.

IOR: L/PS/12/918

6

Выписка из протокола заседания коллегии ГРПУ (судебное) от 13 апреля 1932 года.

Слушали: Дело 723469 по обвинению граждан Ибрагимбека Чакабаева, Сулаймана Салахудинова (Ишан Судур) и других, всего 16 человек в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьях УК Уз ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР)

Постановили:

1. Ибрагимбек Чакабаева
2. Сулайман Салахудинова (Ишан Судура)
3. Абдукаюм Парваначи Улаева
4. Ишан Исахан Мансурханова
5. Алимардон Додхо Мухаммедова
6. Курартык Аширова
7. Куган Кенджаева
8. Тошмат Ходжабердыева
9. Мулланияз Парваначи Улаева
10. Алят Палван Эльмирзаева
11. Шахасан Иманкулиева
12. Куганбек Шералиева
13. Мулла Ахмадби Саидова
14. Мирза Каюм Черова
15. Азим Марка Астанакулова
16. Ишан Палвана Бахадур заде

Расстрелять. Дело сдать в архив
Секретарь коллегии ОГПУ
Гербовая печать

Архив комитета Государственной Безопасности Узбекистана. Уголовное дело номер 123469 по обвинению Ибрагимбека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного Кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР)

7

Марсия (элегия) Усмана Ходжаева на смерть Энвера Паши (представлена автором Тимуром Ходжаоглу):

Тарихи шаходати Анвар Пошо

Душ бархест яке гулгулаи гами азим,
Марду зан гирия кунан чаки гиребон дуним
Пас давидам ки шавам муттали аз кайфияти хол
Пираке дида дар андешаи махзун чу ятим
Гуфтаме пири хирадманд бигу ходиса чист?
Гуфт, ки Анвари диндор ба як вазъи халим,
Карда қурбонию машгули муборакбози
Баъд нагах биевард дар он чоми азим
Аз камин хамла баякбора хамон душмани дин,
Дар чавоб он шахи диндор кашид теги ясим.
Қушт чандон ки тани чанд аз он душманхо
Боки аз бим хамехост шавад зуд таслим.
Пастии толеи мо ин ки гузора тире,
Кард ба синаи он ашхаду биллохи-азим.
Дод чон аз сари ихлос тани қурбонаш,
Ашри Зулхиччаву пайваст боғуфрони рахим

Перевод:

Дата мученической кончины Энвер Паши

Вчера кружил в воздухе гомон и гул великой скорби,
Рыдали женщины и мужчины, рвущие на себе ворот платья.
И бросился тогда я, чтоб дознаться до истинной причины,
И встретил старца в печальных думах, словно сирота.
Спросил его: «Поведай мудрый старец, что стряслось?»
Ответил он: «Исполненный верой Энвер благочестивый,
Исполнив жертвоприношение готов был к поздравленьям
И в час тот он чашу великую как знак поклонения явил.
Но из засады вдруг враг бросился на него изо всех сил.
В ответ на дерзость эту благочестивый шах извлек свой меч,
Сразил он нескольких врагов желая честь сберечь.
И страха вовсе он не знал, сдаваться не желел.
И надо бы судьбе случиться так, что вражья стрела,
Невесть откуда пущенная в грудь его вошла.
Отдал он душу, исполненный великой верой,
В день Ашру Зухиджа и слился с милосердным богом.¹

¹ Ашру Зухиджа по арабски означает десятого дня двенадцатого месяца хиджры (примечание автора перевода Азима Аминова)

Хронология

- 1854 Сибирские казаки и русские крестьяне строят форт Верный (Алматы).
- 1862 Русские основывают форт Пишпек (Бишкек).
- 1867 Образование Семиреченской области Российской империи. Независимое Семиреченское казачье войско отделяется от Сибирского казачьего войска.
- 1860-е Китайские тюрки (уйгуры) и дунгане (всего 50 000) мигрируют в Русский Туркестан в результате подавления китайским генералом Цзо Цунтаном мусульманского восстания в Джунгарии.
- 1868 Бухарский эмират становится русским протекторатом.
- 1873 Хивинские ханство становится русским протекторатом.
- 1876 Россия покоряет Кокандское ханство. Царская администрация образовала Семиреченскую область с центром в г. Верный.
- 1865-1877 Правление Якуббека в Восточном Туркестане.
- 1872 Заключена Англо-русская конвенция об Аму Дарье как северной границе нейтрального Афганистана.
- 1874 Родился Александр Васильевич Колчак, будущий лидер «белой» азиатской России.
- 1881 Подписан русско-китайский договор в рамках Санкт-Петербургского мирного договора. Восстановлен китайский контроль над Илийским краем. Родился Энвер Паша, будущий генерал, военный министр Турции.
- 1885 Началось англо-русская демаркация Закаспия. Определена граница от каспийского побережья на восток до Аму Дарьи (Мерв, Пендинский оазис).
- 1878 Началась англо-афганская войны (закончилась в 1880).
- 1881 Произведена русско-персидская демаркация Средней Азии.
- 1881-1884 После возвращения Китаю Илийского края, до 100 000 таранчи и дунган переселяются в Семиреченскую область.
- 1889 В Кокташе родился Ибрагимбек, будущий лидер восточнобухарских басмачей.
- 1895 Произведено Памирское разграничение. Завершился англо-русский пограничный диспут в Средней Азии.
- 1905 Начало русско-японской войны и русской революции (закончились в 1907).

- 1907 Заключение англо-русской конвенции. Северная часть Персии на пересечении афганской и русской границ объявлена зоной русского влияния, в то время как прилегающая Афганистану юго-восточная часть Персии включена в британскую зону влияния.
- 1911 Падение Цинской династии и провозглашение Китайской республики.
- 1912 Начало правления дучюня Синьцзяня Ян Цзен-синя (до 1928).
- 1913 Русско-азиатский банк открыл свое отделение в Кашгаре.
- 1916 Среднюю Азию охватило национальное восстание. Киргизы и казахи бегут в Китай.
- 1917 «Шурои Исломия» и партия младобухарцев официально регистрируются (март). Образуется партия «Джамияти Уламо». Бухарцы организуют демонстрацию в поддержку реформ (апрель). Киргизские и казахские беженцы возвращаются из Китая в Семиречье (весна). Хивинский хан преследует младохивинцев. Образована партия «Алаш» (июль). Третий краевой съезд советов Туркестана провозглашает установление Советской власти. Четвертый чрезвычайный краевой мусульманский съезд в Коканде провозглашает национальную автономию (ноябрь). Генерал Дутов занял Оренбург, образовал антибольшевистский Юго-восточный союз и снабдил оружием Кокандское автономное правительство. Второй Всекиргизский (казахский) съезд в Оренбурге провозглашает алашскую автономию (декабрь).
- 1918 Восстание Джунайда Хана в Хиве (январь). С падением «Кокандской автономии» и появлением басмачества, начинается среднеазиатская эмиграция (февраль). Поход Колесова: войска большевистского Туркестана вторгаются в Бухару (март). Джунайд Хан убивает хивинского хана Саид Исфандияр Бахадура. Приход в власти Саид Абдулла Хана хивинского (до 1920). Формируется Бухарская коммунистическая партия (сентябрь). Сорок белогвардейских офицеров из Хорога бегут через Вахан в Британскую Индию и образуют первую русскую колонию в Читрале. Адмирал Колчак организует переворот и провозглашает себя Верховным главнокомандующим России (ноябрь)
- 1919 Начало правления эмира Амануллы в Афганистане (до 1929). Антисоветский мятеж в Ташкенте (февраль). Колчаковская миссия формирует отряды в Илийском крае (Китай) и Семиречье. Разгром основных войск адмирала

1920

Колчака в Сибири (апрель). Весь состав русского пограничного поста бежит в Индию. Восстание басмаческо-крестьянской армии в Фергане (сентябрь). Образование «Временного правительства Ферганы» в Иркештаме (сентябрь). Побежденные колчаковские армии отступают в Туркестан («Голодный поход»). Афганская миссия Мухаммад Акбархана добирается до штаба ферганского курбаши Мадамина (декабрь).

Представитель НКВД Гопнер начал переговоры с эмиром Бухары (январь). Адмирал Колчак арестован и расстрелян в Иркутске. Победа «народной революции» и установление Советской власти в Хиве. Миссия ферганских басмачей прибывает в Кабул и удостоивается аудиенции Амануллы Хана (февраль). Отряд генерала Бакича и примкнувшие к нему гражданские лица общим числом 55000 человек пересекают китайскую границу в районе Бахты и размещаются в Чугучаке и окрестностях. «Крестьянская армия» Монстрова складывает оружие и сдается Советской власти в Фергане (март). Провозглашение Хорезмской Народной Советской республики. Мадамин, лидер ферганских басмачей сдается (апрель). Джигиты Куршермата убивают Мадамина (май). Русские пограничники на Памире бегут в китайский Кашгар и индийский Читрал. Личный отряд Дутова с гражданскими лицами общим числом в 1600 человек переходит китайскую границу. Отряд Анненкова в 600 человек уходит в Китай. Илийское торговое соглашение предусматривает открытие консульств в Или и Русском Туркестане. Следом за прибытием «Персидской Армии» в порт Энзели, объявляется «Гилянская Советская республика» (июнь). Бывший эмир Хивы Саид Абдулла высылается в Россию (июль). Партия младобухарцев входит в Бухарскую коммунистическую партию. Энвер Паша прибывает из Германии в Кенигсберг, где его встречают большевики. Отряды Анненкова двинулись в центральный Китай (август). Правительство советского Хорезма и советские командиры устраивает массовую резню туркменских лидеров. В результате «революции», Саид Алим Хан бежит из столицы эмирата. В Бухаре устанавливается советская власть и провозглашается Народная Советская республика. В Баку проходит Первый съезд народов Востока с участием Энвера. По заданию советского правительства, Джемал Паша прибывает в Кабул (сентябрь). Саид Алим Хан обращается с письмом к Георгу V,

- 1921 королю Великобритании с просьбой помочь деньгами, вооружением и войсками. Казачьи войска барона Унгерна-Штерна входят в Монголию (октябрь). Красная Армия захватывает Душанбе. Группа Чанышева убивает атамана Дутова. Барон Унгерн захватывает Ургу. Подписывается Советско-Персидское соглашение (февраль). Саид Алим Хан бежит в Афганистан. В Монголии создается Временное народное правительство, которое обращается за помощью к РСФСР. Советская Россия заключает торговое соглашение с Англией и подписывает мирный договор с Турцией (март). В Восточной Бухаре вспыхивает восстание (басмачество) против Красной Армии и Бухарского правительства (апрель). Алим Хан прибывает в Кабул, место своего последнего пристанища. Подписывается Советско-германское соглашение. Объединенные красноармейские отряды из Туркестана и Сибири вторгаются на китайскую территорию в районе Чугучака для ликвидации Оренбургской армии. Подписывается советско-афганское мирное соглашение. Восточная Бухара окончательно завоевывается Красной Армией (май). Вайсов предлагает Рудзутаку советизировать Синьцзянь. Красная Армия и монгольские революционные войска захватывает Ургу (июль). Советское и афганское правительства ратифицируют договор о дружбе. В Кангурте (Восточная Бухара) Ага Ходжаев и Давлатмандбий заключают мирный договор (август). Начинается осада Душанбе отрядами повстанцев. В Новониколаевске большевики расстреливают барона Унгерна (сентябрь). Энвер Паша покидает Закавказье и отправляется в Бухару (октябрь). Энвер переходит на сторону басмачей (ноябрь) и арестовывается Ибрагимбеком. Усман Ходжаев и Али Риза пытаются совершить переворот в Душанбе (декабрь).
- 1922 Хашим Шаик назначается послом БНСР в Афганистане. Курбаши Восточной Бухары провозглашают Энвера главнокомандующим на съезде в Кокташе (январь). Советский гарнизон покидает Душанбе. Бухарская компартия входит в РКП (б). Политбюро ЦК РКП (б) в Москве пять раз рассматривает вопрос о ликвидации авантюры Энвера Паши (февраль-май). Бакич и его соратники подвергаются казни в Кяхте (февраль). Афганцы посылают Энверу несколько отрядов добровольцев (март). Отряды Энвера терпят поражение в Бойсуне и Кобадiane (апрель). Энвер посылает ультиматум Советскому правительству (май).

- Главком РСФСР С. С. Каменев прибывает в Бухару для руководства операцией против Энвера (июнь). Кабульские власти выводят отряды добровольцев из Восточной Бухары. Джемала Пашу убивают в Тифлисе (июль). Энвер Паша и Давлатмандбий погибают в схватке в Балджувоне (август).
- 1923 Хашим Шаик подает в отставку с поста посла БНСР и остается в Кабуле (январь). Красная Армия разбивает отряды Сами Паши в Гузаре. Лидер ТНО Ахмедзаки Валидов бежит через Туркмению и прибывает в Мешхед (март). Валидов отправляется в Турцию (апрель). Сами Паша бежит из Бухары в Афганистан, а затем в Персию (июль). Советская власть устанавливается в Дарвазе и Каратегине (август). Сунь Ят-сен посылает миссию во главе с Чан Кайши в Москву (сентябрь). Японцы эвакуируются из дальневосточного Приморья (октябрь). Сами Паша из Мешхеда отправляется в Турцию, поставив тем самым точку в своей «туркестанской кампании» (ноябрь).
- 1924 Джунайд Хан поднимает восстание против Советов в Хорезме (январь). Туркмены захватывают власть в северо-восточной Персии и провозглашают «Туркменскую республику». Китай и СССР устанавливают дипломатические отношения (май). В Средней Азии начинается национально-территориальное размежевание (декабрь).
- 1925 Красная Армия совместно с таджикским правительством проводят ударные кампании по ликвидации басмачества (до 1926). Начало восстания и миграции таджиков афганского Бадахшана в Таджикистан (март-1926). Красная Армия под руководством Семена Буденного проводит вторую ударную кампанию против басмачества Восточной Бухары (апрель-май). Канибадам объявлен таджикской культурной автономией в составе Узбекистана (апрель). Туркменское восстание в Иране подавляется (декабрь).
- 1926 Анненков и Денисов помещаются в тюрьму в Семипалатинске (январь). Ибрагимбек бежит в Афганистан (июнь). Национально-революционная армия Китая (НРА) под командованием Чан Кайши начинает Северный поход (июль-1927). Переселение эмигрантов из приграничной полосы вглубь Афганистана (осень).
- 1927 Генерала Анненкова расстреливают в Семипалатинске (август). Бухарские эмигранты Мукумбаев и Усман Ходжаев пытаются сделать официальные заявления в Лиге Наций в Женеве (сентябрь). ТНО вошло в лигу «Прометей»

- 1928 Джунайд Хан пересекает советско-иранскую границу и затем перебирается в афганский Герат (июнь). После убийства губернатора Ян Цзен-синя, пост губернатора Синьцзяня занимает Чин Шужень (июль). В Афганистане племя шинвари и таджики Кухдомана начинают восстание против Амануллы (сентябрь). В Нанкине образуется национальное правительство Гоминьдан во главе с Чан Кайши (октябрь).
- 1929 Боевики Куршермата, Хамракула и Фузайл Максума защищают дворец Амануллы от атак повстанцев Бачаи Сако. Англичане производят воздушную эвакуацию своих подданных из Афганистана. Аманулла отрекается от престола. Бачаи Сако-Хабибулла Второй провозглашается эмиром Афганистана (январь). Надир ставит вопрос о законности правительства Бачаи Сако. Ибрагимбек покидает Кабул и отправляется на север для поддержки сакоистов и охраны эмигрантов. Советский отряд Примакова-Набихана пересекает границу и захватывает Мазари Шариф. Фузайл Максум со своей группой вторгается в Советский Дарваз и Каратегин (апрель). Алим Хан публикует воззвание к народам Туркестана и Бухары в берлинской газете «Руль» и выпускает книгу воспоминаний в Париже. Советские органы пропаганды публикуют письмо-отречение, подписанное сыном Алим Хана – Шахмурадом в газете «Известия». Советское командование отводит свой отряд под командованием Примакова-Чархи из Афганистана в Термез (май). Узбеки Ибрагимбека разбивают отряды хазарейцев в Дехдади (август). Бачаи Сако бежит, Надир Хан вступает в Кабул (октябрь). Бачаи Сако казнит в Кабуле (ноябрь).
- 1930 Отряд Мелькумова вторгается в северный Афганистан. Алим Хан от имени Надир Шаха приказывает Ибрагимбеку вернуться в Кабул (июнь). Англия доставляет оружие и деньги Надир Шаху для подавления восстаний (октябрь). После смерти хана Кумула (Хаами) начинается восстание уйгуров Синьцзяня (декабрь)
- 1931 На помощь восставшим уйгурам Кумула прибывает из Ганьсу Ма Джуниин. Эмигранты оказывают сопротивление афганским войскам в Катаганской провинции. Ибрагимбек получает письмо от Ишана Халифы с предложением следовать в Иран (февраль). Эмигранты под руководством Ибрагимбека возвращаются в Таджикистан (март-апрель). Ибрагимбек взят под охрану отрядом самообороны и ГПУ

- и послан в Ташкент (июнь). Чин Шужень заключает договор с СССР в обход нанкинского правительства (октябрь).
- 1932 Восстают киргизы Нарына и переходят в Синьцзянь (март). В Ташкенте проходит следствие по делу Ибрагимбека и его 15 компаньонов (апрель), в результате которого все обвиняемые приговариваются к казни (август). Гулям Наби-хана убивают по приказу Надир Шаха (ноябрь).
- 1933 Русские отряды под командованием Паппенгута защищают Урумчи от атак восставших мусульман (февраль). В Синьцзянь входят с советской территории части Северо-восточной Добровольческой армии Су Пин-вена (март). В Урумчи происходит «Апрельская революция» в виде военного переворота, осуществленного русскими казаками под руководством Паппенгута. Чин Шужень бежит и место губернатора Синьцзяня занимает Шен Шикай. Восстают киргизы Османали близ Кашгара (апрель). Весь Кашгар переходит под контроль тюрков. Хотанцы, киргизы и кашгарцы захватывают Яркенд и избивают дунган (май). Дунгане захватывают Кашгар и убивают уйгурского лидера Тимура (август). Надир Шаха убивает приемный сын Гулям Наби-хана. В Кашгаре объявляется «Тюрко-исламская республика Восточный Туркестан» (ноябрь). «Алтайская добровольческая армия» вторгается в Китай для подавления мусульманского восстания (декабрь).
- 1934 Дунгане разбивают уйгуров Хаджи Нияза. Падение ТИРВТ (январь). «Алтайская добровольческая армия» возвращается в СССР (апрель). Генерал Ма Джуниин бежит в СССР (июль).
- 1935 СССР надежно закрывает свою границу с Афганистаном.
- 1937 По просьбе Урумчинского правительства, войска САВО разгромили восстание дунган на юге Синьцзяня (сентябрь – декабрь). Одновременно, в Ташкенте карательными советскими органами уничтожается большая группа уйгурских студентов из Синьцзяня.
- 1938 В Меймене (Афганистан) скончался Джунайид Хан. Мирбадалев скончался в Мешхеде.
- 1941 При помощи нацистской Германии мухаджиры готовят вторжение на Советскую территорию (июнь). Англия и СССР вводят свои войска в Иран (август). Правительство Афганистана и принимает решение о выдворении граждан Италии и Германии (кроме официальных лиц) (ноябрь). В Германии скончался Мустафа Чокаев (декабрь).
- 1942 В Легионово (Польша) создан учебный лагерь «Туркес-

- танского легиона». Вели Каюмхан возглавил созданный им профашистский «Милли Туркистан Бирлик Комитаси» (НКОТ) (февраль). В Берлине начал выходить журнал Туркестанского легиона «Милли Туркистан» (июнь).
- 1943 В Берлине начала выходить еженедельная газета Туркестанского легиона «Янги Туркистан» (март). В Афганистане проводятся аресты фашистских агентов - членов группы «Фаал» во главе с С. М. Тарази (апрель). С благословения Великого муфтия Иерусалима ал-Хусайни, в Травниках (Польша) образована Восточно-тюркская дивизия СС (декабрь) Ханом киргизов афганского Памира становится Рахманкул, сын Джапарбека.
- 1944 Кабульские власти проводят массовую депортацию эмигрантов, обвиненных в сотрудничестве с фашистской Германией (январь-февраль). В Кабуле скончался Саид Алим Хан (апрель). В северном Синьцзяне провозглашена Республика Восточный Туркестан (РВТ). Тоган арестовывается стамбульской полицией по подозрению в пантюркизме и туранизме (май).
- 1946 Рахманкул уводит своих киргизов в Китай. В Кабуле, с помощью Франции открывается университет.
- 1949 Объявлено, что делегация правительства РВТ погибла в авиационной катастрофе в районе Иркутска (август). Провозглашена Китайская Народная республика. В Урумчи вошли части Народно-освободительной армии Китая. Рахманкул возвращается на Малый Памир из Китая (октябрь).
- 1951 Бывший легионер казах Канатбай, при помощи Тогана создает «Комитет Тюркели».
- 1953 По разрешению турецкого правительства, проживавшие в Афганистане и Пакистане эмигранты тюркского происхождения, стали селиться в турецком городе Адана. Баймирза Хаит совершает поездку по арабским странам.
- 1956 Вели Каюмхан безуспешно пытается найти поддержку, в частности среди богатых шейхов Аравии.
- 1950-e Выходцы Средней Азии – жертвы коммунистического режима получили эмигрантскую квоту для проживания в США.
- 1954 В Кабуле скончался Хашим Шаик (родился в 1882). В Египте начал издаваться журнал «Азад Туркистан» (Свободный Туркистан).
- 1955 Упразднение независимости Синьцзяня и создание на его территории Синьцзянь-Уйгурского автономного района (СУАР) (сентябрь).

1965	В Турции скончался бывший хотанский эмир Мухаммад Амин Бугра
1968	В Стамбуле скончался Осман Ходжа (июль).
1970	В Стамбуле скончался Ахмедзаки Валидов (июль)
1970	В Адане (Турция) скончался Шермухаммад (Куршермат) (март)
1978	Свержение в Афганистане монархического режима М. Дауда и установление прокоммунистического режима (апрель). Откочевка киргизов Малого Памира в Пакистан (август).
1979	Группа киргизов под руководством Абдурашида возвращается из Пакистана на Малый Памир (октябрь). Ввод советских войск в Афганистан и начало советско-афганской войны (-1989)
1982	Турецкий президент во время визита в Пакистан предоставил возможность 4 500 беженцам тюркского происхождения переселиться в Турцию.
1980-е	Узбеки и таджики переселяются из Афганистана в Иран, Пакистан, Западную Европу и США
1984	Нурматбек, брат Куршермата скончался в Адане (январь). В Турции образовано «Туркистанлилар култур ве сиесат ердим дернеги» – «Общество культуры и социальной помощи Туркестана» во главе с Ахатом Андижаном.
1992-1997	Вторая гражданская война в Таджикистане уносит до 50 000 жизней.
1993	В Анкаре скончался Вали Каюмхан (август).
1992-1996	Более 80 000 таджиков, большинство из которых связано с таджикской оппозицией, бегут в северный Афганистан.
1996	Останки Энвера Паши вывозятся из Таджикистана в Турцию (август)
1996	Движение «Талибан» берет под свой контроль большую часть Афганистана включая Кабул
1997-2000	Таджикские беженцы при помощи ООН возвращаются из Афганистана на родину в Таджикистан
2001-2002	Международная коалиция и войска США проводят операцию «Несокрушимая свобода» против Талибан в Афганистане
2006	В Кельне (Германия) скончался Баймирза Хаит (октябрь). В США скончалась последняя жена Алим Хана

Использованная литература

Книги и статьи на английском языке

1. Abdullaev, Kamoludin. "Central Asian Emigres in Afghanistan: First Wave (1918-1932)", *Central Asia Monitor*, No.4, No.5, (1994) 28-32 and 16-27.
2. _____ "Warlordism and Development in Afghanistan", *Beyond Reconstruction in Afghanistan. Lessons from Development Experience*. Edited by John D. Montgomery and Dennis A. Rondinelli. New York: Palgrave Mcmillan, 2004.
3. Adamec, W. Ludwig. *Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Relations with the USSR, Germany, and Britain*. Tucson, Arisona: The University of Arisona Press.
4. Alimi Raad, Shurkia. *Grief: A Muslim Perspective*. Available at: www.hospicefoundation.org/hfaPublications/books/lwg1998/raad.pdf
5. Anderson, Benedict, *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Sprefd of Nationailsm*, London & New York: Verso, 1991.
6. Andican, Ahat. *Turkestan Struggle Abroad: From Jadidism to Independence*. SOTA Publications, 2007.
7. Bailey, Lt.-Frederic M, *Mission to Tashkent*. London, 1946.
8. Banuazizi, Ali and Myron Weiner. "Introduction," in *The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.
9. Bennigsen, Alexandre and Mary Broxup. *The Islamic Threat to the Soviet State*. London and Canberra: Croom Helm Ltd.
10. Bennigsen, Alexandre and S. Enders Wimbush, *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
11. Benson, Linda and Ingvar Svanberg. "The Russians in Xinjiang: From Immigrant to National Minority" *Central Asian Survey* 8, no.2 (1989).97-129.
12. _____ *China's Last Nomads. The History and Culture of China's Kazaks*. M. E. Sharpe.
13. Black Cyril E., Louis Dupree, Elizabeth Endicott-West, C. Daniel Matuszewski, Eden Naby, and Arthur N.Waldron. *The Modernization of Inner Asia*. New-York - London: An East Gate Book M. E. Sharpe, Inc., 1991.
14. Boyko, Vladimir. «The Ibrahim Bek Movement in the Context of the Afghan Civil War of 1929-31» Available at: http://www.bspu.secna.ru/Faculty/History/orient/eng/research/Ibrahim_Bek.html
15. Burke, Justin. "Ethnic Kyrgyz in Turkey want to return in Afghanistan".

- Available at: <http://www.eurasianet.org/resource/kyrgyzstan/hypermil/200110/0023.html>
16. Buttino, Marco "Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917-1920" *Central Asian Survey* 9, no.4, (1990).
 17. Caroe, Olaf. *Soviet Empire, the Turks of Central Asia and Stalinism*. London, 1953.
 18. Carr, Edward Hallett. *What Is History?* New York: Vintage Books, 1961.
 19. Hostler, Charles Warren. *The Turks of Central Asia*. Westport, Connecticut-London: Praeger.
 20. Castagne, Joseph *Les Basmachis*, Paris, 1925.
 21. Chokaev, Mustafa. "Fifteen years of Bolshevik Rule in Turkestan" *Journal of Royal Central Asia Society*. Vol. 20, 1933.
 22. _____ "The Basmachi Movement in Turkestan", *Asiatic Review*/ Vol. 24, 1928.
 23. Churchill, Rogers Platt. *The Anglo-Russian convention of 1907*. Cedar Rapids, Iowa: The Tournch Press, 1939.
 24. Clark, William and Ablet Kamalov. "Uighur Migration Across Central Asian Frontiers", *Central Asian Survey* (June, 2004) 23(2).
 25. Clubb, Edmund. *20th Century China*. New York & London: Columbia University Press.
 26. Denkee, Debra. "The Last Migration of the Kirgiz of Afghanistan", *Central Asian Survey*. Vol 2, #1, 1983.
 27. Dickens, Mark. «The Soviets in Xinjiang 1911-1949» Available at: <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm>
 28. Dupree, Louis. "Myth and Reality in Afghan "Neutralism", *Central Asian Survey* 7, no.2/3 (1988).
 29. Eickelman, Dale F. and James Piscatori, eds. *Muslim Travellers: Pilgrimage, Migration, and the Religious Imagination*, ed. Berkley - Los-Angeles: University of California Press, 1990.
 30. Eickelman, Dale F. *The Middle East and Central Asia: an anthropological approach*, New Jersey: Prentice Hall, 2002.
 31. Eisener, Reinhard. "Bemerkungen zum Exildasein des letzten Emirs von Buchara in Afghanistan", *Forschungsforum Berichte aus der Otto-Friedrich-Universitat Bamberg*, 2 (1990).
 32. Etherton, P. F. "In Russian Turkestan Under the Bolsheviks", *Journal of the Royal Central Asian Society* 8, pt.1 (1921).
 33. _____ *In the Heart of Asia*. London, 1925.
 34. Fernandes, Desmond and Iskender Ozdan. "United States and NATO Inspired 'Psychological Warfare Operations' Against the 'Kurdish Communist Threat' in Turkey: Part One". *Variant* #12, spring 2001 Available at: <http://www.ndirect.co.uk/~variant/>
 35. Fletcher, Arnold. *Afghanistan. Highway of Conquest*, Westport, Connecticut: Greenwood Press Publishers, 1965.

36. Forbes, Andrew D.W. *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political history of Republican Sinkiang 1911-1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
37. Fraser, Glenda. "Basmachi-I", *Central Asian Survey*, Vol.6, no.1, 1987.
38. _____ "Enver Pasha's Bid for Turkestan, 1920-1922", *Canadian Journal of History/ Annales Canadiennes d'Historie*. 22 (August 1988).
39. _____ "Alim Khan and the Fall of the Bokharan Emirate in 1920, *Central Asian Survey*, Vol7, no.4, 1988.
40. _____ "Basmachi-II", *Central Asian Survey*, Vol 6, no.2, 1987
41. _____ "Enver Pasha's Bid for Turkestan, 1920-1922 *Canadian Journal of History/Annales Canadiennes d'Historie* , XXII (Aug.1988).
42. _____ "Haji Sami and the Turkestan Federation, 192-1923," *Asia Affairs* 18, no.1 (Feb.1987): 11-21.
43. Glasse, Cyril. *The Concise Encyclopedia of Islam*. Harper San-Francisco, 1999.
44. Giustozzi, Antonio. "The ethnicisation of an Afghan faction: Junbesh-i Milli from its origins to the Presidential elections (2004)" *Crisis States Research Centre, Working Paper no.67*. September 2005.
45. Hasiotis, Arthur C. Jr. *Soviet Political, Economic, and Military Involvement in Sinkiang from 1928 to 1949*. New York & London: Garland Publishing, Inc. 1987.
46. Hedin, Sven. *The Flight of "Big House" The Trail of War in Central Asia*. New York" E. P. Dutton and Co., Inc, 1936.
47. Henze, Poul. "The Great Game in Kashgaria: British and Russian missions to Yakub beg", *Central Asian Survey* 8, no.2 (1989).
48. Hopkirk, Peter. *Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia*. London: Oxford, 1986.
49. Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
50. Jarring, Gunnar. "The New Afghanistan" in *Svenska Orientsallskapets Arsbok*. Stockholm: Borkforlags Aktieboleget Thule, 1937.
51. Katak, Sobab K. *Through Amanulla's Afghanistan*. Karachi: Sind Observer, 1929.
52. Khalid, Adeeb. *The Politics of Muslim Reform. Jadidism in Central Asia*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1998.
53. Kocaogly, Timur (ed.) *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. Haarlem: SOTA, 2001.
54. _____ "Turkistan Abroad: The Political Migration From the Soviet & Chinese Central Asia (1918-1997), Hisao Komatsu, Obiya Chika, John Schoeberlein eds. *Migration in Central Asia: Its History and Current Problems (JSAS Symposium Series: 9*. Osaka: Japan Center for Area Studies, 2000. 113-126.
55. Kunitz, Joshua. *Dawn Over Samarkand. The Rebirth of Central Asia*.

-
- New York: New York: Covici, Friede, 1935.
56. Landau, Jacob M. *Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press: 1995.
 57. Lee, Martin A. "On the Trail of Turkey's Terrorist Grey Wolves", *The Consortium* Available at: <http://www.consortiumnews.com/archive/story33.html>.
 58. Lias, Godfrey. *Kazak Exodus*, London: Evans Brothers Ltd.
 59. Macmunn, George, *Afghanistan from Darius to Amanullah*, London: G. Bell & Sons LTD, 1929.
 60. Malleson, Sir Wilfred. "The British Military Mission to Turkestan, 1918-1920," *Journal of the Royal Central Asian Society*. Vol. 9, pt.2 (1922).
 61. Marwat, Fasal-ur-Rahim Khan. *The Basmachi Movement in Central Asia A Study in Political Development*. Peshawar: Emjay Books International, 1985.
 62. Yamauchi, Masayuki. *The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasha in Soviet Russia 1919-1922*, Tokyo University of Foreign Studies, 1991.
 63. Naby, Eden and Magnus, Ralph H. *Afghanistan. Mullah, Marx, and Mujahid*. Colorado & Oxford: Westview Press, 2002.
 64. Naby, Eden. "The Uzbeks in Afghanistan", *Central Asia Survey* 3, no.1 (1984): 1-23,
 65. _____ "Ethnicity and Islam in Central Asia," *Central Asia Survey*. Vol. 12, no.2, 1993.
 66. Rich, Paul B.. "The Emergence and Significance of Warlordism in International Politics", Paul Rich (ed.) *Warlordism in International Politics*. New York: Macmillan Press LTD, 1999
 67. Raja Ehsan Aziz. "Pakistan's Relation with Afghanistan" *Central Asian Survey*, 7, no.2-3 (1988).
 68. Rorlich, Azade – Ayse. "Fellow Travellers: Enver Pasha and the Bolshevik Government 1918-1920," *Asian Affairs* 13, no.3 (October 1982).
 69. Roy, Oliver. "Ethnic Identity and Political Expression in Northern Afghanistan" Jo-Ann Gross (ed.). *Muslims in Central Asia. Expression of Identity and Change*, Durham & London: Duke University, 1992.
 70. _____ *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
 71. Senzil K. Navid. *Religious Response to Social Change in Afghanistan 1919-1929; King Aman-Allah and the Afghan Ulama*. Costa Mesa California: Mazda Publishers, 1999.
 72. Shahrani, M. N. "Resisting The Taliban And Talibanism in Afghanistan: Legacies Of A Century of Internal Colonialism And Cold War Politics in a Buffer State" Perceptions. *Journal of International Affairs* December 2000-February 2001 Volume V - Number 4. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/grupa/percept/V-4/shahrani.10.htm>
 73. _____ "The Kirghiz Odyssey", *Odyssey. The Human Adventure*.
-

74. _____ “The Kirghiz, Now of Pakistan” <http://www.indiana.edu/~afghan/>
75. _____ *The Kirghiz and Wakhi of Afghanistan*, Seattle: University of Washington Press, 1979.
76. _____ “Central Asia and the Challenge of the Soviet Legacy”, *Central Asia Survey*. Vol. 12, no.2 (1993),
77. Shahrani, M.N. Canfield, Robert L. ed. *Revolution and Rebellions in Afghanistan. Anthropological Perspectives*. Berkley: University of California.
78. Shalinsky, Audrey. *Long Years of Exile: Central Asian Refugees in Afghanistan and Pakistan*, Lanham: University Press of America, 1994.
79. Sharipzhan, Merhat. “Kazakhs of Eastern Turkestan in Threshold of 21 century”, *BITIG Journal of the Turkish World* 12 (January 1997).
80. Shir Mohammad, “An example of Turkestan National Movement,” *The Voice of Turkestan*, no.3 (winter 1957).
81. Sivan, Emmanuel. *Radical Islam. Medieval Theology and Modern Politics*, New Haven and London: Yale University Press, 1990.
82. Skrine, C. P. *Chinese Central Asia*. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 1926.
83. Smith, W. C. *Islam in Modern History*, Princeton University Press, 1957.
84. Stewart, Rhea Talley. *Fire in Afghanistan 1914-1929. Fight, Hope and the British Empire*. New-York: Doubleday & Company, INC, 1973.
85. *The CIA and the Gray Wolves* http://www.xs4all.nl/~afa/alert/2_7_henze.html
86. Tod, J. K. “The Malleson Mission to Transcaspia in 1918”, *Royal Central Asian Journal* 27, part 2 (1940).
87. Tyler, Christian. *Wild West China: The Taming of Xinjiang*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2004.
88. Bhatia, Vinod. *Jawaharlal Nehru and the Making of Indo-Soviet Relations, 1917-1947* (Moscow: Mysl, 1989).
89. Volodarskiy, V. “First Steps in Soviet Diplomacy Towards Afghanistan, 1917-1921”, in Ro’I, Yaacov (ed.) *The USSR and the Muslim World*, London: George Alien and UNWIN, 1981.
90. *Waffen-SS im Einsatz Hitler’s Soviet Muslim Legions* <http://stosstruppen39-45.tripod.com/id10.html>
91. Warikoo, K.” Cockpit of Central Asia: Afghanistan Factor in Tajikistan’s Crisis”. Available at: <http://www.kashmir-information.com/Afghanistan/Warikoo.html>
92. _____ “Central Asia and Kashmir. A study of Political and Cultural Contact during 19-th and early 20-th centuries,” *Central Asian Survey* 7, no. 1 (1988).
93. Waugh, Daniel C.. “Eherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game” *Bactrian Press* Seattle 2007 <http://>

- faculty.washington.edu/dwaugh/ethertonatkashgar2007.pdf
94. Wu, Aithchen, K. *Turkistan Tumult*. Hong Kong: Oxford University Press, 1984.
 95. Yang, Richard. "Sinkiang Under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin", *Central Asiatic Journal* 6, no.4 (December 1961).
 96. Zenkovsky, Serge A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
 97. Zolberg, Aristide R., Suhrke, Aguayo, Astri Sergio. *Escape From Violence. Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World*, New York - Oxford: Oxford University Press.

Литература на русском языке

1. Абдуллаев К. Н. «Ма Джунин – «Большой Конь» и белые армии м восставшем Синьцзяне. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5513> <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5529&PHPSESSID=d238ddee2ff345a5c936f1b328f7edf>
2. _____ Балджувон: Смерть «летучего голландца Востока» <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5271>
3. _____ “Последний мангыт” <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5256>
4. _____ «Наполеон из Локая». Часть I <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5319>
5. _____ «Наполеон из Локая». Часть II <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5384>
6. _____ ”Бухарская послереволюционная эмиграция (к историографии проблемы)”. *Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: Теория, проблемы и перспективы изучения*. Ташкент: Фан, 1991.
7. _____ *Оружием печатного слова*. Душанбе: Дониш, 1989.
8. Абулхаев Р.А. *Упрочение Советской власти в районах верховьев Зерафшана*. Душанбе: Дониш, 1972.
9. Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. *История Казахстана и Центральной Азии*. Алматы: Дайк пресс, 2001.
10. Агабеков Г. *ГПУ. Записки чекиста*. Берлин, 1930.
11. Агабеков Г. *ЧК за работой*. Москва: Книга, милосердие, просвещение, 1992.
12. Айзенер, Р. *Некоторые предварительные заметки о проживании эмира бухарского в эмиграции в Афганистане*. Рукопись.
13. Александр Князев «Смутные времена на «Крыше Мира». Вернутся ли афганские киргизы на историческую родину?» *Независимая газета*, № 229 (2291). 2000, 2 декабря. <http://ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a023.htm>.

14. Аптекарь П. «Неизвестная советская республика» <http://www.rkka.ru/ibibl1.htm>
15. Арунова М.Р., Шумилова О.М. *Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном*. М., 1994.
16. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1928*. - М.:Терра - Terra, 1990. Т.1.
17. Афанасьев-Казанский А. Экономическое положение Западного Китая/ *Новый Восток*, 1923, № 3.
18. Бабаханов М. *История таджиков мира*. Душанбе: Эчод, 2005
19. Барон А. Будберг. «Дневник». Гуль Р.Б. *Ледяной поход*. - М.: Молодая Гвардия, 1990.
20. Беннигсен, А. *Мусульмане в СССР*. Париж: УМКА-PRESS, 1983.
21. Бойко В. С. «Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности» *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 2, Бишкек, 2006.
22. Бойко В. С. «Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности» *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 2, Бишкек, 2006.
23. Бойко В. С. «Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е гг.): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики». *Афганистан и безопасность Центральной Азии*, выпуск 1, Бишкек, 2004, СС. 57-88.
24. Бордюгов Г., Бухараев В. *Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи*. Москва: АИРО-XX, 1999.
25. Борисенок Ю. «Заки Валидов. степной волк, отец русского федерализма» <http://www.profile.ru/forum/forum.php?item=2067#msg>
26. Бурхан уд Дин-хан-и Кушкеки. *Каттаган и Бадахшан*. Ташкент, 1926.
27. Валишев А.Н. *Чекистские были*. Душанбе: Ирфон, 1988.
28. Василевский. Фазы басмаческого движения//*Новый Восток*, Научная Ассоциация востоковедения Союза ССР. 1930, №19.
29. Владимиров Б. «Предисловие». *Скрин А. Китайский Туркестан*. 1930.
30. Володарский М. И. *Советы и их южные соседи Иран и Афганистан*. Лондон, 1985.
31. *Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы*. Алма-Ата, 1947.
32. Г. Хусаинов. А.-З.Валиди Тоган // *Ватандаш*, N 11, 2000. – Уфа, http://www.rbt1.ru/vatandash_www/11_00/131.htm (2005)
33. Гадельшин Г. В. *Путь туркменских кочевников к социализму*. Ашхабад: Туркменистан, 1987.
34. Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии // *Коммунистическая мысль. Записки САКУ*, Ташкент, 1926, кн.1.
35. Ганин А.В. Александр Ильич Дутов // *Вопросы истории*. 2005. № 9.

36. Ганин А.В. *Черногорец на русской службе: генерал Бакич*. Москва: Русский путь, 2004.
37. Германов В. «Файзулла Ходжаев: силуэт историка» *Центральная Азия и Кавказ*, № 10, 1997, http://www.ca-c.org/journal/10-1997/st_04_germanov.shtml
38. Гинцбург С. Басмачество в Фергане//Новый Восток, № 10-11, 1925.
39. Голотик С. И., Зимина В. Д., С. В. Карпенко, «Российская эмиграция 1920—30-х гг.», *История России XX век*. Москва: 2002.
40. Горинов М.М., Дощенко Е.Н. “30-е годы”. *История Отечества. Люди идеи, решения*. Москва: Политиздат, 1991.
41. *Гражданская война в Китае 1924-1928. Красный командарм Блюхер против русского генерала Нечаева*. <http://www.anticom.ru/comin3.html>
42. *Гражданская война в СССР*. В двух томах, М.: Воениздат, 1986.
43. Гуань Ю.П. «Штрихи к политическому портрету Шэн Шицая» <http://www.analitika.org/article.php?story=20060331212447618&mode=print>
44. Гуламов К. *Крах атаманов*. Ташкент, 1970.
45. Гуль Р. Б. *Ледяной поход*. М.: Молодая гвардия, 1990.
46. Демидов С. «Туркменские овляды и пророк Мухаммед» <http://erkin.net/chronicle2/news303.html>
47. Демидов С. М. Суфизм в Туркменистане. Ашхабад: Илым, 1978.
48. Джамгерчинов Б. Д. *Присоединение Киргизии к России*. М., 1959.
49. Джумаев А. Абдурауф Фитрат и его современники на музыкальном «фронте» Узбекистана (20-30-е годы) // *Центральная Азия и Кавказ*, № 7, 1997, http://www.ca-c.org/journal/07-1997/st_21_gumaev.shtml (2005)
50. Ди-Мур. «Гражданская война в Таджикистане». Таджикистан-Ташкент, 1925.
51. Дониш, Ахмад. *История Мангитской Династии. Трактат*. Душанбе: Дониш, 1967.
52. Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак// Вопросы истории. 1991. №1.
53. Дубовицкий В.В «Памир в системах региональной безопасности Среднего Востока (середина XIX- нач. XXI вв.)» <http://pyanj.freenet.tj/pamir-v-sisteme.htm>
54. *Дутов А.И. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография. Выборки из печати, статьи и проч., относящиеся к деятельности Войскового атамана*. Б/д, б/м.
55. Жигалина О.И. *Великобритания на Среднем Востоке XIX-нач. XX в. Анализ внешнеполитических концепций*. М., 1990.
56. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. *Басмачество: возникновение, сущность, крах*. Москва: Наука, 1981.
57. Иркаев М. *История гражданской войны в Таджикистане*. Душан-

- бе, 1963.
58. Иркаев М.И. Разгром последней басмаческой авантюры в Таджикистане в 1931 году//Ученые записки Таджикского Государственного Университета. Т.2. Серия гуманитарных наук. Сталинабад, 1954.
59. *История Бухарской и Хорезмской народных советских республик*. М., 1971.
60. *История создания корпорации «Зингер». Биография Исаака Меррита Зингера*. <http://www.uuss.ru/statyi1.1.2.htm>
61. Исхаков С. М. *Из истории Российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и м. Чокаева (1924-1932 гг.)*. Москва: АН.1999.
62. Какурин Н. Е. *Боевые операции в Бухаре (1922).-Гражданская война, материалы по истории Красной Армии*. ВИК, М., 1924, т. 3.
63. Камский. *Русские белогвардейцы в Китае*. М.: Красная новь, 1923.
64. Кармышева Б.Х. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)*. М.: Наука, 1976.
65. Картунова А.И. *В.К. Блюхер в Китае*. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1979.
66. Комисарова Е. Русские эмигранты в Синьцзяне// Алтайская правда N 274 - 276 (24265-24267), 23 сентября 2005 г. <http://www.gorno-altaisk.ru/archive/2005/40/009.htm>
67. Костиков В.В. *Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции)*. М.: Международные отношения. 1990.
68. Кузнец Ю. Л. *«Мародеры» выходят из игры*. Москва: Интерпракс, 1992.
69. Логашова Б-Р. *Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование)* М.: Наука, 1976.
70. Логофет Д. Н. *На границах Средней Азии. Путевые заметки. В 3-х книгах. Книга III. Бухарско-афганская граница*. Санкт-Петербург, 1909.
71. Логофет Д. Н. *Страна бесправия*. Санкт-Петербург, 1908.
72. Майский И. *Внешняя политика РСФСР. 1917-1922*. М.: Красная Новь, 1927.
73. Макашов А.В. *Партийная организация Таджикистана в 1924-1925 годах*.- Душанбе: Таджикгосиздат, 1964.
74. Масов Р. *Таджики: вытеснение и ассимиляция*, Душанбе, 2003.
75. Мендикулова Г. М. *Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие*. Алматы: Гылым, 1997.
76. Мендикулова Г. М. *Казахская диаспора: история и современность*. Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2006.
77. Михаил Чванов «...Всего мира надежда и утешение»Бельские Просторы», 2003 http://www.hrono.ru/text/2003/chvan09_03.html
78. Молостова Е. В.. «Вайсов божий полк». *Мир ислама*. Под ред. В.

- Баргольда. Том 1, №1. С-Петербург. 1912.
79. Мумин Ходжаев. Таджикистан в борьбе за хлопковую независимость Союза/Революция и национальность, 1931, N 5.
80. Назаров Х. *Социальные движения 20-х годов XX в. в Афганистане*. Душанбе: Дониш, 1989.
81. Насриддин Назаров. *Мухаммад Иброхимбек Лакай*. Document de travail de l'IFEAC. Серия «Рабочие документы ИФЕАК» Выпуск 20 (июнь 2006). Ташкент, 2006.
82. Никулин. Афганистан и Ангора//Новый Восток. 1920. №2. С.39; *Информационный бюллетень бюро печати при полномочном представительстве РСФСР в Турции*. Ангора. 1922. № 14.
83. Носков К. *Авантюра или черный для русских белых в Монголии 1921 год*. Харбин, 1930.
84. Оришев А. Б. *Политика фашистской Германии в Афганистане накануне и в годы второй мировой войны (1933-1943 гг.)* Автореферат канд. ист. Наук. Воронеж-1998 <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref106.htm>
85. Отунчу, Ники. «Афганские киргизы Некоторые исторические сведения о киргизах Афганского Бадахшана» <http://elbilge.host.net.kg/red/afgp.html>
86. *Отчет Императорского российского консульства в Каишгарии. На правах рукописи*.
87. Павловский П. И. *Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске. 25.VII-12/VIII 1927*. М-Л.: Госиздат. 1928.
88. *I съезд народов Востока: Баку 1-8 сентября 1920. Стенографический отчет*. Издание Комитета интернациональной пропаганды.- Петроград, 1920.
89. Петров В. И. *Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания*. М: Крафт+, 2003.
90. Покровский С. Н. *Победа Советской власти в Семиречье*. Алма-Ата: издательство Академии Наук, 1961.
91. Польшковский М. *Конец Мадамин-бека*. Ташкент: Издательство Гафура Гуляма, 1984.
92. Поставщик Двора Его Императорского Величества <http://www.business.ua/i541/a17683>
93. Пронин А.В. «Советский Лоуренс» в Афганистане». http://nvo.ng.ru/printed/history/2000-04-07/5_afghan50ago.html
94. Пылев А. И. *Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века)*. Бишкек, 2006.
95. Радек С . О своем отце и о себе//Огонек,1988, №.52.
96. Рейснер Л. *Афганистан*. М-Л: Госиздат, 1925.
97. *Репрессия. 1937-1938 годы. Документы и материалы*. Выпуск 1. Ташкент: Шарк, 2005.

98. Романько О. В. *Мусульманские легионы во Второй мировой войне*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. Книга на сайте: http://militera.lib.ru/research/romanko_ov/index.html
99. Рутыч Н. *КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии 1917-1957*. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960.
100. Садыкова, Бахыт. «Мустафа Чокай. Биографическое исследование», «Мустафа Чокай в эмиграции», «Последние записи Мустафы Чокая» www.dn.kz
101. Садыкова, Бахыт. *История Туркестанского легиона в документах* http://www.continent.kz/library/turkestan_legions/Content.htm
102. Саидов С. «Соединяющий сердца...» *Asia-Plus*, №49 (359). 2006, 7 декабря.
103. Сафаров Г. *Колониальная революция (опыт Туркестана)* М.: Госиздат, 1921.
104. Сахаров А. *Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии*. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Петроград, 1915.
105. Севастьянов И.А. *Керкинский округ. ч. 1 Политико-экономический обзор, январь 1925*. Полторацк: Изд. ревкома Туркменской ССР, 1925.
106. Серебрянников И. И. *Великий отход. Разсеяние по Азии белых армий 1919-1923*: Харбин: Издательство Зайцева, 1936.
107. Скрин, А. *Китайский Туркестан*, Москва-Ленинград: Молодая гвардия, 1930.
108. Снесарев А. Е. *Восточная Бухара. Военно-географический очерк*. С-Петербург: Военная типография, 1906.
109. Снесарев А.Е. *Афганистан*. – М.: «Русская панорама», 2002. – 272 с. – (Возвращенное наследие: памятники военной мысли). Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>
110. Соколов-Страхов К.И. *Гражданская война в Афганистане 1928-1929 г.* М.: Госиздат, 1931.
111. Сушанло М. *Дунгане (историко-этнографический очерк)* Фрунзе: Илим, 1971.
112. Тарик Али. «Горький холод зимы в Кашмире» http://if.russ.ru/issue/11/20021224_ali.html#1b
113. Тачмырат М. *Воспоминания* <http://turkmeny.h1.ru/memuar/m2.html>
114. «Та'рих-и Кашгар». *Восточная литература* <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Kasgar/text2.phtml?id=1463>
115. Тихонов Ю. «Михаил Алахвердов резидент советской разведки в Афганистане в годы Великой Отечественной войны». <http://www.whoiswho.ru/russian/Password/journals/31999/allahverdov.htm>
116. Троицкий Л. *Сталинская школа фальсификаций*. М.: Наука, 1990.

117. Туманович О. *Туркменистан и туркмены (Материалы к изучению истории и этнографии)*. Асхабад-Полторацк: Туркменгосиздат. 1926.
118. *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. Ташкент: Шарк, 2000.
119. *Уроки и выводы национально-освободительного движения 1944-1949 годов (в сравнительном плане прошедших событий с сегодняшними)* ИТТИПАК-Единство, № 5 (12), октябрь 1995 г. http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_pr10.htm
120. Файз Мухаммад. *Книга упоминаний о мятеже*. М.: Наука, 1988.
121. Хопкирк П. *Большая Игра против России: Азиатский синдром*: Рипол Классик; М.; 2004. Книга помещена на сайте А Князева. См.: <http://www.knyazev.org/biblio.shtml>
122. Халфин Н.А. *Заря свободы над Кабулом*. М.: Наука, 1985. С.21.
123. Хасанов М.К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки». В кн.: *Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения*. Ташкент: Фан, 1991.
124. Хидоятов Г. А. «Сто лет борьбы народов Центральной Азии за свободу и независимость». Независимость и история: новые подходы к изучению истории Узбекистана. Ташкентский университет, 1997.
125. Ходжаев Файзулла. «К истории революции в Бухаре и национально-го размежевания в Средней Азии» *Избранные труды в трех томах*. (Ред. колл. А.А.Агзамходжаев и др.). Т.1. Ташкент: ФАН, 1970
126. Ходжаев Файзулла. *Избранные труды*. Т.1. Ташкент, 1970.
127. Чакай-оглы М. *Туркестан под властью Советов*. Париж: Яш Туркестан, 1935.
128. Шах-Махмуд Ибн Мирза Фазил Чурас. *Хроника. Восточная литература* <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Curas/framepred1.htm>
129. Шкаренков Л.К. *Агония белой эмиграции*. М.: Мысль, 1986.
130. Юсупов Ш. *Вахшская долина накануне установления Советской власти*. Душанбе, 1975.
131. Ярматов Камиль. *Возвращение. Книга воспоминаний*. Москва: Искусство, 1980.

Литература на таджикско-персидском и тюркских языках

1. Абдуллоев К. Н. “Саргузашти мухочирони Бухоро дар Афғонистон (солҳои 1920-1931)” *Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Силсилаи шаркиносои, таърих, филология* №.3, 1992.
2. Абулхаев Р. *Таърихи мухочиркуни дар Тоҷикистон (1924-1941)*. Душанбе, Ирфон, 2003.
3. Айни Садриддин. *Таърихи инқилоби Бухоро*. Душанбе: Адиб, 1987.
4. Амир Олимхон. *Хотираҳои Амир Олимхон. Таърихи хузи ал-милали Бухоро*. - Техрон: Маркази мутобилаоти Ирон.

5. Балджувони, Мухаммад али ибн Мухаммад Саид. *Таърих-и нофеъ-и*. Душанбе: Ирфон, 1994.
6. Губор, Мир Гулом Мухаммад. *Афгонистон дар масир-и таърих*. Кобул, 1967.
7. Каххори Абдуджаббор. *Аджаб Дунее*. Душанбе: Адиб, 2003.
8. Саидов С. «Роҳе аз Бухоро то Кобул». *Садои Мардум*, 21 август 2002 г.
9. Саидов С. Хошим Шоик аз Бухоро рафта буд//*Овози тоҷик*, 16 январи 1992.
10. Саидов С. «Хошим Шоик аз Бухоро буд». *Адабиет ва Санъат*, №3, 16 январи 1992.
11. Саъди С. *Мухтасари таърихи сиёсии тоҷикони Афғонистон*. Душанбе: Оли Сомон.
12. Tekin Eger. *Enver Pasha'nin Turkistan Kurtulus Savasi*. Istanbul, 1971.
13. Турдиев Шерали. *Улар Германияда укиган эдилар...* Тошкент: Фан, 1991.
14. Фазл ал Рахим хан Морват. Мутарджим: Абдулджабор Собит. *Дар муқобили коммунизми рус*. Нависанда: Пешовар, 1983.
15. Фитрат. *Давраи ҳукрони амир Олимхон*.-Душанбе: Палатаи давлатии китобҳо, 1991.
16. Халили, Халилulloх. Айер-е аз Хуросон. *Амир Хабибуллох ходим-и дин-и расул-ulloх*. Чопи дуввум, Дехли-и чадид, 1981.

Периодика

Asia-Plus (Душанбе) 2000-2008

Возрождение (Париж) 1926-1930

Дни (Берлин-Париж) 1929

Зарафшон (Самарканд) 1923

Известия (Ташкент) 1922

Коммунист Таджикистана (Душанбе) 1949

Комсомольская правда (Москва) 1991

Красная Звезда (орган ПУ Туркфронта) 1924

Красная Казарма (двухнедельный журнал ПУ Туркфронта) 1923

Огонек (Москва) 1988

Последние новости (Париж) 1921-140

Пролетарий (Самарканд) 1923

Руль (Берлин) 1927-1929

Современные записки (Париж) 1920-1940

Туркестанская искра (Ташкент) 1918-1924

Улуғ Туркистон (Ташкент) 1918

Эл Байроги (Ташкент) 1918

Ени Туркистан (Стамбул) 1929-1939

Milli Turkestan (Стамбул) 1942

The Voice of Turkestan (Стамбул) 1957

Алфавитный указатель

А

- Аббас Алиев 244
 Абдукадыр Додхо 357
 Абдукадыр Мухиддинов 167, 197
 Абдукадыр Токсабо 224
 Абдукарим Аббасов 518
 Абдукаюм Парвоначи 188, 225, 236, 245, 448
 Абдул Ахад Хан 162
 Абдул Гамид 199, 208, 209
 Абдул Карим 361, 388
 Абдул Кахар 219
 Абдул Хамид 211, 218, 235, 236, 240, 241
 Абдул Шукрхан 365
 Абдулахад Хан 367, 379
 Абдулкодир 188
 Абдулла Рахимбаев 109
 Абдулмумин Ишан 352
 Абдулпразак 140
 Абдулрашид 359
 Абдулхафиз 184
 Абдурахман 62, 63, 399, 455
 Абдурашидбий 448
 Абдурауф Максуди 455
 Абулхай 210, 228, 229, 395
 Агабеков 21, 224, 370, 371, 401, 402, 406, 409, 410, 440, 549
 Агзам Ходжа 423, 427
 Адана 504, 542
 адат 78, 263
 Азадбек 471, 475
 Азербайджан 11, 22, 37, 106, 112, 123, 124, 151, 159, 160, 219, 492, 495, 496, 497, 501
 Азиз 439, 470
 Азиз Ревком 439
 Азизи 201
 Ай Чен-Ву 43, 322, 324, 325, 336, 338
 Айалат-и Туркман 395
 Айвадж 195, 426
 Акрам Хан 379, 380, 508
 аксакал 77, 180, 187, 187, 245, 250, 430, 435
 Алай 344
 аламан 120, 180
 Алат Палван 365
 Алатау 273, 274, 275
 Алаш 106, 111, 502, 536
 Алешин 305
 Али Бей 208
 Али Риза 192, 210, 538
 Алиабад 343, 365, 404, 406, 407, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428
 Алим Хан 24, 26, 28, 30, 35, 36, 37, 51, 52, 54, 58, 71, 125, 127, 130, 138, 140, 157, 162, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 183, 185, 198, 210, 211, 215, 216, 217, 228, 230, 231, 236, 237, 241, 245, 251, 260, 263, 276, 345, 352, 353, 355, 367, 368, 369, 370, 371, 376, 379, 380, 382, 386, 387, 391, 394, 395, 396, 398, 401, 404, 410, 411, 415, 416, 417, 419, 421, 423, 427, 428, 432, 436, 440, 441, 442, 443, 454, 460, 461, 462, 463, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 475, 476, 489, 490, 527, 537, 538, 540, 542, 543
 Алимардан додхо 400
 Алихан Тура 515
 Аллайр-хан 339
 Алматы 10, 39, 40, 67, 82, 83, 109, 292, 480, 483, 535, 549, 552
 Алтай 88, 323, 324
 Алтайская добровольческая армия 541
 Алуча 225
 аль-Каеда 29
 аль-Хусейни 496
 Аманулла 25, 100, 127, 137, 138, 140, 141, 145, 147, 148, 161, 171, 172, 173, 174, 207, 209, 227, 228, 279, 341, 364, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 399, 400, 406, 408, 411, 414, 419, 420, 453, 524, 540
 Амин Каракалпак 144
 амир ал муслимин 58, 118
 Амир Дост Мухаммад 395
 Аму Дарья 62, 525
 Анаяв Кодшам 502
 Анварджан 228, 421, 422, 423
 англо-русское соглашение 1907 г. 92
 Андароб 405
 Андижан 87, 89, 92
 Андреас Мейер-Мадер 496
 Андреевка 272
 Андхой 251, 350
 Анненков 43, 52, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 292, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 309, 312, 318, 401, 528, 537, 539, 553
 ансары 345
 антирелигиозная борьба 352
 Антонов 327

- арабы 57, 68, 70, 205, 354, 361, 502, 506
 Арифов 210, 218, 221, 231, 235, 238, 241,
 381, 382, 383, 384
 Армения 203
 Асад Палван 496
 Асадулла Ходжа 105
 Ата Ходжа 187, 188, 189, 190, 191, 538
 атабай 101
 атаманщина 270, 302
 Атагюрк 137, 203, 232, 393, 491, 493
 Атовулло Ходжа Пулатходжаев 187
 Атоулло (Аго) Ходжаев 125
 Атрек 64, 91
 аул 77, 78, 103, 159, 340
 Афганистан 10, 11, 14, 16, 17, 19, 20, 21, 22,
 23, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 41, 42, 47, 49, 50,
 51, 52, 53, 55, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65,
 69, 71, 72, 75, 78, 83, 90, 91, 92, 97, 100,
 101, 121, 122, 127, 128, 129, 134, 137,
 138, 139, 142, 144, 145, 146, 148, 150,
 151, 152, 157, 159, 160, 161, 162, 163,
 169, 170, 171, 172, 173, 174, 177, 179,
 180, 181, 182, 183, 185, 186, 188, 191,
 193, 194, 195, 196, 201, 205, 207, 208,
 209, 212, 215, 216, 221, 222, 226, 227,
 228, 229, 233, 234, 235, 236, 238, 239,
 241, 242, 243, 245, 249, 250, 251, 252,
 256, 259, 260, 264, 279, 312, 327, 333,
 334, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342,
 343, 344, 346, 347, 348, 349, 350, 351,
 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359,
 360, 361, 362, 363, 364, 365, 367, 371,
 375, 376, 377, 379, 380, 381, 382, 385,
 386, 387, 388, 389, 390, 391, 393, 394, 396,
 397, 398, 399, 401, 402, 403, 405, 406, 407,
 408, 409, 410, 411, 414, 415, 416, 417, 418,
 419, 421, 422, 423, 425, 426, 428, 431, 432,
 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443,
 444, 446, 447, 450, 451, 452, 453, 455, 456,
 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 466,
 467, 468, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477,
 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 488, 489,
 490, 504, 505, 508, 509, 519, 522, 523, 524,
 525, 526, 530, 532, 535, 536, 538, 539, 540,
 541, 542, 543, 549, 550, 553, 554,
 Афганская революционная партия 161
 Афганский Туркестан 395, 455
 афганцы 20, 60, 62, 64, 139, 141, 142, 145,
 147, 196, 222, 228, 229, 241, 245, 249,
 305, 333, 340, 342, 344, 346, 347, 348,
 353, 360, 365, 407, 408, 424, 426, 429,
 433, 434, 435, 437, 442, 445, 447, 453,
 454, 464, 506, 538
 Ахмад Касани 374
 Ахмадбек 212
 Ахмаджан Касими 515, 517, 518
 Ахмаджон Махдум Абдусайдов 122
 ахун 77, 339
 Ахча 77, 251
 Ашт 438
 Ашур 188
 Ашурбек Токсабо Кулоби 236
 Ашуров 438
Б
 Бабур 63, 374, 489
 Баглани 79, 185, 189, 223, 224, 233, 425, 437,
 451, 452, 453, 461, 462, 463, 465, 466, 522
 Бадахшан 23, 28, 64, 69, 73, 120, 138, 141,
 172, 185, 256, 340, 341, 342, 346, 351,
 359, 362, 363, 374, 375, 414, 419, 420,
 428, 429, 431, 433, 452, 471, 478, 482,
 483, 539, 550, 553
 бадракли 179, 439, 443
 Бадриддинхон Тура 462
 Бай-янь-ху 85
 Байбача 331
 Баймирза Хаит 39, 51, 475, 495, 501, 502,
 507, 527, 543
 Баймурадов 250
 Баки Абдуразак 502
 Бакич 43, 52, 271, 272, 275, 277, 284, 285,
 292, 295, 300, 301, 303, 306, 307, 308,
 309, 427, 537, 538, 551
 Баку 136, 198, 199, 204, 207, 209, 219,
 240, 537, 553
 Балджувони 25, 26, 27, 71, 118, 125, 126,
 164, 165, 166, 168, 169, 372, 373, 556
 Балх 60, 62, 180, 264, 351, 395, 424
 Банги 433
 Баотоу 299
 Баракатулла 140, 201
 Баранов 155, 159, 196, 197
 Баратбек 169, 236, 245
 Баратбек Хидоячи 169
 Баркуль 309
 басмач 18, 330, 332
 басмаческое движение 27, 34, 115, 141, 195
 басмачество 18, 26, 30, 35, 38, 40, 41, 55,
 114, 115, 116, 146, 183, 187, 190, 210,
 216, 229, 231, 241, 242, 243, 244, 247,
 249, 250, 254, 255, 262, 264, 265, 286,
 290, 303, 330, 336, 426, 444, 449, 450,
 471, 503, 507, 524, 527, 538, 551, 553
 Батум 206, 207, 208
 Бауманабад 438
 Бачаи Сако 25, 28, 31, 34, 145, 316, 355, 386,
 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395,

- 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403,
404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 414,
415, 417, 418, 419, 420, 421, 428, 432,
437, 441, 443, 524, 526, 540
- Бек Джан 352
Бектеев 327, 337
белое дело 276, 291
Беннингсен 21, 22, 23, 290
Берлин 21, 32, 35, 36, 200, 201, 202, 203,
205, 207, 208, 212, 218, 219, 224, 226,
253, 283, 301, 310, 411, 457, 464, 489,
490, 491, 494, 497, 513, 540, 542, 549,
556
Бехбуди 105, 110, 381
Бешкапа 172, 251, 408
Биггэн 384
Бийск 309
Ближний Восток 53, 129, 457
Блюхер 308, 313, 314, 551, 552
БНСР 30, 37, 42, 48, 167, 173, 179, 182, 192,
193, 194, 197, 198, 208, 218, 220, 227,
241, 254, 381, 382, 538, 539
Богданов 221
Боз Даг 238
Бойко 42, 44, 96, 334, 432, 550
Бойсун 168, 218, 219, 221, 228, 352, 538
Большая игра 57, 59, 85, 91, 128, 555
Бомбей 150, 398, 399
Бос 63, 285, 349, 398, 430, 457, 493
Босага 349
Бройдо 154, 155, 157, 159
Будберг 268, 269, 270, 276, 302, 550
Буденный 247
Буйнакара 407
Букейханов 106, 111
Бури Беташ Бей 223
Бурхан Шахиди 518, 519
Бурхануддин Раббани 355
Бурхониддин 121, 164
буферное государство 304, 391
Бухара 18, 27, 40, 44, 57, 63, 66, 72, 97, 117,
118, 119, 120, 134, 139, 143, 148, 160,
161, 162, 167, 172, 176, 178, 179, 180,
182, 186, 190, 195, 215, 218, 250, 252,
253, 254, 289, 346, 362, 367, 369, 380,
483, 491, 530, 531, 538, 554
Бухарин 204, 248
бухарские евреи 68
Бухарский эмир 66, 177, 362, 363, 535
бухарцы 17, 36, 53, 120, 123, 124, 125, 126,
127, 164, 165, 167, 174, 184, 198, 211,
216, 230, 241, 340, 453, 462, 491, 536
бухорои 124, 369, 466, 452, 470
Бэйли 20, 131, 132, 135, 369, 370, 531
- В**
Вайсов 287, 288, 289, 290, 291, 552, 538
Валиди 33, 35, 54, 242, 484, 486, 488, 550
Валидов 32, 33, 34, 106, 113, 137, 141, 192,
208, 211, 215, 216, 225, 240, 241, 242,
262, 383, 384, 393, 394, 484, 485, 486,
497, 539, 543, 550, 552
Валишев 30, 432, 550
Ван 480, 518
Вардак 398
Варику 176, 472
Вахан 61, 62, 81, 150, 264, 358, 359, 384, 476,
477, 478, 481, 482, 483, 536
Ваханский коридор 91, 150, 358, 476, 478, 482
Вели Каюмхан 39, 51, 492, 494, 500, 504, 542
Великий князь Кирилл 368
Великобритания 54, 59, 60, 65, 91, 92,
128, 133, 134, 176, 267, 551
Веревкин-Рохальский 225
вермахт 457, 495, 529
Верный 83, 89, 267, 535
Версаль 133, 138, 140, 141, 202
Вильгельм II 129, 201
Внутренняя Азия 20
Внутренняя Монголия 89
восстание 1916 г. 102, 104, 105
Восточная Бухара 40, 63, 179, 180, 182,
190, 218, 250, 254, 367, 538, 554
Востоочно-персидский кордон 129
Востоочно-тюркская дивизия ваффен СС 496
Восточный Памир 61, 72, 358, 361, 476
Восточный Туркестан 43, 44, 205, 215, 289,
328, 333, 336, 508, 527, 541, 542
Врачев 195
Временное правительство Ферганы 142
Второй общекиргизский (общеказахский)
съезд 111
Второй Общемусульманский съезд 107
- Г**
гази 203, 211, 222, 232, 422, 425, 438, 442
Газималик 351, 443
Ганин 294, 301, 550, 551
Ганьсу 81, 85, 297, 299, 300, 315, 316,
317, 318, 321, 324, 327, 330, 519, 540
Гарднер 95
Гарм 76, 183, 184, 187, 190, 191, 214, 236,
362, 411, 412, 413, 414
Геок-Сафи 339
Георг Весель 334
Герат 58, 60, 139, 349, 351, 359, 395, 402,
403, 415, 420, 540, 452
Гербов 294
Гильменд 466

- Гиммлер 495, 496
 Гиндукуш 57, 59, 60, 61, 62, 69, 476, 479, 524
 Гиссар 26, 62, 75, 76, 166, 168, 169, 170, 172, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 188, 190, 192, 211, 212, 218, 221, 222, 231, 234, 237, 249, 250, 264, 331, 333, 348, 361, 362, 365, 374, 375, 402, 422, 445, 470
 Гитлер 493, 498, 499, 500
 глобализации 209, 261, 483
 Голодный поход 270, 306, 537
 Голувко 34, 486
 Гоминьдан 44, 311, 313, 314, 315, 317, 319, 324, 327, 328, 336, 393, 513, 514, 517, 518, 540
 Гопнер 163, 537
 Горган 65, 78, 374
 ГПУ 21, 224, 234, 246, 248, 335, 341, 343, 362, 370, 371, 379, 396, 401, 402, 408, 414, 439, 440, 443, 448, 449, 451, 477, 486, 524, 533, 540, 549
 Гражданская война в Китае 312, 314, 551
 Греция 203
 Гуандун 314
 Гуанчжоу 311, 314
 Губар 28, 390, 395, 398, 406
 Гугубасев 251
 Гузар 139, 168, 539
 Гузара 237, 352, 379
 гуйхуа 338
 Гуйхуачен 299
 Гул Максум 439
 Гулаг 466, 498
 Гулам Расул Хан 228
 Гулом Хасан 433
 Гуль Ака 389, 420
 Гулям Алиев 502
 Гулям Кадырхан 421, 443
 Гулям Наби 401, 405, 406, 407, 408, 410, 415, 420, 541
 Гулям Набихан 401, 405, 406, 407, 408, 410, 415, 420, 541
 Гулям Сиддик 399, 401, 406, 408
 Гури Баглан 343, 365
 Гучен 280, 288, 297, 298, 299, 328
- Д**
 Давлатабад 251
 Давлатмандбий 74, 183, 184, 185, 187, 188, 190, 217, 223, 224, 528, 538, 539
 Давыдов 292
 Далелхан Сугунбай 518
 Дальний Восток 283, 295, 297, 303, 304, 511, 519
 Дамаск 201
- Дамулла Хан 378
 Даниял Бей 223
 дар ул-ислам 14, 72, 178, 209, 279, 345, 364, 483
 дар ул-харб 12, 178
 Дарваз 62, 64, 169, 180, 182, 184, 185, 186, 214, 217, 218, 231, 236, 237, 239, 245, 264, 340, 357, 361, 365, 378, 380, 411, 433, 539, 540
 Даркад 342
 Дахбеди Шариф 373, 374, 377
 Дашнакцотун 113
 Дашти Кипчак 57, 74, 82, 93, 179
 ДВР 304, 308
 Делелхан Сугунбай 512
 Дели Дюмри 232
 Денау 168, 169, 221
 Денисов 299, 300, 539
 Дехдади 407, 408, 540
 Дж. Керзон 175
 Джават 249
 джадида 38, 115, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 184, 189, 255, 261, 262, 265, 266, 329, 345, 367, 381, 382, 383, 384, 385, 461
 Джалалабад 387, 389, 391, 394, 420
 Джаланашколь 511
 Джамяти Исломи 28
 Джамяти уламо 105, 106, 107, 109, 110, 115
 Джанузакон 240, 383
 Джаныбек 242, 330, 331, 332, 336
 Джапаркул 358, 359, 476, 477
 Джаркент 103, 104, 267, 276, 292
 Джартыгумбез 481
 джафарбай 77, 101
 джахилия 15
 Джемап Паша 205, 209, 388, 537
 Джеменей 511
 Джетысу 81, 82
 Джиликкуль 13, 28, 29, 78, 92, 96, 137, 166, 183, 186, 201, 215, 221, 222, 235, 263, 264, 316, 320, 332, 357, 361, 380, 388, 403, 405, 430, 471, 472, 473, 475, 509, 524, 526, 527
 Джимпань 273
 джихад 12, 78, 93, 100, 101, 113, 126, 168, 178, 232, 234, 237, 317, 378, 445
 Джоу Сюэ 307
 Джошуа Ведвуд 128
 джуз 439, 452, 471, 473
 Джумалди Кудук 251
 Джунайид Хан 35, 152, 153, 155, 201, 339, 349, 350, 411, 415, 436, 536, 539, 540, 541
 Джунгария 81
 джунфа 311

Джурджани 374
 диаспора 13, 19, 37, 40, 480, 515, 523, 552
 Диловаршо 237, 239, 357
 Домулло-Донахан 426
 Дуань Цижуй 311
 Дубянский 157
 Дукович 281
 дулаты 81
 дунган 22, 79, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 209,
 267, 278, 279, 280, 281, 297, 307, 316,
 317, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 326,
 328, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 336,
 427, 460, 512, 513, 515, 535, 541, 554
 дурмены 74, 179, 351, 365, 428, 443
 Дуров 187, 188
 Дутов 33, 37, 43, 52, 111, 112, 113, 162, 269,
 270, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 291,
 292, 293, 294, 295, 300, 301, 302, 303,
 304, 308, 309, 311, 318, 440, 511, 528,
 536, 537, 538, 550, 551
 Душанбе 26, 27, 30, 31, 37, 41, 45, 70, 102,
 123, 139, 164, 167, 169, 170, 171, 179,
 182, 183, 184, 185, 186, 187, 191, 192,
 193, 212, 213, 214, 218, 221, 222, 223,
 224, 227, 233, 234, 246, 247, 250, 254,
 256, 263, 341, 342, 351, 374, 378, 388,
 396, 409, 413, 432, 439, 447, 451, 483,
 508, 526, 538, 549, 550, 551, 552, 553,
 555, 556
 Дыбенко 408, 412, 413, 414
 Дэйл Эйкельман 13

Е
 евреи 68, 96, 107, 110, 280, 354
 Ени Туркестан 194
 еттехадии ислами 209

Ж
 Жуков 303

З
 Забайкалье 302, 303, 304
 Загар 245
 Зайцев 37, 153, 270, 303, 554
 Закавказье 95, 129, 133, 538
 Закаспий 8, 61, 64, 102, 104, 111, 130, 135,
 138, 159, 182, 364, 383
 Закаспийская область 78
 Закир 372, 443
 Захир Шах 333, 425, 455, 464, 468, 478, 498,
 532
 Захириддин Бабур 374
 Зиновьев 199
 зияра 12
 Зувев 194, 247

И
 Ибрагим-Командир 443
 Ибрагимбек 40, 50, 75, 179, 180, 181, 184,
 185, 186, 192, 193, 211, 212, 213, 216, 217,
 218, 221, 222, 223, 228, 231, 236, 237, 238,
 239, 245, 249, 250, 251, 263, 264, 343, 344,
 345, 350, 352, 353, 360, 363, 368, 370, 374,
 378, 379, 380, 382, 386, 387, 388, 393, 394,
 396, 397, 399, 400, 404, 405, 406, 407, 411,
 413, 415, 416, 417, 420, 421, 422, 423, 424,
 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433,
 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442,
 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451,
 457, 462, 463, 468, 469, 473, 521, 524, 526,
 528, 533, 535, 538, 539, 540, 541
 Игамберды 250, 365
 Ид Гах 332
 Ид Мираб 321, 322
 Измир 203
 Илийский край 17, 81, 84, 86, 282, 296,
 335, 514
 Имам Кули бек 121
 Индийский Офис 52, 133, 134
 Индия 24, 54, 145, 238, 364
 Индия Офис 24, 54
 Иноятулла 395, 419
 иомуд 64, 65, 77, 78, 101, 104, 109, 152, 154,
 155, 156, 157, 339, 341, 349, 415
 Иомудистан 158, 159
 Иран 10, 11, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 25, 31, 49,
 57, 59, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 78,
 91, 94, 97, 123, 130, 139, 141, 152, 153,
 159, 160, 194, 205, 207, 210, 227, 242,
 252, 333, 339, 341, 349, 350, 354, 360,
 364, 369, 374, 383, 415, 435, 436, 454,
 456, 457, 458, 459, 460, 461, 463, 466,
 467, 474, 475, 483, 488, 489, 490, 493,
 505, 524, 539, 540, 541, 543, 55, 552
 иранизм 72, 73, 74
 Иркаев 167, 192, 236, 237, 238, 243,
 246, 249, 260, 445, 446, 551, 552
 Иркештам 89, 142, 328, 337, 537
 ирони 68
 ирредента 11, 433
 ирредентизм 11
 Иса Юсуф Алптекин 519
 Исанбай 448
 Исламинтерн 204, 205, 206, 211
 Исмаилхан Ходжа 329
 истиклолчилар харакати 115
 Исфандияр 153, 536
 Исхакбек Момон 512, 518
 Италия 203, 457
 Ишан Исахан 249, 374, 375, 377, 533

Ишан Палван 426, 434, 533
 Ишан Судур 379, 380, 440, 533
 Ишан Султан 79, 169, 182, 184, 185, 186,
 187, 191, 217, 236, 239, 378, 380
 Ишан Халифа 350, 380, 423, 424, 425, 439
 ишанизм 78, 376, 377, 379, 380
 ишаны 78, 80, 251, 356, 367, 371, 373,
 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381
 Ишкуман 336, 479
 Ишони Булбул 185
 Ишони Довуд 185, 378

Й

Йетгышахр 85

К

Кабул 37, 53, 54, 58, 69, 130, 138, 140, 141,
 142, 144, 145, 147, 148, 163, 166, 169,
 171, 172, 173, 174, 175, 177, 180, 185,
 187, 193, 194, 196, 201, 202, 208, 209,
 212, 215, 221, 226, 229, 237, 238, 240,
 241, 242, 245, 256, 279, 333, 334, 340,
 342, 353, 360, 361, 363, 364, 367, 368,
 370, 380, 381, 382, 383, 384, 386, 387, 389,
 391, 392, 393, 394, 395, 396, 398, 399, 400,
 401, 402, 404, 405, 406, 407, 408, 414, 418,
 419, 421, 422, 423, 427, 428, 431, 434, 440,
 441, 446, 452, 453, 454, 457, 459, 460, 461,
 462, 463, 464, 466, 468, 469, 470, 473, 478,
 484, 489, 504, 506, 508, 526, 530, 531, 532,
 537, 538, 539, 540, 542, 543, 555
 Кавказ 14, 15, 33, 35, 37, 45, 48, 60, 86, 95,
 97, 98, 106, 112, 136, 159, 170, 199, 200,
 201, 226, 235, 264, 294, 336, 361, 380,
 401, 439, 465, 466, 467, 484, 487, 492,
 493, 495, 500, 551
 кавм 347
 Каган 127, 163, 186, 369
 Кагановичобад 438
 Кадирия 378
 казаки 17, 82, 83, 113, 245, 271, 295, 296,
 298, 299, 300, 310, 330, 337, 338, 365,
 375, 428, 443, 535
 Казанцев 309
 казахи Афганистана 359
 Казахстан 10, 16, 19, 34, 37, 40, 57, 67, 82, 84,
 86, 88, 103, 105, 109, 110, 269, 324, 326,
 361, 417, 461, 487, 511, 514, 518, 520,
 549, 550, 555
 казачество 83, 270, 355
 Казы Исмагулло Каримов 379
 Казим бей 201, 202
 Кала-и Фату 173, 174, 363, 386, 387,
 399, 423

Калаи-Лабиоб 411, 414
 Калаи-Хумб 62, 182, 237, 239, 340,
 411, 414
 Калакан 387, 388, 395
 Калган 89, 300
 Каледин 270
 калмыки 83, 96, 305, 465
 Калмыков 86, 270, 288, 296, 302, 306
 Калта Чинар 188
 калтакдорони сурх 249
 Камиль 113, 555
 Кангурт 187, 188, 191, 192, 237, 538
 Кандагар 68, 69, 72, 343, 393, 394, 398, 399,
 400, 402, 466
 Канибадам 254, 257, 412, 438, 539
 Каптарали 442
 Кара Мирза 174
 Кара Сарык 273
 Кара Токсабо 249
 кара-бекаул 349
 каракалпаки 66, 73
 каракалтак 168, 249
 Каракорум 61, 89, 476, 481
 каракулеводство 177, 349, 454
 каракуль 119
 Каракум 76, 104, 252, 349, 350
 Каракундуз 480, 483
 Караманды 211
 Карасу 65
 Каратаг 193, 221, 249, 443
 каратаглик 375
 карательная политика 248
 караул беги 120, 185, 213
 Караулов 270
 Карахан 203, 204, 219, 250
 Карачи 361, 451, 504
 Карклин 252
 карлук 74, 76, 188, 239, 245, 250, 343, 348,
 351, 352, 365, 439
 Карши-аксакал 250
 Касан 374, 451, 452
 Кастанье 225, 489, 490
 Катаган 64, 71, 74, 141, 179, 180, 188, 227,
 341, 351, 359, 363, 365, 403, 417, 420,
 428, 431, 433, 443, 444, 447, 453, 455, 540
 Кашгар 37, 53, 54, 61, 79, 81, 82, 84, 85, 86,
 87, 88, 89, 103, 130, 131, 132, 135, 142,
 143, 150, 170, 171, 186, 215, 216, 230,
 235, 236, 268, 272, 277, 278, 279, 280,
 281, 286, 288, 289, 291, 295, 296, 303,
 318, 321, 322, 323, 326, 327, 328, 329,
 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337,
 344, 358, 365, 375, 460, 482, 504, 513,
 516, 517, 536, 537, 553, 541, 554

- Кашгария 81, 86
 Кашмир 68, 91, 176, 259, 336, 479, 480, 481, 519, 527, 554
 КГБ 50, 376, 460
 Келиф 63, 251
 Кенигсберг 202, 537
 Керзон 52, 53, 143, 175, 200
 Керим Бей 223
 Керки 30, 62, 63, 78, 126, 251, 349, 350, 360, 361, 554
 киемати асгар 166
 Килик 481
 Киргизстан 10, 16, 19, 57, 482
 кириллица 46
 китайская культурная революция 511
 Китайский Туркестан 23, 86, 315, 550, 554
 китайцы 20, 69, 70, 81, 82, 84, 85, 86, 94, 216, 268, 279, 283, 286, 291, 296, 298, 300, 305, 307, 312, 313, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 323, 324, 330, 336, 481, 510
 Кичик Иргаш 79, 113, 116
 Клыч Мерген 252
 Клыч Сардар 441
 Кобадан 62, 168, 193, 195, 210, 218, 221, 222, 228, 357, 434, 538
 Кобук 307
 Козеллек 29
 Коканд 33, 60, 70, 73, 80, 83, 85, 86, 91, 110, 111, 113, 116, 134, 135, 136, 145, 180, 253, 257, 261, 358, 452, 461, 471, 474, 508, 521, 535, 536
 Кокандская автономия 107, 110, 112, 114, 555
 Кокташ 179, 186, 212, 217, 218, 223, 448, 535, 538
 Колесов 110, 126, 369, 536
 Колесовский поход 42, 126, 162
 коллективизация 260, 352
 колониализм 45, 101, 260, 261, 290
 Колчак 32, 33, 52, 90, 135, 136, 146, 147, 151, 267, 268, 269, 270, 271, 274, 276, 277, 282, 284, 285, 286, 296, 301, 302, 308, 521, 535, 536, 537, 551
 Комаров 194
 Комаровский 303
 Комисарова 552
 Комитет национального освобождения тюркских народов 514
 Коммунистический университет трудящихся Востока 319
 конграт 74, 153, 179, 218, 245, 250, 343, 351, 365, 404, 405, 427, 428, 434, 435, 436, 443
 Константинополь 303, 419
 контроль над варварами при помощи варваров 327
 Копал 272, 273
 Кори Мухиддин 174
 Кош Агач 309
 Кош Мамед 154, 157
 Красная Армия 154, 159, 184, 194, 197, 239, 246, 268, 272, 281, 286, 416, 444, 538, 539
 Красноводск 129, 145, 148, 207
 Крым 14, 86, 117, 122, 123, 294, 297, 303, 464, 467, 484, 492, 493, 495, 516
 Кубравия 375
 Кувандык Тошев 250
 Куганбек 433, 533
 куея чун 318
 Кузнецов 95, 318
 Куйбышев 128, 146, 154, 161, 163, 166, 167, 416, 438, 464
 Куйли Кудук 251
 Кулик 476
 Кульджа 89, 273, 280, 281, 287
 Кульмухамедов 127, 339
 культурная депривация 258
 культурная революция 252, 511
 Куляб 26, 62, 73, 75, 76, 139, 172, 179, 180, 181, 183, 184, 188, 189, 190, 191, 218, 221, 222, 223, 231, 232, 234, 236, 237, 238, 245, 246, 250, 260, 342, 348, 352, 356, 358, 360, 361, 362, 365, 378, 379, 422, 423, 443, 451, 452
 Кумул 279, 315, 316, 317, 326, 329, 328, 330, 540
 Кун 199
 Кундуз 62, 64, 179, 180, 351, 374, 427, 437, 451, 452, 473, 474
 Кураргык 365, 533
 Курган-Тюбе 62, 168, 169, 172, 182, 183, 191, 221, 222, 352, 360, 361, 362, 365, 443
 курейшиты 397
 Куршермат 34, 75, 127, 132, 143, 146, 239, 344, 345, 370, 383, 393, 394, 440, 415, 441, 462, 463, 465, 466, 489, 504, 505, 537, 540, 543
 Кутбиддин 122
 Куфельд 451
 Кухдоман 380, 388, 389, 392, 418, 429, 540
 Кухистан 69, 389, 421
 Кучекхан 159
 Кушкеки 28, 141, 351, 359, 374, 550
 Кушчи Баши Эшреф 235
 Кызыл Аяк 350, 380, 403, 404, 406, 423, 424, 425, 436, 439, 441, 462, 471, 504, 505
 Кызыл Карши 439
 Кызыл Мазар 185
 Кьюниц 442

Л

Лаби Хавзи Дивонбеги 118, 165
Лабиооб 77, 239, 411, 414
Лали-хан 340
Ланчжоу 299, 300
латинизация 256, 257
лашкарбаши 147, 236, 237
Лебедев 361
лезгин 193, 210, 225, 237
Ленин 111, 128, 129, 146, 147, 151, 152, 160, 161, 167, 182, 200, 202, 219, 270, 286, 288, 304, 419
Лепсинск 271, 272
Лех 176, 519
Ли Шоу-цинъ 295
Лига Наций 417
Логофет 63, 66, 552
Лозаннская конференция 232
Лоуренс Аравийский 493
Люба 268

М

Ма Джунин 43, 209, 316, 317, 319, 321, 322, 324, 327, 328, 329, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 387, 388, 427, 512, 515, 528, 540, 541, 549
Ма Дзуин 316, 540, 541
Ма Ху-Шан 512
Ма Шинмин 322
Ма Шинцзинь 323, 329
мавлано 118, 139, 191, 374, 504
Магтым-Кала 374
Мадамин 141, 142, 143, 146, 147, 262, 276, 337, 537, 553
Мадаминбек 75, 141, 146, 147, 504
Мадритов 104, 105, 109
Мазар Султан 237
Мазари Шариф 360, 393, 402, 403, 405, 406, 407, 408, 413, 414, 415, 422, 423, 424, 425, 429, 430, 435, 452, 471, 474, 540
Мазори Мавлоно 191
Макдуми Агзам 374
Максуд 315, 316, 322, 445, 517, 519
Максуд Сабри 517, 519
мактаби джадидия 122
Малессон 20, 129, 130, 135, 138, 143, 364, 368
Малый Памир 358, 476, 477, 479, 482, 519, 542, 543
Мамадали додхо 400
мангъит 27, 58, 64, 70, 76, 80, 118, 162, 168, 175, 178, 355, 367, 468, 549
Мансур 455
Мантанаев 297

Манчжурия 97
Маньчжоу-го 324, 334
марка 74, 218, 375, 435, 436, 533
Марсель 242
Мартьянов 270
Масаюки Ямауши 55
Масов 45, 47, 202, 552
Матантаев 297
Махмуд Сами 145
Махмуд Тарзи 123, 137, 145, 419
Махмуд Ходжа Бегбуди 105
Махмуд Ходжамьяров 293
Махмудбек-конграг 365
Махрамбек 340
Медведев 310
Меймене 349, 429, 541
Мелькумов 221, 224, 426, 429, 540
Мендикулова 10, 39, 40, 359, 480, 495, 514, 515, 552
Мерседес 462
местничество 18, 49, 72
Мешхед 53, 54, 130, 135, 159, 215, 217, 238, 240, 242, 369, 383, 384, 460, 530, 539, 541
миграция 10, 348
Миешо-и Хайрхох 431
милитаризированный ислам 288, 372
Милюков 52, 486
мингбоши 358
Минтака 476
Мир Бурхониддин 121
Мир Хазар 367
Мир-кагта 237
Мир-фатта 237
Мирбадалев 174, 369, 370, 531
Мирзо Абдулвохид Бурханов 122, 125
Мирзо Мухиддин 122, 124
Мирзоназар 443
Мири Гузаргох 139
Миршади 221
Мисостов 144
мифологизированное историописание 48
Миян Бузрук 383, 485
младобухарская партия 125
младобухарцы 125, 127, 167, 211
младохивинцы 153, 154
Моабит 200
могол 57, 60, 63, 68, 74, 188, 245, 348, 351
Молдавия 133
монголы 20, 45, 97, 305, 308, 317
Монстров 141, 142, 146, 147, 337, 537
Муаллимбиби Касымова 412
Муджаддеди 389, 399, 418
Муджаддеди Кухистани 389
муджахид 18, 28, 37, 174, 178, 183, 184, 186,

- 187, 188, 189, 190, 196, 211, 215, 218,
233, 235, 250, 262, 264, 339, 347, 431,
467, 471, 472, 473, 474, 475, 481, 524, 527
- Мукай Кобек 293
- Мукаммал Махдум Бурханов 122
- Мукимбаев 368, 369, 385, 440, 441
- Мукум Султан 250, 448
- Мукум Султанов 250, 448
- Мулла Ахмад 448, 533
- Мулла Ахун Карим Бабаев 144
- Мулла Бекчан 157
- Мулла Джуракул 435, 448
- Мулла Куляб 443
- Мулла Хашимджан Касымбаев 144
- Мулла Эшонкул 448
- Мулла Юсуф 441
- Мулло Али Мошина 224
- Мулло Джура Дахан 433
- Мулло Икром 122
- Мулло Холдор 433
- Муллои Ланг 388
- Муллошариф Рахимов 250, 440
- Мунаввар Кари Абдурашидханов 105
- Мурат Еш 223
- Мургаб 150, 349, 385, 477, 482
- Мусават 107, 484
- Мусохибан 389, 399, 401, 418
- мустакбарун 345
- Мустафа Кемаль 203, 206, 207, 232, 279,
393, 485
- Мусульманкул 223
- мухаджирьы 14, 17, 345, 347, 348, 353, 356,
360, 397, 425, 430, 452, 453, 454, 465,
483, 489, 522, 526, 541
- Мухаммад Акбар Хан 141, 142
- Мухаммад Амин Бутра 330, 543
- Мухаммад Вали Хан 138, 419
- Мухаммад Касир 451
- Мухаммад Хашимхан 421, 443
- Мухаммад Хусайн Хан 25, 387
- Мухаммад-Кази 374
- Мухаммадхайдар Жубал 454
- Мухаммед Аслам хан 168
- Мухаммед Таги бек 168
- Мухиддинов 122, 167, 197
- Мухторов 26, 27, 36
- мюриды 118, 239
- Н**
- Набахан 334, 401, 402, 404, 405, 406, 408,
411, 420
- Нагорный 192, 193, 212, 213, 214
- Надир 145, 221, 222, 223, 227, 228, 387, 389,
394, 398, 399, 400, 401, 403, 404, 405,
415, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423,
425, 426, 427, 428, 429, 431, 433, 434,
441, 442, 446, 447, 455, 524, 540, 541
- Назаров Х. 31, 394, 415, 553
- Назир Сафар 420
- накилин 455
- Накшбандия 141, 350, 374, 375, 378, 453
- Наманган 117, 461, 502
- Нангархар 398
- Нанкин 311, 314, 315, 317, 326, 328, 518, 540
- наркотики 482
- Народная дивизия 306
- народная духовность 377
- Народно-освободительная армия Китая
517
- народный ислам 117, 261
- Насирхан Тура Камолхагураев 105
- Нафиса Мубариз 454
- Нахри Сиродж 466
- национализм 11, 13, 17, 18, 38, 44, 45, 47, 49,
58, 59, 61, 67, 68, 73, 75, 96, 112, 124,
134, 136, 137, 152, 205, 209, 211, 230,
232, 253, 255, 256, 262, 280, 290, 329,
330, 353, 354, 392, 456, 470, 473, 477,
491, 512, 516, 522, 524, 526, 527
- национальное размежевание 252, 255, 256,
339, 503, 524, 526
- национальный состав басмачества 355
- Недачин 310
- незаконный трафик 330
- Низамеддин дивонбеги (Мирзо Урганджи)
166
- Никитин 303
- Николаев 310
- НКВД 21, 321, 513, 514, 515
- Норбай 439, 440
- Норбай Чулак 439, 440
- нохурли 65
- НРА 304, 308, 314, 539
- НРК 330
- Нур Ахмад Джан 332, 333
- Нуридин 383
- Нусратулло Максум 183, 439, 445, 449
- Нью Джерси 505
- НЭП 309, 444
- О**
- Оби Хингоу 169
- ОГПУ 21, 343, 396, 439, 443, 448, 477,
486, 524, 533
- Одина Араб 403
- октаглик 375
- Октябрьская революция 110, 177, 549, 555
- Олаф Кэроу 225

- Олимбек Джурабаев 124
 Олиябиби Гадоева 412
 Омск 134, 135, 267, 269, 274, 283, 302, 309
 Ораз Сердар 105
 Орджоникидзе 206, 220
 Оренбург 33, 37, 83, 92, 106, 111, 112, 114, 134, 145, 269, 270, 271, 277, 291, 301, 303, 304, 308, 489, 536, 538
 оренбургские казаки 17
 Оренбургский отряд им. А. Дутова 271
 Орлиное гнездо 275
 ортодоксальное духовенство 367, 371
 Осама 481
 Осамои 454
 Осими 26
 Осиповка 272
 Оскар фон Нидермайер 492, 493
 Осман Ходжа 32, 37, 242, 330, 453, 484, 485, 491, 508, 530, 543
 Осман-ахун 339
 Османали 322, 323, 329, 331, 332, 333, 541
 Оспан 44, 514, 516, 517, 519, 528
 Оттоманская империя 140
 Оуэн Лэттмор 20
 Ош 144, 150, 482
- П**
 Пакистан 4, 10, 17, 19, 22-23, 25, 27, 29, 60-61, 194, 451, 471-476, 479-483, 491, 502, 504-505, 526-527
 Пактия 398
 Палван Нияз Юсупов 154
 Палван Ходжа 250, 365
 Памир 3, 53, 61-62, 69, 71-72, 81, 90-91, 132, 149-151, 169-172, 226-227, 235, 240, 278, 328, 341, 344, 358-361, 384, 463, 476-483, 505, 519
 Пандждех 61, 139, 145
 Пандшер 228, 388, 392, 404
 паниранизм 11
 пантуранизм 209-210, 227, 230, 279, 493, 508-509.
 пантюркизм 34, 123-124, 137, 208-211, 228, 232, 240, 243, 252, 253, 255, 262, 278, 456, 461, 475, 491, 494, 497, 508-509
 Панфилов 410
 Паппенгут 318, 322, 323, 324, 325, 327, 328, 337, 425, 515
 Парагвай 511
 Париж 29, 32, 35-36, 41, 52, 132, 140, 151, 229, 283, 368, 401, 411, 416, 486-489, 490
 Паскуцкий 155
 Пекин 52, 86, 90, 278, 280, 282, 284-285, 295, 296, 299-300, 303, 312, 315-316, 518, 519
- Пенде 61, 139
 Пенджаб 41, 91, 151
 Первый съезд народов Востока 198
 Персидская Красная армия 159
 Персия 65, 129, 242, 406
 Петров 43, 44, 271, 410, 515, 516, 518
 Петроград 108, 111, 160, 308
 Пешавар 28-29, 53-54, 145, 151, 221, 235, 344, 370, 383-384, 419, 504, 526
 Пир-Ишан 426
 Пир-катта 237, 423
 Пичан 322
 племенная война 153
 По басмачу 250
 Полинов 515-516
 Польшин 335
 Польша 496
 Попелевский 267
 пори дарье 11, 347, 451, 455, 456
 Пошшохон 188
 Пратап 201
 Приморье 298
 прогрессисты 122, 515
 продразверстка 234
 пуштун 24, 31, 58, 60-62, 68-72, 75, 77, 91, 171, 180, 208, 241, 258, 340, 342, 346-348, 353 355, 386, 398, 390, 394, 397, 398-401, 407-408, 317-421, 425, 431, 433, 455, 456, 458, 464, 470, 471, 473-474, 479
 Пуштунистан 60, 400
 пуштунские территории 60, 464
 Пылев 40, 41, 44, 336, 553
- Р**
 равалпиндский мирный договор 145
 равшанфикрон 266
 Радек 199, 200, 202, 219
 разделяй и властвуй 80, 99, 255, 327
 раиси танзимия 428, 429
 раскрепощение женщин 352, 413
 Рахман Додхо 186-187
 Рахман Нияз 349
 Рахманкул 358-359, 476-482, 542
 Рахмат 448
 Рашт 359
 Регар 221, 249
 Реза Шах 207, 459
 Рейснер 30, 64, 386
 Рейхсбанк 491
 Репети 360
 Республика Восточный Туркестан 328, 333
 реэмиграция 259-260, 348, 523
 ривоят 122
 Рим 513

- рихла 12
РККА 502
РКП (б) 6, 33, 34, 40, 127-128, 167, 220, 234, 244, 308, 319, 444, 486
русская революция 1905 г. 102
РСФСР 6, 40, 41, 50, 128, 129, 148, 154, 158, 161, 163, 167, 168, 172, 181, 182, 183, 187, 191, 192, 196, 198, 203, 208, 219, 220, 221, 231, 232, 251, 308, 381, 448, 458,
Рудзутак 286, 288, 289, 290, 313, 314
Рузи Назар 4, 117, 456, 461, 485, 494, 496, 499, 500, 502, 504, 505, 525, 526
рузи фирок 165
русская колонизация 82, 366, 376
Русский Зарубежный Исторический архив 297
Русский Туркестан 88, 132, 238, 395
русско-японская война 102
Рустак 63, 142, 144, 344, 357, 365, 433
Рушан 61, 62, 340
Рыбалко 337
- С**
Сабит Дамулла 330, 331, 333
САВО 405, 406, 408, 412, 413, 426, 448, 511, 518, 541
Садот Максум 443
Саиб командир 448
Саид Аббас 380
Саид Абдулла 154, 156
Саид Акбар 459, 460, 470, 475
Саид Мир Абдулвахид Хан 367
Саид Мир Абдуррахман Хан 367
Саид Мир Сидык 367
Саид Тимур 475
Саид Умархон 470
Саид Хусайн 392, 404, 406, 407, 408, 414, 421
Саидбек инак калон 352
Саиджан додхо 187
сайиды 80
Сайрам Абдуллаева 412
салан 158, 326
салары 348
Салим Паша 193, 215, 234, 385
Салохиддин 379
Саманган 64, 452
Самарканд 11, 26, 98, 105, 139, 143, 164, 186, 215, 217, 239, 253, 346, 372, 556
Сами Бей 193, 205, 212, 215, 226, 234, 235, 236, 237, 238, 330
Сами Максум 142
Сардаров 250
Сари Камыш 222
сарты 75, 116, 142
сарыки 64, 348
Сарыкол 481
Сарысумбе 89, 307
Сатыбалды Джан 333
Сафар Амиршоев 467
Сафаров Г. 98, 107, 114, 554
Сафархан 228, 420-423, 426
Сахибназар Рахимов 429
Святин 303
Северный поход 313, 314, 539
Севрский договор 140, 203
Сейшелы 175
Селье 274, 275
Семенов 35, 141, 270
семизы 74, 179
Семипалатинск 84, 89, 288
семиреченские казаки 83, 271
Семиречье 81, 82, 83, 84, 85, 88, 90, 97, 102, 103, 104, 105, 136, 240, 267, 271, 272, 274, 275, 276, 281, 292, 294, 301, 309, 356, 383, 510, 536, 553
Сензил Навид 390
Серебренников 37, 270, 273, 294, 299, 300, 322, 323
Сибирь 97, 267, 291
сибо 326
Сикт 202
Силс 481
Сильвия Назар 505, 506
симиз 74
Синьзянь 20, 57, 61, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 97, 101, 103, 108, 109, 277, 279, 280, 282, 285, 297, 304, 308, 310, 315, 316, 317, 320, 321, 322, 325, 326, 330, 332, 336, 337, 361, 410, 508, 510, 511, 512, 515, 518, 519, 520, 538, 541, 542
Синьзянь-Уйгурский Автономный район КНР 57
Ситорай Мохи Хоса 164, 165
Сиягирд 424
Скалов 153, 155
Склянский 313, 314
Снесарев 63, 161, 376, 377, 554
советология 502
советские мечети 373
Современные записки 52, 556
Соловово 360
Соловьев 399
Средазбюро 252, 364, 379
Средняя Азия 19, 32, 57, 59, 60, 62, 66, 67, 79, 90, 97, 98, 99, 100, 133, 137, 294, 303, 491
СССР 10, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 30, 31, 35, 36, 37, 39, 43, 44, 50, 51, 90, 151, 152, 179, 241, 247, 249, 253, 255, 259, 300,

- 304, 308, 313, 314, 315, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 329, 330, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 341, 342, 343, 358, 359, 360, 366, 368, 371, 384, 391, 393, 396, 399, 401, 402, 403, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 415, 416, 419, 420, 423, 426, 427, 428, 432, 434, 435, 436, 438, 439, 440, 442, 443, 445, 447, 455, 457, 458, 461, 463, 465, 467, 468, 470, 477, 479, 480, 481, 485, 486, 491, 492, 493, 498, 499, 503, 505, 507, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 517, 518, 519, 520, 539, 541, 550, 551
- Сталин 68, 253, 289, 409, 514, 516, 518
- Сталинабад 438, 446, 552
- Стамбул 194, 203, 556
- Старк 371, 402
- Старший жуз 82
- Степанов 309
- Студенков 511
- Су Пин-вен 324,
- Субхан Кули Хан 351
- Субхас Чандра Бос 457
- суверенитетное историографическое мышление 45
- Суворов 298
- Сугун Караул 328
- Суйдин 273
- Сулейман Демирель 510
- Сулейман Джан 237
- Сулейман Салохиддинов 379
- Султан Мурадov 154, 157
- Султанбек 242, 359
- суннизм 62, 68, 72, 73
- Сунь Ят-сен 311, 313, 319, 394, 539
- Сурейя 419
- Суряя Эфенди 187
- суфизм 287, 373, 375, 376, 377
- США 17, 20, 24, 37, 52, 117, 137, 267, 270, 284, 304, 455, 459, 472, 475, 480, 481, 505, 508, 513, 542, 543
- Сэр Джон Лоуренс 91
- Т**
- Тавфик 332
- Тавфия 225
- Таг Думбаш 91
- Тагай Баба 185, 236
- Тагайбек 352
- Тагао 141, 389, 392
- таджики 10, 26, 31, 47, 64, 66, 68, 69, 70, 74, 75, 76, 127, 180, 183, 217, 239, 250, 252, 254, 256, 257, 258, 280, 340, 342, 346, 348, 354, 355, 356, 357, 365, 373, 376, 400, 409, 414, 421, 425, 433, 434, 436, 452, 456, 497, 505, 515, 519, 540, 543
- Талибан 263, 390, 543
- Таликан 405, 428, 434
- Танги Муш 222
- Тангрикул мулло 250
- Танышбаев 105, 106, 108, 115
- таранчи 84, 86, 268, 326, 535
- Тарбагатай 285
- Тарбия атфол 122
- Тарази 461-465, 489
- ТАССР 260, 343, 355, 357, 379
- татары 83, 106, 116, 280, 305, 493, 496
- Ташкент 28, 30, 40, 41, 45, 51, 66, 83, 92, 105, 107, 110, 125, 126, 127, 143, 145, 146, 147, 154, 156, 157, 181, 186, 202, 207, 221, 224, 234, 254, 258, 289, 292, 294, 341, 448, 507, 541, 549, 550, 551, 553, 555, 556
- Ташмат 144-147
- Таърих-и хузн-ал миллали Бухоро 36, 138, 475, 489
- ТВО 135
- Тегеран 65, 71, 240, 419, 484, 508
- тейиты 476
- теке 65, 77, 348
- Темир 249
- Темурбек 185
- терзеки 349
- Термез 367, 406, 447, 540
- Территориально-национальное размежевание 339
- Тибет 20
- Тимур 118, 328, 329, 331, 332, 475, 508
- Титц 144, 145
- Тифлис 136, 207
- ТНО 32, 34, 36, 54, 105, 136, 141, 241, 242, 383, 385, 393, 487, 489, 502, 539
- Тобидара 236
- Тоболин 110
- Тогай (Тугай) Сары 185, 188-189
- Тоган 33, 34, 240, 242, 394, 484, 486, 550
- Толпыго 248, 341, 343, 352
- Томпсон 217, 384
- Тошмат 249, 533
- трайбализм 18, 49, 73, 397
- Трансильвания 133
- Третья англо-афганская война 138
- Троцкий 151, 152, 160, 554
- Тураб бек 240
- Туракул бай 174
- Туран 509
- Турегулов 240
- турк 74, 91, 252

- Туркестанский край 65, 84, 97, 98
Туркестанский легион 33, 36, 39, 460, 472, 492-505, 525
туркизм 230
туркмены 11, 16, 22-23, 30, 39, 61-62, 65, 77, 78, 104, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 222, 251, 252, 269, 339, 343, 347, 348, 350, 351, 365, 374, 378, 380, 404, 407, 423, 424, 432, 434, 435, 436, 442, 448, 467, 509
Туркменистан 30, 65, 77, 205, 252, 550, 555
туркмены Ирана 11
Туркомиссия 149, 156, 286
турку-тоджик 257
Туркфронт 191
турсуки 63
тургуул 179, 185, 189, 443
Турфан 322, 328
Турция 37, 94, 123, 199, 230, 260, 279, 393, 406, 467, 480, 504, 509, 543
тюрки-меришкары 365
тюркизм 73
Тюркско-Исламская Республика
Восточный Туркестан 328, 333
Тянь-Шань 81, 88, 103, 321
Тяньзиль 299, 300, 323
- У**
У Пэйфу 311
У Чжун-синь 514
Убайдулла Ходжа 37, 105
ударные кампании по ликвидации басмачества 246, 539
узбеки 10, 22, 45, 47, 59, 64, 66, 69, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 106, 127, 153, 154, 186, 223, 245, 252, 257, 280, 333, 347, 348, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 365, 375, 425, 433, 434, 452, 453, 456, 484, 496, 505, 514, 515, 519
узбекский национализм 152
узбекский язык 48, 74, 353, 572
Уимбуш 290
Уйгуристан 327, 329, 333, 520
уйгурские сепаратисты 519
уйгуры 22, 69, 70, 73, 81, 84, 88, 268, 278, 279, 281, 318, 322, 327, 329, 331, 333, 373, 514, 515, 535
уламо 105, 106, 107, 109, 110, 115, 118, 119, 139, 209, 330, 346, 373, 389, 390, 392, 397
Улан-Багор 309
Улия Хазрат 140, 169, 419
улуғ-тепе 349
Улясутай 283
- Унгерн 304, 305, 308, 312, 538
Унион 462
Ура-Тюбе 438
Урал 84, 106
Урта-Тугай 342
Уругвай 511
Урумчи 87, 272, 297, 298, 299, 306, 309, 310, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 323, 324, 325, 328, 334, 335, 336, 513, 514, 515, 517, 541, 542
Усман Ходжа 37, 191, 192, 193, 194, 210, 211, 212, 214, 227, 231, 241, 260, 262, 263, 381, 385, 456, 484, 504, 508, 538, 539
Усман Эфенди 225
Усмонкулбек 236
Усто Джура 223, 467
Утанбек 430, 434, 435, 443
Уттар Прадеш 68
Уч-Турфан 89
Учредительное собрание 33, 107, 108, 110
- Ф**
Фаал 462, 465, 542
Фазл ал Рахим хан Морват 19, 27, 556
Файз Мухаммад 28, 145, 395, 396, 401, 402, 403, 405, 406, 407, 418, 555
Файзабад 221, 223
Файзулла Ходжа 37, 45, 125, 167, 182, 225, 254, 439, 445, 551
Файзулла Ходжаев 37, 45, 125, 167, 182, 225, 254, 439, 445, 551
фаргоначи 452
фарси 36, 58, 68, 69, 72, 77, 85, 225, 354, 411, 476, 484
Фарук Бей 223
Фархор 343, 463
Федин 413
Фергана 18, 215, 289
ферганцы 142, 144, 145, 168, 454
Фитрат 19, 30, 48, 125, 164, 165, 491, 551, 556
фон Масов 202
Форбс 324
Франк 318
Франция 136, 203
Фрезер 24, 163, 368
Фрунзе 85, 128, 146, 156, 160, 161, 162, 163, 166, 167, 206, 232, 268, 270, 287, 288, 337, 554
Фузайл Максум 34, 74, 186, 217, 222, 225, 236, 239, 344, 371, 383, 393, 411, 413, 414, 441, 443, 457, 540
фундаментализм 121, 261, 382
Фэн Юй-сянь 300, 301, 312, 315, 401

Х

Хабибулла 25, 28, 137, 184, 355, 387, 388, 389, 391, 392, 395, 397, 398, 400, 401, 402, 404, 411, 418, 540
 Хабибулла Второй 387, 395, 540
 Хабибулла Калакани 388, 395
 хадж 12, 173, 316
 Хаджи Нияз 322, 330, 336, 541
 Хаджи Юсупов 153
 Хаджибаев 449
 Хазараждат 346
 Хазарбаг 429, 433
 Хазрати Имам 405
 Хазрати Султан 225
 Хаит 496, 502, 507, 543
 Хайдар Усманов 250
 Хакимов 198
 халат 29, 141, 245
 Халбай Паша 234
 Халили 25, 229, 387, 388, 389, 395, 396, 403, 406, 419, 556
 халиф 14, 398
 Халифа Кызыл Аяк 403, 424, 425, 462, 504
 Халходжа 142
 Хамадони 139
 Хамадонийский район 62, 172, 442
 Хамбетали 448
 Хами 279, 297, 299, 315, 316, 317, 323, 328, 329, 330, 540
 Хамиаб 251
 Хамидулла 405
 Хамракул 393
 Хан Ишан 378
 Ханабад 172, 227, 344, 360, 380, 400, 405, 414, 420, 421, 422, 431, 434
 Ханза 462
 Харбин 37, 270, 283, 305, 553, 554
 харизма 377, 397
 Хасан Эфенди 211
 Хасани 374
 Хасанов 110, 157, 210, 555
 Хатам Батор Вам 307
 Хатлон 451
 Хашим Хан 333, 399, 418, 425, 465, 468
 Хашим Шаик 193, 241, 381, 382, 453, 538, 539, 542
 Хашимхан 421, 443
 хашт нафар 392
 Хедин 316, 323, 324
 Хива 60, 66, 97, 134, 153, 161, 252, 289, 362
 Хивинское ханство 66, 156
 хиджра 12, 13, 14, 178, 251, 356, 471, 524
 хилват дар анджуман 378
 Хирманджой 238

хлопководство 454
 Ховак 228
 Ходжа Ахрар 374
 Ходжа Бул Булак 448, 451
 Ходжа Хисамудин 382
 ходжагон 374, 375
 Ходжаоглу 37, 508
 Ходжент 66, 254, 438, 452
 Ходжи Ахмад Хан 127
 Ходжи Рофёв 122
 Хоида 470
 Хомейни 252
 Хомидходжа Мехри 122
 Хопкирк 85, 555
 Хорасан 59, 60
 Хоргос 89
 Хорезм 251
 Хотан 280, 288, 317, 321, 329-333, 512
 хотанлык 326, 329-333
 Хуанхэ 299
 Худайберды 250
 Хуррамбек 185, 249
 Хуррият-е Эбедие 510
 Хусаинов 242, 484, 550
 Хусейн Нафиз 223
 Хусейнзаде 411
 Хэмфрис 54, 175, 227, 344, 364, 398, 404

Ц

Цветаев 410
 Цейлон 175
 Центральная Азия 19, 45, 48, 551
 Цзинь Шужень 315
 Цзо 85, 86, 88, 316, 535
 Цзо-Цзунтан 85
 Циндель 89
 Цинская династия 86, 87
 ЦРУ 505
 ЦСУ 362
 цыгане 68, 354

Ч

Чагана 224, 236
 Чакобай 180
 Чан Кайши 311, 313, 314, 315, 317, 319, 320, 328, 512, 513, 514, 516, 518, 539, 540
 Чан Пей-юань 334, 335
 Чаньшев 292, 293
 Чаньчунь 514
 чапан 245
 Чарджуй 78, 164, 207, 349
 Чашма Кудук 251
 Чаяб 63, 451
 Чемаков 361

Чен Ян-чин 325
 Чжан Цзучан 312
 Чжан Чжичжун 517
 Чжен Лунг 82
 чжен-шоу-ши 268, 275, 306
 Чин Шицин 324
 Чин Шужень 315, 316, 324, 325, 540, 541
 Чингиз Хан 73, 81, 86, 468, 469
 Читрал 61, 150, 172, 227, 235, 537
 Чичерин 205, 207, 219, 288
 Чокаев 32, 33, 34, 36, 105, 106, 108, 110, 113,
 115, 116, 117, 136, 204, 211, 242, 485,
 486, 488, 502, 541
 Чокай оглы 32, 487
 чоудар (джаудар) 65
 Чу Фен-лоу 325
 Чубек 63, 245, 437, 442, 443
 Чува Марка 443
 Чугучак 81, 89, 280, 283, 284, 287, 306, 324

Ш

Шабала 310
 Шабудин 239, 380
 Шаик 241, 381, 382, 453, 538, 539, 542
 шайх-ул-ислом 229
 Шакиров 157
 Шалински 23, 347, 348, 353, 451, 452, 453
 Шамсиддин Толиб 462
 Шанхай 300
 шанхой 281
 Шапкин 413, 414
 Шарасуме 89, 280, 307, 308, 323, 337
 Шаршар 189
 Шах Вали 398
 Шахвали Хан 418
 Шахмахмуд 398, 404, 418, 434
 Шахмахмуд Хан 418
 Шахмурад 416, 464
 Шахрани 22, 23, 24, 351, 358, 480
 Шахрисабз 164, 168, 193, 219
 Шейбани Хан 59, 74, 179, 374
 шейх 141, 378
 Шен Шикай 43, 320, 325, 326, 422, 512, 513,
 541
 Шер Джан 419
 Шерали Лапин 105, 109
 Шермухаммад 75, 344, 543
 Шиберган 60, 62, 77, 423, 434
 Шильников 303
 шинвари 389, 391, 392, 540
 Ширабад 222
 шовинизм 158, 211, 398, 456
 Шугнан 61, 62, 340

Шукрия 454, 470, 475
 Шур Базар 389, 395
 Шурабдара 238
 Шурманн 359
 Шурои исломия 105, 109, 110, 115
 Шухадои солихин 469
 Шэн Шицай 326-328

Э

Эварт 235, 241
 Эмель 272, 283, 301, 305, 306
 эмигрантский фактор 419
 эмиграция 10, 12, 14, 19, 29, 30, 35, 260, 266,
 277, 301, 310, 345, 348, 350, 351, 352,
 361, 362, 366, 394, 452, 479, 483, 487,
 536, 549, 551
 Эмине Неджие Султан 199, 510
 Эмир Абдулла 332
 Энвер Паша 18, 55, 199, 203, 207, 210, 211,
 215, 216, 218, 224, 233, 235, 510, 535,
 537, 538, 539
 эрсари 65, 348-349
 Эссергон 54, 130, 132, 144, 230, 277
 Эшон Токсабо 448
 Эшоноим 463

Ю

Ю ю жи ю 327
 Юзбай Аксакал 448
 юзы 74, 179
 Юлбарс Хан 328
 Юнань 87

Я

Якуббек 61, 85, 316, 335, 387
 Якуби Чархи 139
 Якубов 153
 Якубхан 422, 424
 Ян 87, 88, 89, 268, 275, 278, 279, 280, 286,
 290, 295, 298, 306, 315, 321, 325, 510,
 536, 540
 Ян Фуй-сянь 268
 Ян Цзен-синь 87, 88, 278, 279, 290, 298
 Янги Гиссар 331, 333
 Янги Кала 63, 433
 Янги-Базар 443
 Яп 223
 Япония 212, 304, 320, 516
 Яркенд 279, 317, 331, 332, 333, 541
 Ясин 479
 Ятчenea 310
 Яхья Афзали 250
 Яш Туркестан 32, 487, 555

Абдуллаев К. Н.
ОТ СИНЬЦЗЯНЯ ДО ХОРАСАНА
Из истории среднеазиатской эмиграции XX века

Художественный редактор Далер Маннонов
Технический редактор Юнусхон Бузургхонов
ИБ № 3636

Сдано в набор 28.06.2009 Подписано к печати 25.08.2009

Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Условных печатных листов 24, 65 Уч. печатных листов 26,35. Тираж 500.

Заказ № 356, Издательское предприятие «Ирфон» Министерства культуры
Республики Таджикистан, 734018, г. Душанбе, ул. Карабаева, 17.

ISBN 978-99947-55-55-4